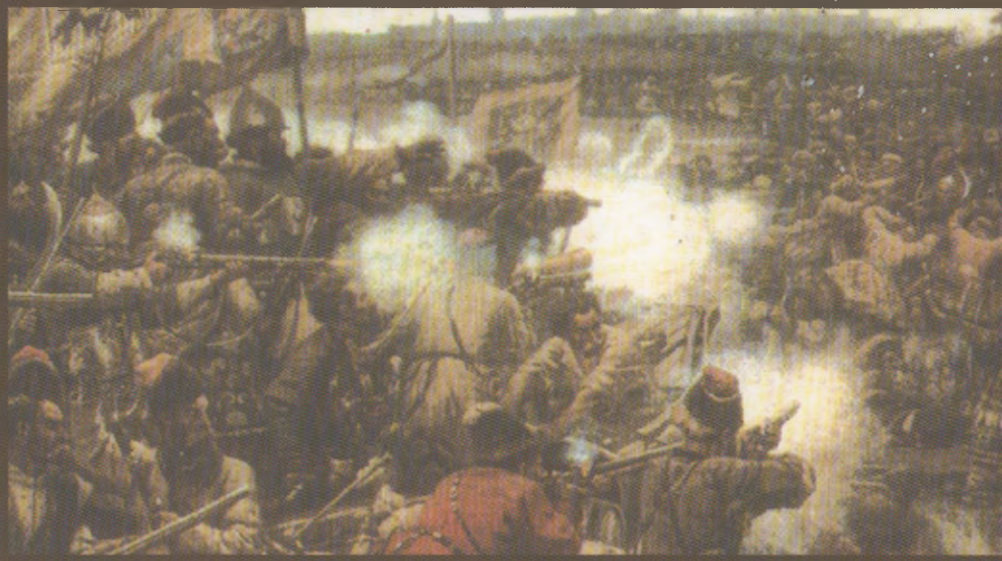
Габдельбар Файзрахманов

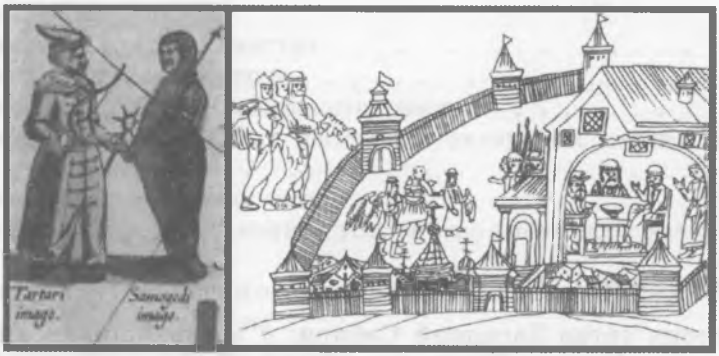
История татар Западной Сибири



Габдельбар
Файзрахманов

История татар Западной Сибири

(с древнейших времен до начала XX века)



КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2007

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2 Рос=Тат)
Ф17

Файзрахманов Г.Л.

Ф17 История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 431 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-298-01536-3

На основе многочисленных источников, богатого историографического материала кратко изложены сложные вехи истории древнетюркских племен и созданных ими государств: Хуннского каганата, Великого Тюркского каганата, Уйгурского каганата, Кимакского каганата и Государства енисейских кыргызов, являющихся предшественниками более поздних этнополитических образований сибирских татар.

На базе большого исторического материала рассмотрена история тюрко-татарских государств Западной Сибири: Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств. Изложены предпосылки и последствия завоевания Сибирского ханства в конце XVI в. Русским государством. Освещены важнейшие аспекты материальной, культурной и общественной жизни сибирских татар в составе Российского государства. Рассмотрены сложные проблемы их этногенеза. Впервые в историографии осуществлен комплексный анализ конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири.

Автор рассматривает историю сибирских татар как часть истории татарского народа в целом.

ISBN 978-5-298-01536-3

© Татарское книжное издательство, 2007
© Файзрахманов Г.Л., 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава I. Источники и историография 13

Глава II. Древние тюрки в Сибири 61
§ 1. Заселение Западной Сибири тюрками 61
§ 2. Хунны 71
§ 3. Великий Тюркский каганат 82
§ 4. Уйгурский, Кимакский и Кыргызский каганаты 90

Глава III. Первые тюрко-татарские государства Западной Сибири 110
§ 1. Государственное образование на Ишиме 110
§ 2. Тюменское ханство 112
§ 3. Шибаниды на сибирском престоле 117

Глава IV. Сибирское ханство 126
§ 1. Образование Сибирского ханства 126
§ 2. Кучум на сибирском престоле 131
§ 3. Территория и население Сибирского ханства 135
§ 4. Материальная жизнь и быт населения татарских ханств Западной Сибири 140
§ 5. Духовная жизнь сибирских татар 145
§ 6. Общественное и государственное устройство сибирских татар 152

Глава V. Завоевание Сибирского ханства Русским государством 157
§ 1. Колонизация русскими югры 157
§ 2. Проникновение русских в Сибирь 160
§ 3. Строгановы и создание военно-экономической базы для завоевания Сибири 163
§ 4. Поход Ермака 168
§ 5. Сражение на Потчевашском мысу. Поражение Кучума 172
§ 6. Походы московских войск в Сибирь 177
§ 7. Борьба сыновей и внуков Кучума против русских завоевателей 183
§ 8. Дальнейшая судьба наследников Кучума 185

Глава VI. Расселение сибирских татар. Колонизация Сибири 188
§ 1. Расселение сибирских татар 188
§ 2. Колонизация Сибири 211
Глава VII. Социальное положение сибирских татар в составе Российского государства 233
§ 1. Этносословные группы татарского населения Западной Сибири и динамика их развития 233

§ 2. Антиколониальные выступления сибирских татар 269

Глава VIII. Хозяйственная жизнь сибирских татар 286
§ 1. Земледелие 287
§ 2. Скотоводство 305
§ 3. Промыслово-торговая деятельность и быт сибирских татар 312

Глава IX. Культура сибирских татар 340
§ 1. Традиционная культура сибирских татар 340
§ 2. Религия 350
§ 3. Литература, наука, просвещение 372

Заключение 389
Список источников и литературы 397
Список сокращений 429

Посвящаю памяти
моей любимой жены
Альфинур Баймуратовны

ВВЕДЕНИЕ

История татарского народа, в том числе история сибирских татар, даже в недавнем прошлом преподносилась порой в искаженном виде. Так, некоторые исследователи утверждали, что тюркское население появилось в Западной Сибири в результате монгольского нашествия в XIII в.[1]. Однако исторические источники и исследования ученых подтверждают длительный путь становления и развития материальной и духовной культуры сибирских татар еще до прихода монголов. Они строили города, накопили опыт государственных образований и связей с другими народами и странами.

Результаты исследований археологов последних десятилетий показывают возможность обитания тюркских племен среди многокомпонентного населения саргатской культуры, просуществовавшей в Среднем Притоболье с VI–V вв. до н.э. по IV–V вв. н.э. В 55 г. до н.э., 93 г. и 155 г. н.э. в Притоболье и Прииртышье проникали хунны и другие древние тюрки. Все эти факты позволяют сделать вывод, что тюрки являются древними автохтонными жителями Западной Сибири.

По мнению З.Я.Бояршиновой, В.А.Могильникова, В.А.Дремова, интенсивное продвижение тюрков в лесостепные районы Западной Сибири началось в период Тюркского каганата. В VI в. они начинают осваивать Верхнее Приобье, в VII–VIII вв. проникают далеко на север, вплоть до устья Чулыма, а в IX–X вв. продолжают осваивать лесные районы Притомья и Приобья.

Г.Х.Ахатов пришел к выводу, что язык западносибирских татар древнее языка орхоно-енисейских памятников и относится к числу древнейших тюркских языков[2].

Один из первых историков Сибири Г.Ф.Миллер отмечал: «Главнейшим народом Сибири являются татары, которые живут в южных местностях по рекам Тоболу, Иртышу, Оби, Томи, Енисею и лежащих между ними степях.

---

[1] Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 1. — Иркутск, 1920. — С. 218.

[2] Цит. по: Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. — С. 15.

Хотя история татарского народа относит начало его к таким далеким временам, какими не может похвалиться ни один из европейских народов, но нужно признать, что древнейшие события его основываются на недостоверных и баснословных рассказах, ходивших в народе...»[1].

Так было в середине XVIII в., когда Г.Ф.Миллер изучал историю сибирских татар. Если задаться вопросом: насколько изменилось положение с исследованием этой проблематики, то достаточно красноречивый ответ на него дан в одном из современных изданий «Сибирские татары — кто они?» Эта группа является одной из малоизученных среди населения Тюменской области. Сведения о западносибирских татарах разбросаны по отдельным статьям, монографиям общего характера, справочным изданиям[2].

Обоснованность этого заявления подтверждает и авторитетный ученый Н.А.Томилов, посвятивший многие годы жизни изучению этнической истории сибирских татар: «Надо сказать, что в дореволюционной, а до 1960 г. и в советской этнографической литературе сибирским татарам, бухарцам, чулымским тюркам, казахам и башкирам Западной Сибири особенно «не везло»... Специальным изучением этногенеза и в целом этнических процессов у тюркского населения Западной Сибири до революции никто не занимался»[3].

Исследований, содержащих какие-либо сведения о сибирских татарах, немало. Характеристика исторической литературы по данной проблематике будет дана в первой главе книги. Но о сибирских татарах писали в основном при освещении проблем истории русского народа, можно сказать, мимоходом, поэтому многие конкретные исторические сюжеты, вплоть до сегодняшнего дня, остались неисследованными. Кроме того, обращение к истории сибирских татар зачастую страдает заметной тенденциозностью. Свою роль в этом в советское время, безусловно, сыграло и известное Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации». Хотя сибирские татары в нем и не упоминались, но общее табу на изучение истории татарских государств повлияло и на сужение исследовательской проблематики в этой области.

Историю татарского народа невозможно изучать в отрыве от общей тюркской истории. Кроме того, следует учитывать, что в процессе исторического развития тюркские народы контактировали со многими соседями. В мире нет этнически однородного народа, который сложился бы из одного этнического компонента. Западная Сибирь с древнейших времен была зоной контакта разных цивилизаций. Процесс образования татарского этноса происходил на огромной территории от Оки до Оби, от низовьев Волги до Яика, на которой проживали различные народы. В разные исторические периоды народы менялись, оказывали влияние друг на друга. Несомненно, на этногенез татар повлияли многие тюркские и некоторые нетюркские народы, что нашло отражение во внешнем облике, диалектах, способах хозяйствования и формах быта разных этнографических групп татар. Поэтому невозможно говорить о совершенной этнической чистоте сибирских татар. Изменились историчес-

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 1. — С. 169.
[2] Сибирские татары: библиографический указатель. — Тюмень, 1991. — С. 3.
[3] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 5.

кие условия, но процесс развития народа никогда не прерывался. Эти особенности не помешали сложению их обычаев и нравов, литературного языка, культурных традиций, единого психологического уклада.

В общей семье древних и средневековых тюрков татарский народ и его предки прошли длительный и сложный путь. Разнообразные исторические источники свидетельствуют о том, что предки современных тюркских народов, в том числе татарского народа, еще до нашей эры создали свою государственность. Ранние государственные образования, объединившие многие тюркоязычные племена, получили международное признание. По-разному назывались их государства — Хунну, Великий Тюркский каганат, Уйгурский каганат, Кыргызский каганат, Кимакский каганат, Хазарский каганат, Великая Болгария и т.д. Названные древнетюркские государства являются историческим достоянием всех тюркских народов. Самый поздний из древнетюркских государств — Кимакский каганат, основное население которого составляли кимаки и кыпчаки, был расположен в Прииртышье, на сопредельной территории расселения предков сибирских татар.

Древние тюркские государства создавали более организованные или, если использовать терминологию Л.Н.Гумилева, более пассионарные тюркские племена, однако в каждом из них жили многочисленные тюркские народы. Иногда с падением государства исчезала и этническая группа — создатель государства. Так, после распада Великого Тюркского каганата исчезли тюркюты, после гибели Кимакского каганата с исторической арены ушли кимаки. Им на смену приходили другие племена, другие народы и создавали свое государство. Шли глубинные процессы этногенеза и образования новых этносов[1].

Современное расселение сибирских татар на огромной территории Западной Сибири, татар Поволжья и Приуралья в Восточной Европе — результат многовековых этногенетических и миграционных процессов. Предки сибирских татар и татар Поволжья и Приуралья были неразрывно связаны между собой. Огромный регион от Волги до Урала и междуречья Иртыша и Оби с их многочисленными притоками был территорией скрещивания торговых путей и многих цивилизаций, повлиявших на хозяйственную и духовную жизнь татарского народа и его предков.

Миграционные процессы в среде тюрков на протяжении древней и средневековой истории не всегда проходили гладко. После установления мирных отношений с древним местным населением и, особенно, после образования политических объединений были частично ассимилированы предками татар соседние угро-финны Восточной Европы и угорские и самодийские племена Западной Сибири.

Были ли какие-либо зачатки государственности у именьковских племен Нижнего Прикамья, об этом археологи пока молчат, но, как известно, в X в. на Средней Волге возникло Булгарское государство. Первое государственное образование предков сибирских татар появилось в конце XI — начале XII в. на реке Ишим после падения Кимакского каганата и, как одно из первых средневековых тюркских государств, оно приняло их историческую эстафету. Источники не сохранили его название, и условно его можно именовать

---

[1] Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань: Мастер Лайн, 2000. — С. 176.

Ишимским татарским государством[1]. В 20-е годы XIII в. Тайбуга основал второе татарское государство в Западной Сибири — в исторической литературе оно называется Тюменским ханством. Тюменское ханство фактически возникло как продолжение Ишимского государства.

Сибирское ханство — третье по счету татарское государство в Западной Сибири. Оно не основано Чингизидами, как утверждали некоторые историки, а образовано представителем той же тайбугинской династии сибирских правителей Махметом (Мухаммедом). Таким образом, первое тюрко-татарское государство Западной Сибири основано предками сибирских татар задолго до походов монголов в Сибирь и Восточную Европу.

После создания Золотой Орды Западная Сибирь формально была включена в состав Джучидского улуса. Но борьба за власть в Улусе Джучи и другие внешние и внутренние причины, отдаленность, крупные водные преграды, болота и леса не позволяли ордынским правителям реально вмешиваться в дела Тюменского и Сибирского ханств.

Поскольку последний правитель Сибирского ханства Шибанид Кучум был Чингизидом, официальная российская государственная идеология назвала Сибирское ханство «осколком Золотой Орды»; впоследствии таким считалось и Тюменское ханство. Все правители татарских ханств считались Чингизидами. Эту идею без особого разбора приняли русские историки, затем и советская историческая наука.

Исторические факты опровергают это мнение. Государственное образование сибирских татар появилось в результате экономического, духовного и общественного развития татар Западной Сибири. Оно основано не пришельцами извне, а предками самих сибирских татар. Значительную роль в образовании татарского государства на Ишиме, по-видимому, играла большая миграция кимаков и кыпчаков в Приишимье и Прииртышье после падения Кимакского каганата.

Ликвидация татарского государства Западной Сибири и последующая миграция русского населения в среду сибирских татар переломили судьбу и в какой-то степени изменили их жизнь. Русское заселение Западной Сибири рассматривается в данной работе как процесс, протекавший на территории сибирских татар и других коренных народов Сибири. Сибирские татары, расселенные чересполосно с русскими, приобрели статус инородцев, как и многие другие нерусские народы, проживавшие в многонациональном Российском государстве.

Однако в условиях отсутствия государственности, своего имущего класса, национальной интеллигенции, этнических и национальных прав сибирские татары сохранили и развивали свое традиционное хозяйство, духовную культуру и религию, общественные институты в лице сельской и волостной общины. Безусловно, на протяжении исследуемого периода между русскими и татарами случались конфликты, возникали противоречия, но жизнь преподносила тем и другим уроки межэтнического общения и взаимопонимания. Так формировались порядки совместного проживания татар, русских и других народов Сибири в составе многонационального государства. Сравнительно-

---

[1] Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). — Казань: Фэн, 2002. — С. 117.

историческое изучение сибирских татар, бухарцев, пришлых поволжско-приуральских татар и русского населения дает возможность выявить факторы, способствовавшие взаимовлиянию этих народов.

Объектом исследования являются сибирские татары со всеми этнографическими группами, проживающие на своей этнической территории, — в административных границах бывших Тобольской и Томской губерний. В исследуемый период они были расселены в средней и южной частях Западной Сибири от Урала и почти до Енисея. В наши дни регион их расселения остался почти таким же. По существующему в настоящее время административному делению они расселены в основном в сельских населенных пунктах и городах четырех областей Российской Федерации — Тюменской, Омской, Томской и Новосибирской. Небольшая группа сибирских татар — калмаки — проживают в Кемеровской области, в Красноярском крае проживает незначительная группа чулымских татар.

Появившиеся в последние десятилетия исследования позволяют признать, что основное ядро сибирских татар составляли автохтонные тюркские племена, проживавшие в Западной Сибири еще до нашей эры в составе носителей полиэтничной саргатской археологической культуры, просуществовавшей почти во всей западносибирской лесостепи с VI–V вв. до н.э. по IV–V вв. н.э.

С IV в. до н.э. по II в. н.э. Западная Сибирь попала в ареал культуры и миграции тюркоязычных хуннов, динлинов и гяньгуней. Начиная с VI в. н.э. по XI в. н.э. западносибирская лесостепь была в орбите влияния Великого Тюркского, Уйгурского, Кыргызского и Кимакского каганатов, в этот период в Приишимье, Прииртышье, Притоболье и Приобье интенсивно проникали с юга тюркские племена. Автохтонные тюрки и тюрки, пришедшие в западносибирскую лесостепь в различное время и из разных регионов Центральной Азии и Алтая, вначале носили названия своих племенных групп, а с конца XIV в. их стали называть собирательным именем татары, сибирские татары. Возможно, в указанный период в Западную Сибирь пришли и этнические группы, которых китайские источники IX в. называют «татары».

В новейшее время историческая наука ориентирована на исследование не столько объектов, сколько взаимодействия и взаимовлияния человека и природы, людей друг с другом, поэтому в работе акцентируется внимание на сравнительно-историческое изучение разных этнографических групп сибирских татар.

Западная Сибирь входит в территорию формирования древнейших культур человечества. По сибирским рекам Обского бассейна и степям проходили древние и средневековые торговые пути, здесь контактировали мировые цивилизации. В этом огромном регионе возникла сибирская татарская цивилизация, которая является субкультурой татарской и в то же время российской (и ее части — сибирской) цивилизаций. Сибирские татары — единственный народ Западной Сибири, имевший свою государственность в период завоевания Сибири Российским государством. Образование государства служит доказательством достижения определенного уровня материальной, духовной и социально-политической культуры. Изучение вклада сибирских татар в общую татарскую, сибирскую и российскую цивилизацию имеет, несомненно, теоретическое и практическое значение.

Актуальность исследования определяется прежде всего нижеследующими обстоятельствами:

— отсутствие обобщающих трудов, посвященных комплексному, системному изучению этногенеза, материальной, культурной и общественной жизни сибирских татар в составе Российского государства; избранная тема не была предметом специального изучения;

— неравномерность исследования вопросов истории сибирских татар, односторонность изложения; необоснованность и тенденциозность многих утверждений, существующих в историографии; поверхностность осмысления исследуемых исторических процессов;

— необходимость изучения роли пришлых поволжско-приуральских татар в этногенезе, хозяйственной и духовной жизни сибирских татар;

— необходимость продолжить теоретические и методические разработки прежде всего в плане изучения этнических, демографических, хозяйственных, культурных процессов и их роли в консолидации различных этнографических групп сибирских татар;

— возможность применения полученных результатов исследования при написании истории татарского народа.

Существуют также и другие обстоятельства, служащие обоснованию актуальности исследования. Отечественная историография всегда уделяла большое внимание процессу образования многонационального централизованного Российского государства. Издано немало работ, посвященных в основном изучению этнической истории сибирских татар. Имеются исследования, касающиеся тех или иных аспектов хозяйственной и культурной жизни их отдельных групп. Однако исследователи зачастую рассматривали эту проблему слишком предвзято и субъективно, различные аспекты истории завоеванных и присоединенных земель и сферы жизнедеятельности населявших эти территории племен и народов по-настоящему еще не стали предметом научного исследования. Демократические преобразования в стране, начатые в конце 1980-х годов, крушение тоталитарной коммунистической идеологии и связанный с этим подъем национального самосознания усилили интерес народа к своей подлинной истории. В последние годы, в связи с интеграцией национальных культур, ростом числа межэтнических браков и увеличением количества многонациональных трудовых и творческих коллективов возрос интерес и к истории, культуре соседних, сопредельных народов.

В процессе демократизации российского общества много говорилось и говорится о национальной идее, способной объединить россиян и обеспечить гражданское согласие в Российской Федерации. Поэтому исследование многих проблем истории России тесно связано с изучением истории народов, населяющих Российскую Федерацию, и стран СНГ, позволяющей понять особенности современных исторических процессов.

Актуальность углубления наших знаний по истории народов России определяется, с одной стороны, тем, что они важны для патриотического и интернационального воспитания всего общества, с другой — тем, что эти знания играют большую роль в борьбе с отдельными явлениями шовинизма и национализма, с попытками искажения истории нашей страны.

Особую актуальность приобретают поиск оптимальной модели взаимодействия центральных и местных органов власти, возрождение традиций самоуп-

равления в обществе. В этой связи представляется полезным обратиться к опыту общинной организации у разных народов России и использовать его в современной практике самоуправления.

Данная работа представляет собой комплексное и системное исследование истории сибирских татар за большой отрезок времени — с XVII в. до начала XX в.

Предметом исследования является материальная, культурная и общественная жизнь сибирских татар. Определяется значение традиционных занятий в жизни сибирских татар — охоты, рыболовства, собирательства в разные исторические периоды. Изучено развитие пашенного земледелия, домашнего скотоводства, ремесел и домашних промыслов сибирских татар. В главе, посвященной культурной жизни сибирских татар, анализируются различные аспекты развития духовного наследия, литературная жизнь, просветительская, научная деятельность видных представителей этой группы татар. Территория проживания сибирских татар является самым северным регионом распространения ислама. В связи с этим рассматриваются роль ислама в духовной жизни сибирских татар, попытки русификации татар путем христианизации. В исследовании показана роль бухарцев, поволжско-приуральских татар и русского населения в развитии материальной и духовной жизни татар Западной Сибири.

Описана местная этническая среда, в которую вливалось пришлое русское население. Изучая сложные социально-экономические и духовные процессы XVII — начала XX вв., автор стремился рассматривать их как можно более разносторонне и широко. В исследованиях дореволюционных и советских историков первостепенное внимание уделялось заселению Сибири русскими и хозяйственному освоению этой территории. Такая определенная направленность ограничивала возможности изучения жизни коренных народов. Во многих работах доминирует односторонняя оценка хозяйственной и духовной жизни сибирских татар.

Жизнь сибирских татар представлена во всей сложности и противоречивости. Российское правительство воспринимало их как народ покоренный. По отношению к ним, как и к другим нерусским народам, формировалась своеобразная национально-государственная политика. Причем политика эта со временем просто не могла не меняться. Менялось и отношение народа к властям: в определенные моменты народ проявлял свое недовольство и протестовал, в какой-то ситуации люди искали у властей защиты, обращались к волостному старшине и уездному воеводе, направляли ходоков с челобитной в разные инстанции, вплоть до самого царя.

Целью настоящего исследования является системное, комплексное изучение и освещение всех важнейших аспектов материальной и культурной жизни сибирских татар с древнейших времен до начала XX в.

Задачи исследования:

— выявить, изучить и проанализировать источники; изучить процесс развития историографии по исследуемой теме, выделить ее основные направления, проследить преемственность, связь исторических изысканий с хозяйственной, культурной и общественной жизнью сибирских татар;

— исследовать заселение Западной Сибири тюрками и становление татарских государств Западной Сибири;

— охарактеризовать расселение и демографические процессы среди сибирских татар в исследуемый период; контакты и процессы консолидации различных этнографических групп сибирских татар, бухарцев и пришлых татар Поволжья и Приуралья;

— проанализировать процессы колонизации и освоения Западной Сибири русскими и организацию управления Сибирью;

— представить социальное положение различных сословий татарского населения данного региона;

— исследовать хозяйственную жизнь и быт сибирских татар в составе Российского государства;

— изучить культурную жизнь сибирских татар.

Глава I

Источники и историография

Источниковую базу исследования составляет комплекс источников различных типов: письменные, опубликованные справочные издания, вещественные (в основном археологические), фольклорные и лингвистические.

Письменные источники представлены несколькими видами источников: законодательные, делопроизводственные акты, нарративные (повествовательные), учетно-статистические источники, материалы периодической печати, историко-географические сочинения русских и иностранных авторов.

Значительное количество сведений извлечено автором из *законодательных актов, изданных в* сборнике «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ). В этом многотомном сборнике, опубликованном в трех изданиях, сосредоточены важнейшие законодательные акты Российской империи с 1649 по 1913 гг.[1].

Автором были использованы 2, 4, 10, 11, 12, 14, 19, 22, 38-й том первого издания, 2-й, 4-й том второго издания и 19-й том третьего издания ПСЗ. Со второго тома первого издания использован царский указ об оставлении только одной половины поместий, вотчин некрещеным татарским мурзам, об изъятии второй половины казне. Из царских указов, распоряжений и других законодательных актов, опубликованных в 4-м томе, извлечена информация об изменениях в управлении Сибирью, в частности образовании указом Петра I в 1708 г. Сибирской губернии с центром в г. Тобольске.

Из законодательных актов, помещенных во втором томе второго издания ПСЗ, извлечена информация о насильственном переселении мусульман Тобольска в 1745 г. и о разрушении мечетей в Западной Сибири в 1747 г. по распоряжению архимандрита тобольской епархии Гловатского. В царском указе от 8 октября 1747 г., опубликованном в 12-м томе ПСЗ, содержится значительная информация об эволюции в отношении царского правительст-

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — 1-е изд. — СПб., 1830. Документы с 1649 по 12 декабря 1825 г.; 2-е изд. — документы с 1830 по 28 февраля 1881 г.; 3-е изд. — с 1 марта 1881 г. по 1913 г.

ва к исламу. В законодательных актах 19-го тома 3-го издания ПСЗ содержатся сведения об аграрных реформах 60-х гг. XIX в. Значительные сведения о правовом и экономическом положении сибирских татар извлечены из опубликованного в 38-м томе высочайше утвержденного 8 июля 1822 г. «Устава об управлении инородцев», составленного при участии М.М.Сперанского. Данный устав подразделял нерусские народы Сибири («инородцев») на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Сибирские татары были отнесены к «оседлым» и в правовом отношении приравнивались к русским тягловым сословиям — мещанам и государственным крестьянам[1].

Автором использованы первый и второй тома Актов исторических (АИ), собранных и изданных Археографической комиссией. Большой источниковедческий интерес представляют документальные материалы этого важного сборника источников, в которых содержатся документы по экономической, политической, дипломатической и военной истории, а также по истории русской православной церкви, в том числе ряд документов о колонизации Сибири в конце XVI–XVII вв.[2]. Автором использованы ценные сведения о мерах, предпринятых ханом Ибаком по установлению дипломатических и торговых отношений между Тюменским ханством и Московским великим княжеством, о роковом поражении Кучума в 1598 г., о мероприятиях московского правительства по решению хлебной проблемы в Сибири, об условиях переселения в Сибирь крестьян из Европейской России. Во втором томе АИ содержится сообщение тарского воеводы об уходе Кучума в 1598 г. на Обь, где были его хлебные посевы. Из АИ автором извлечена документальная информация об обязанностях служилых татар, о чулымских и чатских татарах, также о начале христианизации татар и других народов Западной Сибири в 1603 г.

Из восьмого тома «Дополнений к актам историческим, собранных и изданных Археографической комиссией», автором почерпнуты сведения об обязанностях служилых татар[3]. Из второго тома сборника документальных источников и литературных памятников под названием «Русская историческая библиотека»(РИБ), издававшегося Археографической комиссией, использованы сведения о татарах, обязанных работать на государевой пашне, жалобы татар о бедствиях, насилии и издевательствах со стороны властей. В восьмом томе того же сборника сосредоточены документы о сложении сословия служилых сибирских татар и о выступлениях барабинских татар в 1629 г. против русских казаков[4]. Из томов РИБ извлечены представляющие научный интерес факты из отрывков писцовых книг и летописей, почерпнуты сведения о чатских татарах, о земельных отношениях между татарами и местными властями. Использованы также некоторые материалы «Сборников Русского исторического общества» (Сб. РИО), содержащие сведения по исследуемой теме[5].

---

[1] ПСЗ-I. — Т. XXXVIII. — СПб., 1830. — № 29126.

[2] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб. Т. I–V. 1841–1843. Т. 1 охватывает 1334–1598 гг., т. 2 — 1598–1613 гг., т. 3 — 1613–1645 гг., т. 4 — 1645–1676 гг., т. 5 — 1676–1700 гг.

[3] Дополнения к актам историческим. Т. I–XII. — СПб., 1846–1875. Источниковедение: Теория, история, метод.

[4] Русская историческая библиотека (РИБ). Т. I–VII. — СПб., 1872–1874.

[5] Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41.

Законодательные источники имеют особую достоверность. Однако источники данного вида могут воссоздать картину общества в тот или иной период только в совокупности с актовыми, статистическими и другими видами источников. Автору приходилось учесть, что в феодальном обществе человек с официальным законодательством сталкивается нечасто. К тому же еще из-за отсутствия контролирующих органов до середины XVII в. многие законы в России не исполнялись[1]. Повседневные отношения средневекового человека с окружающими в основном регулировались нормами обычного права, сибирские татары также не были исключением. Роль традиции — обычного права у них была особенно велика. Поэтому законодательные источники могут дать правдивую информацию лишь в сравнении с другими источниками. Сибирские татары вынуждены были обращаться к законодательству в связи с присоединением Сибири к Российскому государству, особенно по вопросам исполнения своих земельных прав и фискальных обязанностей.

Использованные автором делопроизводственные акты содержат распорядительную документацию кабинета Петра I, Сената и его учреждений, Кабинета Екатерины II, Кабинета министров, Департамента полиции, Департамента гражданских и духовных дел, Государственного совета, Земского отдела Министерства внутренних дел, Сибирского приказа. Из этого вида источников привлечены документы Тобольской, Томской губернской и Омской областной канцелярий, также распорядительные документы их низовых учреждений.

Автором использованы документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в том числе фонды Сибирского приказа (фонд 214). Составленное Н.Н.Оглоблиным (1852–?) в конце XIX — начале XX в. обстоятельное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (1592–1768), в котором систематизированы и классифицированы архивные документы Приказа Казанского дворца, Сибирского приказа и приказных (воеводских) изб городов Сибири, освобождает от необходимости давать анализ всех использованных документов фонда архива. Этот уникальный труд до сих пор служит главным справочником по источникам, сосредоточенным в РГАДА. В нем сохранилось большое количество самых разнообразных по содержанию дел, отражающих самые важные стороны практической деятельности русского и коренного населения. Этот труд Н.Н.Оглоблина хранится в фонде 214 РГАДА[2]. Окончательный состав документов, включенных в «Обозрение», состоит из 1644 книг, 1520 столбцов и 164 «разбитых» столбцов. Документы, включенные в обозрение, подразделяются на 4 группы: документы воеводского управления, документы таможенного управления, документы по сношениям местного управления, документы Центрального управления, то есть Сибирского приказа.

Н.Н.Оглоблин, работая над архивными источниками и изучая жизнь русских и нерусских народов Сибири, создавал и другие труды по сибирской истории, о народных волнениях и жизни аборигенов[3]. Автором привлечены также

---

[1] Источники Российской истории. Учебное пособие для гуманитарных специальностей. — М.: Российский гуманитарный университет, 2000. — С. 223.

[2] Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Т. I–IV. — М. , 1895–1902.

[3] Оглоблин Н.Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. К биографии С.Ремезова // Библиограф. — 1892. — № 10. — С. 334–335.

фонды Верхотурского уездного суда (ВУС), Сибирского приказа и управления Сибирью (фонд 24), «портфели» Миллера (фонд 199), татарские дела (фонд 131), сибирские дела (фонд 130). Документы этих фондов дали ценные сведения для исследования проблемы расселения и демографии сибирских татар. Из фонда Департамента Сената (фонд 248) извлечены материалы о служилых татарах, о борьбе народов Сибири за независимость. В фонде «Портфели Миллера» (ф. 199) сосредоточен большой материал о количестве русских крестьян в Западной Сибири в начале XVIII в., сведения о сборе ясака и др.

Ценным источником для изучения заселения Западной Сибири являются писцовые (дозорные) книги, дающие конкретные сведения о численности и размещении населенных пунктов, о социальном составе, об имущественном положении населения. Так, например, такие сведения содержатся в дозорных книгах 3 и 1207 Тобольского уезда 1623–1624 гг. и в дозорной книге 5 Тарского уезда 1624 г. Для характеристики татарского населения Западной Сибири автор обращался к многочисленным ясачным книгам, в которых ежегодно фиксировались по волостям поступления ясака в казну.

Интересные сведения дает переписка царских канцелярий с воеводами и таможенными головами по вопросам управления Сибирью, колонизации Сибири, о служилых, торговых, промышленных и посадских людях.

Автором привлечены также фонды Российского исторического архива (РГИА), в частности содержащие сведения по истории сибирских татар периода развития капитализма. Некоторые материалы извлечены из фонда № 21 Архива АН СССР (Фонд Г.Ф.Миллера). Отдельные документы о деятельности сибирских областников (фонд 169) и Тобольского татарского казачьего конного полка (фонд 1), документы по борьбе сибирских татар и других коренных народов за независимость и некоторые другие документы были извлечены из фондов Российского военно-исторического архива (РГВИА). Автор пользовался сведениями фонда 102 ГАРФ, в котором были отложены документы о борьбе барабинских крестьян против непосильных фискальных повинностей.

Документальные материалы, касающиеся татар Западной Сибири, рассредоточены в различных архивах этого региона, но многие значительные документы находятся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) и его филиале в Тобольске (ГАТОТ).

Формирование Тюменского губернского архива началось в 1922 г. в связи с переименованием в 1918 г. Тобольской губернии в Тюменскую. В 1924 г., в связи с районированием Сибири и Урала и образованием Уральской и Омской областей, Тюменское архивное управление было реорганизовано в Тюменское окружное архивное бюро. Окружные бюро были созданы также в Тобольске и Ишиме. После ликвидации округов Тюменский, Тобольский и Ишимский архивы были подчинены Омскому областному архиву и стали филиалами Омского архива. В 1935 г. почти вся территория бывшей Тобольской губернии вошла в состав Омской области. В 1944 г. образуется Тюменская область и создается Тюменский областной архив с филиалами в Тобольске и Ишиме. В процессе этих преобразований архивные документы, безусловно, пострадали, часть их была безвозвратно утеряна.

В дореволюционных фондах Государственного архива Тюменской области хранятся документы по истории Среднего Зауралья (бывшей Тобольской гу-

бернии), Нижней Оби и Западной Сибири более чем за три столетия — с 1604 г. по 1917 г. Наиболее ранние документы относятся к периоду существования Тюменской приказной избы, Тюменской воеводской канцелярии, Тюменского уездного земского суда, таможни, яма, канцелярии судных дел, нижней расправы и других учреждений XVI–XVIII вв.

Автором использованы материалы Тюменской приказной избы, Тюменской воеводской канцелярии о сборе ясака с татарского населения, крещении «инородцев», продаже в холопство пленных башкир, калмыков, кыргызов. Привлечены также материалы по истории колонизации земель бывшего Сибирского ханства, сведения о материальном и духовном состоянии татарского населения, сибирских бухарцев и русских переселенцев. В делах фонда накоплено значительное количество материалов о сословном статусе, земельных владениях татар, челобитные татар об изъятии их земельных владений, документы «о хлебном вопросе в Сибири», взаимоотношениях русских и татар.

В фонде ясачного старшины Тюменской округи, выборного лица от ясачных татар, сосредоточены указы Тюменского земского суда о причислении ясачных татар к государственным крестьянам, ревизская сказка Калымской татарской ясачной волости 1816 г., ревизская сказка по г. Тюмени о новокрещеных ясачных татарах, приговоры общих собраний ясачных татар.

В фондах «инородческих» управ Тобольской губернии, созданных на основании «Устава об управлении инородцев» в 1822 г. в связи с реформой административного управления, использованы документы о движении, местах проживания «инородцев», регистрации ссыльных.

Накоплен довольно значительный документальный материал о повседневной материальной и духовной жизни татарского населения, о занятии земледелием, скотоводством, неземледельческими промыслами в фондах «инородческих» волостных правлений. Отметим, что такие документы сохранились лишь по некоторым волостям, многие утеряны. Из сохранившегося фонда Кашегальского волостного правления за 1883–1917 гг. автор использовал сведения по динамике экономической жизни татар, духовной культуры татарских юрт, общественной жизни, об участии татар в событиях 1905–1907 гг. и о ситуации в сибирской татарской деревне в 1916–1917 гг.

В фондах Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области (ГАТОТ) находятся материалы, касающиеся экономики, культуры и быта русского и татарского населения Тобольской губернии. Автором использованы материалы фонда Тобольского губернского управления, Тобольской воеводской канцелярии, Тобольской казенной палаты, Тобольского наместнического правления и др. Сведения данных фондов были использованы при исследовании хозяйственной и культурной жизни сибирских татар.

Важные сведения извлечены из фондов Государственного архива Омской области (ГАОО). Автор изучил документы фонда военно-походной канцелярии командира сибирского корпуса (Ф.1), в котором сосредоточены распоряжения и донесения комендантов, ведомости о состоянии крепостей, форпостов и их описания. Интересные сведения содержатся в переписке уездных и волостных правлений с Сибирской губернской канцелярией о розыске беглых солдат, казаков и др., а также в переписке с военными и гражданскими властями о подавлении народных волнений, в ведомостях о состоянии торговли и хлебопашества. Из фонда сибирского генерал-губернатора (Ф.2) пред-

ставляют интерес материалы, повествующие о надзоре за деятельностью всех административных и хозяйственных учреждений Сибири, об управлении сибирскими татарами, о взаимоотношениях войск с населением, судебные решения. Из фонда Главного управления Западной Сибири (Ф.3) использованы документы относительно управления Сибирью, об административных преобразованиях в Сибири. В фонде сибирского кадетского корпуса (Ф.1) собраны документы о подготовке офицеров для Сибирского казачьего войска за 1835—1917 гг., о преобразованиях в системе подготовки военных кадров. В делах фонда содержатся циркуляры по вопросам учебно-воспитательной и финансовой деятельности училища, а затем гимназии, списки педагогического коллектива и воспитанников.

Уникальным является личный фонд известного казачьего деятеля историка Сибирского казачьего войска Г.Е.Катанаева (Ф.366). Представляют интерес копии документов о завоевании Россией Средней Азии, записные книжки Г.Е.Катанаева о его поездке по степному краю, вырезки из газет, выписки из работ по истории Сибири.

Значительные материалы о татарском населении, особенно за период со второй половины XIX в., накопились в Государственном архиве Томской области (ГАТомО). Автором изучены материалы фондов волостных правлений, Томского губернского правления, ревизских сказок, Томской приказной избы и др., которые позволили глубже исследовать состояние земледелия и скотоводства томских татар.

Работа над различными архивными фондами, содержащими сведения о сибирских татарах, убедила нас в большой разобщенности и рассредоточенности этих документов.

Нередко архивные документы волостных правлений, уездных и губернских управлений дают неидентичные сведения по одной и той же проблеме. Поэтому потребовалось критическое отношение автора к этим показателям.

В данном исследовании использовано значительное количество русских и татарских *нарративных источников*, при исследовании истории древних тюрков привлечены также китайские, арабско-персидские и византийские источники в переводе на русский язык. Самые древние и многочисленные источники по истории древних тюрков — это летописи и исторические описания китайцев. Последние являются весьма важным историческим источником, так как Китай издавна поддерживал связи с обитавшими в Южной Сибири народами.

Составление летописей («ганг-шу») в Китае почти всегда осуществлялось по почину и при ближайшем наблюдении правителей, которые своим чиновникам поручали вести описание событий, происходящих в стране и за ее рубежами. Затем эти записи передавались государственному историческому обществу, которое составляло по ним летописи, где события излагались в строго хронологическом порядке.

Собственно, история («шу») появилась у китайцев в последнее столетие до н.э. и связана с именем Сыма Цяня. В 90-х г. до н.э. он завершил огромный труд, послуживший образцом для последующих династических историй. Труд назывался «Ши-цзи» («Исторические записки»), состоял из 130 глав, охватывавших историю Китая с древнейших времен до 89 г. до н.э. Сыма Цянь пользовался не дошедшими до нас историческими источниками. Он содержит в себе описание событий, расположенных по периодам управле-

ния тех или иных династий. Автор посвятил истории иноземных народов шесть глав. Отдельные отрывочные сведения о них содержались в китайских хрониках «Шан-шу», «Гоюй» и «Чунцю», в которых название «хунны» отсутствует, они названы северными, или западными, варварами[1].

«Исторические записки» Сыма Цяня — это самая ранняя работа, которая освещает последовательную историю хуннов, содержит главные сведения по организации хуннского общества и представляет наибольшую ценность для изучения его политического строя, системы управления.

Китайская историография развивалась и после Сыма Цяня. Из последователей Сыма Цяня видное место занимают Бань Гу (32–92), завершивший в 85 г. «Историю Ранней династии Хань» («Хань-шу»), и Фань Е (398–445), автор «Истории Поздней династии Хань» (Хоухань-шу») (206 г. до н.э. — 24 г. н.э.). Заключительному этапу хуннской истории посвящен труд историка Фан Сюаньлина. В начале второго тысячелетия историк Сыма-гуан (1009–1086) написал прагматическую историю Китая под названием «Цзи чжи тун цзянь», которая охватила период с V в. до н.э. по X в. н.э.

На европейские языки китайские источники стали переводить еще в XVIII в. (Дегинь, Ремюза, Клапрот, Жульен и др.) Ими мы пользуемся через переводы или изложения русских исследователей. Первым среди них был Н.Я.Бичурин (Иакинф). В 1828 г. он опубликовал «Записки о Монголии».

Спустя 23 года появился чрезвычайно важный труд Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Но он допустил отдельные досадные ошибки в описании истории народов.

По-новому подошел к исследованию китайских источников географ, исследователь Средней и Центральной Азии Г.Е.Грумм-Гржимайло. С 1884 по 1914 гг. он совершил ряд крупных путешествий по Средней и Центральной Азии, Дальнему Востоку. По результатам изучения китайских письменных исторических источников он создал уникальный научный труд «Западная Монголия и Урянхайский край», ставший настольной книгой всех историков Азии[2].

В качестве источника автором использован также труд Н.В.Кюнера, посвященный исследованию китайских источников по истории народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока[3].

Научной общественностью более достоверными и точными признаны труды В.С.Таскина по истории хуннов, народов группы дунху, древних кочевников Китая. Собранные и переведенные В.С.Таскиным материалы китайских источников позволяют восстановить историю Хунну, его отношений с соседними странами, а также внутреннюю структуру и политическое устройство общества хуннов. Переводы В.С.Таскина включают в себя переводы сочинений Сыма Цяня, Бан Гу, Фань Е, Фан Сюаньлина[4].

---

[1] Кроль Ю.А. Сыма Цян-историк. — М., 1970; Сыма Цян. Исторические записки. — М., 1972–1975. — Т. I–II.

[2] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — М.; Л., 1926.

[3] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.

[4] Таскин В.Н. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1968, 1973. — Вып. 1, 2; Его же. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (по китайским источникам). — М., 1984; Его же. Материалы по истории кочевых народов Китая III–V вв. — М., 1989. — Вып. I.

Важные сведения имеются в сочинениях византийских историков. Они касаются в основном западных тюрков и европейских гуннов.

В сочинении византийского историка Менандра Византийца под названием «История», сохранившемся во фрагментах и охватившем период с 558 по 582 гг., описываются события, связанные с поездкой византийских послов в Западно-Тюркский каганат. Описаны путь и народы, обитавшие по пути следования, резиденция тюркских каганатов, их состояние, нравы и обычаи тюрков[1].

Историк Феофан Византиец написал работу в 10 книгах о событиях 565–581 гг. В дошедших до нас частях его труда есть сведения о савирах (сабирах), в тот период проживавших в Прикаспии, тюркских племенах и взаимоотношениях тюрков с эфталитами[2]. Сведения о гуннах, тюрках и эфталитах имеются в «Истории» Прокопия Кесарийского[3].

Арабские и персидские источники о древних тюрках использованы в основном из работ В.В.Бартольда[4]. В 80-е годы IX в. начальник почты и осведомительной службы Багдадского халифата Абу-л-Касим Убайдуллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех написал книгу «Китаб ал-малик ал-масалик» («Книга путей и государств»), где описаны маршруты караванных путей, указаны расстояния между местностями, содержатся сведения о тюрках, в том числе о кыпчаках и камаках[5].

Во второй половине IX в. араб Тамим ибн Бахр ал-Мутаваи совершил поездку к токуз-огузам через земли кимаков и кыпчаков. Его описание пути, сведения о тюрках в дальнейшем были использованы и другими авторами[6].

Уроженец Багдада Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз в книге «Манакиб ал-атрак» («Достоинства тюрков») оставил энциклопедические сведения о тюркских племенах севера Средней Азии и современного Казахстана, военных качествах, обычаях и нравах тюрков[7].

Арабский историк и географ X в. Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди написал 30-томную энциклопедию «Ахбар аз-заман». До нас дошли ее отрывки, а также его сочинение «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф». Масуди приведены ценные историко-этнографические сведения о тюрках[8].

---

[1] Менандр Византиец // Византийские историки / Пер. С.Дестуниса. — СПб., 1860. — С. 416–417.

[2] Выписки из истории Феофана / Пер. С.Дестуниса // Византийские историки. — СПб., 1860.

[3] Прокопий Кесарийский. История войн с персами, вандалами и готфами / Пер. с греч. С.Дестуниса // Записки историко-философского факультета СПб. ун-та. — 1876. — Ч. I.

[4] Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963; Его же. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов, по истории Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1967.

[5] Булгаков П.Г. Книга путей и государств ибн Хордадбеха (к изучению и дешифровке редакций) // Палестинский сборник. — 1958. — Вып. 3 (66).

[6] Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. — Т. IV. — М.; Л., 1957.

[7] Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. хакану ал-Джахиза // Труды Института истории, археологии, этнографии АН Каз. ССР. Археология, 1956. — Т. I.

[8] Масуди. Из «Книги сообщений и знаний» / Пер. Н.А.Караулова. Сведения арабской географии IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1908. — Вып. XXXVIII.

Шамс ад-дин Абу Абдаллах ибн Ахмад ибн Абу Бакр ал-Банна ал-акалим («Лучшее разделение для познания климатов») привел о тюрках ценные географические сведения. Автор критически относится к географическому наследию свох предшественников[1].

Среднеазиатский ученый Абу Райхан Мухаммадж ибн Ахмед ал-Бируни (X в.) является автором 105 работ. Однако из них сохранилось лишь около 20 его сочинений, в которых содержатся сведения о расселении тюркских племен, их обычаях[2].

Уникальные сведения о тюрках даны Абу Саид Абу ал-Хаййа ибн Зохак Гардизи в его труде «Зайнал ал-ахбар» («Украшение известий»)[3].

Кроме лингвистических сведений о хозяйстве, взаимоотношениях, этнографии тюркских племен сообщает выдающийся лингвист Махмуд Кашгари в сочинении «Диване лугат ат-турк» («Словарь тюркских языков»)[4].

Незаменимым источником о древних тюрках является анонимный географический трактат «Худуд ал-алам мин машрик ила-л-магриб» («Границы мира от востока к западу»). Труд написан около 982 г. на персидском языке, содержит много известий о тюрках, целая глава посвящена Кимакскому каганату и общественному устройству кимаков. В.В.Бартольд первым подробно исследовал это сочинение.

В г.Тобольске у местного татарина пленным шведским офицером И.Ф.Страленбергом была приобретена рукопись Абульгази Бахадур-хана (1603–1660) «Шажараи турк» («Родословная тюрков»), в которой излагается древняя и средневековая история многих тюркских народов[5].

Наиболее важным источником о начале государственности сибирских татар является сочинение И.Введенского «Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком», имеющее ценное источниковедческое значение. Очерк И.Введенского был опубликован в 1883 г. в третьем номере журнала «Тобольские губернские ведомости», основные его положения были изложены на литературном утреннике 12 декабря 1882 г., устроенном по поводу 300-летнего юбилея начала завоевания Сибири[6]. Оттиск его хранится в Тюменской областной научной библиотеке и в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета. Для написания этого важного труда он пользовался не дошедшим до наших дней источником. Об этом говорит и сам автор: «Такого характера сведения о Сибири в период, захваченный рамками моего чтения, передают нам непосредственные исторические источники — наши сибирские летописи, источники почти единственные». Поэтому сочинение И.Введенского мы рассматриваем в ряду источников.

---

[1] Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т. IV. — М.; Л., 1957. — С. 210–218.

[2] Бируни — великий ученый средневековья. — Ташкент, 1956.

[3] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 // Записки императорской АН. Сер. VIII. — СПб., 1897.

[4] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951; Кашгари М. Турки сузлер дивани. — Тошкент, 1963.

[5] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л., 1930; Абульгази. Родословное древо тюрков / Перевод Г.Г.Саблукова. — Казань, 1906.

[6] Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. — 1883. — № 3. Отдельный оттиск. Хранится в Тюменской областной научной библиотеке.

В отличие от многих исследователей истории государственности сибирских татар, первым государством сибирских татар он называет не Тюменское ханство, как это делал Г.Ф.Миллер, а другое государственное образование на реке Ишим. Описание событий, происходивших в Тюменском и Сибирском ханствах, идентично содержанию различных вариантов сибирских летописей. Все это подтверждает, что та часть сочинения И.Введенского, в которой излагается история татарского государства на Ишиме, является пересказом содержания не дошедшего до нас варианта сибирских летописей.

Об утере отдельных вариантов сибирских летописей писали и раньше. Тем самым источник, которым пользовался И.Введенский, значительно расширяет историю государственности сибирских татар. Факты и исторические явления, описанные И.Введенским, созвучны с таковыми дастана сибирских татар «Ильдан и Гульдан» и другими памятниками устного народного творчества сибирских татар[1].

Одними из древнейших письменных источников, использованных автором для исследования данной проблемы, являются русские летописи. Самые ранние сведения о Тюменском ханстве имеются в Летописном своде 1518 г. (в Уваровской летописи). В ней сообщается, что в 1480 г. ногайские беки Муса и Ямгурчи признали власть Шибанида Ибака над Ногайской Ордой[2]. Это же событие подтверждается Патриаршей, или Никоновской, летописью[3]. Продолжение событий, связанных с Ногайской Ордой и Тюменским ханством, освещается в Устюжском летописном своде (Архангелогородской летописи)[4]. В той же летописи содержатся короткие сведения о связях Казанского и Тюменского ханств и об экспедиции русского войска в 1483 г. под командованием воевод Курбского и Травина в пределы Тюменского ханства по Иртышу и Оби. В тексте Погодинского летописца имеются очень важные сведения о том, что в 1495 г. Тайбугин Мухаммед (Махмед) убил тюменского хана Шибанида Ибака, перенес столицу ханства из Чимги Туры в Искер и основал Сибирское ханство.

Отдельные сведения об отношениях между Тюменским и Казанским ханствами и казанско-ногайских отношениях содержатся в Патриаршей, или Никоновской, летописи, в Устюжской и Вологодской летописи XVI–XVII вв.[5].

Научный интерес к сибирским татарам возник в первые годы завоевания Сибирского ханства. Тогда же стали появляться исследования о Сибирском царстве и его завоевании Московским государством. Большинство трудов по истории сибирских татар до завоевания Русским государством написано с использованием так называемых «сибирских летописей», созданных в конце XVI–XVIII вв. преимущественно представителями православного духовенства. Эти источники исключительно субъективны и составлены в основном с татарофобных позиций. Основная тема «сибирских летописей» — история

---

[1] Илдан белән Гөлдан // Мирас. — 2002. — № 8. — С. 17–32.

[2] Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 18. — М.; Л.: Наука, 1963. — С. 315.

[3] Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. — СПб., 1901. — С. 20, 23.

[4] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л., 1950. — С. 94; Устюжская и Вологодская летописи. XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Т. 37. — М.: Наука, 1982. С. 95.

[5] Устюжская и Вологодская летописи. XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Т. 37. — М.: Наука, 1982. — С. 95.

татарских государств Западной Сибири, походы Ермака и колонизация Сибири. Остановимся на некоторых из них.

Первый сибирский архиепископ Киприан в 1622 г. «воспомянул» атамана Ермака с казацкой дружиной, предполагая найти в лице Ермака подходящего «святого» для своей епархии. Киприан, как гласит составленный им документ под названием «Синодик», «повеле расспросити ермаковских казаков, како они придеша в Сибирь и где с погаными были бои и кого убили поганые в драке ... Казаки же принесеша к нему написание, како придеша в Сибирь и где у них с погаными были бои и где казаков и какого у них имени убили». С.В.Бахрушин считает, что в 1621 г. участники походов Ермака составили не дошедшее до нас «Написание, како приидоша в Сибирь...», а на его основе в 1622 г. был составлен Синодик Киприана[1].

ОПИСАНІЕ
СИБИРСКАГО ЦАРСТВА
и всѣхъ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начала
а особливо отъ покоренія его
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
по сіи времена;
сочиненно
ГЕРАРДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Исторіографомъ и Профессоромъ Университета
Академіи Наукъ и Содѣтелемъ
Академическаго Чаемомъ.
КНИГА ПЕРВАЯ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

Титульный лист первого издания «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера. 1750 г.

Синодик, составленный архиепископом по этому случаю, вошедший и сохранившийся в позднейших летописных сводах Сибири, послужил главным и чуть ли не единственным источником для составления сибирских летописей[2].

Сибирские летописи являются основным источником исторических сведений о возникновении татарского государства, в которых записаны предания тюменских и тобольских татар о своем раннем государстве. Г.Ф.Миллер называет эти предания устными, но нам известно, что у сибирских татар были и письменные исторические сочинения, и составителями сибирских летописей они могли быть использованы. Но Г.Ф.Миллер пишет, что и устные предания не принижают достоверность истории возникновения государственности татар[3]. Сибирские летописи неодинаково освещают отдельные факты этого исторического процесса, они содержат несколько его версий. Однако сообщения относительно проблем создания татарского государства идентичны.

В 1636 г. вышло в свет новое произведение, посвященное памяти Ермака и завоеванию Сибири, — «О Сибири и сибирском взятии», написанное архиепископским подьячим Саввой Есиповым и известное в науке под названием «Есиповская летопись»[4].

К первой половине XVII в. относится составленная по «Написанию...» и материалам архива Строгановых неизвестным, но близким к Строгановым ав-

---

[1] Бахрушин С.В. Очерки истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. — М., 1928. — С. 5.

[2] Синодик Ермаковым казакам // ПСРЛ. — Т. 36. — Ч. I. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 380.

[3] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I–V. — Л.: АН СССР, 1937. — С. 90.

[4] Сибирские летописи. Издание Императорской Археографической комиссии. — СПб., 1907. — С. 105.

тором повесть «О взятии Сибирской земли», которая стала называться Строгановской летописью. Есиповская и Строгановская летописи представляют две разные концепции завоевания Сибири. Первая изображает отряд Ермака в качестве «орудия бога» в борьбе с «неверными» и потому не включает в свой текст никаких фактов из досибирской истории похода; по Есипову, казаки пришли в Сибирь сами по себе и не имели никакого отношения ни к строгановским вотчинам, ни к официальной государственной власти. Автор второй летописи, напротив, основываясь на документах вотчинного архива Строгановых, отводит главную роль в завоевании Сибири не государству или казакам, а Строгановым и подробно рассказывает не только о самом походе, но и о более раннем появлении русских поселений в «Пермских и Чусовских землицах».

В конце XVI — второй половине XVII вв. была создана Кунгурская летопись, восходящая к устным рассказам участников похода Ермака и народным преданиям конца XVI в. В ней приведен значительный материал о сибирских татарах и их «лучших людях»[1].

Историк С.А.Адрианов путем сопоставления и изучения этих документов отстаивал мысль о том, что основой Есиповской и Строгановской летописей является Синодик Киприана со своей православной и татарофобной основой[2]. Строгановская летопись по сравнению с другими документами более подробно описывает заслуги Строгановых в завоевании Сибири.

В 1691 г. указом Петра I тобольскому боярскому сыну Семену Ремезову было предписано составить географический атлас Сибири, что фактически положило начало планомерному научному изучению Сибири.

Через 5 лет С.Ремезов не только составил географический атлас Сибири, но и представил исторические, этнографические сведения о сибирских татарах и других народах Сибири[3]. В сочинении «Описание о сибирских народах» в главах «О начале Сибирской земли», «О начале происшествия народов Сибири» С.Ремезов дал исторический очерк о дорусской Сибири, основанный главным образом на татарских легендах. Он постоянно ссылается на «басурманскую историю», проявляет интерес к татарским источникам. Хотя С.Ремезов не пишет о том, что использовал татарские письменные источники, но по содержанию и стилю изложенного им материала чувствуется, что он пользовался не дошедшими до нас татарскими письменными источниками. Перечень правителей татарских ханств, их преемственность вряд ли могли сохраниться столь точно в устных рассказах в течение нескольких столетий.

Другой работой Ремезова была иллюстрированная «История Сибирская», в начале которой он изложил историю дорусской Сибири и историю Сибирского татарского государства. Позднее «История Сибирская» С.Ремезова получила название «Ремезовская летопись»[4]. Труды С.Ремезова были важным этапом в изучении истории Сибири до русского завоевания.

---

[1] Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). — СПб., 1880.

[2] Адрианов С.А. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1893. — № 4.

[3] Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова // Исторические известия. — М., 1916. — № 3–4.

[4] Сибирские летописи. Издание императорской археографической комиссии. — СПб., 1907. — С. 312.

В 1687 г. возникает Сибирский летописный свод, или Книга записная. Он охватывает события от начала завоевания и присоединения Сибири к России до рубежа XVII–XVIII вв. Свод служил официальной летописью Тобольска и создавался в кругах высшей светской и церковной администрации.

Основной особенностью построения свода является расположение материала по годам воеводских правлений в Тобольске. Изменение свода, пополнение его новыми сведениями продолжается до 1730-х годов. Книга записная отличается от других источников того периода описанием многих реальных, бытовых подробностей сибирской жизни. Ее составитель использовал не дошедшие до нас источники или устные рассказы о доермаковских походах русских в Сибирь[1].

Три списка Строгановской летописи, семь списков Есиповской летописи и один список Ремезовской летописи были изданы в 1907 г.[2]. Есиповская летопись, Сибирский летописный свод, Синодик Ермаковым казакам опубликованы в первой части 36-го тома Полного собрания русских летописей[3].

В 1821 г. Г.И.Спасским опубликована неизвестная до того времени летопись, которую он назвал «Летописью сибирской»[4]. Сибирские летописи разнятся по основным вопросам похода Ермака в Сибирь: о времени прихода казацкой банды к Строгановым, о количестве пришедших с Ермаком казаков, о дате начала похода в Сибирь. Эти вопросы и поныне являются предметом дискуссий исследователей.

В сибирских летописях, ярко отражая политику Российского государства и православной церкви, обосновывалась мысль о том, что присоединение Сибири к России — необходимая мера, и оно окажет прогрессивное влияние на развитие края. Авторы сибирских летописей из арсенала источников сибирской историографии широко использовали сведения о сибирских татарах, составили генеалогию татарских ханов Западной Сибири, произвели описание «татарской земли», в котором говорилось о занятиях, быте татар этого региона.

Составители сибирских летописей основное внимание обращали на историю присоединения Сибири к России и только попутно упоминали о местном населении, перечисляя названия татарских, вогульских и остяцких поселений, укрепленных городков, волостей, называя имена князьков, мурз, сотников, есаулов. В них приводятся краткие сведения о занятиях коренного сибирского населения накануне похода Ермака, о быте и верованиях отдельных племен.

Г.Ф.Миллер при написании уникального труда по истории Сибири пользовался в основном материалом Ремезовской летописи, считая ее наиболее полной и достоверной. Высоко оценил эту же летопись историк Сибири С.В.Бахрушин. «Ремезовская летопись является в значительной степени сборником сибирского фольклора XVII в. и в этом отношении заслуживает самого серьезного изучения, — пишет он. — Русские люди XVII в., сталкиваясь с

---

[1] Книга записная. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973.

[2] Сибирские летописи. Издание императорской археографической комиссии. — СПб., 1907.

[3] Полное собрание русских летописей. — Т. 36. — Ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987.

[4] Летопись Сибирская // Сибирский вестник. — СПб., 1821. — С. 235.

чуждым им бытом и миросозерцанием азиатских народов, проявляли чрезвычайно мало любознательности и полное отсутствие понимания. С 1696 по 1699 гг. С.Ремезов в целях проверки и пополнения сведений обращался к опросу всяких старожилов, уроженцев, памятных бывальцев, туземцев, иноземцев — бухарцев, татар, калмыков, новокрещеных»[1].

Таким образом, наряду с немногочисленными письменными источниками, в которых имелись сведения о сибирских татарах и татарских государствах Западной Сибири, появились сибирские летописи, авторы которых широко использовали исторические предания сибирских татар. Однако составители сибирских летописей описали события с татарофобных позиций.

Отдельные сведения извлечены автором из сборников дипломатических документов[2]. В посольской книге 1489–1508 гг. и в сборнике дипломатических документов 1447–1505 гг. имеются данные об отношениях Тюменского ханства с Ногайской Ордой, Казанским ханством и Московским великим княжеством в XV в. и начале XVI в. Значительный интерес представляют сведения посольской книги о деятельности тюменского хана Ибака по установлению торговых и дипломатических отношений с Московским великим княжеством.

Сохранившиеся в сибирских летописях и в различных жанрах народного творчества исторические предания говорят о развитии исторических знаний у сибирских татар.

Из татарских *нарративных* источников автором книги широко использованы шеджере, другие письменные исторические сочинения и предания сибирских татар. Они извлечены из различных публикаций и фондов архивохранилищ.

Казанский историк академик М.А.Усманов внес важный вклад в исследование исторических сочинений сибирских татар. Одной из важных работ М.А.Усманова является научная работа, посвященная исследованию исторического произведения «Сборник летописей», автором которого является Кадыр Али бек — известная личность, бывший карача хана Сибирского юрта Кучума[3]. Он попал к русским в плен, царем Борисом Годуновым был направлен в г. Касимов, жил при дворе касимовского хана Ураз Мухаммеда и в 1602 г. создал вышеназванное произведение, в котором значительное место отведено истории Сибирского ханства.

Сообщение об этом произведении и его основные положения были опубликованы профессором Казанского университета Н.Н.Березиным в 1851 г. и 1854 г.[4]. Татарский филолог Али Рахим в 1922 г. в Центральной восточной библиотеке Казани среди книг, подаренных татарским богословом Г.Баруди,

---

[1] Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова // Исторические известия. — М., 1916. — № 3–4.

[2] Дипломатические отношения Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. С 1447 г. по 1505 г. Эпоха свержения монгольского ига в России // Сб. РИО. Т. 41. — СПб., 1884; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. — М., 1984.

[3] Усманов М.А. «Сборник летописей» Кадыр Али бека // Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань: Изд-во КГУ, 1972.

[4] Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Б.Ф.Годунова // Москвитянин. — 1851. — Кн. 2. — № 24. — С. 543–554; Его же. Джамигат-таварих. Сборник летописей, татарский текст. — Казань, 1854. — Ч. 1. — Т. II. — С. 1–7.

обнаружил новый, более качественный, список сочинения Кадыр Али-бека[1], а в 1927 г. — фрагмент. Это историческое сочинение было известно татарскому ученому Р.Фахретдину, у П.Рычкова был его русский перевод[2]. Эти факты говорят о широком распространении указанного сочинения.

Первым после И.Н.Березина к сочинению Кадыр Али-бека обратился В.В.Вельяминов-Зернов, он использовал его при написании истории касимовских ханов. Глубокий анализ особенностей сочинения Кадыр Али-бека и источниковедческого значения оригинальных разделов этого памятника сделал М.А.Усманов[3].

Первая часть «Сборника летописей» Кадыр Али-бека составляет перевод на татарский язык сочинения Рашид ад-Дина идентичного названия. Во второй части представлены 9 дастанов-повестей, 8 из них посвящены личностям и родам таких ханов-Чингизидов, как Урус, Тохтамыш, Темир-Кутлук, Хаджи Гирей, Хаджи Мухаммед, Абуль-Хайр, Йадкар, Ураз-Мухаммед. Один дастан посвящен Идегею. Все 9 дастанов являются самостоятельными сочинениями Кадыр Али-бека и представляют историографический и литературно-лингвистический интерес. Сочинение относится к памятникам татарской исторической литературы. Оригинальная часть начинается с посвящения Борису Годунову, во время правления которого Кадыр Али-бек жил в Касимове.

Однако самостоятельная часть «Сборника летописей» содержит немало фактов искажения исторической действительности, особенно в освещении генеалогии и деятельности ханов Улуса Джучи и Кок Орды. Совершенно искажена генеалогия правителей Тюменского и Сибирского ханств, из генеалогии исключены правители тайбугинской династии, тем самым период государственности сибирских татар сокращается на три столетия. Кадыр Али-бек — в истории сибирских татар важная и очень сложная личность; он не только сибирский татарин, а представитель сибирско-татарской аристократии (впоследствии и касимовской).

Личность бывшего карачи хана Кучума интересна еще в одном отношении. Некоторые авторы показывают сибирских татар этаким диким народом, далеким от цивилизации. Не лучшим образом представлены у них и сибирские ханы, особенно Кучум и его приближенные. Как следует из сочинения Кадыр Али-бека, бывший карача хана Кучума был не просто грамотным, а высокообразованным человеком, разбирающимся в сложных исторических процессах. Существуют различные мнения по поводу генетического происхождения Кадыр Али-бека, однако он остался в истории не только как исконный представитель сибирских татар, но и первый министр могущественного сибирского хана Кучума. Есть основания полагать, что карача был не единственным образованным министром в правительстве Кучума.

Несмотря на существенные ошибки исторического характера, произведение Кадыр Али-бека остается достойным памятником не только в историографическом и источниковедческом отношении, но и лингвистическом. Оно

---

[1] Рахим А., Газиз Г. Татар дастаны тарихы. 2-нче басма. — Казан, 1925; Рахим А. О новом списке татарского исторического сочинения // ВНОТ. — 1927. — № 7.

[2] Татар әдәбияты тарихы. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. — Т. I. — 330–331 б.

[3] Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань: Изд-во КГУ, 1972. — С. 33–96.

является надежным подспорьем в исследовании истории разговорного и письменно-делового языка не только сибирских татар, но и всего татарского народа. Н.Н.Березин писал, что в языке Кадыр Али-бека много архаических слов и форм[1]. Эти «архаизмы» можно объяснить древностью говора сибирских татар. Чокан Валиханов также отметил некоторую близость языка Кадыр Али-бека и казахского[2]: речь идет о некоторых глагольных формах казахского и разговорного языка сибирских татар. Али Рахим отметил, что язык Кадыр Али-бека близок к старотатарскому литературному языку. Прожив около 15 лет в Москве и Касимове, общаясь с татарской аристократией, Кадыр Али-бек вынужден был освоить татарский литературный язык, что нашло отражение в языке написанного им сочинения.

Таким образом, «Сборник летописей» Кадыр Али-бека является памятником культуры не только сибирских татар, но и татарской духовной культуры начала XVII в. в целом.

В прошлом у сибирских татар были широко распространены исторические произведения, принадлежащие к жанру «шеджере» («древо жизни»), на что обратил внимание и занимался их сбором и публикацией еще татарский ученый, религиозный и общественный деятель Ризаэтдин Фахретдин[3]. Исследованию исторических сочинений сибирских татар посвящена другая значительная работа М.А.Усманова «Образцы народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири», написанная в соавторстве с Р.А.Шайхиевым[4]. В этом труде основное внимание уделено исследованию письменных исторических сочинений сибирских татар.

В вышеназванном сочинении М.А.Усманов и Р.А.Шайхиев сделали исторический и археографический анализ некоторых образцов шеджере сибирских татар, показали их историографическое значение и определили задачи по их дальнейшему сбору и изучению. Остановимся на некоторых из них.

Важные исторические сведения содержатся в сочинении неизвестного автора второй половины XIX в. под названием «Происхождение аула Сала», текст которого хранится в рукописном отделе Института востоковедения в Петербурге, в коллекции В.В.Радлова[5]. В нем описываются события, начиная с основания Тюменского ханства Тайбугой (20-е годы XIII в.) по 1824 г. На обширном историческом фоне освещается история двух старинных юрт[6] сибирских татар — Салы и Супры (в прошлом Субры).

В 1877 г. выдающийся тюрколог В.В.Радлов как образец письменности сибирских татар опубликовал сибирско-татарское шеджере «Шаджара рисаласи» («Трактат о генеалогии»)[7]. Краткий его вариант хранится также в рукописном отделе Института востоковедения в Петербурге. Более полный

---

[1] Березин И.Н. Джамигат-Таварих... — Ч. I. — Т. II. — С. 6.

[2] Валиханов Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. I. — Алма-Ата, 1961. — С. 142–168.

[3] Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Указ.соч. — С. 167.

[4] Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений сибирских татар по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 85–103.

[5] ПО ИВАН. В 4591.

[6] Юртами назывались селения сибирских татар.

[7] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб., 1877. — Т. IV. — С. 217–220.

вариант этого шеджере был опубликован в 1909 г. Р.Фахретдином в биобиблиографическом труде «Асар».

Новый список «Шаджара рисаласи» был обнаружен в селе Бегишево Вагайского района Тюменской области у Рабигы Габишевой[1]. Эти факты говорят о широкой распространенности данного шеджере среди сибирских татар. Шеджере было составлено в начале XVII в. Ходжа Шакаром сыном Юсуфбия со слов старца по имени Шайбати-шаих, посвящен роду сибирского татарина из г.Тары Нияза сына Хайдара, в нем подробно рассказывается о взаимоотношениях хана Кучума с правителем Бухары ханом Абдуллой, также о деятельности Кучума по укреплению ислама в Западной Сибири, о существовании должности Сеида в сибирском ханстве и о многом другом.

Внимание М.А.Усманова и Р.А.Шайхиева привлекло также шеджере с комментариями о личностях и событиях. Оно называется «Род Ильяса-муллы»; авторы составление его относят предположительно к концу XIX — началу XX в.[2]. По содержанию данного памятника род Ильяса-муллы начинается со времени прибытия в Сибирское ханство Ахмед-Гирея и Кучума.

В 1961 г. М.А.Усмановым в ауле Умы Куйбышевского района Новосибирской области у Зайнаб Насировой обнаружена рукопись Ахмеджана Гиззатуллина из деревни Кушкуль Чановского района. Она называется «Тетрадь Ахмеджана Гиззатуллина»[3]. В данной рукописи сосредоточены литературные, фольклорные тексты, выписки из разных религиозных сочинений, сведения по истории края, соседних народов. Состоит рукопись из двух частей. Первая часть «Бараба иле» (условное название — «Барабинская история») представляет интерес тем, что в ней имеются обширные сведения по истории, географии, этнографии, топонимике Барабы. Вторая часть тетради — «Туралы Тубыл халкы» («Тобольское городское население») содержит ценные сведения о Сибирском ханстве, о связях сибирских татар с казахами, калмыками. М.А.Усманов предполагает, что автор рукописи пользовался сведениями не известных нам письменных источников[4].

Первые сохранившиеся письменные сведения о сибирских татарах относятся к 1394 г. В библиотеке Тобольского краеведческого музея хранятся две рукописи (в 3 и 4 страницы) под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири». Одна из них написана Саадом Ваккасом, сыном Раджаба, Аллакуловым, а другая — Кашшафом Абу-Саидовым.

Содержание обеих рукописей почти идентично, различаются они лишь в несущественных деталях. Перевод этих рукописей на русский язык был осуществлен Н.Ф.Катановым и опубликован в 1903 г. в «Ученых записках Казанского университета» и в 1904 г. в «Ежегоднике Тобольского губернского музея»[5]. Речь в них идет о том, что во время правления Мухаммеда Шейбани в Бухарском ханстве был организован военный поход в Западную Сибирь с участием бухарских и ургенчских духовных сановников в целях распростра-

---

[1] ПО ИВАН. В 4609 – II. Л. 1 – 1 б.

[2] Фахретдин Р. Асар. Ч. 10. — Т. II. — Оренбург. — С. 72–90. Хранится в отделе редких книг и рукописей Казанского университета (ОРР НБ КГУ), № 3414.

[3] Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Указ соч. — С. 90.

[4] Хранится в НБ КГУ, № 3413.

[5] Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Указ. соч. — С. 101.

нения ислама среди предков сибирских татар. Этот уникальный письменный памятник не только сообщает о внедрении ислама в Западной Сибири военным путем, но и дает ценные сведения о народах, проживавших в Западной Сибири в конце XIV в., по топонимике и др.

Н.Ф.Катанов в 1895 г. опубликовал предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Н.Ф.Катановым в 1896 г. на русском языке были опубликованы два предания сибирских татар, оригиналы которых изданы В.В.Радловым в четвертом томе «Образцов народной литературы тюркских племен»[1]. Они были записаны академиком В.В.Радловым со слов ишимских и тобольских татар (в селе Саургач).

Первое предание рассказывает о приезде в Сибирь исламских проповедников из Бухары по обращению в 1572 г. к правителю Бухары сибирского хана Ахмет-Гирея. Второе — о приезде в Сибирское ханство исламских миссионеров под руководством Ахмет-Гирея, направленных бухарским ханом по просьбе хана Кучума. Второе предание более точно сообщает имена участников событий и подтверждается другими историческими документами. Действительно, брат Кучума Ахмет-Гирей приехал в Искер, и они вместе правили 4 года, потом Ахмет-Гирей был убит своим тестем, казахским ханом Шыгаем.

Исследованные памятники представляют интерес в историческом, этнографическом, лингвистическом отношении, дают ценные сведения по истории сибирских татар. Безусловно, эти памятники требуют пристального критического подхода в отношении достоверности исторических фактов, хронологии. Каждый переписчик стремился выразить свое отношение к описанным событиям, личностям.

Кроме того, автором были использованы *учетно-статистические материалы*. Из статистических сборников второй половины XIX в. можно назвать изданный в 1854 г. труд Гагемейстра «Статистическое обозрение России»[2]. В начале XX в. появились статистические сборники, составленные в основном по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи[3]. Неоценимую ценность имеют опубликованные разработки С.К.Патканова по статистике населения трех западносибирских губерний с этнической характеристикой в отдельности по «коренным татарам», «бухарцам», «русским», «татарам-крестьянам». В данных материалах содержатся различные сведения о каждом татарском населенном пункте, а их было более 200[4].

---

[1] Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. — 1903. — Кн. 12. — С. 133–146; Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. XV. — С. 3–28.

[2] Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. 5. — С. 234–238; Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 51–61.

[3] Гагемейстр Ю.А. Статистическое обозрение России. — Ч. 2. — СПб., 1854.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. — СПб., 1905; Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Языки и роды инородцев. — СПб., 1911. — Т. 1. Его же. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1912 — Вып. XIII; Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии. — Тобольск, 1911.

Автор пользовался также статистическими материалами А.Дунина-Горкавича[1].

В качестве исторического источника автором использованы материалы дореволюционной, советской и постсоветской *периодической печати*. Ценные сведения о татарских государствах Западной Сибири, о материальной и духовной жизни, о различных этнографических группах сибирских татар извлечены из газеты «Сельская жизнь» (1914 г.), «Янарыш» (тюменская областная газета на тат. яз.), из журналов «Тобольские губернские ведомости», «Томские губернские ведомости», «Отечественные записки», «Природа и люди», «Восточное обозрение», «Дело», «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства внутренних дел» и др. Перечень использованной периодики приводится в списке источников и литературы. Материалы периодической печати дают не только информативный материал, но и отражают взгляд автора на описанные события, факты и др.

Историко-географические сочинения русских и иностранных авторов содержат важные сведения по исторической географии, этнографии, хозяйству, быту и духовной жизни сибирских татар.

Наиболее ранним в Европе описанием Сибири является «Книга путешествий» баварского солдата Иоганна Шильтбергера (1380 — не ранее 1438), попавшего в 1394 г. в турецкий плен. В течение последующих тридцати лет он вместе со своими хозяевами побывал во многих странах, в том числе в Золотой Орде и Сибири, а в 1427 г. бежал на родину, где описал свои странствия в своей книге. Он оставил ценные сведения о походе Идегея в Сибирь[2].

С 20-х годов XVIII столетия научное исследование Сибири приобретает организованный и систематический характер. С целью ее более глубокого изучения российское правительство организует ряд академических экспедиций, в составе которых было много западноевропейских ученых.

Очень важным и содержательным трудом о Сибири является сочинение Николая Витзена «О Северной и Восточной Тартарии», изданное в 1696 г. Это сочинение явилось плодом его 30-летнего труда и содержало широкий круг информационного материала[3]. Работа написана на основе различных наблюдений, непосредственного обследования Сибири, изучения ее народов. Кроме того, автор сообщает, что «получил много сообщений из самой Тартарии, а также из Московии, Астрахани, Сибири, Персии, Грузии, Турции и др.»[4].

Представляют интерес для исследования истории сибирских татар изданные Н.Ф.Катановым дневники русского дипломата и торгового агента России в Китае Лоренца Лянге, уроженца Стокгольма, из которых можно почерп-

---

[1] Гагемейстр Ю.А. Статистическое обозрение России. — Ч. 2. — СПб., 1854; Дунин-Гаркавич А. Этнографический состав населения Тобольской губернии. — Ч. 2. — СПб., 1891; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Язык и роды инородцев. — Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. — СПб., 1911; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28. Тобольская губерния. — СПб., 1905. — 297 с.

[2] Дунин-Горкавич А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 г. — Тобольск, 1911.

[3] Шильтбергер И. Путешествие в Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. со старонем. Ф.К.Бруна. Изд., ред., примеч. З.М.Буниятова. — Баку, 1984.

[4] Witzen N. Noord en Oost Tartarye. — Amsterdam, 1705.

нуть сведения о быте, обрядах, обычаях тобольских татар[1]. По сведениям Н.Ф.Катанова, Лоренц Лянге несколько раз проезжал от Тобольска до г. Тара, и его наблюдения и информация представляют научный интерес. По описанию Лянге, расстояние между этими городами 600 верст и там живут в основном татары, они зажиточны, у них много скота, но разводят скот они исключительно для пропитания своих семей, не продают, здешних татар деньги не интересуют. Питаются мясными, молочными продуктами, рыбой. Из хлебных продуктов употребляют только крупу из жареного ячменя, которую едят в сухом виде, без кулинарной обработки. В дневниках Лоренца Лянге имеются важные сведения о быте чулымских татар.

В XVII в. российское правительство наряду с планами захвата новых территорий поставило задачу полного использования природных и людских ресурсов завоеванных территорий. Ни правители, ни ученые круги не имели достаточного представления об азиатских владениях России. Ценные сведения о сибирских татарах содержатся в четырехтомном труде Иоганна Георга Гмелина (1709–1755) «Путешествие по Сибири», опубликованном в 1751 г. в Геттингене. Этот труд был написан по итогам его путешествий в 1733–1743 гг. и переведен на многие языки[2]. И.Г.Гмелин так писал о Северной Азии в Европе: «Вся страна слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже, как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем»[3]. Значительный научный интерес представляет также четырехтомный труд И.Г.Гмелина «Флора Сибири», изданный Императорской Академией наук в 1747–1769 гг.

В 1720–1727 гг. состоялась экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735) в Сибирь. Согласно заключенному с правительством договору, его обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности».

Д.Г.Мессершмидт проехал с Урала до Северной Маньчжурии. Проводил исследования сибирских народов, изучал их языки, памятники письменности и древности. Ему принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» по сходству с рунами Скандинавии. Д.Г.Мессершмидт собрал ценные сведения по истории Сибири и сопредельных ей стран, по сибирской этнографии и языкознанию. Результаты работы в Сибири зафиксированы в его дневниках, хранившихся в архивах[4].

Спутником Д.Г.Мессершмидта в 1721–1722 гг. был шведский пленный офицер Филипп Иоганн Страленберг (1676–1747), собравший значительный материал о древностях и истории Сибири. Этот материал он обобщил в своем труде[5]. Заслугой Страленберга является также приобретение у ахуна г. Тобольска Азбакевича, с которым он состоял в дружеских отношениях, и введение в научный оборот рукописи сочинения хивинского хана и историка Абуль-

---

[1] Witzen N. Noord en Oost Tartarye. — Amsterdam, 1705.

[2] Катанов Н. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских народах // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905 — Вып. XIV.

[3] Тихомиров В.В., Софиано Г.А. 200 лет со дня рождения академика И.Г.Кмелина // Известия АН СССР. Серия геологическая. — 1955. — № 2.

[4] Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. — Геттинген, 1751 (на нем. яз.).

[5] Архив АН СССР. Ф. 98. Оп. 1. № 1 (Т. 1, 1721); № 2 (Т. 2, 1723); № 3 (Т. III, 1724).

Гази Бахадур-хана (1603–1664) «Шаджара-и турки» («Родословная тюрок»)[1].

По-новому подошел к истории Сибири хорват по происхождению Юрий Крижанич (ок. 1618–1683), представитель научной и общественно-политической мысли славян, сосланный после прибытия в Москву как католик в Сибирь.

В Сибири он прожил 15 лет и собрал в основном устный материал для своих трудов о Сибири. Основными его трудами являются «История Сибири» и «Политика»[2]. В них он выступает против жестокостей и произвола в отношении к сибирским племенам. Ясак он рассматривает как прямую хищническую форму, рекомендует заменить его торговлей, которая принесет больше выгоды. Он оправдывает завоевание Сибири, но дальнейшую колонизацию полагает невыгодной. Силу государства Крижанич видел не в расширении границ, а в «добром внутреннем устройстве и развитии»[3].

Указанные выше сведения о сибирских татарах написаны иностранными путешественниками, дипломатами в XVII–XVIII вв. Однако не все они являются результатом глубокого, цельного изучения; при всем богатстве и многообразии некоторые из них дают довольно случайные, разрозненные и порой противоречивые сведения. У некоторых авторов произведений о Сибири и ее народах не было социальной и теоретической подготовки, они мало знали о природе общественного уклада неведомого края. Отсутствие необходимой материальной базы исследования, труднодоступность отдельных районов не способствовали объективности и полноте сделанных наблюдений.

Путешественники второй половины XVIII в., пересекавшие Сибирь, в своих путевых записках кратко характеризовали коренное население. В частности, в 1768–1773 гг. в Сибири проводил исследования приглашенный из Швеции академик И.П.Фальк. Он описал положение эуштинских и чатских татар. Отметил, что встречали поселения татар, которые, как и остяки, жили в землянках. Опубликованные им работы содержат чрезвычайно важный материал по этнографии Причулымья. Это единственный ученый XVIII в., приводящий обширные экономические сведения, он значительное внимание уделял архивным материалам. Некоторые этнографические факты, приводимые им, являются весьма существенными для реконструкции культурно-хозяйственного типа чулымских татар[4].

В 1768–1774 гг. состоялась крупная экспедиция академика П.С.Палласа по Оренбургскому краю и Сибири. Материалы экспедиции были опубликованы в его труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства». Ценные сведения по наречиям сибирских татар содержатся в его труде «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы»[5]. В отличие от Г.Ф.Миллера и И.Э.Фишера, П.С.Паллас глубоко интересовался древней историей сибирских народов.

---

[1] Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730.

[2] Кононов А.Н. История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» // Советская тюркология. — Баку, 1971. — С. 3–12.

[3] Крижанич Ю. Повествование о Сибири. («История Сибири» была опубликована под названием «Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григория Спасского».) — СПб., 1822; Его же. Политика. — М., 1965.

[4] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. — С. 44.

[5] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. VI.

Источниковедческий интерес представляют работы академика И.Георги по этнографии. Он более широко исследовал коренное население Сибири, сделав упор на характеристику социально-экономического положения аборигенов. Во-первых, он выделил особую группу обских татар, которые занимали территорию от устья Томи до Нарыма, включая Нижнее Причулымье, куда входило 16 волостей. Внимательно изучил быт и нравы чулымских татар. Во-вторых, отметил, что «по языку и внешнему виду томские и тобольские татары очень сходны»[1].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что в XVIII в. был накоплен значительный научный материал о Сибири, в котором содержались важные сведения по этнографии и о быте сибирских татар. Авторов XVIII в. мало интересовали проблемы правового положения, фискальных обязанностей сибирских татар и их взаимоотношений с местными властями.

Опубликованные справочные издания

В изданном Г.Н.Потаниным сборнике документов под названием «Материалы для истории Сибири» сосредоточены ценные данные о количестве населения отдельных районов Западной Сибири, о миграции, занятиях населения и др.[2]. Важная информация содержится в опубликованном в 1889 г. исследовании П.И.Соколова и В.И.Горемыкина «Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири»[3]. Различные сведения о хозяйственной и культурной жизни сибирских татар почерпнуты из различных по тематике справочных изданий: адрес-календарей, памятных книг Тобольской и Томской губерний за различные годы и др.[4]. Накопленный в данных сборниках документальный материал дал возможность автору для сравнительно-исторического исследования этнодемографических процессов и быта сибирских татар. На рубеже XIX–XX вв. появились труды А.А.Кауфмана и И.А.Андронникова, содержащие большой статистический материал о землепользовании и хозяйственной жизни сибирских татар. На примере татар Туринского уезда А.А.Кауфман исследовал местные варианты землепользования. В исследовании экономического быта татар Тобольского уезда и Кашегальской волости Тюменского уезда С.К.Патканов приводит материалы (и выводы) по волостям и селениям, касающиеся сословного состава, быта, занятий, податного обложения татар. В труде И.А.Андронникова приводится большой статистический и описательный материал о земледелии, скотоводстве и других отраслях хозяйства, о жизни татар[5].

---

[1] Паллас П.С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. — Ч. I–III. — СПб., 1773–1778; Сравнительный словарь всех языков и наречий Сибири. — Ч. I–II. — СПб., 1787, 1789.

[2] Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — Ч. I–III. — СПб., 1776–1777.

[3] Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. — М., 1867.

[4] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Исследования П.И.Соколова и В.И.Горемыкина. — СПб., 1889. — Вып. IV.

[5] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. В 2 ч. — Ч. 2. — Омск, 1875; Волости, населенные места. 1893 г. — Вып. 10. Тобольская губерния. — СПб., 1894; Волости, населенные места. 1893 г. — Вып. 12. Томская геберния. — СПб., 1894; Памятная книга Тобольской губернии за 1859 г. — Тобольск, 1859; Памятная книга Тобольской губернии за 1913 г. — Тобольск, 1913; Памятная книга Томской губернии за 1912 г. — Томск, 1912.

Информация справочных изданий нуждается в проверке достоверности сведений, поскольку материал для справочного издания подбирается исходя из субъективного взгляда составителя.

Вещественные источники

Если история и этнонимы западных и южных соседей народов Западной Сибири конца I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. — скифов, сарматов, саков и других попали на страницы трудов античных авторов, а восточные соседи — хунны были в поле зрения историков древнего Китая, к сожалению, исторические судьбы западносибирских племен почти не нашли отражения в письменных источниках. Некоторые имеющиеся сведения малодостоверны, порой фантастичны и часто противоречивы. В этой ситуации археологические данные имеют огромное значение для реконструкции исторических процессов, протекавших в указанный период на территории лесостепей и степей Западной Сибири.

Археологические материалы по Западной Сибири вплоть до 1950-х гг. были крайне ограничены. До начала XX в. раскопками занимались любители, преследуя личные цели. Многие исторические памятники исчезли, большинство курганов, содержащих огромный исторический материал, было разграблено в XVIII — начале XX вв., на сибирских рынках «курганное золото» продавалось ниже номинальной стоимости золота. Пробел в археологии в некоторой степени заполнил знаменитый тюрколог академик В.В.Радлов (1837–1918), которому принадлежит особое место в археологическом исследовании Сибири. Наряду с археологическими он в течение 12 лет проводил этнографические, лингвистические исследования сибирских татар и народов Туркестана и накопил огромный материал по археологии, этнографии и лингвистике тюрков. Как итог своих исследований Радлов опубликовал целый ряд бесценных трудов, имеющих всемирное значение и в настоящее время. В части IV сочинения «Образцы народной литературы тюркских племен...» он опубликовал фольклорные тексты на наречиях барабинских, тарских и тюменских татар[1].

Заметный вклад в изучение этногенеза сибирских татар и соседних тюркских племен внес археолог А.П.Дульзон, особенно этногенеза томских и чулымских татар. Его исследования достаточно аргументированы, он проявляет большую осторожность в выводах.

А.П.Дульзон впервые в практике изучения сибирских татар при классификации и оценке археологических материалов использовал комплекс источников — письменных, этнографических, лингвистических. Однако А.П.Дульзон преувеличивает роль угорских и самодийских племен в этногенезе сибирских татар[2].

---

[1] Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губернии — Спб., 1890; Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. — СПб., 1891; Андронников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск, 1911.

[2] Радлов В.В. Сибирские древности. Ч. I–III. — СПб., 1888, 1889; Radloff W. Fus Sibirien. — Leipzig, 1884, 1893, 1968; Радлов В.В. Наречие тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. — Ч. I–X. — СПб., 1866–1906; Его же. Сравнительная грамматика северных тюркских языков. — СПб., 1882; Его же. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. I–IV. — СПб., 1889–1911; Его же. Образцы народной литературы северных тюркских племен. — Ч. I–VI. — СПб., 1866–1886; Его же. Образцы народной литературы тюркских племен. — Ч. IV. Наречия барабинских, тарских и тюменских татар. — СПб., 1872.

В изучении процесса миграции тюркских племен в Приобье и в Прииртышье значительную роль сыграла научная деятельность В.А.Могильникова. Для более достоверной аргументации выводов он прибегает также к использованию топонимических и этнографических данных[1].

Совместными усилиями археологов Тюменского государственного университета, Томского государственного университета, Института проблем освоения Севера СО РАН проводилась планомерная работа по выявлению, паспортизации, сохранению и изучению археологических памятников Прииртышья.

Большим научным достижением и открытием стали результаты работы Н.П.Матвеевой по исследованию памятников Саргатской культуры в Притоболье, оставленных многочисленным и высокоразвитым населением, занимавшим юг Западной Сибири во второй половине I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э. Н.П.Матвеева, исследовав особенности развития саргатской культуры древних племен Среднего Притоболья, пришла к выводу о полиэтничности саргатского населения Западной Сибири[2].

В выяснении происхождения томских и чулымских татар определенное значение имеют исследования В.А.Дремова[3]. Интересная информация о городах Сибирского ханства и археологических памятниках Томского Приобья содержится в исследованиях В.П.Левашовой, В.М.Пигнатти и Л.М.Плетневой[4].

Антрополог А.Н.Багашев, исследовавший проблемы антропологического состава и этногенеза тоболо-иртышских татар по данным краниологии, выявил тоболо-барабинский вариант обь-иртышского антропологического типа западносибирской расы, определил степень участия средневековых популяций в формировании тоболо-иртышских татар[5]. Б.А.Коников, исследовавший культуру таежного Прииртышья VI–VII вв., показал интенсивные процессы тюркизации лесостепного Прииртышья в конце I — начале II тыс.

---

[1] Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томск. пед. ин-та. — 1958. — Т. X. — Томск, 1958; Его же. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XX Международного конгресса востоковедов. — М., 1960; Его же. О происхождении чулымско-татарского языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. — 1956. — № 9.

[2] Могильников В.А. К проблеме тюркизации Притомья // Происхождение аборигенов Сибири и их языка. — Томск, 1976; Его же. Начало тюркизации населения — Притомья и Среднего Приобья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973; Его же. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тысячелетии н.э. // Народы и языки Сибири. — Новосибирск, 1980.

[3] Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. — Новосибирск: Наука, 1993.

[4] Дремов В.А. Краниологические данные о происхождении томских татар // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». — Новосибирск, 1969; Его же. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979; Его же. Антропологический состав и внешние связи чулымских тюрков по данным краниологии // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по антропологии, археологии и этнографии. — Омск, 1984.

[5] Левашова В.П. Вознесенское городище Барабинского округа // Советская археология, 1956. — Т. 13; Пигнатти В.М. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. XXV; Плетнева Л.М. О культурной и этнической принадлежности памятников Томского Приобья V–VIII вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981.

Публикации М.Ф.Косарева посвящены древним культурам Западной Сибири. Результаты археологических раскопок Барабинской степи описаны В.И.Молодиным. Д.И.Смирнов и И.В.Соболев провели археологическое исследование городищ периода Сибирского ханства — Потчевашского мыса и Вознесенского городища. А.Палашенков издал труд об археологической карте Омской области[1].

Несмотря на многочисленные археологические исследования междуречья Иртыша и Тобола, круг археологических памятников, которые можно было бы связать с государственным образованием сибирских татар, крайне узок. Пожалуй, единственным памятником, располагающим достоверным материалом, является городище Искер. Однако результаты исследования этого памятника, вследствие разрушения его Иртышом, крайне незначительны. Дореволюционные раскопки Пигнатти, из-за низкой квалификации последнего, малоинформативны. В чем причина крайней незначительности археологических фактов относительно государства сибирских татар? Ведь письменные источники времен похода Ермака упоминают множество укрепленных татарских городков.

С одной стороны, как пишет археолог А.А.Адамов, в этом повинно слабое внимание археологов к проблемам позднесредневековой археологии этой территории. К этому следует добавить высокую степень освоения данного региона: «...здесь много деревень и сильная распашка, которая привела к разрушению большого числа упоминаемых в источниках городищ. Из-за обмыва водами Иртыша практически исчезло городище Искер»[2].

Археологи Западной Сибири обратили внимание на один важный фактор археологических исследований — это отсутствие керамики при раскопках в междуречье Тобола и Иртыша. Археологи определили главную причину этого фактора — массовое поступление посуды из металла в обмен на пушнину. Торговые пути этого обмена пролегали, скорее всего, как раз в междуречье Тобола и Иртыша. В качестве вывода по разделу археологических источников можно привести заключение археолога Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника А.А.Адамова: «...археологические факторы, хотя и по ряду объективных причин скудные, свидетельствуют, что уже с XIII в. в Прииртышье, вплоть до устья Тобола, тюркоязычные

---

[1] Багашев А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Дис. ... д-ра ист. наук / А.Н.Багашев; Институт проблем освоения Севера. — Тюмень, 2000.

[2] Коников Б.А. К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI–VII вв. н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 66–70; Коников Б.А. О тюркском компоненте в культуре лесостепного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н.э. // Этническая история тюркоязычных народов и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии — Омск, 1984. — С. 137–141; Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. — Томск, 1973. — Вып. VII. — С. 66–77; Палашенков А. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С. 95; Смирнов И.Д. Отчет археологического исследования на Чувашском мысу около Тобольска в 1936 г. // Архив Тобольского гос. музея-заповедника (рукопись). — № 116; Соболев В.И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 179, 190; Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Притоболье. — Новосибирск, 1993.

группы, имеющие тесные экономические связи с Золотой Ордой. Сибирь не была глухой окраиной с редким и «диким» населением. Экономическое положение посредника на торговых путях позволяло иметь прочную базу для создания своего государства. И это произошло довольно рано»[1].

В качестве вещественных источников использованы археологические, этнографические и другие коллекции Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, в фондах которого сосредоточено более 1200 экспонатов этнографии, хозяйства и средств передвижения сибирских татар[2]. Автором также привлечены вещественные материалы, относящиеся к быту и культуре сибирских татар, хранящиеся в Тюменском областном краеведческом музее. Большую ценность в исследовании материальной и духовной жизни сибирских татар имеют экспонаты выставки «Сибирский татарский дом», «Традиционная материальная культура казанских татар-переселенцев в Сибирь», «Из истории татарского просвещения в Сибири»[3]. Ценная научная информация о влиянии на культуру сибирских татар народного творчества волжских татар, переселившихся в Западную Сибирь, почерпнута из коллекции «Народное творчество сибирских и казанских татар» вышеназванного музея[4]. Значительное количество сведений автором извлечено из коллекции археологических находок, обнаруженных при раскопке городища Искер — столицы Сибирского ханства, и сосредоточенных в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Фольклорные материалы

Произведения устного народного творчества имеют большую научную ценность, так как они отражают материальную и духовную жизнь народа, содержат ценную информацию о прошлом, но они, прежде чем стать историческим источником, должны быть материально зафиксированы. Чаще всего это письменная запись. В настоящее время имеются и другие способы их фиксации: аудио- или видеозапись на магнитную пленку, киноленту и др.

Одним из древних преданий татар является дастан (произведение эпического жанра в письменной или устной форме на историческую или любовно-лирическую тему). Автором использованы дастаны «Ильдан и Гульдан», «Славная девушка Тукбика», «Тимер Батыр», записанные у сибирских татар, хранящиеся в архиве Института языка, литературы и искусства им Г.Ибрагимова[5]. В дастанах излагаются исторические события, относящиеся к 20-м годам XIII столетия, и события, связанные с проникновением русских в Западную Сибирь и с походом Ермака[6].

---

[1] Адамов А.А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары: Материалы 1-го сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (14–18 декабря 1998 г.) — Тобольск, 1998. — С. 4.

[2] Адамов А.А. Указ. соч. — С. 5.

[3] Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии ОмГУ. — Новосибирск: Наука. Сибирская изд. фирма РАН, 1999. — С. 5.

[4] Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1993. — Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. — С. 10, 268; Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1996. — Тюмень, 1998. — С. 120.

[5] Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я.Словцова. — М., 1999. — С. 133–153.

[6] Архив ИЯЛИ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 31.

В процессе работы над книгой автором были использованы материалы фольклора сибирских татар, опубликованные в 14 томах памятников татарского народного творчества[1]. Почти в каждом из томов имеются образцы, записанные у сибирских татар в Омской, Томской, Новосибирской, Тюменской и других областях. Произведения устного народного творчества различных жанров сибирских татар отражают местные географические, исторические особенности, в то же время они обладают множеством общих черт и мотивов, присущих фольклору татар Поволжья и Приуралья, что свидетельствует об общих тюркских корнях. Эти материалы были использованы автором при исследовании проблем этногенеза и духовной культуры.

Лингвистические источники

Ценным источником для исследования языка сибирских татар являются труды В.В.Радлова, написанные по результатам исследования языка и народной литературы сибирских татар и других тюркоязычных народов Южной и Западной Сибири. Кроме лингвистического, они несут важную историческую информацию об отдельных исторических событиях, сохранившихся в памяти народа[2]. В качестве лингвистического источника использованы также труды И.Гиганова «Грамматика татарского языка» и «Словарь российско-татарский», которые написаны на основе языка сибирских татар.

Историография

В отечественной историографии нет специального обобщающего труда, посвященного анализу экономической и социальной жизни сибирских татар в составе Российского государства, хотя освоение Сибири сопровождалось ее изучением. Развитие сибирской историографии тесно связано с поступательным ходом колонизации края. Одной из основных проблем сибирской историографии было присоединение Сибири, ее освоение, его ход и характер. В тесной связи с освоением вставал другой вопрос — о жизни коренных народов Сибири, в частности татарского, об общности судеб татарского и русского населения и их сближении. В частности, В.Г.Мирзоев писал: «Сибирские историки накопили громадный материал и выработали различные мнения по вопросам внутренней политики царского правительства в Сибири»[3]. В историографии Сиби-

---

[1] Әхмәтҗанов М.И. Себер ханлыгына кагылышлы билгесез татар чыганаклары // Фән һәм тел: Фәнни-хәбәри журнал. — 2003. — № 2. — С. 24–31; Әхмәтҗанов М.И. Билгесез татар чыганаклары // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3–4. — С. 35–41; Архив ИЯЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170, 171.

[2] Татар халык иҗаты. 14 томда. — Казан, 1972–1988. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1972–1988. Татар халык иҗаты (ТХИ): Әкиятләр. 1–2 китап (Татарское народное творчество (ТНТ): Сказки. Кн. 1–2. Составили том, написали введение и подготовили примечания Х.Х.Гатина и Х.Х. Ярми). — Казань, 1977–1978; ТХИ: Әкиятләр. 3 китап. (Сказки. Кн. 3. Сост. том, написал введение и подг. примеч. Л.Ш.Замалетдинов) — Казань, 1981; ТХИ: Йола һәм уен җырлары. — Казан, 1980; (ТНТ): (Обрядовые и игровые песни. Составил, написал введение и подготовил примечания Надиров И.Н.) — Казан, 1980: Тарихи һәм лирик җырлар. (ТНТ): (Исторические и лирические песни. Составил, написал введение и подготовил примечания И.Н.Надиров) — Казань.1988; ТХИ: Бәетләр. Тезучеләр (ТНТ: Баиты. Составили том Ф.В.Ахметова, И.Н.Надиров, К.Б.Замалетдинова — Казань, 1983; ТХИ: Дастаннар (ТНТ): Дастаны. Составила том, написала введение, подготовила примечания Ф.В.Ахметова). — Казань, 1984; ТХИ: Риваятьләр һәм легендалар (ТНТ: Предания и легенды. Составил том, написал введение, подготовил примечания Л.Ш.Замалетдинов). — Казань, 1987.

[3] Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. — Ч. I–VI. — СПб., 1866–1886; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — Ч. II. Поднаречия абаканские (сагайские, койбальские, качинские), кызыльские и чулымские. — СПб., 1868; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — Ч. IV. — СПб., 1877.

ри в той или иной мере нашли отражение положение русского, татарского и других народов Сибири, их борьба за жизненные права и независимость. Исследователи истории Сибири не только освещают историю Сибири, но и отражают понимание ими исторического прошлого. В этой части своего исследования автор поставил перед собой задачу систематизировать основные этапы историографии изучаемой проблемы.

В.Н.Татищев (1686–1750), автор первой научной истории России, может считаться зачинателем и научной «русской» истории Сибири. В 1720–1723 и в 1734–1737 гг. он работал непосредственно в Сибири. В его научной деятельности отразились характерные черты русской историографии — внимание к вопросам историко-географического характера, связь с этнографическим изучением многонационального населения, вошедшего в состав России.

Историю Сибири В.Н.Татищев делит на три периода: сарматский, татарский и русский. Сарматский период, по его мнению, начинается с глубокой древности, к сарматам он относит и финно-угорские племена Сибири. Татарский период начинается с XV в., когда в результате междоусобных войн при Тимуре татары пришли в Сибирь; тем самым В.Н.Татищев сокращает историю тюрков в Сибири почти на тысячу лет. Это большая ошибка Татищева. С конца XVI в. начинается третий — русский период в истории Сибири. В сибирских татарах В.Н.Татищев видел врагов русских — монголов, он не делал попытки отличить монголов от татар-тюрков[1].

В 1733 г. была снаряжена крупная академическая экспедиция под руководством капитана Беринга, к участию в которой были привлечены историки Герард Фридрих Миллер, позднее Иоганн Эбергард Фишер и др. Научная экспедиция должна была выявить возможности дальнейшего развития Русского феодального государства и определить пути для дальнейших колониальных захватов[2].

Миллер провел в Сибири почти 10 лет. Он открыл для науки неисчерпаемые сокровища — архивные документы, археологические памятники и этнографические материалы. Его труды вполне можно считать первыми научными исследованиями по истории огромного региона.

Результатом десятилетней работы Миллера в Сибири являются его труды по истории Сибири, охватившие период от образования Тюменского ханства до 60-х годов XVII в. В 1750 г. вышел его том I «Описания Сибирского царства и происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой, по сии времена», состоящий из 5 глав. Второй том полностью был опубликован лишь в 1763 г. на немецком языке, третий том остался в рукописи. Второе издание I тома труда Миллера было осуществлено в 1787 г. В XIX в. и до конца 30-х годов XX в. «Описание Сибирского царства» не издавалось.

Академическое издание трудов Миллера под названием «История Сибири» в двух томах было осуществлено в 1937 и 1941 гг.

В научных кругах Миллер считается наиболее объективным историком Сибири. В его трудах содержится большой объем информации о Сибирском татарском государстве, татарах и других народах, населяющих ханство. Зна-

---

[1] Мирзоев В.Г. Историография Сибири... — С. 4.
[2] Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. — М., 1950. — С. 70, 130.

чение его труда заключается не только в масштабности охвата материала, но и в его новизне и строгой научности.

Особенно тщательно Г.Ф.Миллер обследовал татарские, остяцкие и вогульские городища, обстоятельно описал руины Чимги Туры, Искера, Бегишева и других городков ханства. Как добросовестный ученый Миллер не мог обойти вниманием факты колониальных притеснений народов Сибири, жестокости ермаковских казаков, грабежей мирного населения, алчности воевод. Но, по описанию Миллера, «эти жестокости — дело частных лиц, московские правители в этом не виноваты». Большое значение для исследования истории народов Западной Сибири имеют документы, приложенные автором к своему труду.

Объективное описание многих исторических событий было несовместимо с официальным великодержавным духом Императорской Академии наук. Оно не было оценено по достоинству многими высокими чинами от науки. Ярым противником Миллера в вопросах истории выступил М.Ломоносов, который требовал устранить из книги все, что компрометировало деятельность русских в Сибири[1].

Однако необходимо иметь в виду, что с 1733 г. по 1743 г. Г.Ф.Миллер работал в сибирской экспедиции по договору с правительством России, по его заказу и на его деньги. В связи с этим он не мог не отразить в своих трудах идеологию Российской империи. Г.Ф.Миллер исследовал историю Сибири с узкой — практической точки зрения. Отношение Г.Ф.Миллера к сибирской истории можно считать характерным для русской историографии XVIII в. История завоевания Сибири интересовала официальную русскую историческую науку в первую очередь в плане выгод, которые дворянская империя получила в результате покорения Сибирского ханства. Поэтому Г.Ф.Миллер выступал в своем труде в качестве идеолога колониальной экспансии и апологета методов эксплуатации сибирских татар, к которым прибегали представители царской власти в Сибири. Как представитель официозной историографии, он рассматривал присоединение Сибири как особое счастье, ниспосланное богом православному царю.

Дорусский период истории Сибири Миллера совершенно не интересовал, отдельные события этого периода описаны им лишь в связи с колонизацией. Сибирских татар и другие народы Сибири он считал «неисторическими». Эта глубоко ошибочная концепция Миллера прочно утвердилась в русской историографии Сибири.

В 1733 г. Миллер отдал Фишеру 28 глав своего сочинения для составления на их основе краткого отчета. Труды Фишера были опубликованы под названием «История Сибирская» в 1774 г.

И.Э.Фишер создавал свой труд под влиянием Г.Ф.Миллера. Однако и он также отрицательно относился к истории сибирских народов, в событиях прошлого Сибири не видел историю. Необходимо отметить, что дореволюционная и советская русская историческая наука довольно негативно отнеслась к труду И.Э.Фишера, считая его «компиляцией от Миллера».

---

[1] Бахрушин С.В., Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т.I. — С. 11.

С новых позиций рассмотрел историю Сибири А.Н.Радищев (1749–1802). Для него история Сибири есть повествование о прошлом ее народов, а не история действий воевод, атаманов, правительства, как писали В.Н.Татищев, Г.Ф.Миллер, И.Э.Фишер. О сибирских татарах А.Н.Радищев пишет немного, сведения о них содержатся в основном в его трудах «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», «Описание Тобольского наместничества»[1]. Являясь родоначальником демократического направления в русской исторической науке, А.Н.Радищев реалистически описывает быт сибирских народов, предлагает им перейти от первобытных форм существования к производящим способам хозяйствования, особенно к земледелию. Произведения А.Н.Радищева о Сибири положили начало демократическому направлению в историографии Сибири.

В течение длительного времени в русской историографии сибирские татары и другие народы Сибири не являлись предметом специальных научных исследований, в том числе в аспекте присоединения их к России. Сложившаяся в XVIII в. русская историческая наука, при всей своей обращенности только к русской истории, не могла пройти мимо факта нахождения под российской юрисдикцией многих нерусских народов. С точки зрения формирования Российской империи события, связанные с завоеванием, покорением и присоединением различных народов, в том числе сибирских татар, к России, включались в общий контекст исторического повествования и Н.М.Карамзиным, и С.М.Соловьевым, и В.О.Ключевским, и др. При этом, как правило, речь шла именно о завоеваниях, о покорении силой. Разумеется, при этом обосновывалась «законность» завоевания, что якобы было вызвано необходимостью сохранения новых земель, приобретенных русскими.

В своем многотомном сочинении «История государства Российского» Н.М.Карамзин (1766–1826) поместил очерк о завоевании Сибири. Он отверг систему летописания Миллера, взяв за основу описания событий Строгановскую летопись. Н.М.Карамзин признает приглашение Ермака Строгановыми, одобряет все действия Ермака в Сибири. Историческая концепция Н.М.Карамзина стала официальной концепцией монархической государственной власти России. Однако он в своих исторических сочинениях нередко отходил от источника или отдавал предпочтение менее достоверному источнику в угоду собственным политическим целям и монархической исторической концепции[2].

Русский историк С.М.Соловьев (1820–1879), создатель 29-томной «Истории России с древнейших времен», включил в шестой том своей «Истории» специальную главу «Строгановы и Ермак», посвященную истории Сибири. В этой главе он освещает не историю Сибири вообще, а период ее завоевания и начала колонизации. Подобно Карамзину, С.М.Соловьев за основу истории Сибири берет Строгановскую летопись. Он критикует П.И.Небольсина за защиту Есиповской летописи.

По концепции С.М.Соловьева, Строгановы действовали в духе указаний государственной власти, но в центр ставили собственные интересы. Движение русского населения на северо-восток и колонизация этих земель, по мне-

---

[1] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–VII вв. — М., 1928. — С. 30.

[2] Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1941. — Т. II. — С. 8–10.

нию Соловьева, были «одним из важнейших законов движения русского общества». Его нисколько не интересуют история и судьбы народов Сибири, он их совершенно не видит[1]. С.М.Соловьев, как бы отвечая на вопрос: кто был инициатором завоевания Сибирского ханства, Строгановы или сам царь? — пишет, что «государь пожаловал их, Якова и Григория Строгановых, позволил между тахчеями, по реке Тоболе и по рекам, которые в Тобол впадают, до вершин, на усторожливом месте крепости делать, сторожей нанимать и огненный наряд держать за свой счет, железо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владеть... Как следствие господствующих явлений древней русской жизни — колонизации — общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации...»[2]. Кроме упоминания трех сибирских ханов, М.С.Соловьев ничего не пишет о татарах и других народах Сибири.

В российской исторической науке второй половины XIX в. региональная история занимает довольно заметное место. С.М.Соловьев, таким образом, утверждает, что к завоеванию Сибирского ханства русский царь готовился давно, однако инициаторами завоевания Сибири были Строгановы. Колонизацию же Сибири он считает одним из господствующих явлений русской жизни.

П.А.Словцов (1767–1843), основоположник буржуазной историографии Сибири и сибирского краеведения, в известном труде «Историческое обозрение Сибири», посвященном систематическому изложению истории Сибири, стремился описать внутренние процессы, имевшие место в истории Сибири. По убеждению П.А.Словцова, целью захвата Сибири является не выгода метрополии, а просвещение «этой дикой страны». Отмечая закономерность и прогрессивность завоевания и присоединения Сибири к России, определяющую роль вольной колонизации в заселении края, он поднял вопрос о месте Сибири в составе России. Словцов утверждал, что Сибирь должна рассматриваться как неотъемлемая часть России, а не как колония. По мнению Словцова, коренные народы Сибири не имеют своей истории, их будущее — под руководством России. Однако Словцов выступает за уважение обычаев и веры сибирских народов, гуманное отношение к ним. Являясь сторонником самодержавия и церкви, Словцов в то же время выступал против крайностей крепостнической политики и злоупотреблений местных властей[3]. Историческое творение Словцова явилось одним из поворотных пунктов в исследовании Сибири после Миллера, заложившего «фундамент» истории Сибири.

На основании довольно глубокого анализа сибирских летописей появился труд журналиста, этнографа и историка П.И.Небольсина (1817–1893) «Покорение Сибири», в котором описаны события, связанные с завоеванием Сибирского ханства[4]. Однако если Н.М.Карамзин и С.М.Соловьев допустили ошибку в освещении дорусской истории Сибири, опираясь лишь на Строгановскую летопись, то П.И.Небольсин допустил другую досадную ошибку, пос-

---

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1821. — Т. IX.

[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1960. — Кн. III. — Т. VI. История России с древнейших времен. — С. 693–694.

[3] Соловьев С.М. Сочинения. — Кн. III. История России с древнейших времен. — Т. 5–6. — С. 669–670.

[4] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — М., 1838. Кн. I; — М., 1844. Кн. II.

читав достоверной только Есиповскую летопись (следует учесть, что среди всех упомянутых историков П.И.Небольсин более углубленно изучал различные варианты сибирских летописей). Он опровергает инициативу Строгановых в приглашении Ермака, наделяя Ермака «добродетельными чертами». Сочинение его было своеобразным гимном предводителю казацкого отряда. Идею завоевания Сибири П.И.Небольсин приписывает Ивану IV, восхваляя пророчество царя. Тем самым он утверждает главную роль государства в завоевании Сибири. П.И.Небольсина практически не интересовала история сибирских татар до Ермака. В то же время впервые в исторической литературе он выступил против карикатурного изображения Кучума, он описал его как врага сильного и опасного, до конца и непреклонно боровшегося за независимость своего государства.

Недостаточно изученным вопросам о состоянии Сибирского ханства, личности Кучума и Ермака были посвящены ценные в источниковедческом отношении работы русского историка-востоковеда В.В.Вельяминова-Зернова (1830–1904) «Исследования о касимовских царях и царевичах»[1] и И.Я.Словцова «Кто был Кучум?»[2].

Проблему завоевания Сибирского ханства и колонизации Сибири исследовал также К.Голодников. Его труд содержит немало этнографических и демографических сведений[3].

И.Юшков по-своему рассматривает вопросы происхождения сибирских татар в очерках под общим названием «Сибирские татары». По его мнению, «сибирские татары ведут начало от кавказских выходцев, поселившихся в конце V — начале VI в. по Рождеству Христову на восток от Каспийского моря и у Алтая под именем туркоманов, или турок...». До половины VI столетия часть восточных турок, сообщает он, находилась под властью геугенов — монгольского племени. И.Юшков кратко описывает историю создания в 552 г. Тюркского каганата и дальнейшую историю тюрков. Его изложение истории татарских ханств Западной Сибири, похода Ермака основано на сообщениях Строгановской летописи. В его труде содержатся ценные сведения о расселении и численности сибирских татар. Историю сибирских татар И.Юшков начинает с древних тюрков, дает сведения о государствах их далеких предков — древних тюрок. Большое место в его труде занимает описание материальной и духовной культуры сибирских татар. Он доброжелательно относится к духовной культуре и нравственному состоянию татарской деревни, убедительно показывает роль ислама в истории и жизни татар того периода[4].

Известный русский ученый и демократ А.П.Щапов (1830–1876) видел в сибирском обществе эгоизм, своекорыстие, хитрость и грубость при почти полном отсутствии «высших человеческих чувств», гуманности. Он выдвинул тезис о народе как движущей силе истории, но исторические процессы

---

[1] Небольсин П.И. Покорение Сибири. — СПб., 1849.

[2] Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. — Ч. II. — СПб., 1860.

[3] Словцов И.Я. Кто был Кучум? // Восточное обозрение. — 1882. — № 39–41.

[4] Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. — Тобольск, 1881.

отождествлял с биологическими, признавая право превосходства сильного над слабым. В борьбе племен, по его представлению, победу одержали «могучие антропофагические татарские племена», однако впоследствии и они не сумели противостоять огнестрельному оружию, умственному и физическому превосходству русско-славянского племени. Единственным выходом из бедственного положения сибирских народов он считал их обрусение, превращение в оседлых русских крестьян[1].

Развитие исследований о Сибири, ее коренных народах и накопление литературы о Сибири вызвали необходимость создания сибирской библиографии, получившей впоследствии название «Сибирика». Эту очень важную миссию выполнил В.И.Межов, создавший обширную «Сибирскую библиографию» и «Библиографию Азии»[2]. Труды В.И.Межова остаются надежным подспорьем для исследователей и по сей день.

Яркий представитель сибирского областничества Н.М.Ядринцев (1842–1894) в широком плане исследовал проблему коренных народов Сибири. Он пытался выяснить причины их вымирания. Не менее важное место в его исследованиях занимала проблема будущего народов края. На этих идеях основана третья его книга «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» и труд «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении». Ядринцев приводит большой статистический материал по демографии сибирских татар, сведения об их экономическом положении, повинностях по отдельным этнографическим группам. В его работах описаны поселения, жилище, одежда татарского населения, а также его быт и особенности питания и т.д.

С первых лет завоевания царское правительство установило в Сибири колониальные порядки. Отношение дореволюционных исследователей к политическому и экономическому статусу Сибири было противоречивым. Развитие капиталистических отношений обострило противоречия между Центром и окраинами. Недовольство передовых представителей русского общества Сибири колониальной политикой государства уже в середине XIX в. приняло открытую форму. Дальнейшим итогом исторического развития антиколониальных идей явилось создание в Петербурге движения под названием «Сибирское областничество». Основное ядро этого движения составляли Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев, И.В.Федоров, Н.И.Наумов, С.С.Шашков и другие.

Временем становления сибирского областничества является рубеж 1850—1860-х годов, т.е. период, когда Россия переживала революционную ситуацию. Все началось с образованного Н.М.Ядринцевым кружка сибиряков. В 1860-е годы сибирские областники были сторонниками революционно-демократического движения и предприняли некоторые меры в борьбе с самодержавием.

В прокламациях «К патриотам Сибири», «К сибирским патриотам» областники выдвигали идею свержения царской власти, создания независимой

---

[1] Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 35–45. Отдельный оттиск. Хранится в Тюменской областной научной библиотеке.

[2] Щапов А.П. Сочинения. — СПб., 1906. — Т. II. — С. 424–425; Щапов А.П. О развитии высших человеческих чувств // Отечественные записки. — 1872. — Т. 204 (29). — № 10. — С. 4473.

Сибири и образования в будущем в Сибири демократической республики. Они выражали протест против местной администрации, ратовали за развитие образования и культуры в Сибири[1]. «Интересы сибирского народа никогда не соединятся с интересами России, Сибирь должна отделиться от России во имя блага своего народа, создавшего свое государство на началах самоуправления», — писали областники в своих призывах. Областники считали, что Сибирь может достигнуть своей самостоятельности «только путем восстания и войны за независимость»[2].

Идея независимой Сибири была высказана А.П.Щаповым в его стихотворении «К Сибири», воспринятом революционными демократами как манифест. Прокламация «К сибирским патриотам» провозглашала борьбу за освобождение Сибири от оков самодержавия и призывала все народы России ко всеобщему восстанию «для освобождения Русской империи». «Мы, сибиряки, — писали они, — братски подаем руки российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом. По окончании ее сибиряки должны созвать свое народное собрание и определить свое будущее отношение к новой освобожденной России»[3] и в дальнейшем вести войну за освобождение России и Польши[4]. За выступление против самодержавного строя областники были арестованы, осуждены и сосланы на каторгу и поселение[5].

В мае 1865 г. оставшиеся на свободе сибирские областники возвратились в Сибирь. После возвращения из ссылки Н.М.Ядринцева (июнь 1875 г.) и Г.А.Потанина (лето 1874 г.) областники переходят на позиции буржуазного либерализма и принимают некоторые взгляды народников[6].

Огромной заслугой областников была постановка «инородческого вопроса» в его экономическом, политическом, национальном, культурном и научно-историческом аспектах. В соответствии с их концепцией «без решения инородческой проблемы» Сибирь не могла развиваться дальше. Народы Сибири должны были занять свое место в поступательном движении истории.

Эксплуатация коренных народов Сибири, как утверждают областники, имела два направления: правительственное и русское народное. Занесение в Сибирь русскими различных болезней, недобросовестная торговля, распространение среди народов Сибири алкоголя, ограбление народов, их рабство и бесправие, эксплуатация их чиновниками в мундире и рясе — все формы колониального гнета являлись причиной вымирания коренного населения[7]. «Мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а к сближению с ними; культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости»[8]. Будущее коренных народов Сибири областники видели в народном управлении и федеративном устройстве России.

---

[1] Межов В.И. Сибирская библиография. Т. I–III. — СПб., 1891–1892; Его же. Библиография Азии. Т. III. — СПб., 1894.

[2] РГВИА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1966. Л. 25.

[3] РГВИА. Ф. 169. Д. 1966. Л. 10, 25, 109, 110.

[4] ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1848. Л. 24.

[5] Lewestowski W. Na sibirskim zestaniv. — Warshawa, 1929, snr. 90–94.

[6] РГИА. Ф. 1151. Оп. Т. VII. № 1. Л. 31 об., 32.

[7] Сесюнина М.Г. К вопросу о возникновении сибирского областничества // Вопросы истории Сибири. — Вып. 2. — Томск, 1965. — С. 30.

[8] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... — С. 210, 211.

Сибирские областники наиболее близко подошли к пониманию имперской сущности колониальной политики Российской империи, были наиболее страстными пропагандистами демократического решения «инородческого вопроса».

Русский историк и публицист, один из идеологов областничества С.С.Шашков (1841–1882) утверждал, что Сибирь была военной колонией России, превращающей «инородцев» в нищих и рабов. Казна получала доходы в виде мехов, служилые и вольные люди грабили сибирское население. Его точка зрения относительно колонизации совпадала со взглядами Н.М.Ядринцева и А.П.Щапова. «Русские явились в Сибирь как завоеватели и, кроме оружия и эксплуатации, не могли ничего принести с собою в среду туземных поселений», — писал Шашков. Впервые в русской исторической литературе он заявил об узаконенном русскими императорами рабстве в Сибири. В отличие от Ядринцева и Щапова, Шашков предлагал для исправления положения в Сибири не частичные меры, а призывал сибирское общество к изменению политической системы в целом, чтобы «двигаться вперед по пути прогресса коренных народов и переселенцев»[1].

В отличие от Н.М.Ядринцева, Г.Н.Потанина и А.П.Щапова, С.С.Шашков не видел возможности для изменения положения коренных народов Сибири к лучшему: «они или вымрут, или смешаются с русскими»[2].

Планы сибирских областников, естественно, не могли осуществиться в тот период, поскольку общество еще было не готово к этому. Тем не менее их деятельность имела большое значение и для Сибири, и для России. Благодаря их активной деятельности во всех слоях российского общества усилился интерес к проблеме колониального гнета коренных народов Сибири.

Значительный интерес представляют труды другого областника Г.Н.Потанина (1835–1920), особенно работы, освещающие дорусский период истории Сибири. В татарском ханском периоде истории Западной Сибири он видит «правильную организацию начала государства, земледелия и ремесла», дружину Ермака называет «бандой вольницы»[3].

Как и Ядринцев, Потанин утверждает, что Сибирь является колонией в прямом значении этого слова. Хищническую эксплуатацию естественных богатств Сибири он считал следствием политики властей[4].

Существенный вклад в историографию Сибири внес А.В.Оксенов. В своих исторических очерках он показал, что сибирские народы и до Ермака имели длительную историю: вели свое хозяйство, торговали с соседними народами, создавали государства, имели опыт международных отношений. На конкретном историческом материале А.В.Оксенов подтверждает, что удар дружины Ермака был заключительным этапом в устремлении Русского государства на восток[5].

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом значении... — С. 46.

[2] Шашков С.С. Очерк русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. — 1867. — Т. 175. — № 10. — С. 581.

[3] Шашков С.С. Собрание сочинений. — СПб., 1898. — Т. 2. — С. 630–632.

[4] Потанин Г.Н. Официальное празднование 300-летия Сибири // Исторический вестник. — 1882. — Т. 10. — № 12. — 726–727.

[5] Оксенов В.А. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей // Литературный сборник / Под ред. Н.М.Ядринцева. — СПб., 1885; Его же. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал МВД. — 1892. — № 2; Его же. Сибирское царство до эпохи Ермака // Томские губернские ведомости. — 1888. — № 14; Восточное обозрение. — СПб., 1883. — № 38.

Итак, в конце XIX в. многие аспекты истории Сибири были исследованы, однако систематизированной истории Сибири еще не было. За выполнение этой трудной задачи взялся И.В.Щеглов. Составленный им «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» долгие годы служил и будет служить историкам. Недостатком его справочника является не всегда критическое отношение к некоторым источникам[1].

Во второй половине XIX в. внимание исследователей снова привлекла проблема завоевания Русским государством «инородцев». Они понесли колоссальные людские потери при завоевании. Крупным шагом в монографическом исследовании этой и других проблем истории Сибири являются труды П.Н.Буцинского. На основе изучения архивных материалов он приводит ценный статистический материал о количестве местного населения в начале XVII в. Посол Ивана IV Иван Непейцын, направленный в Сибирское ханство для учета ясачного населения, докладывал царю, что там проживает 30700 душ ясачных людей. По ясачным же книгам начала XVII в. Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского уездов, данными которых пользовался П.Н.Буцинский, количество ясачных людей составляет всего 1888 душ[2]. У Буцинского отсутствуют данные по томским и барабинским татарам. Однако количество ясачных этих волостей не могло восполнить разницу в количестве ясачных людей до и после завоевания Сибири. Людские потери при завоевании Сибирского ханства были огромными.

Отношение исследователя к местному населению противоречиво: в грабеже и истреблении сибирского населения П.Н.Буцинский обвиняет местных правителей, политику же, проводимую в Сибири московским правительством, историк оценивает как положительную. В другом труде — в очерках «К истории Сибири» — он обвиняет во всех бедах аборигенов Сибири[3].

Среди трудов по «инородческой проблеме» можно назвать сочинение Н.А.Фирсова (1831–1896) «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве», в котором исследуется быт коренных народов, населявших в XVI–XVII вв. север Европейской России, Поволжья и Сибири.

Автор ограничивает жизнь нерусских народов России внутренним бытом, он недостаточно знаком с их духовной жизнью, общественной моралью. Он отрицает моральное содержание исторических процессов. По Фирсову, народам безразлично, кто ими правит. Работа пронизана духом фатализма: «Все так было, как должно было быть». Он выступает в качестве регистратора событий, не видит причин вымирания народов. Своими рассуждениями он снимает ответственность Российского государства перед завоеванными народами[4].

Большой вклад в изучение сибирских татар внес Н.Ф.Катанов (1862–1922). Он собирал и издавал сохранившиеся в народе в устной и письменной форме исторические предания, давал им историческую оценку. Кроме проб-

---

[1] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — Иркутск, 1884.

[2] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Харьков, 1889.

[3] Его же. К истории Сибири // Записки Харьковского университета. — 1893. — № 1.

[4] Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. — Казань, 1866.

лемы сибирских татар, он занимался научной разработкой проблемы языка и истории других тюркских народов Сибири[1].

Важные сведения и выводы, отсутствующие в русских источниках и трудах русских исследователей, содержатся в работах казахского ученого Чокана Валиханова. Не потеряли своего научного значения его исследования об Идегее, о племенах Южной Сибири, о Ак и Кок Орде. Особого внимания заслуживает его перевод оригинальной части дастана Кадыр Али-бека «Джами ат-таварих», его размышления о казахах, ногаях и сибирских татарах. Безусловно, нельзя согласиться со всеми выводами и размышлениями Валиханова, в частности относительно сочинения Кадыр Али-бека и роли поволжских татар в истории просвещения казахов[2].

В конце XIX — начале XX в. у татар зарождается национально-демократическая интеллигенция, развивается просветительское движение. Его деятели, получившие образование в учебных заведениях Средней Азии, Поволжья и Приуралья, направляли свои усилия на пробуждение национального достоинства и самосознания. При исследовании национальной истории они пользовались трудами русских историков, русскими летописями, татарскими преданиями, а также документами народной генеалогии — шеджере; доступными арабо- и персоязычными источниками и сочинениями.

Богатейшее творческое наследие оставил татарский исследователь-историк, общественный и религиозный деятель Шигабутдин Марджани (1818–1889). Он в труде «Мустафадель ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Сведения, использованные по истории Казани и Булгар»), изданном в Казани в 1897 г., в частности в разделах по истории Ак Орды, Шибанидов и Сибирского ханства, описывает некоторые события истории Сибирского ханства[3]. Историк, языковед Али Рахим (1892–1943) в статье «О новом списке татарского исторического сочинения XVII в.» сообщает об обнаружении нового списка «Летописи Кадыр Али-бека» в библиотеке татарского ученого, религиозного деятеля Галимджана Баруди и дает свое толкование этого документа[4].

Татарский ученый, общественный и религиозный деятель Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936) в своем энциклопедическом труде (в 15 частях) «Асар» помещает ряд сообщений, касающихся истории Сибирского ханства и известных деяте-

---

[1] Катанов Н.Ф. Обзор правительственных и церковных распоряжений, касающихся обращения в христианство татар-мухаммедан // Странник. — 1886. — Т. 2. — С. 565–591; Его же. Родословие сеидов // Сибирский сборник. — СПб., 1887. — № 1. — С. 234–137; Его же. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Ученые записки Казанского университета, 1894. — Кн. 3. — С. 186–206; Его же. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895–1896. — Вып. 5. — С. 1–12; Его же. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г.Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 51–61; Его же. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. XV. — С. 3–28; Его же. Известия Лоренца Лянге 1716 г. о Сибири и сибирских инородцах. — Тобольск, 1905.

[2] Валиханов Ч. Идиге (джир) // Сочинения. — СПб., 1904. — С. 222–264; Его же. Заметки по истории южносибирских племен // Собрание сочинений. — Алма-Ата, 1961. — С. 380–391; Его же. Извлечения из «Джами ат-таварих» // Собр. соч. — Алма-Ата, 1961. — Т. I. — С. 142–168; Его же. Избранные произведения. — М., 1986.

[3] Мәрҗани Ш. Мөстафадел әхбәр фи әхвәли Казан вә Болгар. — Ж. I. — Казан, 1897. — Б.156.

[4] Рахим Али. О новом списке татарского исторического сочинения XVII в. Отдельный оттиск из Вестника Научного общества Татароведения. — Казань, 1927. — № 7.

лей из сибирских татар. Он также публикует сообщения, статьи исторического характера о Сибирском ханстве и сибирских татарах в журнале «Шура», издаваемом в Оренбурге в 1909–1918 гг., редактором которого был сам Р.Фахретдин[1].

Самой значительной работой на татарском языке является «Себер тарихы» («История Сибири») татарского историка Хади Атласи (1876–1938), в которой воссоздается история Тюменского и Сибирского ханств. Х.Атласи излагает краткую историю тюрков Сибири с древнейших времен. Имеются специальные главы о древних кыргызах, о Чингиз-хане. История Тюменского и Сибирского ханств описывается начиная с Тайбуги и кончая завоеванием ханства Русским государством.

Сочинение Х.Атласи довольно объемно, при его написании автор использовал как неопубликованные источники, так и исследования своих предшественников. В библиографии, например, указаны труды В.В.Радлова, Г.Ф.Миллера, И.Э.Фишера, П.И.Небольсина, Н.М.Карамзина, В.Н.Татищева, В.К.Андриевича, С.М.Соловьева и др. При создании своего труда Х.Атласи пользовался неизвестным русским исследователям истории Сибири трудом татарского ученого Мурада Макки ар-Рамзи «Мин талфикыл-ахбар ва талфикыл-асрарь фи вакыйг Казан ва Болгар ва мулук татар» («Достоверные и надежные источники по истории булгарских, казанских и татарских царей»), написанном на арабском языке[2].

Историк Газиз Губайдуллин (1887–1938) в своем труде «Татар тарихы» («История татар») посвятил раздел под названием «Сибирская Орда» изложению и описанию образования Сибирского ханства, привел сведения о годах, материальной культуре, занятиях, торговле, быте и сословиях и городах сибирских татар[3].

Некоторые сведения о Сибирском ханстве, о Кучуме приводятся в сочинениях Ахмеда-Заки Валиди (1890–1970). Немаловажное значение в татарской историографии имеют труды общественно-политического и религиозного деятеля, публициста Рашита Ибрагимова (1857–1944), сибирского татарина из г.Тары, в частности книга «Дауре галам» («Вокруг света»), в которой сообщаются ценные сведения о быте, религиозной и общественной жизни тюменских, тобольских, тарских и томских татар в начале XX в.[4].

В 1963 г. в США на английском языке была издана книга потомка древнего татарского рода Бориса Ишбулдина (1899–1989) «История татар», в которой имеется небольшая глава под названием «Сибирское ханство татар». В 2003 г. труд Б.Ишбулдина был издан в Казани на татарском языке[5]. В нем содержатся сведения о сибирских татарах и татарских государствах Западной Сибири. Представляют интерес сведения о роли Строгановых в завоевании Сибирского ханства, о борьбе Кучума против русских казаков.

Делая вывод по историографии дореволюционного периода по исследуемой проблеме, можно сказать, что в трудах русских историков до второй половины XIX в. главное внимание было обращено к русской истории, цент-

---

[1] Фәхретдин Р. Асар. — Ж. I. – XV. — Оренбург, 1901–1908. Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. — Казань, 1996; Его же. Болгар вә Казан төрекләре. — Казан, 1993.

[2] Атласи Һ. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. — Казан, 1993.

[3] Газиз Г. (Гөбайдуллин). Татар тарихы. — Казан, 1923. — Б. 70–76.

[4] Валиди Әһмәд-Зәки. Төрек-татар тарихы. — Казан, 1912; Его же. Кыскача төрек-татар тарихы. — Казан, 1915, 1917.

[5] Ибраһимов Р. Дәүре галәм. — Казан, 1908. Репринт. издание. — Казан: Иман нәшр., 2001.

ральное место в них занимают вопросы заселения и колонизации Сибири. Проблемы истории сибирских татар и других коренных народов Сибири рассматривались лишь в связи с этим вопросом, исходя из позиций выгоды правительства. Как отметила З.Я.Бояршинова, в центре внимания дворянско-буржуазной историографии была деятельность сибирских воевод и чиновничье-дворянской бюрократии, церкви, духовенства и торгово-промышленных элементов[1]. Анализ трудов русских авторов второй половины XIX в. показал, что отношение русского общества к колониальной политике самодержавия, материальному и духовному состоянию народов Сибири в данный период было неоднородным. Более демократические позиции занимали сибирские областники, объективно осветившие колониальную политику государства в отношении не только коренных народов Сибири, но и русских переселенцев.

Исследователей больше всего интересовали проблемы этнографии, быта сибирских татар, в трудах историков меньше всего освещались их духовная культура и общественная жизнь. Необходимо отметить неравномерность изучения многих проблем истории сибирских татар, односторонность изложения многих ее аспектов; отдельные работы отличаются необоснованностью и тенденциозностью выводов и утверждений; для многих работ характерна односторонность и поверхностность осмысления исторических процессов исследуемого периода. Часто суждения и выводы не подкреплялись антропологическими, археологическими материалами. Отдельные авторы делали поспешные выводы о предстоящем быстром обрусении сибирских татар.

В советский период, до 1960-х годов, история сибирских татар изучалась совершенно недостаточно. В 1920-е годы были опубликованы труды В.И.Огородникова о дорусской Сибири, о завоевании Сибирского ханства и колонизации Сибири. Первым после областников он ярко показал колонизаторскую политику российских правителей и жестокую эксплуатацию коренных народов Сибири, их борьбу за освобождение[2].

Советский историк академик С.В.Бахрушин (1882–1950) одним из первых в советской историографии занялся изучением процесса колонизации Сибири. Он много сделал для развития источниковедения, историографии и исторической географии Сибири, исследовал проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью сибирских татар, формированием и административным управлением служилых татар в XVII в. Ценными являются его исследования об организации сбора, технике обложения и предмете сбора ясака. Он осветил также предпосылки и ход военных действий народов Сибири против злоупотреблений при сборе ясака в XVII в. Необходимо отметить, что С.В.Бахрушин ошибается, начиная историю татар в Сибири только с XIII в. и рассматривая сибирских татар как завоевателей, пришедших в Западную Сибирь в XIII в. вместе с Чингиз-ханом[3].

---

[1] Ишбулдин Борис эль-Бәкри. Татарлар тарихы. — Казан: Раннур, 2003.

[2] Огородников В.И. Из истории инородческих волнений в Сибири (Заговор и восстание западносибирских инородцев в 1658–1636 гг.). — М., 1928.

[3] Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. — Ч. 2. — М., 1955. — Т. III. — С. 153–157; Очерки по истории колонизации Сибири в XV–XVII вв.: Ясак в Сибири в XVII в. // Там же. — Ч. I. — Т. III. — С. 58–84; Его же. Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом // Из истории колониальной политики русского царизма. — М.: Гос. изд. по вопросам радио, 1937. — С. 3–16; Его же. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия. — М., 1916; Его же. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Научные труды. — М., 1959. — Т. IV.

В конце 1930-х годов был опубликован очерк И.И.Авдеева и И.П.Стручковой о тобольских и тюменских татарах[1]. В научной прессе в 1947 г. после долгого игнорирования темы появился очерк Т.А.Трофимовой, посвященный этнической истории сибирских татар[2].

В свете исследуемой темы следует особо выделить труды З.Я.Бояршиновой. На основании широкого круга источников и трудов предшественников она проследила проблемы расселения, хозяйственной деятельности, общественного устройства сибирских татар и разные аспекты колонизации Западной Сибири. З.Я.Бояршинова объективно подошла к проблеме образования государства сибирских татар. Образование татарского государства в Западной Сибири она рассматривает как результат социально-экономического развития сибирских татар, подчеркивая при этом, что данное государство не образовано пришельцами извне. Она отчетливо освещала борьбу Шибанидов за татарские земли Тюменского ханства в Приишимье. Основываясь на восточных источниках, З.Я.Бояршинова пишет, что Чингизид-Шибанид Хаджи Мухаммед был ханом Туранского ханства, существовавшего некоторое время на территории шибанидской Кок Орды, а не Тюменского, не Сибирского ханства, как писали отдельные исследователи[3]. Б.О.Долгих исследовал родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., выявил происхождение татарских волостей[4].

Исследуя главные этапы русского земледелия в Сибири, а также состояние земледелия сибирских татар в период ханства и в составе Русского государства, В.И.Шунков делает следующие выводы:

1) дорусское земледелие Сибири имеет очень древние традиции, восходящие примерно ко II тысячелетию до нашей эры;

2) в XVII в. на территории Сибири, вошедшей в состав Русского государства, пашенное дорусское земледелие развивалось лишь у тобольских татар, занимавших территорию по Тоболу, Исети, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму, Иртышу[5].

И.Б.Гарифуллин в своих трудах, на основе критического исследования источников, освещает проблемы хозяйственной и духовной жизни сибирских татар[6]. В трудах А.Г.Нестерова, В.С.Синяева, Р.Г.Скрынникова, С.Тихонова, А.Н.Преображенского исследуются вопросы политической истории Сибирского ханства, завоевания татарского государства Западной Сибири Мос-

---

[1] Авдеев И.И., Стручкова И.П. Тобольские и тюменские татары: Историко-этнографический очерк // Журнал «Омская область». — 1937. — № 3. — С. 660–663.

[2] Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк // Труды Института этнографии. Новая серия. — М; Л., 1947. — Т. I. — С. 94–215.

[3] Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томск. гос. ун-та. — Т. 112, 195. — С. 114–204: Ее же. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск, 1960; Ее же. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967.

[4] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

[5] Шунков В.И. Очерки истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946; Его же. Очерк истории земледелия Сибири. XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.

[6] Гарифуллин И.Б. Зарубежные путешественники и участники научных экспедиций о сибирских татарах (В помощь изучающим историю Тюменского края) — Тюмень, 1995; Его же. Ямбай (Манчыл) авылы // Мирас. — 1995. — № 9. — С. 158–160; Его же. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. — Тюмень, 1993; Его же. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. — Тюмень, 1996.

ковским государством[1]. Различным аспектам истории сибирских татар в составе Российского государства посвящены сочинения К.В.Волковой, Г.Ю.Ситнянского, В.В.Рабцевича[2]. Значительным вкладом в историографию Сибири является исследование И.А.Андреева, посвященное источниковедению Сибири[3]. На тщательном изучении таможенных книг основаны исследования О.Н.Вилкова, который обратил внимание на проблемы хозяйственно-экономического развития Западной Сибири в XVII в.[4].

Вопросы древней истории, периода феодализма и капитализма нашли освещение в соответствующих томах пятитомной «Истории Сибири»[5].

В сравнительно-историческом исследовании татарских государств Западной Сибири представляет определенный научный интерес исследование Г.А.Федорова-Давыдова об общественном строе Золотой Орды[6]. Заслуживают внимания труды М.Г.Сафаргалиева о ногаях, об Улусе Джучи. Он исследует важные проблемы истории тюрков периода Золотой Орды[7].

М.И.Ахметзянов на основании исследования письменных источников, в основном татарских шеджере, делает вывод, что основное население Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств и Ногайской Орды составляло единый этнос[8]. Ссылаясь на сочинения Утемиша Хаджи и Заки Валиди, он пишет, что в первой половине XV в. земли по рекам Белая и Дема были в руках сибирских ханов, впоследствии они перешли к Шибанидам. Около деревни Тирмя на устье Демы был расположен мавзолей сибирского хана Махмутека, умершего в 1482 г.[9].

---

[1] Нестеров А.Г. Государство шейбанидов и тайбугинов в Западной Сибири в IV–XVII вв.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук / Мос. гос. ун-т. — М., 1968; Преображенский А.Н. Урал и Западная Сибирь в конце XV — начале XVII в. — М., 1972; Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. — Томск, 1951; Ситнянский Г.Ю. Об одной неясности в политической истории тоболо-иртышских татар конца XVI — начала XVIII в. // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск, 1988; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982; Тихонов С. Завоевание Сибирского ханства // Сибирские огни. — 1941. — № 3. — С. 127–135.

[2] Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. — Новосибирск, 1965; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — пер. пол. XIX вв. Историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975; Рабцевич В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII — первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973.

[3] Андреев И.А. Очерки по источниковедению Сибири. — Вып. 1. XVII в. — М.; Л., 1960.

[4] Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967.

[5] История Сибири. — Л., 1968 — Т. I.; История Сибири. — Л., 1968 — Т. II; История Сибири. — Л., 1968. — Т. III.

[6] Федоров-Давыдов Г.Л. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.

[7] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования империй X–XVI вв. — М: Инсан, 1986. — С. 277–526; Его же. Ногайская Орда во второй половине XVI в. // Сборник научных работ Мордовск. гос. пед. ин-та / Отв. ред. Я.Д.Бетяев. — Саранск, 1949. — С. 32–56.

[8] Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Идел. — 1993. — № 12. — 62–69 б.; Әхмәтҗанов М.И. Татар халкы оешуда нугайларның катнашы // Идел. — 1992. — № 3–4. — 58–65 б.; Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С. 142–160.

[9] Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. — Казан: Мәгариф, 2002. — 9 б.

Значительный источниковедческий анализ сочинения Кадыр Али-бека сделал в своем труде «Сборник летописей» Кадыр Али-бека (1602 г.)» М.А.Усманов. Ценными для исторической науки являются исследования автора о личности Кадыр Али-бека, определение источниковедческого значения его исторического сочинения[1].

Н.Г.Аполлова в монографии, посвященной изучению и хозяйственному освоению Прииртышья в конце XVI — в первой половине XIX вв., исследовала роль различных слоев коренного и пришлого населения в хозяйственном освоении Прииртышья[2]. Русское заселение рассматривается автором как процесс, протекавший на территории аборигенного, коренного населения.

В первом разделе своего труда, посвященном коренному населению Западной Сибири, освещается история Тюменского ханства, особенно историческая обстановка в 20-е годы XV в. В частности то, что Шибаниды Хаджи Мухаммеди Абуль-хайр, правители Кок Орды, захватили г. Кызыл Туру и сделали этот город ставкой.

Большое значение в исследовании истории и этнографии сибирских татар играло опубликование обобщающего труда «Народы Сибири», в котором имеется специальный раздел о различных этнографических группах сибирских татар[3].

Высокой оценки научной общественности заслужили труды М.М.Громыко, посвященные изучению заселения и сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII в.[4]. Особенно внимательно исследовала она крестьянскую колонизацию Западной Сибири в 30–80-е гг. XVIII в.

Д.М.Исхаков в своих исследованиях утверждает, что все татарские государства середины II тысячелетия как по этническому составу, так и по социально-политическому устройству были тесно связаны между собой[5]. Углубляя исследования социально-демографических процессов, происходивших среди татар различных регионов, он пришел к выводу, что «на этапе националь-

---

[1] Усманов М.А. «Сборник летописей» Кадыр Али-бека (1602 г.) // Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. — Казань: Изд-во КГУ, 1972. — С. 33–96.

[2] Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв. — М.: Наука, 1976.

[3] Народы Сибири. Из серии «Народы мира». — М.; Л., 1956.

[4] Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1965; Ее же. Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. // Известия СО АН СССР. — 1966. — Вып. 1. — № 1.

[5] Исхаков Д.М. Динамика, численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995; Его же. Историческая демография татарского народа (VIII — начало XX вв.) — Казань, 1993; Его же. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI вв.) // Панорама-Форум. — 1995. — № 3. — С. 96–107; Его же. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993; Его же. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань: Мастер-Лайн, 1997; Его же. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань: Мастер-Лайн, 1998; Его же. Сеиды в позднезолотоордынских государствах. — Казань: Изд-во «Иман», 1997; Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению / Отв. ред канд. филос. наук Р.М.Мухаметшин. — Казань: Изд-во «Иман», 1997; Его же. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1993; Его же. Идел-Урал буе hәм Себер татарларының этник тарихындагы уртаклыклар // Мирас. — 1998. — № 3; Его же. Сеиды в Сибирском ханстве // Сибирские татары. Материалы I сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., г.Тобольск). — Тобольск, 1998. — С. 136–137.

ного развития (конец XVII — первые десятилетия XX вв.) в результате этнокультурных и демографических процессов (раннее вхождение в состав Русского государства, близость этнических территорий, миграция волго-уральских татар в Нижнее Поволжье и в Западную Сибирь, языковое и культурно-бытовое сближение на основе этнического смешения) произошла консолидация волго-уральских, астраханских и сибирских татар в единую общность — татарскую нацию».

Отдельные сведения и выводы по истории сибирских татар содержатся в трудах Р.Г.Кузеева[1]. Определенное значение в исследовании этногенеза сибирских татар имеют труды Г.Б.Ксенофонтова, Б.Е.Кумекова, А.Н.Майкова, А.Х.Халикова[2]. В сравнительно-историческом исследовании поволжских и сибирских татар представляет интерес сочинение М.Г.Худякова о Казанском ханстве[3].

С конца 1950-х годов появляется значительное количество работ по этнографии сибирских татар и других народов Сибири. Большое значение приобрел коллективный труд «Народы Сибири». В сочинении этнографа С.А.Токарева «Этнография народов СССР» также освещались отдельные проблемы этнографии сибирских татар. Этнографическому исследованию сибирских татар были посвящены труды Н.Ф.Емельянова, В.Г.Карцева, Н.В.Кулешовой, С.Н.Корусенко, З.Д.Титовой, А.П.Уманского, В.В.Храмовой[4].

Сложные проблемы истории народов Сибири исследуются в пятитомном коллективном обобщающем труде «История Сибири»[5].

---

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974; Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов Севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по этнографии. — Омск, 1984.

[2] Ксенофонтов Г.Б. Урахай-сахалар. Очерк по древней истории якутов. — Иркутск, 1973; Кумеков Г.Е. Этнокультурные контакты кипчаков и татар по арабо-персидским источникам // Тезисы XXIX сессии Международной алтаистической конференции. — М., 1981; Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989; Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза народов Среднего Поволжья. — Казань, 1976; Майков А.Н. Татары и монголы в Азии и Европе. — М., 1977.

[3] Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923.

[4] Народы Сибири. Из серии «Народы мира». — М.; Л., 1956; Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 90–107; Его же. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 73–87; Его же. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). — Томск, 1980; Кулешова Н.В. Материалы к изучению современного этнического состава барабинских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск, 1988; Потапов Л.П. О национальной консолидации народов Сибири // Вопросы истории. — 1955. — № 10. — С. 59–66; Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 5–14; Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII в. // Уч. зап. Барнаульского гос. пед. ин-та. — Барнаул, 1972. — Т. 18. — С. 103–43; Храмова В.В. Заболотные татары // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. — Вып. 2. — Т. 82. — М., 1950. — С. 174–183; Ее же. Западносибирские татары // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 473–491.

[5] История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. I. Древняя Сибирь. — М., 1968; История Сибири. — Т. II. Сибирь в составе феодальной России. — М., 1968; История Сибири. — Т. III. Сибирь в эпоху капитализма. — М., 1968.

В монографиях и многочисленных статьях Ф.Т.Валеева анализируются основные этапы формирования сибирских татар, состояние их материальной и духовной культуры к началу XX в.[1].

Особого внимания заслуживают труды по истории и этнографии сибирских татар и некоторых других тюркоязычных народов Западной Сибири доктора исторических наук, профессора Н.А.Томилова. Им исследованы этнические процессы, протекавшие с конца XVII в. до начала XX столетия. Перечень его трудов, посвященных различным аспектам истории и этнографии сибирских татар, значителен[2]. В своих трудах Ф.Т.Валеев и Н.А.Томилов обособляют сибирских татар от единой татарской нации, рассматривают их как самостоятельный этнос[3].

В 1970 — 80-е годы значительное количество статей об орнаменте, промыслах сибирских татар опубликовал В.Б.Богомолов. Автор показал общетюркскую основу и характерные местные особенности их хозяйства и прикладного искусства[4].

Внимание историков и этнографов привлекли исследования Г.Т.Бакиевой об административно-территориальной структуре, расселении и численности, обрядах сибирских татар, а также ее монография, посвященная сельской общинной организации тоболо-иртышских татар[5].

В создании научной истории народа большое значение имеет исследование его фольклора. В коллективном художественном творчестве народ отражает свою трудовую деятельность, общественный и бытовой уклад, знание жизни и природы, культы и верования. Изучение устного народного творчества сибирских татар в широком плане проводилось еще в XIX в. известным русским ученым, академиком В.В.Радловым. В его труде «Образцы народной литературы тюркских племен» (часть IV) содержатся материалы по устному народному творчеству тюменских, тобольских, барабинских и тарс-

---

[1] Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. Историко-этнографические очерки. — Казань, 1980; Его же. Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992.

[2] Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск, 1978; Его же. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). — Томск, 1980; Его же. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск, 1981; Его же. Проблемы реконструкции этнической истории населения на юге Западной Сибири. — Омск, 1987; Его же. Этническая история тюрко-язычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск, 1992.

[3] Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. Культура народов России. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — Т. II.

[4] Богомолов В.Б. Современный орнамент сибирских татар // Социально-культурные процессы в Советской Сибири; Тезисы докладов по проблемам современного искусства и народного творчества. — Омск, 1985. — С. 16–20; Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 206–210.

[5] Бакиева Г.Т. Расселение и численность татар Тюменского региона в XVII–XX вв. // Тобольский исторический сборник. — Ч. 1. — Тобольск, 1997. — Вып. 2. — С. 104–110; Ее же. Некоторые параллели в свадебной обрядности западносибирских татар и тюрков Южной Сибири // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Абакан, 1993. — С. 53–55; Ее же. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX вв.) — Тюмень; М., 2203.

ких татар. Эта работа в начале XX в. продолжилась Н.Ф.Катановым, но в первые десятилетия советского периода практически прекратилась. Исследование фольклора сибирских татар было возобновлено в 1939 г. научными сотрудниками отдела фольклора Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Она продолжалась и в послевоенные годы. Собранные учеными ИЯЛИ сказки, дастаны[1], баиты[2], предания, песни, пословицы и поговорки и произведения других жанров устного народного творчества сибирских татар нашли достойное отражение в 14-томном издании произведений татарского народного творчества. Большое научное значение имеет исторический дастан об Идегее, уникальными вариантами которого до сих пор остаются три варианта этого эпоса, записанные в барабинских степях и близ Тобольска, а также в ауле Олы тау у курдакских татар близ Усть-Ишима около полутора веков тому назад[3].

Исследованию фольклора сибирских татар посвятили свои труды Ф.В.Ахметова, З.К.Лосева, Н.А.Томилов, А.П.Окладников, И.А.Сыркина, И.Н.Надыров, Х.Х.Гатина, Л.Ш.Залялетдинов, Х.Х.Ярми, Ф.И.Урманчеев[4].

В трудах исследователей религии сибирских татар Н.А.Алексеева, И.В.Белич, Г.И.Еремина, Н.И.Новиковой, М.Б.Фатеевой нашли отражение в основном ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири, проблемы исламизации сибирских татар[5].

---

[1] Дастан — эпическое произведение устного и письменного народного творчества татар в крупном объеме, повествующее о значительных событиях в жизни народа.

[2] Баит — лиро-эпический жанр татарского фольклора в устной и письменной форме с мелодией и без нее.

[3] Ахметова-Урманче Ф.В. О сибирско-татарских вариантах дастана «Идегей» // Сибирские татары: Материалы I сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (14–18 декабря 1998 г., г. Тобольск). — Тобольск, 1998. — С. 122.

[4] Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Эллейады» и татарских дастанов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 168–171; Ахметова Ф.В., Монасыпов Ш.Х. К вопросу об инструментальной музыкальной культуре сибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 171–74; Лосева З.К., Томилов Н.А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. — Томск, 1980. — С. 18–32; Надиров И.Н. Йола поэзиясе // Татар фольклор жанрлары. — Казан, 1978; Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историческо-этнографической интерпретации) // Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук. — Новосибирск, 1977. — С. 27–37; Сыркина И.А. Фольклор тобольских татар как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей населения Северного Притоболья // Этногенез и этническая история тюркоязычного населения Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 133–135; Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. — Казань, 1984; Татар халык иҗаты. 14 томда. — Казан, 1977–1987.

[5] Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980; Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск, 1988; Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского ун-та // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск, 1978; Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири: К вопросу об этногенезе // Вопросы истории СССР. — М., 1972. — С. 409–439; 26; Фатеева М.Б. Религиозные верования сибирских татар. Образы духов-хозяев // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск, 1988. — С. 106–107.

Труды лингвистов являются важным подспорьем для историков, особенно исследования проблем происхождения, этногенеза народов. Крупным исследователем языка сибирских татар Д.Г.Тумашевой проведено монографическое изучение диалектов. Академик Д.Г.Тумашева по этнолингвистическим признакам, с учетом исторических данных, выделяет тоболо-иртышский, барабинский и томский диалекты. Итогом ее многолетних исследований стала фундаментальная работа «Диалекты сибирских татар»[1].

Значительный вклад в историко-лингвистическое исследование сибирских татар, проживающих в Тюменской области, внесла доктор филологических наук Х.Ч.Алишина. Полученные ею результаты по изучению фонетики, морфологии, лексики диалектов сибирских татар обобщены и опубликованы в монографии «Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар». Результатом ее дальнейших исследований, вытекающих из необходимости ответить на ряд вопросов о происхождении сибирских татар, явилась докторская диссертация «Ономастикон сибирских татар»[2]. В результате своих исследований Х.Ч.Алишина делает вывод, что территория юга Тюменской области давно и прочно освоена тюрками. Нижней хронологической границей оседания здесь тюркских племен она считает XI в. Этническая принадлежность тюрков очевидна — это кыпчаки, чьей «колыбелью», по образному выражению В.В.Бартольда, является Иртыш. Нижнюю хронологическую границу заселения региона Нижнего Притоболья кыпчаками-йемеками (кимаками) Х.Ч.Алишина определяет также XI в.

М.А.Абдрахманов, Г.Х.Ахатов, Н.Н.Баскаков, Г.М.Гарипов, Л.В.Дмитриева, А.П.Дульзон, М.З.Закиев, Л.Ш.Залялетдинов, Л.Т.Махмутова, Д.Б.Рамазанова провели исследования по проблемам происхождения тюркских языков, диалектов татарского языка, взаимосвязи тюркских языков. Они показали общие корни, родство и близость языка сибирских и поволжско-приуральских татар. Г.Х.Ахатов, Л.Залялетдинов, М.З.Закиев и другие исследователи рассматривают язык сибирских татар как восточный диалект татарс-

---

[1] Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань, 1977. — С. 241; Ее же. Көнбатыш Себер татарлары теле. — Казан, 1961; Ее же. Словарь диалектов сибирских татар. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992; Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979.

[2] Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. — Казань, 1994; Ее же. Ономастикон сибирских татар (На материале Тюменской области). — Ч. I. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999.; Ч. II. Приложения. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999.

кого языка[1]. С.М.Исхакова считает язык сибирских татар самостоятельным языком[2]. В.Х.Хаков в своем исследовании делает вывод о фонетической и лексической близости языка орхонских памятников к современному татарскому[3].

В исследовании истории сибирских татар определенное значение имеют труды ученых о русском населении Сибири. Исследователи истории русского населения Сибири Е.А.Ащепков, Е.Э.Бломквист, М.М.Громыко, Н.Ф.Емельянов, А.Д.Колесникова, А.Н.Копылов и др. занимались исследованием проблем заселения Сибири русскими. Они освещали проблемы ее хозяйственного освоения, развития земледелия русского населения, его ремесел, духовной культуры, вопросы совместной жизни и взаимоотношения с народами Сибири[4].

---

[1] Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике (На материале тюркского говора дер. Эушта Томского района) //Ученые записки Томск. гос. пед. ин-та. — Томск, 1959. — Т. XVIII. — С. 163–194; Его же. К вопросу о закономерностях языкового смешения (На материале тюркского говора дер. Эушта Томского района): Дис. ... канд. филос. наук. — Томск, 1960; Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. — Алма-Ата, 1971; Ахатов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар. — Уфа, 1963; Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. — Уфа, 1977; Баскаков Н.Н. Введение в изучение тюркских языков. — М., 1966; Баскаков Н.Н. Тюркские языки. — М., 1960; Дмитриева Л.В. Язык татар Западной Сибири: барабинцев и тобольских татар. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Л., 1951; Дульзон А.П. Диалекты татар — аборигенов Томи // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. — Томск, 1956. — Т. XV. — С. 297–379; Его же. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томск. гос. пед. ин-та. — Томск, 1952. — Т. IX. — С. 127–334; Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. — Казань, 1986; Закиев М.З. К изучению проблемы возникновения и развития волго-камского языкового союза // Сущность, развитие и функции языка. — Казань, 1987; Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. — Казань, 1995; Закиев М.З. Төрки татар этногенезы. — Казан; М., 1998; Җәләй Л. Татар диалектологиясе. — Казан, 1947; Залалетдинов Л.З. Опорный диалект в образовании татарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку, 1968. — С. 36–50; Махмутова Л.Т. О некоторых татарско-куманских параллелях (по материалам фонетики и грамматики) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. — Казань, 1985; Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codecus Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. — Казань, 1982 — Вып. 2; Мухаммадиев А.Г. Туранская письменность // Проблемы лингвоэтноистории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 36–83; Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. — Казань, 1996.

[2] Исхакова С.М. К вопросу о взаимоотношении языка татар — аборигенов Сибири и казанских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — С. 220–222; Ее же. Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке сибирских татар // Советская тюркология.— 1973. — № 6. — С. 36–39.

[3] Хаков В.Х. Очерки по истории татарского литературного языка (на тат. яз.) — Казань: КГУ, 1965.

[4] Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. — М., 1950; Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки) // Труды Ин-та этнографии. — М., 1956 — Т. XXXI; Громыко М.М. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства в период феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 4–37; Емельянов Н.Ф. Движение русского населения Томского края в феодальную эпоху // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — С. 3–13; Емельянов Н.Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII — первой четверти XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1972; Его же. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. Колесникова А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. — Омск, 1973; Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. — Новосибирск, 1968.

В постсоветский период эти исследования продолжались, и их итоги отражались в публикациях. Среди них можно назвать совместный труд Ф.Т.Валеева и Н.А.Томилова «Татары Западной Сибири: история и культура»[1]. Отдельные проблемы истории татар Тюменской области исследованы в сочинении И.Гарифуллина «Очерки истории татарского населения Тюменской области»[2]. Исследованию сельской общины сибирских татар посвящена монография Г.Бакиевой[3]. Значительный научный интерес представляет сборник статей ученых Института истории АНТ, в котором исследуются различные аспекты этнической истории сибирских татар[4]. Малоизученным проблемам посвящены статьи М.Г.Вольхиной, опубликованные в разных выпусках Тюменского областного краеведческого музея[5]. Народным медицинским знаниям посвящена диссертация Л.М.Кадыровой[6]. В 2002 г. опубликована книга автора «История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.)»[7]. Большое значение в исследовании сибирских татар имело издание коллективного труда историков, антропологов, археологов, лингвистов «Татары», в котором представлены материалы по истории, демографии, антропологии и диалектологии, о быте, хозяйстве и духовной культуре татарского народа, в том числе сибирских татар[8].

Как показывает историографический обзор, в советский период, вплоть до шестидесятых годов XX в., особого прогресса в исследовании сибирских татар не было. Начиная с шестидесятых годов к изучению сибирских татар подключились ученые Томска, Омска, Казани. Появились научные труды, как результаты исследований археологов, этнографов, лингвистов, фольклористов и других обществоведов.

Подводя итог обзору научной литературы, отметим, что, несмотря на то, что в ней освещены в различной степени многие аспекты исследуемой темы, до сих пор отсутствуют обобщающие исследования, в которых были бы выявлены специфические черты этногенеза, демографии, хозяйственной и культурной жизни сибирских татар в составе Российского государства.

---

[1] Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. —Новосибирск: Наука. Сибирская изд. фирма РАН, 1996.

[2] Гарифуллин И. Очерки истории татар Тюменской области. — Тюмень, 2000.

[3] Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX вв.) — Тюмень; М., 2003.

[4] Сибирские татары. — Казань, 2002.

[5] Вольхина М.Г. Из истории татарского просвещения в Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — 1993. — Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. — С. 109–123; Ее же. Традиционная материальная культура казанских татар-переселенцев в Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — 1996. — Тюмень,1998. — С. 120–128.

[6] Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — М., 2004.

[7] Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). — Казань, 2002.

[8] Татары. — М.: Наука, 2001.

Глава II

Древние тюрки в Сибири

§ 1. Заселение Западной Сибири тюрками

Западная Сибирь расположена между Уралом на западе и Енисеем на востоке. Южная ее граница проходит по горам Алтая, Салаира и Кузнецкого Алатау, а северная доходит до Ледовитого океана. Большая ее часть находится Западно-Сибирской равниной с отчетливо выраженными природными зонами — тундрой, лесостепью и степью.

Западно-Сибирская равнина, ограниченная Уральскими горами на западе и Среднесибирским плоскогорьем на востоке, является одной из наиболее аккумулятивных равнин земного шара. По ее территории протекают одна из крупных рек Азии Обь и ее притоки — Иртыш, Ишим, Тобол, Чулым, Томь, Омь, Тура, Тавда, Исеть и др.

С древнейших времен предки сибирских татар проживали в средней полосе равнины по берегам Оби, Иртыша, Ишима, Томи, Оми, Чулыма, Тобола и Туры. В тех же местах в настоящее время проживают сибирские татары. По современному административно-территориальному делению эти земли входят в состав Тюменской, Томской, Омской, Новосибирской и частично Кемеровской областей Российской Федерации.

Север исследуемого района в природном отношении представляет собой равнинную лесостепь с многочисленными озерами и болотами, чередующимися с песчаными прогалинами. Почвы равнины преимущественно подзолистые, супесчаные и песчаные, а также торфяно-болотные. Сравнительно значительные площади занимают смешанные леса.

На юго-востоке региона расположена Барабинская степь с иловатыми и черноземными почвами, на севере она усеяна множеством болот, озер и небольшими группами березовых и осиновых лесов, южная часть совершенно безлесна и по своему характеру является переходной к казахским степям. На юге, где в настоящее время располагается Омская область, почвы преимущественно черноземные и болотные. Леса здесь занимают одну четвертую часть территории. Также много озер и болот.

Климат континентальный, достаточно суровый, характеризующийся сильной изменчивостью и непостоянством по годам[1].

В древности на севере региона в непроходимых лесах водилось множество копытных и пушных зверей, реки изобиловали рыбой.

Природное положение и климатические условия Западной Сибири определяют своеобразие и особенности жизни ее населения. По материалам, из которых изготавливались орудия труда, выделяют следующие этапы начальной истории человечества:

— древний каменный век (палеолит) — 2,6 млн. — 10 тыс. лет до н.э.;
— средний каменный век (мезолит) — 10 тыс. — 6 тыс. лет до н.э.;
— новый каменный век (неолит) — 6 тыс. — 3 тыс. лет до н.э.;
— медно-каменный век (энеолит) — 4 тыс. — 3 тыс. лет до н.э.;
— бронзовый век — 2 тыс. — 1 тыс. лет до н.э.;
— железный век начался примерно в I тысячелетии до н.э.

Начало палеолита берет свое начало свыше двух миллионов лет тому назад, конец палеолита — примерно 12 — 10 тысяч лет.

Стоянка времен палеолита обнаружена в Лагерном саду вблизи г. Томска, остатки палеолита открыты и в других местах по берегам реки Томи. В находках каменные и костяные орудия человека перемешаны с костями мамонта и других животных.

Человек появился в Западной Сибири в эпоху палеолита, когда климат земли, ее растительный и животный мир значительно отличались от современных. Люди данной эпохи пользовались лишь отбитыми каменными орудиями, занимались охотой и собирательством, рыбной ловлей. Земледелие и скотоводство не были известны.

Неолит — новый, позднейший каменный век, характеризующийся изготовлением исключительно кремниевых и костяных орудий, широким распространением глиняной посуды. В Западной Сибири основой хозяйства неолита была охота с использованием стрелы и лука, которая сочеталась с рыболовством. В промежуточной между палеолитом и неолитом эпохе мезолита появились первые домашние животные.

В Западной Сибири наиболее ранние находки эпохи неолита обнаружены вблизи г.Тюмени на стоянке у Андреевского озера. Здесь на глубине двух метров над толщиной донного песка было обнаружено большое количество ножевидных пластин. Из пластин изготовляли лезвия ножей, скребков. Обнаружены украшенные богатым орнаментом глиняные сосуды.

На берегах Енисея, Катуни, Чулыма, Абакана, Томи, Оми обнаружены более поздние поселения обитавших там 10–15 тысяч лет тому назад людей каменного века. Они охотились на мамонтов, носорогов, северных оленей, лошадей, сайгаков, бизонов. Охотники вели оседлый образ жизни в земляных жилищах с куполообразными крышами. Антропологи установили, что это были люди монголоидного типа[2]. Обнаружены кости домашних животных — лошадей и овец, свидетельствующие о занятии домашним скотоводст-

---

[1] Природные условия центральной части Западно-Сибирской равнины / Под ред. Г.В.Добровольского, Б.М.Сергеева, А.С.Герасимовой. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — С. 40.

[2] История Сибири. — Л., 1968. — Т. I. — С. 96; Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1992. — С. 5–7.

вом. Таким образом, можно сделать вывод о том, что скотоводство на юге Западной Сибири зародилось в эпоху неолита, в конце IV тысячелетия до н.э. Тогда же начался и период производительной экономики. Магистрали крупных рек служили древним обитателям Западной Сибири водными путями для продвижения и торговли.

Захоронение неолитического человека найдено и в среднем течении рек Тобола и Туры. Кроме костей неолитического человека, там обнаружены разнообразные орудия труда, оружие, предметы украшения, а также кости животных — собаки, изюбра, кабана, косули, медведя, волка, лисицы, бобра[1].

Материалы, обнаруженные в эпоху неолита на территории Западной Сибири, позволяют делать вывод о том, что на этой территории жило однородное население. А неолитическая эпоха на Алтае была весьма сложной. С одной стороны, ее культура обладала чертами северо-сибирского неолита, с другой — в ней бытовали особенности, указывающие на связи с Юго-Западом и со Средней Азией. Контакты продолжались и позднее. А.П.Окладников считал бесспорным существование мелких матриархальных коммун рыболовов-охотников, знавших лук, сети, полирование и затачивание камня[2].

В степях Западной Сибири, Казахстана, Алтая и Среднего Енисея с середины II тысячелетия до н.э. существовала широкая этнокультурная общность, которая называется андроновской культурой, принадлежавшая земледельческим и скотоводческим племенам. В Южной Сибири и на Алтае, благодаря обилию меди и олова, интенсивное развитие получила медно-бронзовая индустрия, долгое время соперничавшая с железной. Памятники медной культуры распространены по Оби, Иртышу и представлены многочисленными городищами и курганами. Городища и укрепленные пункты были обнесены земляным валом и рвами. Они расположены по берегам рек и озер лесной и лесостепной зоны современной Тюменской области.

Все эти памятники принадлежат представителям короткоголовой расы. Отдельные исследователи пытались утверждать о принадлежности их к уграм. К.Риттер, Н.А.Аристов, Г.Е.Грумм-Гржимайло полагали, что курганы принадлежат известному древнейшему народу Сибири — динлинам. А.Кастрен, В.В.Радлов, Д.А.Клеменц творцами медной культуры в Сибири считают енисейских кыргызов[3].

В I тысячелетии до н.э. и в раннем железном веке в лесостепной и степной зоне Западной Сибири обитали многочисленные племена, которые оставили следы во многом близких, но вместе с тем своеобразных археологических культурах. Это потчевашская культура в Тобольском Прииртышье, саргатская, гороховская и барабинская — в лесостепи Прииртышья, Притоболья, в Барабинской степи.

Потчевашская культура названа так по крупному комплексу памятников, известных на мысе Потчеваш близ г.Тобольска, в устье р. Тобол. На севере эта культура доходит до устья р. Иртыш, на юге простирается до

---

[1] Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. I. — Иркутск, 1920. — С. 120.

[2] Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л., 1955. — Т. III.

[3] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 129; Словцов И.Я. Описание курганов и городищ по Тобольской губернии. — Томск, 1890. — С. 26.

низовьев Вагая и Ишима. В районе Тары и Саргатки она соседствует с саргатской культурой. Потчевашская культура была во многом близкой к северной усть-полуйской культуре. Потчевашская экономика была комплексной, но основным источником существования населения было рыболовство. Об этом говорят многочисленные находки — рыбьи кости и чешуи в культурных наслоениях поселений. По своему значению второе место занимало скотоводство. В качестве транспортного животного потчевашцы использовали лошадь, о чем свидетельствуют находки в курганах, — конская сбруя и изображения коней, вылепленных из глины, а также фигура всадника в седле[1].

Племена гороховской культуры локализовались в лесостепном Зауралье, в бассейнах рек Исеть и Миасс.

В течение многих веков протекала жизнь древнего населения Западной Сибири, о чем свидетельствует множество могил (курганов), а также остатков жилищ и земляных укреплений. Высокие холмистые места были пунктами обитания древнего человека. Западносибирская лесостепь до наших дней сохранила тысячи городищ, селищ и курганов, оставленных древними людьми. Так, например, в лесной зоне по реке Тавде сохранилось 30 курганов и городищ, по Пышме — 42, по нижнему течению Тобола и Иртыша — 34 кургана и городища. В лесостепной зоне — по реке Исеть расположено 85 курганов и городищ, по верхнему течению Тобола — 411, по Ишиму и его притокам — 77, от Астаны до впадения Тобола по Среднему Иртышу — 42 и по Таре — 13 курганов и городищ. Вся современная Томская область и Барабинская степь усеяны курганами, городищами и другими археологическими памятниками. В них встречаются разнообразные предметы, литые из меди и бронзы, сделанные из золота. Большинство древних крепостей и курганных могильников были созданы носителями саргатской культуры. Археологические объекты по курганам близ деревни Саргатка Омской области В.А.Могильниковым были названы саргатскими. Саргатская культура просуществовала не менее тысячелетия — с VI–V вв. до н.э. по IV–V вв. н.э. и прошла в своем развитии несколько этапов.

Происхождение саргатских племен неизвестно. В последние годы наметился переход от господствовавшей в 20–70-е годы промадьярской интерпретации саргатской культуры к полиэтничности саргатской общности[2].

Археологами установлено, что саргатское население занимало почти всю западносибирскую лесостепь, проникая на западе в Северо-Восточную Башкирию, на юге — до Алтая, на севере — до географической широты Тобольска.

В Среднем Притоболье известно около 90 памятников саргатской культуры — поселений, городищ, могильников и мест случайных археологических находок.

Появившееся в V–IV вв. до н.э. с востока саргатское население вытеснило и частично ассимилировало автохтонов лесостепного Притоболья — носителей баитовской и гороховской культуры. Завоевав обширные территории, саргатцы включили в орбиту своего влияния множество соседних народов.

---

[1] История Сибири. — М., 1968. — Т. I . — С. 237.

[2] Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск.: Изд. Томск. ун-та, 1983. — С. 77–90; Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. — 1887. — № 24. — С. 5.

Хозяйство саргатских племен было комплексным. Основой их хозяйства было скотоводство. Кости, обнаруженные в городищах, селищах и могильниках, свидетельствуют о том, что домашние животные составляли абсолютное большинство, — от 87,7 до 99 процентов от их общего количества. Среди этих животных представлены собаки, лошади, крупный и мелкий рогатый скот, верблюды. По соотношению костей, от 42 до 50 процентов стада составляли лошади, от 32 до 43 процентов — крупный рогатый скот. Количество мелкого рогатого скота варьировало от 4 до 13 процентов[1]. Это говорит о преобладании коневодческого направления скотоводства. Преимущественное разведение крупного рогатого скота и небольшое количество костей овец объясняется большей оседлостью саргатцев.

На севере саргатцы жили в условиях оседлости и густонаселенности. Традиционными их занятиями были рыболовство, охота, собирательство. Занимались придомным животноводством, отгонным коневодством, земледелием, ремеслами, в том числе металлургией и производством железа.

В хозяйстве саргатских племен охота имела подсобную роль, в охоте преобладало мясное направление.

Саргатские племена строили совершенные для того времени многокамерные дома, хозяйственные сооружения и укрепления. Выделяются три основных сословия: рядовое население, аристократия и зависимые, неравноправные люди (домашние рабы, наложницы).

Погребальные сооружения саргатских племен Притоболья представлены окруженными рвами курганами. Основной способ погребения — трупоположение в могильной яме. Погребенного снабжали пищей, предметами быта, орудиями труда, иногда оружием, украшениями. Отсутствие в отдельных могилах погребального инвентаря говорит о наличии домашнего рабства[2].

Наличие погребений «конных воинов», «пеших лучников», «простого люда» адекватно отражает картину социального развития саргатского общества. Отсутствие различий в мужских и женских погребениях позволяет утверждать об отсутствии приниженного положения женщин.

Население саргатской культуры во второй половине I тыс. до н.э. занимало большую часть западносибирской лесостепи, включая Зауралье, Тоболо-Ишимское междуречье, Ишимскую, Барабинскую степи. Оно концентрировалось в основном в долинах крупных рек — Иртыша, Ишима, Тобола, Исети, Оми. Учитывая особенности региона, исследователи выделяют в саргатской общности локальные варианты, в том числе притобольский, приишимский, прииртышский, барабинский[3]. По мнению Л.Н.Коряковой, локальные варианты отражают племенные и диалектные различия. Предположение о полиэтничности характера этого культурного объединения высказывают Н.П.Матвеева, В.И.Матющенко и Л.Н.Корякова[4].

---

[1] Матвеева Н.П. Указ. соч. — С. 163.

[2] Матвеева Н.П. Указ.соч. — С. 140–143.

[3] Корякова Л.Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры // Вопросы археологии Урала. — 1977. — Вып. 14. — С. 134–152; Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху железа. — Новосибирск: Наука, 1987.

[4] Матвеева Л.Н. О погребальном обряде саргатских могильников Приишимья // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Омский университет, 1991. — С. 16–20; Матюшенко В.И. Об отношении саргатского населения к так называемому скифо-сибирскому единству // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Омский университет, 1991. — С. 14–16; Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск, 1988.

Саргатская эпоха была одной из вершин в культурном развитии древней Западной Сибири. Просуществовав около тысячи лет, саргатская общность внесла весомый вклад в сокровищницу материальной и духовной культуры тюркских народов.

Инвентарь курганов, городищ и селищ позволяет установить, что саргатцы имели связи с населением отдельных территорий, особенно юга Казахстана и Средней Азии.

Саргатские племена имели определенные контакты и с Хунну. Об этом свидетельствует найденный в Савиновском могильнике бронзовый полусферический котел на прорезном поддоне с горизонтальными ручками. Археологи такие котлы называют хуннскими. Хуннские и тагаро-таштыкские аналоги можно найти и в некоторых других предметах саргатского инвентаря: псалии, бляшки, пряжки от конской сбруи.

Н.П.Матвеева утверждает, что саргатская культура сложилась вне территории Притоболья. По предположению Н.П.Матвеевой, обилие здесь привозных предметов, изделий из металла и украшений может свидетельствовать о том, что притобольские племена не только вели активную караванную торговлю, но и входили в состав политических союзов, возглавлявшихся южноуральскими кочевниками. Вместе с тем эти аргументы свидетельствуют о существовании в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. на юге Западной Сибири торгового пути, через саков и усуней связывавшего ее со Средней Азией и Южной Сибирью, через сарматов и племена Прикамья — с Восточной и Северной Европой, Северным Причерноморьем[1].

В XVIII в. Ф.И.Страленберг и И.Э.Фишер выдвинули теорию о том, что в Южной и Западной Сибири в древности обитали только самоеды и угры. В XIX в. эту теорию защищал В.А.Радлов, ошибочно причисляя некоторые тюркские племена к бывшим самоедам. Они не посчитались с неопровержимыми фактами древнейшего заселения Южной и Западной Сибири хуннами и другими тюркскими племенами. Дальнейшие исследования Н.Н.Козьмина, В.И.Огородникова показали, что мнение только об угорском и самоедском заселении Южной и Западной Сибири является вымыслом, не доказанным убедительными историческими данными[2].

История развития саргатской культуры в Притоболье не позволяет рассматривать все население лесостепи Западной Сибири в качестве единой этнической общности, тем более определять его как угорское или промадьярское. Местное население Притоболья и Прииртышья в этот период было многокомпонентным по своему происхождению, впитало традиции лесостепных и южнотаежных культур и было неоднородным в антропологическом отношении. Поэтому этническая принадлежность его остается весьма проблематичной.

В составе племен саргатской культуры, по-видимому, были и отдельные древнетюркские племена. На южных границах распространения этой культуры — в Минусинской котловине жили динлины и гяньгуни и в период хуннских завоеваний их земель они могли проникать сюда. В 55 г. в Притоболье во главе с Чжичжи пришли многочисленные отряды хуннов, какая-то

---

[1] Матвеева Н.П. Указ.соч. — С. 161.
[2] Огородников В.И. Указ.соч. — С. 155.

часть их, несомненно, осталась здесь. Новые крупнейшие отряды хуннов пришли на Барабу и в Притоболье в 93 и 155 гг. н.э.

Ф.Т.Валеев — автор многочисленных трудов по истории, этнографии сибирских татар поддерживает мнение современного историка-сибиреведа А.В.Головнева, основанное на данных письменных и археологических источников, о том, что среди хуннов, пришедших на территорию Западной Сибири, был целый ряд других тюркоязычных племен. После хуннского переселения во II–III вв. н.э. они остались здесь, никуда не ушли[1]. Безусловно, какая-то часть хуннов, других тюркоязычных племен также осталась в Западной Сибири.

Можно с уверенностью предположить, что тысячелетняя саргатская культура Среднего Притоболья, которая была одной из вершин в культурном развитии Западной Сибири, оказала прогрессивное влияние на развитие и формирование тюркских племен Западной Сибири — древних предков сибирских татар. Экономический уклад с преобладанием пастушьего животноводства с подсобным земледелием на севере лесостепной зоны согласуется с постройками усадебного типа, длительно существовавшими поселениями. Полукочевое скотоводство на юге лесостепной зоны сочетается с кратковременными сезонными поселениями, преобладающими в южной части саргатского ареала.

Огромные по размерам курганы, богатый погребальный инвентарь, который составлял основную часть сибирской коллекции кунсткамеры Петра I, принадлежали саргатской знати, разбогатевшей за счет дани с покоренных племен и международной торговли[2].

Вопрос о том, когда тюркские племена появились в Западной Сибири, всегда был дискуссионным. До настоящего времени ученые-европоцентристы пытались отстаивать взгляды о позднем заселении Западной Сибири тюрками. При обнаружении здесь тех или иных исторических памятников, письменных или археологических, они начинают искать в них и «обнаруживать» следы европейской, иранской или угорской принадлежности.

Утверждения отдельных историков о том, что тюркские племена стали проникать в Западную Сибирь с IV в., а некоторых ученых — в еще более позднее время, отвергаются конкретными историческими фактами. Уже на грани II и I тысячелетия до н.э., то есть около трех тысяч лет назад, здесь появились карасукские и близкие к ним прототюркские племена[3].

В Минусинской котловине задолго до н.э жили тюркоязычные динлины — родоначальники многих тюркских племен. Затем здесь жили тюркоязычные племена — гяньгуни. Не исключается возможность их проникновения в Западную Сибирь. Все эти факты и явления говорят о том, что тюркские племена — предки сибирских татар являются древними аборигенами Западной Сибири. Уже с III в. до н.э. западносибирская лесостепь попала в орбиту влияния Хуннского каганата, с середины VI в. — Великого Тюркского каганата, в VIII в. — Уйгурского, в IX в. — Кыргызского каганата. На

---

[1] Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С. 5, 6; Головнев А.В. Сибирские татары. Проблемы // Тюменская правда. — 1989. 3 апр.

[2] Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. — Новосибирск, 1993. — С. 163.

[3] Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань, 1989. — С. 54.

рубеже IX–X вв. сложился Кимакский каганат, в составе которого была южная часть западносибирской лесостепи, и она была заселена кимаками и кыпчаками.

После распада Кимакского каганата на территорию будущих татарских государств Западной Сибири пришли значительные массы кимаков и кыпчаков.

Проникновение тюрков в Западную Сибирь оказалось разновременным. Оно происходило в основном двумя путями: с востока из Минусинской котловины и с юга — из Средней Азии и с Алтая.

Таким образом, тюрки в Западной Сибири жили задолго до н.э. и приход тюрков сюда продолжался на всем протяжении I тыс. и в начале II тыс. н.э. Наиболее интенсивно их миграция в Западную Сибирь происходила в хуннский период, во время существования Великого Тюркского каганата и Кимакского каганата.

Заселение Западной Сибири тюрками происходило волнообразно, то усиливаясь, то затихая, но никогда не прекращалось. Наиболее ранний приход тюрков отмечается в бассейн Иртыша, Оби и Томи с юга, потом на восток, на реку Чулым. Рано началось заселение тюрками Барабинской степи.

Г.Е.Грумм-Гржимайло не без основания писал, что родиной тюрков была Бараба. Барабинская степь долго служила промежуточным регионом их миграции. Пришедшие с юга тюрки некоторое время проживали на Барабе, потом перекочевали в северные, более спокойные, районы Западной Сибири. Их места занимали новые пришельцы[1]. В Притомье и Барабу тюрки проникали также с Алтая, из Средней Азии, Минусинской котловины. Проникновение тюрков в Барабинскую степь усилилось в VII–VIII вв. Наиболее интенсивно она заселялась кимаками и кыпчаками в начале II тыс. — в период Кимакского каганата, в состав которого вошла южная часть Западной Сибири[2]. Аристов считал, что прародиной кыпчаков было Саяно-Алтайское нагорье.

В VII в. кыпчаки ушли на Иртыш, там жили до IX в., в 890 г. перешли Урал. К середине XI в. они огромной массой двинулись на запад. В пути они встретились с остатками хазар, болгар, огузов, аланов, смешивались, ассимилировались с ними. В течение одного-двух столетий значительно изменились их физический облик и культура. Новое этническое объединение на основе кыпчаков получило у русских наименование половцев. Существует гипотеза сложения в степях Восточной Европы двух этносов на базе кыпчаков — половцев и куманов[3].

В 900–1200 гг. кыпчаки жили на территории от Волги до Днестра, а впоследствии были основным населением Золотой Орды, одним из основных компонентов в этногенезе казанских татар. Но значительные массы кыпчаков остались в Западной Сибири — в бассейне Иртыша, на Барабе и в других местах. Вместе с кимаками они влились в состав тюркского населения Западной Сибири[4].

---

[1] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край... — С. 338.

[2] Могильников В.Н. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Приртышья и Барабы // Советская археология. — 1965. — № 1. — С. 275–282.

[3] Плетнева С.Н. Половцы... — С. 42.

[4] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. 1. — С. 296–297.

В освещении истории кыпчаков существует большая путаница. Некоторые исследователи признают кыпчаков и половцев одним и тем же народом, имевшим два названия в Европе и Азии, другие утверждают, что в степях Евразии жили два народа: кыпчаки (их в Западной Европе называли куманами) и половцы. Г.Е.Грумм-Гржимайло кыпчаков и половцев считает разными народами: кыпчаки были тюркизированными динлинами, а половцы — народ, образованный из кыпчаков и канглов. С.Н.Плетнева также признает их разными народами.

Кимаки в Западную Сибирь принесли более прогрессивные способы хозяйствования, более высокий уровень духовной культуры. В отличие от соседей, они стали вести оседлую жизнь, заниматься земледелием. Аль-Идриси писал в XII в. о возделывании кимаками пшеницы, ячменя, овса, даже риса. В Минусинской котловине в период Кимакского каганата на значительных площадях строились оросительные сооружения, каналы. У кимаков шел процесс создания городов[1]. Кимаки и кыпчаки сыграли значительную роль в этногенезе казанских и сибирских татар.

До прихода хуннов в Западную Сибирь там севернее акациров жили сабиры (савиры, или сипыры). Основная масса сабиров в период переселения гуннов ушла на Кавказ, оставив свой загадочный этноним в качестве названия страны (Себер). Отдельные исследователи пишут об угорской принадлежности сабиров, а некоторые исследователи признают их тюркоязычными. В VIII — IX вв. отмечается миграция в Западную Сибирь кыргызов и уйгуров[2].

С древних времен на огромных просторах Евразии от Оби до Днепра жили тюркоязычные племена — алчыны, участвовавшие в образовании современных киргизов, казахов, казанских и сибирских татар. О народе под названием алазон, жившим на западе от Днепра, писали Геродот и Страбон[3]. Необходимо упомянуть еще об одном тюркском народе — аргынах, явившихся общим компонентом этногенеза казахов, крымских, сибирских и казанских татар, туркменов. В.В.Вельяминов-Зернов писал, что в татарских ханствах аргыны играли выдающуюся роль и были карачами. Значительную роль в сложении казанских и сибирских татар играл ногайский компонент. Ногаи были в составе их войск, участвовали в государственных делах[4].

В своих работах Г.Ф.Миллер и Э.Г.Фишер пишут о включении в состав сибирских татар аринцев (по-тюркски «ар») — тюркоязычного племени, которое еще в XVIII в. жило ниже Айкановой речки, впадающей в Енисей.

П.П.Семенов-Тян-Шанский писал, что часть аринцев пришла в бассейн Казанки, от имени которых появился топоним «Арча» (Арск). Но он не приводил никаких доводов для подтверждения своей гипотезы, и она не получила признания. Позднее в разные регионы Западной Сибири проникают группы среднеазиатских народов: узбеки, киргизи, казахи, таджики, уйгуры и др.[5].

---

[1] Кумеков Б.Е. Указ.соч. — С. 102.

[2] Троицкая Т.Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I т.л. н.э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — С. 183–185.

[3] Кеппен. Древности северного Понта. — СПб., 1828. — С. 18.92; Танышпаев М. Указ. соч. — С. 23, 25.

[4] Небольсин П.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. — СПб., 1848. — Т. 60. — С. 256.

[5] Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань. — С. 266; Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. — Уфа, 1963. — С. 89.

В двух исторических преданиях сибирских татар, сообщающих о распространении ислама в Западной Сибири в 1394–1395 годы, говорится о проживании здесь хотанов, ногаев, кара-кыпчаков, кроме того, сообщается, что все они татары. Хотаны — это тюркизированные кидани, хотанами называют сибирских татар соседние им ханты, манси[1].

Китайские хроники, орхоно-енисейские надписи, арабские и персидские исследователи сообщают о проживании татарских племен среди других тюрков. Многочисленные письменные источники сообщают, что древние татары по происхождению и по языку являются тюрками. Они были в составе племен, которые создали Великий Тюркский каганат; татарские племена участвовали также в создании Кимакского каганата.

О татарах в составе тюркских каганатов сообщают и другие источники. Вместе с другими тюркскими племенами татары пришли в Западную Сибирь, Дешт-и Кыпчак. Были ли они в составе монгольских войск? Есть сведения, что монголы впереди своих войск ставили татар. Можно предположить, что древние татары сыграли определенную роль в этногенезе сибирских и казанских татар.

С древних времен в Западную Сибирь проникали волжско-уральские татары. По историческим документам известно, что казанские татары пришли в Западную Сибирь при хане Ибаке и хане Кучуме. Есть сведения о миграции сюда казанских татар после разгрома Казанского ханства русскими.

С XVII в. миграция поволжских татар в Западную Сибирь стала усиливаться. Они селились среди сибирских татар, основывали свои селения, в городах составляли значительную прослойку.

В начале XIII в. в степях Евразии под давлением монгольских завоеваний происходили большие этнические изменения, отдельные города превратились в груды пепла и развалины, покрытые человеческими костями. Народы меняли места своих поселений, на огромной территории происходило смешение народов. Но не замечается проникновения монгольских племен в Западную Сибирь во времена Чингиз-хана. Монгольские завоевания XIII в. территорию лесостепного Прииртышья и Притоболья почти не затронули, но местные жители стали данниками монгольских ханов. Западная Сибирь вошла в состав Монгольской империи. Но регион располагался вдали от пути передвижения монгольских орд и боевых действий. Его оберегали такие крупные водные преграды, как реки Енисей, Обь, Иртыш, Тобол, озера, болота, и леса.

В силу таких причин в Западной Сибири не было больших жертв. Под давлением монгольских походов возросло проникновение сюда тюрков, особенно кимаков, кыпчаков. Но преобладающим было древнее местное население, определенная часть которого к началу XII в. вела оседлый и полуоседлый образ жизни.

Союзы скифских, сарматских, гуннских, кимакских, кыпчакских племен на территории Западной Сибири не пропали бесследно. В последующие периоды продолжался процесс их развития. Проживая совместно, они прошли в Западной Сибири долгий и сложный путь взаимодействия и взаимовлияния. Ими была ассимилирована определенная часть местных угорских и само-

---

[1] Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губ. музея. — 1904. — Вып. XV. — С. 21.

дийских племен. В суровых степных условиях они создавали систему добывания пропитания, одежды, жилья, передвижения. Все это являлось общим достоянием предков сибирских татар и других тюркских народов. В древнетюркский период возникли и развивались торговые и культурные связи тюркского населения Западной Сибири, Поволжья и Туркестана.

Тюркское население Западной Сибири было расселено в основном по берегам рек и озер. Самые ранние тюрки оседали в четырех регионах: на берегах Туры и Тавды, по среднему течению рек Тобола, Ишима и Иртыша, в Барабинской степи, левобережье реки Оби. Они также расселялись вдоль рек Оми, Томи, в бассейне реки Чулым. Процесс заселения Западной Сибири тюрками был длительным.

Древнее тюркское население Западной Сибири, проживая на перекрестке древнейших сухопутных дорог и крупных водных путей, испытывало на себе перекрестное влияние мировых цивилизаций. Под влиянием соседних, нередко и не очень близких, цивилизаций у автохтонного населения постепенно менялась религия, язык, традиции, этнические имена.

Тюркские племена Западной Сибири — предки сибирских татар по уровню общественного развития стояли выше своих соседей — вогулов, остяков, селькупов. Уже в начале II тысячелетия созрели условия для создания государственности.

§ 2. Хунны

История древних тюрков неразрывно связана с Великой степью. Так называется огромная территория Евразии от Уссури до Дуная и Карпат. Ее северной границей являются сибирская тайга и смешанные леса Восточной Европы, с юга она граничит с рекой Хуанхэ, плоскогорными пустынями и оазисами Ирана, Каспийским морем и Кавказскими горами. В древности эту степь греки называли Скифией, персы — Тураном, а китайцы — Бэй-ху (степь северных варваров).

Великая степь географически делится на две части. Восточная часть называется Внутренней, Центральной, или Срединной, Азией и включает в себя Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан. Н.Я.Бичурин и Г.Е.Грумм-Гржимайло называли ее Средней Азией. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар — Дабан и Яблоневый, а от Тибета — Куньлунь и Наньшань, от Китая — Великая стена, а от западной части — горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тяньшань. Западная часть Великой степи включает нынешний Казахстан, Семиречье, Туркестан, Нижнее Поволжье, причерноморские степи и некоторые земли по Дунаю. Великая степь — огромная холодная страна с редким населением, сухим, резким континентальным климатом, с безводными пустынями[1].

Южнее Великой степи, за рекой Хуанхэ, расположена теплая, влажная страна с плодородной почвой — Китай.

Проживая в суровых условиях резкого континентального климата, кочевники Великой степи создавали свое хозяйство, культуру, что является важ-

---

[1] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб., 1993. — С. 7.

нейшей частью истории человечества. Степная цивилизация хотя и отличается от китайской, индийской, египетской или греко-римской, но ее роль не менее значительна, она органически связана с биосферой земли и историей других цивилизаций. История древних кочевников тесно связана с историей Китая.

При упоминании о кочевниках возникает вопрос: является ли кочевое скотоводство первичным способом существования азиатских племен? На основании археологических и других источников исследователи отвечают, что нет. Во II тыс. до н.э. центральноазиатские племена жили оседло, некоторые из них освоили земледелие и оседлое скотоводство. Материальная и духовная культура этих племен была на более высоком уровне, чем у кочевников в конце I тыс. Что произошло, чем это объяснить?

Резкое изменение климата, жестокая засуха в I тыс. до н.э. заставили степные племена перейти к кочевому скотоводству. Скот быстро съедал скудный травостой, и люди были вынуждены двигаться за стадами[1].

Кочевой народ, называвшийся хунну, жил в области Ордос. Она расположена на территории современного Китая, по среднему течению реки Хуанхэ. Почти единственным источником, сообщающим об этом народе, является китайская историческая хроника, однако летописные описания отрывочны и кратки.

По сообщению китайского историка Сыма Цяня, хунны сложились в период легендарной китайской династии Ся (2219–1819 гг. до н.э.) из смешения кочевников Ордоса с племенами ди и перебежчиками из Северного Китая[2]. Хунны и племена, обитавшие севернее их на Дальнем Востоке, в Прибайкалье и Минусинской котловине, вели кочевой образ жизни.

Китайцы всех кочевников, в том числе своих северных соседей — хуннов, называли «северными варварами», считали своими врагами, и войны китайцев против хуннов начались еще в III тыс. до н.э. Долгое время кочевники были источником пополнения армии рабов для Китайской империи.

Из-за непрестанной агрессии Китая около 1200 г. хунны были вынуждены оставить Ордос и перешли через пустыню Гоби на территорию современной Монголии. Переход хуннов через безлюдную, безводную, жаркую летом и холодную зимой пустыню был историческим подвигом[3]. Своим переходом хунны соединили два мира, не знакомые друг другу, — Китай и Сибирь.

В современной татарской исторической литературе принято двоякое написание этого этнонима — «хунну» и «сюнну». В русской исторической литературе в основном применяются термины «хунну» и «гунны» (после первых переселения в Восточную Европу). Отдельные исследователи применяют только термин «гунны». Есть мнение, что «хунну» является китайским, а «гунну» — римско-византийским названием одного и того же народа. Автор данной работы решил остановиться на терминах «хунну» и «гунны».

---

[1] Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. — 1950. — № 2. — С. 161; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: Экопрос, 1993. — С. 320.

[2] Иностранцев К. Хунну и гунны // Труды туркологического семинария. — Л., 1926. — Вып. 1. — С. 57.

[3] Берг Л.С. Путешествия Н.М.Пржевальского. — М.; Л., 1952. — С. 20.

Французский исследователь Дегинь, опираясь на китайского историка Сыма Цяня, пишет, что «около 1200 г. до н.э. у хуннов было создано царство». Эту дату принимает другой французский исследователь Кордье[1].

В IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу — племенной союз кочевых родов, возглавляемый пожизненным правителем и иерархией племенных старейшин. Своего правителя хунны называли ябгу. А китайцы — шаньюй. Хуннское государство представляло собой военную демократию. Основным вооружением воинов были лук и стрелы.

Начиная с V в. до н.э. китайские хроники указывают и соседей хуннов. К западу от Ордоса обитали усуни. К северу от хуннов в эту эпоху жили динлины, населяющие оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. Китайская хроника пишет о существовании Динлинского государства — Динлин-Го. Динлины являются предками многих тюркоязычных племен, потомки динлинов участвовали в образовании нескольких тюркских народов. По-видимому, Динлинское государство было первым или одним из первых тюркских государств Евразии[2].

На Енисее, в Минусинской котловине, жили предки енисейских кыргызов, образованные от смешения динлинов с племенем гяньгунь. К западу от них, на северных склонах Алтая, — предки кыпчаков (по-китайски «кюеше»), родственные динлинам.

Первые сведения о кыпчаках относятся к III в. до н.э. Северные склоны Саяно-Алтая населяли бома и их соседи алакчины и бикины.

После перехода через Гоби хунны постепенно смешивались с местными племенами, имевшими богатую культуру, но не ассимилировались с ними[3].

В IV в. до н.э. хунны усилились настолько, что вернулись обратно на южную сторону Гоби — на свою древнюю родину Ордос. Но китайцы не оставили их в покое, они оставались врагами кочевников, поставив цель полного их уничтожения. Китайцы постоянно вели войны против хуннов и других кочевников, медленно, но неумолимо вытесняя их с родины на север. Этот процесс происходил на протяжении целого тысячелетия.

В этот период в Китае еще не было единого государства. К концу периода вместо существовавших более тысячи мелких княжеств китайцы создали единое государство Цинь. В 215 г. до н.э. император Цинь-ши хуанди снова захватил Ордос, прогнав хуннов.

На протяжении четырех веков китайские правители стремились завоевать Сибирь и занять господствующее положение в Азии. Но хунны не пропустили их в Сибирь, что является их исторической заслугой.

Цинь-ши хуанди решил обезопасить свои северные границы и начал сооружение Великой Китайской стены. Строительство было предпринято еще раньше, но стены строились разрозненно, в разных местах. При Цинь-ши хуанди их соединили в единую цепь.

---

[1] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб., 1993. — С. 20.

[2] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1968. — Вып. 1. — С. 136.

[3] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л.; 1953. — Т. III. — С. 57; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. II. — С. 354.

Работы велись круглосуточно, к строительству привлекались военнопленные и осужденные. Около 400 тысяч строителей навечно остались в земляной насыпи стены. В результате получился памятник безжалостной и почти бесполезной эксплуатации человеческого труда — стена протяженностью 4000 километров и высотой 5–10 метров с высокими сторожевыми башнями через каждые 60–100 метров[1].

Кочевники очень скоро нашли способы преодоления этого сооружения. Через три года — в 210 г. до н.э. хунны разрушили часть стены и напали на Китай. Стоявшие на стене и башнях китайские воины были живой мишенью для них. Однако стена имела и определенное значение. Коннице кочевников, их небольшим пешим отрядам и перебежчикам из Китая было затруднительно перейти стену без предварительной подготовки.

После изгнания из Ордоса положение хуннов осложнилось и на западе и на востоке. Предки сяньби (древних монголов) подчинили хуннов, а с запада проникли к ним согдийцы (по-китайски юэчжи) и обложили данью.

Молодые силы хуннского общества были недовольны действиями шаньюя Тумана (Тоумыня) и стремились к укреплению своего государства. Сын Тумана Модэ (по некоторым источникам — Босхар, Мете, Маодунь или Огузхан) также был недоволен действиями отца, который думал только о собственных интересах, даже своего сына Модэ отправил заложником к согдийцам. С помощью молодых сил Модэ произвел переворот, в ходе которого погибли его отец, жена и младший брат. Он стал шаньюем, сплотив вокруг себя воинственную молодежь.

Свою деятельность Модэ начал с покорения соседних племен. Покорив их, Модэ отвоевал Ордос, а затем оттеснил согдийцев на запад. В 201 г. покорил Динлинское государство. Так в Центральной Азии появилась великая держава, которая в исторической литературе называется Хунну, или Великий Хуннский каганат. Границы его простирались от Маньчжурии на востоке до Черного моря на западе и от Великой Китайской стены на юге до озера Байкал на севере[2].

Хуннское общество было в основном кочевым, постепенно развивалось скотоводство, высокого уровня достигли ремесла. На рынках Китая хунны начали торговлю продуктами скотоводства и ремесел, покупали хлеб и одежду. По примеру китайцев хунны начали развивать свое земледелие, использовали при этом пленных китайцев и перебежчиков.

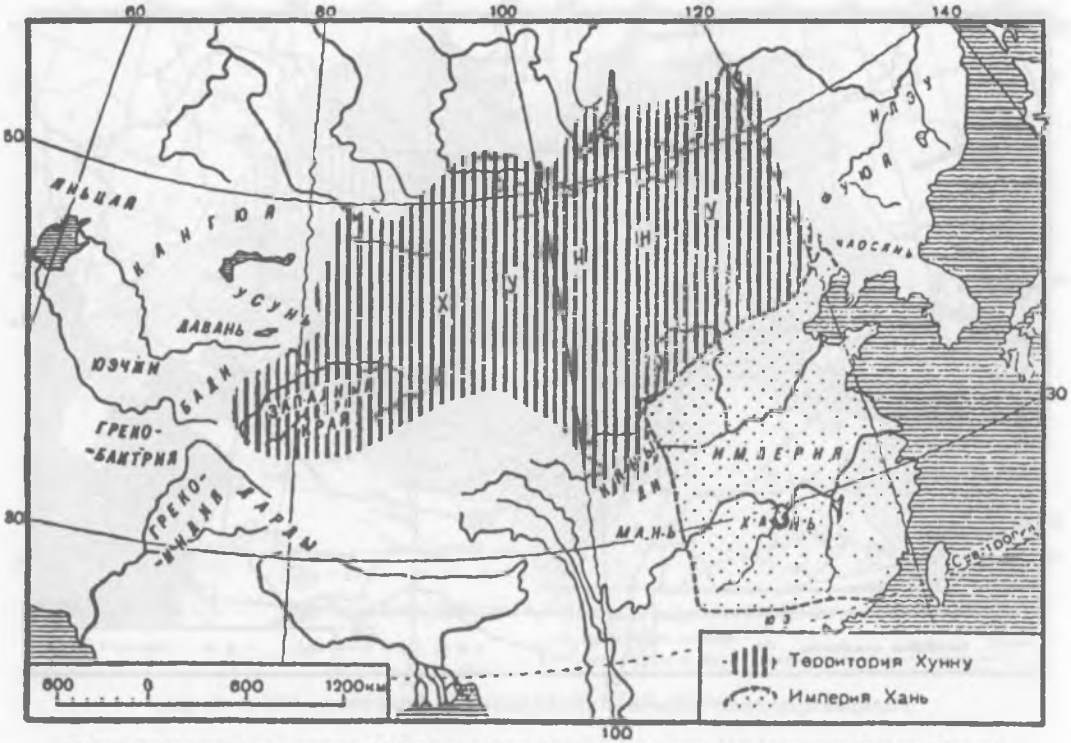
После установления ханьской династии наблюдалось бурное развитие Китая. Количество населения достигло 60 млн. человек. Китайский ученый Цзя И (200–168 гг. до н.э.) оставил в «Синь-шу» запись о том, что у хуннов было приблизительно 60 тысяч всадников, поскольку на пять человек приходится один всадник. Таким образом хуннов было 300 тыс. Но, несмотря на это, с 202 по 57 год до н.э. им удавалось сдерживать ханьскую агрессию. Поэтому ханьские правители, кроме военных, стали искать другие способы уничтожения Хунну[3].

---

[1] Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб., 1993. — С. 47, 48.

[2] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1973. — Вып. 2. — С. 38–41.

[3] Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) — М., 1973.). — Вып. 2. — С. 5.



Центральная Азия около 135 до н.э. (по данным путешественника Чжан Цяня)

Укрепление позиций хуннов сильно беспокоило китайцев. Китайское правительство выработало антихуннскую стратегию и тактику, предприняв далеко идущие меры для их ослабления.

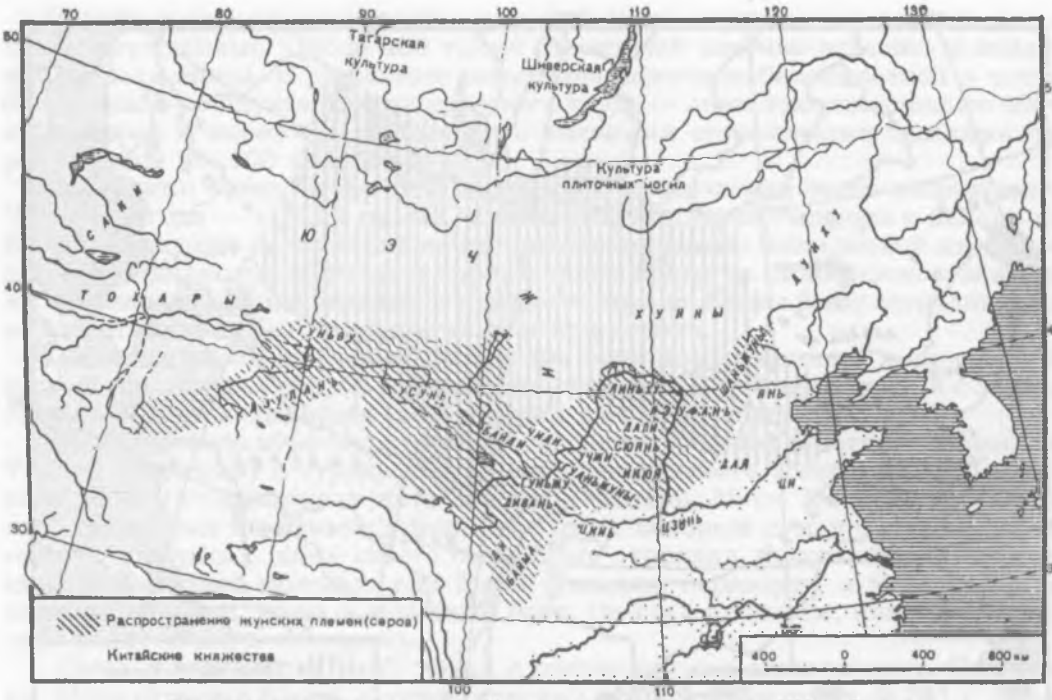
В целях расшатывания экономики Хуннского государства китайцы по низким ценам стали продавать хуннам хлеб, изделия ремесленного производства. Рынок был наводнен дешевыми китайскими товарами.

Постепенно хунны перестали заниматься земледелием и ремеслами, затем вовсе забыли эти отрасли хозяйства и стали полностью зависимыми от поставок китайских товаров и хлеба. Когда Китай прекратил их продажу, в стране начался голод, нехватка различных товаров[1].

Против хуннов китайцы умело использовали и дипломатию. За хорошую плату приглашали хуннскую молодежь служить в китайской армии, создавали им благоприятные условия, и поэтому большинство молодежи не возвращалось на родину. Определенная ее часть, с которой проводилась специальная подготовка, возвращалась и поступала в хуннскую армию и служила Китаю. Эти меры подрывали силы армии, войска наводнялись китайскими сыщиками.

---

[1] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. I–II. — С. 76.



Распространение племен в Центральной Азии около VII в. до н.э.

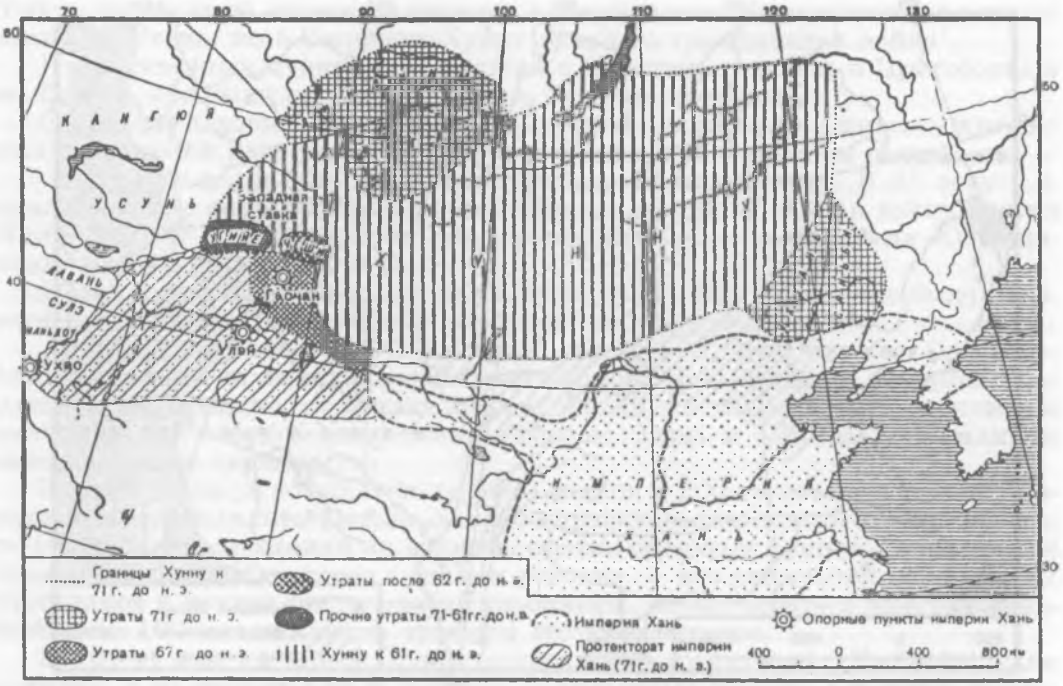
Хуннская знать отправляла на учебу своих детей в учебные заведения Китая, а после учебы на родине работу им не предоставляли. Хуннскому государству не нужны были подготовленные и образованные люди. Эта часть молодежи тоже служила Китаю. Китайское правительство готовило большое количество сыщиков, агентов для отправки в Хунну. В этих целях использовали женщин. После специальной подготовки китайских девушек выдавали замуж за знатных хуннов, которые всю жизнь служили интересам Китая. Китайские перебежчики занимали высокие государственные посты в Хунну. Убежавшие от голода, жестоких порядков в Китае перебежчики, всевозможные преступники, политические эмигранты не сближались с хуннами, в трудные для них моменты выступали на стороне Китая[1]. Этот процесс продолжался столетиями, но особенно усилился во II–I вв. до н.э. и в I в. н.э.

Таким образом, хуннское общество расшатывалось экономически, в духовной, военной области[2].

Китай одновременно натравливал и соседей против Хунну, стал обращать свои взоры на запад, преследуя при этом две цели: экспансия западных земель (но на пути китайцев стояли хунны) и поиск союзников для борьбы

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 78.
[2] Там же. — С. 95.



Распад Хунну с 71 по 61 гг. до н.э.

против хуннов, намереваясь с их помощью уничтожить Хунну и подчинить хуннов Китаю.

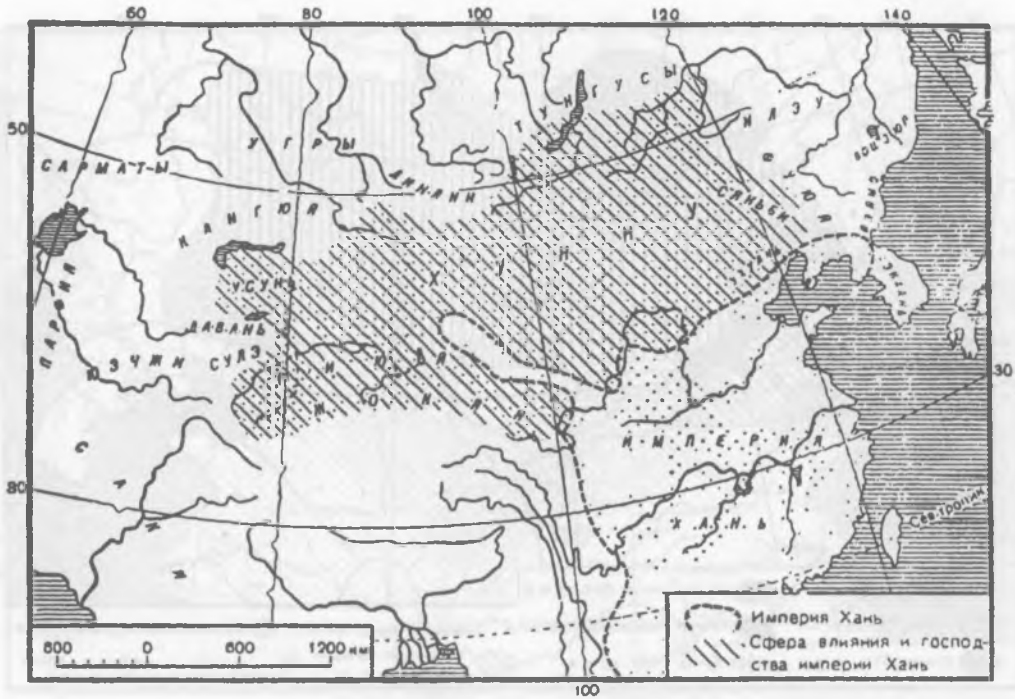
В 121–80-е гг. до н.э. Хунну потерял Восточный Туркестан, который был надежной земледельческой базой государства, громили хуннов их соседи усуни, сяньби и динлины[1].

К середине I в. до н.э. в хуннском обществе стали нарастать отношения рабовладельческого социума. Рабство служит расслоению общины и приводит к краху Хуннский союз. Существенное влияние при этом имел Китай, где укреплялся рабовладельческий строй.

После смерти Модэ китайский двор начинает активную политику подкупа хуннской знати. Раньше знать, сохраняя родовые традиции, делилась военной добычей с простым народом. Теперь же, узнав о роскошной жизни китайской знати, большую долю добычи стала оставлять себе, обрекая рядовых общинников на нищету. Кроме того, знать получала большие подарки от китайского двора. Она стала все шире пользоваться трудом добытых в военных действиях рабов, усиливая примитивную эксплуатацию общинников. В то же время, когда родовой знати импонировал рабовладельческий строй Китая, рядовые кочевники выступали за старые порядки, за независимость. В результате в середине I в. н.э. хуннское общество переживало глубокий кризис.

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 72.



Центральная Азия около 30 г. до н.э.

В I в. до н.э. в Хунну начались внутренние распри, борьба партий, в которых решающую роль сыграли диверсия и дипломатия Китая. В период правления шаньюя Ушилу, вступившего на престол в 105 г. до н.э., среди хуннов постепенно сформировались сторонники подчинения Китаю. Началось увлечение китайской роскошью, привычка к винам, лакомствам и пряностям[1].

В последнее 50-летие до н.э. борьба сторонников и противников родового строя привела хуннское общество к расколу и распаду.

В западной части Хунну, более развитой в общественном отношении, было много противников родового строя. Патриархально-родовые отношения сильнее сохранились в восточной части страны. В 58 г. до н.э. общество разделилось на две части: западная и восточная. В восточной части Хунну шаньюем был Хуханье, а в западной части шаньюем объявил себя его родной брат Хутуус, он принял имя Чжичжи-гудух-шаньюй.

В 52 г. Хуханье признал себя вассалом Китая, тем самым предав интересы своей родины. Большая часть хуннов оказалась в подданстве Чжичжи. Сторонники родового строя под руководством Хуханье ушли на юг. Они положили начало Южному Хуннскому государству. Началось разделение Хунну на Северное и Южное. Чжичжи в 55 г. до н.э. увел своих подданных на

[1] Гумилев Л.Н. Хунну... — С. 103.

Тобол, потом свою ставку он перенес в Джунгарию. Выступил в неудачный поход на Усунь, но в Северном Хунну началась гражданская война[1].

Часть северных хуннов, пришедших с Чжичжи, осталась в Притоболье и на Барабе, где были охотничьи угодья, богатые пастбища.

В I в. н.э. Южное Хунну с помощью Китая процветало. Однако у китайских правителей назревал план уничтожения обоих хуннских государств.

В 86 г. н.э. на Северное Хунну напало Южное Хунну. В 87 году н.э. коалиционные силы китайцев, сяньбийцев и динлинов начали войну против Хунну и в 87 г. вступили на земли северных хуннов. Схватили Юлю-шаньюя и содрали с него кожу.

В 93 г. северные хунны потерпели поражение. Это поражение было роковым для государства. Северные хунны опять разделились.

Часть хуннов после 93 года ушла на запад — в степи Барабы. Они обратили внимание на лесостепи Западной Сибири. На юге тепло, но пустыня, а здесь хоть и холодно, но обилие зубров, оленей, косуль, в лесах — топливо и материал для стрел и сооружения кибиток. Угры и самоеды уступили им место — ушли на север.

Еще 58 родов, в которых было 8000 воинов и 200 тысяч населения, откочевали и подчинились Китаю. Ханское правительство предоставило им место с целью использования их в борьбе против северных хуннов. Сяньбийские правители поставили перед хуннами условие — кто откажется от хуннских принципов и начнет считать себя сяньбийцем, может остаться вместе с сяньбийцами. 100 тысяч хуннов приняли это предложение.

В 104 г. н.э. на севере Хунну возродилось государство. Китайцы были изгнаны с их территории и бывших подвластных земель. Северные хунны объединились с хуннами, ушедшими в 55 г. до н.э. с Чжичжи в Западную Сибирь. В Барабинской степи и в Притоболье началось смешение хуннов с уграми, остатками скифов и сарматов. После поражения часть северных хуннов закрепилась на рубеже Тарбагатая, Сауры и Джунгарского Алатау. Среди южных были молодые хунны, не согласные с родовым строем, они вернулись к северным. Северное Хунну постепенно укрепилось. Но и в этот процесс вмешались сяньбийцы.

Сяньбийцы в прошлом не были единым этносом. Они являлись пришедшими на территорию Монголии остатками разных племен, которые постепенно перешли на монгольский (дунху, ухуань) язык. В 155 г. сяньбийский правитель Таншихай прогнал хуннов с их родины, после чего Северное Хуннское государство перестало существовать. Северные хунны навсегда оставили свою родину, ушли на запад. Таким образом, хунны, которые более тысячелетия были грозной силой в Южной Сибири и Центральной Азии, начиная с I в. до н.э. разделились на несколько групп[2]:

1. Южные хунны, ушедшие несколькими потоками в Северный Китай, попали под власть Китая, освободившись из-под власти китайских императоров, создали империю Лю-хань, которая существовала в 304–318 гг. В 407–432 гг. в Ордосе существовало хуннское государство Ся, в 397–439 гг. в Ганьсу — государство Хэси.

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ.соч. — Л., 1953. — Т. III. — С. 56.
[2] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. — С. 81.

2. Северные хунны, изгнанные в 155 г. Таншихаем со своей родины и ушедшие в Западную, Южную Сибирь, Южный Урал, Нижнюю и Среднюю Волгу и Нижний Дон, проживая среди угров, аланов, сабиров и других племен, ассимилировались и положили начало народу под названием гунны. Они в IV в. создали свое государство, которое при Аттиле (445–454) достигло пика своего могущества и распалось во второй половине V в.

3. Часть хуннов осталась в Западной и Южной Сибири, смешалась с тюркоязычными племенами, ассимилировала с ними отдельные группы угров. Они вошли в состав предков сибирских татар.

Основой хозяйства хуннов было кочевое скотоводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. В Минусинской котловине покоренные хуннами гяньгуни развивали ирригационное земледелие с мощной оросительной системой. И у самих хуннов появилось пашенное земледелие, с использованием в основном сил пленников; они выращивали просо и ячмень. Но земледелие не играло главной роли. Развивалось придомное содержание скота, свиноводство и птицеводство. Подсобную роль играла облавная охота.

В особую отрасль выделилась черная металлургия, было развито ювелирное дело. Все необходимое в быту каждая семья производила сама, впоследствии появились и отдельные ремесленники. Хунны носили одежду из кожи, меха, войлока и грубошерстных тканей; у знати одежда была более роскошной. Одежда хуннов была приспособлена к суровым условиям степи, была теплой и удобной[1].

Основной пищей были молочные продукты, на втором месте — мясо. Употребляли и продукты земледелия, прежде всего пшено и ячменную крупу. Использовали в пище и продукты собирательства.

Суровые условия быта, бесконечные войны с Китаем принуждали кочевников-хуннов к усовершенствованию быта и условий существования. Они изобрели круглую юрту, покрытую войлоком, позже — колесную повозку. У китайцев ничего подобного еще не было. А дальше совместили повозку с юртой — появилась кибитка на повозке, в которой можно было проехать на далекие расстояния, не выходя из кибитки.

На рубеже I в. до н.э. хуннские шаньюи жили во дворцах[2].

Китайские историки Сыма Цянь и Бань Гу писали о хуннах с уважением, отмечали у них наличие культурного наследия, интерес к восприятию культуры соседей. Хуннская культура была близка к скифской и сарматской. Хуннов не привлекала ни китайская, ни иранская, ни эллинская культура, хотя она была им знакома. Достижениями древнейшей хуннской культуры и поныне пользуется все человечество. Упряжную и верховую езду, удобную одежду (шаровары, шапки, халаты, сапоги), некоторые предметы воинского снаряжения и другие оно переняло от хуннов. Есть сведения о том, что у хуннов была собственная письменность[3].

Хунны исповедовали древнюю религию, совершенно не похожую на китайскую. Она была основана на культе космического божества Тенгри. Глав-

---

[1] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. — С. 18, 19; Его же. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М., 1960.

[2] Давыдова А.В. Иволгинский комплекс — памятник Хунну в Забайкалье. — Л., 1985.

[3] Гумилев Л.Н. Указ.соч. — С. 79.

ным объектом их поклонения был космос. В науке эту религию называют тенгрианством. Тенгри означает небо, мироздание, бог, божество, господин, дух, хозяин. Корни тенгрианства восходят к V–IV вв. до н.э. У хуннов был идол, изображающий космос. Кочевники были тесно связаны с природой, они ее обожествляли, рационально к ней относились.

Хунны верили в духов, в загробное существование, которое считали продолжением жизни. Знати устраивали пышные похороны, с умерщвлением друзей и наложниц[1].

Во II в. до н.э. часть хуннов вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и ремеслами. Древней летней столицей государства был город Лунчэн, зимней — Дайлин на территории Монголии.

Власть шаньюя была наследственной. Престол переходил к старшему сыну правящего шаньюя. Эта система была изменена только при шаньюе Хуханье.

В первый месяц года все предводители родов собирались в орде шаньюя на малый сбор, совершали жертвоприношение. В пятый месяц в Лунчэне собирались на большой сбор и приносили жертву духам предков и небу. Осенью, после того как откормились лошади, снова собирались на большой сбор в Дайлине, производили учет людей и скота. Там же обсуждались важные государственные дела, организовывались различные увеселения[2]. Эти сборы были связаны с временами года.

Эта древняя традиция тюрков, заложенная хуннами, пережила века. Основы сабантуя у татар и башкир, проводимые до начала весеннего сева, джиена татар после окончания весеннего сева и до начала уборки урожая заложены в глубокой древности, в кочевой период. Спустя века проведение этих праздников было приурочено к началу или окончанию земледельческих работ. Первоначально они не были связаны с земледельческими циклами.

Основу политического строя Хунну составляла собственность на пастбищные угодья, проявлявшаяся в форме права распоряжаться пастбищами. Политическая система кочевого общества, заложенная хуннами, была в основном сохранена и в последующих тюркских и монгольских кочевых государствах. Старые кочевые традиции политической системы сохранили Чингиз-хан и его преемники[3].

Л.Н.Гумилев и некоторые другие исследователи объясняют уход хуннов не только как следствие поражения от сяньбийцев. Во втором веке атлантические циклоны сместили свой путь прохождения на восток, в глубины континента. Изменился климат Великой степи.

Количество осадков в степи уменьшилось на 150 мм в год. Пересохли полноводные реки, озера, обмелели Арал и Каспий, исчезли многие растения, которыми питались стада, ушел зверь. Многие пастбища превратились в пустыни. Хунны ушли не только от жестокого врага, но и от изменившегося климата[4].

---

[1] Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Набережные Челны. — Б. г. — С. 6; Дэн Чжи-чэн. История Китая на протяжении двух тысяч лет // Реферативный сборник. — 1956. — № 13. — С. 134.

[2] Таскин В.С. Указ.соч. — С. 16, 17.

[3] Там же.

[4] Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник Ленингр. ун-та. — 1966. — № 18.

Л.Н.Гумилев, посвятивший большое количество исследований хуннской и гуннской проблеме, делает вывод, что хунны и гунны — это тюркоязычный народ.

Делая вывод по истории хуннов, необходимо заметить, что хунны были древним тюркоязычным народом Великой степи. В дальнейшем они положили начало нескольким тюркским народам. Но хунны не были единственным тюркоязычным народом Великой степи. Еще задолго до них в Великой степи жили другие тюркоязычные племена: динлины, гяньгуни, кыпчаки, канглы и др.

Хуннский период является наиболее длительным, в известной по имеющимся источникам истории тюрков он начинается, как показывают источники, с 2600 г. до н.э. Хунны заложили основы тюркской государственности. Великий Хуннский каганат был одним из долговременных среди известных в истории тюркских государств — он существовал более пяти веков.

§ 3. Великий Тюркский каганат

По сообщению китайской летописи «Вейшу», признанной более достоверной, предки тюрков обитали несколько столетий до н.э. на севере реки Хуанхэ. Они образовались от смешения нескольких этнических элементов, кочевавших в восточном Гань-су, в округе Пиньлянь. Эта территория находится на севере Китая.

По письменным источникам и археологическим памятникам известно, что главную роль в истории Центральной Азии и Южной Сибири в VI–VII вв. н.э. играли два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен — теле и тюркют. Родоначальником обоих племенных объединений были древние хунны, проживавшие в Ордосе. Одной из ветвей потомков хуннов были племена чи-ди, позднее они именовались ди-ли, еще позднее — динлинами. Они также жили в Северном Китае и находились в длительной вражде с хуннами.

В III в. до н.э. китайцы их вытеснили в степи Южного Гоби, в первые века нашей эры они откочевали на северную сторону Гоби, на территории современной Тувы и Монголии[1]. В этот период китайские летописи Бэйской и Суйской династий (386–581) динлинов называют «гаогюй». Летописи сообщают, что их называли так потому, что они ездили на повозках с высокими колесами. (Слово «гао-гюй» означало высокие повозки.) Часть племени гаогюй поселилась в Китае, и китайцы продолжали именовать их динлинами, или гаогюйскими динлинами. Главное гаогюйское племя юаньхе, которое позднее стало именоваться вэйхо, а затем хуйхо (или уйгур), обитало в бассейне реки Селенга[2]. Это означает, что уйгуры являются одним из представителей древнетюркского племенного союза динлинов.

В китайской исторической хронике Суйской (581–618) и Танской (618–907) династий название «гаогюй» заменено термином «теле». Эти источники упоми-

---

[1] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. I. — С. 144.

[2] История Сибири. — М., 1968. — Т. 1. — С. 266.

нают такие племена теле, которые играли самостоятельную роль и проживали на территории Монголии и в сопредельных областях, как сеяньто, вэйхэ (хуйхо, или уйгуры), паегу, тунло, пугу, аба, телеер, секие, толанко (доланьгэ), киби, атйе, хун, хусе, или хуса, фуло, фулико, тубо и гулигань (курыкан). Китайские летописи продолжают называть теле прямыми потомками хуннов, а язык теле признается сходным с хуннским, с небольшой лишь разницей[1].

Племена эти были тюркоязычными, но тогда еще не существовало названия «тюрк». Кроме сведений о теле, китайские летописи содержат ценные сведения о племенном объединении тюркютов, а в китайской передаче — тюкю. Указывается, что тюркютами также являются потомки хуннов, то есть это древние тюрки. Теле и тюркюты говорили на тюркском языке.

После поражения северных хуннов тюрки были на грани полного истребления китайцами, были вынуждены скрываться в пещерах.

Спустя несколько поколений, в 439 г., родоначальник выживших тюрков Ашина вывел их из западного Шэнь-си и прибыл со своими подданными в количестве 500 кибиток — семейств в Хэси, в подчинение к хану небольшого южнохуннского государства Хэси — Муганю. Однако и там род Ашина ждали новые трудности — в том году китайцы завоевали Хэси, пленили и убили Мугань-хана. Оставшиеся в живых хунны ушли через Гоби на север, на склоны Алтая. Ашина также вынужден был перевести свои 500 семейств на Алтай, в горы Гаочана, находившиеся к северо-западу от Турфана (это современный Синьцзянский автономный район Китая, горы Богда-ола, недалеко от г. Урумчи). Здесь, в горах Гаочана, с древнейших времен, еще до прихода рода Ашины, жили тюркские племена, но у них не было общего названия «тюрк»[2].

По китайским традициям 500 семейств означало «немного», «менее тысячи», поэтому количество 500 не следует понимать буквально. На южных склонах Алтая хозяевами тогда были жужане.

Горы Гаочана славились богатством железа, и племя Ашина занималось кузнечным делом. Поблизости обитали племена теле, которые также владели искусством обработки металла и знали кузнечное дело.

Таким образом, потомки хуннов — род Ашина нашли продолжение своей истории на южных склонах Алтая, где хозяевами были жужане. Этот народ, отличающийся своей жестокостью, был образован из разноплеменных преступников, убежавших из Китая, где им грозила смертная казнь. Впоследствии они перешли на древнемонгольский язык.

В V веке Жужанское государство господствовало в степи от Хингана до Алтая. Прибывшие потомки хуннов слились с тюркскими племенами, которые с древнейших времен жили на юге Алтая, занимаясь скотоводством и добыванием железа. Жужане были еще сильны, и род Ашина с 439 г. был вынужден платить им дань изделиями из железа[3].

Чингиз Айтматов в одном из своих произведений приводит легенду о жужанях. Жуанжуане (другое название жужаней) будто бы надевали на голову

---

[1] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 36–38.

[2] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. II. — С. 21; Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 214; История Сибири. — Л., 1968. — Т. 1. — С. 266–267.

[3] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — СПб., 1993. — С. 63.

своих пленных чехол из свежей кожи голени верблюда, который, обсыхая на солнце и сдавливая череп, деформировал мозг. Такой человек навсегда терял память. Не узнавал даже свою мать. Жуанжуане называли их манкуртами и использовали на пастьбе скота и на других тяжелых работах.

Жуткая легенда появилась не просто так. Она показывает степень жестокости жужаней. Они 200 лет — с 360-го по 552 год были хозяевами степи.

Г.Е.Грумм-Гржимайло пишет, что колыбелью тюрков была Бараба. Там они жили еще в дохуннский период и переместились на юго-восток — в Саяно-Алтайское нагорье, где заняли бассейн притоков Енисея, вступили в сношения с динлинами, часть их покорили, с частью смешались. Затем они попали под власть хуннов, и часть их князьями Ашина была переселена на юг, в восточный Наньшань. Так сложилась сила, которая во главе с Ашиной образовала государство[1].

Китайские историки обратили внимание на целеустремленность и организованность рода Ашина. В этих местах род Ашина принял название «тюрк». Китайские источники называют их тюкю. Слово «тюкю» китайских источников расшифровано синологами как тюркют. «Тюрк» на китайском языке означал сильный, а «ют» — суффикс множественного числа, но на монгольском языке. Имя Ашина произошло от монгольского слова «шоночино» — волк, «А» на китайском языке — префикс уважения. Таким образом, «Ашина» означает благородный волк[2].

Китайские летописи сохранили не только историческую хронику, но и тюркские легенды. Одна из легенд рассказывает об истреблении хуннов жестокими врагами на далеком западе. Уцелел лишь десятилетний мальчик, которому враги отрубили руки, ноги и бросили в травянистое озеро. Мальчика нашла и кормила волчица. Спустя несколько лет волчица от него забеременела. Враги, узнав, что мальчик жив, нашли и убили его. Волчица убежала на восток и появилась далеко от Западного моря, в горах, на северо-западе от Гао-чан (центр Алтайских гор). Волчица укрылась в пещере и родила 10 сыновей. Женившись, они дали начало десяти поколениям; родились внуки, один из которых получил имя Ашина.

Китайские летописи описывают теле и тюркютов — тюкю как родственные народы, но лишь с той разницей, что в летописях теле названы прямыми потомками хуннов, а иногда теле именуются отдельным племенем хуннов. А суйская и другие китайские летописи называют тюркютов народом «смешанного происхождения», подчеркивая, что в число предков тюркютов входили хунны. Вспомните легенду: отец предков Ашина — юноша-хунн, а мать — волчица. Летописи подчеркивают, что обычаи тюркютов такие же, как у хуннов[3].

По данным китайской исторической хроники, племена теле более древние, чем родственные им тюркюты. Они имели свою древнюю историю и свои собственные генеалогические легенды, свидетельствующие о том, что в происхождении своем они «не принадлежат к породе волков» (то есть тюрков)[4].

---

[1] Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. — С. 220.
[2] Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: Экопрос, 1993. — С. 344.
[3] Кюнер Н.В. Китайские известия... — С. 36–38.
[4] Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. — 1997. — № 1. — С. 28.

На богатых пастбищах Алтая тюркюты увеличились численно, выросло количество их главного богатства — скота, они занимались добычей железа и приготовлением изделий из него для жужаней.

Копив силы около 100 лет, тюркюты укрепили этническое самосознание своих соплеменников. Тюркскую легенду о происхождении рода Ашина знал каждый тюрк и своим родоначальником считал волка. Таким образом, возродился древнейший тюркский этнос. Китайские хроники пишут, что тюркский язык был известен за 25 веков до н.э. Но до усиления рода Ашина не было общего для всех тюрков названия тюрк.

Тюркюты делились на западных и восточных (северных). Западные состояли из двух объединений: дулу и нушаби, каждое из которых включало по 5 племен. Из отдельных племен упоминаются тюргеши, чуми, чуйе, шато, карлуки, тардуши, басмилы. К восточным тюкю, вероятно, относилось и племя кыпчак, которое враждовало с уйгурами.

В 534 г. вождем рода Ашина и всех тюрков стал Бумын, который носил титул «великий ябгу» (князь). Он начал борьбу за самостоятельность. В 534 г. Бумын первым подчинил подвластных жужаням 50 тысяч семей огузов, которые безуспешно пытались бороться против жужанского господства.

К 542 г. тюркюты расширили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ и усилились настолько, что в 545 г. к ним прибыло посольство Китая. Это было международным признанием государства тюркютов.

В 552 г. Бумын начал войну против их векового врага — жужаней, разгромил в бою их основные силы. Почти вся бывшая территория древнего Хуннского государства стала принадлежать тюркам. В том же году по древней тюркской традиции Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского Эля, принял титул Или-хана. Так было создано государство тюрков — Великий Тюркский каганат.

В 552–581 гг. тюркюты расширили границы своего государства от Желтого до Черного морей, взяли Боспор и осадили Херсонес. К концу 60-х годов VI в. Великий Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Китая, Ирана, Византии[1].

Значительно окрепнув, тюркюты вспомнили о своей родине. Китайские источники называют родиной тюкю территорию от гор Инь-шаня до реки Хуанхэ, которая изобиловала прекрасными пастбищами. Для увековечения памяти о родине тюркюты хоронили там своих первых каганов. Ныне эта территория находится между городами Баотоу и Баян-Оба в КНР, между рекой Хуанхэ и китайско-монгольской границей[2].

В 570–580-е годы каганат воевал с Китаем, Ираном и Византией. Тюркюты, используя свою мощную латную конницу, почти всегда побеждали. Но эти войны истощали силы государства и приводили к обнищанию народа.

Положение усугублялось вмешательством в 581–618 гг. китайской империи Суй во внутренние дела каганата. Китайцы использовали не только военную силу, но и давно испытанный метод подкупа, шпионажа, хитрой дип-

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ.соч. — С. 73, 228.

[2] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. — М.; Л., 1946. — С. 131.

ломатии и провокации, как поступали их предки в борьбе с Великим Хуннским каганатом. Китай подкупал тюркскую знать предметами роскоши[1].

Войны, увлечение знати роскошью и богатством, межродовая борьба привели к обнищанию народа. Знать все меньше заботилась о его благосостоянии. Это привело к распаду Великого Тюркского каганата на враждебные друг другу Восточно-Тюркский каганат и Западно-Тюркский каганат.

В 581 г. Восточный каганат располагался на территории от Алтая до Великой Китайской стены. Его каганам удалось сплотить народ на борьбу с Китаем, и еще полвека он процветал.

Западный каганат занимал земли от Алтая до Крыма, центральными регионами его были предгорья Тарбагатая, Сауры, Тянь-Шаня и Семиречья. Природные условия Западного каганата привели к разобщенности родов, усилились племенные вожди. Вместо прежнего унитарного государства — Тюркского Эля там образовалась конфедерация десяти племенных вождей, что привело к потере престижа и силы рода Ашина.

Время с 552 по 630 гг. носит название периода Первого Тюркского каганата[2].

В 630 г. китайские войска при поддержке телесских племен разбили Восточно-Тюркский каганат, и он на 50 лет попал в зависимость от Китая.

В 659 г. Китай, используя силы подчиненных соседей, разгромил Западный Тюркский каганат. Период 630–680-х гг. был тяжелым для восточных и западных тюрков, они попали в зависимость от китайской империи Тан, которую по старой привычке тюрки называли Табгачской. Китай формально сохранил титулы каганов Восточного и Западного каганатов.

В 679 г. при Чеби-хане началось одно из мощных восстаний против Китая, которое продолжалось до выступления Гудулу-хана. Руководителями народного восстания были Ашина — Ниши-хан, затем — Фунян.

В 681 г. тюрки начали антикитайское восстание под руководством Гудулу и победили. Гудулу присвоил себе титул Эльтерес-хан и в 682 г. вновь возродил Восточно-Тюркский каганат. С этого времени начинается история Второго Тюркского каганата[3].

С 681 по 745 год тюрки были властителями Великой степи. При Капаган-кагане (691–716) Восточно-Тюркский каганат на короткий срок расширил свои границы от Маньчжурии до Сырдарьи, принудил Китай к миру, одержал победу над восставшими уйгурами и усилившимся Кыргызским каганатом.

В 715 г. сложилась критическая ситуация для Восточного каганата: восстали все покоренные племена — карлуки, западные тюрки, татабы, кидани, изгили, уйгуры, байырку встали на защиту своей свободы. Все эти события, во время правления Капаган-хана до 716 г., описаны в орхонских памятниках. Кюль-тегин, Тоньюкук, Могильян, Бильге-хан в течение 42 лет не только решали судьбу государства, но и оставили для поколений историю своих подвигов, указали причины падения государства.

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 283.

[2] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия... — С. 148, 193.

[3] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Т. 1. — С. 332.

Обособление знати, дальнейшая агрессия Китая, недовольство народа привели к распаду Восточного Тюркского каганата на удельные владения и к гибели государства.

В 742 г. по приказу китайского императора уйгуры, басими и карлуки напали на восточных тюрков. В 744 г. убили последнего кагана Восточно-Тюркского каганата Озмиша. Это государство прекратило существование. На его месте возникло новое тюркское государство — Уйгурский каганат, просуществовавший с 745-го по 840 год.

Среди древнего тюркского населения Восточной Европы были хазары; о них известно с IV в., после гуннского нашествия. Хазары не оказали сопротивления тюркютам, они поддержали их и не пострадали, даже ходили с ними в походы, чтобы подчинить Азербайджан и Грузию. После падения Первого Тюркского каганата хазары создали свое государство — Хазарский каганат. Каган и руководящее ядро хазарского государства были из рода Ашина. У тюркютов был опыт управления государством, сплоченность и престиж среди всех тюрков, а у хазар — воинственность и стремление создать собственное самостоятельное государство. Столицей Хазарского каганата были города Семендер и Беленджер в Дагестане, затем Итиль в низовьях Волги. Во второй половине VII в. хазары подчинили себе приазовских болгар, а также савиров в Дагестане. Кавказская Албания оказалась данником Хазарского каганата.

Византия проводила политику натравливания кочевников на Хазарский каганат, что привело к его ослаблению. В X в. Хазарский каганат перестал существовать.

В начале VII в. в Предкавказье кроме хазар жили болгары, включавшие племена утургуров, унногундуров, оногуров и др., обитавшие по правому берегу Кубани, вплоть до Дона. В середине VI в. низовья Дона и Днепра занимали болгары-кутургуры. Все эти болгарские племена пришли с Черного Иртыша.

Византия, страдавшая от набегов болгар-кутургуров, побуждала болгар-утургуров к военным действиям против кутургуров. Таким образом, византийский император два родственных народа довел почти до истребления.

Вождь болгар-унногундуров Кубрат, возвысившийся своими дипломатическими способностями, объединил всех болгар и, воспользовавшись отдаленностью центра каганата, превратился в самостоятельного властителя. Около 635 г. он нанес поражение аварам и снарядил посольство в Константинополь[1]. Великая Болгария просуществовала до 679 г.[2].

Хозяйственная жизнь народов Великого Тюркского каганата была разнообразной. Основной отраслью было кочевое скотоводство, большое значение имела охота. Население приречных районов занималось рыболовством. Металлургия оставалась основным занятием тюрков, проживавших на Алтае и в Минусинской котловине. Были также развиты ремесла. Военная служба была главным делом тюрков всех слоев.

---

[1] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л., 1946. — С. 184; Артамонов М.И. История хазар. — М., 1962. — С. 146–156, 162.

[2] Феофан. Летопись византийца Феофана от Диалектиана до царей Михаила и сына его Филофилакта / Пер. В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. — М., 1890. — С. 262.

Часть населения жила в оседлых аулах, занимаясь пашенным земледелием и пастушьим скотоводством. На Алтае и в Минусинской котловине существовали крупные ирригационные сооружения.

Через каганат проходил Великий шелковый путь, который находился под контролем государства. Во времена Великого Тюркского каганата население стало весьма состоятельным. Богатство не растрачивалось, не делилось, сохранялось в больших семьях[1].

Верховный правитель тюркютов назывался каган (qagan — с гортанным «g»), реже кан (qan). Каган считался земным представителем верховного бога Тенгри. Большими полномочиями обладала жена кагана — катун (qatun).

Первым лицом в государстве после кагана был ябгу. Он был из правящего рода. Но не любой ябгу был наследником престола. Наследник назывался тегином. Должность «шад» занимали принцы. Все высшие должности занимали лица из рода Ашина. Над каждым племенем были беги, которые подчинялись только кагану[2]. Существовала четкая система терминов родства: сын — огул; дочь — кыз огул; младший брат — ини; старший брат — ачи; старшая сестра, тетка — апа; младшая сестра — сенел; мать — ог; кровный родственник — карундаш. В надписях встречаются термины «адаш» — тезка, «йолдаш» — попутчик[3].

В каганате на высоком уровне были международные связи с народами Китая, Тибета, Ирана, Кавказа, Западного и Восточного Рима. Тюркские купцы ездили торговать в соседние страны. Сопредельные государства также вели интенсивную торговлю с каганатом. Все это не могло не повлиять на культуру и религию тюрков.

Религия тюрков в период Великого Тюркского каганата почти не отличалась от хуннской. Главным богом у тюрков был Тенгри, что означает культ солнца, культ неба. Тенгри указан в орхоно-енисейских надписях: «Вначале было вверху голубое небо, внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие». Своего бога тюрки называли Кок Тенгри (Голубое небо). Ему ежегодно приносили жертву животное. В дальнейшем дух неба получил персидское название Кудай — Худай (бог). В отличие от язычества, тенгрианство ближе к единобожию. Кроме Тенгри тюрки верили в женское божество Умай. Но Тенгри был верховным богом всех тюрков[4].

Тюрки верили в силу «Йер-су» (Земля-вода), в бессмертие души и в загробную жизнь. Существовал культ предков. Служителя культа называли кам. В период Великого Тюркского каганата у тюрков шаманства не было, оно проникло к тюркам Сибири намного позже — после распада тюркских государств[5].

До создания Великого Тюркского каганата тюркские племена были разрознены. Выйдя из относительной изоляции, объединившись и укрепив свое

---

[1] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 515.

[2] Мелиоранский П. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. — 1938. — № 6. — С. 266.

[3] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. — М.; Л., 1946. — С. 101.

[4] Банзаров Д. Черная вера. — СПб., 1891.

[5] Стеблева М.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. — М., 1971. — С. 215.

положение, на основе многовекового наследия они создали свою цивилизацию. И каждое тюркоязычное племя внесло свою долю в эту цивилизацию — в государственное строительство, обустройство общества, военное искусство, материальную и духовную культуру. Цивилизация древних тюрков была сугубо оригинальной, самобытной, исходящей из требований степной жизни и резко отличающейся от китайской, ближневосточной, иранской и европейской. В то же время эта цивилизация отвечала всем требованиям жизни человека в условиях суровой степи от его рождения до смерти.

Великим творением древних тюрков, подобно египетским пирамидам, являются памятники Кюль-Тегину, Бильге-Кагану и Тоньюкуку, расположенные в Монголии, на реке Орхон. Памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану находятся на расстоянии около километра друг от друга. Они составляли единый комплекс погребальных сооружений. В комплекс входил и заупокойный храм, от которого остались только руины.

Надписи на стелах выходят далеко за пределы жизни погребенного, являются не только надгробными эпитафиями — в них описывается прошлое тюркского народа.

Тексты этих памятников являются долговечными летописями, каждый из них — это отдельная глава истории тюрков.

Храм был размером 10,25x10,25м, были установлены статуи Кюль-Тегина, но разрушены. К памятнику тянется цепь балбалов на три км. До наших дней уцелело 169 балбалов[1].

Ярким показателем уровня культуры древних тюрков является руническая письменность. Обилие рунических письмен не только на памятниках, эпитафиях, на скалах, но и на предметах быта свидетельствует о высоком уровне распространения грамотности среди знати, предполагает наличие у тюрков собственной системы образования.

Тюркская культура периода тюркских каганатов сильно повлияла на культуру соседних народов, особенно на китайскую. Тюркская одежда и нравы импонировали китайской знати. Тюркская одежда, особенно шаровары, зеленые, коричневые халаты с воротником с запáхом налево и подпоясанные поясом, стали в танскую эпоху в Китае обычной одеждой. Большим успехом пользовались тюркские блюда. Тюркская пентатоническая музыка исполнялась в китайском императорском дворце[2].

У древних тюрков существовало богатое устное народное творчество. Некоторые его образцы, несмотря на многовековой разрыв времен, дошли и до наших дней. Среди них тюркский героический эпос «Сай-Солонг», содержащий детали древнетюркской жизни и бытия. Богатырская сказка об Алпамыше, известная в настоящее время почти у всех тюркских народов, содержит сюжеты эпохи Великого Тюркского каганата[3]. О богатстве народного изобразительного искусства древних тюрков можно судить по древнетюркским мотивам современных тюркских народов: богатый растительный орна-

---

[1] Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. — М.; Л., 1946. — С. 34.

[2] Liu Vfi Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichteder ost Turke. — Buch I–II. — Wiesbaden, 1958. — B. 34, 37, 38, 43, 469, 470.

[3] Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. — Ойротское кн. изд-во, 1947. — С. 227, 228.

мент, особенно частое изображение тюльпана, символ солнца — Тенгри в декоративном искусстве татар, башкир, казахов и других тюркских народов.

С древнетюркского периода осталась и развивалась пентатоническая музыка татар, башкир и других тюркских народов. В древний кочевой период были заложены основы конских состязаний казахов, киргизов, татар, башкир и др. Необходимо особо выделить весенний праздник татар, башкир — Сабантуй.

Период Тюркских каганатов VI–VIII вв. является важнейшим этапом в консолидации, развитии и этнической истории тюркских народов. Тюрки были защищены от экспансии и агрессии соседних государств. Развитие на протяжении почти двух веков скотоводства, земледелия, металлургии, ремесел, торговли позволило создать богатую материальную и духовную культуру. В составе Тюркских каганатов тюркские племена приобрели признание и опыт международной жизни. Именно в этот период создавались условия для формирования родственных по происхождению тюркоязычных народностей. Многие тюркоязычные народы Евразии в этнических объединениях того времени имеют своих далеких предков.

В недрах Западного Тюркского каганата образовались Хазарский каганат и Великая Болгария в Приазовье. В дальнейшем как наследники Тюркских каганатов на бывшей его территории были созданы и другие тюркские государства. Тюркские каганаты имели особое значение в дальнейшей судьбе тюркоязычных племен Западной Сибири, объединенных впоследствии в составе сибирских татар.

Главную роль в консолидации тюркских племен, создании тюркского государства и его развитии в экономической, духовной и международной областях играли тюркюты — кок тюрки (голубые тюрки), которые погибли вместе с каганатом. В то же время необходимо отметить, что в период почти двухвекового существования Великого Тюркского каганата развитие производительных сил и общественных отношений шло недостаточно интенсивно. Основная причина этого — непрестанные войны с империями Суй и Тан, Ираном, Арабским халифатом, борьба с покоренными народами, стремящимися к независимости, особенно с токуз-огузами.

Великий Тюркский каганат, его создатели — тюркюты и вообще тюрки стали известны в крупнейших государствах VI–VIII вв. Созданную Великим Тюркским каганатом цивилизацию восприняли многие народы — кыпчаки, кимаки, уйгуры, печенеги, огузы, карлуки, кыргызы, тюргеши, хазары, болгары и другие и сохранили ее после гибели каганата.

§ 4. Уйгурский, Кимакский и Кыргызский каганаты

Одним из сильных племен в период распада Второго Восточного Тюркского каганата были уйгуры, которые сыграли решающую роль в его гибели. Уйгуры были древнейшим народом, происходили от тюркоязычного народа теле.

В 552 г. уйгуры оказались в составе Великого Тюркского каганата, но они не были согласны на зависимое положение и стремились к самостоятельности. С 606 г. уйгуры неоднократно пытались освободиться от власти тюркютов и создать свое государство. Во главе этой борьбы был род Яглакара.

После смерти Бильге-кагана уйгуры встали во главе объединения племен Центральной Азии, стремившихся к независимости. После убийства кагана Второго Восточного Тюркского каганата Озмиша и распада каганата в 745 г. борьба завершилась победой уйгуров. Они в том же году создали Уйгурский каганат и стали хозяевами Центральной Азии. Таким образом, на землях Второго Восточного Тюркского каганата появилось новое государство — Уйгурский каганат[1].

Но Уйгурский каганат не был единственным государством, возникшим на территории Восточного Тюркского каганата. Еще в 657 г. карлуки не стали признавать власть тюркютов и вошли в состав империи Тан. Одновременно с образованием Уйгурского каганата создали свое государство тюргеши. Кроме того, на севере, в Минусинской котловине, енисейские кыргызы восстановили свое государство — Кыргызский каганат, но в 750 г. Уйгурский каганат подчинил его себе.

Уйгурский каганат состоял из девяти токуз-огузских родов. Кроме них, в состав каганата вошли подчиненные басмалы и восточные карлуки, а также шесть телесских племен — бугу, хунь, байырку, тонгра, сыге и кибо. В правах и обязанностях они были приравнены к токуз-огузам.

По уйгурским источникам первым каганом Уйгурского государства был Кюль-Бильга-каган, по китайским источникам — Хан-Пэйло, получивший от китайского императора титул Гудулу-Бигя-Кюэ-Хуайжень-хан. Он признал себя вассалом империи Тан, чтобы с ее стороны не вызвать агрессии. Его сын каган Моюн-чуре продолжил вассальные отношения с империей Тан.

В тексте памятника под названием Селенгинский камень, поставленного в честь кагана Моюн-чура, рассказывается начальная история Уйгурского каганата с 745 г. до смерти Моюн-чура, то есть до 759 г.

В 756–759 гг. в Китае шло восстание антифеодального характера. Моюн-чур участвовал в подавлении восстания. Немало князей Уйгурского каганата выступили против Моюн-чура. По-видимому, были и другие причины, побудившие народные массы к восстанию против самого Моюн-чура, которое переросло в гражданскую войну. Во главе восставших был Тай-Бильга-Тутук, которого провозгласили каганом. К восставшим присоединились кидани и татары[2].

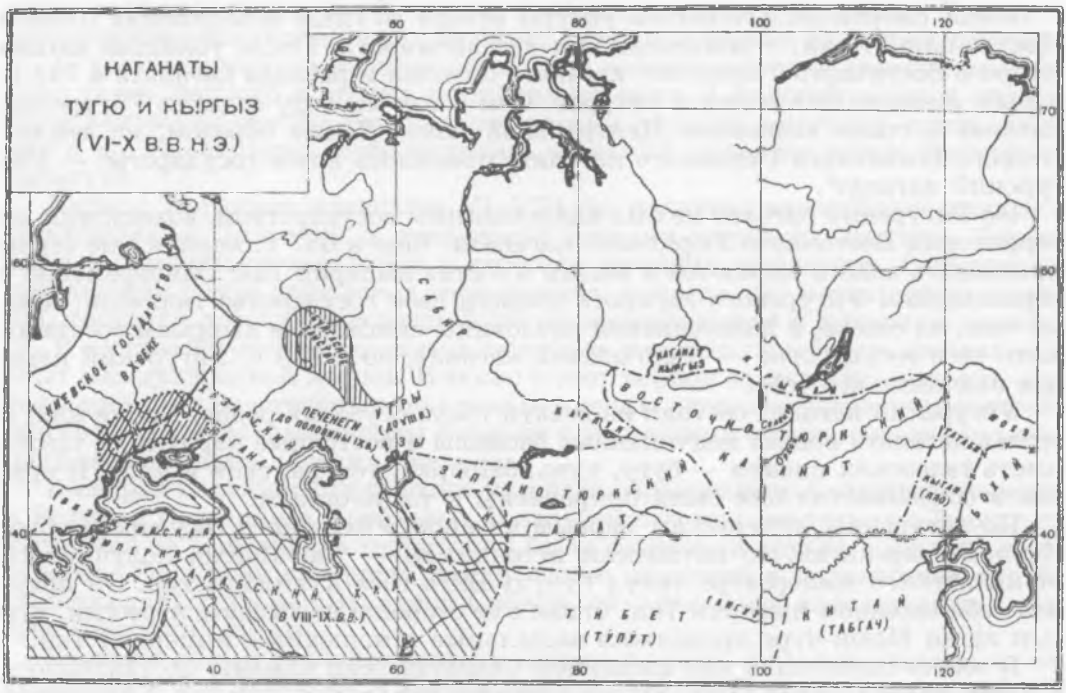
Поняв опасность своего положения, Моюн-чур стремился к компромиссу с народом. «Я собрал войска и выступил в поход (против них). Я их победил — гласит текст памятника. — Но их черный простой народ (qara igil budun) я не истребил, их юрты и дома, их табуны не захватил. Я только наложил на них наказание и, велев жить по-прежнему, я их оставил»[3].

Таким образом, Моюн-чур истребил всех противников из знати и, выступая на стороне простого народа, тем самым добился его поддержки.

Исследователь истории тюрков Центральной Азии А.Бернштам создание Уйгурского каганата считает не образованием нового государства, а лишь сменой тюркской династии на уйгурскую. Он пишет, что уйгурская династия вырастала непосредственно из тюркской.

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ.соч. — С. 49.
[2] Там же.
[3] Бернштам А. Указ.соч. — С. 189, 191.



Племена Великой степи с VIII по X век

Уйгуры долго стремились к свободе и боролись за ее получение, но, добившись независимости, не смогли ею воспользоваться. Во-первых, была слаба центральная власть. Уйгурские каганы, стремясь расширить границы государства, вели агрессивную политику в отношении своих соседей, чем вызвали враждебное к себе отношение. В Тюркских каганатах до гибели государства тюркюты оставались во главе всех племен, проявляя организованность и сплоченность. Но уже в 780 г. токуз-огузы потеряли преимущество перед остальными племенами, так как они были недостаточно сплочены. Племенные вожди постепенно сосредоточили в своих руках значительную власть, что привело к ослаблению власти кагана. При смене ханов ослабла система наследственности, стал преобладать принцип выборности[1].

Крупной ошибкой уйгурских правителей было принятие преследуемой всюду на востоке религии манихеев. Основное содержание манихейства составляло пессимистическое учение об изначальности зла, оно боролось против материального мира, проповедовало неприятие жизни, сострадания и милосердия, отрицало семью, внедряло сексуальные оргии, установило аскетизм, распутство и жестокость. Эта религия поссорила уйгуров почти со всеми соседями[2].

---

[1] Васильев В.П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов орхонской экспедиции. — СПб., 1897. — Т. III. — С. 24.

[2] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. — С. 423.

Северная граница каганата проходила по Байкалу, восточная достигла верховий Амура и современной Маньчжурии, Южного Китая, западная граница проходила по монгольскому Алтаю.

В период Уйгурского каганата в Центральной Азии и Южной Сибири продолжался процесс феодализации, начатый в период тюркских каганатов. Каган раздавал лучшие земли своим феодалам. Основные средства производства — скот и земля находились в собственности уже на основе феодального права.

Уйгуры построили столицу Орду-Балык на Орхоне, Хатун-Балык, Бай-Балык и другие города и крепости.

Хозяйство Уйгурского каганата было комплексным. Токуз-огузы занимались преимущественно оседлым земледелием. Возделывали просо, ячмень, овес, пшеницу. Довольно широко была развита ирригация. Земледелие было пашенное, с использованием тягловой силы животных. Орудиями распашки земли были деревянная соха и плуги с железными сошниками. Хлеб убирали серпом и косой-горбушей. Зерно мололи в муку и делали крупу на ручных жерновах. Земледельцы занимались пастушьим скотоводством с полустойловым содержанием скота.

Основным занятием других племен было кочевое скотоводство. Разводили овец, крупный рогатый скот и верблюдов. Отдельные племена промышляли индивидуальной и облавной охотой. Китайские источники сообщают о стремлении уйгуров к оседлой жизни и городской культуре.

Развивалась международная торговля. Уйгурский каганат держал в своих руках одну из веток Великого шелкового пути. Кроме китайских купцов, в Уйгурский каганат приезжали арабские купцы с тканью.

С развитием материальной культуры развивалась и духовная культура. Уйгуры в VIII в. пользовались орхонским письмом, затем переняли алфавит из Ближнего Востока, который называется уйгурским. Его письмо вертикальное, пишется сверху вниз, справа налево. Это письмо было совершеннее рунического.

Уйгурское письмо способствовало дальнейшему распространению грамотности и письменной культуры не только уйгуров, но и других народов Центральной Азии. На основе уйгурского письма были созданы научные труды. Например, известный труд М.Кашгари «Диване лугат ат-турк» написан на нем. Уйгурский алфавит использовался и в Золотой Орде. Многие важные документы этого государства, в том числе дипломатические, написаны уйгурским письмом.

О распространении грамотности свидетельствуют рунические уйгурские тексты на бумаге, найденные в г. Урумчи в начале XIX в. Среди них юридические документы — расписки, обязательства и документ о продаже девушки-рабыни за сто кусков золота. Документы датируются VIII в.[1].

Восточными соседями Уйгурского каганата были кидани. Они поддерживали мирные отношения с уйгурами из-за вражды с Китаем. Севернее киданей на Амуре жили татары, которые занимались рыбной ловлей. Отношения с ними были враждебными. На севере Уйгурскому каганату угрожали си-

---

[1] Бернштам А. Указ. соч. — С. 54.

бирские племена: йеде — предки шорцев, кучугур, ку-ижи, саяно-алтайские угры. В Джунгарии располагались байырку и тюргеши[1].

Больших усилий от каганов требовало подчинение енисейских кыргызов Уйгурскому каганату. Только четыре года после поражения Второго Восточного Тюркского каганата Кыргызское государство было независимой державой, потом его подчинили уйгурские каганы, но оно сохранило автономию. Кыргызы не примирились со своим вассальным положением, стремились к свободной связи с Восточным Туркестаном, Семиречьем и Средней Азией, пути к которым отрезал Уйгурский каганат[2].

К началу VIII в. кыргызские правители усилились, что беспокоило уйгурских каганов. Около 820 г. каган уйгуров Бао-и начал войну с ними.

В первое время борьба была успешной. Но кыргызы смогли сохранить свое государство.

Борьбу кыргызов против Уйгурского каганата поддержали и другие племена. Около 818 г. кыргызский князь объявил себя ханом, в 835 г. отошли от каганата татары. Народные массы, уставшие от манихейства, не признавали знать. Правители потеряли поддержку народа.

Кыргызы воспользовались распрями внутри Уйгурского каганата и в 840 г. начали против него войну. Против уйгурского кагана восстал уйгурский полководец Кюлюг Баг-тархан. Объединенные силы повстанцев и кыргызской армии составляли 100000 воинов. Был взят город Орду-Балык, он был разграблен и сожжен, был убит и уйгурский каган. Уйгурская держава пала[3].

В события вмешалось китайское правительство, оно разгромило остатки уйгурской армии. Значительное количество уйгуров осталось в Туве, часть их расселилась по всей Центральной Азии, даже в Маньчжурии. Жили они компактно[4].

Значительная часть уйгуров во главе с министром Пан-тегином переселилась в Восточный Туркестан, создала новое Турфанское уйгурское княжество. Часть уйгуров ушла в Китай.

Так закончилась в 840 г. история Уйгурского каганата. Но в Центральной Азии образовались другие тюркские государства, самым значительным среди них был Кимакский каганат.

* * *

Енисейские кыргызы, разрушившие Уйгурский каганат, не смогли возглавить племена, ранее входившие в Уйгурскую державу. После падения Уйгурского каганата центральноазиатские племена оказались предоставленными самим себе. Кимаки готовы были возглавить новый политический союз из многочисленных племен и создали новое государство. Оно называлось Кимакским каганатом и представляло федерацию семи племен, семи ханств.

---

[1] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — С. 374.
[2] Бартольд В.В. Соч. — Ч. I. — Т. II. — С. 487.
[3] Бичурин Н.Я. Указ.соч. — С. 334.
[4] Материалы по истории уйгур в XII в. Прилож. 484–486. — Новосибирск, 1675. — С. 81, 82; Лун-ли. История государства киданей / Пер. С.В.Таскина. — М., 1979. — С. 499.

Кимаки как народ сложились позже своих соседей. По существующей гипотезе, они происходят от потомков «малосильных хуннов», создавших государство Юебань[1].

Много сообщений о кимаках содержится у арабских и персидских географов, путешественников и историков, но в основном начиная только с X в. По сообщению Гардизи, кимакская федерация состояла из семи племен: кимак (имак, имек, йемек), ими, татар, баяндур, кыпчак, ланиказ и аджлад[2].

В создании Кимакского каганата участвовали также татарские племена. Махмуд Кашгари отмечает близость языка кимаков, огузов и других тюркских племен[3].

Сведений больше всех содержится о кыпчаках, которые были самыми многочисленными после кимаков. Китайские источники знают их с III в. до н.э. под именем цюйше, или кюйше. Название «кыпчак» имеется в памятнике Моюн-чура (VIII в.). Много пишут о них мусульманские авторы.

Предками кыпчаков считаются динлины, в древности населявшие Минусинскую котловину. Уже в эпоху бронзы они были владельцами богатой культуры, о чем свидетельствуют минусинские и алтайские могильники. Кыпчаки входили в состав Хуннского, Великого Тюркского и Уйгурского каганатов.

В 630 г. часть кыпчаков была истреблена тюркютами и Китаем. Грумм-Гржимайло сообщает, что оставшиеся кыпчаки разделились, одна часть смешалась с канглами и образовался народ, известный под именем команов, или половцев. Из-за великих потрясений в тюркском мире большая часть богатого культурного наследия предков кыпчаками была забыта[4].

Хотя кыпчаки были близкими родственниками кимаков, они расселялись отдельно от них. Каждое крупное племя, входившее в Кимакский каганат, имело свое ханство. Кыпчаки также имели свое ханство, но политически были зависимы от кимаков. Ханы отдельных племен назначались или утверждались хаканами[5]. Махмуд Кашгари отмечает, что кимаки и кыпчаки говорили на одном и том же языке. Кыпчаки не отождествляли себя с кимаками, а считали их отдельной ветвью. Племенной состав кыпчаков был сложным, он состоял из 9 племен.

И.Маркварт и Б.Е.Кумеков подчеркивают, что татарские племена участвовали не только в создании Кимакского государства, но и в этногенезе кимаков[6]. Впервые термин «татар» упоминается в надписях в Кошо-Цайдаме на памятниках в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. В большой надписи в честь Кюль-Тегина среди народов, приславших послов на похороны первых тюркских каганов Бумына и Истеми (середина VI в.), есть «огуз-татар». В той же

---

[1] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. — СПб., 1897 // Заметки Императорской академии наук. Сер. VIII. — № 4. — Т. 1. — С. 83, 106.

[2] Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI веков по арабским источникам. — Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1972. — С. 53.

[3] Кашгари М. Диване лугат ат-турок. Факсимиле. — Анкара, 1941. — С. 71.

[4] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. II. — С. 57, 58.

[5] Бартольд В.В. Худуд ал-алам / Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л., 1930. — С. 19.

[6] Кумеков Б.Е. Указ. соч. — С. 45.

надписи отуз-татары указаны среди врагов отца Кюль-Тегина, основателя Второго Восточного Тюркского каганата, — Ильтереш-кагана[1].

В надписи на памятнике Бильге-кагану впервые зарегистрированы «токуз-татары»- союзники восставших против Бильге-кагана в 723–724 гг. токуз-огузов. В надписи уйгурского кагана Моюн-чура (747–759) вновь названы токуз-татары — союзники восставших против кагана огузских племен[2].

Таким образом, татары впервые упоминаются в тюркских рунических надписях в связи с событиями середины VI в. В VIII в. татары населяли северо-восточную часть Монголии. В 740–840 гг. татары входили в состав Уйгурского каганата. В китайских источниках татары (да-да, да-дань, татань) впервые упоминаются в связи с событиями 842 г. в качестве союзников последнего уйгурского кагана[3]. После крушения Уйгурского каганата татарские племена вместе с уйгурами эмигрировали в Восточный Туркестан.

В IX в. татары были соседями тангутов. В Тангутском государстве татары обитали в степях Ганьсу и в горах Алашань (Тянь-Шань)[4]. Название «татары» содержится в хотано-сакских документах IX–X вв. «Худуд ал-алам» причисляет татар к токуз-огузам[5]. Среди племен, говоривших по-тюркски, татар упоминает Махмуд Кашгари. В кимакской федерации татары, возможно, появились после 840 г.[6].

Как пишут китайские источники, в начале IX в. татарские племена, которых китайские авторы называли в тот период шивэй, передвинулись к горам Иньшаня и распространились на западе до Керулена.

В 966 г. они заключили союз с империей Сунь для борьбы против киданей[7]. Но этот союз не помог татарам, и в 984–985 гг. они потерпели поражение от киданей. У китайцев была привычка менять названия народов и племен. И татар они стали называть «цзюбу». Этноним «татары» был также их самоназванием.

В XII в. на некоторое время татары захватили гегемонию в степях и термином «татар» стали называть все население от Великой Китайской стены до тайги. В этноним «татары» большую путаницу внесли китайские историки. До XII в. они монголов рассматривали как часть татар, в XIII в., наоборот, китайская историография рассматривает татар как часть монголов. В XIII в. слова «татары» и «монголы» стали синонимами.

Но китайские историки делили татар на три группы: белые татары, черные татары и дикие татары[8]. К белым татарам относились собственно тата-

---

[1] Рамстедт Г. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицко-Кяхтинского императорского Русского геогр. общества. — Ч. 1. — Т. V. — С. 65.

[2] Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 35, 89.

[3] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — С. 162–169.

[4] Кычанов Е.И. Очерк истории Тангутского государства. — М., 1968. — С. 134.

[5] Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л., 1930. — С. 174.

[6] Кумеков Б.Е. Указ. соч. — С. 42.

[7] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Л., 1926. —Т. 1. — С. 376–377.

[8] Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII в. — СПб., 1857. — С. 216.

ры, онгуты (потомки шато), обитавшие южнее пустыни Гоби. Они были цивилизованными, носили шелковую одежду, ели из фарфоровой и серебряной посуды, их вожди знали грамоту и учение Конфуция.

Черные татары, в том числе кераиты, были кочевыми скотоводами, жили вдали от культурных центров. Выше всего ценили независимость. На ночь огораживались от нападения других племен кольцом из телег, вокруг них выставлялась стража. Они презирали и жалели белых татар, потому что те за шелковые тряпки и плоды китайской цивилизации продали свою свободу.

Дикими татарами китайцы считали охотников и рыболовов Южной Сибири, не признававших никакой власти, кроме власти своих старейшин, которым добровольно подчинялись. Их постоянно подстерегали голод и нужда, но дикие татары презирали труд. Как показывают сведения китайских источников, под черными и дикими татарами, вероятно, нужно понимать монголов.

В 1161 г. татары нанесли серьезное поражение монголам у озера Буир-нур, в результате чего распалось древнемонгольское ханство. Но монголы продолжали борьбу. Победу одержал внук Хабул-хана Есугей-богатырь. Он захватил в плен татарского богатыря Темучина и в честь этой победы своего новорожденного сына назвал Темучином. Это был будущий Чингиз-хан[1]. В западных походах монголов передовой отряд войска составляли татары; из-за этого монгольское войско часто называлось татарским.

В XIII в. название татары в Центральной Азии уже не употреблялось, оно перешло как этноним к населению Золотой Орды.

До середины VIII в. южными соседями кимаков были карлуки, на востоке — енисейские кыргызы. Страна токуз-огузов находилась южнее кимаков. Резиденция хакана была в г.Имакия на Иртыше[2]. Кимаки постепенно занимали и другие области федерации, много их было в Семиречье.

По-видимому, первоначально кыпчаки жили вместе с кимаками, но по какой-то причине в конце IX в. отделились от них и поселились на западных землях каганата. Культура кыпчаков и кимаков в VII–XII вв. была тождественной[3].

Кимакская федерация занимала огромную территорию от Тобола и Иртыша до Каспия и Сырдарьи, от тайги до казахстанских полупустынь. Границы Кимакского государства защищались от врагов самой природой. Северной границей его была сибирская тайга, восточной — Алтайские горы, южной — безжизненная степь Бет Пак дала. Мусульманские авторы указывают северной границей Кимакского каганата мифическую страну Йаджуж-Маджуж[4].

Во второй половине IX в. кимаки стали передвигаться на запад. Они занимали земли печенегов. Последние ушли на юг восточноевропейских степей, и в конце IX в. там началось формирование нового политического союза печенежского этноса. Их соседями были более сильные и известные племена — огузы, кыпчаки, мадьяры и Хазарский каганат. Пользуясь слабостью Хазарского каганата, они двинулись через его земли на запад[5].

---

[1] Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1992. — С. 78, 115.

[2] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. III. — С. 303.

[3] Моргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне реки Сарысу // Вестник АН Каз. ССР. — Алма-Ата, 1947. — Т. 7. — С. 17–22.

[4] Хенинг Р. Неведомые земли. — М., 1961. — Т. II.

[5] Minorsky Y. Hudud al-alam. — L., 1937. — P. 160.

К середине X в. печенеги заняли большую территорию от Волги до Дуная.

Они играли заметную роль в жизни соседних народов.

Южные соседи кимаков — карлуки после падения Западного Тюркского каганата сохранили свою самостоятельность. 200 лет населяли они территорию Семиречья вдоль караванного пути из Средней Азии в Китай. В 657 г. карлуки входили в состав империи Тан[1]. В 757–766 гг. карлуки заняли всю территорию государства тюргешей. Столицей карлукского государства с 766-го по 940 г. был г.Суяб на реке Чу, затем ставка ябгу была перенесена в г.Койнаклы на р.Или.

Карлуки долго противостояли исламу, но в 960 г. приняли эту религию, после чего с Китаем не поддерживали никаких отношений. В конце X в. вошли в состав государства Караханидов. Китай на западных землях потерял свои позиции, сохранил только четыре крепости: Кучу, Карашар, Хотан и Кашгар[2].

В конце IX в. в Приаралье и Прикаспии создается Государство огузов с центром в г.Янгикенте. Часть огузских племен пришла сюда после поражения токуз-огузов Уйгурского каганата от енисейских кыргызов. В XI в., когда началось интенсивное движение кыпчаков на запад, Огузское государство было разгромлено последними. Северная ветвь огузов ушла в придонско-приднепровские степи, занимая земли, где поселились печенеги.

Вторая ветвь огузов, кочевавшая в Приаралье, во главе с племенем сельджуков через Среднюю Азию прошла в Переднюю Азию и создала там Сельджукское государство, Конийский султанат и другие государства. Огузы сыграли важнейшую роль в этногенезе туркменов, азербайджанцев, турков и каракалпаков[3].

В отличие от правителей тюркских каганатов, правителя Кимакского каганата арабские источники называют хаканом. Он имел 11 управителей. Власть хакана и ханов племен переходила по наследству[4].

У кимаков сохранилась военная демократия. Управители были в то же время военачальниками. Удельные владения из своих воинских контингентов выделяли часть войск хакану.

Население каганата в основном жило в войлочных юртах. В городах были подземные и полуподземные жилища с глинобитной стеной. Кимаки строили укрепленные города, в них процветали ремесла. В городе, где располагалась ставка кагана, была сосредоточена кимакская аристократия. Аль-Идриси подробно описывает находившиеся там базары и храмы.

Источники насчитывают в стране 16 городов: Имакия, Карантия, Гаган, Дамурия, Сараус, Банджар, Халауш и др. 11 городов были расположены на Иртыше, резиденция хакана располагалась в г. Имакия, также на Иртыше. Место расположения резиденции неизвестно. Управители со своим окружением и войском жили в других городах, укрепленных и окруженных стена-

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — М.; Л., 1950. — Т. 1. — С. 347.

[2] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. II. — С. 331.

[3] Гордлевский В.А. Государство сельджуков в Малой Азии. — М.; Л.; 1950. — С. 56.

[4] Бартольд В.В. Худуд-ал-алам... — С. 100.

ми. Источники сообщают о поступлении части налогов хакану. У хакана был государственный аппарат[1].

В источниках достаточно сообщений о классовом расслоении в кимакском обществе. Различие слоев отмечается в одежде (богатые ходят в шелковой одежде), питании, участии в конных или пеших войсках. Об этом свидетельствуют и захоронения.

Б.Е.Кумеков выделяет нижеследующие хозяйственно-культурные типы в кимакско-кыпчакском обществе: оседлое хозяйство с применением искусственного орошения; полуоседлое хозяйство, сочетающее земледелие с пастушеским скотоводством; кочевое скотоводческое хозяйство[2].

Оседлое земледельческое с применением ирригации и полуоседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство было распространено в основном у кимаков. Земледельцы возделывали просо, ячмень, пшеницу, бобовые и даже такую трудоемкую культуру, как рис. Выращивали также виноград, занимались пчеловодством. Любимым животным населения Кимакского каганата была лошадь. В оседлых и полуоседлых хозяйствах разводили в основном лошадей и крупный рогатый скот, меньше — овец. Арабские авторы отмечают тысячные табуны лошадей[3].

Кимакские города возникали в основном на торговых путях. Торговля носила меновой характер. Земледельцы зерно и муку меняли на баранов и кожу. Существовала и денежная торговля[4].

В каганате были развиты различные ремесла. Среди них особое место занимали обработка кожи, изготовление войлока, одежды и обуви, конского снаряжения из кожи и войлока. Кимаки и другие племена каганата сами изготовляли оружие, предметы быта, орудия земледельческого труда. В лесостепных районах широко применялась обработка дерева. Из него делали посуду, детали юрты и др. В каганате добывали и обрабатывали железо, из которого изготовляли различные изделия. Добывались золото и серебро. В курганных захоронениях Прииртышья в археологических исследованиях обнаружены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки шелковой ткани, кошмы, кожи, деревянная посуда, оружие, сбруя, керамика. У племен Кимакского государства ремесло носило подсобный характер, но были и профессиональные ремесленники[5].

Кимакские племена не оставили письменных памятников, как тюркюты и уйгуры, хотя в стране существовала письменность, о которой косвенно сообщает Абу Дулаф: «У них растет тростник, которым они пишут». Ф.А.Арсланова обнаружила бронзовые зеркала с надписью, которые были датированы X–XI веками[6].

Религия у кимаков была такой же, как у большинства тюрков, — они верили в Тенгри. Существовали культ предков и другие дотенгрианские пережитки. Почитали огонь, реку Иртыш. На границе с уйгурами было и ма-

---

[1] Minorsky Y. Hudud al-alam. — L., 1937. — P. 103.
[2] Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972. — С. 90.
[3] Бартольд В.В. Худуд-ал-алам... — С. 83, 107.
[4] Его же. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Соч. — Ч. 1. — Т. II. — С. 239.
[5] Кумеков Б.Е. Указ. соч. — С. 97.
[6] Там же. — С. 108.

нихейство. Широко распространен был обычай ставить каменные изваяния, которым поклонялись кимаки и кыпчаки[1]. Они были характерным признаком степей до прихода монголов. Многочисленные изваяния стояли в XII — начале XIII вв. на Нижнем Днепре, на правобережье Северного Донца и Дона. Кроме того, они встречаются в Предкавказье, между Доном и Волгой. Лицом они были обращены на восток, проходящие мимо им поклонялись, приносили жертву[2].

Кимаки, кыпчаки, огузы, печенеги, угры и другие народы и этнические группы жили мирно в составе государства. Кимакский каганат процветал. О нем знали на всем Востоке. Из мусульманских стран в Кимакию устремились географы, путешественники, историки, которые оставили свои сочинения об этой богатой стране.

В результате экономического роста к концу X в. усилились отдельные ханства, ослабла центральная власть. Усилившиеся кимаки и кыпчаки оттеснили огузов на юг, печенегов — на запад, карлуков — на юго-восток, угров — на север, в сибирскую тайгу, и тем самым ослабили и себя.

В XI в. институт центральной власти Кимакского каганата деградировал. Хакан был только военным вождем добровольцев. Не было единой армии. Каждый хан имел также небольшое число воинов-добровольцев. Некому было заставить соблюдать законы. В каганате развивалась работорговля. Продавали даже родственников. Работорговля велась с киданями, которые беспрерывно в течение 200 лет устраивали нападения и облавы.

Кимакский каганат просуществовал до середины XI в. Основной причиной падения его считается внешний фактор — миграция кочевников Центральной Азии. К миграции центральноазиатские племена толкало образование в 916 г. в Северном Китае государства монголоязычных киданей — Ляо. До X в. монголоязычные племена обитали восточнее и северо-восточнее современной Монголии, по южным берегам Амура. К западу от них на всей территории Центральной Азии (Восточный Туркестан, Джунгария, Монголия, Внутренняя Монголия) жили тюркоязычные этнические группы: тюрки-шато, тюргеши, карлуки, огузы, енисейские кыргызы, азы, чики, дубо, чигили, кимаки, кыпчаки, курыкане, уйгуры и др.

Значительная часть восточных тюркоязычных народов — уйгуры, куны, каи, тюрки-шато, белые татары (онгуты), потомки тюркютов, огузов обитали не только вдоль Китайской стены, но и в Ордосе, на равнинах Маньчжурии[3].

Первое вторжение киданей в центральноазиатские степи, которое началось в 924 г., превратилось в настоящую катастрофу для тюрков, — привело к изменению этнической карты Центральной Азии. Киданский напор X–XI вв. вызвал бегство многих тюркоязычных племенных объединений и этнических групп от границ Китая на запад и предопределил выдвижение древних монголоязычных племен из бассейна Амура и Маньчжурии на степные просторы Центральной Азии. В 1010 и 1017 гг. киданские войска вторглись в Северо-Западное Семиречье, но потерпели поражение[4].

---

[1] Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. — СПб., 1897 // Записки Императорской академии наук. Сер. VIII. — Т. 1. — № 4. — С. 20.

[2] Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. — Казан, 1999. — 117 б.

[3] Кызласов Л.Р. Указ. соч. — С. 135.

[4] Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1968. — Т. 5. — С. 394–396.

В 30-е гг. XI в. из-за наступления киданей тюркоязычные каи, обитавшие у Великой Китайской стены, заняли земли тюркоязычных кунов. Куны переселились на земли шаров (сары кыпчаков), а шары переселились на земли туркменов. Туркмены заняли восточные земли огузов, а огузы оттеснили печенегов, которые в этот период обитали уже поблизости от Черного моря и селились на их землях[1].

Тюркские мотивы в степи

Миграция восточных тюрков, начавшаяся у Великой Китайской стены под давлением киданей, превратилась в настоящую трагедию для западных тюрков, разрушила процветающее государство — Кимакский каганат и увлекла многие народы на запад. Под давлением киданей кочевники занимали земли западнее Иртыша. Эти племена большой массой пришли на земли кимаков и кыпчаков, которые сыграли главную роль в крахе их государства[2].

Двигавшиеся за киданями монголоязычные найманы в XI–XII вв. вытеснили с Алтая и верховий Иртыша остатки тюркоязычных кимаков и кыпчаков. Часть кимаков и кыпчаков ушла в Западную Сибирь. Найманы разрушили Государство енисейских кыргызов.

Самым большим уделом Кимакского каганата было Кыпчакское ханство. К концу X в. центральная власть ослабла, и кыпчаки получили независимость. Они оттеснили всех соседей и стали хозяевами древнего Кангюя. Их страна стала называться Дешт-и Кыпчак.

С начала XI в. они двинулись ордой, всем ханством на запад, занимая земли, ранее принадлежавшие огузам. После захвата огузских земель кыпчаки значительно усилились, кимаки стали зависимы от них.

Кыпчаки пошли по пути, по которому под натиском огузов прошли сначала печенеги, а потом, под натиском кимаков и кыпчаков, — огузы, перешли Волгу, Дон, Днестр, Днепр, дошли до Дуная. По пути к кыпчакам присоединились остатки печенегов и огузов. В то время в Приазовье еще оставались хазары, аланы, болгары.

В период таких бурных событий происходят глубокие межэтнические процессы, исчезают отдельные этносы, образуются новые. Пришедшие на просторы от Волги до Дуная кыпчаки уже были не те кыпчаки, которые жили в Кыпчакском ханстве в составе Кимакского каганата. Перемешавшись с печенегами, огузами, остатками хазар и болгар, с аланами, они пришли сюда в качестве нового этноса, который русские называли половцами.

Начиная с XI в. кыпчаки и их потомки — половцы и куманы занимали огромные просторы южной части Восточной Европы. Арабские и персидские

---

[1] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. — С. 137.

[2] Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. — Ашхабад, 1969. — С. 158.

авторы называли эти земли Дешт-и Кыпчак. В состав Дешт-и Кыпчака они включали Приаралье и земли южнее и севернее Яика.

Не все кыпчаки покинули территорию Кимакского государства. Значительные массы их остались в Прииртышье. Вместе с кимаками они влились в состав древнего населения Западной Сибири[1]. Впоследствии они участвовали в образовании сибирских татар и других тюркских народов. Немало кыпчакских орд было включено в состав монгольской армии в 20–30-е гг. XIII в. В заволжских, приднепровских степях они встретились со своими родственниками — половцами и куманами.

В период существования Кимакского каганата значительные исторические процессы происходили в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Приход гуннов и с ними неизвестных нам других тюркоязычных племен изменил этническую карту этих районов. Эти племена оставили именьковскую археологическую культуру. Именьковская керамика, по определению археологов, тождественна с древней болгарской.

В VIII веке в Среднее Поволжье переселились болгары. Они в X в. образовали свое государство, которое в исторической литературе называется Волжской Булгарией. Это государство привлекает внимание правителей Багдадского халифата, откуда в 922 г. по приглашению булгарского правителя Алмуша приезжает специальное посольство, в составе которого были и мусульманские проповедники. До нас дошла книга секретаря этого посольства Ибн Фадлана, в которой содержатся важные сведения о Булгарском государстве. Ибн Фадлан сообщает, что и до их приезда население его исповедовало ислам. Воспользовавшись их миссией, Алмуш превратил ислам в государственную религию. До сих пор остается не исследованной проблема взаимоотношений Кимакского каганата и Волжской Булгарии[2].

Падение Кимакского каганата было истинной трагедией для тюрков. Не имея своего государства, тюрки были разобщены. Перед тюрками Азии стояла угроза быстрого истребления жестокими соседями.

Но и после развала Кимакского каганата тюрки не потеряли свои природные качества: благородство, смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, неспособность к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию, гордость. Эти качества и погубили тюрков[3].

Кидани государства Ляо совершали постоянные набеги на степи, убивали мужчин и стариков, а женщин и детей продавали в рабство для работы на плантациях Северного Китая. На ближневосточных рынках в течение двух веков продавали рабов-тюрков: куманов, половцев, огузов и туркмен[4]. Из Сибири и Центральной Азии на восточные рынки поступали рабы — тюргеши, кимаки, карлуки, токуз-огузы, огузы, кыргызы, кыпчаки. С Нижней Волги, Дона, Днестра привозили для продажи половцев и куманов, хазар и болгар. Их продавали свои же купцы. Более двух веков степь поставляла Ближнему

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — М.; Л., 1950. — Т. 1. — С. 296–297; Небольсин Н.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. — СПб., 1848. — Т. 60. — С. 256.

[2] Фэхретдинов Р.Г. Татар тарихы (Кыскача басма). — Казан, 1999. — 25–27 б.

[3] Босворт К.Э. Нашествие варваров // Мусульманский мир. 950–1150. — М., 1980. — С. 24, 25.

[4] Босворт К.Е. Указ. соч. — С. 27.

Востоку тюрков, которых презирали, но эксплуатировали. Особенно жестоко обращались с рабами шииты, так как рабы являлись суннитами[1].

Ко времени распространения тюрков в этих странах, далеко от их родины, история тюрков была забыта. Не помнили, что у тюрков в прошлом были мощные государства, славная история, самобытная цивилизация. Китайские, арабо-персидские источники были забыты. Поэтому купленных на рынках тюрков принимали за дикарей — людей без родины, без прошлого.

Рабы — тюрки, славяне, горцы, эфиопы пополняли ряды халифатской и египетской армий. В 1259 г. во главе с рабом-тюрком Бейбарсом в Египте рабы-тюрки (мамлюки) захватили власть и правили страной до 1517 г. В конце XVII в. мамлюки были снова у власти в Египте и правили им до 1805 г.

За 200 лет существования торговли рабами-тюрками в степях Центральной Азии тюрков почти не осталось. Тюркские племена отдельными островками сохранились на Алтае, в Туве, в Минусинской котловине. Более спокойным районом их проживания с древнейших времен были Барабинская степь, лесостепи Нижнего Прииртышья, Приишимья, Тобола, Туры, Оби и ее притоков — Чулыма, Оми, Томи.

После распада Кимакского каганата хозяевами центральноазиатских степей стали монголы. Первоначально в IV–IX веках монгольские племена были оседлыми, жили в холодных лесах в прочных жилищах, занимались преимущественно охотой и рыболовством. Выращивали лошадей и свиней.

В конце IX — начале X в. начался процесс постепенного расселения монголоязычных племен на западе, сопровождаемый вытеснением тюрков. За 200 лет монголы из пеших, в основном лесных охотников и коневодов, стали кочевниками и скотоводами. От тюрков они заимствовали все виды степного скота, навыки и опыт кочевников, а также передвижные жилища и другие формы материальной культуры степняков, сохранив многое из своего оседлого быта[2].

Двигавшееся на запад монголоязычное племя найманов вытеснило в XI–XII вв. из Алтая и с верховьев Иртыша кимаков и кыпчаков, с середины XII в. почти на всей территории современной Монголии господствовали монгольские племена.

С появлением монголов в степях жизнь для тюрков стала невозможной. Предки монголов вели хищнический образ жизни — убивали, грабили, угоняли скот, умыкали невест. Это была их естественная жизнь. В XI в. пустыни Монголии снова ожили — начались дожди. И снова на берегах Керулена, Селенги появились люди со стадами. До прихода монголов в этих местах жили татары[3].

По китайским источникам монголы, в отличие от татар, были высокорослыми, бородатыми и светловолосыми, голубоглазыми. Современный облик они приобрели из-за смешанных браков с низкорослыми, черноволосыми племенами[4].

В 1206 г. Темучин на всеобщем курултае был провозглашен Чингиз-ханом. Первыми жертвами монголов стали тюркоязычные народы Южной Сибири. «Тайная история монголов» сообщает, что в 1207 г. огромная армия

---

[1] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия... — С. 210.

[2] Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. — С. 137.

[3] История стран зарубежного востока в средние века. — М., 1970. — С. 205.

[4] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 376–377.

под командованием старшего сына Чингиз-хана Джучи (1184–1216) покорила лесные народы Южной Сибири от Байкала до западносибирских степей. Завоеванные сибирские земли монголы стремились сделать тыловыми базами для снабжения своей армии хлебом, оружием, конским снаряжением[1].

В 1227 г. умер Джучи, а затем и Чингиз-хан. Северо-Алтайское нагорье в течение двадцати лет находилось в составе Улуса Джучи, затем оно отошло к владениям Тулуя, младшего сына Чингиз-хана.

Около трех веков в составе Кимакского каганата тюркские племена создавали материальные богатства и духовное наследие. Каганат достиг значительных успехов в экономическом и культурном развитии, свидетельством чему является пристальное внимание к истории этого государства арабо-персидских географов, путешественников и историков-современников Кимакской федерации.

После падения Кимакского каганата начинается длительный трагический период в истории тюркских племен. Со второй половины XI в. с исторических источников исчезает этноним «кимак». Он появился неожиданно в IX в. и внезапно исчез. Источники ничего не сообщают о том, куда ушли кимаки, почему выпало их название из исторических источников.

Племена, пришедшие из земель Кимакского каганата, составляли значительную часть населения тюркского государства Золотая Орда. В состав этого государства вошла и Волжская Булгария, образованная на сопредельной территории Кимакского каганата во время его расцвета, — в X веке. Но, к сожалению, проблемы взаимоотношений этих двух тюркских государств совершенно не исследованы. Одно из многочисленных племен Кимакского каганата — кыпчаки участвовало в этногенезе как татар Поволжья и Приуралья, так и татар Западной Сибири.

* * *

Необходимо хотя бы кратко ознакомиться с историей еще одного древнетюркского государства — Кыргызского каганата. По-другому его называют Государством енисейских кыргызов. Первые сведения о населении Минусинской котловины сообщают китайские источники, они относятся к IV — III вв. до н.э. Древними обитателями Минусинской котловины были динлины. Они проживали также в лесостепной полосе от Оби до Байкала, они отождествляются с носителями тагарской культуры.

Археологические исследования подтверждают и дополняют сведения письменных источников о динлинах. В 1954–1956 гг. историк и археолог С.В.Киселев раскопал грандиозный Большой Салбыкский курган, расположенный в Минусинской котловине и относящийся, по его заключению, к IV–III в.в. до н.э.

Сооружение такого огромного кургана для одного человека или одной семьи является доказательством глубокого социального расслоения. Это подтверждается сообщениями китайской хроники о существовании раннеклассового государства приенисейских племен. Как мы уже знаем, китайские историки называют его Динлин Го — государство динлинов. Южными соседями

---

[1] Кызласов Л.Р. История Тувы и средние века. — М., 1968. — С. 138–160.

динлинов были древние тюркоязычные племена Центральной Азии — гяньгуни, или гэгунь. Исследователи считают, что гяньгунь (гэгунь) — самая ранняя транскрипция термина «кыргыз». Владения гяньгуней размещались южнее динлинов, в Северо-Западной Монголии[1].

Впервые название «кыргыз» упоминается в летописях под 201 г. до н.э. в числе покоренных хуннами племен как царство Гэгунь, или Цзянь-гэгунь. Гяньгуни обитали тогда, по-видимому, южнее Саянского хребта, на территории теперешней Северо-Западной Монголии около озера, до сих пор носящего название Кыргыз-нур[2].

Богатые сведения о кыргызах VII–IX вв. н.э. содержат рунические тексты, найденные в Верхнем Енисее и Туве. Но они еще недостаточно изучены в историческом плане, хотя В.В.Радлов о принадлежности этих надписей кыргызам заявил: «Народ, который эти надписи оставил, большей частью киргизы (хакасы), которые еще в нашу эпоху жили на земле северной Тану-олы»[3].

Развитие земледелия, скотоводства, особенно горного дела, металлургии и производства изделий из железа привело к накоплению значительного богатства в руках знати и к глубокой социальной дифференциации. Этот глубинный процесс среди енисейских племен привел к образованию государства в середине VI в. Созданное в Минусинской котловине государство было полиэтничным. В нем, по-видимому, превалирующим языком был тюркский, однако определенное количество племен было самодийноязычным.

Государство в Минусинской котловине было создано и возглавлено родом кыргыз (гяньгуни). Поэтому в исторической науке принято государство, созданное в Минусинской котловине, называть Государством енисейских кыргызов, или Кыргызским каганатом.

Граница этого государства проходила с запада по Абаканскому хребту и Кузнецкому Алатау, с юга — по Западно-Саянскому хребту, с востока, вероятно, по Восточно-Саянскому хребту, и на севере его владения простирались до тайги и вплоть до устья реки Ангары. Создание Кыргызского каганата по времени почти совпало с образованием более мощного государства — Великого Тюркского каганата.

Правители государства, поняв свое положение, по-видимому, старались сохранить мирные отношения со своими грозными соседями и свою самостоятельность. В первые годы после образования Великого Тюркского каганата это им удавалось. Однако скоро Государство енисейских кыргызов было покорено тюрками, но оно сохранило определенную самостоятельность[4].

При уйгурском хане Бао-и (808–821) большая армия кыргызов воевала с Уйгурским каганатом. С 820 г. владетель Яглакар в течение 20 лет воевал с уйгурами.

Война закончилась в 840 г. победой кыргызов над последним уйгурским каганом Чжан-синем. Яглакар восстановил ханский титул, перенес столицу с берегов Енисея на южные склоны Ду-мань[5].

---

[1] Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М., 1960. — С. 161–162.

[2] Бартольд В.В. Соч. — Ч. 1. — М., 1963. — Т. II. — С. 475–478.

[3] Radloff W.W. Die altturkischen Inschriften in der Mongolei. — St. Pbg., 1894. — S. 300.

[4] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951. — С. 36.

[5] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 450.

Так началось очередное господствующее положение енисейских кыргызов в Центральной Азии. Как всегда, оно было недлительным. Правители государства, видимо, своей главной задачей ставили увеличение производства оружия, так как имели большие возможности для развития горного дела, металлургии и изготовления оружия. У них была хорошо вооруженная армия, с помощью которой они завоевали независимость. Но сохранить ее кыргызские владетели не смогли. Будучи сами тюркоязычными, енисейские кыргызы, по-видимому, не стремились мирно жить со своими тюркоязычными соседями — ни с орхонскими тюрками, ни с уйгурами.

Источник IX в. «Худуд ал-алам» сообщает, что кыргызы «несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют»[1].

После победы над уйгурами кыргызские правители захватили Туву, Алтай и продолжали преследовать уйгуров, часть которых рассеялась по Центральной Азии, часть ушла в Турфан и образовала свое новое Турфанское государство во главе с новым каганом Угйе.

К концу IX в. Государство енисейских кыргызов занимало обширную территорию от среднего течения Иртыша на западе до Байкала и Селенги на востоке. Северной границей была река Ангара[2].

Непоправимый удар кыргызам был нанесен завоеваниями Чингиз-хана. Поход против них монголы начали после курултая 1206 г., на котором Темучин был провозглашен Чингиз-ханом. До 1209 г. монголам не удавалось сломать сопротивление кыргызов. В 1208 г., во время похода монголов в Хорезм, в тылу у монголов восстали кыргызы. Подавить восстание удалось только опытному полководцу, старшему сыну Чингиз-хана Джучи. Новое восстание кыргызов в 1254 г. вынудило монголов направить против них 20 тыс. воинов. Восстание было подавлено, но кыргызы не успокоились. Они представляли большую опасность для монголов, и в 1293 г. Хубилай-хан распорядился вывести часть кыргызов в Маньчжурию. Многострадальное Государство енисейских кыргызов, образованное в середине VI в., просуществовав около восьми веков, в конце XIII в. распалось под ударами монголов[3].

Хозяйство енисейских кыргызов было также комплексным. По свидетельству археологических материалов, китайских источников и древнекыргызских надписей, в кыргызском хозяйстве кочевое скотоводство имело большее значение, чем земледелие, однако кыргызы выделялись среди других племен и народов своим высокоразвитым земледелием. Они возделывали просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень, коноплю.

Китайский источник Таншу сообщает, что кыргызы муку мелют ручными мельницами. По сообщению арабского автора X в. Абу Дулафа, кыргызы питались просом, рисом, говядиной, бараниной, козлятиной — любым мясом, кроме верблюжьего. Арабский автор середины XII в. аль-Идриси писал о водяных мельницах кыргызов[4].

По данным Таншу, даже соседние к кыргызам племена, расположенные к

---

[1] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 355.
[2] Кюнер Н.В. Указ. соч. — С. 57.
[3] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири... — М., 1951. — С. 564.
[4] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 103–104.

северу от них, «пахали пашню лошадьми». Тюрки Алтая также были знакомы с плужным земледелием[1].

Особенностью кыргызского земледелия было широкое применение орошения путем создания сложных ирригационных систем. Расширение земледелия способствовало усовершенствованию орошения и использованию земель, считавшихся неудобными. В Северной Хакасии и приенисейских степях обнаружены следы древних каналов, остатки сложных ирригационных сооружений: плотин, дамб, водоводов, соединяющих русла рек и регулирующих их водостоки в нужном для земледельцев направлении[2].

Оседлые земледельцы занимались также скотоводством. Освоили стойловое содержание крупного рогатого скота, заготавливая сено на зиму.

Китайские источники отвечают на вопрос, кто ухаживал за бесчисленными табунами, кто обрабатывал земли богатых земледельцев.

Этим занимались таежные племена, которых хягасы (кыргызы) обращали в рабов. Рабство, замеченное в тагарскую эпоху, не исчезло, а приобрело еще большее значение. Рабский труд стал применяться в хозяйствах кыргызской знати.

В источниках нет указаний о подати населения, немало сообщений о повинностях покоренных племен, которые считались ясачными, например: «Ясачные вносят подать соболем и белкою». Отдельные подати были от имени покоренного народа. Так, например, на раскопках обнаружен золотой сосуд с надписью: «Золото... дар ача», то есть народа ача. На другом сосуде имеется надпись: «Бегское серебро мы дали»[3].

Из традиционных занятий кыргызы занимались охотой. Охотились на копытных и пушных зверей. Крупные копытные обеспечивали мясом и кожей, а пушные — мехом для одежды и обмена. Источники содержат сведения о рыбной ловле, в частности о ловле осетров.

В хозяйстве кыргызов немаловажное значение имели различные ремесла. Среди них первое место занимает добыча и обработка железа и других металлов. Китайская хроника сообщает: «Там есть золото, железо и олово»[4].

Кыргызы вели торговлю с соседними народами и с Китаем, со Средней Азией, с Восточным Туркестаном, Тибетом, Ляо. Они покупали шелковые и шерстяные ткани, разную посуду, фарфор. Сами продавали в эти страны древесину, кожу, пушнину, изделия из железа, вероятно, из золота и серебра.

Китайские источники и рунические тексты дают довольно богатый материал об общественном строе кыргызов. Во главе их стояла богатая аристократия, которая имела стада или землю и рабов.

В государстве укрепилась военизированная деспотическая власть. Деспотизм проявлялся сверху донизу, законы были очень жестокие. Так, например, человеку, уличенному в воровстве, отсекали голову, и эту голову отец его должен был всю жизнь носить на шее.

---

[1] Кюнер Н.В. Указ. соч. — С. 103.

[2] Федоров В.И. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1952. — № 22.

[3] Бичурин Н.Я. Собр соч. Т. I. — С. 448; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 573.

[4] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 109; Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 444.

Богатая знать жила в укрепленных городках и крепостях. Основной опорой верхов была постоянная армия, существовала всеобщая воинская повинность. Главную силу армии составляла тяжеловооруженная конница.

Терминология родства кыргызского общества мало чем отличается от тюркской: канг — отец, катун — хозяйка дома, апа — дедушка, укэ — тетя, ачи — старший брат, ини — младший брат, келин — невестка, кыз — дочь, огул — сын[1].

В XI–XII вв. в Государстве енисейских кыргызов усилилась феодальная раздробленность, начались междоусобицы, войны между княжествами.

Довольно высокий уровень хозяйства и сложное общественное и государственное устройство способствовали развитию культуры. Основа ее была тюркской. Населением государства была создана самостоятельная и самобытная художественная культура. Влияние культуры соседних стран и народов было взаимным.

Высоким достижением культурного развития была письменность. Как известно, в основе орхонского алфавита лежит арамейский. В.В.Радлов и П.Мелиоранский высказались о значительно большей древности енисейского письма по сравнению с орхонским. С.Е. Малов считал, что енисейский алфавит на два-три века древнее орхонского. Рунические надписи Енисея свидетельствуют о широком распространении письменности среди населения. Об этом же говорят и надписи на предметах быта[2].

Религия древних кыргызов исследована недостаточно, источники не дают конкретных сведений о верованиях кыргызов. Как и остальные тюрки, они, по-видимому, исповедовали тенгрианскую религию. Н.Я.Бичурин, ссылаясь на Таншу, пишет о шаманизме кыргызов. Таншу сообщает: «Шаманов называют гань». В.В.Бартольд подразумевает под этим китайским словом тюркское «кам»[3]. Западные их соседи — кимаки, кыпчаки, огузы, печенеги, карлуки и др. в этот период исповедовали тенгрианство.

Таким образом, параллельно с южнотюркской цивилизацией Великого Тюркского каганата в Минусинской котловине и прилегающих к ней областях Саяно-Алтайского нагорья развивалась культура северных тюркоязычных кыргызов. Одновременно с тюрками Алтая они образовали свое государство.

Государство енисейских кыргызов существовало около 800 лет, первым испытало нашествие монголов и, несмотря на долгое сопротивление, пало от многочисленных их ударов.

Удар, нанесенный монголами в первой половине XIII в., был тяжелым, и Кыргызское государство на Енисее прекратило свое существование.

* * *

Мы познакомились, таким образом, с краткой историей древних тюрков, проживавших в Сибири и в Центральной Азии, проследили исторический процесс, происходивший в Великой степи с древнейших времен по XIII век.

С древнейших времен в Южной Сибири и Центральной Азии обитали тюркоязычные, самодийские, палеоазиатские и другие кочевые племена. Во

---

[1] Бернштам А. Указ. соч. — С. 162.
[2] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 60.
[3] Бичурин Н.Я. Указ. соч. — С. 446; Бартольд В.В. Киргизы. — Фрунзе, 1927. — С. 22.

второй половине I тысячелетия до н.э. нетюркоязычные племена сменялись тюркоязычными хуннами, тюркютами, уйгурами, кыпчаками, огузами и другими племенами.

Хуннское государство, образованное в IV в. до н.э., объединяло тюркоязычные и некоторые другие племена и стало их опорой в борьбе против агрессии рабовладельческого Китая. Хунну в III в. до н.э., в период правления шаньюя Модэ, стал первой великой тюркской державой, его границы доходили от Маньчжурии до Согдианы. Хуннских шаньюев китайские императоры считали равными себе.

Великий Тюркский каганат не был прямым продолжением Хуннского государства, но его государственный и общественный строй развивали традиции тюркской государственности. Возникшие после падения Великого Тюркского каганата тюркские государства напоминали смену династий. Несколько обособленным от других тюркских государств является Кыргызский каганат, переживший все остальные государства древних тюрков.

Древние тюркские государства имели дипломатические, хозяйственные, торговые и культурные связи с крупнейшими государствами — Китаем, Ираном, Византией и другими, получили международное признание.

В недрах Великого Тюркского каганата возникли тюркские государства в Восточной Европе — Хазарский каганат и Великая Болгария хана Кубрата. Эстафету тюркских государств продолжала возникшая в X в. на Средней Волге Волжская Булгария.

Все древнетюркские государства распадались в силу внутренних или внешних причин. Иногда при гибели государства исчезала и этническая группа — создатель государства. Так, например, после распада Великого Тюркского каганата исчезли тюркюты, после гибели Кимакского каганата с исторической арены сошли кимаки. Им на смену приходили другие и создавали государства. А тюрки оставались, развивались, шли глубинные процессы этногенеза и образования новых этносов и племен.

С начала II тысячелетия одним из крупных регионов проживания тюрков становится Западная Сибирь, где, начиная с конца XI — начала XII в., одно за другим образуются тюркские государства — Ишимское, Тюменское и Сибирское ханства.

Таким образом, слово «тюрк», которым первоначально назывался только род Ашина, не исчезло, оно распространилось по Азии и Европе. В дальнейшем этот этноним стал названием языковой семьи.

Значение древних тюрков в истории человечества было огромным. Достижения тюркской культуры переняли многие народы. Древняя тюркская культура стала одним из основополагающих факторов развития государственности и культуры Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского, Астраханского, Крымского, Касимовского, Ишимского, Тюменского, Сибирского ханств, Ногайской Орды и тюркских государств Казахстана, Средней Азии, Сельджукского и Османского государств Малой Азии. История, материальная и духовная культура древних тюркских государств являются наследием всех тюркских народов.

Тюркская материальная и духовная культура, наравне с китайской, иранской, византийской, славянской, стала мировой культурой и внесла свою лепту в человеческую цивилизацию.

Глава III

Первые тюрко-татарские государства Западной Сибири

§ 1. Государственное образование на Ишиме

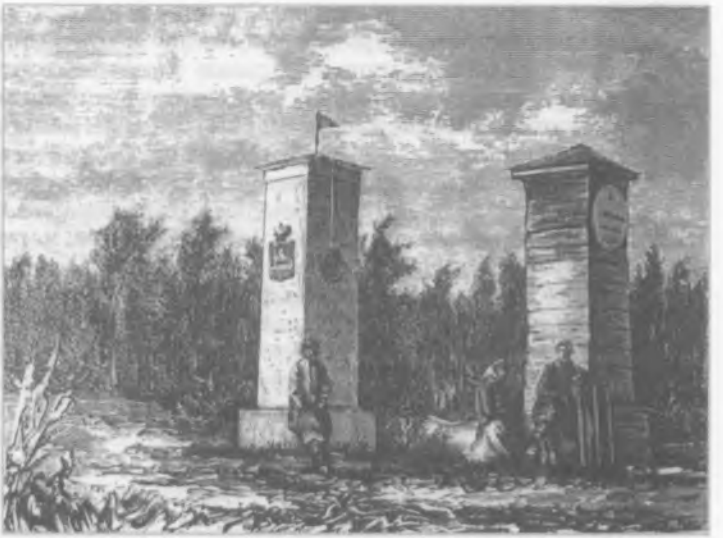
Туралинские и тоболо-иртышские татары раньше других групп сибирских татар перешли к оседлой и полуоседлой жизни. У них развивались скотоводство и промыслы, появилось земледелие. Здесь рано началось социальное расслоение. Родовые старейшины, более предприимчивые люди, имели больше земель, скота и орудий труда. Вокруг них жили подвластные им люди. В татарском обществе имущие люди назывались беками и мурзами. Они строили укрепленные городки, в необходимых случаях создавали боевые отряды из подвластных им молодых мужчин.

Подчиненные несли натуральные повинности. В ответ беки и мурзы должны были обеспечить им мирную жизнь, защитить от агрессии со стороны других феодалов или племен. Повинность — ясак население платило шкурами пушных зверей. Туралинские, тоболо-иртышские и барабинские татары предположительно в конце XI — начале XII в. создали свой политический союз. Образовалось государство сибирских татар.

Одна из сибирских летописей сообщает: «На заре исторической жизни Сибири из доисторического сумрака, расстилавшегося над нашей страной, выступают перед нами самые бледные, неясные облики первых ханов, положивших краеугольный камень в основу татарского владычества, образовавших первый политический центр на реке Ишим, в городе Кызыл Тура, что значит красной, или красивой, наружности. Имя первого властителя в летописях не упоминается. Его преемником стал сын Кызыл-тин, что значит краснотелый. Наследником Кызыл-тина стал его брат Девлет, затем сын Юваш. Это политическое образование, по-видимому, объединяло все улусы на берегах Ишима, в которых обитали предки современных сибирских татар. Юваш, можно полагать, чувствовал свое объединение довольно сильным, так как «хотел силою оружия покорить соседние племена и набрал дружину в 300 человек, оружием которой были луки и пращи». Но, по-видимому, до этого его подданные поддерживали мирные отношения с соседними племенами и

«не имели желания вступать в войну со своими соседями, оставили своего воинствующего хана и разошлись кочевать в разные страны»[1].

Далее летопись поименно перечисляет его преемников: после Юваша в Кызыл Туре ханом был Ишим, по имени которого река Ишим получила свое название, затем сын его Мамет, затем идут Куташ, Аллагул, Кузей, Ебардул, Бахмур, Яхшиметь и, наконец, сын Бахмура Юрак.



Расположение в степях кимаков, кыпчаков, половцев и куманов

При Юраке первое государство сибирских татар усилилось, расширило свои владения, подчинило себе все соседние татарские улусы и наложило дань зверями, рыбой и съестными припасами. Наследником стал сын Мунчак, который от 20 жен имел 50 детей обоего пола. Преемником Мунчака был его любимый сын Юзак.

Летопись сообщает, что в период правления Юзака в ханстве на Ишиме стало развиваться пашенное земледелие. «При нем во всех подвластных улусах начали пахать землю и сеять овес, полбу, ячмень» — сообщает летопись[2]. Как известно, пашенное земледелие является результатом дальнейшего развития мотыжного земледелия. Приишимье расположено недалеко от древних известных регионов пашенного земледелия — Минусинской котловины, приалтайских степей и других, где в период Кимакского каганата существовало довольно развитое земледелие, сооружались сложные ирригационные системы. Как известно, после распада Кимакского каганата под натиском киданей часть земледельческого населения этого государства ушла в более спокойные районы Барабы, Приишимья и Прииртышья. С ними, по-видимому, и пришло в Ишимское ханство пашенное земледелие.

У Юзака было два сына: Мунчак и Он-сон (в некоторых летописях Он, Онсом, Ван, или Иван). Мунчак и Он-сон оба претендовали на трон. В таких случаях нередко происходит ожесточенная борьба за власть с разделением знати и войск на партии, которая часто завершается гибелью одного из претендентов.

---

[1] Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. — 1883. — № 3; Гарифуллин И. Себер татарлары тарихы // Мирас. — 2002. — № 5. — С. 34.

[2] Введенский И. Указ. соч. — С. 11.

В летописях говорится, что Мунчак остался владетелем в Кызыл-Туре. Он-сон, притесняемый братом, удалился с преданными ему улусами к устью Ишима и образовал здесь отдельное ханство (юрт). Летопись называет его корыстолюбивым и сообщает, что он начинает укреплять свою власть и умножать богатства ханства. Мунчак брал дань даже с близких родственников, вел торговлю с сопредельными ордами и был очень богат. Вскоре он своими завоеваниями расширил владения ханства по рекам Ишим, Иртыш, Тобол и Тура. Кроме татар, ему были подвластны остяки и вогулы[1].

Далее в летописях исчезают сообщения о первом татарском ханстве на Ишиме. Оно, вероятно, вошло в состав ханства Он-сона. Летописи не сообщают название государства на Ишиме. Абу-ль-Гази называет его Тураном[2]. Можно условно называть его Ишимским ханством.

Перечень правителей Ишимского ханства, по сведениям сибирских летописей:

1. Имя первого правителя неизвестно.
2. Кызыл-тин
3. Девлет
4. Юваш
5. Ишим
6. Мамет
7. Куташ
8. Аллагул
9. Кузей
10. Ебардул
11. Бахмур
12. Яхшиметь
13. Юрак
14. Мунчак
15. Юзак
16. Мунчак и одновременно Он-сон (Он, Он-сон, Иван).

§ 2. Тюменское ханство

К концу своего долголетнего правления Он-сон (по Есиповской летописи Иван) стал могущественным и известным ханом. Но против него восстал один из его подданных по имени Чинги, который убил хана и всеми татарскими родами был признан ханом и стал править этим обширным ханством.

У Он-сона остался в живых несовершеннолетний сын по имени Тайбуга, которого спас один из членов двора Он-сона — Мурат-бий. Тайбуга долго скитался по разным местам, пока Чинги не узнал о нем. Он обещал Тайбуге свою милость и покровительство, если тот подчинится и прибудет к его двору. Тайбуга поверил ему и прибыл ко двору.

Чинги окружил его полным доверием и особыми почестями. Впоследствии Чинги передал ему значительную часть своих владений и войско для

---

[1] Введенский И. Указ. соч. — С. 11.

[2] Абульгази-Бахадур хан. Родословная история о татарах. — СПб., 1770. — Т. II. — С. 156.

приведения в полную покорность вышедших из его подчинения остяков. Тайбуга выполнил поручение хана — совершил несколько походов и покорил остяков, заставил их платить хану дань. Наконец он попросил у Чинги разрешение иметь собственный двор. Его просьба была удовлетворена.

Тайбуга, пораженный красотой мест вокруг нынешней Тюмени, построил здесь на реке Туре город, назвав его в честь своего благодетеля Чинги Тура, или Чингидин. Позднее город стал называться Чимги Тура. Образовалось самостоятельное ханство, которое в русских документах называется Тюменским, татары именовали его «Тура йорты» или «Төмән йорты» (Туринский или Тюменский юрт).

Тайбуга жил там до глубокой старости, оставив своему роду наследство. После Тайбуги ханство стало главным и сильным татарским государством в Западной Сибири. Летописи называют его Великой Тюменью. Тюмень была включена в первую географическую карту Сибири, изданную в Западной Европе в 1544 г.[1]. Так возникло, по описанию летописей, новое татарское государство в Западной Сибири.

Первое татарское государство в Сибири было создано отцом Кызыл-тина на Ишиме. Ханом Он-соном в устье Ишима было создано еще одно объединение, но это, по-видимому, было разделением Ишимского ханства на два удела, оно просуществовало недолго. Создание второго государства сибирских татар связано с именем Тайбуги. Ишимское ханство после смерти Он-сона было присоединено к Тюменскому ханству.

В.И.Огородников предполагает, что после ухода Тайбуги на Туру на Ишиме остались незначительные, не пользовавшиеся влиянием потомки хана Он-сона. Пользуясь их слабостью, Тайбуга, сын Он-сона, сумел утвердить свою власть на р. Туре и таким образом сделался родоначальником сильной династии сибирских князей — «рода Тайбугиных»[2].

Ремезовская летопись по-другому описывает события в Ишимском ханстве. Летопись сообщает, что преемником хана Он-сона был Иртышак, от имени которого получила свое название река Иртыш. На Иртышака напал тюменский хан Чингиз и победил. После него в Ишимском ханстве правил Саргачик. Иртышак и Саргачик в других летописях не упоминаются. Имеется и третья версия преданий, приведенная в летописи, составленной по приказу тобольского воеводы Петра Годунова. Сообщается, что когда монгольский хан Чингиз завоевал Бухару, то царевич Киргиз-кайсакской орды по имени Тайбуга, сын хана Мамыка, выпросил у Чингиза во владение места по рекам Ишиму, Иртышу и Туре. Чингиз передал эти земли ему, и потомки Тайбуги продолжали править этими землями.

Если сопоставить все три версии летописей о событиях на заре образования Тюменского ханства, во всех вариантах присутствует имя Чинги, или Чингиз. Г.Ф.Миллер пишет, что, возможно, Он, или Он-сон-хан, и Иртышак были князьями в Сибири и правили одновременно один на Ишиме, другой на Иртыше; может быть, один был наследником другого. Их правление совпало

---

[1] Введенский И. Указ. соч. — С. 12; Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. I. — С. 189, 190.

[2] Огородников В.В. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 1. — С. 228.

со временем великого Чингиз-хана. После того как его войска покорили земли по рекам Иртышу и Ишиму, весьма возможно, что Чингиз, из-за отдаленности тех мест или по своему природному благодушию, не оставил завоеванное за собой, а отдал во владение одному из князьков, который признал его власть. Это был вышеупомянутый Тайбуга[1].

Эти предания были известны знаменитому историку тюрков Абу-ль-Гази. В своем «Родословном древе тюрков» он отводит значительное место их анализу. Но он допускает ошибки, отождествляя по схожести имен хана Она и потомка Чингизида Шибана в седьмом колене от Чингиза Бек-он-ди[2].

Таким образом, время начала рода Тайбуги в Тюменском ханстве Г.Ф.Миллер относит ко времени правления Чингиз-хана. Это 20-е годы XIII века. Мы можем исчислять время образования Тюменского ханства примерно с 1220 г. Однако Г.Ф.Миллер, по всей видимости, умышленно не берет во внимание и совершенно отбрасывает из истории татарского государства в Западной Сибири период Ишимского ханства, где до Он-сона правили 14 ханов. Г.Ф.Миллер пишет: «Тайбуга, безусловно, происходил из иного рода и жил одновременно с Чингисом. Для этих первых сибирских ханов необходимо составить новую родословную, в которой из-за недостатка более точных сведений нельзя восходить дальше Она или Мамыка»[3].

Для начала царствования Тайбуги он нашел сопоставительную дату — 20-е годы XIII в. А в той части сибирских летописей, где излагается история правителей, начиная с отца Кызыл-тина (имя которого неизвестно) до Тайбуги, нет сопоставительных событий. Составителей летописей можно понять — время отдаленное, в памяти могут сохраниться лишь значительные события, связанные с историей своего народа или племени.

Г.Ф.Миллер значительно сократил историю татарской государственности в Западной Сибири, опустив период пребывания у власти 14 правителей.

А есть ли возможность хотя бы приблизительно предположить время образования Ишимского ханства? Путем сопоставления фактов можно проследить эти события.

Процветающий Кимакский каганат распался под ударами киданей в XI в. В составе этого государства было еще 7 автономных княжеств, в том числе Кыпчакское ханство. Значительное количество кимаков и кыпчаков переселилось в более безопасные места, где кидани не появлялись. Это Бараба, степи Приишимья и Прииртышья, где с древнейших времен жили тюркские племена. Объединившись, эти тюркские племена и образовали свое государство на Ишиме. Это происходило предположительно в конце XI — начале XII в. Эту дату подтверждают и другие источники. Так, археолог В.Н. Левашова, тщательно изучив археологический материал г. Искера, древний инвентарь, относит возникновение города к XII в.

К началу XIII в. Искер был уже значительным городом[4]. Источники сообщают, что «Ибирь-Сибирь» в числе других владений была пожалована Чингиз-ханом старшему сыну Джучи. На картах братьев Пицигани 1367 г.

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 190, 192.
[2] Абульгази-Бахадур-хан. Родословная история о татарах. — Т. II. — С. 480.
[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 191.
[4] Левашова В.Н. О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — № 13. — С. 341–351.

Сибирь упоминается в числе городов[1].

Сибирские летописи предоставляют противоречивые данные о происхождении Тайбуги. Есиповская летопись сообщает, что имя Тайбуга — ногайского происхождения, а летопись Петра Годунова признает его сыном казахского хана Мамыка.

Обе летописи дают неверные сведения, так как в период походов Чингиз-хана не существовало Казахского ханства, оно образовалось только в XIV в. Ремезовская летопись также пишет, что имя Тайбуга — ногайского происхождения. Это тоже не соответствует действительности, так как ногаи стали известны лишь в XIV в. Имена Он-сон и Тайбуга были местного происхождения, — к такому выводу пришло большинство историков. Если проследить генеалогию Он-сона, то родоначальник сибирских правителей Кызыл-тин был также одного этнического происхождения с Он-соном.

Город Тюмень.
Рисунок из Кунгурской летописи XVII в.

В.В.Вельяминов-Зернов считал, что род Тайбуги происходил от из местных князей, из влиятельного княжеского рода. Но он относит хана Он-сона к Шибанидам, то есть к потомкам сына Джучи Шибана, без какого-либо подтверждения документами, с чем совершенно невозможно согласиться[2].

В докладе, посвященном 300-летию завоевания Сибири русскими, прочитанном 12 декабря 1882 года на литературном утреннике в г. Тобольске, историк И.Введенский, ссылаясь на сообщения сибирских летописей, первым татарским государством Западной Сибири называет ханство на реке Ишим, первым известным татарским ханом считает Кызыл-тина[3].

В генеалогии сибирских ханов Тайбуга — личное имя. Термины «тайбуга», «Тайбугин юрт» в русских источниках XVI в. приведены в другом значении. Отдельные историки пишут, что «тайбуга» в Ногайской Орде означало привилегированное сословие, четвертое по значению после хана, бека и мурзы. Грамота царя Федора Ивановича помогает нам понять значение должности «тайбуга» в Ногайской Орде.

После падения своего государства Кучум с частью своих подданных ушел в южные степи Приишимья. Некоторая часть его подданных со Среднего

---

[1] Рашид-ад-Дин. Сборник летописи. — Ч. 1. — М., 1952. — Т. 1. — С. 73, 150; Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. // Записки Новороссийского ун-та. — Одесса, 1867. — Т. 1. — С. 57.

[2] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — Ч. II. — СПб., 1864. — С. 339, 394.

[3] Введенский И. Указ. соч. — С. 10.

Иртыша откочевала к ногаям. Туда бежали и улусные предводители Сибирского ханства. Из беженцев — сибирских татар образовался особый удел и была учреждена для него должность наместника — тайбуга. Первым тайбугой стал зять Кучума Ураз Мухаммед.

О «Тайбугине юрте» пишет около 1597 г. царь Федор Иванович в своей грамоте Кучуму: «А которые ногайские улусы Тайбугин юрт, которые откочевали с тобою, от тебя отстали — на которых людей на тебя была большая надежа». Фраза «Ногайские улусы Тайбугин юрт» в этой грамоте означает не что иное, как ногайские улусы, заселенные беженцами, — сибирскими татарами[1].

Исторические документы, исследования ученых подтверждают тот факт, что государственность татар в Западной Сибири была основана самими татарами, а не монголами. Как пытались утверждать некоторые исследователи, «возникновение государства у любого народа есть результат достигнутого этим народом уровня социально-экономического развития, — пишет историк Сибири З.Я.Бояршинова. — Государственность у западносибирских татар явилась итогом их внутреннего развития, окончательного разложения первобытнообщинного строя, начавшихся процессов феодализации»[2].

Тюменское ханство, безусловно, находилось в определенной зависимости от Золотой Орды, но ввиду отдаленности оно не потеряло самостоятельности.

Сибирские летописи и другие известные источники не могут полностью восполнить список сибирских татарских ханов. *По сообщениям летописей, генеалогия ханов рода Тайбуги представляется в следующем виде:*

Тайбуга
Ходжа
Умар (Мар)
Адер (Обдер)
Ябалак (Эбалак)
Мухаммед (Махмед)
Ангиш (Агай)
Казый (Касим)
Едигер
Бекбулат
Сейд Ахмат (Сейдяк)

Как видно по списку, после Тайбуги ханом был его сын Ходжа, сменил его сын Маар; за ним следует Адер, Ебалак, Мухаммед, Ангиш, Казый (Касим), Едигер, Бекбулат, Сейд Ахмед. Ремезовская летопись упоминает еще некоего Сенбахту, сына Мухаммеда, и еще одного по имени Саускан, но время и последовательность их правления не указаны.

В период от Тайбуги до Умара (Мара) список, по-видимому, неполный, на что обратил внимание Г.Ф.Миллер.

---

[1] Кочекбаев Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVII вв. — Алма-Ата: Наука, 1988. — С. 40, 41; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 20; Трепавлов В.В. Указ. соч. — С. 373–374.

[2] Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири в феодальную эпоху. — Тамск: Изд-во Томск. ун-та. 1967. — С. 35.

Г.Ф.Миллер предвидел возможное возражение против исчисленного им в своем труде времени правления Тайбуги, так как известных потомков его недостаточно, чтобы заполнить период от Чингиз-хана до русского завоевания Сибири. «Но на это можно с полной вероятностью заметить, что, либо потомки Тайбуги, — пишет Г.Ф.Миллер, — ведя довольную и умеренную жизнь, достигали более преклонного возраста, чем обыкновенно, или же что часть имен его потомков по забвению не указывается в предании»[1].

Тюменское ханство находилось в орбите хозяйственных, духовных и этнических связей с Золотой Ордой. В этот период были заложены основы образования обеих групп татарской нации — поволжско-приуральской и западносибирской. Существовали оживленные хозяйственные, торговые и духовные связи с различными улусами Золотой Орды.

В конце XIV — начале XV в. изгнанный из Улуса Джучи Тохтамыш в борьбе против своих врагов стал искать опору у сибирской татарской знати. На короткий срок правление оказалось в его руках. После гибели Тохтамыша в 1406 г. правителем был ставленник Идегея Чегре. Не совсем ясно, правили ли Тохтамыш и Чегре Тюменским ханством или лишь его отдельными улусами, признавшими их власть[2].

§ 3. Шибаниды на сибирском престоле

В освещении истории Тюменского и Сибирского ханств, с одной стороны, и истории улуса Орды-Ичена и улуса Шибана — с другой, существует неясность, путаница. Как известно, в 1238 г. Бату на основании Ясы выделил своему брату Орда-Ичену часть Улуса Джучи — земли, расположенные к северу от озера Балхаш, включая Западный Алтай, Барабинскую и Кулундинскую степь, а брату Шибану — огромный удел на Южном Урале и в Западном Казахстане[3]. Улусы Ичена и Шибана в русских источниках называются Синей Ордой; мы будем использовать в дальнейшем тюркское название — Кок Орда. После смерти Орды-Ичена и Шибана Кок Орда распалась на самостоятельные ханства, между которыми шла непрерывная борьба, усложнившая политическую и хозяйственную жизнь. Со второй половины XIII в. эти улусы стали почти самостоятельными объединениями, не зависящими от золотоордынского хана[4].

В казахских степях и на юге Западной Сибири складывается несколько обособленных улусов, орд и ханств. Об одном из них, территория которого, вероятно, располагалась по берегам р. Ишим, упоминал Абу-л-Гази, называя его Тураном[5]. Некоторые исследователи стали называть восточные улусы Золотой Орды (Кок Орду) Сибирским юртом и отождествлять их то с Тюменским ханством, то с Сибирским, образованным в 1495 г.

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 191.

[2] Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1967. — С. 34.

[3] Абу-л Гази хан. Родословное древо тюрков. — Казань, 1906. — С. 160.

[4] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. — С. 102.

[5] Абу-л Гази. Родословное древо тюрков. — СПб., 1914. — С. 156.

Как сообщает в своей летописи Хафиз Мухаммед ал-Ташкенди, с помощью сына Идегея — Мансура на престол одного из ханств, возникших на территории Кок Орды — Турана, был посажен Шибанид Махмуд Ходжа-хан, сын Кулук-хана, и «стал править в г.Тара». Сам Мансур занял пост второго лица в государстве — беклярбека. Произошло это не позже 1421 г. Хафиз Мухаммед эль-Ташкенди называет этого Шибанида Махмуд Ходжа-ханом, а другой источник — «Сборник летописей» Кадыр Али-бека и Абу-ль-Гази — Хаджи Мухаммедом, однако во всех источниках речь идет об одном и том же лице[1]. В этом случае необходимо подчеркнуть, что в 1420 г. или 1421 г. города Тары еще не существовало, он был построен в 1594 г. События происходили на берегу р.Ишим. Из контекста ясно: Хаджи Мухаммед стал править в г.Кызыл Тура — бывшей столице Ишимского ханства. З.Я.Бояршинова, специально исследовавшая данную проблему, утверждает: «В 20-х годах XV в. известен правитель «Турана» Хаджи Мухаммед из потомков Шибана. Центральной ставкой Хаджи Мухаммеда было укрепленное поселение Кызыл Тура при впадении Ишима в Иртыш»[2].

Богатства Западной Сибири, пастбища Тюменского ханства всегда привлекали правителей Шибанского улуса. Отдельные татарские улусы попадали в сферу влияния различных враждующих групп Кок Орды. Хаджи Мухаммед, заняв престол Кок Орды, захватил земли татарских улусов в бассейне Ишима, входящих в состав Тюменского ханства, перенес свою ставку в древний город Кызыл Тура, бывшую столицу первого государственного образования сибирских татар. Таким образом, от Тюменского ханства было отторгнуто несколько улусов, расположенных по Ишиму[3].

Некоторые исследователи, в частности М.Г.Сафаргалиев, город Тару принимают за г.Чимги Туру — столицу Тюменского ханства. Он факт занятия Хаджи Мухаммедом престола Турана обозначает как начало образования Сибирского ханства, что является искажением исторической правды[4]. При этом М.Г.Сафаргалиев ссылается на сочинение Кадыр Али-бека «Сборник летописей», содержащее немало искажений исторических фактов.

Кадыр Али-бек, бывший карача правительства Кучума, попал вместе с ханом Сейдяком в плен к русским. Проживая в Касимовском ханстве, он был вынужден служить правительству Бориса Годунова. При описании истории Сибирского ханства в «Сборнике летописей» он допускает неточности, в частности не признает в татарских ханствах Западной Сибири ханов Тайбугинской династии, и начинает историю образования Сибирского ханства с Шибанида Хаджи Мухаммеда. Последний был не сибирским ханом, а правителем Кок Орды и лишь в 1420–1428 гг. владел татарскими улусами Тюменского ханства, расположенными около г. Кызыл Тура.

---

[1] Березин И.Н. Библиотека восточных историков. — Ч. I. — Казань, 1885. — Т. II. — С. 105, 106; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 538.

[2] Бояршинова З.Я. Указ. соч. — С. 103.

[3] Абульгази-Бахадур хан. Родословная история о татарах. — Т. II. — С. 156; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. — С. 538; Березин Н.И. Библиотека восточных историков. — Т. 1. — С. 61–62.

[4] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй в X–XVI вв. — М.: Инсан, 1996. — С. 476.

М.Г.Сафаргалиев, оценивая «Сборник летописей» Кадыр Али-бека как единственный достоверный источник и повторяя ошибки последнего, отрицает факт правления в татарских государствах Западной Сибири ханов тайбугинской династии. На страницах своего сочинения «Распад Золотой Орды» он пишет, что во главе восточного улуса Золотой Орды стоял Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом в 1420-м или 1421 г. Далее он пишет: «Из анализа «Сборника летописей» и Сибирской летописи вытекает, что основателем Сибирского ханства был потомок Шибана Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом Сибири в 1420 или 1421 г. при поддержке сына Едигея Мансура». Сведения М.Г.Сафаргалиева совершенно противоречивы. При этом, ссылаясь на «Сибирскую летопись», он не указывает названия летописи: их много, каждая имеет свое название. Но ни одна из сибирских летописей таких сведений не содержит. В 1420 г. или 1421 г. Сибирского ханства еще не было, оно образовалось в 1495 г., основателем его является хан тайбугинской династии Махмет (Мухаммед)[1].

На эту проблему обращают внимание исследователи З.Я.Бояршинова и Н.Н.Степанов. На основании изучения восточных источников они пишут, что Хаджи Мухаммед и Абульхайр правили не в Чимги Туре, а в Кызыл Туре[2].

Н.Г.Аполлова, глубоко изучившая эти проблемы, поддерживая обоснованные выводы З.Я.Бояршиновой об управлении Хаджи Мухаммеда в Кызыл Туре, сделав этот городок ставкой государства Шибанидов — Турана, а не в Чимги Туре, пишет: «В 20-х годах XV в. осложнилась политическая обстановка в бассейне Ишима: одному из потомков Чингис-хана Шибаниду Хаджи Мухаммеду удалось подчинить своей власти ишимских татар и сделать своей ставкой Кызыл Туру, укрепленное урочище при впадении Ишима в Иртыш. После гибели Хаджи Мухаммеда ишимские татары сделались данниками хана Абуль-хайра, а после его смерти с помощью ногайской знати захватил власть внук Хаджи Мухаммеда Ибак. Таким образом, снова Кызыл Тура сделалась ханской ставкой Шибанидов»[3].

Вследствие распада Золотой Орды в южной части Дешт-и Кыпчака усиливаются междоусобицы. На этих землях и в улусах Орды-Ичена и Шибана в XV в. выделяются три племенных объединения:

— на территории от Волги до Яика и Эмбы — мангыты (ногайцы);

— тюркские племена, входившие ранее в улус Орды-Ичена и улус Шибана, персоязычные источники XV в. начинают называть узбеками;

— в результате распада Золотой Орды в 1428 г. XV в. образовалось Государство кочевых узбеков, основателем которого был потомок Шибана Абульхайр-хан. Часть кочевых узбеков в 40–50-е гг. XV в. отделилась от хана кочевых узбеков Абульхайра, откочевала в Хорезм, Чуйскую долину и Семиречье. В источниках их называют «узбек-казахами» или просто «казахами»[4].

---

[1] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — С. 476.

[2] Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967. — С. 34; Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по истории Сибири. — Улан-Удэ, 1964. — С. 475–503.

[3] Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XVI — первой половине XIX вв. — М.: Изд-во «Наука», 1976.

[4] Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. — Л., 1961. — С. 3.

Правитель государства кочевых узбеков Абульхайр в 1428 г. захватил Кызыл Туру, а самого Хаджи Мухаммеда убил. Но хозяйничать в татарских улусах ему пришлось недолго. В том же году сыновья Хаджи Мухаммеда — Махмутек и Ахмед восстали против Абульхайра; последний бежал в Кок Орду. Там он правил до 1468 г., значительно укрепив Государство кочевых узбеков. Наследником Абульхайра был узбек Шейх Хайдар, но его не признавали ни внутри государства, ни соседи[1]. В составе государства Абульхайра образуется объединение другого тюркского племени — мангытов, или ногаев. Это объединение называется Мангытским юртом, или Ногайской Ордой.

Однако еще при правлении Абульхайра положение в этом районе усложнилось усилением отделившейся в 1447 г. от Государства кочевых узбеков Ногайской Орды. Правители Ногайской Орды, Большой Орды и Казахской Орды начали борьбу против Государства кочевых узбеков. Правители Казахской Орды Гирей и Джанибек, ногайские мурзы Муса и Ямгурчи в союзе с внуком убитого Хаджи Мухаммеда Ибрагимом (в истории он известен в основном под именем Ибак) одновременно выступили против Шейх Хайдара. Шейх Хайдар потерпел поражение и был убит. Шибанид Ибак при поддержке ногаев захватил Кызыл Туру и стал править татарскими улусами на Ишиме. Таким образом, Кызыл Тура снова стала ханской ставкой Шибанидов. В это время в Чимги Туре правил Тайбугин Мар. Но взоры Шибанидов были устремлены на тюменский престол. Своими набегами они беспокоили Тюменское ханство[2].

В сочинении Хафиза Мухаммеда аль-Ташкенди говорится, что Хаджи Мухаммед взял город Туру. В контексте ясно, что речь идет о городе Кызыл Тура, так как события происходят на Ишиме. Несмотря на это обстоятельство, отдельные исследователи отождествляют город Туру с городом Чимги Тура и делают вывод, что Хаджи Мухаммед завладел престолом Тюменского ханства и стал сибирским ханом. Из-за этой неточности утверждение, что первым правителем Сибирского ханства был Хаджи Мухаммед, а само ханство основано Чингизидом Хаджи Мухаммедом и является осколком Золотой Орды, компилируется в отдельных трудах. Тем самым отбрасывается двухвековая история государственности сибирских татар, несмотря на наличие источников.

В 1460–1480-е годы ханом в Чимги Туре был Тайбугин Мар. Период правления Мара в Тюменском ханстве не отличался миром. Стремясь занять земли Тюменского ханства и овладеть престолом в Чимги Туре, одновременно ожесточенно боролись три силы: Шибанид Ибак, занявший бывшие южные улусы Тюменского ханства и правивший в Кызыл Туре, ногайские мурзы и правители орды кочевых узбеков — потомки Абульхайра. Среди них самыми опасными для Тайбугинов были давно стремившиеся к власти в Чимги Туре Шибаниды.

---

[1] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации... — С. 34.

[2] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации... — С. 105; Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по истории Сибири. — Улан Удэ, 1964. — С. 475–503; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — Ч. 2. — С. 269.

С целью смягчения напряженного положения Мар решается на династический брак и женится на сестре Ибака, правившего в Кызыл Туре. Однако этот брак не спас его. Создавшиеся после 60-х годов XV в. отношения между Московским Великим княжеством и тюркскими государствами облегчили Ибаку путь на тюменский престол.

Нельзя забывать о том, что ногайская аристократия не относилась к Чингизидам. Они могли быть беками, или биями, или даже беклярбеками какого-то хана. Поэтому ногайская аристократия всегда выбирала хана, желающего иметь при себе беклярбека из ногаев. Например, мангыт Гази был бием Кучук-Мухаммеда, Науруз — бием Улуг-Мухаммеда, Ваккас — беклярбеком Абулхайра (Гази, Науруз и Ваккас — внуки Идегея)[1].

В конце 1460 — начале 1470-х годов мангыты признали над собой власть Ибака, правившего в Кок Орде. В начале 1480-х годов они помогли Ибаку занять престол более богатого и обширного Тюменского ханства. Ногайские правители — сыновья Ваккаса — братья Муса и Ямгурчи одновременно стали беклярбеками Ибака.

Ибак стал ханом не только Тюменского ханства, но и правителем Ногайской Орды. В русских источниках, кроме сибирских летописей, Ибак зовется «царем ногайским»[2]. Ногаи входили в состав Тюменского ханства номинально, исходя из политических соображений. Сотрудничество правителей было скреплено женитьбой Ибака на дочери Ваккаса. Дальновидный и хитрый Ибак, располагавший многочисленными войсками ногаев, держал Мусу и Ямгурчу на расстоянии, главным беклярбеком и командующим войсками он назначил своего брата Мамука[3].

В 60-е годы XV столетия, после прихода к власти в 1462 г. Ивана III, усиливается агрессия Московского Великого княжества против Казанского ханства. Москва вмешивается во внутренние и международные дела Казани. Начиная с 1460 г. приход нового хана на казанский престол становится причиной крупной войны против Казанского ханства.

В Казани действовали две противостоящие партии. Опасность для независимости ханства представляла прорусская партия, поддерживаемая Москвой, состоящая из татарских феодалов и торговцев. Сторонники этой партии ставили личные интересы выше государственных, стремились держать в своих руках торговлю с русскими и умножить свой капитал.

Восточная партия Казани проводила политику независимости государства, развития экономических и духовных связей с тюрко-мусульманскими государствами: Ногайской Ордой, Сибирским, Крымским ханствами. С помощью Москвы представители восточной партии Казани подвергались арестам и уничтожались[4]. Ханы в Казани ставились Москвой при помощи русс-

---

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — С. 94.

[2] Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28 / Отв. ред. М.Н.Тихомиров. — М.; Л., 1963. — С. 315; Патриаршая или Никоновская летопись / Ред. С.Платонов. — СПб., 1901. — С. 20, 23 (ПСРЛ. Т. 12); Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. — М., 1984. — С. 25.

[3] Трепавлов В.П. История Ногайской Орды. — М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001. — С. 114.

[4] Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. — С. 43–46.

кой партии. Так были посажены на престол Мухаммед-Амин, Джангали, Шах-Али, которые правили по указке московских правителей, игнорируя интересы своего народа.

Одновременно усиливается экспансия Москвы на Югру, Западную Сибирь. Создается угроза Тюменскому ханству.

Ханы Тайбугинской династии недостаточно активно реагировали на агрессивные действия Московского Великого княжества, стремились действовать в отрыве от тюрко-татарского мира. В какой-то степени этому послужили, по-видимому, притязания Шибанидов на тюменский престол. Правители Ногайской Орды усмотрели в действиях Московского государства угрозу всему тюркскому миру.

Таким образом, с помощью ногаев Ибак пришел с войной в Тюмень, занял столицу ханства, убил Мара, стал ханом Тюменского ханства и проявил себя активным деятелем тюрко-татарского мира. Он был первым Шибанидом в Тюменском ханстве.

Свою деятельность в Тюменском ханстве Ибак начал с расширения его территории за счет включения степных районов по Среднему Тоболу и междуречья Тобола и Ишима. Судя по событиям, Тайбугины, несмотря на поражение и убийство их хана Мара, по-видимому, сумели сохранить за собой татарские улусы, расположенные по Нижнему Тоболу и Среднему Иртышу. В районы, оставшиеся под властью Тайбугинов, бежали сыновья Мара Адер и Ебалак[1]. Это означало, что борьба между Тайбугинами и Шибанидами продолжится.

Если историю татарских ханов Западной Сибири до Ибака можно было проследить в основном по сибирским летописям, то, начиная с правления Ибака в Чимги Туре, некоторые события международного плана отражены и в других русских источниках. Начиная с Ибака, перечень сибирских ханов Шибанской и Тайбугинской династий приводится в царской грамоте Федора Ивановича хану Кучуму в 1597 г. Во всех русских документах, кроме сибирских летописей, Ибак называется тюменским или ногайским царем, Шибанидом[2].

В сибирских летописях Ибак называется не тюменским, а казанским ханом. В них рассказывается, что Мар был женат на сестре казанского хана Ибака, который против него начал войну, взял Чимги Туру, умертвил Мара, и некоторое время Тюменское ханство было под властью Казани. Сообщается, что у Мара было два сына, — Абдер и Ебалак, которых Ибак увез в Казань, где они и умерли. В Сибири остались в живых сын Абдера Махмет (Мухаммед) и сын Ебалака Ангиш. Махмет, повзрослев, нашел себе поддержку и убил Ибака и пришедших с ним в Чимги Туру многих казанских людей[3].

Документально установлено, что в тот период в Казани хана по имени Ибак не было. В 1467–1479 гг. ханом Казани был Ибрагим, сын Махмудека, брат хана Халила, из династии Улуг-Мухаммеда. Однако в годы его правления событий, описанных в сибирских летописях, не было. Казанский хан Ибрагим умер не в Чимги Туре, а в Казани[4].

---

[1] Оксенов А. Сибирское царство до эпохи Ермака. — Томск, 1888. — С. 7.

[2] Небольсин П.И. Покорение Сибири // Отечественные записки. — СПб., 1848. — Т. 60. — С. 33–36.

[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С.194.

[4] Худяков М. Указ. соч. — С. 35, 43.

Сохранились исторические документы, относящиеся к деятельности Ибака. Год начала правления Ибака неизвестен, но в русских летописях его имя упоминается начиная с 1481 г.

После выделения Астраханского ханства в самостоятельное государство на остатках территории Золотой Орды на юго-западе также появилось самостоятельное государственное объединение, известное под названием Большая Орда. Начало ее формирования относится к 30-м годам XV в. Хан Большой Орды Ахмад, хотя и считал себя верховным главой всех образовавшихся после распада Улуса Джучи татарских государств, фактически был ханом лишь Большой Орды. Ахмад был инициатором образования коалиции ханов сибирских, казахских и ногайских мурз против узбекского хана Шейх Хайдара, сына и преемника Абульхайра. И это ему удалось осуществить. Войска Ахмада, тюменского хана Ибака, казахского хана Джанибека и ногайского князя Аббаса разгромили войска узбеков, а сам Шейх Хайдар был убит[1]. После нескольких походов против Руси Ахмад в 1474 г. заключил мир с Иваном III на условиях признания вассальной зависимости Руси от хана и выплаты ежегодной дани в сумме 140 тыс. алтын[2].

Этот договор и претензии Ахмада на золотоордынское наследие вызвали негативные действия со стороны татарских государств. Они образовали против Большой Орды коалицию с участием великого князя Московского.

В 1481 г. ногайские мурзы Муса и Ямгурчи предприняли поход против Ахмада, возвращавшегося с берегов Угры после неудачного для него «угринского стояния», где активно действовал тюменский хан Ибак. В результате нападения в районе Белой Вежи Ахмад был убит Ибаком.

Ногайские отряды начали грабить Большую Орду. Ибак некоторое время находился в Сарае и ушел в Чимги Туру с трофеями. В Устюжском летописном своде отмечается: «... царь Ивак Шибанский... приде в Нагай, а с ним силы 1000 казаков, и взем с собою шурью свою и Нагай Мусу мурзу, да Ямгурчей мурзу, а с ним пятьдесять тысяч казаков... И стоя Ивак 5 дней на Ахматове Орде и поиде прочь, а ордабазар с собою поведе в Тюмень»[3]. Ибак через своего посла Чумгуру сообщил «государю всея Руси» Ивану III о своей победе над Ахмадом.

Это было первым шагом дипломатических отношений между Москвой и Тюменью. Источники сообщают, что Ибак, почувствовав угрозу со стороны Москвы, предпринял новые шаги по установлению с ней дипломатических отношений. В 1481 г. он отправил в Москву посольство во главе с Чумгурой, который вел переговоры с Иваном III об установлении торговых отношений. Спустя два года Ибак предложил русскому царю заключить договор о дружбе и союзе[4].

Почему же в русских источниках Ибак называется тюменским или ногайским царем? В этот период Ногайская Орда номинально подчиняется Тюменскому ханству. Это объясняется тем, что Ногайская Орда еще не оформи-

---

[1] Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. — С. 513–515.

[2] Базилевич К.В. Ярлык Ахмет-хана Ивану III // Вестник Московского ун-та. — 1948. — № 1. — С. 31.

[3] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л., 1950. — С. 94.

[4] Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. 1. — С. 335 (док. № 289).

лась как государство. В 1460 — начале 1470-х гг., когда Ибак еще не был тюменским ханом, а правил в Кызыл Туре, как хан Кок Орды, ногаи признали над собой его верховную власть. В 1481 — начале 1495гг. ногаи продолжали подчиняться Ибаку, затем его брату Мамыку, то есть они формально входили в число тюменских Шибанидов. Титул «ногайский царь» означал не этническую или племенную принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных. Ногаи входили в Тюменское ханство номинально, хотя и диктовали Ибаку политическую стратегию. Сотрудничество правителей было скреплено женитьбой Ибака на дочери ногайского правителя Ваккаса[1].

Сохранился еще один документ о международной деятельности Ибака. В 1487 г. русские войска заняли Казань, арестовали хана Али (Илхама) и вместе с семейством отправили его в Россию. Ибак и правители Ногайской Орды начали борьбу за освобождение хана родственного государства. В 1489 г. Ибак вновь отправил в составе посольства Ногайской Орды своего посла Чумгуру в Москву.

Чумгура привез Ивану III грамоту хана Ибака с предложением установить мирные отношения, но одним из условий в ней выдвигалось требование освободить из плена и отпустить в Ногайскую Орду бывшего казанского хана Али. Ибак к московскому князю обратился как равный: «Ты мне брат, я государь мусульманский, а ты — христианский. Хочешь ли ты быть в дружбе со мной? Отпусти моего брата хана Али. Какая польза тебе держать его в неволе? Вспомни, что ты, заключая с ним договор, обещал ему доброжелательность и приязнь»[2].

Но Али освобожден не был, он скончался в Вологде в ссылке. Представители восточной партии Казани, сторонники хана Илхама, Алказый, Тевеккель, Касим Саид Бегиш и его сын Утеш и «их иные товарищи», спасаясь от казни, бежали в Ногайскую Орду, потом некоторые из них ушли под покровительство Ибака — в Чимги Туру. Беки и мурзы, прибывшие из Казани в Чимги Туру и Ногайскую Орду, были крупными деятелями восточной партии Казани. Московское правительство неустанно стремилось расправиться с ними. В ответ на письмо Ивана III с требованием отдать Москве Алказыя Ямгурчи-мурза царю в 1491 г. писал: «Алгазыя просишь? Алгазыя я не видел, с Ибраимом царем в Тюмени живет»[3].

С конца 80-х годов и в 90-е годы XV в. Ногайская Орда вела активные военные действия против Москвы, вмешивающейся во внутренние дела Казанского ханства, и против казанского хана Мухаммед-Амина, посаженного на престол Москвой и проводившего промосковскую, антинародную политику. В этой политике Великого Московского княжества ногайские правители видели угрозу единству тюрко-татарского мира. В борьбу Ногайской Орды

---

[1] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — С. 111.

[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1841. — Т. VI. Примеч. 278; Сборники Русского ист. об-ва. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 82; Памятники дип. сношений с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией: с 1474 по 1505 гг. — Т. 1: Эпоха свержения монгольского ига в России. — СПб., 1884. — С. 82.

[3] Дипломатические отношения Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. С 1447 по 1505 гг. Т. 1: Эпоха свержения монгольского ига в России // Сб. РИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 94.

против Москвы и его ставленника Мухаммед-Амина включился и правитель Тюменского ханства Ибак-хан. В военных действиях против Мухаммед-Амина участвовал и брат Ибака Мамук. Мухаммед-Амин писал крымскому хану Менгли Гирею: «Ивак да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на маня войной приходят»[1]. В конце 80-х — начале 90-х годов XV в. он со своими войсками и совместно с ногаями совершает походы против Мухаммед-Амина. В это время Ногайской Ордой правили два брата — Муса и Ямгурчи.

Муса был сторонником восточной партии Казани, а Ямгурчи боялся ссориться с Иваном III, который осуществлял протекторат над Казанью. Мусу, вероятно, сдерживали и семейные обстоятельства, так как Мухаммед-Амин был женат на его дочери Фатиме. Браки казанских ханов на ногайских княжнах были традиционными. Дочь Ямгурчи Каракуш была женой хана Али, мать Мухаммед-Амина Нур-Султан была правнучкой Идегея. Москва стремилась распространить через Мусу свое влияние на ногаев[2].

В начале 1493 г. Муса и Ямгурчи и тюменско-ногайские войска с Ибаком и Мамуком направились к Астрахани, где правили сыновья убитого ими же в 1481 г. хана Ахмата Шейх-Ахмед и Сайд-Махмуд, но почему-то вернулись обратно. Многие деятели восточной партии Казани, скрываясь от казни Москвы, жили при правлении Ибака в Чимги Туре.

Почему же в сибирских летописях Ибак назван казанским ханом? Можно предполагать, что первоначальное правление Ибака в Кызыл Туре и активное участие его в военных действиях против казанских ханов, тесное общение в Чимги Туре с представителями восточной партии Казани послужили этому причиной.

В период правления Ибака Тюменское ханство значительно укрепилось, оно имело достаточные силы и признание для участия в международных делах тюркских государств. Разносторонние международные связи укреплялись посредством заключения междинастических браков. Однако Тайбугины, правившие в Западной Сибири более трех веков, не хотели сдавать свои позиции, они готовились к возрождению своей династии.

[1] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. — М., 1984. — С. 50.

[2] ПСРЛ. Т. 37: Устюжская и Вологодская летописи. XVI–XVII вв. — М.: Наука, 1982. — С. 95; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды... — С. 136.

Глава IV

Сибирское ханство

§ 1. Образование Сибирского ханства

Непростые события происходили в Тюменском ханстве в середине последнего десятилетия XV в. В тюрко-татарских государствах повысился международный престиж Ибака. Он активно участвовал в борьбе ногайских правителей против казанских ханов — ставленников Москвы, смело вмешивался в политическую жизнь Казанского ханства, покровительствовал политическим деятелям Казани, придерживающимся восточной ориентации. Многие из них в опасные для них моменты жили в Чимги Туре.

Ибак, чувствуя отношение Великого Московского княжества к тюркским государствам и остерегаясь агрессии с его стороны, установил с ним дипломатические отношения. Он добился определенных успехов и внутри государства — расширил границы ханства, подчинил ранее не признававшие власть тюменских ханов отдаленные татарские улусы. Отдельные остяцкие и вогульские князья со своими улусами также были подчинены тюменскому хану.

Деятельностью Ибака, по-видимому, были довольны его ставленники — Шибаниды, которые правили в это время в Кок Орде и Бухаре. Они тоже должны были чувствовать угрозу тюркско-мусульманскому миру со стороны Москвы. Однако свергнутые с власти Тайбугины, несколько веков правившие в Кызыл Туре и Чимги Туре, не смирились со своим поражением. По-видимому, среди улусных князей также было немало сторонников Тайбугинов.

Ибак был убит Тайбугином Мухаммедом (Махметом) — потомком убитого Ибаком Мара. Восстановилась династия Тайбуги. Одержавший победу Мухаммед (Махмет), по-видимому, не совсем уверенно чувствовал себя в Чимги Туре и перенес столицу государства на берег Иртыша, поближе к устью Тобола.

Новая столица называлась Искером, Кашлыком, или Сибирью. Свое государство со столицей в Искере татары называли «Себер йорты» (Сибирский юрт).

В летописях и других источниках год гибели Ибака не упоминается. Отдельные историки писали, что имя Ибака не встречается в источниках с 1493 г. Но сохранилась грамота Ибака Ивану III, в которой он пишет, что их предок-де «Шибан царь» был другом и братом предкам Московского князя. Большинство историков предполагает, что Ибак был убит в 1495 г.[1].

Город Кашлык

Причину переноса столицы Г.Ф.Миллер видит в соседстве Чимги Туры с Казанским ханством. Надо полагать, не это было причиной переноса столицы. Приход Махмета к власти — смена не только одного хана другим, а смена правящих династий. В период правления Ибака Шибаниды успели занять важные должности в государстве, также они обладали военной силой. Кроме того, в Чимги Туре были казанские феодалы, представители восточной партии Казани, поддерживаемые Шибанидами. Поэтому Махмет перенес столицу на берега Иртыша.

Кашлык был старинным городом Западной Сибири. На основании датировки археологических материалов, извлеченных из городища Кашлыка, В.Н.Левашова относит возникновение этого города к XII в. Он был древнее Чимги Туры. После возникновения г.Чимги Туры Кашлык получил второе название — Искер, что означает на татарском языке «иске йир» — старая земля[2].

Возникает вопрос: почему же Ибак потерпел поражение, имея поддержку Шибанидов и ногайских правителей? Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, Тайбугины в течение нескольких веков правили в Ишимском и Тюменском ханствах, и со стороны улусных правителей поддержка их была сильна. Во-вторых, Ибак, увлекаясь международной деятельностью, по-видимому, не придавал должного значения укреплению своей власти внутри страны. В-третьих, убийство Ибака свидетельствует о слабости центральной власти в государстве, большой самостоятельности улусных князей и беков. Хотя в их подчинении были воины, в критический момент они не защитили своего хана. Слабость центральной власти хана, центробежные силы в лице крупных феодалов — улусных князей и беков оказали большое влияние на дальнейшую судьбу Сибирского татарского государства.

---

[1] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. — М., 1984. — С. 50; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1864. — Кн. II. — С. 394.

[2] Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — 1950. — Т. 13. — С. 341–351.

После переноса столицы и образования Сибирского юрта (Сибирского ханства) территория его расширилась. Тюменское ханство не прекратило существования. Ремезовская летопись сообщает, что в Чимги Туре сидел свой хан и властвовал над татарами в бассейне Туры. Оно было подвластным Сибирскому ханству.

После гибели Ибака наследником оставался Мамык. Шибаниды, после долгих лет упорной борьбы за престол захватившие власть в Тюменском ханстве, не примирились со своим поражением, продолжали активно действовать против Тайбугинов и стремились возродить Тюменское ханство в прежних границах[1].

Они не порвали свои отношения с Ногайской Ордой, участвовали в дипломатической и военной борьбе против русского засилья в Казанском ханстве. Прорусская партия, захватившая власть в Казани с помощью московских войск, была ненавистна народу. Несмотря на то, что главные лидеры восточной партии были казнены, эта партия усилилась, окрепла оппозиция прорусскому правительству Мухаммед-Амина, потерявшему поддержку почти всех слоев населения. Восточная партия активизировала контакты с тюркскими соседями, прежде всего с Ногайской Ордой и Тюменским ханством, хотя последнее было зависимым от Сибирского ханства. С помощью военной поддержки Ногайской Орды и Шибанидов оппозиция решила освободиться от русской опеки и от продажного хана Мухаммед-Амина и восстановить независимость Казанского ханства. По установившейся золотоордынской традиции ханом мог быть лишь Чингизид. Такого кандидата среди лидеров восточной партии Казани, по-видимому, не оказалось. На казанский престол решили посадить Шибанида, тюменского хана Мамыка.

Тюменские Шибаниды, вероятно, предполагали занять казанский престол и совместно с объединенными силами восточной партии Казани и Ногайской Орды воссоединить Сибирское ханство с Тюменским. По приглашению восточной партии весной 1495 г. тюменский хан Мамык с многочисленным войском, состоящим из тюменских татар и ногаев, двинулся на Казань. Однако из Нижнего Новгорода на помощь Мухаммед- Амину пришли русские войска и заняли Казань. Узнав об этом, Мамык приостановил движение в Казань, и русские войска, полагая, что опасность миновала, повернули обратно. Воспользовавшись моментом, тюменское войско подошло к Казани, и без всякого сопротивления Мамык занял город и был провозглашен казанским ханом. Народ потерял доверие к Мухаммед-Амину, и хан бежал в пределы Русского государства. Иван III в своей грамоте в Крым писал по поводу этого события: «Мухаммед-Аминь, не поверяя своим людям, к нам приехал, и мы ему в своей земле городы подавали и дружбу свою учинили»[2].

Царствование Мамыка в Казани было недолгим. Он не знал обстановки в Казанском ханстве. Ханская казна была пуста — Мамык начал собирать налоги. Казанские феодалы и торговцы, воспользовавшись смутой в ханстве, перестали платить налоги и оказали сопротивление действиям нового хана.

---

[1] Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 317.

[2] Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1884. Т. I. — С. 240.

В Казань вернулись представители прорусской партии, убежавшие при занятии столицы Мамыком. Мамык не успел разобраться в многочисленных интригах казанских феодалов и торговцев. По-видимому, он стал принимать крутые меры по наведению порядка в Казани.

Воспользовавшись этим обстоятельством, представители прорусской партии Казани обратились за помощью к Ивану III. Весной 1497 г. новый кандидат Москвы на казанский престол брат Мухаммед-Амина Абдул-Латиф при помощи русских войск начал поход на Казань. В это самое время представители русской партии начали провокационные действия в столице ханства, началось изгнание сторонников восточной партии.

Решительные меры Мамыка по укреплению порядков в Казани не понравились одному из лидеров восточной партии — Кель Ахмеду. Своими узурпаторскими амбициями он увлек членов правительства, преследовавших корыстные цели. Ему удалось создать сильную оппозицию против Мамыка, пока он не был арестован ханом. Но многие сторонники восточной партии во главе с Урак-мурзой остались верными Мамыку.

Мамык и сам допустил немало ошибок, пытаясь руководить Казанским государством деспотическими методами среднеазиатских правителей. В Тюменском и Казанском ханствах система управления государством значительно отличалась. В Казани действовали бюрократические порядки, члены правительства пользовались значительными привилегиями. Мамык действовал прямолинейно, по своему усмотрению. Все это отрицательно повлияло на его репутацию.

Осенью 1495 г. Мамык организовал поход против арских удельных князей, по-видимому, не подчинившихся ему. Поход был неудачным: Мамыка не пустили в город Арча. В то же время противники хана, руководимые Кель Ахмедом, совместно с лидерами прорусской партии организовали государственный переворот, закрыли городские ворота, и Мамыку был перекрыт обратный путь на Казань. В город вошли русские войска. Мамык был вынужден вернуться в Чимги Туру. Есть не подтвержденные сведения о его смерти по пути в Чимги Туру или в Чимги Туре.

В сентябре 1498 г. Иван III отправил в Казань русские отряды с воеводами С.И.Ряполовским и Ф.И.Бельским для борьбы с Ногайской Ордой и Тюменским ханством и обороны Казани от посягательств Шибанидов[1].

В 1499 г. восточная партия попыталась восстановить власть Шибанидов в Казани и посадить на престол тюменского царевича Агалака, но русские войска предотвратили занятие им ханского трона. В 1499 г. казанский хан Абдул-Латиф написал в Москву: «... на меня идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ними Урак, князь князей [казанских. — *Г.Ф.*]».

В 1500 г. ногайско-тюменские отряды во главе с Ямгурчой и Мусой обступили Казань, но город выдержал трехнедельную осаду. С помощью Москвы попытка занятия престола была отражена[2].

После Мамука правителем Тюмени был Кулук-Салтан, в 1505 и 1508 гг. он выступил в поход против русских, занявших прикамские земли Казанского ханства, совершил нападение на Чердынь и Усолье Камское. Занять

---

[1] Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. — С. 54–55; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... — С. 24.

[2] ПСРЛ. — Т. XI: Патриаршая и Никоновская летописи. — М.: Наука, 1965. — С. 250.

Чердынь Кулуку не удалось, но русские были вынуждены отступить, оставив занятую ими территорию, относящуюся к Казанскому ханству[1]. После Кулука летописи ничего не сообщают о каком-либо хане в Чимги Туре. По-видимому, правлением Кулука завершилась власть Шибанидов в Тюменском ханстве. Усилившиеся Тайбугины вытеснили их, и территория этого ханства осталась в полном подчинении Сибирского юрта.

Сибирское ханство, включившее территорию Тюменского ханства, охватывало не только татарские, но и смежные с остяко-вогульским населением районы. Главная масса татарского населения сосредоточилась между Тоболом, Турой и бассейном Иртыша и Оми.

Мухаммед стал первым правителем Сибирского юрта. Он расширил территорию ханства, укрепил границы. Мухаммед и его преемники Ангиш и Касим, учитывая опасность агрессии Московского государства, были вынуждены продолжать с ним политику Ибака. После Касима сибирский престол занял Едигер, который правил вместе с братом Бекбулатом. При его правлении усилилась опасность Сибирскому государству со стороны Москвы; кроме того, с юга Тайбугинам угрожали Шибаниды.

В непростое в международном отношении время было образовано Тюменское ханство. Источники свидетельствуют об усилении русской экспансии на Югру и в зауральские земли накануне и в период образования татарского государства на Туре. Ряд историков писали об этом. А.Т.Берс отметил, что Тюменское царство сразу же по возникновении вступило в борьбу с русской экспансией.

После завоевания Казани и Астрахани русская православная церковь — главный идеолог завоевания татарских земель, русские феодалы, царь Иван IV обратили свои взоры на Сибирь. Но на пути русских находилось огромное государство — Сибирский юрт (Сибирское ханство).

В 1555 г. Едигер, учитывая обстановку, направил к русскому царю Ивану IV послов Тягрула и Панчады. Послы «от всей земли Сибирской» поздравили русского царя с завоеванием царств Казанского и Астраханского и били челом, чтобы «государь князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать».

Иван IV наложил на Сибирское ханство дань в 1000 соболей государю и, кроме того, царскому посланнику, в обязанности которого входил сбор дани — 1000 белок в год. В Сибирь был отправлен посол Дмитрий Куров Непейцын, который должен был привести к присяге жителей сибирской земли и произвести в ней перепись «черного населения». По его подсчету оказалось 30700 человек «черных людей», то есть плательщиков ясака[2].

Обращаясь к русскому царю, Едигер рассчитывал получить от него помощь в борьбе против своих врагов, угрожавших Сибирскому ханству с юга, — Шибанидов Муртазы и его сыновей Ахмет-Гирея и Кучума. Но эта помощь не поступила, так как это было не в интересах русского царя: ему было на руку ослабление татарского государства. Действия Ивана IV по приведению в подданство жителей Сибирского ханства вызвали их возмущение.

---

[1] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л., 1950. — С. 102.

[2] Огородников В.И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 2. — Владивосток, 1924. — С. 14.

Поняв свою ошибку, Едигер решил освободиться от уплаты московской дани; в ноябре 1556 г. возвратился в Москву Дмитрий Непейцын, с ним приехал посол Едигера Боянда, который привез дань, но не всю: 700 соболей вместо 1000 и 1000 белок. Хотя Боянда пытался оправдаться, что «царевич шибанский воевал землю Сибирскую, многих людей в плен увел», разгневанный русский царь приказал посадить Боянду под стражу. Отправил в Сибирь служилых татар Девлета Хосю и Собаню Рязапова с увещательной грамотой, чтобы сибирские татары исправились[1].

В октябре 1557 г. возвратились в Москву Девлет Хося и Собаня Рязапов, и с ними прибыл посланник Едигера Истемир, который привез дань полностью, сверх того шертную грамоту с княжеской печатью, в которой значилось, что «ся учинил князь в холопстве, дань еже год царю давать».

К тому времени обстановка в Западной Сибири резко изменилась. Шибаниды, потерявшие власть в Тюменском ханстве, ушли кочевать в район Кызыл Туры, снова захватили некоторые улусы Сибирского ханства, посадили ханом престарелого Муртазу — сына Ибака. Шибанидов поддерживали ногаи. Нового хана признали в Бухаре. Главным кандидатом на престол был сын Муртазы Кучум, который стремился занять сибирский престол в Искере. Сибирские правители Едигер и Бекбулат, почувствовав реальную угрозу со стороны Шибанидов, обратились за помощью не к своим тюркским соседям, а в Москву — к русским правителям. Муртаза, его сыновья Ахмет Гирей и Кучум, зная о связях Едигера и Бекбулата с Москвой, стремились получить признание Москвы.

В такой сложной ситуации в 1558 г., как заяц в пасть лисы, приехал к Ивану IV посол Едигера Чибичень (по другим источникам — Чигибень). В то же время у русского царя появились послы Шибанидов Муртазы, Ахмет Гирея и Кучума — Ташкин и Маминшах. Иван IV как победитель приказал арестовать их и заключить под стражу, так как все три посла прибыли без дани[2].

§ 2. Кучум на сибирском престоле

Как мы уже знаем, Сибирский юрт состоял из ряда более или менее зависимых от хана татарских и угорских княжеств, весьма слабо объединенных. Обязанности князей, беков и мурз заключались в сборе ясака для хана и поставке воинов для ханской дружины во время опасностей и войн.

Ослаблению ханства способствовала не прекращающаяся в течение более столетия борьба между Шибанидами и местными Тайбугинами за сибирский престол. В начале XV в., несмотря на поражение Ибака, борьба между Тайбугинами и Шибанидами еще более обострилась. Кучум, отец которого правил несколькими улусами Сибирского ханства в своей ставке в Кызыл Туре, ужесточил борьбу за сибирский престол. По-прежнему его поддерживали ногаи и

---

[1] Огородников В.И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. I. — Иркутск, 1920. — С. 230–231.

[2] 50 лет Тюменской области. Очерки по истории Тюменской области. Учебное пособие. — Тюмень, 1994. — С. 39.

Шибаниды, правившие в Кок Орде и Бухаре. Внутри Сибирского ханства были также силы, стремящиеся посадить ханом в Искере Кучума.

Семь лет продолжалась борьба Шибанидов против Тайбугинов, которая закончилась победой первых. В 1563 г. власть в Искере захватил Кучум и приказал убить правивших там Едигера и Бекбулата и стал сибирским ханом. Спасся от казни лишь малолетний сын Бекбулата Сейдяк (Сейд Ахмед), который нашел покровительство в Бухаре.

Кучум по происхождению был Чингизидом. По описанию Абу-ль-Гази, он произошел от Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана. У Джучи был сын Шейбан-хан, который правил в Бухаре и принял ислам. Вот генеалогия Кучума:

сын Шейбан-хана — Багадур-хан;
сын Багадур-хана — Джучи-хан;
сын Джучи-хана — Бадакул-хан;
сын Бадакул-хана — Менгу-Тимур-хан;
сын Менгу-Тимур-хана — Беконди-оглан;
сын Беконди-оглана — Али-оглан;
сын Али-оглана — Хаджи Мухаммед-хан;
сын Хаджи Мухаммед-хана — Ибак-хан.

У Ибака было три сына — Алтаул-хан, Тулук-хан и Муртаза-хан.

У Алтаула был сын Махмут-Кули.

У Муртазы было два сына — Кучум и Ахмет-Гирей.

У Кучума было пять сыновей и одна дочь. Имена сыновей — Али, Азим, Канай, Кубей Мурад и Ишим. Имя дочери — Лейла Ханиша. Некоторые сибирские летописи сообщают другое количество дочерей Кучума; по-видимому, остальные дочери были не от первой его жены.

По отношению к Чингиз-хану Кучум был в 13-м колене родства и приходился внуком Ибак-хану[1].

Время прихода Кучума к власти в Сибирском ханстве было неспокойным, так как отдельные татарские беки и остяцкие князья, пользуясь военными действиями между Тайбугинами и Шибанидами, не хотели подчиняться ханской власти и пытались действовать самостоятельно и при Кучуме.

Некоторые источники сообщают о распространении власти Кучума только до устья Туры. В улусах, прилегающих к Чимги Туре, позиции Тайбугинов всегда были сильны. Однако Кучуму удалось подчинить и эти улусы. С юго-запада на отдельные улусы ханства наступали казахи. Кучум прилагал большие усилия по укреплению ханской власти внутри своего государства. Скоро остяцкие князья, бывшие раньше в составе ханства, и «самостоятельные» татарские беки, мурзы были подчинены центральной власти.

Учитывая обстановку, Кучум на первых порах в отношении Московского государства продолжал политику своего деда Ибака и Тайбугинов, сполна платил требуемый Москвой ясак. Несмотря на своевременную плату дани, Московское государство все более усиливало агрессию, русские все чаще и глубже проникали за Урал, в пределы ханства.

Кучум перестал платить ясак Москве, о чем пишет царь Иван IV в своей грамоте Кучуму в 1569 г. Царь напоминает Кучуму, что сибирский князь Еди-

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 197.

гер платил ясак, что и Кучум должен подчиниться и платить ясак. 17 марта 1570 г. князь Ромодановский привез Ивану IV ответный ярлык Кучума, в котором он писал русскому царю: «... С нашим отцом твой отец гораздо помирился, и вместе (купцы) на обе стороны ходили... С кем отец был не в дружбе, с тем и сыну его не в дружбе быти пригоже... И ныне похал миру — и мы помиримся, а похали воеватися — и мы воюемся»[1]. И в этих словах Кучума выражен его характер — воинственность и чувство собственного достоинства.

В 1571 г. Кучум прислал Ивану IV полную дань, как при Едигере, — 1000 соболей, и послы его обещали в будущем исправно платить ясак. В 1572 г. послы Кучума Тамас и Гайса принесли царю два ярлыка от Кучума, в которых он писал о своем согласии уплатить ясак. В ответ Иван IV приказал привозить ежегодно 1000 соболиных шкур. Но на дальнейшие отношения Кучума с Москвой повлияла захватническая политика Русского государства за Уралом. Кучум и его окружение не могли не видеть, как захватываются русскими земли их соседей — вогулов, остяков, башкир и татар, живущих северо-западнее Сибирского ханства. Эти народы питали к Москве неприязнь из-за утраты своей независимости и при первой же возможности готовы были воевать против русских.

Кучум продолжал укреплять свое государство. С целью разведки он в 1573 г. направил в Пермь своего племянника Махмута Кули (Маметкула) с боевой дружиной.

Махмут Кули по пути во владения Строгановых побил вогульских князей, плативших ясак Москве и отказавшихся от борьбы против русских, как было обговорено с ними заранее. Он вошел во владения Строгановых, остановился в пяти километрах от г.Перми[2].

Эта экспедиция была не столько военной, сколько разведывательной. После возвращения Махмута Кули правительство Кучума узнало обстановку на северо-западе, его сообщения о военных базах во владениях Строгановых, по-видимому, привели к решению, что уплатой ясака невозможно защитить Сибирское ханство от русской агрессии.

Кучум был в тесной связи с тюрко-мусульманскими государствами Средней Азии и Казахстана, которых сильно тревожило завоевание русскими Казанского и Астраханского ханств. В условиях, когда, захватив Казань и Астрахань, русские завоеватели достигли Каспия, правители тюркских государств Средней Азии и Казахстана стремились защитить тюрко-исламский мир от русской агрессии с северо-запада, со стороны Сибирского государства. Об этом ясно говорит А.А.Берс: «Возникновение татарской державы в Сибири представляло собой не что иное, как вспышку тюркского сопротивления русской колонизации, которое вначале было удачным. Противостояние русских усилилось после того, как в 1563 г. власть в Искере захватил представитель Шибанидов Кучум»[3].

Отсутствие единства в западном тюркском мире — конкретно между Крымом, Астраханью, ногайскими правителями и Турцией, привело к падению

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров. — СПб., 1819. — Кн. III. — С. 69.

[2] Соловьев М.С. Собр. соч. — Кн. III. — Т. VI. История России с древнейших времен... — М., 1989. — С. 664.

[3] Берс А.А. Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. — М., 1936. — С. 81.

Казанского и Астраханского ханств. Москвой было уничтожено огромное количество тюрков, ликвидирована государственность татарского народа, которая имела многовековую историю. Московским государством огнем и мечом разрушались тюрко-мусульманская культура, религия, проводился широкомасштабный геноцид.

Кучум, конечно, понимал это и стремился остановить дальнейшее проникновение Москвы в тюркский мир через Западную Сибирь, отстоять независимость татарского государства. Но и в этом восточном районе не было единства между тюркскими правителями. Правители Казахского ханства стремились захватить южные земли Сибирского ханства. Этим обстоятельством пытались воспользоваться и в Москве.

В 1573 г. Иван IV направил посла Третьяка Чебукова к казахскому хану Хак Назару. Хак Назар враждебно относился к Бухаре и Сибирскому ханству и намеревался получить помощь России на случай войны с Кучумом. Одновременно Чебуков вез грамоту с предписанием Кучуму признать свою зависимость от России. По указанию Кучума Чебуков был убит[1].

После смерти Хак Назара русское правительство, готовясь к войне с Кучумом, направило посла Вельямина Степанова к казахскому хану Тевеккелю, пытаясь договориться с ним, чтобы он и родственные султаны «все были под царскою рукою, стояли бы они на бухарского хана и на Кучума царя»[2].

Царское правительство стремилось укрепить свое влияние в Средней Азии, используя в этих целях посольские отношения хана Тевеккеля, намеревавшегося заручиться военной помощью России в случае войны с Кучумом и его союзником — бухарским ханом.

Как видно, в последней четверти XVI в. одновременно с планами захвата Сибирского ханства Москва разрабатывала стратегию и тактику проникновения в Казахстан и Среднюю Азию[3].

Кучум, осознавая опасность со стороны Москвы, стремился к союзу с бухарским ханом Абдуллой и готовился к отражению нападения Русского государства. Но силы были неравны. Русские обладали опытом захватнических войн, владели огнестрельным оружием. Бухарское ханство было расположено вдали от Сибирского ханства, между этими государствами были расположены Ногайская Орда и Казахское ханство.

По сведениям некоторых источников, Кучум пытался обрести союзников среди казанских татар, отдельных татарских феодалов. Сибирские летописи сообщают, что через два года после прихода к власти Кучум был в Казани, привез оттуда много проповедников, кроме того, большую группу казанских татар, чувашей и оружие — две пушки[4]. Во времена прихода к власти Кучума Казанского ханства уже не существовало. Татары, черемисы и другие народы ханства вели Отечественную войну за восстановление своей государственности.

По-видимому, Кучум установил связи с отдельными татарскими феодалами. Есть предания, что одна из его жен была родом из казанских татар. Кучум укрепил свои боевые силы, пригласив на военную службу ногаев. Его

---

[1] Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 6, 53.

[2] Казахско-русские отношения в XV–XVIII веках. Сб. документов и материалов. — Алма-Ата, 1961. — С. 7.

[3] Казахско-русские отношения в XV–XVIII веках... Док. 6, с. 8–9; док. 7. — С. 10–11.

[4] Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 319.

воины выделялись дисциплиной, но из-за отсутствия огнестрельного оружия боевые силы его были уязвимыми.

Кучум прилагал большие усилия для улучшения нравственности и усиления роли ислама, принимал меры по укреплению порядков в ханстве. Как мы знаем, ислам начал внедряться в Западной Сибири в 1394–1395 гг. В период его прихода к власти не все татары исповедовали эту религию. Ханы Тайбугинской династии, по-видимому, не придавали большого значения исламу. Здесь жило немалое количество тюрков, исповедовавших старую тенгрианскую религию.

В.В.Радлов во время своей экспедиции по Сибири записал со слов ишимских и тобольских татар два предания, связанных с деятельностью Кучума по укреплению ислама в своем государстве[1]. В них речь идет о том, что Кучум в целях улучшения нравственности в государстве и укрепления своей власти с помощью ислама снарядил в Бухару специальное посольство и просил хана Абдуллу направить в Сибирь мусульманских проповедников.

В 1572 г. в Искер прибывает первая духовная миссия из Бухары и Ургенча, но результатами ее деятельности Кучум не был удовлетворен. Через два-три года по его просьбе из Бухары вместе с духовными лицами прибыл и военный отряд. Одухотворенный результатами этой миссии, Кучум в третий раз обратился к бухарскому правителю. В составе третьей духовной миссии был и Шербети-шейх, которого в Средней Азии считали святым, он пользовался большим влиянием. С ним прибыл и военный отряд.

Г.Ф.Миллер пишет, что в Сибирском ханстве ислам впервые ввел Кучум. Ему не были известны исторические документы о внедрении ислама в Западной Сибири в 1394–1395 гг.

Кучум стремился укрепить и международное положение ханства. С этой целью женил своего сына Али на дочери ногайского мурзы Тин Ахмеда, выдал дочь замуж за ногайского хана Акмурзу. Его вторая дочь стала женой сеида Дин Али Ходжи[2].

Но история повторилась. Сибирское ханство, его правитель Кучум оказались одни в борьбе против агрессии хорошо вооруженного и имеющего опыт завоевания земель татарских государств противника. Южные тюркские государства не оказали ему помощи.

§ 3. Территория и население Сибирского ханства

Границы владений первых татарских правителей на Ишиме нам неизвестны. Можно предполагать, что в Ишимское ханство объединялись татарские улусы, расположенные по нижнему течению Ишима и между Ишимом и Иртышом.

После переноса столицы в Чимги Туру и образования Тюменского ханства территория татарского государства значительно расширилась. Сибирское ханство было образовано на большей части бывшего Тюменского ханства.

---

[1] Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г.Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904, 1897. — Вып. 7. — С. 51–61.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 198.

Западные улусы остались в подчинении Шибанидов, которые правили в Чимги Туре недолго: после хана Касима вся бывшая территория Тюменского ханства вошла в состав Сибирского ханства.

Источники конкретно не указывают границы Тюменского и Сибирского ханств, но по сведениям сибирских летописей и других источников их можно определить.

Территория Сибирского ханства была довольно обширна. На севере она простиралась по Иртышу, далеко за устье Тобола, достигала низовьев Оби. На северо-западе оно граничило с владениями татарского «князька» Епанчи и с Казанским ханством, западные границы проходили по восточным склонам Уральских гор, включая территорию расселения зауральских башкир. Местами границы ханства охватывали башкирские земли, расположенные на западе Урала. На юго-западе Сибирское татарское государство граничило с Ногайской Ордой и Казахским ханством. Южные границы ханства отличались большой неопределенностью и терялись в степных пространствах Юго-Западной Сибири. Приишимские улусы ханства, как было отмечено выше, временами захватывались правителями Кок Орды. Большая часть Барабинской степи была в составе Сибирского ханства. Южнее Барабинской степи, на Верхнем Енисее, было расположено Кыргызское ханство — обломок бывшего могущественного Кыргызского каганата. Западнее кыргызов, южнее барабинцев жили тюркские племена — телеуты, урянхайцы, саянцы, телесы, тубинцы, бельтвиры и сагайцы, которые находились в зависимости от калмыцкого государства Алтын-хана[1]. Восточная граница доходила до Оми и почти до левого берега Оби. Чатские татары, проживавшие на левобережье Оби, были в определенной зависимости от Сибирского ханства; по-видимому, они были не подданными, а союзниками ханов, хотя платили ясак Кучуму. Восточным соседом Сибирского ханства было племенное объединение нарымских селькупов, названных русскими Пегой ордой. Мы уже знаем, что неспокойными были татарские улусы на Ишиме, часто подвергались нападениям Шибанидов. При Кучуме эти улусы были воссоединены с Сибирским ханством.

В первые годы татарские мурзы Чимги Туры, где были сильны позиции Тайбугинов, оказывали сопротивление Кучуму. Они стремились восстановить бывшую самостоятельность Тюменского ханства. Были в оппозиции мурзы из владений князя Епанчи, расположенные северо-западнее Тюменского ханства, а также остяцкие, вогульские князья, включенные при Тайбугинах в состав Сибирского ханства. Но усиление русской агрессии вынудило их признать власть Кучума. Кучум именовался ханом Сибирским и Тюменским[2]. В одной из своих грамот внук Кучума Давлет-Гирей писал русскому царю, что «Тюмень была во владении Кучума»[3]. Таким образом, Кучум был признан верховным правителем обоими противоборствовавшими группировками татарских феодалов — Тайбугинами и Шибанидами. Источники не сообщают о каких-либо внутренних распрях в период правления Кучума.

---

[1] Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 1. — С. 227.

[2] Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1941. — Т. II. — С. 151.

[3] РГАДА. Ф. Сибирский приказ (СП). — Л. 789. — Стлб. 455.

Исторические границы Сибирского ханства в целом совпали с областью расселения сибирских татар, но часто границы уходили дальше их расселения, власть татарских ханов распространялась на отдельных остяцких и вогульских князей.

Основную массу населения Сибирского ханства составляли сибирские татары, предки которых с древнейших времен жили в Южной и Западной Сибири. По предыдущим главам книги мы знаем, что процесс этногенеза сибирских татар был сложным. Некоторые исследователи преувеличивают роль угорского и самодийского компонентов в этногенезе сибирских татар, пытаясь представить факты таким образом, что отдельные группы последних составляют тюркизированные угры или самоеды.

Эти попытки часто бездоказательны, недостаточно аргументированы, для них характерно отсутствие логики. Так, например, по определению А.П.Дульзона, чулымские и томские татары произошли от тюркизированных угров и самоедов. Остается непонятным, какие тюркские племена их тюркизировали, куда они ушли после тюркизации угров и самоедов.

Безусловно, отдельные группы соседних самодийских и угорских племен были ассимилированы с тюрками, и последние вошли в состав сибирских татар. Наличие у отдельных групп сибирских татар угорских и самодийских элементов подтверждают данные антропологических, лингвистических и этнографических исследований. Однако это не является подтверждением того факта, что те или иные группы сибирских татар представляют собой тюркизированных остяков, вогулов или селькупов.

Древнее тюркское население Западной Сибири, проживая на перекрестке древнейших сухопутных дорог и крупных водных путей, испытывало на себе перекрестное влияние мировых цивилизаций. Под влиянием соседних, нередко и не очень ближних, цивилизаций у автохтонного населения постепенно менялись религия, язык, традиции, этнические имена. Очень большую роль в сложении сибирских татар сыграли кимаки и кыпчаки, переселившиеся в Западную Сибирь в период распада Кимакского каганата.

Сибирские татары состояли из нескольких разрозненных этнических групп. Имеющиеся источники не дают ответа на вопрос: когда тюрков Западной Сибири стали называть этнонимом «татары»? В трудах путешественников и историков тюркское население Западной Сибири, начиная со второй половины XIII в., именуется «татары». Так, например, Рубрук, путешествовавший по Центральной Азии в 1253–1255 гг., тюрков Прииртышья называет татарами. Марко Поло, совершивший путешествие в Западную Сибирь в XIII в., жителей ханства в Прииртышье и Приишимье называет также татарами. Баварский солдат, попавший в плен к туркам и путешествовавший по Западной Сибири на рубеже XIV–XV вв., пишет, что в Приишимье и Прииртышье живут татары.

Этноним «сибирские татары» появился в годы завоевания Сибирского ханства Российским государством. Остается неясным вопрос: употребляли ли они в конце XVI — начале XVII вв. этноним «сибирские татары» в качестве самоназвания? Различные группы сибирских татар еще долго называли себя именами древних племенных групп: «тубыллык», «төмәнлек», «тарлык», «бараба», или «парама», и т.п.

Тюменское ханство в начале своего существования было раннефеодальным государством с патриархальными пережитками, общение между разными этнографическими группами было незначительно. Поэтому в конце XIV в. этнографические различия между ними наблюдались довольно отчетливо. Долгие годы совместного проживания в составе единого государства способствовали хозяйственному и культурному общению между разными этнографическими группами татар и их консолидации. Единая религия ислам также объединяла татар Западной Сибири. Во второй половине XVI в. намечалось складывание этнографической общности сибирских татар. Однако этот процесс был прерван завоеванием Сибирского ханства Русским государством.

По итогам переписи, проведенной послом Ивана IV Иваном Непейцыным, в Сибирском ханстве при Едигере насчитывалось всего 30700 плательщиков ясака. Безусловно, принять это сведение за достоверное мы не можем, — там было много кочевников, точный учет которых невозможен; кроме того, перепись проводилась в целях обложения ясаком в пользу русского царя, определенное количество населения могло остаться вне учета, так как хан и феодалы не были заинтересованы в полной летописи населения.

В составе Сибирского ханства проживали также вогулы, остяки и селькупы, покоренные в разные периоды тюменскими и сибирскими ханами.

Селения сибирских татар располагались в основном по берегам крупных рек и озер. Сибирские татары умели строить города, на это указывают не только многочисленные места их городищ, но и название, данное сибирским татарам их соседями, — башкирами и остяками: «туралинцы» значит городские.

Появление городов — это факт довольно высокого уровня самостоятельного развития сибирских татар. Из объекта защиты от нападения города превратились в политико-административные, хозяйственно-торговые и культурно-религиозные центры и стали многофункциональными поселениями, отвечающими различным потребностям общества. Эти функции свойственны всякому городу, но не обязательно сочетание всех признаков.

Внешними признаками феодального города являются ров, земляные валы, иногда частокол из бревен, двор феодала, посад ремесленников, торговый центр, боевая дружина, административно-управленческие и культовые сооружения. Наличие городов в татарских государствах Западной Сибири зафиксировано в ряде документов.

Кроме Искера и Чимги Туры, летописи указывают более 15 татарских городков. Городки были расположены главным образом в устьях рек, впадающих в Иртыш и Тобол: Кызыл Тура — у впадения Ишима в Иртыш, Княжев городок — на Иртыше, Кулары — в верховьях Иртыша; Тон Тура — на реке Оми; «заставный Кучумов городок» — выше устья Тавды; городок Бегиша — на Иртыше; Агитский городок — на Вагае. Кроме того, в источниках перечисляются города Явлу Тура, Тархан кала, Бицик Тура, Карачин-городок. Город Сибирь упоминается в «Сокровенном сказании монголов», предположительно сочиненном в 1240 г. при хане Угедее[1].

Татарские городки находились обычно на нагорных, возвышенных берегах рек. Наиболее удобным местом расположения городков был высокий

---

[1] Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. — М.; Л., 1950. — Т. XIII. — С. 342, 344–348, 349.

мыс, образованный оврагами. Иногда город укреплялся двумя или тремя рядами рвов с валами. По скату внутри рва, вокруг города был устроен частокол из бревен с воротами, через ров был перекинут мост. Размеры городской площади невелики — от 500 до 7000 кв. метров. В таком небольшом городке не могло жить большое количество людей. В нем, по-видимому, жили местные феодалы, их приближенные, слуги и стража, во время опасностей располагались войска[1].

Остатки столицы Тюменского ханства находятся в пределах современного города Тюмени и непростительно мало изучены. Поэтому невозможно представить более или менее ясную картину одного из древнейших городов сибирских татар.

По данным археологических раскопок, типичным татарским городком являлся Искер — столица Сибирского ханства. Его развалины расположены у впадения речки Сибирки в Иртыш, в 19 км от современного г. Тобольска. В настоящее время от него осталась небольшая площадь, — городище подмыто Иртышом. Искер был не только городом, но и укрепленной земляной крепостью. Крутой берег Иртыша, ров делали ее непреступной. Строения внутри крепости были возведены из хвойного леса. Внутри жилья имелись печь, или чувал, из кирпича, окна в строениях были из слюды. Площадь Искера была небольшой, в нем жили хан с семейством, его приближенные, ханская дружина, ремесленники, торговцы. По-видимому, там была ханская казна и хранились ханские сокровища.

По данным раскопок видно, что Искер был городом с развитой торговлей, ремеслом. На раскопках обнаружено более 50 видов изделий ремесленников. Множество орудий земледелия — серпы, сошники, мотыги, остатки жерновов свидетельствует о развитом земледелии. Много раскопок, связанных с коневодством, — подковы, удила, части сбруи и экипажа.

Множество шил, ножей, ножниц, долот, топоров, литейных форм, тигл для плавки, украшений говорят о том, что все они делались искусной рукой ремесленника, работавшего на продажу. Черепки фарфоровой посуды, изделия из сердолика и бирюзы, остатки шелковых, бумажных тканей свидетельствуют о развитии торговли с Китаем, государствами Средней Азии и др.[2].

Орудия рыболовства — железные остроги, грузила, удочки, охотничье снаряжение — наконечники стрел и другие говорят о занятиях и промыслах жителей города. Многочисленные находки предметов быта дополняют картину жизни и быта жителей Искера[3].

Такой представляется, по данным археологии, картина восточной татарской культуры XVI в. Но многие памятники татарской культуры Западной Сибири до сих пор не исследованы, а время и деятельность человека делают свое пагубное дело — они исчезают безвозвратно.

Города между собой были соединены более или менее исправными дорогами. В Тюменском и Сибирском ханствах были и ведущие в другие государства дороги. Одной из древних была дорога, названная позже Старой Ка-

---

[1] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 221.

[2] Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губ. музея. — Тобольск, 1915. — Вып. XV. — С. 20.

[3] Берс А.А. Прошлое Урала... — С. 190.

занской дорогой, ведущая из Казани в Чимги Туру и дальше в Искер. Между Казанью и Чимги Турой она имела два разветвления: от Казани по Каме и по ее притокам на Урал, оттуда — на реку Тагил и Туру. Вторая ветка — сначала по Каме, потом по суше через башкирские степи в Сибирь. От Искера вели три дороги по направлению к югу: Окольная Ишимская — от Искера вверх по левому берегу Иртыша в верховья Иртыша; вторая — от Искера до Казахского ханства; третья — от Искера по левому берегу Ишима в верховья Ишима.

§ 4. Материальная жизнь и быт населения татарских ханств Западной Сибири

Племена, проживая с древнейших времен в Западной Сибири, оказались на стыке двух культур — тюркской и угро-самодийской. Это историческое явление повлияло на тюркские, угорские и самодийские племена, на их материальную и духовную культуру. В силу того, что никогда не прекращался приток тюркских племен с юга, материальная и духовная культура, экономическая и социальная жизнь тюркского населения развивались на общетюркской основе. Но влияние соседних народов — вогулов, остяков, селькупов ощущалось в хозяйственной жизни.

Хозяйство сибирских татар к моменту завоевания Сибирского ханства Русским государством было сложным, что было обусловлено уровнем их социально-экономического развития. Главными отраслями хозяйства были скотоводство, земледелие, охота, рыболовство и торговля. Определенное значение имело и собирательство — сбор дикорастущих растений, ягод, кедровых орехов.

Скотоводство было древнейшим традиционным занятием тюрков. Обширные степные просторы по среднему течению Тобола и Иртыша, левобережье Оби, Барабы благоприятствовали разведению скота. Поэтому барабинцы были скотоводами-кочевниками, разводившими лошадей и овец. Иртышские и тобольские татары занимались полуоседлым и оседлым скотоводством, разводили лошадей, крупный рогатый скот, меньше — овец. Одной из главных отраслей скотоводства сибирских татар было коневодство. На пастбищах содержались многочисленные конские табуны. Лошади использовались для верховой езды, в упряжке, а с развитием земледелия — как рабочий скот. Коневодство было и источником мяса и кобыльего молока. Находки в басандайских курганах, где в погребениях встречаются конские головы, дают косвенное свидетельство употребления в пищу конского мяса.

На всех татарских городищах встречается большое количество костей домашних (лошади, коровы, овцы) и диких (лося, медведя, тура, антилопы, лисицы, белки и зайца) животных. Обнаружены кости гуся, утки, тетерева, рыб (щуки, карася, сибирского осетра). Из орудий рыболовства обнаружены железные остроги, рыболовные крючки, каменные грузила, деревянные поплавки рыболовной сети. Орудия охоты представлены костяными и железными наконечниками стрел[1].

---

[1] Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томск. пед.ин-та. — Томск, 1952. — Т. IX. — С. 101.

Наличие таежных лесов и болот затрудняло развитие скотоводства кочевого типа. Татарские племена вели оседлый и полуоседлый образ жизни, но, наряду с охотой и рыбной ловлей, разводили небольшие стада скота и лошадей. В могильниках, расположенных в окрестностях г.Томска, встречаются кости овец, конские черепа, кости конечностей и зубы лошадей, железные удила, стремена, принадлежности конской сбруи, но значительно реже, чем в могильниках минусинских степей. О наличии у томских и чатских татар лошадей рассказывают и русские письменные источники конца XVI — начала XVII в.[1].

В районах Нижнего и Среднего Причулымья костей лошадей в курганных погребениях не обнаружено, но в погребальном инвентаре обнаружены уздечки, стремена, остатки седла и подпруги[2]. Это говорит о том, что чулымцы для верховой езды использовали лошадь меньше, чем томские татары. Они были пешими охотниками; молочный скот чулымцы не разводили, им не были известны названия молочных продуктов. Это было связано с тем, что условия кочевой жизни не позволяли разводить крупный рогатый скот[3].

В условиях суровой, многоснежной и долгой зимы было невозможно содержать скот без заготовки кормов и без помещений для его зимнего содержания. Скотоводство обеспечивало население мясом, шкуры животных и шерсть использовались для изготовления одежды и обуви и утепления жилья. Продукты животноводства использовались для обмена и торговли.

У многих групп сибирских татар скотоводство по своему значению было главным занятием. По мере развития земледелия в XVI в. у туралинских и тоболо-иртышских татар оно стало уступать место хлебопашеству. Однако на Барабе, у чулымских и ишимских татар скотоводство по-прежнему имело главное значение в хозяйстве.

В исторической литературе нередко утверждается, что до прихода русских сибирские татары не знали земледелия или у них было примитивное земледелие, хлебопашеству они научились у русских. С древнейших времен тюркам Южной Сибири было знакомо земледелие. Население Кимакского каганата, особенно живущее в Прииртышье, успешно занималось земледелием, даже возделывало рис.

Выявленные и описанные С.В.Киселевым, Д.А.Граковой, С.И.Руденко и другими археологические материалы позволяют отнести начало сибирского земледелия ко II тысячелетию до н.э. Данные археологов позволяют наметить и примерные границы древнего земледелия Сибири. Наиболее крупными его очагами были Минусинская котловина и Алтай. Оно характеризуется довольно высоким уровнем мотыжного земледелия с применением полива полей. Исследователи полагают, что под воздействием минусинского очага земледелие распространилось дальше на север — в бассейн Иртыша, Ишима и Тобола[4].

Задолго до прихода русских у сибирских татар существовало пашенное земледелие. Оно было распространено по Тоболу, Пышме, Туре, Вагаю, Ишиму, далее — по Иртышу, Оби.

---

[1] Дульзон А.П. Указ. соч. — С. 101.
[2] Там же. — С. 97.
[3] История Сибири. Древняя Сибирь. — М., 1968. — С. 323, 325.
[4] Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 520.

Каждая семья «черных людей, каждое хозяйство феодалов, даже сам Кучум, имели свою пашню, где выращивали хлеб». Ремезовская летопись 5 раз упоминает о хлебных запасах татар в период похода Ермака, особенно в районе Чимги Туры и до Демьяновских ворот. Есть упоминания о татарской пашне у татарского мурзы Епанчи[1].

Казаки Ермака в первую зимовку питались татарским хлебом, а во вторую многие умерли от голода, так как татарское население было уничтожено или бежало в спокойные районы, и грабить хлеб казакам стало не у кого.

О том, что Кучум и его подданные — татары занимались земледелием, видно из грамоты тарского воеводы А.Воейкова. В 1598 г. он сообщает в Москву, что «Кучум с черных вод ушел на Обь реку, с детьми и всеми людьми, где у него хлеб засеян... Кучум имеет посевы хлеба между Иртышом и верхней Обью»[2].

Кроме татар хлебопашеством занимались вогулы двенадцати волостей Туринского уезда, а всего волостей в уезде было четырнадцать. Хлебопашеству вогулы научились от татар. Как традиционные земледельцы, татары и вогулы этого уезда были посажены после завоевания на государеву пашню[3].

А вот еще аргумент. Г.Ф.Миллер, И.Э.Фишер, И.Г.Георги, П.А.Словцов описывают иртышских и тобольских татар как земледельцев. Обнаруженные археологами древние земледельческие орудия в Сибири показывают, что племена Южной Сибири земледельческую культуру освоили в очень давние времена, древние народы Сибири давно употребляли хлеб.

В раскопках Искера археологи нашли сошники татарского типа, середина которых протерта от долгого употребления и спаяна. Н.М.Ядринцев в своем труде «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» пишет, что тюрки Сибири давно начали заниматься земледелием. В период Кимакского каганата в Минусинской котловине существовала сложная ирригационная система протяженностью 40 верст. Предки сибирских татар принесли земледелие на Барабу, оттуда — в Прииртышье и Притоболье[4].

Земледелие в значительной степени является показателем развития этноса. Стимулом к занятию земледелием является нехватка пастбищ. Переход к земледелию предполагает интенсивное использование земельных угодий, что создает условия для увеличения возможностей площадей.

В период Сибирского ханства занимались земледелием татары, живущие по Туре, Пышме, Тоболу, Вагаю. Выращивали хлеб и татары, обитавшие на берегах Томи. Северная граница татарского земледелия в этот период проходила по среднему течению Тавды — месту впадения Тобола в Иртыш. Земледелием не занимались ясколбинские, чатские татары. У барабинских татар было развито мотыжное земледелие. Сибирские татары выращивали овес, ячмень, полбу и просо.

Свидетельством развития земледелия являются материалы раскопок города Искера. Там обнаружено множество орудий труда земледельцев — сер-

---

[1] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири в XVII в. — М., 1956. — С. 13; Сибирские летописи. Изд. Археографической комиссии. — СПб., 1907. — С. 321, 326, 330, 333.

[2] Отписка царю тарского воеводы Воейкова 1598 г. // АИ. — СПб., 1842. — Т. II. — № 1.

[3] Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. — Ч. 2. — М., 1955. — Т. III. — С. 18.

[4] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение... — С. 24, 131, 132.

пы, мотыги, остатки мельничных жерновов. Большой интерес представляет сошник сабана. От долгого употребления его середина изношена, на это место даже наложена заплатка.

Кроме бассейна Туры, Тобола и Иртыша, земледелие было значительно развито по среднему течению Оби, где обитали оседлые томские татары и почвы были плодородными[1]. Сведений о занятии сибирских татар пчеловодством не обнаружено, однако сибирские летописи сообщают, что при штурме усадьбы карачи казаки нашли много меда.

Татары всех регионов Западной Сибири традиционно занимались охотой и рыбной ловлей. Охота в лесных зонах, особенно у ясколбинских татар, и в северной части Барабы, наряду с рыбной ловлей, была одним из основных видов хозяйственной деятельности и источником существования. Охота на пушного зверя удовлетворяла потребности в одежде и, кроме того, служила средством обмена и продажи. Охота на крупных зверей и птиц обеспечивала семью мясом. Для охоты употреблялись стрелы различной формы и величины, силки, ловушки, капканы, рогатины, ножи и др. Туринские, тюменские и тобольские татары охотились на крупного зверя артелью, иногда поодиночке. Охота была пешей, зимой охотились на лыжах. Существовал обычай пешей охоты на лис с нагайкой. Охотились и с кречетом. Зайцев ловили петлями. На горностаев ставили западню. На утку, куропатку и косача ставили петли.

У ясколбинских и некоторых других групп татар, живших на территории крупных рек и озер, рыболовство, наряду с охотой, играло основную роль в пропитании и хозяйственной деятельности семьи. Реки и озера снабжали крупной и мелкой рыбой. Рыба потреблялась в семье, была предметом обмена и торговли. Орудием ловли были всевозможные крючки, сети. Татары отдельных групп ловили рыбу устраивая запруды на реках и озерах.

Были широкоразвиты ремесла. Татары были первыми металлургами Западной Сибири. По преданиям, еще тюрки рода Ашина, проживавшие на Северном Алтае, были искусными металлургами. Волжские булгары и сибирские татары раньше других народов Европы и Центральной Азии научились плавить чугун и производить из него изделия. Умели они плавить железо и медь, знали искусство ковки и выделки из них предметов хозяйствования — ножей, шил, долот, топоров, замков и других, использовали совершенную для того времени технологию и орудия труда[2].

Быт сибирских татар значительно отличался от быта соседних народов. Жилище татар было разнообразным, тип его зависел от природных и климатических условий, форм оседлости. Археологами выявлены такие формы жилища, как прямоугольные полуземлянки с выступающими на поверхность стенами из плетня, обмазанного глиной, или сруб из четырех или пяти венцов с плоскими крышами. Внутренние стены были обмазаны глиной. В городах татары строили жилища из хвойного леса и имели деревянные, навешанные на железные петли двери. В раскопках обнаруживаются следы окон из слюды. На летнее время строились конусообразные шалаши из жердей, обтянутые войлоком или берестой. Южные кочевые группы строили войлочные

---

[1] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 223.

[2] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск: Изд. Томск. ун-та, 1960. — С. 89, 90.

юрты степного типа. Уже до появления русских в Сибири у татар были деревянные срубные дома с плоской крышей[1].

Материалы археологических раскопок позволяют утверждать, что одежда сибирских татар была идентична одежде других групп тюрков, особенно казанских татар. Верхняя зимняя одежда состояла из меха, теплого и ценного. Путешественники отмечали, что татары одеты в ценные меховые шубы, что даже к лыжам для лучшего скольжения, прибиты соболиные шкуры. Мужскую и женскую одежду шили из материала, сотканного из овечьей шерсти на собственном ткацком станке, или из тканей китайского и среднеазиатского производства. Для изготовления одежды бедные применяли крапивную пряжу. Холст из крапивы был мягче и красивее, но менее прочный. Также использовали дикий лен. Обувь изготовлялась в основном из меха и кожи. Зимой носили валенки из овечьей шерсти.

Пища сибирских татар состояла из мяса зверей и птиц, добытых на охоте. По мере развития скотоводства все больше употреблялось мясо домашних животных: конина, говядина и баранина.

Широко использовали в пищу съедобные дикорастущие растения, их корни и плоды. Эти растения употреблялись в пищу еще тюрками-кочевниками.

Развитие различных способов хозяйствования способствовало раннему появлению у татар торгового обмена с близкими и дальними соседями. Внутри ханства существовали обмен и торговля продуктами, мехом, кожей, предметами ремесла. В богатую ценными мехами Западную Сибирь приезжали торговые караваны из других стран.

Средняя Азия, Западная Сибирь, Поволжье и Приуралье с древнейших времен являлись районом международного обмена и торговли. И в период Золотой Орды Старая Казанская дорога продолжала служить связующей артерией между Средней Азией, Западной Сибирью и Поволжьем. В Казани в XVI в. упоминаются «тезики» — купцы-таджики, давшие название Тезицкому оврагу в Казанской цитадели. Одни из ворот Казанского кремля назывались Тюменскими[2].

В Западную Сибирь приезжали торговые караваны из Булгара, нередко в их составе были арабские купцы и мусульманские проповедники. Археологические материалы свидетельствуют, что в Тюменском и Сибирском ханствах международная торговля получила широкое развитие с давних времен. Подтверждением этому являются булгарские изделия, обнаруженные археологами на территории этих государств, — в Искере, Усть-Ишиме, Ильче Бага и др. Булгарские изделия в Западной Сибири представлены украшениями: серьгами, бусами, височными кольцами, браслетами, подвесками из серебра, покрытыми зернью, сканью и др. В Искере найден булгарский замок в виде лошади. Через Волжскую Булгарию в Тюменское ханство поступали венгерские и восточные товары. Булгарские изделия обменивались на пушнину. Булгарская торговля в Сибири развивалась в X — начале XIII вв. Арабский автор XIV в. аль-Омари отмечал, что к востоку от Булгарии расположены Акаидель, Ибирь, Сибирь и Чулыман. Акаидель — земля магометанская[3].

---

[1] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 223.
[2] Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Научные труды. — М., 1959. — Т. IV. — С. 195.
[3] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 24.

Как мы знаем, Булгарское государство перестало существовать в 1236 г., когда оно было завоевано монголами. Тюменское и Сибирское ханства имели хозяйственную, духовную и дипломатическую связь с Казанским, Казахским ханствами и Ногайской Ордой. Особенно тесные связи были с Казанским ханством.

В предыдущих главах книги мы говорили об имевших место межгосударственных браках. Так, старшая жена казанского хана Сафа-Гирея была родом из Сибири[1].

Из Бухары привозились шелковые, бумажные ткани, ковры, сухофрукты, посуда, предметы украшения. Китайцы доставляли шелк, фарфоровую посуду.

Одни из привезенных из дальних стран товаров татары потребляли сами, другие вывозились ими соседям. Сибирские татары и сами торговали также в Китае, на рынках Средней Азии. Торговый путь в Китай проходил по Иртышу, потом — по суше. Город Искер, или, как его называли русские, Сибирь, был знаком издавна русским промышленным людям и торговцам как центр меновой торговли, где происходила мена пушнины и других товаров этого богатого края на различные изделия Востока.

§ 5. Духовная жизнь сибирских татар

Духовная жизнь сибирских татар развивалась на общетюркской основе. После принятия ислама на духовную жизнь сильное воздействие оказали исламская идеология и исламская культура. На общетюркской основе и под влиянием местных, сибирских, особенностей развивались различные жанры фольклора. В народе были широко распространены исторические предания, сказки, песни, баиты, пословицы и поговорки[2].

У сибирских татар развивались свои семейные и общественные обряды, сложилась народная педагогика — система воспитания детей, вырабатывались и сложились нормы общественного поведения.

Богатое народное творчество татар стало известно русским уже в XVII в. Легенды, предания, исторические песни, баиты и другие жанры татарского фольклора привлекали внимание исследователей. Отдельные памятники устного народного творчества сибирских татар — исторические песни, предания, легенды включены в Есиповскую, Ремезовскую и Кунгурскую летописи. В них отражена жизнь татарского населения до ханского периода, а также образование ханств с центром в Ишиме, Тюменского и Сибирского ханств, ярко отражаются события периода существования ханств[3].

Фольклор сибирских татар привлекал внимание Г.Ф.Миллера, И.Э.Фишера, а позднее В.В.Радлова и Н.Ф.Катанова. В.В.Радлов посвятил четвертый том своего многотомного исследования творчеству сибирских татар[4]. Н.Ф.Катанов в выпуске VII «Ежегодника Тобольского губернского музея»

---

[1] Казанская история. — М.; Л.: АН СССР, 1954. — С. 90.

[2] Валеев Ф.Т. Сибирские татары. — Казань, 1992. — С. 149–150.

[3] Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова. Исторические известия. — СПб., 1916. — № 3, 4.

[4] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — Ч. 4. Наречия барабинцев, тюркских и тюменских татар. — СПб., 1872.

опубликовал две статьи под названием «Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в Искер».

Религиозная жизнь сибирских татар изучена недостаточно, хотя еще Г.Ф.Миллером была поднята эта проблема. Сохранившиеся источники дают отрывочные сведения о религии татар Западной Сибири до конца XVI в.

Как известно, древние тюрки, в том числе предки сибирских татар, главным богом считали Тенгри. Тенгри — это отражение космогонических представлений тюрков, Тенгри — олицетворение солнца, неба. Все тюрки поклонялись ему. Другим названием Тенгри был Кюк, Кюкляр. Позднее начал употребляться персидский аналог этого слова — Кудай (Ходай).

Кроме Тенгри у сибирских татар были свои местные божества. Итальянский путешественник Марко Поло, описывая сибирских татар в начале XIII в., писал, что они своего бога делают из войлока и называют Натагай, делают ему жену и называют обоих богов Натагаем, говорят, что они боги земные: охраняют их хлеб, и скот, и все земное[1].

Несмотря на наличие письменности у древних тюрков, тенгрианская религия не имела писаных книг. Так же было и у сибирских татар. Ислам, принятый сибирскими татарами в XIV в., ожесточенно боролся против тенгрианства. Несмотря на это, тенгрианских пережитков у сибирских татар сохранилось больше, чем у казанских, и некоторые пережитки переплетались с исламом. Например, местом почитания сибирских татар были святые места, связанные с мусульманским культом, природой. Почитали выдающихся размеров холмы, озера, камни и др.[2].

В древности сибирские татары хоронили покойников в гробу. Над могилой исполняли обрядовую песню — талкын. В честь погребенного готовили ритуальное угощение. Приносили в жертву лошадь. Мясо съедали, а из кожи делали чучело лошади и хоронили вместе с покойником.

Многие аспекты тенгрианской религии хорошо сохранились у южносибирских тюрков, не принявших ислам, — у алтайцев, шорцев, телеутов, теленгитов, хакасов и др. Л.П.Потапов, посвятивший специальное исследование этой проблеме, описывает многие поверья, постулаты тенгрианцев, сохранившиеся у современных алтайцев[3]. Предки алтайцев и сибирских татар исповедовали одну и ту же религию — тенгрианство. В связи с миграцией древних тюрков на Барабу, в Прииртышье, Притоболье, Приобье тенгрианство проникало в Западную Сибирь. Поэтому по сохранившимся рудиментам тенгрианства у алтайцев мы можем представить многие аспекты древней религии сибирских татар. Отдельные пережитки тенгрианства сохранились у сибирских татар до нашего времени.

По представлению древних тюрков, каждый объект или явление имели своего хозяина, часто с антропоморфным или зооморфным обликом. Алтайцы такому хозяину-двойнику дали название «ээ» («ия»).

В христианстве и исламе есть понятие «душа», в тенгрианстве это — «кут».

---

[1] Алексеев А.А. Сибирь в известиях иностранных путешественников. — Иркутск, 1941. — С. 34–36.

[2] Белич И. Культовые места сибирских татар // Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии в 1913–1914 гг. — Тобольск, 1915. — С. 41.

[3] Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991.

Но они нетождественны по значению. Если душа покидает человека — он умирает, а если выходит из человека «кут», он остается жив. У алтайцев «кут» может ночью выйти из носового отверстия человека и вернуться обратно. Когда человек видит кого-нибудь во сне, то он видит не самого этого человека, а только его «кут»[1]. «Кут» в тенгрианской религии не душа, а духовная сила человека, его разум. Французский исследователь Жан Поль Ру связывал «кут» с тенгрианством.

Тенгрианцы верили, что с появлением младенца на свет появляется и его «тын» (дыхание). Если младенец без «тына» (не дышит), то он неживой.

Жизненное начало зародыша в утробе женщины возникает от солнечного луча, падающей звезды. Если замужняя женщина не беременела, то алтайские шаманы сдували «зародыш» на детей. А «зародыши» висели на священных березах, как листья.

В утробный период жизни младенца опекает женское небесное божество Умай. Ребенок и после рождения находится под покровительством Умай-ана, покровительницы рожениц и новорожденных младенцев.

Вместе с ребенком появляются на свет его «кут» и «тын», и они сопровождают его всю жизнь. Если «кут» покидает человека и не возвращается, его покидает и его «тын», и человек умирает: «тын сорвался» («тын узелде»). «Кут» умершего переселяется в подземный мир[2].

«Кут» известен и по руническим надписям. Малая надпись Кюль-Тегина начинается так: «Тәңгри тәг тәңридә». Перевод этих слов дает С.Е.Малов: «небоподобный», «неборожденный»[3]. Еще одну фразу: «Тәңгри йарлыкадыңы учун, озим кутым бар учун, каган олуртым» Малов перевел так: «По милости неба и потому, что у меня самого было счастье».

По поверью тюрков, «кут» растений располагался в земле и оттуда проникал в растения.

Кыргызы в XVII в. полагали, что «кут» детей и домашних животных посылался им женским божеством Умай и божеством огня («От-ана»). Кыргызы изготовляли из олова или свинца изображение «кут» и хранили его в сундуке, передавали по наследству. Умай замещала «кут» ребенка и тем самым спасала его от недобрых сил.

Л.П.Потапов пишет о современном представлении Умай алтайцами. По их поверьям, «кут» ребенка, когда спускался на землю, был слабым и беспомощным, поэтому вместе с ним спускалась с небес и Умай, которая охраняла его и в утробе матери вместе с «зародышем» ниспосланного ребенка. Она помогала ребенку при появлении на свет, вступая иногда в борьбу со злым духом, который препятствовал этому, тянул ребенка к себе. Умай не только оберегала ребенка, но и ухаживала за ним, развлекала его, разговаривала с ним по-своему. Они хорошо понимали друг друга. Забота о ребенке Умай продолжалось до того времени, как он начинал свободно говорить, примерно до 5–6-летнего возраста.

По представлению алтайцев, в 5–6-летнем возрасте ребенок вставал на ноги, то есть становился бойким и энергичным («паскан бала»). Его обще-

---

[1] Потапов Л.П. Указ. соч. — С. 34.
[2] Там же. — С. 29.
[3] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951. — С. 27.

ние с Умай полностью прекращалось. Теперь двойник ребенка назывался «кут».

У северных телеутов по достижении ребенком указанного возраста кам по просьбе родителей устраивал специальный обряд в честь Ульгеня или другого, пославшего «кут» к ребенку божества, с жертвоприношением домашнего животного, при котором испрашивалось долголетие ребенку[1].

Аналогичные представления о небесном божестве были характерны и для других сибирских народов. У «кут» был синоним «сур», обозначавший внешний облик, призрак, образ. Н.А.Баскаков допускает его заимствование от арабского «сурат» (вид, изображение, рисунок)[2].

После смерти человека его «кут» превращается в «узут», живет под землей, людям не вредит. Как рудименты прошлого, слова «кут» и «тын» сохранились у сибирских и казанских татар и в настоящее время. Встречаясь с каким-либо опасным явлением или событием, они говорят: «Котым чыкты, котым чыга язды» (Из меня вышел мой «кут», из меня чуть не вышел мой «кут»).

Тенгрианская религия древних тюрков прослеживается по руническим надписям Енисея и Горного Алтая, она подтверждается также археологическими материалами.

В ряде мифов алтайцев и телеутов на небесах было божество Ульген, в подземном мире — Эрлик[3].

Тенгрианская религия носила виртуальный характер — в ней отсутствовало письменное изложение теологических основ, заповедей, запретов, канонических правил, текстов молений божествам, духам. Все покоилось только на устной и визуальной базе, крайне простом и небольшом по количеству ритуальном инвентаре. Религия держалась силой традиции. Длительная изоляция тюркских племен от других религий и от влияния их проповедников обеспечивала стойкость традиций. Но в мире не бывает ничего вечного. В результате войн и набегов соседних племен и народов возникали интенсивные контакты между тюркскими и другими родоплеменными группами.

В условиях отсутствия государства не было объединенного начала тенгрианства, к тюркским племенам стали проникать христианство, буддизм и ислам. А к племенам, остававшимся при своей древней религии — тенгрианстве, от соседей — угров, самодийцев, палеоазиатов, тунгусов проникал шаманизм. Однако у тюрков традиционные классические основы тенгрианства остались.

Китайские источники содержат значительный перечень конкретных законов и правил этики древних тюрков, за нарушение которых полагалось суровое наказание светской власти, вплоть до смертной казни. Смертью каралось, например, убийство или насилие над замужней женщиной. Штрафом наказывалось обесчещение девушки, ранение в драке, воровство и т.д.

Древнейшая религия тюрков, существовавшая еще до хуннов, в хуннскую эпоху, в древнетюркское время в Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европе, после распада древнетюркских государств, в связи с миграцией тюрков, все более распространялась в Западной Сибири, Восточной Евро-

---

[1] Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. — 1929. — Т. 8. — С. 254.

[2] Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. — 1978. — № 6.

[3] Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. — Л., 1924. — С. 17–19.

пе. Предки племен теле и тюкю принесли тенгрианство в верховья Оби и далее, вплоть до современного Томска и Барабинской степи[1]. Другие предки сибирских татар распространили религию в Прииртышье и Притоболье.

Эта древнейшая религия тюрков и монголов, в отличие от классического язычества, в том числе шаманства сибирских племен, была ближе к монотеистической религии, так как у нее был верховный единый бог Тенгри (у алтайцев — Ульген).

В связи с тем, что тенгрианская религия древних тюрков была ближе к монотеизму, тюрки относительно легче приняли монотеистическую религию с единым богом — Аллахом. Ислам проник даже в лесостепи и степи Западной Сибири, к предкам сибирских татар. Ислам приняли и монгольские правители Золотой Орды.

В силу географической отдаленности от исламских центров тюрки Саяно-Алтая, якуты продолжали исповедовать свою прежнюю религию.

В древнетюркских письменных памятниках, в частности в словаре М.Кашгари и в «Кудадгу билиг», служитель культа тенгрианцев назван словом «кам». Основными функциями камов, по классификации Ж.-П.Ру, были лечебная магия, путешествие на небо, предсказания и прорицания. У сибирских тюрков, в том числе сибирских татар, древнее понятие «Йер-су» сохранилось до наших дней[2].

Сибирские татары в настоящее время исповедуют, как мусульмане Средней Азии и казанские татары, ислам суннитского толка с его ханафитской обрядностью.

Ф.Т.Валеев, ссылаясь на труд В.П.Даркевича, предполагает возможность распространения ислама в Западной Сибири волжскими булгарами и непосредственно представителями арабского духовенства. Древний торговый путь от Волги в Западную Сибирь пролегал по Каме, по ее берегам, и археологами найдено много предметов восточного арабо-персидского производства.

В.П.Даркевич сообщает о случае отправления из Волжской Булгарии арабского каравана из двадцати верблюдов к берегам Енисея. По традиции в арабских караванах были дипломаты и проповедники ислама[3]. Есть также предположение, что ислам среди сибирских татар начал распространяться в эпоху Золотой Орды при хане Узбеке.

Из имеющихся источников большую ценность представляют две рукописи на татарском языке, хранящиеся в библиотеке Тобольского губернского музея. Перевод этих рукописей на русский язык был опубликован Н.Ф.Катановым в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири» в 1904 г.[4].

Одна из рукописей объемом 4 страницы написана Саад Ваккасом, сыном Реджаба Аллакулова, другая — Кашшафом Абу Сеидовым на 3 страницах.

---

[1] Лидендау Я.И. Описание народов Сибири. — Магадан, 1983. — С. 148.

[2] Древнетюркский словарь. — Л., 1969. — С. 413.

[3] Валеев Ф.Т. Указ. соч. — С. 171; Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. — М., 1976. — С. 48, 77.

[4] Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. XV. — С. 3–28.

Согласно рукописям, в 797 г. по хиджре (27.X.1394 г. — 15.X.1395 г. по юлианскому календарю) 336 шейхов, по приказу основателя ордена Накшбанди Ходжи Багауддина, с присоединившимся к ним ханом Кок Орды Шейбаном, с 1700 всадниками-героями спустились по Иртышу в места, где жили прибывшие из страны Чин и Мачин (Китай) народы: хотаны, ногаи и кара-кипчаки. Они не имели своей истинной веры, поклонялись куклам (идолам). «Все они были татары» — говорится в рукописи. На Иртыш прибыл к тому времени еще один народ под руководством Тарган-хана, вместе с которым жили остяки-язычники. Ходжа Багауддин приказал шейхам «пригласить эти народы к исламу, а если не примут вашего предложения, то учинить с ними великую войну за веру».

Все эти народы отказались принять ислам. Была великая война; шейхи и их воины сражались как истинные храбрецы. Язычников и татар истребили великое множество. Не оставили ни одну реку, ни одного озера, ни одного болота, ни одного оврага, на берегах которых жили татары и язычники. Но и сами понесли тяжелые потери.

Оставшиеся в живых остяки, не приняв ислам, убежали в леса, пришедшие с Тарган-ханом ушли обратно в Китай. Хотаны, ногаи и кара-кипчаки приняли ислам.

Воины Шейбан-хана в количестве 1448 человек пали, оставшиеся 252 героя вернулись в Кок Орду. Погибли также в боях за веру 300 шейхов. Из 66 шейхов, оставшихся в живых, трое остались в Сибири для обучения вере, 63 вернулись в Бухару.

После этих событий в Западной Сибири утвердился ислам. Открылись пути, вдоль Иртыша стали проходить караваны и приезжать ученые люди, служители культа и просветители. У сибирских татар появилась арабская письменность вместо рунического письма, открывались мечети, школы. В Западную Сибирь пришла исламская культура.

В рукописях говорится, что через некоторое время после религиозной войны к татарам приехали несколько руководителей ордена Накшбанди, в их числе имам Давлетшах и шейх Шерпети из Бухары, шейх Искандер из Хорезма, установили над могилами наиболее выдающихся погибших шейхов мавзолеи, попросили местное население ухаживать за ними. Выявили 39 могил погибших шейхов, были установлены их имена. Могилы остальных шейхов остались неизвестными.

Захоронения погибших шейхов, внедрявших ислам в тоболо-иртышском регионе, считаются у сибирских татар священными. Могилы 39 шейхов, погибших за ислам, увековечены народом, над ними сооружены надгробия — четырех-, шести-, восьмигранные срубы, и называются они «астана». Большинство из них находится на кладбищах, где продолжают хоронить и в настоящее время.

Так начинался, по преданиям, ислам в Сибири. Но в этих преданиях имеются фразы, которые требуют особого внимания. В них имеются слова «татары и язычники», которые наводят на мысль о распространении в какой-то мере среди татар ислама до описанных в преданиях религиозных войн. В рукописях ничего не говорится о том, были ли приверженцы ислама в Прииртышье до описанных событий.

Как известно, при хане Узбеке (правил в 1313–1342 гг.) Притоболье и

Прииртышье под названием «Ибирь, Сибирь и Чулыман» входили в состав Золотой Орды. Узбек на всей территории Улуса Джучи ввел ислам как государственную религию. Возникает вопрос: был ли внедрен у сибирских татар ислам в тот период? В источниках об этом ничего не сообщается.

Следующая волна внедрения ислама в Западной Сибири произошла при хане Кучуме мирным, просветительским путем. Отдельные группы татар, проживавшие в отдаленных местах, в 1394–1395 гг., не приняв ислам, остались при своей старой вере. Кроме того, после этих событий мигрировали в Западную Сибирь новые волны тюрков-немусульман. Поэтому Кучум решил всех татар-немусульман обратить в ислам и в 1572 г. обратился к бухарскому хану Абдулле с просьбой направить в Сибирь законоведа по шариату и проповедника ислама. Об этих событиях повествуют два предания сибирских татар, записанные и опубликованные академиком В.В.Радловым[1].

Первое предание рассказывает о приезде в Сибирь исламских проповедников из Бухары по обращению в 1572 г. к правителю Бухары сибирского хана Ахмет-Гирея. Вторая — о приезде в Сибирь исламских миссионеров под руководством Ахмет-Гирея, направленных правителем Бухары по просьбе хана Кучума. Второе предание более точно сообщает имена участников событий и подтверждается другими историческими источниками. Действительно, брат Кучума Ахмет-Гирей приехал в Искер, и они вместе правили 4 года, потом Ахмет-Гирей был убит своим тестем, казахским ханом Шыгаем.

По требованию хана Абдуллы ургенчский хан Аллагул направил к Кучуму сеида Ярыма и для пропаганды ислама — шейха Шербети. Кучум их встретил с большими почестями и Ярыма назначил главным сеидом ханства. Шербети занимался внедрением ислама, выявлением могил святых шейхов, погибших за ислам в 1394–1395 гг.

Через два года сеид Ярым умер, а Шербети переехал в Бухару. Кучум во второй раз обратился к бухарскому хану. В ответ Абдулла хан направил в Сибирь сеида Дин Али Ходжу и того же шейха Шербети. Кроме того, Кучум пригласил из Казани многих представителей духовенства. Ему удалось значительно укрепить позиции ислама и нравственность в ханстве. Открывались мечети, школы, возросла образованность, появились ученые люди, книги.

Татарские предания рассказывают, что у Кучума была библиотека, которая была уничтожена при завоевании Искера русскими.

С помощью ислама, его идеологии Кучум стремился укрепить свою власть и ликвидировать центробежные силы среди татарской знати.

Кучуму нелегко было внедрить ислам во всех владениях ханства. Некоторые татарские роды, расположенные вдали от столицы, остались при своей старой вере. Кроме того, после 1394–1395 гг. с юга в Западную Сибирь пришли новые группы тюрков, не исповедующих ислам. Еще при Г.Ф.Миллере отдельные роды в Прииртышье на Барабе также оставались при старой вере.

Принятие ислама было поворотным событием в жизни сибирских татар. Оно открыло путь к передовой исламской цивилизации. Ислам сыграл боль-

---

[1] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. — Ч. 4. — СПб., 1872. — С. 212–215; Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г.Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. 1897. — Вып. 7. — С. 51–61.

шую роль в укреплении государства сибирских татар, содействовал избавлению сибирских татар от отжившей тенгрианской религии. Приняв ислам, татары усвоили основы мусульманского правоведения (фикх), свода мусульманского права. Важнейшее значение принятия ислама состояло в том, что в населенных пунктах открывались мечети, а при них — начальные школы (мектебы). Благодаря исламу здесь распространялись арабский и персидский языки, а также арабская культура. Принятие ислама еще более сближало сибирских татар с родственными казанскими татарами, предки которых приняли ислам еще в X в. Ислам способствовал усилению связи сибирских татар с тюрко-мусульманскими народами Средней Азии. В Западную Сибирь из Средней Азии пришли мусульманское духовенство, образованные люди, вместе с ними — религиозные и светские книги. Старое руническое письмо сибирских татар было заменено арабским. Появились среди сибирских татар образованные люди, распространялась грамотность.

У сибирских татар, принявших ислам, еще оставались доисламские пережитки. Сохранилось почитание святых мест. Почитали выдающиеся по размерам холмы, озера, деревья, камни и др.

Ислам был официальной религией в Тюменском и Сибирском ханствах, постепенно стал единственной религией сибирских татар. Ислам, его идеология, помогли населению Сибирского ханства выжить в условиях жесточайшего экономического, национального и религиозного геноцида после завоевания земель ханства Московским государством.

§ 6. Общественное и государственное устройство сибирских татар

В XVI в. общественный строй сибирских татар не был однороден во всех частях Сибирского ханства. Туринские, верхотурские, тюменские и большинство тобольских татар были оседлыми. Занимались они пашенным земледелием, стойловым скотоводством. Оседлый образ жизни вели томские и чатские татары, у которых во второй половине XVI в. происходил процесс перехода от мотыжного к пашенному земледелию. Полуоседлыми были часть тобольских, иртышские и тарские татары. Барабинские татары в XVI–XVII вв. вели еще кочевой образ жизни.

Внимательное изучение исторических источников приводит к выводу, что государственность сибирских татар была создана самим аборигенным населением Западной Сибири как результат достигнутого ими уровня внутреннего развития. Утверждение отдельных исследователей о том, что татарское государство в Западной Сибири создано Чингизидами, в частности Хаджи Мухаммедом, не соответствует действительности и не подтверждается источниками. Государствообразующим этносом здесь выступили сибирские татары.

В Западной Сибири до Шибанидов правили ханы Тайбугинской династии. Поэтому государственное устройство Тюменского ханства было несколько иным, чем в других, образованных после распада Золотой Орды, татарских ханствах, но имело заложенные в древнетюркских государствах общие тюркские корни. В связи с приходом к власти Шибанидов Ибака и Кучума могли произойти определенные изменения в государственном устройстве Тюменского и Сибирского ханств.

Феодальные отношения в Ишимском ханстве переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений. В период образования Тюменское ханство было раннефеодальным государством. Во время правления Ибака Тюменское и Сибирское ханства были феодальными государствами, но в силу исторических условий в них сохранились некоторые патриархальные явления. Тюменское ханство в конце XV в. было в достаточной степени сильным, но оно значительно ослабло после образования Сибирского ханства из-за борьбы между Тайбугинами и Шибанидами.

В Золотой Орде ханами могли быть лишь Чингизиды. Так было и в тюркско-татарских государствах, образованных после распада Золотой Орды. Исходя из этого отдельные исследователи правителей тюркских государств, образованных до Золотой Орды, называют русским термином «князь» или арабским словом «эмир». Сибирские татары свои государства называли «Төмән йорты» (Тюменский юрт), «Себер йорты» (Сибирский юрт). Сведения о том, как они называли правителей-Тайбугинов Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств, отсутствуют. Правителей-Тайбугинов этих ханств Г.Ф.Миллер называет то ханами, то князьями. Автор данной монографии считает возможным называть правителей Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств древним тюркским титулом «хан». Употребляют же историки данный титул для обозначения правителей Великой Болгарии, или Волжской Булгарии.

Ханы сибирских татарских государств избирались феодалами — султанами, мурзами и тарханами. Государственное устройство носило полувоенный характер, общество делилось на сотни — улусы во главе с феодалами. Власть хана была неограниченной, хотя наличие карачи, как сообщают нам сибирские летописи, предполагает, что у него, как в Казанском и Крымском ханствах, был совет — диван. Он состоял из знатных феодалов, которые назывались карачи, или карача. В Казанском и Крымском ханствах было по четыре карача. Сибирские летописи сообщают о действиях только одного карачи, но это не значит, что в Сибирском ханстве был только один карача.

У хана была своя регулярная военная дружина. В случае опасностей и войн феодалы являлись к нему со своими воинами, набранными из податных людей. Войско хана состояло из кавалерии и пеших воинов.

Государственный аппарат Тюменского и Сибирского ханств был небольшим, он состоял, помимо хана, из ясаулов, визирей, карачи, сборщиков налогов, которых называли даругами. Султаны, беки, мурзы и тарханы в своих улусах были полновластными хозяевами. Феодалы со своей стражей, прислугами, ремесленниками, крупными торговцами жили в городках[1].

Раннее разложение первобытнообщинного строя у сибирских татар привело к выделению сильной местной знати. Она сосредоточивала в своих руках право распоряжения пашнями, кочевьями и другими угодьями, постепенно превращая их в частную собственность.

Феодальная знать состояла из султанов, беков и мурз. Султаны — наследники престола, принцы. Беки — феодалы, занимающие государственные должности; мурзы — наследственные феодалы. Только старший сын бека мог получить должность бека, остальные его сыновья были мурзами.

---

[1] Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири в феодальную эпоху. — Томск, 1967. — С. 36.

Беки и мурзы покоренных территорий собирали ясак со своих податных людей и определенную его часть приносили хану. В случае опасностей и войн они были обязаны предоставить в распоряжение хана боевую дружину, состоящую из своих податных людей, сами также участвовали в боевых действиях. Кроме них, были еще тарханы.

Это звание давалось ханом бекам и мурзам за добровольное подчинение или особые заслуги перед ним. Тархан и его собственность были неприкосновенными, его обязанность перед ханом состояла в воинской службе вместе со своей дружиной.

Масса трудового татарского населения — земледельцы, скотоводы, рыболовы, охотники называлась «черными» улусными людьми. Они были обязаны нести военную службу в отряде улусного предводителя, подносить ежегодные «подарки» феодалу продуктами скотоводства или своего промыслового хозяйства. «Черные люди» покоренных соседних племен обязаны были платить хану ясак, главным образом пушниной, и поставлять воинов для ханских военных походов. Подвластные тархану «черные люди» не платили ясак хану.

В ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея перечисляются 13 видов податей, источники не содержат сведений о видах и объеме ясака в сибирских татарских ханствах. По русским ясачным книгам начала XVII в. видно, что ясачными считались здоровые мужчины от 18 до 55 лет[1].

В центральной части ханства существовала частная собственность хана, феодалов на пастбища, пахотные земли, источники воды. Феодальные отношения, особенно на Барабе, переплетались с пережитками патриархальных отношений.

Развитию феодальных отношений и общественному развитию в ханстве способствовало развитие ислама, который являлся официальной религией. У ханов был свой правовой институт, основанный на нормах мусульманского права (шариата) и на нормах традиционного тюркского права.

В Сибирском ханстве, как и в остальных татарских государствах, большим влиянием пользовались религиозные верховные руководители — сеиды, считавшиеся потомками пророка Мухаммада. Они возглавляли духовенство. Д.М.Исхаков, специально исследовавший место и значение сеидов в татарских государствах, пришел к выводу, что сеиды играли важную роль в делах государства и занимали высокое положение[2].

Источники сообщают о наличии в Казанском и Крымском ханствах одновременно нескольких сеидов, но только один из них был верховным. В Сибирском ханстве при Кучуме один за другим были сеиды Ярым (1572–1574), затем Дин Али Ходжа (с 1574 по 1575 гг., до завоевания ханства русскими), которые по просьбе Кучума были направлены в Сибирь бухарским ханом Абдуллой. Татарский историк Хади Атласи сообщает, что до Ярыма и Дин Али Ходжи в Сибирском ханстве были сеидами Тобычак и Алаутдин. В татарских ханствах сеиды своим положением уступали лишь хану и карачи. О сибирских сеидах пишет и Г.Ф.Миллер; в XVIII в. потомки сеида Дин Али Ходжи жили в Тобольске и окрестных селениях.

---

[1] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. — С. 114.

[2] Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских государствах. — Казань, 1997. — С. 53–64.

Сибирское ханство не представляло собой централизованное государство. Оно было разбито на ряд мелких улусов, или княжеств, которые только до известной степени признавали власть хана. В этом заключалась слабость Сибирского ханства.

Сибирские летописи пишут, что в мае 1582 г. объединенные силы шести татарских мурз встретили отряд Ермака у впадения р. Туры в Тобол и несколько дней воевали с казаками. По-видимому, эти мурзы были улусными князьями. Летописи сообщают имена князей томских татар: Тоян, Евага и Басандай.

Кучум предпринял ряд мер по укреплению центральной власти в государстве. Он установил тесные добрососедские отношения с сопредельными вогульскими и остяцкими княжествами — с Пелымским княжеством вогулов, с Нарымским остяцким княжеством и Пегой ордой селькупов. Кучум понимал, что зависимое положение Сибирского ханства от Московского государства приведет к полной потере независимости татарского государства. При Кучуме Сибирское ханство стало независимым государством. Однако у Кучума было мало времени для укрепления ханства. Русское государство готовилось к завоеванию Сибири.

Как было сказано выше, Тюменское и Сибирское ханства имели тесные хозяйственные, культурные и государственно-политические отношения с Казанским ханством. Казанское и Тюменское, позднее Сибирское ханства были соседними государствами, хозяйственные и культурные отношения между ними были тесными. Их сближали общие тюркские корни, единство духовной культуры и религии. Разновидность хозяйственной жизни Казанского, Тюменского и Сибирского ханств способствовала развитию торговли между ними. Еще в период существования Волжской Булгарии торговые караваны с берегов Волги направлялись «в страну Ибирь, Сибирь, Чулыман» — на берега Чулыма[1].

В целях укрепления независимости Казанского ханства Ибак поддерживал деятелей восточной партии Казани, борющейся против московского вмешательства в дела Казанского ханства. Видные деятели этой партии Алказый, Тевеккель, Касим Саид Бегиш, Утеш и «иные их товарищи» в опасные периоды находились в Чимги Туре. Борьба деятелей Тюменского ханства за защиту независимости Казанского ханства продолжалась и после гибели Ибака, в период правления Мамыка и Кулук-Салтана. Сибирские правители поддерживали тесную связь с видным политическим деятелем Казанского ханства князем Ураком.

Отдельные личности из сибирских татар активно участвовали в делах Казанского ханства. Сибирские богатыри из рода Бадрак — князья Бибарс Ратов и Янбарыс Растов со своими сородичами занимали ответственные посты в правительстве Казанского ханства, были военными деятелями и дипломатами. Они были предательски убиты московским ставленником в Казани Шах-Али ханом 16 августа 1551 г.[2].

Таким образом, первым государством сибирских татар было ханство, образованное в конце XI — начале XII в. на территории приишимских степей. Недолгое время существовало татарское ханство на Ишиме, по преданиям образованное ханом Он-соном.

---

[1] Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 243.

[2] Идел. — 1995. — № 1. — 16 б.

Следующим этапом татарской государственности в Западной Сибири было образование ханом Тайбугой Тюменского ханства, которое постоянно расширялось и укреплялось. Своего могущества оно достигло при хане Ибаке. Последней стадией государственности сибирских татар было Сибирское ханство, которое расширялось территориально и значительно усилилось при хане Кучуме.

Предчувствуя угрозу со стороны Москвы, Кучум предпринял меры по предотвращению агрессии, установил идеологические и дипломатические связи с государствами Средней Азии. Однако развитие производительных сил Сибирского ханства значительно уступало уровню Московского царства. В конце XVI в. Сибирское ханство оказалось перед угрозой агрессии со стороны Московского государства.

Глава V

Завоевание Сибирского ханства Русским государством

§ 1. Колонизация русскими Югры

Завоевание Сибирского ханства Русским государством и колонизация Сибири в российской исторической и социально-политической литературе представлены в довольно искаженном виде. «Фальсификации, отступления от исторической правды коснулись не только советского периода, но и многих страниц многовековой дореволюционной истории, многие страницы истории, в первую очередь такие, как присоединение нерусских народов к России, их национально-освободительное движение», — пишет известный историк К.Н.Сануков[1]. Драматические страницы взаимоотношений Российского государства, русского народа и сибирских татар в угоду идеологическим установкам или затушевывались, или подавались односторонне. А.Г.Бахтин, исследовавший русско-казанские отношения XVI в., отмечает: «...необходимо учесть, что в основе их лежал принцип силы... Мирное сосуществование соседей было возможно только при равновесии сил. Если такое отсутствовало, то неизбежно предпринимались попытки поставить слабого в ту или иную степень политической зависимости. Этого добивались дипломатическими, экономическими и военными средствами»[2]. Не были исключением и отношения между Российским государством и Сибирским ханством. Российское государство обладало военным и экономическим превосходством.

«Колонизацию считают одним из основных факторов русской истории, так как в тесной связи и определенной зависимости от нее находились все другие явления нашего исторического прошлого... — писал русский историк В.И.Огородников. — Но как только колонизация начиналась, она в значительной степени определяла и питала как хозяйственный уклад жизни русского народа, так и его общественные отношения и государственный строй»[3].

---

[1] Сануков К.Н. Проблемы изучения присоединения народов Поволжья к Русскому государству // Ученые записки Татарского гуманитарного института. — Казань, 2003. — С. 45.

[2] Бахтин А.Г. Об изучении истории Казанского ханства в высших учебных заведениях // Ученые записки Татарского гуманитарного института. — Казань, 2003. — С. 12.

[3] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 1, 2.

Агрессия Русского государства в Сибири имеет длительную историю. Продвижение на Северную Двину, Печору и Зауралье начал Великий Новгород, и продолжило Московское Великое княжество. Новгородские охотники, а за ними купцы и бояре, после колонизации и освоения земель финских племен Окско-Волжского междуречья, начали свое продвижение на Северную Двину и Печору.

Новгород нуждался в пушнине для торговли с западными странами. Расширяя свою хищническую деятельность на промысловых угодьях всего обширного Заволочья (территория в бассейне Северной Двины и Онеги) уже в XI в. он сделался хозяином печорского пути, открывавшего ему дорогу в «полуночные страны, за Югру и самоядь». К самому началу XII в. надо, повидимому, отнести преодоление трудностей этого пути, казавшегося непроходимой пропастью, покрытой снегом и лесом[1].

В 1032 г. новгородцы дошли до Урала, но потерпели поражение от местных племен. С этого года учащаются походы новгородцев на Югру. Северная часть Западной Сибири была известна новгородцам как Югорская земля, или Югра, куда отправляли ушкуйников для пушного промысла, меновой торговли и сбора дани с аборигенов.

С.В.Бахрушин считает, что оба склона Северного Урала получили название Югра. Югра — от коми-зырянского слова «йогра», означает дикие люди. Так называли обитавших в северо-восточном углу Северного Урала и в северо-западных землях Западной Сибири вогулов и остяков, предков современных манси и хантов.

Уже в XI в. бассейн Печоры и Северной Двины и Югорская земля считались одной из «волостей» Великого Новгорода. Русская колонизация, углубляясь на восток, постепенно дошла до Уральского хребта.

Процесс колонизации Сибири происходил постепенно и поэтапно. Как только занималась та или иная местность, тотчас же заселялась вначале служилыми людьми, которые строили укрепления, остроги, облагали данью в виде пушнины и серебра местное население, затем на новые земли прибывали вольные промышленники[2].

Рассказы о пушных богатствах за Уралом, о необыкновенных жителях далекой «восточной страны», стремлении русских промышленников и бояр овладеть землями и богатством народов, проживающих в ней, стали частью идеологии.

Одно из сочинений того времени «Сказание о человецех незнаемых и восточной стране и языцех разных» зафиксировано в русских летописях. В нем повествуется о Западной Сибири, о самоедах и других племенах, их быте, занятиях. Автора сочинения тянет эта сказочная земля, в которой все носят «соболиное платие, рукавицы и ногавицы», в «Сказании» отражается стремление утвердить свою власть в этой сказочно богатой стране. А страна эта огромная — она начинается с берегов «Ледовитого моря», включает реку Обь по всему течению, до верховьев, тюркские и монгольские земли, даже ал-

---

[1] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. — М., 1928. — С. 144.

[2] Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. — М., 1980. — С. 11.

тайские копи[1]. Еще в XV в. появились сведения «о Сибирской земле» по нижнему течению Тобола и Иртышу, жителями которых были «сипыры»[2].

Местное население оказало русским упорное сопротивление. В 1187 г. новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре и за Волоком, погибло около ста человек. Восстание, как видно, было в разных местах и в одно и то же время. В 1193 г. новгородцы пошли ратью за Урал, в Югру, с воеводой Ядреем; в Югре взяли один город, потом осадили второй и стояли под ним пять недель. Но хитростью аборигенов было истреблено большинство русских, спаслись очень немногие[3].

На Печору и Югру за торговцами устремились новгородские бояре, которые проявили энергичную деятельность. Они организовали ватаги для ушкуйников, бросая их на промысел. На своем пути они строили зимовья, слободки и укрепленные городки, которые использовались как базы для захвата и завоевания новых земель, закабаления их населения[4].

Позднее завоевателем Печоры и Югры выступило Новгородское государство, которое к середине XIV в. дошло до р.Таз. Оно снарядило военные экспедиции для сбора дани с туземцев. В конце XIV в. Югра стала владением Великого Новгорода, население платило дань пушниной, рыбой и мамонтовыми костями.

Пушные богатства привлекли внимание феодалов русских княжеств. Между Новгородом и другими русскими княжествами начинается длительная борьба за овладение землями за Уралом. У устья р. Юга на пути новгородцев в Югру ростовские князья основали в 1216 г. г. Устюг[5]. Не отставая от промышленников, феодалов, государства, в дело завоевания Печоры вмешалась и русская православная церковь. Еще в годы правления Дмитрия Донского святой Стефан крестил часть населения Пермской земли, а именно зырян. Дело это было завершено его преемниками.

Во второй половине XIV в. в устье р.Вымь образуется вотчина пермского владыки, под власть которого подпадают местные князья и зауральские остяки. В 1383 г. была учреждена пермская епархия, которая стала опорой московских властей в захвате северных земель и Сибири[6].

К XIV в. северо-западная часть Западной Сибири была подчинена Новгороду под названием Югры. Власть Новгорода, видимо, не отличалась особенной прочностью, постоянных органов управления Новгорода там не было. Управление Югрой носило военный характер, для сбора дани («югорщины») государство посылало сюда военные отряды. Главная цель Новгорода заключалась в сборе пушнины[7].

С конца XIV в. борьбу за Югру начало Великое Московское княжество. В 1487 г. Новгород был покорен Москвой, и все северные владения Новгорода подпадают под зависимость Москвы. Московское государство и православ-

---

[1] Титов А. Указ. соч. — С. 1–7.
[2] Памятники русского права. — М., 1953. — С. 136–139.
[3] Соловьев С.М. Соч. — М., 1988. — Кн. I. — Т. II. — С. 623.
[4] Новгородская летопись по Синодальному списку // ПСРЛ. — Ч. 1. — СПб., 1845. — Т. IV. — С. 342, 343, 384–388, 391, 392.
[5] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л., 1950. — С. 45.
[6] Устюжский летописный свод... — С. 86.
[7] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 14.

ная церковь усиливают гнет населения Севера. В ответ на это начинаются выступления вогулов и остяков. В 1455 г. вогульский князь Асыка вместе с сыном Юшманом приходят с ратью на Вычегду и убивают здесь пермского владыку Питирима за распространение христианства среди коренных народов, религиозные и экономические притеснения.

Московские власти начинают карательные военные действия против непокорного и незащищенного населения Приуралья и Зауралья. Наиболее жестокие походы на вогулов, остяков и другие племена Москва предпринимает в 1465, 1485 и 1499 гг.

Особенно жестоким был поход 1483 г. Воеводы Курбский и Травин во главе большого войска разбили вогулов на устье р. Пелыма, откуда они по р. Тавде прошли мимо столицы Тюменского ханства Чимги Туры и вниз по Иртышу и Оби. На своем пути они опустошили многие населенные пункты, уничтожили много вогулов, остяков, татар, захватили много пленных, в том числе князей[1].

Вогульский князь Юшман и югорский князь Молдан вынуждены были прийти в Москву с повинной, чтобы предотвратить полное истребление своих подданных. Однако через 15 лет князья отказались от покорности Москве.

В 1499 г. Московское правительство организовало карательный поход войск в количестве 4000 человек во главе с князьми Ушатым, Курбским и Гавриловым. Они с боем прошли через Югру с севера на юг, истребляя множество вогулов и остяков, проплыли мимо Чимги Туры, дошли до Иртыша, убивая татар. Они завоевали 41 городок, 58 туземных князей принудили к присяге на верность Московскому государству, вернулись в Россию с богатой добычей[2].

Московское правительство избегало крутых мер в отношении князей Приуралья и Зауралья. Москва боялась поиска помощи этими князьями у казанских и сибирских татар, да и главные силы решила сосредоточить для разгрома татарских государств.

§ 2. Проникновение русских в Сибирь

Для проникновения за Урал русские пользовались двумя большими водными путями. Первый из них — очень древний путь, проложенный финскими и угорскими племенами. С Русской равнины путники двигались через Северную Двину, затем по ее притокам Юге и Сухоне, затем передвигались по Печоре и ее притокам и подходили к Уралу. Через Уральские горы также переходили волоком и через семь озер выходили на Собь, впадающую в Обь. Этим путем, называвшимся в те далекие времена Через каменный путь, пользовались летом. Очень редко им пользовались и зимой, используя собак и оленей[3].

В завоевании Сибири Русским государством большое значение имел другой путь — по Каме и ее притокам. Этот путь из Европы в Азию по Каме, через

---

[1] Устюжский летописный свод... — С. 94.

[2] Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1941. — С. 134; Устюжский летописный свод... — С. 167, 168, 189, 209.

[3] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — М., 1928. — С. 61–62.

Уральские горы является еще более древним, им пользовались задолго до нашей эры. По-видимому, этим путем продвигались из Западной Сибири в Европу и обратно древние тюрки. Камский путь хранил следы торговых караванов VI в. н.э., когда в Европу доставлялись серебряные изделия сасанидского Ирана.

Несколько веков «каменный путь» по Каме принадлежал тюркскому миру, в частности Булгарскому государству. Булгарские купцы ходили за Урал за пушниной. Еще Ибн Фадлан писал о том, что булгарские купцы ходят за соболями и черными лисицами в страну Вису, которая находится на расстоянии трех месяцев пути. В этом случае под словом «Вису» подразумевается не только летописная Весь в бассейне Северной Двины и Белоозера, но и Югра. Весь не находилась на расстоянии трех месяцев пути. В стране Весь не было соболей и черных лисиц, они были в Югре, которая находилась на расстоянии трех месяцев пути[1].

Арабские путешественники, побывавшие в Булгарии после Ибн Фадлана, оставили любопытные подробные сообщения о «немой» торговле булгар с племенами Югры. «Немая» торговля северных племен могла состояться лишь при абсолютной честности и взаимном доверии партнеров с обеих сторон. Булгары не занимались грабежом и не собирали дань в Югре[2].

Долгое время камский путь был закрыт для русских, так как сильное Булгарское государство держало в своих руках торговые пути в Сибирь. Суздальские великие князья, начиная с XII в., тщетно боролись за обладание камским путем и предпринимали ряд походов на Каму. Однако Булгарское государство выдерживало их натиск, продолжало контролировать торговый путь. Временами булгары и сами стремились распространить свою власть на Устюг, который служил новгородцам ключом к путям на Югру, и нередко добивались успехов. После падения Булгарского государства в XIII в. этот путь принадлежал Золотой Орде, а затем — Казанскому ханству[3].

«Каменный путь» через Каму был основным в сношениях между двумя татарскими государствами — Казанским и Сибирским юртом. С.В.Бахрушин отмечает, что между Казанью и Сибирью установились оживленные торговые и политические отношения, свидетельством чему служат название одних из ворот Казанского кремля — Тюменские и брачные союзы между царствующими домами казанских и сибирских ханов.

Казанское ханство держало в своих руках подступы к камскому пути. Со времен Булгарского государства на Пермской земле жили булгары, потом волжские татары, продолжившие свое проникновение на северо-восток[4].

После завоевания Казани Русским государством открылась возможность пользоваться камской дорогой. Русские пользовались двумя ветвями камского пути: через Чердынь и по р. Чусовой[5].

---

[1] Путешествие Ибн Фадлана на реку Итиль. — М., 1992. — С. 35, 39.

[2] Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 297; Лерберг А.Х. О географическом положении и истории Югорской земли в исследованиях. — СПб., 1819. — С. 38–41.

[3] Бахрушин С.В. Указ. соч. — С. 88.

[4] Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. — Ч. I. — М., 1955. — Т. III. — С. 93.

[5] Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. — Казань, 1909. — Вып. XVI. — С. 193–194; Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 11, 16, 59.

Начиная с конца XVI в. существовал морской путь на Югру, пролегавший вдоль берегов Ледовитого океана. Он начинался от Северной Двины, приводил в Обскую губу до Мангазеи. Но в 1620 г. морской путь был закрыт русским правительством. Это было сделано по двум причинам. Этим путем могли пользоваться немцы и увозить дешевые сибирские меха, рыбу. Другая причина была в том, что пользующиеся морским путем русские промышленники перестали платить пошлину и пополнять царскую казну[1].

Завоевание Казани было давнишней мечтой Московского государства и русского православного духовенства с далеко идущими целями:

– присвоение богатств «подрайской землицы» (так русские идеологи завоевания Казанского юрта называли татарские земли), созданных трудолюбивым народом, передача земель ханства русским феодалам;

– сокрушение обширного тюрко-татарского мира, уничтожение тюрко-татарских государств;

– наступление в Поволжье на ислам и насаждение христианства;

– обеспечение плацдарма для завоевания Средней Азии, вплоть до Индии.

Завоевание Казани открыло русской колонизации доступ в богатые места Прикамья. Сюда хлынула волна переселенцев, притесняя коренное население. Но народы Прикамья и Югры, казанские и сибирские татары не хотели примириться с русской колонизацией. Например, в 1580 г. пелымский князь Бекбелей Агтаев пришел со своей ратью на Чусовую и разорил русские поселения. Сибирские ханы, оценив угрозу русской колонизации, нашли согласие с остяками, проживавшими на Чусовой, убедили отказаться от уплаты дани русским.

Русская православная церковь — главный идеолог завоевания татарских земель, вследствие чего русские феодалы и царь Иван IV Грозный после Казани и Астрахани обратили свои взоры на Сибирь. Но они понимали, что на их пути находится огромное татарское государство — Сибирский юрт, Сибирское ханство, как его называли русские. Оно стало главным врагом русских на Востоке. Однако для завоевания Сибирского татарского государства была необходима всесторонняя и основательная подготовка. У правительства же Ивана IV был довольно большой опыт подготовки к завоеванию чужих земель.

В завоевании Казанского юрта Русским государством решающую роль сыграли три главных фактора:

1) создание военной базы для нападения и ведения войны.

2) разведение смуты в рядах казанцев, подкуп отдельных влиятельных лиц, усиление промосковской партии;

3) использование другого татарского государства — вассального Касимовского ханства.

На начальном этапе завоевания Сибири второй и третий факторы вряд ли могли быть использованы. А для создания военной базы возможности открылись.

---

[1] РИБ. — СПб., 1875. — Т. II. — № 254 (IX). — Стлб. 401, 402; № 130.

§ 3. Строгановы и создание военно-экономической базы для завоевания Сибири

В завоевании Сибири Русским государством большую роль сыграли владыки северных земель Строгановы.

Завоевание Казани создало возможности для колонизации не только земель ханства, но и открыло путь для колонизации верховьев Камы. Русские давно стремились в эти земли, но путь для них был закрыт. Казань не претендовала на эти места, но и не пускала туда русских.

С падением ханства сюда хлынула волна русских переселенцев. Через 6 лет после покорения Казани сольвычегодские промышленники Строгановы ходатайствуют о разрешении обосноваться на новых местах, где в те времена тянулись «леса черные да озера дикие, острова и наволоки пустые»[1].

По сообщению Н.Витзена, предком Строгановых был выходец из Золотой Орды, татарский мурза, который прибыл в Новгородскую Русь и после крещения принял имя Спиридон. Новгородскими правителями Спиридон во главе большого войска был отправлен против своих соплеменников — татар и попал к ним в плен. После пленения его тело было за измену изуродовано — «строгано», в связи с чем его сыну, рожденному после гибели отца, дали фамилию Строганов[2].

После завоевания Иваном III Новгорода Строгановы обосновались в районе Устюга, или Сольвычегодска. Грамотой царя Василия Ивановича от 9 апреля 1517 г. Строгановым разрешалось заниматься соледобывающим промыслом. В 1558 г. они получили первую жалованную грамоту царя Ивана IV на «камские изобильные места»[3].

Получив разрешение царя, Строгановы, начиная с 1558 г., постепенно спускаются от Соликамска вниз по Каме, захватывают речные пути в направлении к Сибири, реки Сылву и Чусовую.

Вместе с тем московское правительство даровало Строгановым обширные льготы и привилегии, чтобы облегчить им захват и освоение чужих земель. Строгановы могли строить и содержать собственные крепости-городки, заводить в них «огненный наряд», или артиллерию, и держать на своей службе вооруженные отряды. Им предоставлялось право созывать к себе колонистов и судить население своих вотчин. Владения Строгановых представляли собой настоящее полунезависимое государство. Они получили право самим собирать с населения своих вотчин подати и возить в Москву.

Для защиты своих колоний Строгановы начинают воздвигать укрепленные остроги, городки. Они построили в 15 верстах от Усолья Камский городок Конкор и в 15 верстах от Конкора — городок Каргедан, или Орел, по реке Чусовой — Нижне-Чусовской и Верхне-Чусовской городки.

Городки представляли собой укрепленные усадьбы Строгановых. Кроме жилых дворов, хозяйственных построек, помещений для скота, в них были храмы с высокими колокольнями, чтобы своим видом поражать туземцев-язычников. Городки окружались рублеными деревянными стенами с башня-

---

[1] Введенский А.А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по русской истории. — Пг., 1922. — С. 41.

[2] Атласи Х. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. — Казан, 1993. — Б. 46.

[3] Атласи Х. Указ. соч. — С. 46.

ми. Для обороны от коренных жителей и дальнейших завоеваний остроги были снабжены достаточным количеством пушек и пищалей, ручного огнестрельного оружия, луков и стрел, каменными ядрами. Селитру для производства пороха Строгановы производили сами[1].

В 1579 г. во владениях Строгановых был 1 городок, 39 деревень и починков с 203 дворами и 1 монастырь, ими основанный. В 1623 г. уже было 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 монастыря, 2 сельца, 118 деревень и починков с 11 мельницами и с населением (только русским) в 1354 человека[2].

Для завоевания Казани русское правительство создало военную базу — построило крепость Свияжск, в деле завоевания Сибирского ханства правительством поощрялась деятельность Строгановых, благодаря которым была создана военная база площадью, равной небольшому государству.

Принимая во внимание стремление правительства Ивана Грозного к завоеванию Сибирского ханства, Строгановы торопились обеспечить себя новыми землями и обосноваться «в Сибирской стороне, за Югорским камнем на Тахчее» (вокруг Туры и на Тоболе). Они просят Ивана IV о пожаловании им татарских земель за Уралом[3].

Иван IV, в целях завоевания Сибирского ханства с помощью Строгановых, 30 мая 1574 г. своей пожалованной грамотой даровал земли чужого государства: по рекам Лозьве, Тавде и Тоболу (то есть половину Сибирского ханства) и предоставил право владеть землями «на Тахчее и на Тоболе реке, и кои в Тобол реку озера падут, и до вершин, на усторожливом месте ослободити, крепости делати, и сторожей наймовати, и вогняной наряд держати собою, железо делати, и пашни пахати, и угодья владети ... и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити». Одновременно Строгановым были предоставлены льготы на все подати в царскую казну на 20 лет, чтобы облегчить им захват земель Сибирского ханства[4].

Таким образом, явившиеся оборонительной линией для Перми со стороны Урала строгановские владения стали опорными пунктами, военно-экономической базой для захвата новых территорий. Жалованные грамоты царя Ивана Грозного открыли Строгановым доступ в остяцкие и татарские улусы и звериную ловлю на реке Сылве; их люди проникают в вотчины чусовских вогулов, «украдом соболей и куниц, и бобров, и всякого зверя и рыбы ловити». Постоянно на восток оттесняются «остяцкие улусы», «мольбища» их подвергаются разорению. Их земли осваиваются пришельцами, и в первой четверти XVI в. оказывается, что татары, живущие на Юмшане, сидят на «строгановской земле»[5].

Царь и великий князь всея Руси Иван IV нисколько не стеснялся приказывать Строгановым «украдом соболей и куниц, и бобров, и всякого зверя, и рыбы ловити».

К завоеванию Сибирского ханства Строгановы готовились тщательно, всесторонне. С этой целью они в конце 70-х годов XVI в. направили в Сибирь служившего у них голландца Оливера Брюнеля для обследования путей и дорог[6].

---

[1] ДАИ. — СПб., 1851. — Т. IV. — № 56. — С. 90.
[2] РГАДА. Строгановские дела. — Карт. XXIV. — № 5.
[3] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. I. — С. 332.
[4] Бахрушин С.В. Указ. соч. — С. 101.
[5] РГАДА. Строгановские дела. 1561–15764. — Л. 23–25.
[6] Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1902. — Т. 116. — С. XXXVI.

Захватнические действия Строгановых вызвали сильное возмущение и волнение местных народов. Чусовские вогулы то и дело производили набеги на строгановские поселения, во время которых «выжигали слободки и деревни и хлеб всякий, а крестьян с женами и детьми взяли в плен, разрушали соляные варницы и мельницы».

Строгановы жаловались на «обиды» туземцев. «А те деи слободки стоят на украйне, а вогуличи живут близко от их слобод... — говорится в одной из царских грамот, — а место лешее, людям и крестьянам из острогов выходить не дадут, и пашни пахати, и дров сечи не дают же. И приходя деи, невеликие люди, украдом лошади и коровы отганивают, и людей побивают, и промыслы деи у них в слободках отняли, и они варить не дадут»[1]. Строгановы встретились с аналогичным противодействием сибирских татар. В начале XVI в. тюменские татары под руководством царевича Кулук Салтана, сына Ибака, завоевали всю «нижнюю землю», разорили Усолье на Каме[2].

В 1572–1574 гг. территория бывшего Казанского ханства была охвачена восстанием, направленным против русского национального и феодального гнета, геноцида и на восстановление Казанского ханства. Восстали татары, черемисы, вотяки, башкиры. Волна народной войны докатилась до строгановских владений. В июле 1572 г. черемисы, башкиры, остяки, вогулы напали на прикамские владения Строгановых. В жалованной грамоте Ивана IV Якову и Григорию Строгановым говорится о выступлении «людей Сибирского салтана, которые ходят ратью»[3].

Эти события являлись доказательством того, что антиколониальной войной нерусских народов против Московского государства была охвачена огромная территория от Волги до Сибири. Продолжением этой войны был и поход племянника Кучума Махмета Кули на владения Строгановых в 1573 г.

Не совсем спокойно было и на севере строгановских владений. Постоянно совершали набеги на их владения вогульские князья, обложенные данью в пользу Строгановых. В 1581 г. князь Кихек захватил и сжег Соликамск, разрушил в Прикамье слободки и деревни, увел их жителей. Вотчины Семена и Максима Строгановых сильно пострадали.

Военные действия за свою независимость вели и югорские вогулы, и остяки во главе со своими князьями. Так, например, осенью 1581 г. пелымский князь перешел Югорские горы с отрядом вогулов, разорил строгановские поселения на Каме, держал в осаде городок на Чусовой, сжег много деревень, пленил многих жителей. В 1582 г. вогулы напали на Чердынь, многие жители были убиты, имущество разграблено[4].

Эти войны за независимость народов европейского Севера и Югры не достигали цели, но имели значение в том смысле, что заставили русских несколько изменить свою колониальную политику.

Таким образом, русская колонизация, углубляясь на восток, постепенно достигла Уральского хребта, перешла через него, руководимая, с одной сто-

---

[1] РГАДА. Строгановские дела. — Карт. XXIV. — № 5; ДАИ. — СПб., 1846. — Т. I. — № 26; Сибирские летописи... — С. 92.

[2] Архангелогородский летописец... — С. 136.

[3] Грамота царя Ивана Васильевича в слободку на Каме Якову и Григорию Строгановым от 6 августа 1572 г. // Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. I. — С. 338, 339.

[4] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 228.

Снаряжение Строгановыми Ермака в поход

роны, промышленными целями — добыть пушнину, источники металлов, а с другой — сознанием необходимости создать на восточной границе оплот Русского государства против «диких инородцев» и завоевания и захвата новых земель в Сибири. Завоевание Сибири происходило постепенно и последовательно.

Как видно из жалованной грамоты царя Ивана IV от 30 мая 1574 г., мощным и надежным форпостом для захвата Сибири московское правительство считало владения Строгановых и решило приступить к завоеванию Сибири используя их средства и военную мощь[1]. Однако Строгановы в то время хотя имели и крепости, и артиллерию, и ручное боевое оружие, боеприпасы, но не имели достаточного количества ратных людей для завоевания жалованной им царем Западной Сибири. Поэтому они призывают себе на помощь волжских казаков во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем.

В биографии Ермака много неясного. Почти все источники называют его атаманом казаков-разбойников, приглашенных Строгановыми для военной службы. «В числе многих бежавших от тирании царя Ивана Васильевича были такие, которые повсюду промышляли разбоями, между ними был один разбойник, именем Ермак» — говорится в одном из сочинений анонимного автора, появившемся около 1680 г.[2].

Более четко описываются биография и личность Ермака в одном из списков Есиповской летописи, в котором говорится, что Ермак своим происхождением обязан бандитам-разбойникам. Дед его был из г.Суздаля, посадским человеком, звали его Афанасий Григорьевич сын Аленин, он воспитал двух сыновей — Родиона и Тимофея, кормился извозом и помогал разбойникам. В муромском лесу был пойман и сидел в тюрьме, откуда бежал с женой.

Сын Тимофея Василий работал у Строгановых на р.Каме и Волге, где он, собрав себе малую дружину, занялся разбоем, стал атаманом и прозван был Ермаком[3].

В исторической литературе были разные версии причины появления Ермака со своими казаками у Строгановых. Версию о том, что банда Ермака была приглашена Строгановыми, разделяли М.Карамзин, Н.Устрялов, С.М.Со-

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — 339–341.
[2] Титов А. Указ. соч. — С. 65.
[3] Сибирские летописи. — С. 305–306.

ловьев, А.Дмитриев, С.В.Бахрушин, В.И.Огородников. И эта версия имеет более убедительные документальные доказательства. Г.Ф.Миллер, И.Э.Фишер, М.М.Щербаков, Д.И.Иловайский и другие придерживались версии того, что поход Ермака был задуман и выполнен самими казаками, и Строгановы были невольными исполнителями их воли. Савва Есипов, П.И.Небольсин, А.Андреянов и другие писали, что Строгановы не принимали ни прямого, ни косвенного участия в этом походе[1].

Есть разные мнения о дате приглашения Строгановыми банды Ермака в свои владения. Сибирские летописи не дают ясного ответа на этот вопрос. И.Э.Фишер пишет, что Ермак пришел к Строгановым в 1577 г. Г.Ф.Миллер называет тот же год. М.С.Соловьев считает, что приглашение казакам пришло не ранее весны 1579 г.[2]. В современной исторической литературе большинство исследователей годом прихода казаков к Строгановым считают 1579-й г.

Поныне продолжается спор в исторической литературе по многим аспектам похода Ермака в Сибирь: его хронологии, обстоятельств начала похода и т.п. Три силы — казаки, Строгановы, Русское государство — рассматриваются в качестве инициаторов завоевания Сибирского ханства. Имеются сторонники каждой из названных точек зрения, а также начала похода, которое в сообщениях сибирских летописей колеблется в пределах 1578–1582 гг.

Строгановская летопись, «Летопись сибирская» и анонимная рукопись XIX в. сообщают, что Ермак со своей шайкой явился на Каму в 1579 г. по призыву самих промышленников, которые указали на завоевание Сибирского ханства как на средство заслужить помилование царя Ивана IV. По «Тобольскому летописцу» Ермак, прослышав о преследовании царем их банды, 28 августа 1579 г. бежал вверх по Каме[3].

Есиповская летопись сообщает, что казаки во главе с Ермаком пришли с Волги на Каму в 1581 г. Г.Ф.Миллер, ссылаясь на Ремезовскую летопись, пишет, что Ермак бежал на Каму в августе 1577 г.[4]. П.Небольсин, проанализировав большинство сибирских летописей, полагает, что Ермак пришел на Каму и Чусовую не столько с целью избежания преследований правительства побегом, сколько для грабежа богатых бухарских купцов и татар. П.Небольсин пишет, что банда Ермака пришла с Волги на Каму в 1578 г., в том же году он отправился в поход на Сибирь. П.Небольсин не соглашается, что у Ермака было всего 540 человек, и защищает версию «Тобольского летописца», что Ермак пришел к Строгановым с 6000 казаками[5].

Из многочисленных сибирских летописей и других письменных источников, содержащих сведения о завоевании Сибирского ханства, только одна, названная Г.Спасским «Летописью сибирской» и опубликованная впервые в 1821 г., временем начала похода Ермака в Сибирь указала лето 1582 г., большинство указывает 1581 г.[6].

---

[1] Огородников В.И. Очерк истории Сибири... — Ч. 2. — С. 22.

[2] Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774. — С. 210; Соловьев М.С. Сочинения. — М., 1988. — Кн. II.— Т. IV. — С. 673.

[3] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. — Сургут, 1993. — С. 30.

[4] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 94.

[5] Небольсин П. Покорение Сибири. — СПб., 1849. — С. 101, 102.

[6] Летопись сибирская. — СПб., 1821. — С. 15.

А.А.Преображенский из названных точек зрения о сроках начала похода, которые колеблются в пределах 1578–1582 гг., наиболее приемлемым считает 1 сентября 1581 г.[1]. Р.Г.Скрынников отвергает все сообщения сибирских летописей о сроках начала похода Ермака в Сибирь, кроме лета 1582 г. Подтверждением он считает три фактора: грамоту царя Ивана IV Строгановым от 16 ноября 1582 г. по поводу наступления аборигенов Перми на владения Строгановых, в которой говорится, что поход казаков в Сибирь вызвал ответные действия остяков, вогулов и др. Вторым фактором он считает царскую грамоту от 7 января 1584 г., из которой следует, что гонцы Ермака не позднее лета 1583 г. привезли в Москву весть о занятии Искера. Третьим фактором Р.Г.Скрынников считает рассказ Н.И.Костомарова о том, что в конце июня 1581 г. Ермак вместе с русскими войсками был под Могилевом на Днепре и затем находился в 1582 г. в Перми на царской службе. Документальное подтверждение Р.Г.Скрынникова дает возможность согласиться со следующей датой — 1 сентября 1582 г.

Вместе с обоснованными по документам утверждениями у Р.Г.Скрынникова немало декларативных доводов, игнорирование сообщений источников и позднейших исследователей относительно процесса завоевательного похода Ермака. Вместо доказательных доводов он пишет: «Не выдерживает критики». Если во всем следовать Р.Г.Скрынникову, то завоевательный поход Ермака с Чусовой до Искера прошел как туристический круиз: до Потчевашского мыса казаки почти ни с кем не воевали, никого не убивали, аборигены к казакам относились мирно. Просто удивительно, какими хорошими были эти казаки, приговоренные к смерти царем за разбои, грабежи и убийства.

В его труде замечаются лжепатриотические нотки: горстка добрых казаков под церковными знаменами под руководством набожного Ермака одним ударом завоевала государство сибирских татар, во главе которого был ненавистный пришелец Кучум[2]. Причем лжепатриотические утверждения встречаются не только в его труде. При этом авторы ни слова не говорят о том, почему же не только татары, но и другие аборигены Западной Сибири — остяки, вогулы и селькупы на всем протяжении XVII в. воевали за то, чтобы было у них «как при царе Кучуме».

Из позднейших трудов, касающихся срока начала похода Ермака в Сибирское ханство, можно указать работу «50 лет Тюменской области. Очерки по истории Тюменской области», в которой говорится, что «план похода созрел летом 1582 г.».

§ 4. Поход Ермака

Казаки, пришедшие с атаманом Ермаком во владения Строгановых в количестве 540 человек (по другим источникам — 6000 человек), до начала похода в Сибирь готовились к нему, занимались усмирением «аборигенов» (вогулов, татар, пермяков), которые боролись за свою свободу и независимость.

Ермак со своей дружиной жил у Строгановых до сентября 1582 г., занимался грабежом в окрестных татарских, остяцких и других селениях, помо-

---

[1] Щеглов И.В. Указ. соч. — С. 7.

[2] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982. — С. 139, 145.

гал Строгановым покорять эти народы. Награбленные богатства привозили в усадьбу, часть которых была спрятана на берегу Чусовой.

Во время пребывания у Строгановых Ермак от тамошних жителей, особенно от пришедших вместе со Строгановыми зырян из Сольвычегодска, которые ходили на звероловный промысел в окрестные земли, получил сведения о соседней Сибири и удобном пути туда по Чусовой. Эти известия давали надежду, что если не удастся покорить эту страну, то, по крайней мере, там набегами можно награбить богатства.

Как уроженец этих земель, Ермак хорошо знал сухопутные дороги, водные пути Верхней Камы. И версия о блуждании Ермака в первый год похода в притоках Чусовой, которую защищает Г.Ф.Миллер, не соответствует истине[1].

Волок

Строгановы отправили в поход на завоевание Сибирского ханства казаков во главе с Ермаком 1 сентября 1582 г. (по описанию Г.Ф.Миллера, 1 сентября 1579 г., С.М.Соловьева — 1 сентября 1581 г.). Строгановы дали им в помощь ратных людей из своих городков — пленных литовцев, немцев, татар, а также русских, всего 300 человек; в целом в отряде вместе с казаками было 840 человек. Им дали жалованье, продовольствие, одежду, обеспечили оружием, пушками, пищалями, боеприпасами, дали проводников и толмачей, владеющих татарским языком[2].

Ермак плыл по р.Чусовой, по ее притокам. Путь его был заранее разведан и исследован. Казаки в пути совершали разбойничьи набеги на окрестных вогулов, татар, обрекая их на голодную смерть. После притоков Чусовой они дошли до волока, отделяющего две речные системы — камскую и обскую. Перейдя Уральские горы, дошли до р.Журавли, впадающей в Баранчу, левого притока Тагила. Спустились по р.Журавли, Баранча к Тагилу, затем — к Туре. На берегах Туры начинались владения Сибирского ханства.

Во время плавания по р.Туре на казаков напал большой отряд под командованием татарского князя Епанчи, которому подчинялись и местные вогулы. Отряд Епанчи сражался мужественно, нанес потери завоевателям, но огнестрельное оружие русских сделало свое дело, — имение Епанчи было разграблено. На Туре было захвачено много татарских селений[3].

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. I. — С. 215.
[2] Соловьев С.М. Указ. соч. — С. 674.
[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 221.

Поход Ермака вниз по Туре

Остальной путь Ермака по Туре сопровождался такими же разорениями расположенных по берегам татарских селений. Казаки Ермака уничтожили большое количество татарского населения, включая женщин, детей и стариков. Отряд с боем завладел г.Чимги Турой, бывшей столицей Тюменского ханства. Летописи не содержат сведений о том, каким статусом владела Чимги Тура в то время. Но нам известно, что после 1505 г. в источниках не имеется сведений ни о Тюменском ханстве, ни о его ханах, правивших после Кулук Салтана.

В Чимги Туре Ермак награбил много продовольствия, так как местные татары жили богато, имели запасы хлеба, много скота. Все это богатство было разграблено, население перебито, оставшиеся в живых были обречены на голодную смерть[1].

Казаки заняли Тарханский городок, расположенный недалеко от Чимги Туры. Г.Ф.Миллер пишет, что власть Кучума распространялась только до этого городка, однако источники его версию не подтверждают.

В это время в Тарханском городке находился направленный Кучумом сборщик дани по имени Кутугай. Его казаки увезли в Чимги Туру. По описанию Ремезовской летописи, Ермак оказывал Кутугаю почести, расспрашивал его о здоровье хана и его семьи. Он говорил ему, что намеревался навестить хана, но не успел. Казаки устроили Кутугаю показательную стрельбу из пищалей. Ермак отпустил Кутугая с подарками хану, его семье и вельможам.

По приезде в Искер к Кучуму Кутугай, передав подарки, рассказал об увиденном и услышанном от Ермака. Но не таким наивным был Кучум, чтобы поверить «дипломатии» Ермака, и принял меры для защиты своего государства.

Войско Кучума было многочисленным, относительно хорошо вооруженным, отличалось дисциплиной. Кучумовские войска вели партизанскую войну: идя вдоль берегов рек, они держали войска Ермака в постоянном напряжении, утомляя его частыми и внезапными нападениями.

Несмотря на самоотверженность воинов Кучума, казаки, используя огнестрельное оружие, истребили очень большое количество татар, вооруженных только луками и стрелами. По описанию сибирских летописей, татарская кровь текла рекой[2].

---

[1] Сибирские летописи... — С. 336–346.
[2] Там же.

Весть о завоевании Ермаком Чимги Туры быстро распространялась среди татар. Известие о русской агрессии не было новостью для них. Русские были известны сибирским татарам с 1499 г., когда карательные войска Москвы в количестве 4000 человек под руководством воевод князя Курбского, Ушатого и Гаврилова, убивая вогулов, остяков и татар, дошли до Иртыша и вернулись с награбленным богатством и множеством пленных[1].

В Искере под руководством Кучума начались оборонительные мероприятия и действия, направленные на отражение нападения казаков. В мае 1682 г. объединенные силы шести татарских мурз встретили отряд Ермака у впадения р. Туры в Тобол.

Бой продолжался несколько дней. Казаки побили множество татар, в том числе мирных жителей, награбили большое количество имущества. Летописи сохранили имена только трех татарских мурз, возглавлявших эти бои: Кашкара, Варвара, Майтмас. Разграбленного казаками в татарских селениях добра было так много, что большую часть его закопали на берегу Тобола[2].

Татары оказали упорное сопротивление у Березового Яра, на берегу Тобола, нанеся врагу большие потери. Летописи сообщают также, что по приказу Кучума узкое течение Тобола у Караульного Яра было прегражденo железной цепью. Татарские воины, пользуясь замешательством и остановкой казацких стругов, начали боевые действия, которые продолжались 3 дня[3].

У Ермака, по-видимому, были сведения о землях Сибирского ханства, о речном пути до его столицы, добытые еще в вотчине Строгановых, когда Ермак занимался разведкой. Кое-что узнал он от Кутугая. Но этих данных, наверное, было недостаточно. Ермак для получения дальнейших сведений мог использовать пленных татар (казаки не могли оставлять при себе пленников, в основном их казнили). Одним из таких пленников оказался Таузак, названный в летописях «слугой» Кучума. Он передал казакам сведения, необходимые для дальнейших боев. Известия, полученные от Таузака, ободрили казаков, среди которых было немало желающих вернуться в Россию. Они решили продолжать наступление[4].

К Кучуму поступали тревожные сведения: казаки продолжали наступление в направлении к Искеру. Он отправил против казаков полководца Маметкула во главе объединенных татарских, остяцких и вогульских отрядов. Были продуманы дальнейшие действия для того, чтобы не допустить продвижения казаков Ермака по Тоболу. Татарские мурзы готовились к обороне в своих городках. Кучум лично руководил оборонительными мероприятиями в столице. У Потчевашского мыса началась подготовка к сражению.

Войска Маметкула и Ермака встретились на берегу Тобола у городка татарского мурзы Бабасана. Воины Маметкула в течение пяти дней храбро сражались против вооруженных огнестрельным оружием казаков Ермака, неся большие потери. Сибирские летописи также сообщают, что у Бабасана татарская кровь лилась рекой и путь был загроможден трупами, что мешало татарам пробиваться вперед на лошадях[5].

---

[1] Огородников В.И. Очерки истории Сибири до XIX стол. — Ч. 2. — С. 14.
[2] Атласи Х. Указ. соч. — С. 61.
[3] Фишер И.Э. Сибирская история. — С. 124.
[4] Сибирские летописи... — С. 16, 126.
[5] Там же. — С. 19, 20, 127.

Ремезовская летопись сообщает, что следующее крупное сражение было в улусе и в городке карачи — советника Кучума, расположенном на правой стороне Тобола в 16 верстах от устья Туры.

Казаки, по-видимому, не могли понять значение титула «карачи» и приняли его за собственное имя.

В улусе карачи для защиты городка, как сообщает летопись, собралось великое множество татар, и дружине Ермака пришлось выдержать крупное сражение, после чего казаки обратили в «невозвратимое бегство» конных и пеших татар. В городке карачи казаки награбили большое количество золота, серебра, драгоценных камней, а также много хлеба, скота и меда[1].

§ 5. Сражение на Потчевашском мысу. Поражение Кучума

Укрепившись на некоторое время в городке карачи, казаки Ермака занимались сбором дани и грабежом в близлежащих селениях. Подкрепившись продовольствием, они поплыли по Тоболу. Дойдя до впадения Тобола в Иртыш, отряд стал подниматься по Иртышу. Здесь после ряда сражений был захвачен городок Атики-мурзы. После этого Кучум стянул свои крупные военные силы близ городка Атики.

Предстоял решительный бой. Дружина Ермака испугалась, так как у Кучума воинов было много, они были хорошо организованы, самоотверженно сражались. Во время остановки в городке Атики среди казаков возник и обсуждался вопрос о том, не лучше ли им вернуться назад в Россию. У казаков, видимо, было много награбленного добра, и они не хотели его терять.

Но жажда дальнейших грабежей и боязнь казни за разбойничью деятельность на Волге заставили казаков остаться. «В России нам придется заниматься опять грабежами и разбоями и убивать христиан, — говорили они, — а здесь мы убиваем только басурман». Казаки стали готовиться к бою[2].

Владения Атики-мурзы находились недалеко от Искера, столицы Сибирского юрта. Кучум и его правительство понимали, что для ханства создалась реальная угроза захвата столицы казаками. Хан и его окружение знали о последствиях разгрома русскими Казани и Астрахани. Поэтому Кучум готовился к решительному сражению. Он сам лично руководил боевыми действиями, которые происходили под городком на высоком берегу Иртыша, так называемом Потчевашском мысу. «Потчеваш» на остяцком языке означает прибрежное селение. Позднее это слово стало произноситься как «Подчевашский», «Подчувашский» или даже «Чувашский», хотя топоним «Потчеваш» не имеет никакого отношения к чувашам.

Кучум и Ермак стремились овладеть городком, как важным стратегическим пунктом. Но ни одна из сторон не могла взять городок, и на время обе стороны отступили.

У русских создалось угрожающее положение — кончилось продовольствие, заниматься грабежом как прежде не было возможности, — рядом были

---

[1] Сибирские летописи... — С. 21, 127, 128; Траубенберг П. Начало покорения Сибири. — Казань, 1885. — С. 36.

[2] Сибирские летописи... — С. 21, 129; Траубенберг П. Начало покорения Сибири. — Казань, 1885. — С. 36.

войска Кучума. У Ермака остался единственный выход для того, чтобы не умереть от голода: выиграть сражение с ханом.

Решающее сражение, определившее дальнейшую судьбу сибирского татарского государства, произошло 23 октября 1582 г. Внезапно для казаков войска Кучума заняли стратегически важные позиции: с целью окружения русских казаков часть войск хана под руководством Маметкула заняла удобные позиции на низком берегу Иртыша.

Город Тархан-кала

Кучум надеялся остановить русских на подступах к Кашлыку. С этой целью он приказал устроить засеку на Потчевашском мысу. За стволами поваленных деревьев татары надеялись надежно укрыться от казачьих пуль. По преданию, у Кучума были 2 пушки, привезенные из Казани. Одна или две пушки были установлены на горе у Потчевашского мыса. Но пушки не стреляли, после чего татары будто бы столкнули их с кручи прямо на карабкавшихся наверх казаков, и пушки упали в воду[1].

Кучум лично руководил частью войск, занявших удобные позиции на верху мыса, и готовился прикрыть стрельбой из луков нападение Маметкула. Но опять огнестрельное оружие казаков сделало свое дело: русские перебили большое количество воинов Кучума. Убитых было великое множество. Стрельба со стороны казаков все продолжалась, казаки потеряли убитыми 107 человек[2]. В решающий момент был ранен Маметкул и едва избежал плена. Воины хана успели увезти его на лодке на другую сторону Иртыша. Кучум наблюдал за боем с горы.

На другой день, 24 октября, Кучум приступил к решительным действиям в целях спасения государства, пытался собрать уцелевших воинов. Но в этот самый трудный и решающий день его покинули остяцкие князья со своими воинами: их напугала стрельба из пушек и пищалей. 25 октября покинули Кучума вогулы, которые еще были с ним.

Хан Кучум, увидев безысходность своего положения, 25 октября пришел в свою столицу Искер, собрал свое добро, казну, имущество и скот, сколько мог, и в ночь с 25 на 26 октября покинул столицу, ушел в степь. С ханом вынуждены были уйти все татарские феодалы из Потчеваша, Бизыка, Сузгуна и Ебалака[3].

---

[1] Книга записная. — Томск, 1973. — С. 1; Сибирские летописи... — С. 330.
[2] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 236.
[3] Там же. — С. 231.

Между тем казаки с Ермаком готовились к штурму Искера, но 26 октября увидели пустой, безжизненный город. В Искере казаки нашли богатую добычу, прежде всего много пушнины: драгоценные собольи меха, шкурки чернобурых лисиц, белок и куниц[1].

Однако захват казаками Искера не означал, что Сибирское ханство перестало существовать. Кучум со своими людьми откочевал на Омь, в Барабинскую степь, и продолжал править и собирать ясак в южных улусах. Русским пришлось вести с ним долгую и упорную борьбу.

Сибирское ханство продолжало существовать до конца XVI столетия. Сыновья и внуки Кучума в течение всего XVII в. при поддержке калмыков вели, выражаясь современным языком, партизанскую войну и требовали возврата их родового юрта. Их поддерживали не только сибирские татары, но и вогулы, остяки и селькупы.

Следующее значительное сражение войск Кучума с Ермаком произошло в начале ноября 1582 г. Маметкул с отрядом воинов внезапно напал на казаков, когда они отдыхали на берегу Ебалакского озера после рыбной ловли. Было убито 19 казаков, удалось убежать только одному, который прибыл в Искер и сообщил Ермаку о сражении.

Ермак, не теряя времени, пошел с отрядом в погоню за Маметкулом, который успел спастись бегством, но потерял большое количество воинов. Весть о поражении Маметкула и гибели его воинов быстро распространилась среди местного населения, усиливая страх, наведенный огнестрельным оружием русских казаков[2].

Остяки, вогулы, участвовавшие в бою на Потчевашском мысу, вернувшись домой, рассказывали своим сородичам об ужасах огнестрельной войны с русскими. Напуганное население начало приносить ясак Ермаку. Одним из первых пришел остяцкий князь по имени Бояр. Приносили ясак и некоторые татары. Сразу же после 26 октября казаки Ермака небольшими отрядами разъезжали по татарским селениям, собирали ясак пушниной и хлебом[3].

Ермак заставил все народы ханства шертовать (присягать в верности) по их вере, по другим источникам — перед крестом. Он налагал на них ясак, который они должны были платить ежегодно пушниной и хлебом, и вел себя как правитель государства[4].

Осенью 1582 г., когда казаки во главе с атаманом Ермаком, подготовленные и вооруженные владыками прикамских земель Строгановыми, направились для завоевания Сибирского ханства, многочисленные отряды кучумовского войска во главе с его старшим сыном Али были в Пермском крае и вели военные действия с русскими военными отрядами во главе с воеводой В.Пелепелицыным.

Ермака пугал гнев Ивана Грозного за разбойное бандитское прошлое на Волге, и это обстоятельство заставило его сообщить царю о своих завоеваниях. С этой целью 22 декабря 1582 г. в Москву был отправлен атаман Иван Кольцо с 50 казаками. Он повез челобитную, в которой было написано, что

---

[1] Сибирские летописи... — С. 25, 26, 134, 135.
[2] Атласи Х. Указ. соч. — С. 90.
[3] Сибирские летописи... — С. 25, 26, 134, 135.
[4] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982. — С. 160.

Ермак со своими товарищами «взял Сибирское царство, победил и обратил в бегство хана Кучума, многих татар, остяков, вогулов привел к шерти быть под царскую руку и давать им ежегодно ясак». Казаки просили прощения за бывшие свои грехи и повезли царю дары: меха соболей, лисиц.

Когда казаки прибыли в Москву, неизвестно. Царь, получив донесение о взятии ставки сибирского хана Кучума — города Искера, торжественно встретил казаков, устроил в Москве большой праздник, как и после взятия Казани и Астрахани. Ермаку и его дружине Иван IV отправил богатые дары и жалованья, в том числе Ермаку два дорогих панциря и шубу с собственного плеча[1].

В 1583 г. Иван IV направил в Сибирь отряд из 500 служилых людей под командованием воевод князя С.Д.Болховского и главы И.Глухова. Строгановым было приказано выделить Болховскому 300 казаков, снарядить 15 стругов[2].

Отряд Болховского продвигался в Сибирь долго, так как часто останавливался для сбора ясака по пути в Сибирь, но в конце 1584 г. прибыл в Искер.

В декабре к Ермаку явились двое татарских мурз — Ишбердей из-за Ясколбинских болот и Суклем с речки Тавды. Оба привезли много подарков и продовольствия завоевателям своей страны.

Сибирская летопись восхваляет Ишбердея за то, что он помог казакам в обложении ясаком многих татарских родов и служил им проводником. Тем самым эти перебежчики помогли в расширении владений казаков, закабалении и грабеже своих сородичей.

В феврале 1583 г., в самое трудное для Кучума время, Ермак получил донесение еще одного перебежчика — татарского мурзы Сенбахты Тагина, что полководец Кучума Маметкул со своими людьми ночует на р.Вагае, впадающей в Иртыш.

По его доносу казаки напали на спящего Маметкула и пленили. Это был первый знатный пленник Ермака[3]. Маметкул был для Кучума незаменимым государственным деятелем и надежной опорой. На протяжении многих лет он возглавлял войска Сибирского ханства, руководил крупнейшими военными экспедициями. Пленение его пошатнуло положение Кучума. Враги хана немедленно подняли головы.

Племянник свергнутого Кучумом в 1563 г. Едигера Сейдяк (Сейд Ахмад) вернулся из Бухары в Сибирь. В это время в Искере уже не было русских, столицу занял сын Кучума Али и правил за отца. Воспользовавшись пленением Маметкула и возникшими трудностями, Сейдяк занял столицу; татарские феодалы стали покидать ханский двор. Ермак попытался воспользоваться этим моментом для окончательной победы над Кучумом, но тот уехал на юг и не давал о себе знать[4].

После получения согласия Москвы Маметкул был отправлен в столицу Русского государства как важный пленник. В последующих документах он упоминается как русский полковой воевода, называется Маметкулом Алтау-

---

[1] Сибирские летописи... — С. 346.
[2] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 343, 344.
[3] Сибирские летописи... — С. 27, 139, 338.
[4] Там же. — С. 28, 140.

Покорение Брязгою Аримзянской волости

ловичем. В 1590 г. Маметкул принимал участие в походе против шведов, в 1598 г. вместе с Борисом Годуновым воевал против крымских татар[1].

Следующим ударом Кучуму были действия одного из самых близких ему в правительстве феодалов — карачи, который вышел из его повиновения и ушел со своими подданными к верхнему течению Иртыша. Карача имел многочисленное войско, и его уход ослабил силы Кучума.

Однако карача не прекратил борьбу против завоевателей и искал возможности полного истребления шайки Ермака. В сентябре 1583 г. он направил своих людей к Ермаку просить помощи в войне с Казахской ордой. Ермак дал ему 40 казаков. Отряды карача встретили их и уничтожили, некоторое количество казаков истребили с помощью остяков. Всеми средствами карача добивался ослабления силы Ермака. В марте 1584 г. со значительными силами он двинулся к Искеру и осадил город. Нависла угроза захвата дружины Ермака. Но казаки совершили неожиданную вылазку из городка и напали на осаждавших. Произошло ожесточенное сражение, окончившееся при помощи огнестрельного оружия победой казаков[2].

Весной 1584 г. Ермак отправил Богдана Брязгу с казаками вниз по Иртышу. Брязга с боями прошел по последним татарским улусам ханства — Надцинскому, Карбинскому, Туртасскому и Уватскому, покорив татар и собрав ясак. Поход Брязги по остяцким землям от Нижнего Прииртышья продолжался до весны 1585 г. Он покорил все остяцкие земли по Иртышу и, достигнув Оби, 29 мая 1585 г. вернулся в Искер. Привез много награбленного добра.

Весной 1584 г. Ермак организовал походы вниз по Иртышу и на берега Оби, для продолжения завоеваний, воевал против татар в низовьях р. Тавды. Жестокое сражение произошло около речки Паченка. Татары были полностью уничтожены, ни одного из них не осталось в живых. Находящееся там озеро было наполнено телами убитых татар. Их кости лежали на дне озера и были видны в течение около ста лет[3].

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 254.
[2] Сибирские летописи... — С. 34, 144, 145.
[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 251.

§ 6. Походы московских войск в Сибирь

Прибывший из Москвы отряд С.Д.Болховского весной 1584 г. выступил из строгановской вотчины и только осенью того же года прибыл в Искер, истощив по пути все свои продовольственные запасы.

Зимой 1584/85 г. в Искере начался сильный голод. Казаками было перебито большое количество татарского, вогульского и остяцкого населения, многие селения были сожжены, оставшиеся обезлюдели. Разбойники Ермака, кормившиеся разбоем и грабежом, остались без продовольствия, так как грабить стало негде. От голода умер воевода С.Д.Болховский, резко сократилось число казаков, особенно пришедших с воеводой[1].

В исторической литературе имеется мнение о том, что, когда князь С.Д.Болховский прибыл от царя в Искер с ратью в количестве 500 человек и должен был возглавить все русские войска, Ермак перестал активно действовать, не заботился о снабжении продовольствием прибывших казаков, умирающих от голода и цинги. Ошибки воеводы Болховского и оскорбленное чувство Ермака привели к голодной смерти.

Ермак не ожидал из Москвы человека, назначенного над ним, и начал применять известные ему в условиях Сибири средства для избавления от воеводы[2].

Кочевавший в степях со своим улусом Кучум собирал силы, вызывал к себе мурз для борьбы с русскими завоевателями. Стремясь выманить казаков из Искера и напасть на них внезапно, Кучум стал распространять слухи о том, что он задержал торговый караван бухарцев, направляющийся в Искер.

Услышав об этом, Ермак с отрядом казаков в 150 человек на стругах, с целью встречи каравана, направился спешно вверх по Иртышу, дошел до юрт Шиштамак и, не встретив каравана, повернул обратно.

Во время ночевки на берегу р.Иртыш близ устья р.Вагай на западном его берегу, на бугре под названием Атбаш, отряд подвергся неожиданному нападению Кучума. Почти все казаки были перебиты. По сообщению Ремезовской, Строгановской и Есиповской летописей, раненный в руку в рукопашной схватке с татарами Ермак пробивался к берегу, но неудачно прыгнул на край струга, — струг перевернулся.

Ермак, находясь в тяжелом панцире, утонул.

Это произошло в ночь с 5 на 6 августа 1585 года[3]. Так закончилась жизнь атамана.

С этой версией не согласен историк П.И.Небольсин. Он утверждает, что Ермак не утонул, а был убит татарскими воинами. Эту точку зрения отстаивает и татарский историк Х.Атласи[4]. В одной из сибирских летописей сообщается, что Ермак был убит ударом саблей в гортань могучим и храбрым воином Кучума Кутугаем, служившим дворецким мурзой. Это был тот Кутугай, который попал в плен к казакам и был отпущен[5].

---

[1] Сибирские летописи... — С. 284.
[2] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886. — С. XIX.
[3] Сибирские летописи... — С. 38, 148, 344.
[4] Небольсин П.И. Покорение Сибири... — С. 90, 91; Атласи Х. Указ. соч. — С. 105.
[5] Скрынников Р.Г. Указ. соч. — С. 207.

Мертвое тело Ермака было найдено 13 августа 1585 у татарских Епанчиных юрт. Еще об одной версии гибели Ермака сообщается в народном дастане «Тимер батыр», записанном в 1919 г. у сибирского татарина Бакира-бабая знаменитым фольклористом Хафизом Рахматуллиным.

Описываемые в дастане боевые действия между казаками Ермака и воинами Кучума соответствуют сообщениям сибирских летописей и не вызывают сомнений. В дастане гибель Ермака описывается так: действительно казаки Ермака на берегу Иртыша были перебиты татарским отрядом; оставшийся в живых Ермак снял с себя тяжелый панцирь и начал плыть на другую сторону Иртыша, но был сражен стрелой татарского воина Тимер-батыра и погиб[1].

После гибели Ермака в Искере осталось 150 казаков. Иван Глухов, подозревая о приближении Кучума и не желая повторения голода как в прошлую зиму, 15 августа 1585 г. со своей дружиной покинул столицу Сибирского ханства Искер и двинулся по Иртышу и Оби. Дальше через Югорский камень достиг р.Печоры и вернулся в Россию[2].

Бывшая столица ханства опустела. Казаки оставили за собой, подобно испанским конкистадорам в Мексике, следы варварства, заключающиеся в разрушении древнего независимого государства сибирских татар, в уничтожении почти 90 процентов коренного населения Западной Сибири. Бандиты Ермака разграбили, разрушили материальные богатства, довели до грани катастрофы материальную и духовную культуру древних народов Сибири: татар, остяков, вогулов, селькупов, ненцев. Поход Ермака расшатал государство сибирских татар, разрушил также государственные образования других народов Западной Сибири, открыл русским завоевателям путь в долину Иртыша и Оби.

Московское правительство не забывало о Сибири, оно не хотело отпускать из своих рук богатейшую добычу.

Еще не дошла до Москвы весть о гибели Ермака, как на помощь ему был отправлен второй воевода Иван Мансуров с сотней казаков, пушками, богатым снаряжением. Осенью 1585 г., через 2,5 месяца после ухода И.Глухова, Мансуров прибыл в Сибирь.

Достигнув Иртыша, он узнал, что в Сибири возродилось татарское государство. Когда воевода дошел до Оби, началась зима.

И.Мансуров, чувствуя к себе враждебное отношение местного населения, построил с казаками на высоком берегу Оби деревянный городок и укрепил его. Остяки попытались разрушить город, но их отогнали пушками, после чего они были покорены и обложены ясаком.

Поход И.Мансурова закончился неудачно, весной 1586 г. он вернулся в Россию. Построенный казаками городок явился первой русской крепостью на сибирской земле[3].

До Москвы наконец дошли печальные вести о смерти Ермака и уходе из Сибири русского войска во главе с Глуховым. Поэтому в начале 1586 г. московское правительство снарядило в Сибирь отряд в 300 стрельцов под нача-

---

[1] Фән һәм тел. — Казан. — 2003. — № 2. — Б. 32–35.
[2] Сибирские летописи... — С. 299.
[3] Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI–XVIII вв. — М., 1972. — С. 49.

лом воеводы Василия Сукина, Ивана Мясного и письменного головы Данила Чулкова, который дошел до Туры летом того же года, то есть когда Мансурова в Сибири уже не было. Не решаясь идти дальше, 29 июня 1586 г. стрельцы остановились на правом берегу Туры.

Поход Ермака открыл путь к крупным рекам Сибири — Туре, Тоболу, Иртышу, Оби. Москва путем строительства городов стремилась закрепиться на этих реках. Воеводе Сукину было предписано укрепиться в Чимги Туре. Воеводы летом 1586 г. на месте Чимги Туры — древнего татарского города, столицы первого татарского государства в Сибири — основали русский город, за которым закрепилось татарское название Тюмень.

Опираясь на этот город, воеводы начали собирать ясак с татар, живших по Туре, Тоболу и некоторым из их притоков. Таким образом, утвердившись в Тюмени, царские воеводы смогли распространить на Восток русское владычество[1].

Весной 1587 г. в Тюмень пришло из Москвы новое подкрепление, на этот раз в город на Иртыше. В 19 верстах ниже Искера был основан новый город, которому дали название Тобольск. Город, расположенный на северном мысу Иртыша, был окружен деревянными крепостными стенами.

Вскоре он становится местом пребывания колониальной администрации — воевод, а затем и губернаторов всей Сибири, играя значительную роль в закабалении народов Сибири[2].

Сейдяк, заняв Искер, чувствовал себя в нем спокойно. Но он был крайне неосмотрительным. Несмотря на близкую опасность, Сейдяк и его окружение не делали ни малейших попыток изгнать или ослабить русских, что было вполне возможно в то время. Наоборот, русские ждали удобного момента для того, чтобы его убрать.

Силы Сейдяка прибавились после того, как к нему на службу пришли царевич Казахской орды Ураз Мухаммед и известный карача. После ухода в степь Кучума окрестные татары признали власть Сейдяка, стали платить ему дань. Влиятельная знать, принадлежавшая к роду Тайбуги, покинула Кучума и перешла на сторону Сейдяка. Но он не был готов к управлению государством.

По одной из версий сибирских летописей, летом 1588 г. в один из опасных моментов, когда колониальная администрация Тобольска набирала силу, Сейдяк с Ураз Мухаммедом и карачой Кадыр Али-беком с отрядом в 500 татар забавлялись ястребиной охотой на берегу Иртыша. Это стало известно тобольскому письменному голове Д.Чулкову.

Сейдяк и его команда были приглашены Чулковым на пир, «чтобы во время его вести мирные переговоры». Сейдяк и его окружение поставили условием присутствие там 500 воинов, участвующих в охоте.

Русская сторона согласилась на присутствие 100 человек, а остальных 400 человек оставили за воротами. На пиру Сейдяку и его окружению предложили выпить большие чары вина. За отказ знатные гости были связаны, а остальные перебиты. Оставшиеся за воротами, узнав об этом, разбежались, видимо, испугавшись огнестрельного оружия. С этого дня Искер опустел,

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 274; Его же. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. XIV. — С. 34.
[2] РИБ. — СПб., 1875. — Т. II. — Стлб. 401, 402. — № 130.

никем не заселялся и разрушался. Прогнав из столицы Али и заняв престол, Сейдяк не оправдал надежды сибирских татар, облегчил покорение врагами своего народа[1].

Строгановская летопись сообщает другую версию поражения Сейдяка. В ней говорится, что Сейдяк прибыл в Тобольск как бы для торга с русскими и, проторговав один день, утром следующего дня был пленен русским отрядом[2]. Скрынников эту версию считает маловероятной[3].

В 1590 г. на место письменного головы Тобольска Данилы Чулкова прибыл воевода князь Владимир Кольцов-Масальский. Был определен статус г.Тобольска. Он уже не подчинялся г.Тюмени.

После пленения Сейдяка Искер опустел. Для захвата Искера у Кучума, по-видимому, не было достаточных сил, так как в войне с казаками Ермака погибло большое количество татар. К тому же бывшая столица ханства оказалась в 16 верстах от колониальной столицы Сибири, где сосредоточивались все нарастающие военные силы русских. Но Кучум решил отомстить и до конца бороться с завоевателями и с теми из татар, которые признали власть России в Сибири, платили ясак и помогали русским в укреплении колониальной власти. Он до конца жизни оставался преданным своему государству.

23 июня 1590 г. Кучум совершил набег на Тюменский уезд, на Каурдакский и Салинский улусы на Иртыше, взял пленных, захватил много добра.

Тарский воевода Кольцов-Масальский 8 июля 1591 г. отправился в степь в поход против Кучума, решив покончить с ним навсегда.

Погибло и было пленено много воинов Кучума. Среди пленных были две жены Кучума и его брат — Абулхайр. Русские захватили большое количество добра[4].

Несмотря на успешный поход, Кольцов-Масальский не смог добиться цели, — Кучум успел сбежать и долгое время оставался грозной силой для русских властей Сибири. Уничтожение Кучума стало их главной задачей. В 1594 г. с целью преследования и уничтожения Кучума и полного подчинения сибирских татар был построен г.Тара.

Воевода г.Тары Андрей Елецкий основную свою деятельность направил на преследование Кучума. Разведка Елецкого сообщила, что Кучум находится в районе верхнего течения Иртыша, за рекой Омью, что было в пяти днях пути от Тары, на острове на р.Иртыш находится его сын Али, с ним 200 человек татар.

Для поиска Кучума и его окружения А.Елецким был организован поход во главе с Борисом Доможировым, в котором участвовало 260 человек.

Отряд достиг так называемого Черного городка на Иртыше, несколько татар были взяты в плен, но русские не смогли помешать бегству хана[5].

Кучум не хотел слышать о мирных переговорах. Он отклонил предложение Маметкула и сыновей, находящихся на службе в Москве, а также русских властей о переговорах. В 1597 г. Кучум восстановил свою власть в Тере-

---

[1] Сибирские летописи... — С. 293, 294.
[2] Сибирские летописи... — С. 43.
[3] Скрынников Р.Г. Указ. соч. — С. 251.
[4] Атласи Х. Указ. соч. — С. 114.
[5] Буцинский П. Заселение Сибири и первые ее насельники. — Харьков, 1899. — С. 143, 145.

нинской, Любарской и некоторых других волостях, находившихся под русским подданством[1].

В 1597 г. в Тару был направлен новый воевода Степан Кузьмин.

В августе 1598 г. С.Кузьмин отправил отряд во главе с Андреем Воейковым в составе около 600 человек казаков и татар на Барабу. Разведка донесла, что Кучум, кочующий со своими людьми в количестве 500 человек, кроме того, с ним были еще 50 бухарских торговых людей, до настоящего времени находился на озере Ик, а теперь перешел на Обь.

На рассвете 20 августа 1598 г. Воейков с частью своих войск напал на Кучума. Началось ожесточенное сражение. Превосходство завоевателей в вооружениях привело воинов Кучума к поражению. Потери Кучума были огромны. Погибли его брат Алтын, сын Канай, 2 сына царевича Али, 6 беков, 10 мурз, 5 атаманов, 150 воинов, 100 человек при попытке переплыть Обь были расстреляны русскими. 5 человек из пленных были казнены (расстреляны или повешены). Была пленена большая часть семейства Кучума, в том числе 5 его сыновей, — Асманак, Шаим, Бипадишах, Мулла, Кумуш. Были также взяты в плен 6 (по другим источникам — 8) жен Кучума, 8 дочерей; пленены жены его сыновей и другие близкие[2]. Ремезовская и некоторые другие летописи сообщают, как мы уже знаем, только об одной дочери Кучума. Остальные дочери, попавшие в плен, по-видимому, были не от старшей жены Кучума.

Однако Кучуму и на этот раз удалось бежать. С ним были сын Али и некоторые из близких. Погоня Воейкова за Кучумом не дала результатов. Воейков пытался дипломатическим путем сломить Кучума и отправил к нему специального посла — Талмухаммеда. Кучум ответил отказом на предложение примирения с царем. Он заявил, что оглох и ослеп, уходит к ногаям, а сына Али отправляет в Бухару[3].

Победа на Оби, несмотря на то, что Кучум потерял все свое богатство, почти всю семью и воинов, для русских была неполной, так как они не смогли покорить самого хана Кучума и его сыновей.

Начиная с 1582 г. русские в течение 16 лет вели войну против Кучума, но не смогли захватить его, а хану хватило сил и воли почти два десятилетия воевать против захватчиков.

После сражения на Оби Кучум продолжал оказывать сопротивление русским в степях Тобола и около Уральских гор, причинив им много бед. Некоторое время он кочевал около озера Нор-Зайсан, затем решил вернуться в ишимские степи, где надеялся найти разбросанную по разным местам семью и своих улусных людей. В степях он вступил в конфликт с калмыцкими тайшами и скоро был вынужден уйти от калмыков. Вслед за ним в погоню вышли калмыки и догнали его на р.Ишим у озера Каргальчика. Люди хана погибли, но сам Кучум спасся.

Сообщения о жизни Кучума после этих событий и смерти противоречивы. Абу-ль-Гази пишет, что в последние годы он ослеп, что подтверждается данными и других источников. Почти все источники говорят о его насильственной смерти, некоторые сообщают, что он погиб в 1601 г. от ногаев[4].

---

[1] Буцинский П. Указ. соч. — С. 143, 146.
[2] АИ. — СПб., 1841. — Т. II. — № 130. — С. 401, 402.
[3] Там же. — № 4, 5. — С. 6, 7.
[4] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 201, 300; Сибирские летописи... — С. 161.

Кучум был самым могущественным ханом сибирского татарского государства. Он был правителем государства в течение 23 лет, самоотверженно отстаивал независимость своей земли, возглавлял борьбу против чужеземных захватчиков. Несмотря на огромные трудности и лишения, оставался патриотом своего государства.

Военный поход Ермака ослабил Сибирское ханство, облегчил завоевание Сибири. После похода Ермака началось закрепление путей в Сибирь через Урал и завоевание новых территорий в Западной Сибири. С этой целью основывались города. Поскольку одним из стимулов русской колонизации на начальном этапе была пушнина, продвижение русских шло в первую очередь и главным образом в таежные и тундровые районы. Продвижение в эти районы было еще обусловлено их слабой заселенностью и незащищенностью.

С 90-х годов XVI в. направленные на захват сибирской земли действия ведутся еще более интенсивно. Прежде всего были предприняты походы с целью разгрома Кучума, которые сопровождались грабежом, разбоями и уничтожением татарского населения. Совершая грабительские набеги на ясачное население, русские войска жестоко мстили ему за поддержку Кучума.

В 1593 г. специально оформленный отряд русских колонизаторов под командованием воевод Н.В.Траханиотова и П.И.Горчакова был послан против сильного Пелымского княжества, активного союзника Кучума, князем которого был воинственный Аблагерим.

Пелым был покорен, младший сын Аблагерима Таутан и внук Учет были отправлены в Москву в качестве пленников. Вслед за этим потеряло свою независимость расположенное рядом Кондинское княжество, чему активно содействовали кодские вогулы князя Игичея. Несколько раньше этих событий на Средней Оби была покорена так называемая Пегая орда — племенное объединение селькупов во главе с воинственно настроенным князем Воней, союзником Кучума. Поражению Пегой орды способствовали строительство городов Нарыма и Кетска и разгром Кучума[1].

Вынуждены были принять русское подданство и чатские татары, но они не платили ясак. Принуждались платить ясак русским барабинские татары, однако они начали ожесточенную многолетнюю борьбу против русских завоевателей, не признавая русской власти и совершенно отказываясь платить ясак[2].

Усилилось подчинение народов Обско-Иртышского бассейна и дальнейшее продвижение русских после поражения Кучума на Оби в 1598 г., хотя его сыновья и внуки продолжали военные действия против русских до 70-х годов XVII столетия.

Таким образом, к началу XVII в. вся территория Западной Сибири от Обской губы на севере до Кузнецка на юге была захвачена Россией. Начался тяжелый колониальный период истории сибирских татар и других коренных народов Сибири.

---

[1] История Сибири. — М., 1941. — Т. II. — С. 32.
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. I. — С. 286–289; Т. II. — С. 34, 35.

§ 7. Борьба сыновей и внуков Кучума против русских завоевателей

После поражения Кучума на Оби главными врагами России в Сибири были его сыновья и внуки. Они не были сильными, однако представляли опасность потому, что татары и другие сибирские народы видели в них законных правителей страны. Сыновья и внуки Кучума беспрестанно кочевали в степях в верховьях Ишима, Иртыша и Тобола, совершали нападения на русские селения, иногда доходили до Яика и Уфимского уезда. Все недовольные русскими завоеваниями переходили к ним[1].

В 1600 г. сыновья Кучума — Али, Канай, Азим и Кубей-Мурат находились в верховьях Ишима, и при них было 250 человек татар и башкир. В июне 1600 г. в Тобольск от них пришло посольство; через послов братья заявили, что решили покориться русским. Вслед за этим сообщением, в целях выяснения отношения к ним русских, направили в Тобольск Кубей Мурата. Вместе со сдавшимся в Уфе русским властям Ишимом он был отправлен в Москву[2].

Али и Канай поставили перед властями Сибири требование вернуть из Москвы задержанных братьев, но получили отказ. Отказавшись мириться с русскими, братья решили бороться против завоевателей и вступили в союз с ногаями, которые поддерживали Кучумовичей.

В целях привлечения остальных Кучумовичей на сторону России Ишим был принят хорошо в Уфе и в Москве, оттуда он отправил братьям письмо. Али в это время был в 5 днях пути от Уфы и имел при себе 300 человек. Узнав о смерти отца, в 1601 г. он объявил себя ханом.

В 1603 г. к Али пришел ногайский мурза Урус, который имел в подчинении 700 ногаев, татар и башкир. У Али стало 1100 человек; он собирался напасть на Тюмень осенью 1603 г., но узнал, что его брат Канчувар и некоторые жены Кучума, задержанные в Москве, отпущены и находятся в пути.

В мае 1607 г. Азим, Канчувар и бежавший из Москвы Ишим вместе с калмыками напали на Тюменский уезд, захватили Кинырский городок, пленили жен и детей татар. Вышедший в поход против Кучумовичей голова Казарий Изъединов взял в плен на реке Ишим жену Али с двумя сыновьями, двух жен Азима с дочерьми, сестру Али и в августе доставил их в Тюмень. В марте 1607 г. была взята в плен мать Али. В декабре 1608 г. все пленники были отправлены в Москву[3].

Кучумовичи, несмотря на трудности, не хотели мириться со своим положением, изыскивали различные средства для борьбы с колонизаторами. Не согласившиеся на русское иго татары и другие коренные народы Сибири искали случая, чтобы низвергнуть его[4].

В 1616 г. Али умер, и Ишим объявил себя ханом. Вместе с калмыками он находился на Иртыше. В 1618 г. на них напал русский отряд под командованием А.Вельяминова. Ишим и калмыки понесли тяжелые потери. Чтобы укрепить отношения и объединить усилия в борьбе против засилия русских,

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. II. — С. 26.
[2] Архив АН СССР, ф. 24, оп. 4, л. 5, 11, 11об.
[3] История Сибири... — Т. II. — С, 29, 30.
[4] Фишер И.Э. Сибирская история... — С. 408.

Ишим женился на дочери калмыцкого тайши, но позднее калмыки отказали ему в помощи в борьбе против России[1].

Действия Кучумовичей в степях против русских имели большое влияние на татар и другие народы Сибири. В 1624 г. кузнецкий воевода писал в Томск, что татары его уезда угрожают отпадением от России и хотят поднять восстание; что кузнецкие татары ждут ответных действий от татар Барабы. В 1628 г. барабинцы убили боярского сына и 18 казаков.

В ответ на жестокое отношение тарского воеводы отпавшие татары огнем и мечом разоряли деревни в Тарском уезде и подступили к г.Тара. Татары ушли на Барабу, но их догнали русские и побили. В живых осталось всего 150 повстанцев, которые в 1629 г. ушли к барабинскому князю Когутаю. В эти события вмешались калмыки и Кучумовичи.

Сын Ишима Аблай старался усилить свои отряды. Он собрал большое количество барабинских и тарских татар, обратился к чатскому мурзе Тарлану. С этими силами Аблай вступил в Тарский уезд, разорил близ устья р. Исеть татарскую деревню, население которой платило ясак русским властям, большое число жителей увел в плен. Много беды принес русским внук Кучума и сын Ишима Девлетгирей[2].

Жители русских деревень Тюменского уезда жаловались, что 11 ноября 1634 г. к Тюмени подходили Кучумовичи с калмыками и томскими татарами. «Они в полон к калмыкам повели, деревни с хлебом пожгли, людей и всякий скот отогнали, им жеребьев своих пахать невозможно, потому что они стали одиноки и бедны и безлошадны... от войны люди совсем разорены»[3].

В ноябре 1631 г. Кучумовичи напали на Тарский уезд, причинили много бед. Энергичную деятельность проявили Аблайгерим и Девлетгирей. С верховьев Ишима они достигли Вагая и Иртыша. Увели много скота и пленных. Весной 1635 г. Аблайгерим пришел на Исеть, увел 24 татарские семьи, платившие ясак, в Уфу, и несколько семей, приписанных к Тюменскому уезду. В 1636 г. Аблайгерим и его родной брат-царевич Тевка были пленены и привезены в Уфу[4].

Кучумовичи предпринимали ряд крупных мер против завоевателей до середины XVII в., чем сильно беспокоили русские власти.

В 1648 г. Девлетгирей организовал крупное нападение на русских. В том же году царевичи Бугай и Кучук отвоевали пограничные с Сибирью уфимские волости[5]. Под влиянием Кучумовичей среди нерусского населения Западной Сибири не только долго сохранялась память о былой независимости, но и продолжала жить надежда на восстановление Сибирского ханства, «как было при Кучуме царе». Еще в 60-е годы XVII в. среди остяков Березовского уезда жила уверенность в том, что «быть-де царевичу Кучумову в Тобольску и владеть ему всю Сибирь». Поэтому когда Девлетгирей поднялся «на Русь, встали, как один человек, татары, вогуличи, башкиры в землях, входивших в

---

[1] Фишер И.Э. Сибирская история... — С. 316.
[2] Там же. — С. 325, 431.
[3] АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 12 об., 13; № 243, 244, оп. 4; № 10, л. 29, об. 30; № 22.
[4] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. II. — С. 108.
[5] Долгоруков П. Российская родословная книга. — Ч. 3. — СПб., 1856. — С. 33, 54.

состав Сибирского ханства». Но и после Девлетгирея «проклятые басурманы Кучума» продолжали освободительную борьбу[1].

В конце 1600 г. к царевичам в степь на реке Тобол были отправлены из Тюмени послы, чтобы призвать их для принесения шерти, но, не встретив царевичей, послы вернулись обратно. Сибирские власти пытались вступить в связь с царевичами через Ишима, но получили отказ от Али и других царевичей. Царевичи открыто выступили против России, причинили много вреда русским поселениям в Сибири. Особенно активно действовал Али, вместе с ним воевало до 1100 татар. Ему помогали и ногаи. В 1603–1606 гг. Али действовал очень активно. Недалеко от Тюмени действовал Азим. Сын Али — Арслан был схвачен и выслан в Москву[2].

В 1607 г. три брата — Азим, Ишим (он возвратился из Москвы) и Канчувар вместе с калмыками напали на Тюменский уезд, захватили врасплох татарский городок Кинырский, увели пленных. Им помогал Али.

К началу августа 1629 г. в Чатский городок прибыл Аблайгерим с 130 калмыками и татарами. Вскоре его отряд достиг 2000 человек. Он угрожал Томску, но потерпел поражение. В 1631 г. царевичи напали на Тарский уезд и нанесли большой ущерб. Кроме царевича Аблайгерима в это время выступает еще один царевич — Девлетгирей, сын Чувака. Ему помогали калмыки. Они причинили много вреда завоевателям на берегах Вагая.

В начале 1632 г. царевичи напали на татарские деревни недалеко от устья р.Исеть (впадающей в Тобол) в Уфимском уезде. Нападение продолжил в 1633 г. Девлетгирей, который разорил Катайскую волость Уфимского уезда. В ноябре 1634 г. около Тюмени появились Кучумовичи и калмыки, обложили ее со стороны степи и угрожали приступом. Причинили много вреда русским, увели пленных. Весной 1635 г. Аблайгерим приходил на Исеть, откуда увел 14 семей, плативших ясак Уфе. В 1636 г. в верховьях Уфы царевич Аблайгерим попал в плен к русским. Кучумовичи воевали с русскими и в 1648 г.[3].

§ 8. Дальнейшая судьба наследников Кучума

Начиная с 1582 г. в руки русских властей попали в плен сыновья, внуки, жены и другие родственники Кучума. По-разному сложилась их судьба. Многие из них были разбросаны по разным местам России, некоторые были оставлены в Москве. Для привлечения оставшихся в Сибири сородичей им были предоставлены различные привилегии. На государственных приемах при царском дворе они пользовались почестью, им отводились места выше бояр[4]. В 1614 г. царь Михаил Федорович назначил царем в Касимовское царство Кучумовича Арслана — сына Али. До этого жизнь Арслана малоизвестна. В Россию он попал еще при царе Борисе Федоровиче Годунове. 20 августа 1598 г. на берегу Оби тарским воеводой Андреем Воейковым Арслан был

---

[1] Фишер И.Э. Указ. соч. — С. 325.
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. II. — С. 29.
[3] Там же. — С. 112–115.
[4] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1836. — Кн. I. — С. 293.

взят в плен вместе с многочисленным семейством Кучума. Воейков в качестве пленных всех отправил в Москву. В январе 1599 г. все они были приняты царем Борисом. Затем жен и дочерей Кучума отпустили согласно их желанию — одних в Бежицкий Верх, к Маметкулу, других — в Касимов, к Ураз Мухаммеду, туда попал и сын Али Арслан[1].

Абулхайр — сын Кучума был взят в плен воеводой князем Кольцовым-Масальским 1 августа 1591 г. близ Ишима у озера Чили-куль вместе с двумя женами Кучума[2]. После пленения Абулхайр постоянно жил в России. В 1600 г. его крестили, дали имя Андрей. Его сын — Федор Андреевич Ноготков. Сын Ф.А.Ноготкова — сибирский царевич Василий Федорович, отец сибирского царевича Романа Васильевича[3].

Сын Али Арслан получил в личный удел г.Касимов и в 1614–1617 гг. был ханом Касимовского царства. После его смерти там правил правнук Кучума Саид-Бурган, носивший после крещения имя Василий Арсланович (умер в 1679 г.). У него были две дочери — Евдокия и Домна. Евдокия вышла замуж за М.К.Нарышкина, брата царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I. Домна была замужем за князем Юрием Яковлевичем Хильковым. Род князей пошел и от второго сына Кучума — Алтаная, у которого было два сына, носивших титул царевичи: Дост-Салтан (после крещения Петр) и Иш (в православии Алексей)[4].

Так закончилась история единственного государства народов Сибири середины II тысячелетия — Сибирского ханства. Сибирские татары до последних сил боролись за сохранение своей государственности. Однако и после поражения Кучума у Потчевашского мыса и после того, как оставили Искер, Сибирское ханство не переставало существовать. Кучум еще 17 лет не сдавался русским властям, сплотив остатки сил татар для борьбы против захватчиков. Дети и внуки Кучума также не примирились с разрушением татарского государства и в течение 70 лет воевали против Русского государства. Не только татары, но и другие коренные народы Сибири оказали отчаянное сопротивление завоевателям. До начала 90-х годов XVI в. остяки отчаянной борьбой сохраняли свое Пелымское княжество, селькупы — Пегую орду.

«Это свидетельствует о том, что Сибирское ханство, несмотря на свою слабость, представляло собой жизненный организм, — писал С.В.Бахрушин. — Нельзя вычеркивать из истории СССР историю этого ханства. Жители Западной Сибири в течение всего XVII в. считали себя связанными с династией Кучума и не раз поднимали восстания для восстановления Кучумова государства. Все это показывает, что уже до русских в Западной Сибири связи государственного устройства были достаточно крепки»[5].

П.И.Небольсин писал: «Кучум неуступчиво боролся с Ермаком; в этой борьбе он не унижал ни своего сана, ни своего достоинства, не падал ниц перед покорителем, мстил ему сообразно духу времени, и тайно, и явно, и,

---

[1] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — Ч. 3. — СПб., 1866. — С. 1866. — С. 45.

[2] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — Т. I. — С. 224.

[3] Долгоруков П. Указ. соч. — С. 53–54.

[4] Гарифуллин И. Очерки истории татарского населения Тюменской области. — Тюмень, 2000. — С. 33, 34.

[5] Бахрушин С.В. Завоевание Сибири. — М., 1938. — С. 12.

наконец, семнадцать лет скитался по степи. Он, в диком величии своем, предпочел лучше пасть под ударами судьбы, но не запятнать себя добровольной передачей перед теми, кого он считал своими притеснителями и врагами...»[1].

Основная причина падения Сибирского ханства заключается в значительной степени не только в техническом превосходстве русских войск, но и в том, что Сибирское ханство в то время было раздроблено. Каждый мелкий татарский князь со своим воинским отрядом представлял собой самостоятельного государя. Кроме того, под властью хана находились остяцкие и вогульские племена, отнюдь не заинтересованные в том, чтобы поддерживать владычество татарского сибирского хана[2]. Немаловажное значение в разгроме Сибирского ханства имело отсутствие единства в тюркском мире. Ногайская Орда, Казахское и Бухарское ханства не оказали сибирским татарам какой-либо заметной помощи в борьбе за сохранение своей государственности.

Огромными были потери сибирских татар. Погибли люди, в первую очередь ведущие силы народа, духовные лица, грамотная часть населения, молодежь, уничтожались накопленные веками материальные и духовные ценности, сокровища, государственные документы, отражающие историю государства и народа, разрушались города. Самой тяжелой, безвозвратной потерей для народа была потеря государственности и независимости. Сибирские татары в течение многих веков были вынуждены испытывать последствия этой огромной потери.

[1] Небольсин П. Покорение Сибири... — С. 114.

[2] Бахрушин С.В. Завоевание Сибири. Стенограмма лекции проф. С.В.Бахрушина, прочитанной 4 марта 1938 г. – М., 1938.

Глава VI

Расселение сибирских татар. Колонизация Сибири

§ 1. Расселение сибирских татар

Еще Г.Ф.Миллер выделял следующие группы сибирских татар: тюменские, тобольские, ишимские, барабинские, чатские. Он признавал единство этих групп, называл их «главнейшим народом Сибири»[1]. О наличии у сибирских татар почти таких же этнографических групп, хотя и с небольшой разницей, писали И.Г.Георги, В.В.Радлов, Страленберг, О.В.Оксенов, А.К.Андриевич, Н.М.Ядринцев и др. Они также признавали большое сходство между собой разных групп сибирских татар.

В исследуемый период сибирские татары состояли из нижеследующих групп:

1. Тоболо-иртышские татары и их подгруппы: тюменские, тобольские, ясколбинские, или заболотные, курдакско-саргатские и тарские. Они занимали территорию бассейнов рек Туры, Тобола, Пышмы, Иртыша и Ишима.
2. Барабинские татары.
3. Томские татары и их подгруппы: чатские татары, эуштинцы и калмаки.
4. Чулымские татары.
5. Обские татары.

В XVI — начале XVII вв. существовали туринские татары, в составе которых отдельной подгруппой были верхотурские татары. Туринские татары как этнографическая группа исчезли в первой половине XVII в. Они первыми встретились с русскими переселенцами: часть их ушла в башкирские и казахские степи, другие — на юг, на берега Томи, часть была крещена и обрусела. Верхотурские татары представляли собой смесь тюменских, туринских, поволжских татар и башкир, переселившихся в Приуралье. По местам проживания пермских и верхотурских татар проходила старая сухопутная Казанская дорога, где шла торговля и происходил хозяйственный обмен между

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири... — М., 1937. — Т. I. — С. 169, 183, 198.

поволжскими и сибирскими татарами. Поэтому в материальной культуре пермских татар, особенно в архитектуре их жилья, заметно влияние сибирских татар. Верхотурские татары были самой западной подгруппой сибирских татар, регион их расселения являлся зоной контакта и взаимовлияния пермских и сибирских татар, что подтверждают лингвистические данные. Д.Б.Рамазанова в говоре пермских татар обнаружила особенности, общие с диалектами сибирских татар[1]. В результате миграции и крещения с последующим обрусением эта группа сибирских татар также исчезла.

На юг продвинулась часть и других групп татар, где они были отмежеваны от русского населения линией русских укреплений. Некоторая часть татар оказалась на территории современного Томска, другая — на территории Чулымского бассейна, здесь они смешались с местными татарами, которых мы называем чулымскими[2]. В начале XVII в. Верхотурский уезд был передан в состав Пермского наместничества[3].

Типы тобольских татар. Старинная гравюра

Разные этнографические группы сибирских татар отличались друг от друга не только по происхождению и языку, они имели также отличия в хозяйственной деятельности и уровне общественного развития.

Тоболо-иртышские татары, наряду с туринскими, были потомками древнейшего тюркского населения Западной Сибири. Тобольские татары в основном были сосредоточены в южной части Тобольского округа, то есть в бывшем центре Сибирского ханства. Тюменские татары проживали южнее. Тобольских и тюменских татар соседние народы называли туралинцами (туралы — городские). Их социально-экономическое положение было выше, чем у других татар Сибири. Они составляли основное ядро сибирских татар. Первые государства сибирских татар — Татарское ханство на реке Ишим, Тюменское ханство и позднее Сибирское ханство возникли на территории проживания туралинцев. Они первыми перешли к оседлости. Здесь проживали представители Тайбугинской династии сибирских правителей.

Тоболо-иртышские татары представляли собой самую большую группу татарского населения Сибирского ханства. Самой северной подгруппой тоболо-

---

[1] Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары. — Казань, 1983. — С. 143.

[2] Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского государственного педагогического института. — Томск, 1952. — Т. IX. — С. 76–211.

[3] Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII и XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 1962. — С. 145.

иртышских татар были аремзяно-надцинские татары. Тюменские и тобольские татары представляли центральную подгруппу, они являлись потомками древнейших тюрков Западной Сибири. Вместе с туринскими татарами они первыми выступили против казаков Ермака, на защиту своего отечества. Своеобразной подгруппой тоболо-иртышских татар были иштяко-токузские татары. Иштяками татары называли отатарившихся остяков. Название «токуз» связано с древними тюркскими племенами токуз-огузов, сведения о которых есть в орхонских надписях. Токуз-огузские племена участвовали в этногенезе не только сибирских татар, но и других тюркских народов: туркмен, каракалпаков, ногайцев и др.[1].

Туралинцы уже в древние времена занимались земледелием (во время похода Ермака у них были значительные запасы хлеба), сохранялось у них и скотоводство. У них рано возникли города, в середине XVI в. их насчитывалось около 15.

Туринские и тобольско-иртышские татары во времена Кучума расширяли свои владения в северном направлении, заселяя территории по Иртышу, Демьянке и Конде, продвигаясь к Оби. Таким образом, ареал заселения их расширялся. Находясь на более высоком уровне развития, они оказывали общественное и культурное влияние на остальные группы татар. В ходе расширения территории ханства некоторая часть остяков и вогулов попала под власть татарского хана.

Интенсивные контакты южных улусов тюменских татар с зауральскими башкирами Зауралья и оренбургскими татарами привели к образованию в конце XVI — начале XVIII в. подгруппы ялуторовских татар.

Несмотря на интенсивную колонизацию, русское окружение, агрессивную христианизацию, туралинцы сохранили свой язык, традиции, культуру и религию.

На рубеже 70–80-х годов XVIII в. из 150 населенных пунктов Тюменского уезда 35 были населены татарами и бухарцами. Татар и бухарцев в Тюменском уезде насчитывалось около 5000 человек, в том числе 2405 душ мужского пола[2]. В 1780 г. в Тюменском уезде был 1631 татарин мужского пола, 602 бухарца мужского пола, 95 служилых татар, 76 отставных служилых татар мужского пола[3]. Обычная татарская семья состояла из 5–7 человек.

Татары и бухарцы селились довольно крупными селениями. Отдельные из них насчитывали 400–500 человек (Сингулы, Ембаево), 200–350 человек (Шыкчинские, Большие Каскаринские, Тураевские, Тарманские). Малочисленных юрт (по 10–30 человек) было немного. Средняя численность татарских и бухарских населенных пунктов составляла 140 человек, такая же, как у русских в целом в Западной Сибири в XVIII в. Наибольшее число бухарцев было сосредоточено между Тюменью и Тобольском[4].

В 1795 г., по данным переписи, в татарских волостях Туринского и Тобольского округов проживало около 25 тыс. человек, в том числе свыше 2,5 тыс. бухарцев, небольшое количество башкир, ногайцев, каракалпаков, казанских татар. Кроме того, насчитывалось свыше 350 оброчных чувальщиков, в основ-

---

[1] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. — С. 88, 103, 203–204.
[2] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 57. Д. 897. Л. 38, 39 об.; Д. 898. Л.1–15; Св. 29. Д. 550. Л. 24.
[3] Там же. 41. Св. 29. Д. 554. Л. 3, 86–88.
[4] Там же. Ф. 47. Св. 57. Д. 897. Л. 38, 39 об.; Д. 898. Л 1–15.

ном это были татары, прибывшие из Поволжья. Они платили ясак по количеству чувалов (глинобитных печей), отсюда и название[1]. Тобольские татары в XVIII в., по сообщению Георги, жили в деревнях по 5–10, дворов и всего их насчитывалось до 4000 душ мужского пола[2].

Наиболее обособленной группой были заболотные татары, иное обозначение по названию волости — эскалбинские, или ясколбинские, татары. Они населяли большой болотный и лесной край, расположенный в 65 км к западу от Тобольска, по рекам Лайме, Носке, Иземети, а также по берегам озер. Эта группа была изолирована от остальных территорий озерами, болотами, непроходимыми лесами. В весенне-летний период с ними не было никакого сообщения, существовали известные только заболотным татарам пути — по озерам, на лодке, затем по каналам и тропинкам среди болот. В это время года они были отрезаны от «большой земли». Свободное сообщение с ней устанавливалось только зимой. Основным занятием этой группы татар были охота, рыбная ловля, сбор клюквы и других ягод. Разводили в небольшом количестве домашний скот.

Татарская девочка Тобольской губернии

Некоторые исследователи полагают, что заболотные татары появились в этом малодоступном крае после похода Ермака, однако в сибирских летописях находим следующие сведения: «...в декабре 1582 г. татарские мурзы Ишбердей из-за Ясколбинских болот и Суклем с реки Тавда принесли много подарков и продовольствия Ермаку»[3]. Большинство исследователей считает ясколбинцев наиболее древней группой сибирских татар. Говор этой подгруппы сибирских татар лингвисты также признают наиболее древним говором сибирских татар. В этом говоре сохранились следы языка тюркских племен, проживавших задолго до появления орхонских памятников[4]. Название «эсколба» отдельные исследователи ассоциируют с названием одной из групп волжских булгар — эскелов, однако эта версия источниками не подтверждается. В сложении этой группы приняли участие и представители угров и самодийцев. Заболотье на 90% покрыто непроходимыми болотами, изрезано массой речушек, часто безымянных, здесь расположены десятки больших и малых названных и не названных озер с островками суши, на которых разбросан десяток-другой селений — юрт. Это край смелых и мужественных людей, охотников, рыболовов[5].

---

[1] Янарыш. 1990. 20 нояб.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 42, 43.

[3] Сибирские летописи. Издание Археографической комиссии. — СПб.: Изд. Импер. Археогр. комиссии, 1907. — С. 28, 140.

[4] Ахатов Т.Х. Вопросы диалектологии тюркских языков. — Казань, 1960. — С. 106, 107.

[5] Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 409–410.

В Заболотье расположены только татарские деревни. Расстояние между ними нередко составляет 30–40 км. Свободное общение между деревнями и «большой землей» имеется только зимой, летом связь осуществляется по известным только местным жителям узким извилистым болотным рекам, озерам, между которыми прокопаны транспортные «резки» — узкие, шириной 80 см, канавы, по которым может пройти в одну сторону лодка-долбленка. Старожилы знают «водно-сухопутную» дорогу — лодкой по озерам и рекам, а от озера к озеру, от реки к реке — пешком по болотным кочкам.

Деревни заболотных татар имеют древнейшую историю; по рассказам самих жителей, им не менее 600 лет, а вероятно, намного больше. В этот край не пришли ни бухарцы, ни поволжско-приуральские татары. Антропологи и этнографы выявляют в этногенезе ясколбинцев следы ненцев и угров. Изучавшие их язык лингвисты выявили в нем древний тюркский субстрат, восходящий к языку тюрков орхоно-енисейских надписей[1]. В документах Тобольской казенной палаты от 27 октября 1873 г. отмечается, что Эскалбинская волость объединяла 25 татарских юрт, расположенных по берегам Иртыша, Лаймы, Носки и Иземетн[2].

Несмотря на отдаленность и затрудненность сообщения, ислам проник к ним давно, по-видимому, во время событий 1394 г. Однако доисламских обычаев в духовной жизни ясколбинцев сохранилось больше, чем у татар других групп.

Во избежание родственного кровосмешения заболотные татары хорошо помнят свои тугумы (токым). Тугум — это маленький род, группа близкородственных людей в пределах нескольких поколений. Каждый тугум имеет свое название (олень, медведь, рябчик, щука и др.). Птица, зверь или рыба, название которых носит тугум, являются его защитником, священным для данного тугума. Бракосочетание молодых людей внутри тугума исключается[3].

Сведения о количестве заболотных татар в XVII–XVIII вв. приведены в таблице 1[4].

Таблица 1

Данные о заболотных татарах (XVII–XVIII вв.)

Волости / Годы	1631	1660	1679	1700	1703	1711	1717
Ясколба и Лоймытамак	215	485	575	7795	780	790	860
Вачиер	70	65	55	70	55	75	75
Итого	285	550	630	7865	835	865	935

Самостоятельную группу в составе тоболо-иртышских татар составляли курдакско-саргатские татары, проживавшие южнее иштяко-токузских татар, на берегах Иртыша, его притокам и близлежащим озерам. Курдакско-

[1] Вопросы диалектологии тюркских языков. — Казань, 1960. — С. 106–107.

[2] Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. — Казань: Фикер, 2004. — С. 10.

[3] Еремин Г.И. Доисламские верования. ... — С. 426.

[4] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 57.

сардакских татар исследователи делят на две подгруппы: курдакских и саргато-утузских. Курдакскую группу образовали племена курдаков, выходцы из Средней Азии, аргыны, кара-кыпчаки, ногаи. Саргато-утузская группа состояла из потомков утузов[1]. Утузы, по-видимому, связаны с древними утуз-татарами, упоминаемыми в надписи Кюль-Тегина и других древних письменных источниках[2]. По мнению Б.А.Долгих, в происхождении курдакско-саргатских татар участвовали древние племена, подчиненные хану Он-сону, правившему на Ишиме. Как отмечалось в предыдущей главе, его сын — легендарный Тайбуга — является родоначальником тюменских ханов.

Как пишет в своем исследовании этнического состава и межэтнических связей курдакско-саргатских татар в конце XVIII–XX вв. С.Н.Корусенко, по материалам 5-й ревизии населения (1795 г.) численность данной группы татар составляла 3665 человек. Они проживали в 17 селениях Курдакской, в 12 селениях Саргатской и 5 селениях Тав-Отузской волостей[3].

На Среднем Прииртышье, от устья реки Оши до устья Оми, жили тарские татары, представляющие подгруппу тоболо-иртышских татар. Часть их проживала в бассейне Тары, Уя и Оми и Ишима. Все татары этой группы были оседлыми, их хозяйство и культура мало чем отличались от таковых у тюменских и тобольских татар[4]. Тарские татары были приграничной группой сибирских татар. На востоке их соседями являлись барабинские татары, на юге и юго-западе они граничили с калмыками, казахами, ногаями, на западе контактировали с башкирами-табынцами. В составе курдакско-саргатских татар раньше выделялись две группы: аяли и турали. По предположению Р.Г.Кузеева, аялинские татары и айлинские башкиры имели общих предков, которые первоначально проживали в присырдарьинских степях[5]. Тарских татар-туралинцев не следует путать с общим названием тоболо-иртышских татар — турали, как называли их соседи. Тарские татары туралинской подгруппы — древние автохтонные жители Прииртышья. Еще в ханский период с ними смешались выходцы из Средней Азии — бухарцы.

Тарский уезд в XVII в. также представлял собой арену антирусских войн, при этом количество татарского населения в нем резко уменьшилось. По сохранившимся документам, в 30-е годы XVIII в. в этом уезде тарских татар насчитывалось 613 душ мужского пола, барабинских — 457 душ мужского пола и бухарцев — 219 душ мужского пола[6].

В последующие годы XVIII в. плодородные земли Тарского уезда заселялись татарами. В середине XIX в. здесь было 10569 татар, в 1880 г. — 12145.

---

[1] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 45, 119; Долгих Б.О. Указ. соч. ... — С. 113; Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. — М., 1976. — С. 233.

[2] Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань: Мастер-Лайн, 2000. — С. 141.

[3] Корусенко С.Н. Этнический состав и межэтнические связи татар Среднего Прииртышья в конце XVIII – XX веках: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омский филиал объединенного ин-та истории, филологии и философии СоРАН. — Омск, 1996.

[4] Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск, 1981. — С. 135–140; Валеев Ф.Т. К этнической истории тарских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 217.

[5] Кузеев Р.Г. Указ. соч. — С. 207.

[6] Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 153. Л. 3 об.; ПСЗ-1. — СПб., 1830. — Т. IV. — № 16710, 16711.

Вид Барабинской степи

Все тоболо-иртышские татары, кроме заболотных, занимались земледелием. Тобольские и тюменские татары имели сравнительно развитое земледелие по сравнению с татарами остальных групп. Скотоводство у них имело второстепенное значение. Подсобное значение в юртах, расположенных вблизи лесов, имела охота, а в селениях, расположенных у озер и рек, — рыболовство. У заболотных татар главной жизнеобеспечивающей отраслью хозяйства было рыболовство, определенное значение имела охота. Имели они небольшое количество лошадей и коров. У них не было подходящих угодий для земледелия.

На огромных просторах Барабинской степи, расположенной между Иртышом и Обью, жили ***барабинские татары***. В XVI — начале XVII вв. существовало более 10 племенных и родовых подразделений барабинских татар. В XVII–XVIII вв. среди них выделялись барабино-чановские, любейско-тунусские и теренино-чойские, но в XIX в. у барабинцев исчезло представление о делении их на группы и племена.

В XVII в. Бараба являлась местом боев с Кучумом, его сыновьями и внуками, а также калмыками. Совершались частые набеги кочевников с последующим угоном в плен барабинцев. Количество барабинских татар в конце XVI в. Н.П.Томилов определяет примерно в 1,5–2 тысячи человек. В 1734 г. их количество было установлено в 1100, в 1741 г. — 1875 человек[1].

В XVII в. барабинские татары в административном отношении были отнесены к Каинскому округу Томской губернии. Тюменские, тобольские, тарские татары почти ничем не отличались друг от друга, некоторое отличие имели барабинские татары.

Первые нападения русских казаков на барабинцев были отмечены в 1595 г., тогда же они были обложены ясаком. Однако барабинцы не желали признавать русскую власть. На Барабе укрепились Кучумовичи, которые вели упорную борьбу против русской колонизации. Бараба долго оставалась в подчинении джунгарского хана.

Барабинцы были подчинены русской власти генералом Киндерманом в 1753 г., через 158 лет после первого нападения русских. Ясак стали платить Русскому государству только в 1760 г. До 70-х годов XVII в. они находились под властью Кучумовичей[2].

---

[1] Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XVI в. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. — С. 111.

[2] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1844. — Кн. I. — С. 67.

Барабинские татары вследствие полуторавековой войны с русскими потеряли большое количество населения. И после завоевания их численность не увеличилась, что свидетельствует об их тяжелом экономическом положении. Многие исследователи XIX в. писали о вымирании барабинских татар[1].

Они занимали обширные плодородные земли между Иртышом и Обью. В 1760 г., когда на барабинских татар был положен оклад, они жили в 68 деревнях, количество их было 2216 душ мужского пола. Однако Георги предполагает, что барабинцев было гораздо больше: они скрывались от учета. Не обнаружено документов и о численности барабинцев до русского завоевания. Несомненно, их было гораздо больше, поскольку в войнах за независимость 1628–1631 гг. и 1666–1769 гг. барабинские татары принимали самое активное участие; многие из них погибли. Заселение Барабы русскими началось в 1767 г.[2].

В 1897 г. барабинских татар насчитывалось 4430 человек (см. таблицу 2). В начале XX в. их количество значительно увеличилось, в 1926 г. их было уже 7528 человек[3].

По материалам переписи 1897 г., барабинские татары проживали чересполосно с русскими, по-прежнему в основном в Каинском округе Томской губернии. Количество барабинских татар во 2-й половине XVIII–XIX вв. показывает таблица 2.

Таблица 2

Количество барабинских татар во 2-й половине XVIII–XIX вв.[4]

Годы	Источники	Количество
1760	Перепись в 68 деревнях	2216
1840	Перепись в 68 деревнях	5005
1854	По ревизии	4976
1859	По спискам населенных пунктов	4454
1883	По спискам населенных пунктов	4459
1897	По данным переписи 1897 г.	4430

Кроме того, в барабинских аулах жили казанские татары — 875 человек и бухарцы — 4 человека. При этом аулы только с коренным татарским населением составляли 40% всех аулов Барабы, со смешанным населением — 60%.

---

[1] Миддендорф А.Р. Бараба // Записки Академии наук. — Спб, 1871. — Т. XIX. — № 2. — С. 91; Костров Н. Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. — 1874. — № 38, 44.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... — С. 52.

[3] Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. — Л., 1968. — С. 474.

[4] Миддендорф Н.Б. Бараба... — С. 91; Костров Н. Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. — 1874. — № 38, 44.

Озеро Яркуль в Барабинской степи

Только в трех аулах пришлые татары составляли свыше 50% всех жителей, в остальных — меньшинство[1].

Экономика и материальная культура барабинских татар развивались менее интенсивно по сравнению с таковыми у тоболо-иртышских, тюменских, томских и чатских татар. Причинами отставания являлись их окраинное положение, большая отдаленность от центра государства и частые набеги кочевников с юга. Большинство барабинцев вело кочевой и полукочевой образ жизни. Сведений о их жизни сохранилось немного.

В XIX в. барабинцы, по сравнению с другими этнографическими группами татар, стойко сохраняли этнокультурные особенности. Положение начало меняться только во второй половине XIX в. в связи с приходом казанских татар. Поволжско-приуральские татары поселялись здесь и раньше, под их влиянием в 20-е годы XVIII в. барабинские татары приняли ислам, но наибольшие волны их миграции в Барабу отмечались в начале XIX в. Ислам утвердился в течение короткого времени: мечети появились почти во всех деревнях барабинцев. Пришлые татары оседали в основном в южных и западных районах Барабы, на севере их практически не было.

Основным занятием барабинцев было скотоводство, в северных районах определенное значение имела и охота. В XVII в. барабинские татары занимались мотыжным земледелием. В XIX в. у южных барабинцев развивалось пашенное земледелие, северные барабинцы стали заниматься хлебопашеством немного позже. В XIX в. все барабинцы были уже оседлыми, но рудименты кочевого образа жизни, особенно в летний период, наблюдались — некоторые семьи летом жили в летних временных шалашах.

Томские татары в конце XVI в. и в XVII в. занимали территорию бассейна Томи. Их князь Тоян принял русское подданство, а князья Басандай и Евага не желали признавать русскую власть, объединяя и поднимая местное население на борьбу против захватчиков[2]. Археологические, лингвистичес-

---

[1] Кузьмина В.С. Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XIX в. // Из истории Сибири. — Томск, 1970. — Вып. 1. — С. 186, 187.

[2] Мягков И. Предание о княгине Томе и Ушае (Из истории г. Томска) // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 158–164.

кие и другие источники свидетельствуют о том, что томские татары — одна из наиболее древних групп татар, истоки которых восходят к сибирским тюркским курганам периода до нашей эры[1]. В XVII в. томские татары жили в 12 волостях, в 8 волостях — оседлые и в 4 волостях — кочевые[2].

Томский князь Тоян в своей челобитной русскому царю от 25 марта 1604 г. сообщает о чатских татарах: чатские татары жили в 10 днях пути от его родных мест, в Барабинской степи, где он предполагал построить г. Томск. После поражения Кучума некоторое время они жили в верховьях Оби; здесь им было присвоено имя «чат», означающее на татарском языке место, где сливаются две реки («ике елга чаты» — чат двух рек — устье), поскольку именно в таком месте находился их главный улус[3].

После поражения Кучума, когда татары и другие народы Западной Сибири стали уходить в более спокойные регионы, чаты оставили старые места проживания и заняли обширные районы Приобья. К моменту появления русских в 1598 г. чатские татары жили в основном по Оби и в бассейне реки Чаус, притока Оби[4]. Чатские татары, по-видимому, не входили в состав Сибирского ханства, они были союзниками Кучума. Татары этой группы составляли отдельный род или союз родов, возглавлявшийся мурзами. После прихода русских большинство чатов стали служилыми татарами, несли воинскую службу и не платили ясак[5].

Помимо воинской службы и охраны степной границы, русская администрация давала чатским мурзам дипломатические поручения[6]. Эти обязанности чатские мурзы выполняли без жалованья, что было для них обременительно. Остальных томских татар также освободили от ясака и использовали в качестве служилых людей. Занятием их стала подводная гоньба. С 1631 г. по просьбе татар союзнические отношения были заменены денежным жалованьем. Это было ошибкой чатов, поскольку после этого они попали в полную зависимость от русских властей[7].

Путешественник второй половины XVIII в. И.П.Фальк, проезжая по Сибири, кратко описал положение эуштинских и чатских татар. Он отметил, что встречались поселения татар, где они, как и остяки, жили в землянках[8].

Томские татары, по-видимому, жили не изолированно от других групп татар. Фольклорные, этнографические и лингвистические материалы свидетельствуют о близости томских, тарских, тоболо-иртышских и барабинских татар, однако они имели и свои особенности[9].

---

[1] Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. — С. 84, 99.

[2] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — Кн. I. — С. 44.

[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 315.

[4] Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. — Томск, 1951. — Сб. 2. — С. 141–156.

[5] АИ. — Т. II. — № 9. — Стлб. 191,192, 193, 194; РГАДА. Ф. 214. Кн. 31. Л. 631, 637.

[6] РИБ. — СПб., 1841. — Т. II. — №. 85. — С. 191. — Стлб. 192, 193, 194.

[7] Примечания к тексту «История Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. II. — С. 507, 508.

[8] Фальк И.П. Записки путешествия 1768—1774 гг. // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824. — Т. VI. — С. 65.

[9] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 54; Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. — Казань, 1968. — С. 127.

Семья остяков. XIX в.
Группа селькупов.
XIX в. Остяцкая деревня и селькупская палатка XIX в.

По переписи 1703 г. эуштинских татар насчитывалось 200, по переписи 1762 г. — 430 душ. По берегам Томи, недалеко от Томска, располагались татарские городки, в том числе городок чатских татар Бурлака и Кызлана, которые переселились на Томь, в район Черной речки, в 1630 г.[1].

В XVII в. томские татары вытеснили часть селькупов из южных районов. Чатские татары расселились по берегам рек Черная, Таган и Шегарка; томские татары — ниже устья Томи в Шегарской и Провской волостях; чулымцы, теснимые кыргызами, продвинулись вниз по Чулыму в байгульские волости[2].

Чаты основали на берегу Оби у Кривой Луки городок, который в русских документах упоминается как Чатский[3]. Перепись 1720 г. обнаружила 470 чатов[4]. По данным Б.О.Долгих, в конце 20-х годов XVII в. на территории Томского уезда проживали 820 эуштинцев и 400 чатов, то есть 1220 человек[5].

Данные о численности татарского населения Томского уезда приведены в таблице 3[6].

Немногие семьи татар жили в городе. Например, в 1785 г. в Томске в списке жителей

Таблица 3

Численность татарского населения Томского уезда XVIII–XIX вв.(душ мужского пола)

	Годы	Чаты	Эуштинцы	Бухарцы	Поволжско-приуральские	Всего
I подушная перепись аборигенов Сибири	1764	364	160	89	38	651
V ревизия	1795	366	89	119	—	565
VII ревизия	1817	—	—	—	—	526
	1824	472	84	131	50	606
X ревизия	1858	481	145	165	47	838

[1] РГАДА. Ф. 214. Л. 60–67. Стлб. 250.
[2] Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706–1718 гг. — Томск, 1893. — С. 76.
[3] РГАДА. Ф. 214. Л. 74–76. Стлб. 250.
[4] ГАТомО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[5] Долгих Б.О. Указ. соч. — С. 101.
[6] Таблица составлена по данным: Томские губ. вед. — 1862. — № 12; ГАТомО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. 127. Оп. 1. Д. 31. Л. 1; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1125. Л. 1.

города числилось 100 душ мужского пола бухарцев и 35 ясачных татар, в 1795 г. бухарцы имели 16 домов, татары — 11; в 1803 г. и те и другие — по 15, в 1813 г. — по 18 и 28, в 1821 г. — 20 и 21 соответственно. В 1824 г. 164 человека татар являлись городскими жителями[1].

За весь рассматриваемый период, начиная с первых письменных сведений о численности местного населения, то есть за 230 лет, татарское население Томского уезда вместе с бухарцами и поволжскими татарами увеличилось всего в 1,5 раза. Это явление объясняется многими причинами, но главной являются последствия русской колонизации.

Условия поймы Оби и Томи с их заливными лугами благоприятно влияли на развитие у татар скотоводства. Пойма стала местом их постоянных кочевий. У них было высокоразвитое скотоводство. В XVII в. главными поставщиками скота и продуктов животноводства на томский рынок были татары, прежде всего чаты[2].

Уровень земледелия томских татар в XVII в. был неоднородным. В отдельных местах поля были небольшими, земледелие носило подсобный характер. Татары, проживавшие вокруг Томска, занимались пашенным земледелием. Например, по берегу Томи и речке Якуниной татарин Ансырев с братом и своим зятем в 1703 г. возделывал поле в 10 десятин и скашивал до 400 копен сена[3]. К 1720 г. томские татары полностью перешли на пашенное земледелие. В 1770 г. П.С.Паллас, проезжая через Томский уезд, в своих путевых заметках отметил, что в д.Калтае проживали чаты и среди них имелись «добрые земледельцы». Следом проезжавший И.Фальк заметил, что основными занятиями татар уезда являлись земледелие и скотоводство. По его подсчетам, каждый хозяин имел по 10–20 лошадей, 5–8 коров и 10 овец. Из зерновых культур они сеяли рожь, пшеницу, овес и ячмень, по 20 пудов каждый, то есть как и русские крестьяне. Более всего развивалось коневодство, кони в большом количестве использовались для ямской и почтовой гоньбы, для перевозки грузов по трактам по подрядам. Кроме того, конина в большом количестве употреблялась в пищу. Проезжим людям чаты сбывали мясомолочные продукты, хлеб сеяли не только для себя, но и для сбыта на рынке. Бухарцы вели активную торговлю[4]. Эти занятия приносили татарам значительные доходы. Например, в 1800 г. чатский татарин Кызышев подрядился в Томске гонять подводы по тракту и сопровождать колодников за 1000 руб., что для того времени являлось довольно большой суммой. Товарно-денежные отношения постепенно проникали во все сферы хозяйственной жизни, что способствовало не только имущественному, но и социальному расслоению.

В 1815 г. из 526 татар мужского пола 311 были заняты земледелием, а в 1824 г. татар-земледельцев насчитывалось 556 душ мужского пола, то есть все население[5]. И.Георги отмечал, что некоторые чаты занимались пчеловодством. Земледелие по-прежнему играло у них важную роль, скотоводство носило

---

[1] ГАТомО. Ф. 50. Д. 3645. Л. 20.
[2] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 534. Л.104.
[3] ГАТомО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 391.
[4] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1786. — Ч. 2. — С. 423; Фальк. Указ. соч. — С. 546.
[5] ГАТомО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 5. Л. 116; Томские губ. вед. — 1872. — № 3.

товарный характер, перевозка грузов по тракту была основным средством получения доходов. Существовали целые артели по транспортировке грузов и почты[1].

Об общественном неравенстве томских татар в конце XVIII в. писали исследователи. Так, Н.Ф.Емельянов в своей работе приводит два документа, извлеченных из Государственного архива Томской области. В первом сказано, что в 1791 г. у ясачного татарина Таничаева воры утащили 2 ящика, в которых хранились деньги, — 230 руб. 40 коп., кроме того, были выкрадены вещи на сумму 76 руб. 25 коп. Ясно, что они принадлежали зажиточному человеку. Второй документ составлен по поводу раздела имущества после смерти мужа между сыном и матерью. Согласно составленной описи имущества, разделу подлежали двухэтажный дом, изба, сени, погреб, баня, деревянный шкаф, 2 стола, 2 соусника, 10 чашек чайных с блюдцами, 5 тарелок фаянсовых, 4 рюмки, 2 стакана, самовар, ковер персидский, 2 ковра тюменских, кошма войлочная, перины, тулуп, 3 коровы, 2 подтелка, 2 теленка, 10 куриц, 2 гуся, 10 лошадей с упряжкой и др.[2].

Итак, хозяйство томских татар в конце XVIII — первой половине XIX вв. было комплексным и быт довольно сложным. Большие изменения произошли в общественном устройстве. В XVII в. чаты состояли из племен, которые делились на улусы. Племена представляли собой патриархально-родовую организацию, во главе которой стоял мурза. В первой половине XVII в. во главе чатов были Тарлав и Касай. Примерно на таком же уровне развития находились томские татары. Все томские татары в переписных книгах в начале XVIII в. были указаны как эуштинцы.

Городки являлись центрами улусов или племенных объединений. Военная организация татар была довольно развитой. Основными видами оружия являлись лук и копье, во время пеших походов использовались лошади, на реках — лодки. Воины имели защитную одежду — «пансыри». В первой половине XVII в. известны военные объединения чатов, телеутов, тарских и барабинских татар численностью до 2000 человек[3].

В 1720 г. перепись зафиксировала чатов уже отдельными семьями, во владении которых находились юрты-дворы. На двор приходилось в среднем по 8 человек. Путешественники второй половины XVIII в. отмечали, что татары, жившие вокруг Томска, были мусульманами и ничем не отличались от казанских татар. Мусульмане в Томске и Калтае имели свои мечети. Язычники среди них уже не встречались. В повседневной жизни татары пользовались своим обычным правом[4].

К северу от г.Томска проживали также потомки древних обитателей Притомья: верхнетомские татары, или абинцы. Они населяли берега Оби по направлению к Нарыму, разделившись на 16 волостей, 12 из них были оседлыми, 4 — кочевыми. По переписи 1766 г., оседлых было 1115, кочевых — 503 человека. Жили в 94 деревнях. Верхнетомские татары до завоевания Россией наряду с

---

[1] Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... — Ч. 2. — СПб., 1799. — С. 28.

[2] Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. — С. 61; ГАТомО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 46.

[3] Миллер Г.Ф. История Сибири.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. — Т. II. — С. 364.

[4] Емельянов Н.Ф. Указ. соч. — С. 65.

традиционными промыслами занимались земледелием. Их хозяйство сильно пострадало в период войн и восстаний XVII в. Они соблюдали мусульманские обычаи, однако их быт несколько отличался от быта других групп татар. Одежда верхнетомских татар в середине XIX в. была ближе к якутской, ходили они в основном в меховой одежде, которой в этот период у других групп татар уже не было[1].

Язык эуштинцев, верхнетомских и чулымских татар сходен с наречием туралинцев, сообщает Георги[2]. Все, кроме чулымских татар, исповедовали ислам. В оседлых волостях Томского округа в 1838 г. числилось, по спискам ясачных комиссий, 58 селений, в которых обитало 2213 душ мужского и 2258 душ женского пола, всего 4471 человек. В 1831 г. в их владениях находилось пахотной и сенокосной земли 25903 десятины, леса — 3753 десятины. Занимались хлебопашеством, но особых выгод от него не имели, получая в год от посева пшеницы — 570, ржи — 3270, овса — 715 пудов. Хлеба себе не хватало. Скота во всех волостях числилось: лошадей — 912, рогатого скота — 727, овец — 718; на 4471 душу этого явно было недостаточно.

В 30-е годы XIX в., после принятия «Устава об инородцах» и увеличения оклада ясака, жизненные условия татар Томского округа резко ухудшились. Это немедленно отразилось на росте их численности. В 1859 г. в Томском округе татар насчитывалось 4471 человек, из них 1902 чулымских[3]. В 1880 г. томских татар было 3989 душ, в 1897 г. — 4175 душ[4].

Отдельной субэтнической группой томских татар являются татары-калмаки, проживающие в настоящее время в Юргинском районе Кемеровской области. Их предки — телеуты — появились в низовьях реки Томи в 1662 г. В состав калмаков вошли, кроме телеутов, чатские, эуштинские, абинско-шорские, а позднее и поволжские татары[5]. 150 человек скотоводов-кочевников во главе с родовыми старейшинами Ирки Уделековым и Балыком Кожановым стали кочевать по берегам реки Искитим. В 1674 г. они перекочевали в верховья Томи. Калмаки жили в Нижнем Притомье, близ г.Кузнецка. Сведений о количестве калмаков в XVII в. и XVIII в. нет, в 1805 г. их было 429 человек[6].

В XVIII в. несколько калмакских семей переселилось с реки Искитим в поисках лучших пастбищ на правый берег Томи. Они разводили скот, успешно торговали сеном, рыбой, мясом, многие из них занялись извозом на тракте. Строили двухэтажные дома, мечети, торговые лавки, хозяйственные постройки. Небольшая часть калмаков, оказавшись в тесном соседстве с русскими крестьянами, приняла православие и обрусела.

В конце XIX в. калмакские поселки стали пополняться поволжскими татарами и бухарцами, что способствовало усилению роли ислама среди калмаков. Калмаки стали осознавать свое единство с соседними томскими татарами — чатами и эуштинцами, однако еще долго сохраняли особый калмакский говор.

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы ... — С. 42, 43.

[2] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. Ч. II. — С. 34.

[3] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы ... — С. 42, 43.

[4] Там же. — С. 44.

[5] Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. — Ч. 2. — СПб., 1891.— С. 130, 135.

[6] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. II. — СПб., 1799. — С. 18.

Во второй половине XVII в. часть калмаков поселилась близ г.Томска и позднее вошла в группу томских татар, отчасти смешалась с чатами. Потомки калмаков в настоящее время проживают в Юргенском и Ямышском районах Кемеровской области[1]. Калмаки постепенно переходили к оседлости, но даже в XVIII в. сохраняли черты кочевой жизни. В XVII в. приняли ислам. Тесные брачные и религиозные связи калмаков с казанскими и томскими татарами привели к сложению своеобразной этнотерриториальной группы искитимских татар-калмаков[2].

Северо-восточную часть Западно-Сибирской равнины занимало древнее коренное население, известное под названием ***чулымские татары***. Они называли себя «пестын кижи» или «татар кижи», в прошлом их называли и мелецкими татарами[3]. Район расселения чулымских татар уже в конце XVI в. вошел в состав Русского государства, и его население с этого времени было обложено ясаком. О жизни этой группы татар того времени мы располагаем лишь отрывочными сведениями.

Первые известия о чулымских татарах находим в русских исторических актах XVI–XVII вв. Косвенное свидетельство того, что этот район в начале XVI в. был присоединен к Русскому государству, содержит челобитная царю эуштинского князя Тояна от 25 марта 1604 г. о «принятии его в русское подданство». В 1605 г. чулымцы готовились к антирусскому восстанию, организованному другим томским князем — Басандаем, выступившим против действий Тояна[4]. Н.А.Томилов не относит чулымских татар к сибирским татарам, он называет их чулымскими тюрками, хотя и признает, что В.В.Радлов и С.К.Патканов поднимали вопрос о возможном включении их в состав тоболо-иртышских татар, а З.Я.Бояршинова, Л.П.Потапов и В.В.Храмова их поддержали[5].

После поражения Кучума значительные массы подвластных ему татар ушли в восточные и южные районы Западной Сибири. На восток продвинулись татары, еще не принявшие ислам. Они перешли через Томь, поселились частично на Чулыме, частично на Енисее и по берегам реки Качи, недалеко от Красноярска. Их привлекали богатые земли, и некоторая часть татар поселилась недалеко от Абакана[6]. Продвижение известной части сибирских татар после поражения Кучума подтверждается также государственными актами. В отписке царю тарского воеводы Андрея Воейкова от 4 сентября 1598 г. говорится: «...сказали лутчие люди про Кучума царя, пошел де Кучум царь с Черных вод на Обь с детьми и со всеми людьми, где у него хлеб посеян, а им велел де жить вместе на Убь озере»[7].

Чулымские и обские татары исповедовали тенгрианскую религию. Из-за

---

[1] Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // Ученые записки Томск. гос. пединститута. — Томск, 1956. — С. 36; Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. 1. — С. 508.

[2] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 64.

[3] Кимеев В.М. К этнической истории притомских татар-калмаков // Сибирские татары: Материалы I-го сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г. — Тобольск; Омск, 1998. — С. 82–84.

[4] Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей: полевые работы. 1969 г. // Из истории Сибири. — Томск, 1969. — Вып. 1. — С. 106, 107.

[5] Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Уч. записки Томск. гос. пединститута. — Томск, 1952. — Т. IX. — С. 83.

[6] Валеев Ф.Т. К этнической истории тарских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 217.

[7] Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. — С. 201.

отдаленности мест их проживания мусульманские проповедники до них не дошли. В XVII–XVIII вв. они были крещены. Их юрты оставались в окружении русских селений. От других групп татар они были отдалены. Значительная часть их обрусела, некоторая часть смешалась с томскими татарами.

По уровню культуры чулымские татары мало чем отличались от барабинцев и тарских татар, но жили беднее. Проживали они в зимних и летних жилищах: зимние были построены из бревен, летние имели вид шалаша, обтянутого берестой или войлоком[1]. Одежда чулымцев почти не отличалась от одежды других групп татар[2].

Чулымские татары, проживавшие в двух округах, — Томском и Мариинском, занимали территорию между р.Чулымом и Енисеем. Часть их располагалась в Енисейской губернии. В общей сложности чулымских татар в середине XVIII в. было не менее 10 тыс. человек[3]. Однако из-за обрусения после принятия христианства их количество постепенно уменьшалось.

Чулымские татары представляли самую восточную группу сибирских татар, о их происхождении существуют самые противоречивые сведения. В.В.Радлов считал их аборигенным населением, прошедшим сложный процесс исторического развития. Основой сложения чулымских татар, по мнению В.В.Радлова, были тюркоязычные группы, проникавшие в разные периоды в Приобье, а затем в Причулымье. В результате совместного проживания чулымцами были тюркизированы и ассимилированы отдельные группы кетов и селькупов.

И.Г.Гмелин (1709–1755), сопровождавший Г.Ф.Миллера в его экспедиции по Сибири в 1733–1743 гг., писал, что чулымские татары были крещены тобольским архиепископом Филофеем, «с того времени они забыли грамоту, прозябают в невежестве, не знают никаких христианских обрядов»[4].

Интересные данные о чулымских татарах приводит И.П.Фальк, побывавший на Чулыме в 1768 г. Он описывает их бедную, жалкую жизнь. Юрты их, пишет Фальк, представляют собой маленькие хижины, большей частью кубической формы, из жердей, обтянутых рогожей, берестой или войлоком. Внутри юрты — нары, чувал с деревянной трубой. Отверстия окон затянуты налимьей кожей или закрыты куском льда. Детей укладывают в берестяные корзины, которые засыпают вокруг растертой трухи. Мужчины и женщины носят рубахи и брюки из крапивного холста или из китайских тканей. Зимой ходят в шубах из овечьего меха или пушнины. Ночью накрываются этими же шубами.

В течение всего года занимаются рыболовством. Зимой усиленно охотятся на пушного зверя. Их единственной пищей является рыба. Сушат ее на солнце, без соли, толкут в деревянной ступе и едят вместо хлеба. О трудной жизни чулымцев писал и П.С.Паллас (1741–1811)[5].

Значительно более подробные сведения о чулымских татарах дает И.Г.Георги (1729–1802): хлеба мало, скота немного. Главное питание — рыба. Все

---

[1] Радлов В.В. Этнический обзор турецких племен Сибири и Монголии. — Иркутск, 1929. — С. 9.

[2] АИ. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 2.

[3] Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. — Томск, 1952. — Т. IX. — С. 85.

[4] Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. — Геттинген, 1751. — Т. IV. — С. 237.

[5] Кузнецов. Материалы истории Сибири. Сборная книжка по ясаку за 1692 г. // Томские губернские ведомости. — 1864. — №13, 18; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. —Ч. II. — СПб., 1786. — Кн. 2. — С. 254.

курят. Крещены, но не знают никакой грамоты, молятся своим прежним богам. Священник дает новорожденным христианские имена, но чулымцы их не помнят, называют своими традиционными именами.

И.Г.Георги в своем сочинении приводит некоторый статистический материал. По Чулыму, Белой и Черной Юсе (от слияния этих двух рек образуется Чулым) расположено 14 волостей чулымских татар, которые платили подушный оклад за 2549 луков, то есть воинственных и к звериной ловле годных людей мужского пола. По его мнению, примерно такое же количество чулымцев находится в других волостях. В соответствии с «Окладными переписями ясачных жителей ведомства Томска», плативших ясак в Томскую воеводскую канцелярию в 1764 г., во всех чулымских волостях насчитывалось около 3500 душ мужского пола[1].

Зимой 1716 г. по Чулыму проезжал Лоренц Лянге, направлявшийся по поручению Петра I в Китай. Он сообщал, что чулымские татары зимой с женами и детьми уходят добывать соболя и охотятся на других зверей, питаются дичью, а «дома насыщаются рыбой»[2].

Чулымские татары хоронили умерших в гробах без дна, в вытянутом положении, головой на восток. Отмечались редкие случаи трупосожжения.

Впоследствии часть чулымских татар переселилась в юрты томских татар и русские селения. Они ассимилировались с томскими татарами или обрусели.

Количество чулымских татар, по определению Б.О.Долгих, составляло в 1623 г. — 1040, в 1699 г. — 830, по архивным данным 1730 г. — 1520 человек. В 1816 г. чулымских татар было 3900, в конце XIX в. — 4825 человек[3].

Чулымские татары, оказавшись в окружении русских селений, обрусели. В 1897 г. лишь 33% из них знали родной язык, 66,2% говорили на русском; поэтому их количество сокращалось. Так, в 1816 г. их насчитывалось 3900, в 1859 г. — 4341, в 1880 г. — 5869 и в 1897 г. — 4800 человек[4].

В настоящее время большая часть чулымских татар сосредоточена на Среднем Чулыме, в Тегульдетском районе Томской области. По данным хозяйственных книг Белоярского и Тегульдетского сельских советов Тегульдетского района за 1978–1980 гг., чулымских тюрков насчитывалось 560 человек. По данным 1979 г., чулымским языком как родным владели 388 человек. Во время переписи 1939 г. чулымские татары были причислены к хакасам без их согласия. Им выдавали паспорта с таким этнонимом, однако они по-прежнему считают себя чулымскими татарами, продолжают называть себя «пестын кижи»[5].

Крайне скудны сведения об ***обских татарах***. Они проживали на Оби севернее и южнее устья р.Томи. В документах XVII–XVIII вв. обские татары

---

[1] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. II. — СПб., 1799. — С. 143.

[2] Катанов Н.Ф. Известия Лоренца Лянге 1716 г. о Сибири и сибирских инородцах. — Тобольск, 1905. — С. 3–4.

[3] Народы России. — М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994. — С. 411.

[4] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 69; ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 69–108; Костров Н. Чулымские инородцы // Тобольские губернские ведомости. — 1867. — № 7; Патканов С. Указ. соч. — С. 59–61.

[5] Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. — С. 3–4.

зафиксированы в следующих волостях: Большой и Малой Шегарских, Темирчинской, Большой и Малой Правской и некоторых других. Н.А.Томилов предполагает, что они представляли тюрков и ассимилированных тюрками селькупов[1]. Не исследован язык обских татар. Известно лишь, что их «наречие... было татарское и относилось к старым эуштинскому и тегильдеевскому наречиям»[2].

Русская колонизация для обских татар была губительной: в первой четверти XVIII в. они были крещены, что привело к их полному обрусению[3]. Вероятно, некоторая часть обских татар, отказавшись принять христианство, переселилась к другим группам татар.

По определению И.Георги, по внешнему виду и языку обские татары были близки к томским и тобольским татарам, они также «устраивали свой быт, но были заметно беднее и менее опрятны». Проживали в 16 волостях: в 12 из них жили оседло, в 4 — кочевали по Нижнему Чулыму. Оседлые имели дворы в 54 поселениях. Скотоводство и земледелие было развито слабо, обские татары больше занимались охотой и рыболовством. Все были крещены в 1720 г. Оседлых чулымских татар он насчитал в 1766 г. 1115 чел. По данным первой подушной переписи аборигенов Сибири в 1764 г., на указанной территории проживало около 1200 человек, которые разместились в 7 волостях. Кроме того, они жили во многих русских волостях[4].

В 1805 г. обские татары проживали в 43 деревнях и Томске, имели 271 двор с населением 1737 чел. По итогам Первой всероссийской переписи 1897 г., их насчитывалось 2982 человека. В начале XIX в. многие обские татары активно занимались земледелием и скотоводством. Несмотря на крещение, сохранили языческие представления, за что их преследовала русская православная церковь. В начале XX в. их уже называли «ясачные русские»[5]. Некоторые их представители преклонного возраста считают своими предками обских татар.

Как видно из вышеизложенного, почти все этнографические группы татар имели много общих способов хозяйствования и духовной культуры. Были они близки и по языку. Этнографические группы сибирских татар объясняются историческими и географическими причинами. Каждая группа по своему этногенезу была многокомпонентной. А это зависело от длительности этнических процессов, от миграции и слияния новых групп тюрков с юга.

Этнографические группы сибирских татар сложились не одновременно, этот процесс был связан со временем заселения того или иного региона тюрками. Общих антропологических, этногенетических, этнографических и лингвистических признаков между группами сибирских татар было много. По предположению многих исследователей, несмотря на многокомпонентность, в их этногенезе преобладающую роль играли кимаки и кыпчаки. Позднейшие мигранты Западной Сибири – бухарцы, ногаи, поволжско-приуральские татары также имели в своем этногенезе кыпчаков. Этот фактор играл объединительную роль в сложении сибирских татар.

---

[1] Волости, населенные места. 1893 г. Томская губерния. — СПб., 1894. — Вып. 1. — С. 68.

[2] Иванов П.Г. Томские татары: Материалы по обследованию томских карагасов летом 1927 г. // Труды изучения Томского края. — Томск, 1927. — Вып. 1. — С. 92–104.

[3] Долгих П.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 96.

[4] Георги И. Указ. соч. — Ч. 2. — С. 143; Томские губ. ведомости. — 1862. — № 12.

[5] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 61.

В консолидации различных групп сибирских татар большую роль сыграло образование государства. Хозяйственные связи, торговля, распространение в конце XIV в. единой религии — ислама усилили процессы консолидации.

Некоторые исследователи чрезмерно увлекаются поиском локальных различий между отдельными группами и подгруппами сибирских татар в ущерб изучению исторических, в том числе лингвистических и этногенетических, явлений, объединяющих сибирских татар в единую этнографическую группу. Научные исследования должны способствовать не разобщению, а консолидации народа. Многие исследователи истории и этнографии сибирских татар (Н.А.Аристов, В.В.Радлов, И.Юшков, Н.М.Ядринцев, П.А.Словцов) рассматривали сибирских татар не как разрозненные тюркские группы и народности, а в качестве этнографической группы татарского народа. Сибирские летописи называют здешних татар сибирскими татарами, а не безымянным тюркоязычным населением[1]. Сибирские татары считают себя коренной сибирской группой (сибиртатарлар) единой татарской нации, их объединяют единый язык, единые обряды и традиции, единый быт и образ жизни.

Д.Г.Тумашева считает, что в период существования государственности были предпосылки сложения различных этнографических групп в народность, однако разрушение государственности прервало этот процесс. Формирование народности шло в составе Российского государства, но не было завершено[2].

Как было сказано выше, завоевание Сибирского ханства и русская колонизация способствовали формированию здесь новой демографической ситуации. Часть населения бывшего ханства была вынуждена мигрировать в более отдаленные и потому безопасные районы, в результате татар почти не осталось по рекам Туре, Тавде и, наоборот, увеличилось население в Прииртышье, на берегах Томи и Чулыма. Однако основная часть татарского населения осталась на прежних местах, в регионах проживания своих предков. Границы и территория расселения сибирских татар в XIX в. не изменились.

Деревни сибирских татар очень древние, некоторым из них в начале XX в. было 600 и более лет. В результате колонизации они оказались как бы вкрапленными среди русских деревень. Сибирские татары в начале XX в. проживали в средней полосе и на юге Западной Сибири от Урала до Енисея, по берегам крупных рек: Туры, Пышмы, Тобола, Иртыша, Оби и их притоков — Ачиры, Носки, Лаймы, Тары, Вагая и в Барабинской степи.

Многими учеными, путешественниками и передовыми мыслителями засвидетельствован факт вымирания отдельных групп сибирских татар и других коренных народов Сибири. Об этом писали путешественники И.Г.Гмелин, П.С.Паллас, подтвердили А.М.Кастрен, И.Г.Георги, Г.Ф.Миллер, С.П.Крашенинников, Н.Б.Миддендорф, В.В.Радлов, С.С.Шашков, А.П.Щапов, Н.М.Ядринцев и др. На международном конгрессе ориенталистов, проходившем в Петербурге в 1876 г., был поднят вопрос о том, увеличилось или уменьшилось количество сибирских племен со времени завоевания Россией Сибири. Однако точный статистико-экономический анализ по народам Сибири не был проведен, так как не были выяснены причины их вымирания. За

---

[1] Сибирские летописи. Издание Императорской Археографической комиссии. — СПб., 1907. — С. 317, 321, 337, 339.

[2] Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 1969. — С. 8, 11, 15, 48–49.

эту работу взялись русские ученые и деятели общественного течения под названием «Сибирское областничество» Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев, В.И.Вагин, С.С.Шашков и др. Количество сибирских татар Тобольского уезда в начале II половины XIX в. показывает таблица 5.

В XVIII — первой половине XIX вв. коренное татарское население Западной Сибири состояло в основном из тех же групп, которые существовали в период Сибирского ханства. Количество татар Тобольской губернии по уездам в 1855 г. показывает таблица 4.

Таблица 4

Сведения о количестве татар в уездах Тобольской губернии в 1855 г.[1]

Уезды	Количество
Тобольский	16981
Омский	466
Тюменский	8545
Ишимский	176
Ялуторовский	4159
Тарский	10569
Туринский	56
Березовский	24
Кроме того, в разных городах	1409
Всего по Тобольской губернии	42385

Как показывает таблица, сравнительно мало было татар в уездах, где до русской колонизации они проживали компактно, — в Тюменском, Ишимском уездах. Именно эти уезды интенсивно заселялись русскими путем вытеснения татар, в Туринском и Верхотурском уездах татарских населенных пунктов не осталось совсем.

Сибирские татары обитали в лесной и лесостепной полосе Западно-Сибирской равнины, главным образом по Нижней Туре, Среднему Тоболу и Среднему Иртышу, почти всюду чересполосно с русскими.

Вследствие ухудшения экономического состояния татарского населения, как результат усиления колониального гнета, в первую очередь повышения размеров податей и повинностей, перехода лучших угодий к русским крестьянам в 80-е годы XIX в., происходила убыль населения, а если и наблюдался рост, то незначительный. Это подтверждают статистические данные. Сведения эти довольно отрывочны, однако отражают динамику численности сибирских татар в 1858–1880 гг. (табл. 5, 6).

[1] Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. — 1861. — № 45. — С. 105.

Таблица 5

Динамика численности сибирских татар в 1858–1880 гг.[1]

Округа	Годы					
	1858–1859	1868–1869	1875	1878	1880	1886–1887
Тобольский	8290	15740	16021	17118	нет сведений	16210
Тюменский	нет сведений	9083	нет сведений	нет сведений	9099	9099
Ялуторовский	нет сведений	5408	нет сведений	нет сведений	нет сведений	5891
Тарский	нет сведений	5216	нет сведений	нет сведений	12145	нет сведений
Томский	4284	нет сведений	нет сведений	нет сведений	нет сведений	5891
Мариинский	2439	нет сведений	нет сведений	нет сведений	нет сведений	2733

Таблица 6

Численность сибирских татар в последнее двадцатилетие XIX в.[2]

	Кол-во	
	1880 г.	1897 г.
Сибирские татары Тобольская губерния	31568	37684
Томская губерния	12135	4414
Итого	43703	42098
Сибирские бухарцы Тобольская губерния	8227	8202
Томская губерния	152	2941
Итого	8879	11559
Сибирские татары и бухарцы — всего	52882	53657

[1] Таблица составлена по данным: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение... — С. 32, 48; Radlow W.W. Aus Sibirien. Lose Blotter aus meinem Tagebuch. — Leipzig, 1893. — S. 232–234.

[2] Таблица составлена по материалам: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 48, 267; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Языки и роды инородцев. — Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. — С. 57; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. XXVIII. Тобольская губерния. — СПб., 1905. — С. 155, 156; Radlow W.W. Aus Sibirien... — S. 234, 235.

Резкое уменьшение количества татар Томской губернии в 1897 г. объясняется изменением границ губернии.

Как видно из таблицы, количество татар по двум сибирским губерниям за 17 лет (1880–1897 гг.) уменьшилось на 1605, количество бухарцев увеличилось на 2680 человек. Такой рост вызывает некоторые сомнения; можно предположить, что это могло произойти за счет более точного учета бухарцев при переписи 1897 г.

По материалам переписи 1897 г., из общего количества сибирских татар 53567 человек только 1073 человека проживали в городах, остальные — в селах. Фактически в конце XIX в. в городах сибирских татар было значительно больше. Многие из них, в целях сохранения земельных угодий, причисляли себя к проживающим в сельской местности.

Значительный интерес представляют материалы всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., свидетельствующие о роде занятий татар Тобольской губернии (табл. 7).

Таблица 7

Татары Тобольской губернии по родам занятий в 1897г.[1]

Род занятий	Муж.	Жен.
Администрация, суд, полиция	16	—
Вооруженные силы	70	—
Православные священники	1	—
Нехристианские богословы	63	—
Учебно-воспитательные деятели	82	9
Прислуга, охрана в мечети	11	—
Врачи, санитарные деятели	20	11
Служба, частная прислуга, поденщики	922	354
Земледельцы	8628	512
Животноводы	22	2
Лесоводство и лесная промышленность	239	—
Обработка продуктов		
Обработка волокнистых веществ, дерева, металлов	110	84
Ювелирное дело	5	—

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. XXVIII. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. — СПб., 1905. — С. 155–160.

Изготовление одежды	128	74
Строительство	174	—
Водное сообщение	18	—
Торговля вообще	92	4
Торговля скотом	14	—
Торговля продуктами	57	5
Торговля кожей, мехами	47	3
Развозная торговля	40	4
Извозный промысел	201	2

Данные таблицы свидетельствуют о довольно глубоком проникновении капиталистических отношений в сибирско-татарскую деревню. В сельском хозяйстве было занято 9164 человека, в не связанной с сельским хозяйством производственной сфере — 1085 человек, в духовной сфере — 154 человека. Профессиональных торговцев, кроме занимающихся торговлей в свободное от сельскохозяйственных работ время, было 266 человек. Показателем глубокого социального расслоения явилось увеличение числа лиц из прислуги и поденщиков: мужчин — 922 и женщин — 354. Татары стали работать в новой для них сфере: администрации, судах, полиции — 16 человек и в медицине — 31 человек.

В начале XX в. наблюдался значительный рост числа сибирских татар. Например, в 1897 г. в Тобольской губернии их проживало 45882 (вместе с сибирскими бухарцами), в 1907 г. — 66097 (рост на 44%)[1]. В начале XX в. значительно увеличилось также количество татар и в городах Западной Сибири. Например, в 1897 г. в городах проживало 3798, в 1910 г. — 7153, в том числе в Томске — 3634, Новониколаевске — 860, Кургане — 563, Тобольске — 628, Тюмени — 734 татарина. В городах преобладали пришлые поволжско-приуральские татары (табл. 8).[2]

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. XXVIII. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. — СПб., 1905. — С. 155; Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 г. — Тобольск, 1911. — С. 3.

[2] Города России. — СПБ., 1914. — С. 1020, 1030.

Таблица 8

Расселение сибирских татар Тобольской губернии в 1908 г.[1]

Уезды	Количество татарских волостей	Количество татарских юрт	Количество татарских хозяйств
Тюменский	5	47	нет сведений
Тобольский	8	101	4743
Ялуторовский	1	8	нет сведений
Тарский	6	73	нет сведений

Российская статистика начала XX в. не показывает отдельно количество ни коренных, ни пришлых татар Томской губернии, они включены в общее количество мусульман[2]. В 1911 г. там насчитывалось 36 тыс. татар, большую часть которых составляли пришлые татары. В Тобольской губернии в 1907 г. коренные и пришлые татары составляли свыше 66 тыс. чел.

§ 2. Колонизация Сибири

С завоевания Сибири Русским государством начинается новый период в истории сибирских татар. Колонизация Сибири началась в 1586 г. с построением г.Тюмени на месте бывшей столицы Тюменского ханства Чимги Туры. В 1587 г. на берегу Иртыша, в 19 верстах от бывшей столицы Сибирского ханства Искера, был построен г.Тобольск. Посылаемые в Сибирь служилые люди должны были строить остроги и города-крепости, оборонять их от набегов местных народов, приводить их в покорность русскому царю, наложить на них ясак, чтобы пополнить государственную казну. В XVI в. определились военно-стратегические и фискальные задачи колонизации.

Выйдя на просторы Сибири, русские вступили не только в страну, заселенную в очень давние времена разными народами. У этих народов были сложившийся веками свой хозяйственный уклад, духовная культура, общественные отношения.

Единственным народом, имевшим свою государственность, были сибирские татары, и главный удар русской агрессии был направлен против них. Татары понесли огромные потери. Они лишились своей государственности, были разграблены их материальные и духовные ценности. Но большой трагедией для татар были невосполнимые людские потери.

В ходе военных действий и под натиском русского населения, двинувшегося в Западную Сибирь, среди татар и других коренных народов начались миграционные процессы. Часть населения уходила в более спокойные, неосвоенные, трудные для существования места.

---

[1] Составлена по материалам: Андронников И.А. Материалы по землевладению и быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск, 1911. — С. 370–380.

[2] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 13.

Завоевание земель Сибирского ханства имело немаловажное значение для разрешения общей проблемы присоединения обширной и многонациональной Западной Сибири. Стимулом для дальнейших походов в Сибирь были перспективы обогащения и возможность торговать на внешнем рынке ценной пушниной. В 80-е годы XVI в. под власть Москвы отошла сравнительно небольшая, но в плане дальнейшего продвижения в Сибирь очень важная территория — часть бассейна Иртыша, от его устья до реки Тары, и часть Приобья до Березова, а также низовья Тобола с бассейном Тавды с Ницей, а к 90-м годам XVI в. была освоена большая часть Обь-Иртышского бассейна.

В источниках XVII в. упоминаются различные наименования русских населенных пунктов: зимовье, острог, крепость, город, городок, заимка, починок, деревня, село, слобода. Первой жилой стоянкой «насельников» Сибири было зимовье, где жильем служила курная изба с плоской крышей. Во время военных походов зимовье становилось вооруженным лагерем.

Иногда на месте зимовья возникал городок — укрепленный сторожевой пост, окруженный деревянной стеной (острогом), тыновой оградой с башней или без нее. При сооружении вала нередко использовались земляные укрепления сибирских татар.

Россия решила закрепиться на крупных реках путем строительства городов. Выбиралось место, обычно возвышенный участок, на кручах и развилках рек, на высоких обрывистых берегах. Место города с учетом топографии местности должно быть удобным в оборонном значении: прикрыто водной преградой, оврагами, болотом. Города и остроги прежде всего стремились основать в гуще ясачного населения, рассматривая их либо как опорные пункты для дальнейшего продвижения в глубь Сибири, либо как фактор подавления местного населения, либо и то и другое, вместе взятое. С каждым городским поселением должна была быть установлена связь, отсюда обязательное размещение сибирских городов на судоходных реках. Принимались во внимание и пути движения торгово-промышленных людей, контроль над которыми приносил немалый доход[1].

Города строились быстрыми темпами. Первоначально все они были деревянными, окружались деревянными стенами, увенчанными башнями. Города были невелики, но для удержания в повинности окрестного населения достаточно сильны: имели артиллерию и другие виды огнестрельного оружия. Для народов Сибири, не знавших огнестрельного оружия, артиллерия представляла опасность. Гарнизоны сибирских городов были немногочисленны, всего несколько сот человек, поэтому в некоторые экспедиции отправлялись небольшие отряды в 10–20 человек. К ним присоединялись добровольные отряды промышленников, которые под прикрытием царского оружия рассчитывали проникнуть в еще необследованные земли и поживиться не только соболями, но и военной добычей. Отправлялись обычно на судах по рекам, несли волоком лодки, припасы и оружие с реки на реку. Заставляли местное население платить ясак пушниной и выдавать заложников[2].

---

[1] Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. Начало освоения Сибири русскими. — М., 1987. — С. 65.

[2] Бахрушин С.В. Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом // Из истории колониальной политики русского царизма. — М., 1937. — С. 8.

Москва решила также увеличить сбор ясака и окончательно покорить татар, вогулов и остяков, проживавших в этом огромном регионе. С этой целью было решено построить города Березов и Сургут. В 1593 г. на притоке Оби Сосьве в 20 верстах от его устья был построен г.Березов. Расположенный в центре вогульских и остяцких волостей, он стал центром покорения «неспокойных» племен северного Приобья. Значительно южнее г.Березова, на правом берегу Оби среди остяцких волостей был возведен г.Сургут. С построением этого города были окончательно покорены остяки князя по имени Бардак[1].

В 1593 г. на устье реки Пелым, близ старого вогульского городища, русские основали город Пелым. Он послужил базой для покорения непокорного до этого Пелымского княжества вогулов. На главном пути от России в Сибирь около 1600 г. на реке Лозьве был построен Лозьвинский городок. В нем построили пристань, склады для запасов продовольствия, оружия и боеприпасов для отправки в Сибирь. Весной в городке строили суда и по окончании ледохода отправляли продовольствие, оружие и боеприпасы в Тюмень, Тобольск и другие места по речному пути. Лозьвинский городок являлся также опорным пунктом, военной базой для покорения окрестных вогулов и сбора ясака.

В 1602 г. на сибирском пути был построен еще один город — Верхотурье, как пограничный таможенный город. С Верхотурья зимой в глубь Западной Сибири отправлялись подводы. Поставка подвод для русских купцов, промышленников и казаков тяжелым бременем легла на местное вогульское население. На месте городка татарского князя Епанчи, на полпути от Верхотурья до Тюмени, русские построили город Туринск.

В 1594 г. Тобольск был окружен высокими деревянными стенами. Находящаяся в этом городе колониальная администрация к концу XVII в., покончив с независимостью сибирских татар, обрекла их на нелегкое существование. Каменное строительство в Тобольске началось только в 1680 г.[2].

С целью покорения завоеванных земель и дальнейшего передвижения на восток основные усилия Москва направила на укрепление своих позиций в обско-иртышской речной области как в главном регионе проживания татар. Уже построенные русскими города Обский, Тюмень и Тобольск стали основными военными базами покорения завоеванных народов и дальнейшего передвижения на восток Сибири.

Московские власти были обеспокоены тем, что, несмотря на многочисленные походы против Кучума, он не был окончательно побежден и татары, вогулы и остяки продолжали считать его ханом. Его поддерживали, ему платили ясак. Он кочевал то в Барабинской степи, то в ишимских степях. Поэтому с 90-х годов XVI в. действия русских войск, направленные на захват сибирской земли, ведутся еще более энергично[3].

С целью окончательного покорения и разгрома Кучума приказано было построить город-крепость на западе Барабинской степи, на берегу правого притока Иртыша — реки Тары. Город был построен в 1594 г. немного ниже по Иртышу, но на левом берегу. Для строительства города из Казани было отправлено 554 человека, около 100 человек из Уфы и большое количество

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири... — М.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. I. — С. 280–286.
[2] РГАДА. Ф. 214. Стлб. № 68. Л. 24, 31 об.
[3] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. I. — С. 278.

служилых и ясачных из Тобольска и Тюмени. Постройкой этого города русские достигли своей цели: воинские части Кучума были разгромлены, хотя он остался в живых, постепенно были покорены татары Барабы[1].

В 1662 г. южнее среднего течения Оби были построены городки Нарым и Кетск. Но и после этого остяки, теленгуты и татары, живущие в бассейне р. Томи, оставались непокоренными[2]. Для их покорения и дальнейшего продвижения на юг и восток в 1664 г. был построен г.Томск. Князь эуштинских татар Тоян добровольно подчинился русским, приняв русское подданство. Остальные народы были покорены силой оружия[3].

Кузнецкие татары оказывали ожесточенное сопротивление Москва считала, что князья кузнецких татар настроены против русских. С целью их подчинения в 1618 г. на верхнем течении р.Томи был построен г.Кузнецк. Но и после строительства города кузнецкие татары — отличные знатоки руды и плавки железа, мастера изготовления из него изделий: оружия, орудий труда долгие годы боролись против колонизаторов. Большое количество их было истреблено, оставшиеся покорены. Город Кузнецк до начала XVIII в. оставался крайним опорным пунктом России на юго-западе Западной Сибири. С постройкой Кузнецка связывают завершение первого этапа завоевания Сибири[4].

Таким образом, за короткий срок на этой огромной территории выросли русские города: Верхотурье, Лозьвинский городок, Туринск, Тюмень, Пелым, Тара, Тобольск, Березов, Сургут, Нарым, Кетск, на берегу реки Таз вырос город Мангазея, на юге — Кузнецк. В 1619 г. русские военные отряды были уже на Енисее, где построили г.Енисейск, в 1632 г. в стране якутов-саха возник город Якутск, откуда русские достигли берегов Охотского моря[5].

С конца XVI в. начинается усиленная колонизация земель Западной Сибири русским трудовым людом под защитой служилого сословия городков-крепостей.

Продвижению русских в глубь Сибири помогло образование Джунгарского ханства, в состав которого вошли калмыки, сильно беспокоившие захваченные русскими южные районы Сибири. Россия установила дипломатические и торговые отношения с Джунгарией[6]. После установления отношений с Россией джунгары нападали на тюркские государства Средней Азии и Казахстана, уничтожали большое количество населения, грабили города и народы. Дальнейшее продвижение русских на юго-восток встретило сильный отпор со стороны монгольских Алтын-ханов и Китая.

Наряду с расширением завоеваний перед правительством стояла вторая важная задача — освоение завоеванных земель русскими переселенцами-крестьянами. Колонизация Сибири была двух видов: правительственная и вольнонародная. Русское правительство заселяло в завоеванную страну «по прибору» и «по указу». Переселенцы «по прибору» — это казаки, служилые,

---

[1] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 290.

[2] Буцинский Н.П. К истории строительства городов Сургута, Нарыма и Кетска до 1645 г. — Харьков, 1893. — С. 228.

[3] Бахрушин С.В. Из истории порабощения народов Сибири... — С. 12.

[4] Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. ... — С. 18.

[5] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — М.; Л., 1940. — Т. II. — С. 37, 49.

[6] Там же. — С. 38.

духовенство и чиновники. Первыми русскими «насельниками» Сибири были казаки — участники завоевательных походов Сибири. В составе первых жителей Пелыма были переселенные «по указу» стрельцы, присланные из Каргополя, пермские, вятские крестьяне.

Крестьянская, или народная, колонизация шла следом за служебно-государственной колонизацией. Уже с 90-х годов XVI в. начался массовый приток переселенцев из России. Бежали от феодального гнета черносошные, помещичьи и монастырские крестьяне, их называли «гулящими людьми». Прибывали завербованные посадские и крестьяне северных уездов. Причем в первое время самовольная колонизация едва ли не превосходила правительственную. Не находя препятствия со стороны аборигенов, здесь находили убежище воры и грабители, разбойники, преступники, раскольники, крепостные от своих господ, люди, бежавшие от рекрутчины и государственных податей. Около 100 лет со времени завоевания Сибирь представляла простор для «гулящего люда». В 1709 г. в Сибири было 229227 русских, исключая скитавшихся[1].

Заселение Сибири происходило сначала на землях вдоль трактов, а затем на востоке. В 1593 г. заселяются тракты между Верхотурьем и Тоболом, в 1637 г. — территория между Березовом и Тобольском, в 1762 г. — между Ишимом и Омском, в 1761 г. — между Чаусским острогом и г.Томском. В 1762 г. строится Екатерининская дорога, в 1762–1780 гг. — тракт г.Тара — Чаусский острог и происходит заселение Барабы. В 1772–1773 гг. была проложена Иртышская линия; в 1775 г. — казачьи линии между Омском и Зверинологинском, в 1759 г. — Колывано-Кузнецкая линия[2].

Уже походы Ермака, С.Болховского, И.Мансурова остро поставили вопрос о снабжении правительственных отрядов продовольствием, прежде всего хлебом. Приходилось специально организовывать снабжение Сибири этим основным продуктом питания.

На первых порах вопрос был решен путем привоза хлеба из России. Города Пермь, Соликамск, Кайгородок, Чердынь, Соликамск, Казань с их уездами были обязаны поставлять хлеб в Сибирь. Стоимость привезенного хлеба была высока, доставлялся он нерегулярно[3].

С целью обеспечения переселенцев хлебом московское правительство решило развивать в Сибири земледелие, организовывать государственную десятинную пашню (с отдачей десятой доли урожая государству), в первую очередь в западных уездах. Объявив всю сибирскую землю государевой, правительство предоставляло земли непосредственным производителям хлеба на условиях обработки государевой десятины. За обработку одной десятины государевой пашни крестьяне получали 4 десятины пашни «собинной», впоследствии этот надел мог увеличиваться в зависимости от их стремления и возможностей. На государственной пашне крестьяне работали под непосредственным надзором приказчиков[4]. В XVII в. обработка государевой пашни стала заменяться хлебным оброком, однако барщинный труд еще был преобладающим.

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — Изд. 2-е, испр. — СПб., 1892. — С. 194.

[2] Там же. — С. 196.

[3] АИ. — СПб., 1841. — Т. II. — № 94. — Л. 337.

[4] РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 426.

Введение государевой пашни требовало крестьянских рук, которых в Сибири не было. В конце XVI в. московское правительство начало переселять в Сибирь крестьян в принудительном порядке; затем стали осуществлять вербовку добровольцев, которую проводили в поморских городах агенты сибирской администрации.

В отличие от военно-служилых, торговых и промышленных людей, крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. расселились на сравнительно небольшой территории, в основном на территории расселения татар, в Верхотурском, Туринском, Тобольском уездах. Эти уезды в течение XVII и в начале XVIII вв. являлись центром земледелия всей Сибири. Именно здесь осела в первую очередь переселенческая волна, здесь расселилось 76% всего русского крестьянского населения Сибири.

Менее заметная на первых порах волна крестьянского переселения уже в XVII в. достигает серьезного размаха. По всей вероятности, в 1698–1699 гг., то есть в конце XVII в., в Сибири числилось всякого чина жалованных людей — 11637, посадских — 2535 и крестьян — около 11000 человек[1].

Крестьян в первые годы переселения обязывали брать с собой лошадей, крупный рогатый скот, сохи, семена на первый год посева. Часть переселенцев прибыла в Сибирь с семьями, остальные — без семей. Власти Сибири должны были выделить им землю под пашню, «искать татар-земледельцев для использования их опыта»[2].

Военная колонизация Сибири сопровождалась захватом земель коренного населения не только под пашню и пастбища для переселенцев, но и постройку городов и острогов. В первую очередь переселенцы-русские занимали земли по рекам Западной Сибири, обычно земли сибирских татар. Это способствовало притеснению татарского населения, захвату пришельцами их пашен, сенокосных, рыболовных и охотничьих угодий[3].

Наряду с административными центрами-городами в Западной Сибири возникли крестьянские слободы и деревни при них. Перепись 1710 г. показала, что только в Тобольском уезде было 58 крестьянских слобод с многочисленными деревнями, в которых числилось 41437 человек мужского пола, из них 29423 крестьянина. Появились крестьянские поселения в районах компактного проживания татарского населения, русские селения размещались в татарских угодьях[4].

Переселенцы сопровождали нередко свой путь в Сибирь разбоями, грабежами и насилием. Для населения областей, через которые они проходили, наступали дни величайших бедствий. Жители запирали дома, прятали жен и дочерей, угоняли в леса скот, с ужасом ожидая их приближения. Спешили поскорее спровадить их дальше: кормили, поили, давали «поминки» натурой и деньгами в виде откупа, «дабы избавиться». В некоторых случаях ватаги русских служилых людей опустошали целые уезды[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 13546. Л. 218, 406.

[2] АИ. — СПб., 1841. — Т. II. — № 94. — Л. 337.

[3] Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. — М.; Л., 1946. — С. 67, 68, 69.

[4] Шунков В.И. Указ. соч. — С. 93, 94.

[5] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Харьков, 1899. — С. 191, 192.

Каждую экспедицию переселенцев сопровождали православные священники, направленные «на житие в Сибирь». Крестьянам предоставляли льготы от поборов на 2–3 года. Воеводы и «головы» через правительственных агентов набирали войско из служилого класса или разных вольных «охочих людей».

В Сибирь отправлялись не только русские, но и немцы, шведы, поляки, литовцы, латыши, французы, мордва, черемисы и др.

Служилые русские во время походов на «инородцев» Сибири грабили и захватывали их в плен, продавали в рабство, после каждого удачного похода на аборигенов царь жаловал их, приказывая воеводам выдавать по 50 копеек за захваченного человека[1].

Московское правительство, учитывая рост русского населения Сибири и увеличение количества «бродячих по ней людей», стало препятствовать переселению в Сибирь беглых. После переписи 1682 г. правительство предписало поставить «заставы крепкие, чтобы запретить беглым во множестве перебраться в Сибирь». В 1697 г. была произведена в Сибири повторная перепись. Она показала, что колонизация не прекратилась, и после создания застав с этим фактом примирилось само правительство[2]. Одной из характерных черт колонизации Сибири Россией являлось сочетание политического подчинения с хозяйственным освоением ее русскими переселенцами.

Расселение в Сибири русского населения часто проходило вне контроля царской администрации, иногда даже вопреки ее деятельности. До настоящего времени эти процессы рассматривались в основном с позиций интересов Российского государства. В исторической литературе, особенно советского периода, нередко утверждалось, что русская колонизация Сибири сыграла исключительно прогрессивную роль в истории сибирских татар и явилась главным фактором, ускорившим их социально-экономическое развитие. Однако исторические документы показывают и иное влияние. Русские историки и общественные деятели — А.Н.Радищев, А.П.Иванов, П.А.Словцов, Н.М.Ядринцев, В.К.Андриевич, Н.П.Буцинский, В.И.Огородников и другие, непосредственно наблюдавшие жизнь народов Сибири, пришли к выводу, что завоевание и разрушение государства сибирских татар, колониальная политика России в Сибири имели и негативные последствия.

В Западной Сибири распространяется господствовавшая в России феодальная система социально-экономических отношений с присущими ей атрибутами административного, фискального и судебного управления.

Русское государство стремилось заселить и освоить завоеванный край и выкачивать из него средства для казны; русские вольные колонисты имели целью добычу основного богатства Сибири — пушнины. Однако русскими, отправившимися в Сибирь, двигала не только жажда наживы. Уходя на новые земли, массы «черного люда» пытались избавиться от гнета феодального произвола, искали лучшие условия для хозяйствования. Практически каждое ужесточение режима феодальной эксплуатации, каждая вспышка классовой борьбы в Русском государстве вызывали волны переселений в Сибирь.

Как ни огромны были просторы Сибири, русские переселенцы стремились селиться в давно освоенных районах — по берегам рек и озер, на землях сибирских татар и других аборигенов Сибири.

---

[1] Буцинский П.Н. Заселение Сибири ... — С. 249.
[2] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония ... — С. 191.

Тысячи русских колонистов оседали по берегам Тавды, Туры, Тобола и Иртыша, притесняя местное население, захватывая их земли и угодья. Уже к концу XVII в. численность их была равна числу коренных обитателей этих земель, а иногда превышала. В начале XVIII в. русское население Сибири насчитывало 300 тыс. человек, что значительно превышало коренное население[1].

Наряду с правительственной и вольной можно выделить и третий вид переселения — церковно-монастырский, так как не в меньшей мере, чем у правительства, имела свои цели и устремления в Сибири и русская православная церковь. С каждым отрядом переселенцев в Сибирь прибывали священники, аппетиты которых намного превышали устремления крестьян и других людей, приезжавших в Сибирь ради наживы.

В первые же годы колонизации возникло монастырское и церковное землевладение. К началу XVIII в. в Западной Сибири за монастырями числилось 1495 крестьянских дворов, что составляло 14% всего крестьянского населения Сибири[2].

Народы и племена Сибири бережно относились к природе. Правительство и русские переселенцы развернули хищническую эксплуатацию местных природных богатств. Отмечая последствия колонизации Сибири, Н.М.Ядринцев отмечал, что переселенцы считали сибирские леса врагами человека и животных. Они вырубали леса, последствиями чего были засуха, высыхание озер, источников, ветры. Лесные пожары становились обычным явлением, обедняя не только флору, но и фауну, — звери погибали, бежали в более глухие места. В результате охотничьему промыслу народов Сибири был нанесен непоправимый ущерб[3].

Русские колонисты имели негативный взгляд на кочевые народы Сибири, в которых видели «противников оседлого человека».

С первых лет колонизации, наряду с эксплуатацией труда коренных народов Сибири, начинается «промысел инородца» — захват местных народов с последующим превращением их в рабов. На «инородца» Сибири смотрели как на завоеванный народ, всякий побор, всякое обирание его считалось законным. Не было такого сословия, не было ни одного учреждения в Сибири, которое не эксплуатировало бы «инородца». Сибирь не избежала общего закона колоний: колонист создал здесь рабство «инородца», и история этого рабства, пронизавшего всю историю Сибири XVII–XVIII и начала XIX вв., достаточно изучена на основе исторических документов.

Таким образом, к 20-м годам XVII в. правобережье Иртыша от устья Оми до устья Ульбы было заселено русскими. Для поддержания связи между крепостями в последующие годы были построены промежуточные форпосты, в результате чего образовалась линия, ограждавшая русские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье. Постепенно в Барабинской степи появились русские селения. Колонизация Барабы шла по двум направлениям — со стороны Иртыша и со стороны Оби.

---

[1] Никитин Н.И. Сибирская эпопея в XVII в. Начало освоения Сибири русскими людьми. — М., 1987. — С. 158.

[2] РГАДА. Ф. 214. Кн. № 1354. Л. 218–406.

[3] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 243.

Томское, или Среднее, Приобье длительное время играло довольно заметную роль в заселении и освоении Сибири. Среднее Приобье географически и исторически включало Нарымский и Томский «края». На протяжении всей истории феодальной Сибири Среднее Приобье являлось ареной совместной деятельности коренного населения и русских переселенцев. Население Нарымского и Кетского уездов состояло в основном из остяков и селькупов, а население Томского уезда — из татар и селькупов.

Река Обь и ее притоки

В 50-е годы XVIII в. в притрактовую полосу была поселена 1831 ревизская душа, приписанная к колыванско-воскресенским заводам. Затем притрактовая полоса была заселена крестьянами, сосланными в Сибирь в зачет рекрутов по указу от 31 декабря 1760 г. Большие группы ссыльных были поселены здесь в 60–70-е гг. XVIII в.[1]. Самовольное заселение едва ли не превосходило в первое время правительственное. Около 100 лет со времени завоевания Сибирь представляла собой простор для «гулящего» и беглого люда («гулящие люди» — лица, живущие за счет случайных заработков).

В Тюменском уезде в 1742 г. числилось 6326 душ мужского пола — крестьян и разночинцев, к 1747 г. эта группа увеличилась до 7597 ревизских душ, а к 1767 г. составила 8120 душ мужского пола. В Тобольском уезде группа крестьян и разночинцев увеличилась с 12656-ти в 1747 г. до 13918 душ мужского пола в 1767 г.[2]. Появление русского населения на Нице и Пышме вызвало продвижение татарского населения к югу. В целом по четырем уездам — Верхотурскому, Туринскому, Тюменскому и Тобольскому – количество русских крестьян без монастырских и помещичьих вместе с разночинцами возросло в 40–60-е гг. с 22636 до 25429 душ мужского пола[3].

Русские переселенцы в XVIII–XIX вв. оседали не только в западных уездах, как в XVII в., но и продвигались по Оби и ее притокам на восток. Закрепившись в Притомье, земледельцы стали осваивать район к западу от реки Томь — бассейны рек Ини, Пороши, нижнего течения Шегарки[4]. В начале XVIII в. началась колонизация притоков Оби — Ояша, Умрявы и Чауса. Переселенцы стали проезжать через Тару и Барабинскую степь[5]. Эти районы стали быстро заполняться русскими переселенцами-крестьянами. В 1715 г.

---

[1] РГИА. Ф. 468. Кн. 18. Д. 378. Л. 34; История Сибири... — Т. II. Сибирь в составе феодальной России. — М., 1968. — С. 190–191.

[2] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. III. Л. 77–78; РГАДА. Ф. 24. Д. 35. Л. 131, 244–252.

[3] Там же. Ф. 24. Д. 35. Л. 131.

[4] ГАТО. Ф. Уртамышского острога. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 13.

[5] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. — М., 1956. — С. 66.

была построена Ямышская крепость, в 1716 г. заложена Омская крепость. С постройкой Омской крепости начался новый этап в заселении Прииртышья. Защищенный с юга Тарский уезд стал заселяться более интенсивно. Началось освоение района реки Оми[1].

В Тарском уезде некоторые очаги русского заселения соприкасались с татарскими поселениями, что способствовало установлению хозяйственных связей. Очаги татарских поселений в Тарском уезде размещались по правую сторону Иртыша и по Таре. В русском окружении остались 25 татарских деревень, они входили в состав 6 татарских волостей: Барабинской, Иченской, Кулебакинской, Турасской, Турашинской и Теренинской[2]. Учитывая угрозу со стороны Джунгарии, в районе левобережья Иртыша с 1740 г. началось строительство трех форпостов: Большерецкого, Инберинского и Бетеинского[3].

В XVIII в. основным местом сосредоточения русских крестьянских дворов в Сибири была слобода. Как свидетельствуют источники, название «слобода» имело двоякое значение. С одной стороны, это поселение, ставшее центром для селений данного участка. В слободе располагались острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. Здесь жили священники, судные дьячки, служилые люди, крестьяне. С другой стороны, слобода означала территорию прилегавших к ней деревень. Постепенно были обозначены границы слобод, тем самым косвенным путем определялись линии татарских юртовских владений.

Со временем крестьяне стали селиться несколькими дворами, нередко и одним, на прилегающих землях, возникали и разрастались деревни. По данным переписи 1710 г., в Тобольском уезде было 68 слобод с общим количеством русского населения 41437 человек, в том числе 29423 крестьянина[4]. Количество русских крестьян в Западной Сибири постепенно увеличилось (табл. 9).

Таблица 9

Русское крестьянское население Западной Сибири в XVIII в., тыс. человек[5]

	Ревизия	Тобольская губ.	Томская губ.	Кол-во церковных крестьян, чел.
I	1719 г.	101	41	775
II	1744 г.	105	50	11600
III	1769 г.	114	82	142290
IV	1782 г.	169	122	—
V	1795 г.	194	140	—

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1614. Л. 222–230, 235–239.
[2] Там же. Ф. 199. Д. 481. Ч. 4. Л. 11 об., 12, 39–39 об.
[3] ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 227–227 об.; Оп. 2. Д. 1. Л. 6–6 об.
[4] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1354. Л. 218.
[5] Таблица составлена по материалам: История Сибири... Т. II... — С. 184; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и ее земледельческое освоение. — Новосибирск, 1965. — С. 224.

В 1806 г. было составлено новое положение о переселении в Сибирь. «Водворение» людей должно было производиться по усмотрению губернаторов и под надзором генерал-губернатора. В Тобольскую и Томскую губернии направляли преимущественно государственных крестьян, прибывших из внутренних губерний России. На пять лет они освобождались от податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, и получали из казны денежную ссуду. Только в 1813 г. в Томскую губернию прибыло и поселилось 16000 государственных крестьян.

На каждую переселенческую семью полагались лошадь, корова, 2–3 овцы, сельскохозяйственный инвентарь, семена, хлеб или кормовые деньги. Преодолевая от трех до четырех тысяч верст, переселенцы выезжали рано весной, все лето и до глубокой осени были в пути, кочевали с детьми, женами, стариками, больными под открытым небом. Из-за трудностей в пути, голода многие погибали. Невосполнимой потерей для переселенческой семьи была смерть отца — главы семьи[1].

Среди переселенцев ходили слухи о несметных богатствах Сибири, не защищенных властями аборигенов. Некоторые приезжали с мечтой разбогатеть. Большинство крестьян бросало обжитые земли и отправлялось в Сибирь, чтобы спасти себя и семью от голода. Но и в самой Сибири, в тайге и степях, голод был постоянным спутником переселенцев. Коренные жители Сибири не могли их прокормить. «Едим траву и коренья, что на Руси и скотина не ест... Только мы едим. Помираем голодной смертью», — писали переселенцы на родину[2].

С 1838 г. по 1855 г. с разрешения Министерства государственного имущества в Западную Сибирь прибыло более 23 тыс. переселенцев. Самовольное переселение помещичьих крестьян запрещалось, крепостные совершали побеги в сибирские земли. Иногда обнаруживали целые деревни беглецов, нигде не учтенных[3]. В некоторых случаях правительство объявляло планы переселения в Сибирь, после которых волна переселенцев шла широким потоком. С 1847 г. по 1855 г. к Тобольской и Томской губерниям было приписано 19163 души переселенцев[4].

Государство стремилось контролировать переселенческое движение. Его политика эволюционировала от полного запрещения переселения в 60-е годы XIX в. до снятия всех ограничений в период столыпинской аграрной реформы. На первом этапе заселения Сибири правительство поощряло переселение, выплачивая переселенцам единовременные пособия, возвратные ссуды, предоставляя льготные сроки уплаты податей. В XVII–XVIII вв. царизм перешел к сдерживанию, а затем и к строгой регламентации миграций. С XVIII в. помощь и льготы почти прекращаются.

К середине 90-х годов XIX в. Сибирь стала одним из главных районов колонизации. На кабинетных землях к 1896 г. накопилось около 186 тыс. не причисленных переселенцев. С согласия Кабинета 27 апреля 1896 г. правительство приняло решение о водворении тех, кто занимался сельским хо-

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. № 1524, 1528, 1525, 1526, 1320, 1493; История Сибири... — Т. II. — С. 358, 360.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония ... — С. 68, 214.

[3] Мачтелл Т.А. Избранное. — М., 1928. — С. 116.

[4] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония ... — С. 199.

зяйством, если у общества имелось не менее 15 десятин земли на душу[1]. По закону от 6 июня 1906 г. переселенцам предоставлялись льготы и материальная помощь.

Одним из способов заселения Сибири была ссылка. В Москве решили «не даром кормить преступников в тюрьмах». Правительство придавало большое значение ссылке в колонизации Сибири.

Ссылка в Сибирь ведет начало с XVI в. Являясь сначала просто исключительной, она в дальнейшем получила значение меры общегосударственной и в XVII–XVIII вв. заняла видное место в числе наказаний.

Первыми сослали в 1593 г. при царе Федоре Ивановиче жителей г.Углича, осужденных по делу убийства царевича Дмитрия. Их отправили в Пелым. В 1653 г. указом царя Алексея Михайловича смертная казнь для воров, преступников была заменена ссылкой в Сибирь[2].

Сибирь вскоре приобрела устрашающее значение, ссылка дискредитировала репутацию Сибири в глазах русского народа. Вместе со ссыльными преступниками высылались их жены, дети, родственники. Бывали случаи, когда дети ссыльных отцов бежали в Сибирь и здесь с помощью денег записывались в число ссыльных, положение которых в Сибири было легче, чем участь крепостных в России.

По данным П.Н.Буцинского, количество ссыльных в Сибири с 1593 г. по 1645 г. равнялось 1500 человек, за одно десятилетие — с 1614 г. по 1624 г. было сослано 560 человек[3]. Источники дают противоречивые данные о количестве населения в Сибири. По данным П.А.Словцова, в 1622 г. в Сибири было 70 тыс. русских, кроме того, 7400 ссыльных[4].

В эпоху Петра I ссылка была заменена каторжными работами, и в России возник институт каторги.

В XVIII–XIX вв. Сибирь по-прежнему оставалась местом ссылки и каторги. В некоторые годы число ссыльных достигало 19 тыс. человек в год, минимальное количество — 6000–9000 человек. В первые годы XIX в. ссылали в год до 2035 человек, но это количество менялось по годам. Например, в 1824 г. в Сибирь наряду с совершившими тяжелые преступления сослали осужденных за менее тяжкие дела, и количество ссыльных составило около 11000 человек.

С 1823 г. по 1832 г. в Сибирь было сослано 98725 человек, всего в первой половине XIX в. — полмиллиона человек[5].

На 100 ссыльных мужчин приходилось 16 женщин, одна восьмая часть их была старше 40 лет. Мужчины 30–50 лет (собственно ссыльные) составляли 77%, дети их — 21,4%. 1,5% ссыльных составляли жены и дети ссыльных, по собственной воле приехавшие за ними в Сибирь[7].

---

[1] Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. — Л.,1962. — С. 69.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... — СПб., 1892. — С. 245.

[3] Буцинский П.Н. Заселение Сибири... — С. 198.

[4] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — Кн. 1. С 1585 по 1742 г. — СПб., 1838. — С. 138, 152.

[5] ПСЗ-II. — СПб., 1868. — Т. XXXVIII. — № 2238, 2818.

[6] Анучин. Материалы для уголовной статистики России. — Ч. 1. — С. 44.

В 1885 г. в Сибири числилось 260 тыс. ссыльных. За период с 1887 г. по 1890 г. было сослано 64790 человек, то есть по 16200 человек в год. На 1 января 1898 г. в Сибири сосредоточилось до 310 тыс. ссыльных всех категорий, но списочный состав ссыльных не совпадал с фактическим количеством их в местах приписки: «в безвестной отлучке» находилось не менее 100 тыс. ссыльных. Ссылка принесла только отрицательные результаты: нищенство, бродяжничество ссыльных, «нарушавших положение в Сибири»[1].

Ссыльных отправляли в Сибирь пешком. До 30-х годов XIX в. их устраивали в готовые дома, но вскоре строительство таких домов для ссыльных прекратилось. На заработки ссыльные уходили в другие места. Многие отбывшие каторгу и тюрьмы заключенные выходили на поселение престарелыми, больными и нетрудоспособными. Немало ссыльных бежало из-под контроля, пополняя армию бродяг.

Смертность среди них была высокой. Домовладельцев было очень мало, в основном бродяги, «отвращенные от труда». Отдельные числились работниками у жителей, очень немногие нанимались на золотые прииски. В Тобольской губернии в середине XIX в. 4,8% населения, в Томской губернии 2,9% были ссыльными.

Ссыльные играли негативную роль в жизни сибирского общества. Занимаясь преступной деятельностью, они беспокоили население, особенно коренных жителей Сибири, менее защищенных от всяких притеснений.

Отдельные исследователи отмечают положительную роль политических ссыльных в общественно-политической жизни Сибири в XIX в.

В XVII в., когда в Сибири остро стоял хлебный вопрос, правительство стремилось закрепить переселенцев на земле, а с началом развития капитализма оно пыталось вытолкнуть малоимущие слои старожилов и переселенцев в неосвоенные таежные районы. Данный мотив впервые был представлен в «Объяснительной записке» министра земледелия А.С.Ермолова к проекту правил землеустройства в четырех сибирских губерниях, а дальнейшее развитие получил в «Соображениях к «Правилам о продаже переселенческих участков»[2]. При этом правительство преследовало две цели: освоить отдаленные районы Сибири бедными слоями и таким образом в этих районах создать условия для развития кулацких хозяйств.

Переселенческая политика правительства отличалась непоследовательностью. Земельными реформами конца XIX в., в том числе законом о землеустройстве, правительство стремилось создать переселенческий земельный фонд. Оно пыталось убедить, что переселенческая политика якобы совпадает с народными интересами и отвечает чаяниям крестьянских масс. И.В.Островский, специально изучивший роль аграрной политики правительства в хозяйственном освоении Сибири в конце XIX — начале XX в., делает вывод, что правительству так и не удалось возглавить переселение и освоение Сибири на протяжении всей истории[3]. Он заключает, что царизм сдерживал народную инициативу в деле колонизации Сибири.

---

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4866. Л. 758.

[2] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 22.

[3] Островский В.И. Источники изучения роли аграрной политики царизма в хозяйственном освоении Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Источники по освоению Сибири в период капитализма. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 107.

По мере завоевания Сибири в ней постепенно устанавливалась русская государственная власть. Основной административной единицей в Сибири в XVII в. был уезд, во главе уездов стояли уездные воеводы, которые практически не контролировались и в их руках была сосредоточена вся власть. Сохраняя внутреннюю организацию сибирских татар, они опирались на знать. Воеводы имели достаточную военную силу, которую размещали в укрепленных городах и острогах-крепостях. Они постоянно организовывали походы с целью покорения населения, применения карательных мер против восставших, сбора ясака и других поборов.

Наиболее ранними учреждениями русской государственной власти в Сибири были Тюменская приказная изба, воеводская канцелярия, крепостная контора, таможня, ям, нижняя расправа, канцелярия судных дел и др. Все они подчинялись воеводе. Но вскоре после строительства Тобольска город становится столицей всей Сибири, и все управленческие функции передаются ему. В Тобольске создаются Тобольская приказная изба, воеводская канцелярия и другие учреждения[1].

Однако разрозненные силы воевод необходимо было подчинить общим целям колонизации, укрепить единую власть во всех городах и уездах. Поэтому управление завоеванным краем из Центра вначале было поручено уже существовавшему Посольскому приказу, находившемуся в Москве, а с 1599 г. — приказу Казанского дворца. Приказ Казанского дворца, как один из царских государственных органов России, осуществлял административно-судебное и финансовое управление на территории Юго-Восточной России, Урала и Сибири. Контролировал он и деятельность местной администрации, руководил составлением ясачных окладных книг, сбором натурального ясака с нерусского населения. Он же занимался отправкой из Казани в Сибирь воинских команд, снабжением Тюмени и других городов Сибири продовольствием, в первую очередь хлебом, и другими товарами[2].

Однако Казань находилась на значительном расстоянии от Сибири, тем более в первой половине XVII в. вся территория Сибири была завоевана Россией. Повсюду возникали крепости, русские гарнизоны, и управлять приказу Казанского дворца такой огромной страной стало делом затруднительным. Поэтому в 1637 г. создается специальный Сибирский приказ, который управлял Сибирью: ведал административными, судебными, финансовыми вопросами, торговлей, ямскими, рудными и другими предприятиями. Аппарат Сибирского приказа состоял из судьи, дьяка и подьячих.

Управлять Сибирью из Москвы было сложно. В связи с этим в 1687 г. Сибирь была разделена на три разряда: Тобольский, Колыванский и Иркутский. Земли бывшего Сибирского ханства с большинством сибирских татар были включены в состав Тобольского разряда. Уездное деление внутри разрядов сохранилось. В Тобольский разряд входили следующие уезды: Березовский, Верхотурский, Енисейский, Кетский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский. Тобольск сохранил положение главного города Сибири.

---

[1] ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 11608. Л. 23.
[2] РГИА. Ф. 468. Кн. 18. Д. 378. Л. 34.

Сибирское ханство. XV–XVI вв.

Качинская татарская женщина

Барабинская девушка

Из книги И.Г.Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». 1776 г.

Татарская девушка

Барабинская женщина

Интерьер зимней остяцкой юрты

Из книги И.Г.Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». 1776 г.

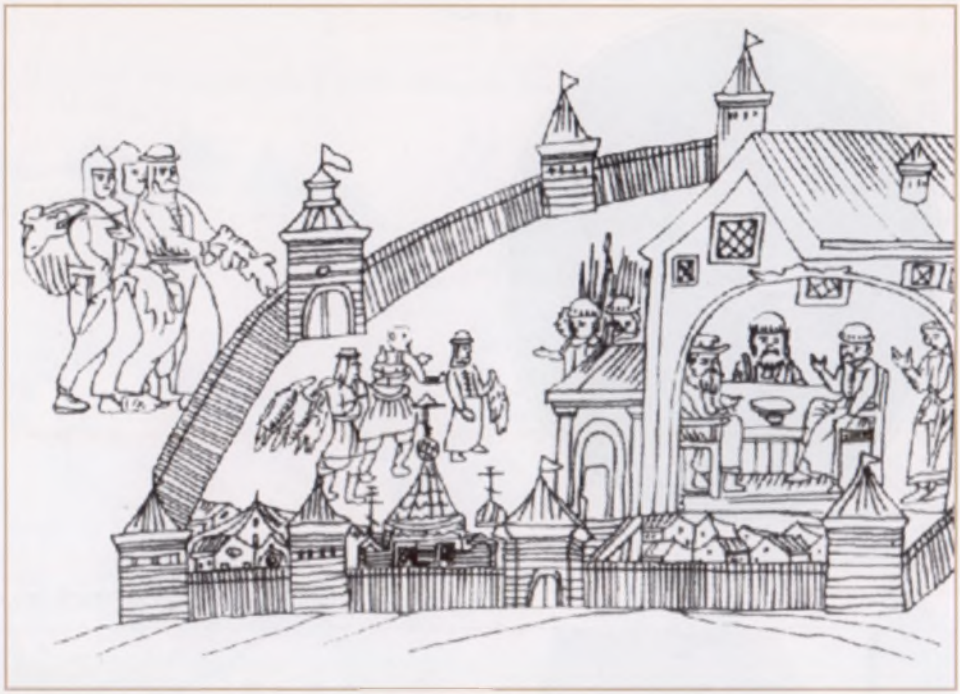
Татарская женщина

Качинская девушка

Продвижение отряда Ермака по сибирским рекам. Рисунок из Кунгурской летописи. XVII в.

Ермак

Покорение Сибири Ермаком. Худ. В.Суриков. 1895 г.



Принос ясака в Тюмень. Рисунок из Кунгурской летописи. XVII в.

Татарин и самоед. Фрагмент голландской карты

Томская татарская девушка. Худ. Е.М.Корнеев. Начало XIX в.

Татарин у пчелиного улья.
Копия гравюры И.Заунера. XIX в.

Сибирский татарин.
Худ. М.С.Знаменский. XIX в.

Татары

Охотничья изба

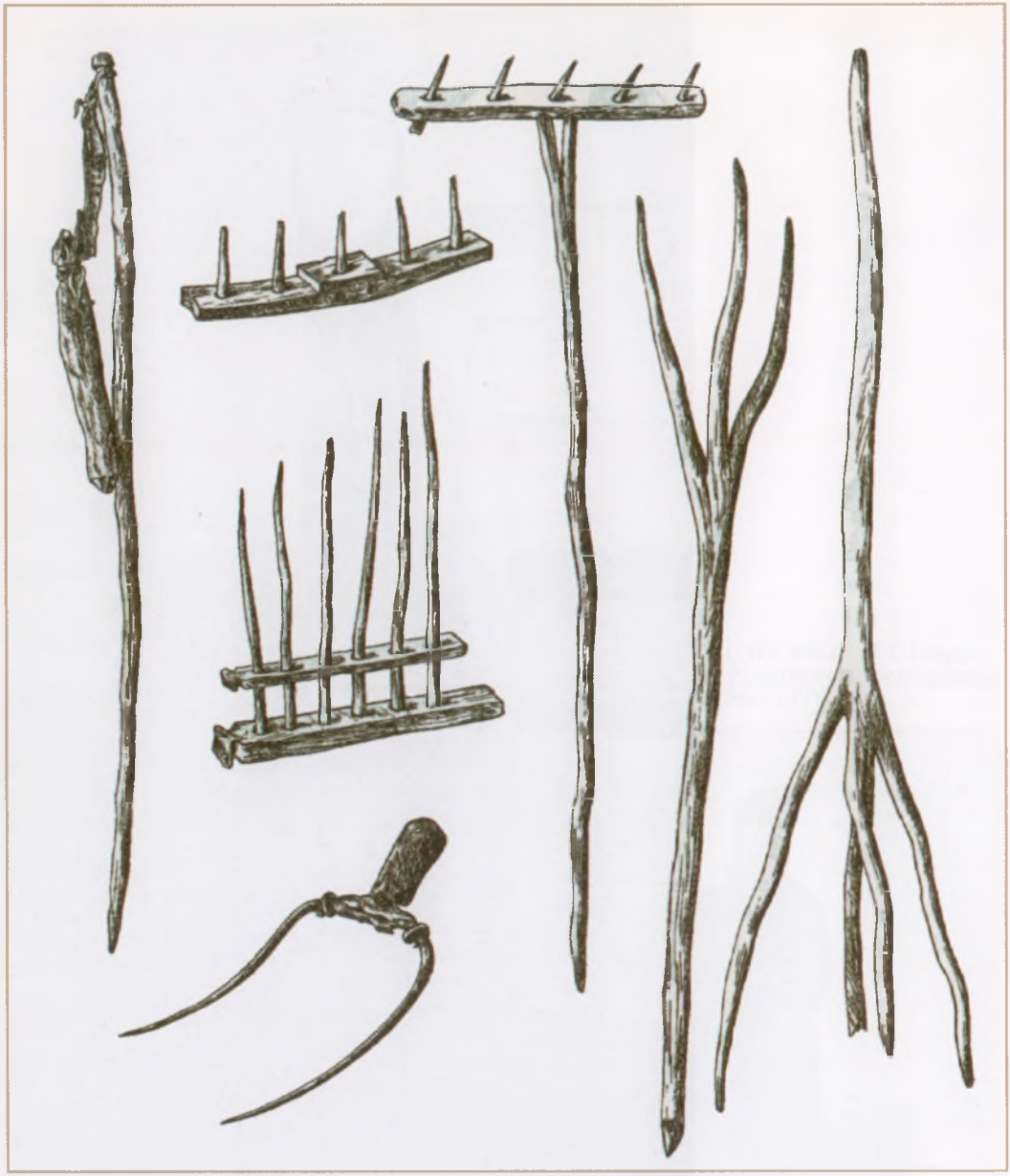
Астана — место погребения святого шейха. (1394–1395 гг.)

Мечеть д. Ямбаево. Вторая половина XIX в.

Свиток

Чатская татарка. Из книги И.Г.Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». 1776 г.

Сибирская татарка в национальном костюме. Первая четверть XX в.



Сельскохозяйственный инвентарь сибирских татар XIX в.

Гужевой инвентарь

Гужевой инвентарь

Женские головные уборы

Калфак — женский головной убор

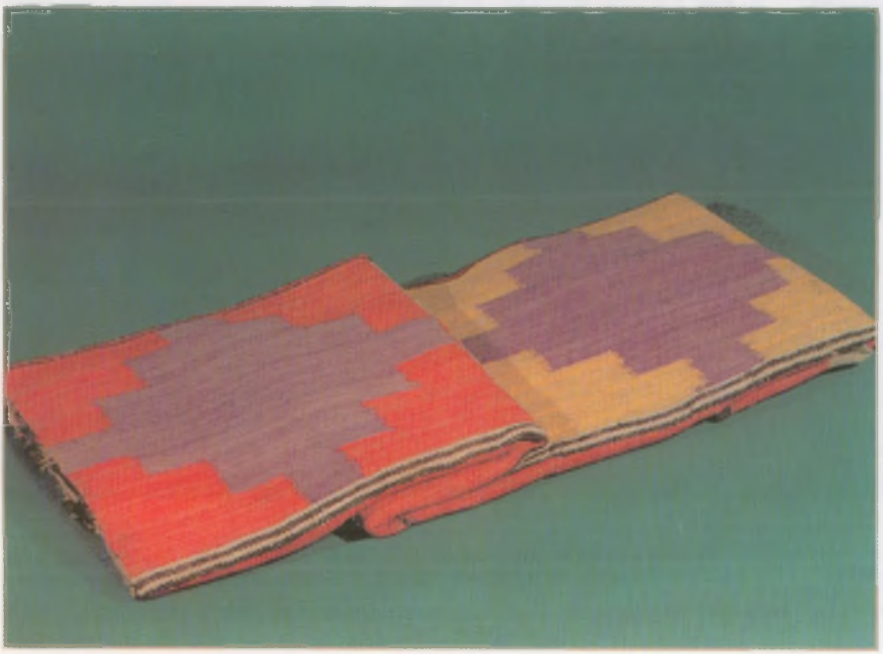
Свиток

Кисети. Подарки невест женихам

Кисети. Подарки невест женихам

Уголок интерьера татарского дома. Сундук, постельные принадлежности. Начало XX в.

Образцы ткацких изделий сибирских татар. Конец XIX в.



Кумган

Кувшин

В 1708 г. в связи с реформами Петра I была образована Сибирская губерния с центром в Тобольске[1]. Она включала огромную территорию — Урал, Сибирь и Дальний Восток. В 1710 г. Сибирский приказ был преобразован в Московскую канцелярию Сибирской губернии.

В связи с уменьшением доходов, поступавших в казну из Сибири, правительство в 1730 г. вновь учредило Сибирский приказ, подчинив его сенату. Приказ ведал административными, финансовыми, торговыми и таможенными вопросами. По указу от 15 декабря 1763 г. он был окончательно упразднен.

Высшим должностным лицом в губернии был губернатор. Губернатор подчинялся непосредственно царю и сенату, а позже — генерал-губернаторству. Ведал всеми учреждениями гражданского ведомства, являлся председателем ряда губернских «присутствий» и комитетов[2].

С 1764 г. в Сибири существовали две губернии — Тобольская и Иркутская. В 1782 г. сибирские губернии были ликвидированы и учреждены делившиеся на области наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское, в 1796 г. вновь были образованы две губернии — Тобольская и Иркутская. В 1803 г. было организовано генерал-губернаторство Сибири, в составе которого были созданы Тобольская, Томская губернии и Омская область.

Был создан многоструктурный и громоздкий управленческий аппарат, что объяснялось стремлением утвердить самодержавный режим, исправно взимать с населения разнообразные налоги, «держать подданных в узде». Не случайно полицейский и чиновничий произвол, лихоимство, казнокрадство и другие злоупотребления сибирских сатрапов процветали, что нашло широкое отражение и в литературе[3].

В 1819–1820 гг. генерал-губернатором Западной Сибири был М.М.Сперанский, который в 1822 г. провел реформу управления Сибири. В 1822 г. был издан «Устав об управлении инородцами», оформивший политику царизма по отношению к нерусскому населению. Составленный при участии М.М.Сперанского Устав подразделял коренные народы Сибири («инородцев») на «оседлых», «кочевых» и «бродячих».

Сибирские татары были отнесены к «оседлым инородцам». В правовом и фискальном отношении они были приравнены к русским тягловым сословиям — мещанам и государственным крестьянам[4]. Деление губерний было сохранено, в конце XIX в. они были преобразованы в округа. Татарское население Западной Сибири проживало в основном в Тюменском, Тобольском, Тарском, Ялуторовском, Томском и Каинском уездах.

В 1882 г. было ликвидировано Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а Тобольская и Томская губернии по своему положению были приравнены к губерниям Европейской России. Одновременно на территории, входившей ранее в Западно-Сибирское генерал-губернаторство, были образованы Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская и Тургайская области, они были объединены в Степное генерал-губернаторство с центром в г.Омске.

---

[1] ПСЗ-1. — СПб., 1830. — Т. IV. — № 2218. — С. 436–438.

[2] БСЭ. — М., 1976. — Т. 23. — С. 336.

[3] Кружинов В.М., Пашков Н.М., Ретунский В.Ф. Тюменский край с древнейших времен до середины XIX в. Учебное пособие для учителя. — Тюмень, 1996. — С. 27.

[4] ПСЗ-1. Т. 38. — СПб., 1830. — № 29126.

Сибирские татары жили в основном в Тюменском, Тарском и Ялуторовском уездах Тобольской губернии и Томском, Каинском, Мариинском уездах Томской губернии. Уезды по-прежнему были разделены на волости, которые являлись низшей административной единицей в сельской местности.

Особая роль в колонизации Сибири принадлежит русской православной церкви. Отдельная епархия и архиепископская кафедра в Тобольске создается в 1620 г. В 1628 г. архиепископская кафедра была преобразована в митрополичью. В 1768 г. сибирская митрополия была упразднена и восстановлена епископская кафедра. Епископ сибирский и тобольский, являясь главой православной церкви в Сибири, подчинялся синоду[1].

С первых лет завоевания татарских земель в Сибири царские власти стремились полностью охватить всех аборигенов Сибири сбором ясака и значительно увеличить его поступление в государственную казну. Русские власти имели опыт управления завоеванными татарскими землями на Волге. Используя его, внедряли на сибирских землях местное административное управление. Началось создание «инородческих» волостей. При этом колониальные власти с самого начала стремились использовать аборигенную администрацию в целях увеличения поступления ясака и других сборов в казну. Как правило, племенные группы, крупные роды татар были объединены в одну волость. В основу деления территории бывшего ханства на ясачные волости легли, по-видимому, административные подразделения, называемые улусами, которые существовали в татарских государствах Западной Сибири, в том числе в Сибирском ханстве. По сведениям сибирских летописей можно заключить, что в городках, находившихся под властью Кучума, сидели подвластные ему мурзы и есаулы, которые собирали ясак в пользу хана[2]. Эти уделы – улусы после колонизации стали волостями. Например, во владениях мурзы Бабасана образовалась Бабасанская волость[3]. В XVII в. в Тобольском уезде насчитывалось 18 татарских волостей, многие из них состояли из нескольких, иногда даже из одного или двух, селений. В 1858 г. их количество было сокращено, на той же территории осталось 9 волостей: Яскалбинская, Уватская, Отдельная Бабасанская, Надцынская, Истяцкая, Карагайская, Оброчных чувальщиков, Бухарская и Тобольское городовое управление (для татар, проживающих в г.Тобольске). В Тюменском уезде в 30–40-е гг. XVII в. было 8 татарских волостей: Кнырская, Иленская, Искинская, Шыкчинская, Каскаринская, Юртовская, Бачкирская, Терсяцкая, Пышминская и Исетская[4].

Учитывая опыт устройства местных органов власти на землях бывшего Казанского ханства, воеводы оставили прежний порядок общинного управления сибирских татар и других народов Сибири. В течение всего XVIII в. во главе многих татарских волостей стояли «ясаулы» или «князцы»[5]. В XVII и начале XVII вв. до введения в Сибири «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) сибирскими татарами и бухарцами управляли на местах старшины (аксакалы). Формально старшина волостного правления избирался на во-

---

[1] ГАТО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 355. Л. 25.

[2] Сибирские летописи. Издание Археографической комиссии. — СПб., 1907.— С. 321, 371.

[3] Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. — Ч. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. III. — С. 59.

[4] Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань: Таткнигоиздат, 1992. — С. 55.

[5] ГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2184. Л. 2, 11; Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 953–1150.

лостном сходе, в котором участвовали представители деревень, входящих в состав волости, однако местные власти постоянно вмешивались в ход выборов и добивались избрания угодных им людей. Старшин избирали на один год, некоторые прислуживали властям и управляли несколько лет[1].

В целях использования феодальной верхушки татар практиковалось назначение «жалованных старшин». Например, заслужившие доверие у властей путем безжалостного притеснения татарского населения представители рода Кульмаметовых более века (1700–1811) занимали должность «головы» тобольских и «захребетных» татар[2]. Родоначальнику Кульмаметовых Авазбакию эта должность была предоставлена «в вознаграждение его службы и купно с тем за сообщение всяких известий»[3]. За прислуживание властям, за доносы на татар по указу Петра I (1703) «велено владеть им и детям их ...в Тобольском уезде вверх по Тоболу и Иртышу рекам по изъясненным в грамотах дачам пашенными землями, сенными покосами и рыбными ловлями и всякими угодии». Кроме земельных пожалований, «за многия службы» Авазбаки и его сын Сабанак неоднократно жаловались высочайшими грамотами, дорогим оружием, ценными подарками[4]. Возведенные в дворянское сословие Кульмаметовы владели огромными угодьями, собирали ясак с татар, от которых поступали жалобы в администрацию на их злоупотребления.

В первой половине XIX в. в ясачных татарских волостях по-прежнему выбирались старшины[5]. Срок их службы не был определен, их заменяли по инициативе властей или по решению схода. При вступлении на службу старшина давал клятву на Коране в присутствии муллы[6]. Основной обязанностью старшины был своевременный сбор ясака и податей, а также присутствие при разбирательстве спорных дел[7]. Они следили и за общественным порядком. Гражданские дела решались на сходах сельской или волостной общины на основе народного права сибирских татар, а религиозные дела татар и бухарцев — мусульманским духовенством[8]. Волостной сход назначал и раскладывал мирские сборы, повинности, состав расходов волости, собирался раз в год с разрешения крестьянского начальника.

На землях ханства в основном проживало татарское население, и волости первоначально были исключительно татарскими. По мере заселения русских и бухарцев среди татарских селений создавались специальные русские и бухарские волости. Поскольку селений, состоящих только из бухарцев, прак-

---

[1] РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 18; Ф. 1290. Оп. 6. Д. 5632. Л. 1, 2, 21, 22.

[2] Там же. Захребетники — категория феодально-зависимого населения в Русском государстве XV–XVII вв. Захребетники-татары Западной Сибири не имели своего хозяйства, жили в основном у служилых татар и богатых бухарцев, работали у них в хозяйстве и не платили ясак. В XIX в. местные власти не выделяли их как сословие, они постепенно вливались в состав ясачных татар.

[3] РГИА. Ф. 1286. Оп 2. Д. 347. Л. 18.

[4] Тычинских З.А. Служилые казаки Кульмаметовы в XVIII в. // Сибирские татары: Материалы 1-го сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 14–18 декабря 1998, Тобольск. — Тобольск; Омск, 1998. — С. 117, 118.

[5] ГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 289. Л. 147.

[6] ПСЗ-1. Т. 19. — СПб., 1830. № 14231. — С. 1067.

[7] ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 806. Л. 1; ГАТОТ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 43. Л. 22, 24; Ф. 154. Оп. 8. Д. 139. Л. 1–36.

[8] Валеев Ф.Т. Сибирские татары ... — С. 60.

тически не было, для них создавались экстерриториальные волости. В каждом уезде, где проживали бухарцы, было по одной бухарской волости.

Жители одной татарской волости представляли волостную общину, которая имела определенные права и функции. В XVIII – начале XIX вв. в составе волостного управления появилась должность опекуна. Опекуны наравне с волостными старшинами стояли во главе волости. Они должны были защищать юридические права татар, избавить их от обращения в уездные или губернские органы власти, «избавлять от обиды от лица сильных». За взятки и подарки от татар предусмотрены были меры наказания, вплоть до «неизбежного штрафа и телесного жестокого наказания»[1].

Селения сибирских татар представляли собой не только поземельные единицы, но и общины. Г.Т.Бакиева в монографии, посвященной изучению сельской общинной организации тоболо-иртышских татар, на основе большого круга письменных источников осветила структуру, фискальную, хозяйственную, культурно-бытовую и религиозную деятельность сельской общины сибирских татар. Поэтому нет необходимости повторно исследовать эту проблему[2].

Даже малые юрты составляли отдельные общества — общины. Сельская община сибирских татар имела свою структуру. Основу ее составляла семья. Обычно несколько родственных семей объединялись и сообща защищали родственные интересы. Небольшую ячейку внутри общины составляли отдельные улицы, или «концы». На сельских сходах они могли выступать сообща за единый вариант решения того или иного вопроса.

В случае возникновения земельных споров сельская община выступала в качестве юридического лица, если кто-нибудь извне посягал на землю. В зависимости от возникшей проблемы ее решением занималась сельская или волостная община. Челобитные писались не от имени пострадавшего лица, а от имени всей общины. Сельская община признавала права на землю не только тех, кто пользуется общинной землей селения, но и тех, кто имел внутри общины собственную землю. Община следила также за исполнением своими членами определенных обязанностей: за выполнением фискальных обязательств, трудовых и денежных повинностей, общественного порядка и др. Эти функции и порядок их осуществления сложились и совершенствовались в течение большого исторического периода, и любое вмешательство вышестоящих властей в дела общины, попытки использования общины в своих целях, в ущерб членов общины встречало упорное сопротивление. Так, например, после принятия «Устава об управлении инородцев» действия властей по переустройству татарских волостей с целью присоединения татарских юрт к русским волостям встретили упорное сопротивление татарских общин. Так, например, татары Ясколбинской волости с 1864 г. до 1873 г. боролись против исполнения высочайшего утверждения положения сибирского комитета о переселении 14 юрт заболотных татар в Тарский уезд «для улучшения их быта», добивались принятия решения об оставлении их селений на прежнем месте[3].

---

[1] ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 803. Л. 2 об –3.

[2] Бакиева Г.Т. Сельская община Тоболо-иртышских татар (XIII — начало XIX вв.) — Тюмень; Москва, 2003.

[3] ГАТОТ. Ф. 152. Оп. 39.Д. 171. Л. 171–171 об.

В 1858 г. были ликвидированы Бухарская, Порушная, Подгорная волости тарских татар, в которых проживало 5600 душ. Юрты этих волостей были переданы пяти русским волостям, что вызвало отчаянное сопротивление татар. В результате в 1864 г. волости тарских татар были восстановлены.

Обычно жители одной юрты представляли сельскую общину сибирских татар. Община представляла собой поземельную единицу. Ей принадлежали многочисленные функции — регулирование землепользования, хозяйственных, семейно-бытовых отношений, осуществление самоуправления. Татарская община участвовала в решении религиозных вопросов. На сходах прихожан решались вопросы строительства, ремонта и содержания мечетей и духовенства, открытия и содержания школ[1].

По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. сибирские татары избирали сельских старост по общим с русскими правилам. Главной обязанностью сельских старост было своевременное выполнение фискальных обязательств.

По Уставу 1822 г. для сибирских татар должны были создаваться волостные управления в составе старшины, двух его помощников и писаря, но татары оказали активное сопротивление внедрению этого положения[2]. По реформе государственной деревни П.Д.Киселева у татар, как и у русских крестьян, создавались особые выборные органы — волостные и сельские судебные расправы. По положению о сельском состоянии, изданном в 1876 г., состав волостного управления оседлых «инородцев» должен был быть таким, как и в русских волостях.

Это положение вызвало у татар тревогу, так как это привело бы к распространению на них воинской повинности[3]. На протяжении всей второй половины XIX в. администрация Сибири стремилась причислить аборигенов к русским волостям, но население сопротивлялось этому.

На сельском сходе избирался староста деревни, по мере необходимости он собирал сельские сходы, на которых обсуждались внутренние вопросы жизни села: распределение угодий, раскладывание повинностей по дворам, подбор пастухов и оплата за их труд и др. На волостных и сельских сходах нередко решающее слово было за зажиточными татарами.

Главная обязанность волостных старшин и сельских старост состояла в исправном сборе с населения подушной подати и других сборов, а также надзор за выполнением населением натуральных повинностей. Кроме того, они были обязаны наблюдать за выполнением законов и за общественным порядком, разбирать мелкие ссоры, гражданские дела. Более важные и уголовные дела рассматривались соответствующими судебными инстанциями на основании законов Российской империи.

Другой особенностью административной деятельности татарских волостей является тесная связь с местным мусульманским духовенством. Мусульманское духовенство пользовалось высоким авторитетом среди населения. При рассмотрении многих гражданских дел волостные старшины и сельские старосты часто прибегали к помощи приходских мулл (махалля мулласы). Дела, связанные с нарушением установлений ислама (вероотступничество,

---

[1] ГАТОТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 202. Л. 1–1 об.; ГАТОТ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–35 об.
[2] Бакиева Г.Т. Указ. соч. — С. 74.
[3] Там же. — С. 76–77.

богохульство, поношение Корана), а также бракоразводные дела, дела о разделе имущества и некоторые другие почти полностью находились в компетенции духовенства. Регистрация актов гражданского состояния в метрических книгах (рождения, брака, развода, смерти) также была в компетенции приходских мулл.

Волости существовали до начала 20-х годов XX в. За общественным порядком и нравственностью в юртах, как и прежде, следили старосты и муллы. В ежегодных годовых отчетах татарских волостей Тобольской и Томской губерний уровень нравственности населения волости всегда отмечался как удовлетворительный, при этом указывалось, что в татарских юртах за общественным порядком и нравственностью следят сельские муллы[1].

По причине отсутствия у сибирских татар государственности мусульманская община в течение нескольких веков заменяла им практически все общественно-политические и этнические институты. Все это послужило причиной того, что вплоть до рубежа XIX–XX в. национальное самосознание у татар отождествлялось с религиозным.

Царское правительство после отмены крепостного права 19 февраля 1861 г., в течение всей второй половины XIX в., стремилось распространить основные положения реформы на крестьянское и аборигенное население Сибири. В 1889 г. в пяти округах Тобольской губернии — Тобольском, Туринском, Тюменском, Тарском и Ялуторовском — были образованы специальные комиссии, которым поручалось всесторонне изучить вопрос о возможности и целесообразности присоединения оседлых аборигенов к русским волостям. Все комиссии, кроме Туринской, высказались против проектируемых нововведений. В документах комиссий указано: «инородческие» сходы желания присоединиться к русским волостям не выразили; учитывая, что традиции общественной жизни, нравы, обычаи и экономическое положение аборигенов не имеют ничего общего «с таковыми у русских, которые к «инородцам» относятся враждебно»[2].

Однако проникновение товарно-денежных отношений в систему традиционного хозяйства народов Сибири потребовало проведения административных преобразований у сибирских аборигенов. Порядок землеустройства кочевых и оседлых аборигенов был определен законами от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г. Перевод в разряд оседлых должен был сопровождаться обложением крестьянскими окладами в соответствии с положением закона от 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчной и поземельными податями» и введением общественного крестьянского самоуправления[3]. Одновременно правительство решает распространить на управление аборигенным населением институт крестьянских начальников, который был введен в Европейской России с 1889 г. Круг деятельности крестьянских начальников был достаточно широк. Прежде всего им поручался «надзор за всеми установлениями крестьянского и «инородческого управления». Крестьянским начальникам предоставлялись те административные права, которыми раньше обладали в отношении аборигенов

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп.1. Д. 37. Л. 16; Д. 45. Л. 34.
[2] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2. Л. 9.
[3] Там же. Ч. 1. Л. 187 об.

чиновники земской полиции. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий волостного и сельского управления вплоть до отстранения их от должности. В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников. Съезд подчинялся губернскому управлению[1].

Административные преобразования 1898 г. были, с одной стороны, шагом, направленным на унификацию управления сибирских «инородцев» с русским крестьянским населением, с другой — мероприятием, призванным усилить административно-полицейскую опеку над народами края. Вместе с тем он не отменял основ «положения об инородцах». В январе 1909 г. П.А.Столыпин предписал сибирским губернаторам незамедлительно переводить на положение оседлых всех аборигенов, получивших земельные наделы по законам от 23 мая 1896 и 4 июля 1898 гг. При реализации нового закона возникла необходимость образования смешанных волостей, против чего выступило местное население. Крестьянские начальники были против объединения вновь образуемых «инородческих» сельских обществ и волостей с русскими обществами в рамках одних административных единиц. При объединении татарских волостей с русскими первые должны были поделиться своими земельными угодьями, если они превышали установленную норму – 15 десятин.

Таким образом, на протяжении всей второй половины XIX в. администрация Сибири ставила вопрос о переводе аборигенов на оседлый образ жизни и присоединении их к русским волостям. На рубеже XIX–XX вв. царское правительство осуществило ряд преобразований в сфере поземельного, податного и административного устройства автохтонных народов Сибири. Действие реформы было направлено на упразднение «инородческого» управления, построенного на принципах Устава 1822 г.; на причисление сибирских татар и других коренных народов Сибири к сословию государственных крестьян с введением соответствующей системы податного обложения и землепользования, а также сельского крестьянского управления. В течение 1910–1912 гг. все коренные народности Сибири, несмотря на ожесточенное сопротивление, были причислены к русским волостям[2].

При проведении этих преобразований обнаруживался кризис сложившихся форм управления и принципов податного обложения сибирских татар других аборигенов Сибири. При этом свою живучесть показала сельская и волостная община сибирских татар. Проведение столыпинской реформы и связанная с этим переселенческая политика привели к земельному дефициту и недовольству у старожильческого русского и коренного татарского населения Западной Сибири. Кризис усугубился в начале XX в., следствием чего стали массовые аграрные волнения русских крестьян и сибирских татар.

---

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1.

[2] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX и начало XX вв. — Иркутск, 1986. — С. 59.

* * *

Территория расселения сибирских татар в исследуемый период, за исключением миграции некоторых групп, в основном совпала с исторической границей бывших татарских государств Западной Сибири. Несмотря на наличие нескольких этнографических групп, сибирские татары считали себя единым народом.

Построенные Российским государством города и крепости предназначались не только для жительства, но и являлись опорными пунктами для охраны захваченных земель и дальнейшего завоевания новых территорий. К концу XVI в. русскими была освоена большая часть Обь-Иртышского бассейна. Вслед за колонизацией постепенно устанавливается русская государственная власть, создаются органы управления. На основании «Устава об управлении инородцев», утвержденного Российским правительством в 1822 г., сибирские татары были причислены к категории «оседлых», в правовом отношении приравнены к русским тягловым сословиям.

Глава VII

Социальное положение сибирских татар в составе Российского государства

§ 1. Этносословные группы татарского населения Западной Сибири и динамика их развития

Служилые татары

Социальная структура населения Сибирского ханства была идентичной Казанскому ханству: была аристократия — беки, мурзы, духовенство и «черные люди». Татарское население ханства после завоевания было подразделено в основном на три сословия:

1. Беки, мурзы и их дети были зачислены в сословие служилых людей (казаков).
2. Основная масса «черных людей» составляла сословие ясачных татар.
3. Небольшая часть татар, проживающая по реке Туре, приписывалась к государевой десятинной пашне[1].

В особую группу власти всегда определяли крещеных татар. Эта группа была непостоянной, так как некоторые из них возвращались в ислам, большинство же обрусели.

Образование из бывших татарских феодалов сословия служилых было продолжением политики, проводимой на землях Казанского ханства. Главной целью этой политики было привлечение татарских феодалов на службу с целью дальнейшей колонизации Сибири и отторжение от коренного населения имущего класса. Феодальная прослойка населения являлась объединяющей и ведущей силой народа, пока не была мобилизована на службу русским властям. К числу служилых причисляли и представителей мусульманской духовной знати. Например, тарский юртовский татарин сеид Тенелей Берелеев состоял в числе служилых татар[2].

Вливание татарской военно-феодальной знати в сословие служилых произошло не сразу. Самая патриотичная, преданная Кучуму часть их погибла в длительной и тяжелой войне против завоевателей. Служилых татар не было

---

[1] Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. 2. — М.,1955. — С. 164.

[2] РИБ. Т. VIII. — № 11.

среди барабинцев, так как они ожесточенно сопротивлялись русским. Барабинская татарская знать в основном погибла, небольшая часть ушла в районы, не захваченные русскими, ясачными были также все калмаки. Сначала все эуштинцы и чаты были служилыми татарами, но в XVIII в. они были переведены в сословие ясачных крестьян[1]. Среди зажиточной части были категории дворян, купцов, мусульманского духовенства[2].

Однако не все поступившие на службу могли выдержать ее тяготы, особенно в начале колонизации — бегство западносибирских гарнизонов было нередким явлением. Достаточно редким явлением были случаи «измены» служилых татар Тобольского разряда.

Все служилые татары были объединены в Сибирско-татарский полк. Высочайше утвержденным положением от 21 октября 1849 г. он был преобразован в Тобольский конный полк[3]. По материалам дела, в 1852 г. в нем состояло служилых «татар-мусульман казачьего сословия» 1380 человек. Кроме того, к полку причислялись ясачные татары в количестве 1704 человека. Они обязаны были постоянно быть готовыми к военным походам или боевым действиям.

Ведя «полукочевую» жизнь, служилые татары находились в походах по 2–3 месяца. Военная служба в XVII в. была пожизненной, не имела возрастного предела. Очень часто служилые умирали в далеких походах[4]. Их дети тоже становились служилыми. На службу брали с 15 лет.

Круг обязанностей служилых был очень широк и строго не регламентирован. Основная обязанность служилых — участие в военных походах, в завоевании новых земель, усмирение «инородцев», в защите границ от кыргызов, калмыков, ногаев и др.

Можно указать следующие их обязанности:

— строевая и станционная служба, караульная служба;

— участие в розыске, конвоирование колодников (арестантов);

— военные экспедиции на судах.

Служилые татары обычно исполняли поручения, связанные с конной службой. Их отправляли в походы в степь, посылали для «скорых вестей» в другие города и остроги, из них состояли «проезжие станции» и «отъезжие караулы». Кроме того, конные служилые люди охраняли остроги на юге[5].

Из ратных людей конной службы часто комплектовались посольства из 2–3 человек для переговоров с калмыцкими тайшами и другими, а также для охраны более крупных дипломатических миссий. Нередко служилые татары отправлялись в ежегодные экспедиции за солью на Ямышское озеро[6].

В отличие от других районов, в Сибири служилые использовались не только как военные специалисты, но и в качестве рабочей силы: ловили рыбу для государя, щипали хмель, строили военные здания, корабли, разгружали су-

---

[1] Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. — № 3. — Томск, 1953. — С. 37.

[2] Валеев Ф.Т. Западносибирские татары. — Казань, 1980. — С. 62.

[3] РГВИА, Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Ед. хр. 21142.

[4] РИБ. Т. VIII — № 11 (XXXII); РГАДА. Ф. 214. Кн. 131. Л. 139 об., 143, 152 об.; Кн. 151. Л. 7,8.

[5] РИБ. Т. VIII. — № 11. Стб. 567–568.

[6] Оглоблин Н.И. Сибирская дипломатическая миссия XVII в. // Исторический вестник. — 1861. — № 10. — С. 91.

да. Первые сибирские города строили в основном служилые люди. Тюменские татары участвовали в строительстве Тобольска и Тары, посылались на службу в Тару[1]. Служилых татар посылали на Лену, Байкал и другие места, походы продолжались до года и больше[2].

За служилыми татарами устанавливался строгий военный и конфессиональный контроль. В целях жесткого контроля религиозной жизни мусульман войсковой части все татары-мусульмане полка должны были ходить для отправления религиозных обрядов в определенные мечети. По правилам, утвержденным 21 февраля 1853 г. Военным Советом, высшим законовещательным учреждением по военному ведомству, полагалось иметь «мусульманского духовенства в нижеследующем порядке»:

«В Тобольском конном казачьем полку иметь при мечетях соборных одного хатыпа (проповедника), одного имама (руководителя общей молитвой) и одного муэдзина (служку, призывающего на молитву), а при простых — одного имама и одного муэдзина, наблюдая, чтобы в приходе мечети состояло не менее двухсот душ мужского пола». Далее указан порядок избрания означенных духовных лиц, порядок представления их в губернское правление, генерал-губернатору Западной Сибири. Избранные лица должны были подвергаться испытанию в Оренбургском магометанском духовном собрании[3].

Положение служилого человека было привлекательным, ибо означало более высокий социальный статус. Служилые имели ряд привилегий: были освобождены от ясака и других повинностей, не отдавали детей в рекруты, получали денежные, хлебные и соляные жалованья. Однако, в отличие от Европейской России, сибирские служилые не могли иметь крепостных, они фактически являлись особым отрядом крестьянского сословия. Хлебное жалованье получали лишь некоторые из служилых татар, остальным, ссылаясь на то, что все они имели вотчинные земли, хлебное жалованье не выдавали, а денежное жалованье они получали в размере от 3 руб. до 8–12 руб.[4]. Это было меньше, чем у русских казаков. Жалованье варьировалось в зависимости от города, в котором служило данное лицо и от его родовитости. Самое высокое жалованье получали служилые татары Тобольска и Тюмени, низкое — г. Тары. При причислении татар на службу власти стремились создавать неравенство. Так, в 1631 г. в томском гарнизоне состояли 32 чатских служилых, двоим из них назначили жалованье по 8 руб., 8 человек получали по 5 руб., 8 человек — по 4 руб., 14 — по 3 руб. Такая служебная лестница указывала на неравноправное положение служилых татар в гарнизоне, что порождало раздоры[5].

Российское государство сохранило служилым татарам вотчинные права на их земли, включая пахотные, сенокосные, пастбищные и другие угодья. Закон признавал их «владетелями земель своих отцов». Московское правительство не только не нарушило их земледельческих прав, но и принимало меры к ограждению их от «обид и изтеснения».

---

[1] ДАИ. Т. VIII. — СПб., 1862. — С. 170.

[2] РГАДА. Ф. 214. Кн. 151. Л. 7–8.

[3] Арапов Д.Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» 9–11 декабря 2002, Тобольск. — Тобольск; Омск, 2002. — С. 126–127.

[4] РГАДА. Ф. 214. Кн. 225 1650 г.; кн. 432. 1632–1633 г.

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — С. 507.

Служилые татары соединяли службу с хлебопашеством. Они поддерживали тесную связь с ясачным населением в своих вотчинах и имели там довольно высокий имидж. Власти посылали служилых татар в походы против Кучума, годами они находились в походах, не имея времени для занятия хлебопашеством[1]. Так, например, в 1595 г. тюменские и тобольские служилые татары участвовали в походах против Кучума. В 1598 г. в разгроме Кучума участвовали 10 томских и 160 тобольских служилых татар[2].

В каждом городе служилые татары образовывали особый корпус, во главе которого стоял назначенный правительством «татарский голова» из русских. Ему подчинялись и захребетники.

В отличие от русских служилых, татары не получали за свою службу одежду и провиант, так как владели «данными предкам их хлебопашными землями и сенными покосами». Поэтому в свободное от походов время им приходилось еще заниматься и земледелием, хотя для этого у них не было возможностей. В таких случаях многие предпочитали сдавать свои обширные луга и пашни соседним русским крестьянам почти за бесценок[3]. В отличие от русских казаков, татарские служилые жалованье и провиант получали только во время непосредственного несения службы. В свободное от службы время татарские казаки частенько выезжали на охоту, охотились на зайцев и горностаев. Добычу сдавали за низкие цены «коммерческим людям»[4].

Количество служилых татар в XVII в. показывает таблица 10.

Таблица 10

Численность служилых татар в XVII в.[5]

	1626–1627 гг.	1639 г.	1663 г.	1699 г.
Тобольск — всего служилых	нет сведений	730	1645	2156
В том числе служилых татар — количество в процентах к общему числу служилых	259 34%	225 34%	249 15%	256 11,9%
Тюмень — всего служилых	нет сведений	330	698	940
в том числе служилых татар — количество в процентах	79 22,7%	76 22,6%	107 15,2%	108 11,4%
Тара — всего служ.	нет сведений	425	656	783
в том числе служилых татар — количество в процентах	57 13%	50 12,0%	66 10,2%	65 8,2%
Всего служилых в Западной Сибири	нет сведений	1485	2999	3879
в том числе служилых татар — количество в процентах	395	351 20,0%	422 14,0%	429 2,7%

[1] Буцинский П.И. Заселение Сибири и быт первых ее насельников... — С. 149.
[2] АИ. Т. II. — СПб., 1841. — С. 1.
[3] ГАТОТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 519. Л. 378.
[4] ГАТОТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 157. Л. 32.
[5] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1176, 1198, 1358.

В сословии служилых татар около четверти составляли татары Тобольского и более трети — Томского уезда[1].

Большинство татарских беков и мурз, переведенных в сословие служилых татар, также становятся опорой правительства: играют важную роль в международных делах, состоят на дипломатической службе. В коронации Михаила Федоровича Романова принимали участие представители казанских и сибирских татар.

Несмотря на ущемление прав по сравнению с русскими казаками, это сословие татар в какой-то степени было опорой ясачных людей, их организатором, что настораживало местную администрацию. Однако пока властям необходимы были служилые татары, Московское правительство, хотя и с меньшими привилегиями, чем у русских служилых, держало их, сохраняя как сословие. По мере отпадения в их необходимости правительство перешло к политике ликвидации служилого сословия сибирских татар. Постепенно ликвидировались привилегии, их земельные наделы сокращались. Они оказались на положении русских крестьян. В XVIII в. служилые татары мало чем отличались от русского служилого люда. Ликвидация сословия служилых татар явилась очередным ударом для татарского общества.

Какая-то часть служилых татар оставалась на службе государства в качестве старост, старшин, толмачей, представителей посольств. Это была наиболее услужливая часть служилых, посредством которых правительство эксплуатировало ясачных татар Сибири.

Наступление на служилых татар было характерно не только для Сибири. Москва поступала таким образом со всеми служилыми татарами. В начале XVIII в. по всей России началось новое наступление на немногих представителей татарского феодального класса. По указу Петра I от 1713 г. в течение полугода должны были креститься татарские феодалы, имевшие крепостных-христиан, в том числе новокрещен. Но в это время служилых татар не крестили, наступление на них началось позже[2].

Часть служилых татар стала заниматься торговлей. Например, сибирский князь Сулейман Уркин (выходец из казанских татар) в XVIII в. имел большой капитал, торговал с Китаем[3]. Из категории татарских торговцев вышли меценаты, которые за счет своих средств строили мечети, школы, содержали их.

В 1822 г. был принят «Устав о сибирских городовых казаках», в котором записаны нормы, определяющие основы положения как русского, так и татарского казачества в социально-политической жизни Сибири. Тобольский конный полк существовал до 1869 г.

Ясачные татары

Основная масса сибирских татар — «черные люди» были наверстаны в сословие ясачных татар. В результате длительной колониальной войны мужчины погибли в боях, женщин и детей брали в плен, продавали. Многие погибли от холода, голода, болезней. Документы о количестве населения на

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 467, 474, 1267, 1431.
[2] Там же. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803. Л. 976; ПСЗ. — 1. Т. VII. — СПб., 1830. — № 4273.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803.

территории бывшего Сибирского ханства на конец XV1 или начало XVII в. не сохранились. Однако сохранились ясачные и дозорные книги первой половины XVII в. Самая ранняя из них сообщает о количестве населения Пелымского уезда в 1598 г., по остальным уездам сохранились книги 1620–1640 гг. По данным ясачных и дозорных книг, в первой половине XVII века татар осталось только 2626 человек. Таким образом, при завоевании Сибирского ханства русскими войсками было уничтожено большое количество ясачного населения ханства (табл. 11).[1]

Таблица 11

Количество ясачного населения на территории бывшего Сибирского ханства в 1598 – 640гг. (кроме томских и барабинских татар)[2]

Уезды	Год составления ясачной книги	Все ясачное население	В том числе татарское население
Верхотурский	1626	296	65
Туринский	1628	106	106
Пелымский	1598	738	50
Тюменский	1628	112	112
Тобольский	1640	732	732
Тарский	1620	642	642
Всего		2626	1707

В 1623 г., по данным Б.А.Долгих, в Томском уезде было 200 ясачных татар, к концу XVII в. их количество сократилось до 149 человек[3].

Количество всего татарского населения Н.А.Томилов определяет в конце XVII в. — 14,4 тыс. человек, в середине XVIII в. — около 17,5 тыс., а в конце XVIII в. — свыше 28,5 тыс. человек[4].

Ясачные книги первой половины XVII в. дают противоречивые показатели о количестве ясачного населения. Так, например, ясачные книги 1640 г. по Тобольскому уезду показывают 1628 плательщиков ясака, а в 30 ясачных волостях 1629 г. книги указывают только 698 душ мужского пола. В 1652 г. ясачное население того же Тобольского уезда составляло 835 душ мужского пола, в 1674 г. — 1352 души мужского пола и к началу XVIII в. — 2799 душ мужского пола[5]. Данное обстоятельство можно объяснить высокой смертностью населения в новых условиях, либо значительной миграцией татар.

---

[1] Буцинский П.И. Указ. соч. — С. 14.

[2] Таблица составлена по данным: РГАДА. Ф. СП. Кн. 10. Л. 1036; Кн. 19. Л. 531; Кн. 19. Л. 521; Кн. 9; Кн. 11. Л. 183; РГАДА. Ф. 199 (портф. Миллера). Карт. 478.

[3] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 96.

[4] Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. — С. 108.

[5] Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — М.; Л., 1946. — С. 95–96.

Русских в Сибирь привлекала прежде всего пушнина. Особенностью русской колонизации в Сибири был ясак пушниной. В Западной Европе пушнина ценилась высоко, так как пушной зверь в Европе был истреблен уже давно. На северо-востоке Европы, захваченной Россией, ценные породы пушного зверя также практически были истреблены. Сибирь же была богата соболем, бобром и другим зверем. Главным источником поступления пушнины в Сибири был ясак. Завоеванное и покоренное население Сибирского ханства и соседние племена были обложены ясаком еще Ермаком. Ясак Русскому государству — по преимуществу дань, которую покоренные платят победителю, является признаком зависимости и ассоциируется с унижением. Такой характер ясака очень определенно чувствовался народами и племенами Сибири[1]. Для Российского государства сибирские татары были лишь объектом сбора ясака.

Для обложения ясаком русские власти сохранили административное деление, существовавшее при сибирских ханах. Сбор ясака облегчался тем, что в период ханства существовал известный учет местного населения. Ясачными людьми считались мужчины от 18 до 50 лет, не считая калек, а позднее от 16 до 60 лет. Законы Московского правительства рассматривали татар и другие покоренные народы Сибири, как и русских переселенцев, в качестве «водворившихся на казенных землях». Отношение русских законов к землевладению татар было двояким: в одних случаях земли татар считались казенными, предоставленными «инородцам» в наделы правительством за уплату ясака, в других — предоставленными в вечное пользование как неотъемлемое владение[2].

Ясак в Сибири взимался не только пушниной, в виде исключения отмечались случаи сбора ясака хлебом, скотом, изделиями из железа, рыбой и т.д.

Назначался он отдельно для каждого племени или рода. Размеры ясака определялись количеством соболиных шкурок, причем определенной нормы установлено не было. Брали либо по усмотрению администрации, либо сколько было обговорено заранее. Практически в землях бывшего ханства ясачные платили от одной-двух до десяти шкурок соболя в год, в основном по 7–10 шкурок, в Томском уезде — по 10 соболей. В денежном выражении ясак равнялся 3 руб. 50 коп. и поминки — 1 руб. 33 коп., что составляло годовое жалованье рядового служилого в Сибири[3].

Ясак в Сибири имел два вида: окладной и неокладной. Окладной ясак взимался с каждого ясачного человека, имя которого заносилось в специальную ясачную книгу. Неокладной ясак платили аборигены Сибири, кочевники, которые не могли быть учтены, но были обязаны платить. В этом случае ясак не был нормирован, принималось то, что приносили кочевники. Со временем плательщики неокладного ясака переходили в категорию плательщиков окладного ясака. Кроме окладного или неокладного ясака, был внедрен еще ясак десятинный — десятый добытый зверь всякой породы — каждый десятый соболь, бобр, белка и т.д.[4].

---

[1] Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 50.
[2] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875г. в 2-х частях. Ч. 2. — Омск, 1875. — С. 10.
[3] РГАДА. Ф. 214. Кн. 643. Л. 537; Кн. 1367. Л. 51–61; Кн. 22. Л. 856–883.
[4] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. — С. 438.

Оклад по числу шкур мог быть очень приблизительным. Во-первых, ценность одной и той же породы зверя была разной, и соболь соболю рознь (соболь «одинец» стоил и 10, и 15 руб., а худой соболишка — всего несколько алтын); во-вторых, по мере истребления соболя приходилось брать ясак и другим зверем, не равноценным соболю[1]. Из «счетного списка» по сбору ясака 1696 г. ясно, что принятая в качестве ясака пушнина расписывалась по родам и сортам со следующими ценами: «сорок соболей» высшего сорта — 600 рублей, среднего сорта — от 560 до 300 рублей[2]. Соболиная казна составляла от 10 до 30% годового бюджета России[3].

Методы принуждения татарского населения к уплате ясака были разнообразными. С завоеванного племени брали «шерту» — присягу в том, что они не будут уклоняться от уплаты ясака. С целью обеспечения правильного поступления ясака брали заложников или аманатов. Зимой их держали в тюрьме, а весной, скованных, возили по ясачным волостям. Многие из них погибали от невыносимых условий. Аманаты отпускались на волю только в случае замены другим соплеменником при следующем сборе ясака[4].

Иногда власти применяли поощрительные меры в форме «царского жалованья» ясачным людям, за которыми не сыщится шатости и воровства». «Царское жалованье» выдавалось хлебом, или брагой и вином, но его получали немногие[5]. Условиями получения были: своевременная уплата ясака, примерное поведение, сообщение властям о беглецах, о подозрительных делах и планах своих родичей и т.п.

Правительство время от времени проводило в Сибири дозоры и перепись покоренных жителей как плательщиков ясака и устанавливало новые нормы. Во второй половине XVII в. в регионах проживания татарского населения ясак был установлен в среднем от 7 до 10 соболей с женатого мужчины и от 5 до 7 соболей — с неженатого[6]. Оклады ясака записывались в денежном выражении, хотя собирались мелкой рухлядью. Оклады были разными по волостям. Например, как свидетельствуют приходные книги Тобольского уезда, в 1726 г. с каждого ясачного человека собирали ясака и поминков в Аремзянской волости по 10 руб. 2 коп., Карбинской волости по 10 руб. 4 алтына, Надцинской волости — 2 руб. 80 алтын. Лабутанской волости — 2 руб. 10 алтын[7]. Формы и размеры окладов ясака в течение XVIII–XX вв. неоднократно менялись[8]. Поскольку дозоры и перепись проводились через несколько лет, селениям приходилось платить ясак и за умерших, ушедших, беглых, получивших увечье. Часто из-за лесных пожаров и других причин было мало зверя, и ясак в установленном размере платить было нечем.

Уплата ясака фиксировалась в ясачной книге. Так, например, в ясачной книге 1726 г. записано: «Ясашный татарин Елсаид ... рухляди 137 лисиц,

---

[1] Бахрушин С.В. Указ. соч. — С. 58.
[2] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1148.
[3] Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 104.
[4] Буцинский П.Н. Указ. соч. — С. 311, 312.
[5] ГАТО. Ф. 47. ОП. 1. Д. 28. Л. 2.
[6] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 68. Л. 30–35.
[7] Там же. Ф. 199. Оп. 495. Д. 1. Л. 1–22 об.
[8] ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2183. Л. 14.

рысь, 2 выдры, 30 бобров, 14 волков, 3 медведя, 1012 горностаев,1819 белок, 2 лося»[1].

Татарскому населению, занимавшемуся рыболовством, ясак устанавливался определенным количеством рыбы[2].

Татары Туринского и Пелымского уездов, томские, енисейские татары вместо ясака обязывались работать на государевой десятинной пашне, что приводило их хозяйства к полному упадку. В 1599 г. они писали в Москву: «ходячи за государевой пашней одежонку все передрали, женщин и детишек проели (отдавали в заклад), волочатся в наготе и босоте и помирают голодной смертью, всех их с женами и детьми до одного человека пристава выгоняют из юрт на государеву пашню и юрты остаются пустые... за той пашней рыбы добыть не успевают и потому все лето с женами и детьми кормятся только одной травой». Они били челом об освобождении их от работы на государевой пашне и замене ее ясаком[3].

Татары, жившие по берегам Тагила и Туры, были обязаны вместо сбора ясака пушниной платить ясак хлебом, что было для них еще более обременительно, так как не каждый год был урожайным и поэтому недоимки росли. Оплата хлебного ясака татарским населением отмечалась с 1673 г., она продолжалась и в 1726 г., о чем свидетельствует запись: «От 17 ясачных татар принято по 4 четверти хлебного ясака[4]. Для татар, уплачивающих ясак хлебом, заводились и велись специальные «посевные, ужинные и умолотные книги», в которых учитывался весь полученный урожай[5].

Ясак Московскому правительству резко отличался от ясака в Сибирском ханстве, когда каждый ясачный приносил установленное ханом количество ясака, а остальное количество добытого зверя использовал по своему усмотрению. Он стал намного обременительнее, чем раньше. Кроме окладной нормы ясака, необходимо было платить так называемые «поминки». В первые годы это были «добровольные» подарки государю, наследнику престола. Сбором «поминок» государю воеводы стремились показать «преданность» царю. Часто воеводы стали брать «поминки» и себе[6].

В некоторых местах, например, в Нарымском и Томском уездах, оклады ясака были большими — по 11 соболей с ясачной души. Постепенно накапливались долги, которые назывались недоимками, их фиксировали в особых книгах. По Томскому уезду в 1692 г. недоимки равнялись 511 соболям, что составляло четверть оклада[7]. Хищническая охота, которой занималось приезжее население, способствовала резкому снижению количества соболя. В конце XVII — начале XVIII вв. ясачные люди для «ясачного платежу» закладывали русским своих жен, детей, внуков, продавали земли. В 1703 г. таких случаев было зафиксировано около 70[8].

---

[1] ГАТО. Ф. И 47. Оп. 1. Д. 2184.
[2] ГАТО.Ф. И 47. Оп. 1. Д. 830. Л. 1.
[3] РИБ. Т. II. ... — С. 146.
[4] ГАТО. Ф. И 47. Оп. 1. Д. 895.
[5] ГАТО. Ф. 47. Оп.1. Д. 416. Л. 1.
[6] ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
[7] Томские губернские ведомости. — 1864. — № 24.
[8] РГАДА. Ф. 214. Кн. 25. Л. 56.

Временами ясачные освобождались от недоимок, но случалось это редко. Из-за недоимок разорялись и приходили в упадок многие татарские юрты (селения), так как в счет погашения недоимок воеводы отбирали скот, одежду, домашние пожитки, рыболовные угодья, бобровые гоны, лучшие пастбища и другие земельные угодья. Причины недоимок были самые различные, прежде всего связанные с уменьшением количества зверя, его гибелью. Например, в 1660 г. прошел мор, в лесах зверя не стало, кормиться было нечем. Воеводы приказали выдавать на волость по 5–6 четвертей хлеба, чтобы ясачные люди не разбежались[1]. Власти обязывали гасить недоимки. Ясачные люди были вынуждены продавать своих дочерей, сыновей, жен. В 1646 г. томские воеводы писали в Москву, что ходят в Томск «татаровя и остяки» и «от всякой нужды закладывают своих жен, детей, племянников и внучат русским людям всяких чинов». Русские люди постоянно просили воевод закрепить за собой купленных людей и выдать на них крепости и грамоты[2].

Унизительным был порядок взимания ясака. Он проходил в форме хорошо подготовленного спектакля. Ясак с селений, расположенных вблизи городов, собирал старшина селения или рода и в специально назначенный день вместе с помощниками привозил в город. В день сбора привозивших ясак заставляли пройти с нагруженными мехами нартами по рядам вооруженных казаков в мундирах. При прохождении сдатчиков ясака между рядами казаков раздавался орудийный выстрел, вслед им из пищалей казаки стреляли в воздух. Эти действия насмерть пугали сдатчиков ясака, доводили их до обморочного состояния.

После «церемониала» возле крепости рядовых старейшин ждали в нарядных кафтанах воевода, приказчик и их помощники. Рядом стояли бочки с вином, брагой. Начиналось спаивание плательщиков ясака. Например, в 1651 г. во время ясачного сбора в Томске было роздано 30 ведер «вина горячего»[3]. Потом наступал сам процесс сбора ясака. Его собирал воевода. Лучшие шкуры он «покупал» себе, отбирал на «поминки». Оставшиеся, худшего качества шкуры шли на уплату ясака; они оценивались ниже, поэтому вместо 7–10 шкур требовалось намного больше.

Напуганные и доведенные до невменяемости старейшины в пьяном угаре вынуждены были отдавать то, что требовали воеводы.

В отдаленных от города селениях ясак собирали приказчики воевод. Здесь применялись такие же унизительные и грабительские методы. В дни сбора ясака вместе с приказчиками приезжали русские купцы и промышленники. До начала сбора население спаивали. Сбор шкурок происходил так же, как и в городе. По окончании сбора вновь начиналось спаивание. Не имеющие иммунитета к алкоголю люди быстро пьянели. Следующим утром многих мучило похмелье. В такой обстановке купцы и промышленники начинали с населением торговлю и обмен. Обманывали беспощадно. За кусок металла, за нож брали соболиную шкурку, за топор — несколько шкур. Похмельным вино меняли на шкурки, бесплатно уже не поили. После этого «спектакля» население оставалось ограбленным, опустошенным. Сбор ясака специально

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 536. Л. 126–127.
[2] Там же. Стлб. 250. Л. 165. 1428. Л. 270–313.
[3] Там же. 214. Кн. 979. Л. 653.

назначался после наиболее удачного охотничьего сезона. Сборщики ясака, купцы и промышленники уезжали с награбленным добром[1].

В воеводской канцелярии подьячие ежегодно составляли приходные окладные книги, которые вместе с ясаком отсылались в Москву. Ясак из Тюмени или Тобольска отправляли в Москву. В царскую казну поступало огромное количество пушнины. Например, только по Томскому уезду в 20–90-е годы XVII в. был добыто и отправлено в Москву 225 тыс. соболей, примерно две трети их поступало в порядке ясака[2]. Отмечены случаи отправления пушнины в 1703 г. из Тюмени в Китай[3].

Нередко русские убегали от своих десятинных земель, татары приобретали их земли, обязуясь платить оброк. В таких случаях администрация переводила ясачных в категорию крестьян. С 1658 г. по 1661 г. в слободу Катайского острога были «прибраны на оброк» 36 татарских семей. В 1662 г. в той же слободе было 50 семей татарских, плативших оброк[4]. В целях закрепления ясачного населения власти разрешали им покупать землю. Но по мере сокращения пушного зверя и уменьшения поступления ясака пушниной у администрации пропадал интерес к защите интересов татар. Земельная политика правительства была связана с христианизацией ясачных татар. Царскими указами от 29 мая и 13 июля 1682 г. было предписано оставить некрещеным татарским мурзам половину их вотчин, а другую половину отдать казне[5]. Крещеным татарским мурзам были предоставлены различные льготы и разрешено именоваться князьями[6].

Кроме ясака, сибирские татары несли множество повинностей. До создания в Тюмени в 1601 г. слободы ямщиков в обязанность татар вменялось давать подводы. В 1606–1607 гг. в Соликамске организовался ям из 70 ямщиков с парой лошадей у каждого с тем, чтобы возить воевод и дворян в Сибирь: — зимой с поклажей по 15 пудов, летом — по 4 пуда. В октябре 1609 г. было дано разрешение ввозить хлеб из-за Урала на продажу с целью снижения цен на хлеб в Сибири. На ямскую службу и перевозку хлеба в принудительном порядке привлекались татары[7].

В 1724 г. ясачные татары и другие коренные народы бывшего Казанского ханства были включены в состав государственных крестьян и начали платить вместо ясака подушную подать и оброк за пользование землей. Ясак с татар и других коренных народов Сибири был выгодным источником для царской казны. До землеустройства начала XX в. они оставались в категории ясачных.

Ясак пушниной в Сибири играл для России решающую роль более трех столетий. Наряду с другими причинами даровая пушнина побудила Москву перейти за Урал, пройти войной вплоть до Тихого океана. Ради сбора ясака в

---

[1] Огородников В.И. Из истории инородческих волнений в Сибири. (Заговор и восстание западно-сибирских инородцев в 1658–1669 гг.) — Чита, 1922. — С. 3, 4.

[2] Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху: состав, занятия, повинности. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. — С. 80.

[3] ГАТО. Ф. И 47. Д. 884. Л. 1.

[4] РИБ. Т. II. — Стлб. 764–766.

[5] ПСЗ-I. Т. II. — СПб., 1830. — № 923. — С. 456.

[6] Там же . — № 825. — С. 267. Царский указ от 21 мая 1680 г.

[7] Архив АН СССР. Ф. 21. Оп. 4. — № 8. Л. 15, 15 об.

тайге строились города, крепости, содержались гарнизоны. Для облегчения его сбора воеводами, старейшинами селений назначались есаулы, старейшины родов, князьки. Они освобождались от уплаты ясака[1]. Вплоть до XVIII в. Россия занимала первое место по добыче и экспорту пушнины[2].

Сокращение количества зверя побудило правительство требовать обложения ясачного населения денежным ясаком. В переводе на деньги на каждого плательщика ясака приходилось в год от 2 руб. 50 коп. до 3 руб.[3]. Денежный ясак был тяжелой повинностью для коренного населения.

Кроме экономического гнета, русские прибегали в отношении татар и других народов Сибири к жестокости — били, иногда до смерти, батогами, заковывали в цепи, колодки, подвешивали и др.[4]. Притесняли, обирали, брали в заложники татар и других аборигенов не только местные власти, но и служилые русские, купцы, промышленники. Если не удавалось хитростью, то заложников брали в бою, превращали их в рабов, продавали, а молодых женщин, девушек, юношей оставляли себе на потеху, заставляли выполнять обязанности рабов[5].

Правительство получало от татар и других народов Сибири бесчисленное количество жалоб о бедствиях, насилии, издевательствах. Иногда после жалоб меняли воевод, однако потребности новых властителей были значительнее, и грабили они сильнее[6].

В середине XVII в. русские власти сбор ясака с татарского населения передали представителям татарской феодальной знати — служилым татарам. Затем господствующее положение в сборе ясака стали занимать уже не представители прежней феодальной знати, а более предприимчивые люди, ставшие состоятельными. Эти «лучшие люди» несли ответственность за сбор окладного ясака и потом оброка[7]. Таким образом, царские власти постепенно ликвидировали экономическое влияние татарских феодалов на татарское население.

В целях увеличения поступления ясака в казну в 1748 г. была образована Ясачная комиссия. Несколько раз проводился переучет ясачного населения. Были изменены оклады ясака, но до 1822 г. ясачная политика правительства оставалась в основном без изменений.

Согласно Уставу «Об управлении инородцев» 1822 г. татары уравнивались в платеже податей и повинностей с русскими крестьянами, кроме рекрутской. Они должны были платить три вида податных сборов: подушную подать, оброчный сбор, выполнять частную волостную повинность, а также сбор на межевание земель. Перевод ясачного населения в разряд оседлых «инородцев» и окончательное уравнение их в правах и обязанностях с русс-

---

[1] Бахрушин С.А. Из истории порабощения народов Сибири... — С. 10.

[2] Александров В.А. Русское население Сибири. XVII–XVIII вв. — М., 1964. — С. 21.

[3] РГАДА. Ф 214. Кн. 10. Л. 22. Ясачная книга Верхотурского уезда, 1626 г.; Кн. 11. Л. 234, 282 об. Дозорная ясачная книга Тарского уезда, 1624 г.

[4] Огородников В.И. Очерки истории Сибири до XIX столетия. Ч. 1. История дорусской Сибири. — Иркутск, 1920. — С. 5.

[5] Бахрушин С.В. Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом // Из истории колониальной политики русского царизма. — М., 1937. — С. 10.

[6] РИБ. Т. II... — № 46, стлб. 63, 64.

[7] РГАДА. Ф. 214. Стлб. 52. Л. 1–15.

кими крестьянами был окончен к 1 января 1824 г. Все было сделано чрезвычайно поспешно и новое обложение большинству коренных народов, переведенных в разряд оседлых, было не под силу. Переводя ясачное население в разряд оседлых, местные чиновники не интересовались, в состоянии ли они уплачивать подати и отбывать повинности. До 1824 г. они уплачивали в общей сложности около 1 руб. 50 коп. с души ясачной подати. С переводом их в разряд оседлых должны были платить ясака по 11 руб. с души, а вместе с повинностями по 20 руб. с души и столько же за умерших с ревизии 1816 г., престарелых и увечных.

Татары Томской губернии обязаны были уплачивать около 18 руб. с души мужского пола. За 1824–1832 гг. за татарами Тобольской губернии накопилось недоимок в сумме 624648 руб. В других губерниях было аналогичное положение[1].

В самом начале введения «инородческого устава» сибирские татары начали хлопотать об отмене этого устава. Они заваливали своими просьбами присутственные места и Сибирский комитет, несколько прошений было подано царю.

Вторая Ясачная комиссия, созданная в целях уменьшения недоимок оседлых «инородцев», в 1828–1834 гг. изучила положение в уездах. Комиссия в своем отчете отметила, что взыскание недоимок было более разорительно, чем уплата податей и повинностей. Это взыскание производилось только двумя способами: 1) путем публичной продажи домашнего скота и имущества; 2) посредством принуждения рубить дрова и строевой лес для продажи[2].

В результате работы Комиссии в 1835 г. был издан именной указ «О податях с оседлых инородцев Западной Сибири», согласно которому правительство устанавливало для ясачных Тобольской губернии постепенный, щадящий график введения оседлых «в полныя обязанности по состоянию крестьянскому». Для всех сибирских татар, кроме татар Эскалбинской волости, подушная и оброчная подати на пятилетие (с 1835 г. по 1840 г.) были определены лишь в половину крестьянского оклада и составили в сумме 5 руб. 50 коп. с души в год. С 1840 г. по 1850 г. сибирские татары должны были платить 2/3 и только с 1850 г. — полный крестьянский оклад. Для татар Эскалбинской волости Тобольского уезда до 1840 г. устанавливалась особая сумма податей по 2 руб. 75 коп. с души[3].

По высочайшему указу, данному министру юстиции 29 мая 1835 г., оседлых «инородцев» Томского округа, «в уважение их недостаточного состояния, в сравнении с «инородцами» Тобольской губернии, повелено обложить с января 1835 г. по 1844 г. четвертою частью подушных и оброчных податей против крестьянского оклада, а именно по 2 руб. 75 коп. в год, а с 1 января 1844 г. по 1854 г. свести их в половинные подати, а по истечении сего срока взыскивать с них уже полный оклад»[4]. Прежние их недоимки были списаны, тем не менее к 1 июня 1858 г. их вновь накопилось на сумму 3430 руб.

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб, 1891. — С. 185.

[2] Там же. — С. 195.

[3] ПСЗ. Изд. 2. Т. X. Отд. 1. № 8183.

[4] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 48.

В 1875 г. за волостями барабинских татар числилось недоимок на сумму 35421 руб., которые были списаны, к 1878 г. они вновь возросли до 15000 руб.

Несмотря на эти меры, экономическое положение сибирских татар продолжало ухудшаться. Тобольский губернский совет указал следующие причины обеднения татар: уменьшение звероловства и рыболовства, преследующие их с 1860 г. по несколько лет подряд, неурожаи и последующий голод; опустошительный падеж скота; лесные пожары, при которых сгорело много леса и кедровника, составлявшего для татар предмет промысла и источник дохода от сбора орехов. По этим и другим причинам недоимки татар продолжали расти. В 1875 г. эти недоимки равнялись: по Тобольскому округу — 318860 руб.; Тюменскому — 27812 руб.; Ялуторовскому — 59042 руб.; Тарскому — 74518 руб.[1].

Бедственное положение татарского населения в 1880-е годы можно проследить на примере статистического материала двух волостей.

Ни в одном округе татары не в состоянии были платить такие большие налоги и повинности. Недоимки ежегодно накапливались. Например, в 1875 г. недоимки татарского населения Тобольской и Томской губерний составляли:

— по Тобольскому округу — 318860 руб. 45 коп.;
— по Тюменскому округу — 27812 руб. 54 коп.;
— по Ялуторовскому округу — 59042 руб. 99 коп.;
— по Тарскому округу — 74518 руб. 38 коп.

Всего по четырем округам — 480234 руб. 36 коп. За волостями барабинских татар в 1875 г. числились недоимки в 35241 руб., но были списаны по причине бедности, а через 3 года они вновь накопились в сумме 1500 руб.[2].

Рассмотрев материалы комиссии по проверке причин неуплаты налогов татарским населением, Тобольский губернский совет отметил такие причины их тяжелого экономического положения: высокие оклады подушной оброчной подати «инородческого» населения; уменьшение звероловства и рыболовства; повальный падеж скота из-за эпизоотий; лесные пожары, уничтожавшие кедровые леса и урожаи орехов[3].

В европейских губерниях России после отмены крепостного права подушная подать была заменена поземельным налогом.

В соответствии с царскими указами от 23 мая 1896 г. и 4 июня 1898 г. замена подушной подати поземельным налогом в Западной Сибири проводилась лишь после землеустройства, поэтому большинство татарского населения и русских крестьян Западной Сибири вынуждены были платить подушную подать, которая была намного обременительнее, чем поземельный налог. А землеустройство в Сибири проводилось крайне медленно, оно не завершилось даже к 1917 г.

Кроме местного и уездного, существовал губернский сбор, который взимался главным образом на содержание высокооплачиваемых губернских чиновников. Подати и повинности тяжелым бременем ложились на население. Так,

---

[1] Журнал главного управления Западной Сибири. 1879. № 154.
[2] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 55.
[3] Журнал Главного управления Западной Сибири. — 1875. — № 154. 10–20 ноября.

например, в 1912 г. по Кашегальской волости на 1140 хозяйств они составляли: государственный оброк — 1485 руб., губернский земский сбор — 710 руб., волостной оклад — 4159 руб., сельский оклад — 849 р., всего 7203 руб.[1]

Начиная с Ивана Грозного русские цари считали себя исконными собственниками завоеванных земель, не считаясь с тем, принадлежат они местному населению или нет. Формально российские законы признавали земельные права татар, переселенцам разрешалось занимать и селиться лишь на не принадлежавших татарам землях. В то же время российский закон рассматривал коренные народы Сибири и русских колонистов в качестве «водворившихся на казенных землях», с чем татары как коренные хозяева сибирских земель не соглашались.

Отступления от закона о землепользовании наблюдались еще в первые годы колонизации. Татарские земли отнимались под строительство городов, острогов, русских слобод, под дороги и т.п. Все четыре уездных города были построены правительством на древних татарских угодьях. Крестьянские поселения возникали на местах компактного поселения татар. Основной тракт, связывающий Москву с Тобольском через Верхотурье, пролегал по долинам рек, где было сосредоточено значительное количество татарского населения. Захватывались земли русскими переселенцами. Кроме крестьян, на этих землях осели ямщики, служащие дороги. Ирбитская и Надцинская слободы были построены на татарских землях, в 1646 г. на границе Верхотурского и Туринского уездов на территории трех татарских волостей расположились 33 русские деревни с 265 дворами.

Раздавались земли и отдельным лицам, например, Строгановым в 1558 г. Захватывали татарские земли монастыри, Тобольский дом Св. Софии, сибирские митрополиты, архиерейские дома и т.п. В 1623 г. Тобольскому Успенскому монастырю царем Михаилом Федоровичем были пожалованы: «река Вагай, да Бегишевы горы с Бегишевым озером с островом, с речкой Лиственкой»[2]. В архивах сохранилось немало челобитных о незаконном захвате татарских земель[3]. В 1678 г. ясачные татары Тюменского и Тобольского уездов жаловались на Тобольского митрополита Корнелия, захватившего у них вотчинные рыболовные ловли и другие угодья[4].

От служителей православной церкви не отставали русские служилые всех разрядов, крестьяне, в том числе «гулящие люди», они закрепляли за собой захваченные земли грамотами. Воеводы поступали, как хотели. Правительство было засыпано жалобами татар на произвол воевод. Воеводы сменялись, однако произвол продолжался.

Интенсивно развивалось наступление на угодья ясачного населения. Ясачные татары в 1620 г. жаловались царю, что их «вотчинные земли» захватывают русские промышленные люди, на их земле свои деревни ставят и «лесуют зверя, лоси, соболи и лисицы и в речках бобры выбивают и рыбу ловят и хмель дерут. И они от того обнищали..., ясаку им вперед добывать негде»[5].

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 66. Л. 52.
[2] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. в 2-х ч. — Омск, 1875. Ч. 1. — С. 4.
[3] РГАДА. Ф. ВУС. Стлб. № 32. Л. 81; № 33. Л. 81; № 5. Л. 22–50.
[4] Там же. Ф. 214. Кн. 731. Л. 210–216.
[5] Там же. Ф. 199. Д. 477. Л. 2–5.

Москва проводила двоякую политику: требовала охраны угодий ясачного населения и одновременно быстрейшего расширения сибирского русского земледелия.

Границы землепользования татарских земельных общин определялись в ходе оформления писцовых и переписных книг, выписки из которых выдавались на руки. Выписи служили для татар доказательством прав на землю при спорах. Хранились они во всех юртах у уважаемого старейшины. Подлинники таких выписей татары называли «матками» и бережно их хранили. Документы XVII в. они называли «старшими», а XVIII в. — «младшими». Вместо изношенных «маток» у многих сохранились копии, засвидетельствованные в уездном суде или соответствующем органе власти[1]. В XVII в. при межевании земельных угодий татар и русских крестьян писцы или другие представители воевод, отмечая права татарского населения на землю, обычно писали: «владеют тою землею исстари». Захватов татарских земель в Западной Сибири и жалоб татарского населения в воеводские и царские канцелярии по этому поводу в XVII в. стало слишком много, поэтому в Соборном Уложении 1649 г. было узаконено: «иноземных земель русским людем, а русских земель иноземцам не давать». Эта статья распространилась и на сибирские земли[2]. Так, Москва требовала одновременно охраны ясачных промыслов и увеличения поступления пушнины и быстрейшего расширения сибирского земледелия. Но захваты татарских земель продолжались. Например, в 1646 г. крестьянами «Верхотурского уезда в Туринских татарских волостях на татарских землях и на кладбищах и на юртовищах и на всяких угодьях поставлено в ясачной Тентюковской волости 8 деревень с 64 дворами, в Ермолаевской слободе 11 деревень с 117 дворами, в Колмаковской волости 14 деревень с 84 дворами»[3]. В начале XVII в. не ограничивались границы крестьянских участков, владели угодьями «сколько хто сперва русские люди в которых местах земли займовали»[4].

Русские захватывали ясачные земли полулегальным методом — путем закладов и покупки земель и других угодий татар и вогулов. Покупные и заклады оформлялись и закреплялись документами. На заклад и продажу ясачные шли в голодные годы, в случае невозможности уплаты ясака[5]. К началу XVIII в. на больших трактах, возле городов почти не осталось местного населения, их земли были захвачены русскими.

В отдаленных от городов местах, у больших трактов татарские юрты оставались в окружении русских слобод и селений. Так, по данным переписи 1710 г., в Тобольском уезде было 59 русских слобод с населением 41437 человек, в том числе 29423 крестьянина.

«На татарских землях и кладбищах юртовских и всяких угодьях вырастали русские поселки, — жаловались тюменские татары в 1689 г. на захват их угодий. — В 1670 г. с пашен ссылали владельцев, у юрт высекали двери, отнимали у них сено, самих их сбивали с вотчин»[6].

---

[1] Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — СПб., 1888. — Вып. 1. — С. 57.

[2] РГАДА. Ф. 214. Кн. 925. Л. 925. Л. 1–57.

[3] Там же. Кн. 731. Л. 209–2106.

[4] Там же. Стлб. 1673.

[5] Там же. Ф. ВУС. Стлб. № 1. Л. 64; Фонд 214. — № 1332. Л. 59

[6] Там же. Ф. 214. Стлб. 866. Л. 79–82. Стлб. 1066. Л. 60; Кн. 1182. Л. 366–368; Кн. 925. Л. 11 об.

В уездные, губернские и царские канцелярии поступало огромное количество челобитных от сибирских татар о захвате их земельных угодий монастырями, местными властями для строительства городов, крепостей, дорог, русских слобод и деревень. Московские власти были вынуждены принять специальные законодательные акты, запрещающие ясачным татарам писать прошения на царское имя. Земельные споры татар должны были решать губернские, уездные и волостные власти[1].

Осваивая с помощью русских крестьян новые территории, феодальное государство укрепляло старые формы производственных отношений за счет освоения новых земель и сокращения земель коренного населения Сибири, находило дополнительные возможности для укрепления своего финансового положения. Эти факторы, с одной стороны, были продолжением экстенсивного способа производства и введением новых форм эксплуатации пришлого русского населения при сохранении архаичных типов земледельческих орудий и агротехники, снижении количества производящего населения центральных районов России. С другой стороны, за счет сибирских земель шел количественный рост главного в сельском хозяйстве средства производства — земли, и увеличилось производство зерна. Анализ соотношения положительных и отрицательных последствий колонизации сибирских земель содержится в трудах В.И.Шункова, З.Я.Бояршиновой, М.М.Громыко, Н.А.Балюк и других исследователей.

Перепись 1703 г. окончательно установила границы русского и нерусского населения. Переписная книга 1703 г. стала основным документом при разбирательствах земельных тяжб и споров[2].

XVIII в. внес некоторые изменения в эту политику, так как из-за хищнического отношения со стороны русских переселенцев к богатым природным богатствам Сибири сбор пушнины стремительно падал. Татарское население потеряло большинство звероловных угодий. Задачи земледельческого освоения Сибири и тенденция правительства в порядке уплаты ясака пушниной вступили в противоречие.

Дальнейшие законодательные акты и Устав 1822 г. закрепили земельные права татарских общин: «... владеемые по древним правам сими иноверцами земли утверждаются за ними»[3]. Хотя Устав 1822 г. признавал за «инородцами» древние права на занимаемые ими земли, однако в законе не уточняется, что это за права.

Реформы 60-х годов XIX в. не внесли ощутимых изменений в систему землевладения в Сибири. Отмена крепостного права не изменила аграрного строя в Сибири. Основная масса сибирского населения — русские крестьяне и аборигенное население — осталась в прежнем положении. Царизм препятствовал появлению в Сибири буржуазной земельной собственности и насаждал здесь феодальные порядки пользования землей. Развитие производительных сил тормозила и установленная царским правительством система податей и повинностей, носивших феодальный характер. Крестьяне Евро-

---

[1] ГАТО. Ф. И 10. Оп. 1 . Д. 382. Л. 1.
[2] РГАДА, Ф. 214. Кн. 1371.
[3] ГАТОТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 47. Л.152 об. – 153.

пейской России, ставшие собственниками земли, платили податей в три раза меньше, чем государственные крестьяне и коренные народы Сибири[1].

Даже имея на руках эти документы, татары не всегда могли доказать свои права на наделы. Многие их земли были заняты монастырями, отняты и закреплены в книгах русскими, остались под постройками городов, острогов или слобод. В редких случаях татары могли получить взамен отнятых угодий земельные участки, чаще они получали отказ[2].

На протяжении трех столетий наследственные угодья татар постепенно сокращались. Отнимались в основном освоенные, удобные и плодородные земли, оставались лишь неудобные для возделывания участки.

При каждом землеустройстве и заведении новой земельной книги татарские юрты теряли свои наделы. В этих случаях земельные тяжбы тянулись долго, и споры часто решались не в пользу татар. В этих случаях действовал принцип: «Не для татар русские завоевали Сибирь»[3].

Новое поземельное устройство крестьян и коренных народов четырех сибирских губерний регулировалось в конце XIX в. законами от 23 мая 1896 г., 4 июня 1898 г. и 24 июня 1898 г., другими законоположениями и распоряжениями правительства. Эти законы не допускали различий между русским и «инородческим» землевладением, однако не препятствовали концентрации земли в руках отдельных зажиточных крестьян. Положения законов предусматривали изъятие земель у татар, если они превышали 15 десятин на душу мужского пола. Это привело к новому сокращению земель татарского населения.

И в этот период продолжались самовольные захваты татарских угодий русскими переселенцами. Заявления и жалобы татар, как правило, часто не удовлетворялись[4].

Западно-сибирские бухарцы

В течение XVII в. в Западной Сибири образовалось специальное сословие — бухарцы. Так называли приехавших из Самарканда, Ургенча, Бухары, Сайрама и других городов Средней Азии торговцев и промышленников — таджиков, узбеков, уйгуров, каракалпаков и казахов. Среди бухарцев было много ремесленников: ткачей, кожевников, медников, ювелиров, и со временем их художественные традиции вплелись в культуру сибирских татар. Они занимают определенное место в этногенезе и историческом развитии сибирских татар[5].

Корни сибирских и среднеазиатских связей теряются в глубокой древности, эти связи имеют длительную историю. После религиозных войн за внедрение ислама на берегах Иртыша 1394–1395 гг. поездки исламских проповедников, учителей из Бухары в Западную Сибирь стали постоянными. По-

---

[1] ПСЗ-III. Т. XIX. — СПб., 1899. — № 16363

[2] Андронников И.А. Материалы по землевладению и быту оседлых инородцев Тобольской губернии. ... — С. VIII.

[3] Андронников И.А. Указ. соч. — С. III.

[4] Шиле. Татарское племя // Природа и люди. — 1879, январь. — № 1–2. — С.3.

[5] Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я.Словцова. — М., 1999. — С. 105.

являются широкие возможности для развития торговли. Духовные лица открывают в Сибири школы, обучают детей грамоте, многие из них остаются здесь навсегда, поскольку потребность в них была значительной. Торговцы и промышленники из Средней Азии тоже становятся постоянными жителями. Тому были и другие причины. Во времена Тимура и его преемников жизнь в Средней Азии стала неспокойной и даже опасной, в Тюменском же ханстве обстановка была более спокойной[1]. Н.М.Ядринцев предполагает, что бухарцы мигрировали в Западную Сибирь в период хана Он-сона[2].

При Кучуме из Бухары часто приезжали не только духовные лица, но и купцы. Однако после завоевания Русским государством Сибирского ханства экономическое положение коренного населения стало невыносимым. Торговля прекратилась. Пушнину продавать стало некому. Торговые отношения были прерваны, отчего страдало не только татарское, но и пришлое русское население.

О былой торговле бухарцев в Сибири, по-видимому, были наслышаны и казаки Ермака. Поэтому при первой же вести о приближении торгового каравана бухарцев в Сибирь Ермак поспешил ему навстречу[3].

В 1595 г. из Москвы в Тару был послан новый воевода — князь Федор Борисович Елецкий. В наказе, данном царем Федором Иоанновичем Елецкому и главе Василию Холопову, говорится, что если бухарские или ногайские купцы приедут в Тару с товарами, лошадьми или овцами, необходимо не только дать им возможность вести торговлю, но и создать надлежащие условия, беспрепятственно отпускать назад или позволять проехать дальше[4]. По-видимому, с этого времени возобновился приезд бухарских торговцев в Сибирь.

Грамотой царя Федора Иоанновича от 31 августа 1596 г. воеводе князю Григорию Ивановичу Доможирову предписано было установить бухарцам и ногаям беспошлинную торговлю и разрешить им оставаться в Сибири до тех пор, пока они распродадут свои товары. Русское правительство приказывало принимать бухарцев с почестями и всячески привлекать их в Сибирь.

Вместе с тем воеводе был дан наказ установить надзор за общением бухарцев и ногаев с населением, за их действиями, сообщать о результатах в Москву, а также давать сведения о личностях купцов, указывать названия городов, откуда они прибыли[5].

Новый поток переселенцев-бухарцев в Сибирь имел место в начале XVII в. Это были торговцы, промышленники и представители других сословий. Торговля бухарцев сосредоточилась в основном в Тобольске, затем переместилась на Тару и в другие города[6].

Торговые льготы бухарцев были подтверждены документами от 3 ноября 1645 г. и 17 сентября 1687 г. Они считали себя «вызванными Московским правительством».

---

[1] Гарифуллин И. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. По страницам истории сибирских татар. — Тюмень, 1993. — С. 13.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... — С. 34.

[3] Миллер Г.Ф. Указ. соч. — С. 256

[4] Там же. — С. 293.

[5] Там же. Т. II. — С. 150; Архив Академии наук. Ф. 21. Оп. 4; 8. Л. 6, 7, № 4.

[6] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. — С. 153, 172, 197.

Из Средней Азии в Западную Сибирь приезжали не только из Бухары и не только узбеки, но и таджики, уйгуры, каракалпаки и др. Все они носили этноним «бухарцы» («бохарлы»). Материальная и духовная культура выходцев из Средней Азии слагалась из культуры этих народов, и, естественно, в XVII в. имела среднеазиатские черты.

В этот период некоторые бухарские и ногайские купцы начинают оседать в Сибири. Но не все бухарцы, приезжавшие с караванами в Сибирь, оседали там, были и такие, которые приезжали в Сибирь осенью, чтобы торговать зимой, и весной уезжали обратно. В XVII–XIX вв. до введения «Устава об управлении инородцев», составленного по проекту М.М.Сперанского и подписанного 22 июля 1822 г. Александром I, сибирские бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно переселившиеся в Сибирь на постоянное жительство. Поэтому царское правительство предоставило им некоторые льготы и привилегии. Они пользовались правом беспошлинной торговли на всей территории России, были освобождены от несения воинской службы и некоторых других повинностей.

Главными причинами увеличения потока бухарцев и оседания их в Западной Сибири в XVII в. были не только созданные для них Московским правительством условия, но и сложившаяся в тот период в Средней Азии политическая и экономическая ситуация. Во второй половине XVI в. правитель Бухары Абдулла хан (1557–1598) вел упорную борьбу за завоевание соседних тюркских и мусульманских государств. Абдулла хан подчинил себе таджикские земли — Бадахшан, Куляб, завоевал большую часть Хорасана, Герат, юго-запад современного Туркменистана, Хорезм, Хивинское ханство. Вел войны с Казахским ханством. В результате в Средней Азии создалось обширное феодальное государство.

После смерти Абдуллы хана (1598) государство, созданное мечом и кровью, распалось, и династия узбекской линии Шибанидов пресеклась. К власти в Бухаре пришла династия Аштарханидов, правление которых сопровождалось раздробленностью, восстаниями народных масс, набегами калмыков. Население Бухары и завоеванных ею соседних государств начало покидать свои родные места[1]. Это способствовало уходу определенной части населения Бухары в Западную Сибирь.

Расселение бухарцев проходило малыми и большими группами, семьями и в одиночку[2]. Обычно при переселении бухарцы получали русское подданство, для этого необходимо было дать письменную присягу в преданности Русскому государству. Они оседали в основном в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске. Подробных данных о количестве бухарцев не выявлено, имеются лишь отрывочные сведения из переписей (табл. 12).

---

[1] История народов Узбекистана. Т. 1. — Ташкент, 1948. — С. 84.
[2] РГАДА. Ф. 214. Стлб. № 134. Л. 194.

Таблица 12

Количество бухарцев в Западной Сибири в 1631–1687 гг.[1]

Уезды	1624 г.	1631–1632 гг.	1636 г.	1644 г.	1672 г.	1687 г.
Томский	нет сведений	9	нет сведений	нет сведений	нет сведений	28
Тобольский	нет сведений	59 муж.	44	44	нет сведений	нет сведений
Тарский	21	нет сведений	нет сведений	нет сведений	53 семьи	нет сведений

Главным занятием сибирских бухарцев в ранний период их пребывания в Западной Сибири была торговля. Не только Западная Сибирь, но и вся Россия нуждалась в восточных товарах. В XVIII в. прибывшие в Сибирь бухарцы стремились получить русское подданство.

Бухарцы в XVII в. держали в своих руках всю внутреннюю торговлю в Сибири. Они торговали в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске и других сибирских городах русскими и бухарскими товарами, мягкой рухлядью, ездили с торговлей к калмыкам. В первой половине XVII в. имели в Тобольске 6 лавок. Из калмыцких степей вывозили преимущественно рабов (калмыкский ясырь), крупный рогатый скот, лошадей, из Бухары — верблюдов, овец, бумажные материалы, сафьян, сарачинское пшено, азиатские кафтаны, куртки и др. Ходили регулярно с караванами в Китай, ездили за Урал, в Казань, Астрахань, в поморские города и даже в Архангельск, вывозили оттуда местные товары. В Среднюю Азию они везли сибирские товары. Бухарские купцы служили не только торговыми посредниками между Сибирью и городами Московского государства и Средней Азии, но и между отдельными торговыми центрами Сибири.

Тобольск был главным торговым городом для татар, бухарцев, русских, калмыков и ногаев, постепенно торговые операции расширялись. Наиболее успешно вели торговлю бухарцы. Их торговые сделки, как видно из Тобольских таможенных книг, производились на значительные суммы[2].

XVII в. был «золотым» веком для бухарцев, поскольку Россия нуждалась в восточных товарах. Бухарцы держали в своих руках почти всю торговлю восточными товарами. Русское правительство было вынуждено использовать для торговли с Востоком бухарцев, обладавших достижениями исламской цивилизации, навыками и приемами международной торговли. Честность, трезвость, усердие, прилежание и торговые льготы Русского правительства, подтвержденные указами от 1645 г. и 1687 г., позволили бухарцам не только вести всю восточную торговлю Сибири, но и выйти на рынки Европейской России. П.А.Словцов отмечал, что бухарцы «имели в делах значительный

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 319–399; РГАДА. Ф. 214. Стбл. № 81. Л. 10; Кн. 295. Л. 130–133; Кн. 1196. Л. 22–78; Зияев Х.З. Узбеки в Сибири. — Ташкент, 1968. — С. 38.

[2] РГАДА. Ф. 214. Кн. № 313. Стлб. № 81; ПСЗ. Изд. 1. Т. III. — СПб., 1830. — № 1474.

оборот»[1]. Н.М.Ядринцев утверждал, что «они жили в Тобольске очень богато»[2] Бухарцев — торговцев в Западной Сибири в первой половине XVIII в. было довольно много.

Русская администрация возлагала на бухарских купцов обязанности исполнения службы в Тобольской таможне и других местах, участия в оценке казенной пушнины и др.[3]. Кроме торговых, они имели ряд других льгот и привилегий: были освобождены от тягла и оброков. В 1644 г. особой грамотой им было обеспечено содействие властей и «несудимость при торговых поездках в Россию». С бухарцев были сняты ямская и рекрутская повинности.

В 1648 г. Москва приняла решение, позволяющее бухарцам свободно передвигаться из Сибири в Казань, Астрахань, Архангельск и другие города России. Всем местным властям Сибири было предписано без задержки пропускать бухарцев и предоставлять транспорт под их товары.

Льготы и привилегии были предоставлены бухарцам потому, что они были нужны Русскому государству. Купцы связывали не только русский рынок со среднеазиатским и китайским, но и российские рынки между собой. Московское правительство особо покровительствовало бухарским купцам, наделяло их привилегиями: все купцы платили государству десятинную пошлину, а бухарцы — только двадцатую.

Г.Н.Потанин о привилегиях бухарцев пишет: «Привилегии бухарцев были так заманчивы, что инородцы, не будучи выходцами из Бухары, записались в бухарцы по простоте прежнего времени»[4]. Н.А.Томилов также отмечает, что в «Приписной книге татарских юрт по Иртышу» конца XVII в. приводятся данные о 62 бухарцах, из них 9 юртовских, переселились из Казани и Казанского уезда, они составляли 25% от всех вновь поселившихся в юртах сибирских татар. И это не единственные сведения о бухарцах казанского происхождения[5].

Однако не все бухарцы, переселившие в Сибирь, занимались только торговлей. Кроме торговли, они занимались земледелием, скотоводством, различными ремеслами и промыслами. В начале XVII в. земельные угодья бухарцам не выделялись, они имели небольшие земельные участки, выделенные татарами из своих угодий. Поэтому первоначально бухарцы были безземельным сословием, но они стремились любыми путями обзавестись землей.

Бухарцы, у которых не было собственной торговли, занимались земледелием в качестве захребетников у татар. В XVII в. возникает сравнительно крупное бухарское землевладение, так как состоятельные бухарцы, наряду с торговлей, заводят запашку[6].

По данным Х.Зияева, еще в 80–90-годы XVII в. в Таре занимались земледелием 34 бухарские семьи, в Томске — 23 семьи, в 1700 г. в Тюмени — 56 семей. В это число вошли только семьи, которые владели землей, приобре-

---

[1] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. — С. 155.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. — С. 36.

[3] РГАДА. Ф. 214. Стлб. № 60. Л. 332.

[4] Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтение в обществе истории и древностей российских. — М., 1868. Кн. 2 . Оттиск. — С. 93.

[5] Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. — С. 85.

[6] АИ. Т. IV. СПб., 1842. — С. 17. Стлб. 81, л. 52, 54, 604.

тенной «закладным» актом; бухарцы, имевшие казенные земли, в это число не входили[1].

В некоторых случаях отдельным бухарским семьям сельская община сибирских татар выделяла землю, часто они покупали землю у татар и русских. Некоторая часть бухарцев покупала или закладывала земельные угодья у русских служилых. Приобретенные земли закреплялись документально. В соответствии с Указом 1645 г. бухарцы-землевладельцы не платили ни ясака, ни оброков. Купив землю у служилых людей, бухарцы предполагали, что они таким образом перейдут в разряд служилых[2]. Однако правительство запрещало бухарцам покупать пахотные земли, промысловые угодья у русских служилых людей и ясачных татар[3].

В начале XVIII в. в Сибири отмечался значительный рост числа русских купцов. Многие из них стремились завести торговлю восточными товарами, готовились к торговле со странами Востока. Для этого необходимо было перекрыть торговые пути бухарцам. Под давлением русских купцов правительство, начиная с XVIII в., постепенно переходит к политике притеснения бухарцев.

В 1700 г. последовало распоряжение правительства, запрещающее бухарцам скупать соболя, с 1701 г. с них стали брать оброк за владение землей. С 1703 г. начались притеснения на религиозной почве — запрещалось строить мечети в городах. Начиная с XVIII в. торговля перестала быть основным занятием бухарцев. Несмотря на принятые против них меры, в XVIII в. бухарцы продолжали играть ведущую роль в торговле в Сибири, вся Сибирь ходила в бухарских тканях.

Но и в XVIII в. Российское правительство сохранило бухарцам некоторые привилегии, или установило новые. Указом 1724 г. бухарцы снова были освобождены от некоторых повинностей. Указ 1741 г. разрешал им свободный въезд во все города России. Среднеазиатским переселенцам разрешалось образовывать свои местные управления и суды, на основе этих законоположений были образованы отдельные бухарские волости.

В 1727 г. был издан указ о восстановлении коммерческих отношений с Хивой и Бухарой и выделении конвоя для сопровождения караванов[4]. В 1763 г. основана Бухтарминская ярмарка для торга с Бухарой и Индией. В 1787 г. при Екатерине II правительство признает в них почетное торговое сословие, им было дозволено устроить свои словесные суды, создать ратушу. В 1789 г. был подписан указ о позволении бухарцам переселяться в Россию. Потом следуют указы, смягчающие положение ислама в России[5]. В 1782 г. по Сибирской линии разрешено было строить мечети, а при них школы и караван-сараи. В 1784 г. и 1786 г. были приняты указы, разрешающие «определять мулл с жалованьем из казны для распространения ислама среди казахов и о строительстве мечетей, школ и гостиных дворов в казахской степи»[6].

---

[1] Зияев Х. Узбеки в Сибири. — Ташкент, 1968. — С. 39.
[2] РГАДА. Ф. 214. Кн. 925. Л. 59.
[3] Там же. Кн. 1199. Л. 2–4об. Тарская дозорная книга 1701 г.
[4] Гагемейстр. Статистическое обозрение России. Ч. 2. — СПб., 1854. — С. 163; ПСЗ-I. — Т. IV. — СПб., 1830. — № 12190.
[5] ПСЗ-I. Т. XIV. — СПб., 1830. — № 10597; ПСЗ-I. Т. XXII. — № 16814.
[6] ПСЗ-I. Т. XXII. — СПб., 1830. — № 16710, 16711.

Предпринятые правительством меры преследовали целью не укрепление ислама, а использование его для привлечения мусульманского населения при вторжении России в Казахстан, Среднюю Азию и создания общественного мнения о доброй, «любящей мусульман» России. Роль бухарцев в Сибири усилилась с 1763 года, когда Джунгария была разграблена китайцами. Многие бухарцы поселились в Сибири. Роль бухарцев в торговле и дипломатических отношениях с Китаем, Джунгарией, Хивой и Бухарой в XVIII в. и начале XIX в. была значительной. Русские купцы терпели неудачи в торговле с этими странами. Бухарцы, обладавшие рядом преимуществ в соперничестве с русским купечеством, опять процветали, были зажиточным слоем в Сибири.

Положение бухарцев начинает ухудшаться с начала XIX в. Под давлением русских купцов правительство вводит новые таможенные налоги на азиатские товары. В 1806 г. они были обложены сбором на каждую душу по 18 коп. на содержание присутственных мест. Потребовали с них и другие сборы[1]. Они были обложены в первое время подушной податью по 12 руб. 86 коп. и по 2 руб. 25 коп. оброком, при сборе которых имели место злоупотребления. В 1822 г. бухарцы на основании «Указа об управлении инородцев» также были обложены подушной податью и другими многочисленными податями. Местные органы неоднократно пытались упразднить бухарские волости и подчинить их в административном отношении русским волостям. Это создало бы языковые проблемы и нарушило бы сложившиеся общинные порядки.

Бухарцы выступили за восстановление своих попранных прав и льгот: писали прошения на имя губернатора, правительства и царя. В прошении от 7 июля 1823 г. на имя Александра I, подписанном Ният Бакыем Атнометовым и тарскими бухарцами Абдужалилом Якубовым и Мухаммадием Шиховым, татары жаловались на ущемление прав и привилегий сибирских бухарцев и просили царя подтвердить привилегии, которые существовали до введения Устава 1822 г.[2]. Бухарцам льготы не восстановили, но бухарские волости сохранили. Они существовали до начала 20-х годов XX в.

Бухарцы как сословие, занимавшееся прежде исключительно торговлей, были оставлены русскими властями без земли, считая их «пришлыми». Пришлые русские при желании получали землю, бухарцам же выделить землю из своих родовых угодий могли только татары. Татары, считавшие бухарцев пришельцами, неохотно выделяли им земельные наделы, поэтому безземельных среди бухарцев было немало. Небольшое количество богатых бухарцев различными путями закрепляло за собой пашню, сенокосы. В 1876 г. хлебопашеством занимались всего 372 бухарца. Некоторые из них арендовали землю у татар и у богатых бухарцев, которые сумели приобрести землю в собственность.

Утратив прежнее положение торгового сословия, бухарцы стремились получить земельные наделы, закрепить их за собой и заниматься земледелием. Отдельные бухарские роды еще в XVII–XVIII вв. различными путями (получением земельных угодий у русских властей за услуги, покупкой и т.п.) приобрели пахотные земли, богатые пастбища, сенокосные угодья и закрепили их соответствующими документами. Такие бухарские семьи жили в Кас-

---

[1] ПСЗ-1. Т. IV. — СПб., 1830. — № 1857; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 213. Л. 59.
[2] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 424. Л. 12.

каринских и Искинских юртах Тюменского уезда и отдельных юртах Тарского уезда. Но это не означает, что земледелием занимались бухарцы только этих юрт. Им в определенной степени занималось бухарское население всех волостей. Они приобретали землю путем покупки или аренды у бухарцев — крупных землевладельцев, татар и русских.

Бухарские семьи, владевшие крупными земельными наделами, применяли наемный труд и производили товарное зерно. Большинство же бухарцев производили хлеб только для нужд своего хозяйства. Отдельные бухарские семьи были вынуждены покупать хлеб. Во второй половине XIX в. продолжался процесс их обнищания, начавшийся после отмены торговых пошлин и изменения статуса.

Скотоводством в определенной степени занимались почти все бухарцы. Оно было основной отраслью хозяйства в Бухарской волости Тарского уезда Тобольской губернии, где бухарцы имели богатые пастбища и сенокосы. Владельцы богатых пастбищ и больших сенокосных угодий имели десятки голов лошадей, крупного и мелкого скота и производили товарную продукцию. Они продавали коней, крупный рогатый скот и сбывали на ярмарках мясо, сало, масло, шкуры и др. Отметим, что в большинстве бухарских хозяйств скотоводство имело второстепенное значение.

Домашние ремесла у бухарцев, как и у татар, не играли доминирующей роли. Небольшое число бухарских семей жило за счет кустарных промыслов, традиционными были кожевенное дело, изготовление ковров, некоторые занимались ювелирным делом. Промыслами, требующими лесного сырья — лыка, мочала, а также обработкой дерева и изготовлением из него разных изделий бухарцы практически не занимались.

Бухарцы, проживавшие по берегам рек и озер, занимались рыбной ловлей и вблизи лесов — охотой, однако эти промыслы имели второстепенное значение. Предметы домашнего обихода бухарцы, как и татары, изготовляли сами, только зажиточные покупали их у своих односельчан или на ярмарках.

В условиях длительной и кровопролитной войны с русскими уровень грамотности татарского населения Сибири заметно снизился. В начале XVII в. бухарцы значительно отличались от татар своей образованностью и после завоевания русскими Сибирского ханства продолжали миссию распространения и укрепления ислама в Сибири. В XVII в. бухарцы получали духовное образование в Средней Азии, в Сибири они открывали мектебы при мечетях и медресе в крупных селениях, дающие среднее образование, где обучали мальчиков и девочек. Из среды сибирских бухарцев пополнялись ряды мусульманского духовенства Сибири: у Витзена находим известие о том, что бухарское духовенство в Тобольске содержало конфессиональную магометанскую («арабскую») школу[1]. Грамотность у бухарцев была выше, чем у русских. В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, «в чьих руках была книга». Деятели духовенства, просвещения сибирских татар в XVII — в первой половине XX вв. готовились в основном в мусульманских центрах Средней Азии, с которыми бухарцы имели тесные связи.

И.Георги сообщает, что татарские слободы в Тобольске, Томске, Таре, Тюмени, Туринске «в большей части были населены бухарцами». Кроме того,

---

[1] Witzen. Noord en Oost Tartarye. — Amsterdam, 1705. — S. 754

они жили вблизи городов, в особых деревнях и в юртах сибирских татар. Будучи приверженцами одной религии — ислама, бухарцы тесно общались с сибирскими татарами. Сибирские татары ценили вклад бухарцев во внедрение исламской цивилизации в Сибири.

Иностранные путешественники отмечали, что бухарцы, как и татары, трудолюбивы, опрятны, подчеркивая чистоту среды их обитания и нравов, приверженность исламу.

Бухарцы в XVII в. по традиции строили глинобитные дома, но в условиях влажной Сибири такие дома были недолговечными, со временем они стали строить деревянные дома. Интерьер дома также приобретал татарские черты: внутри размещались широкие нары, для отопления и приготовления пищи служил чувал из кирпича-сырца. Были и летние кухни с хлебопекарной печью среднеазиатского типа — «тандырь».

В XVII в. одежда бухарцев была среднеазиатского типа, в XVIII в. она претерпела заметное татарское влияние: зимой богатые ходили в шубах из соболя, бедные — из овчины, в XVII в. женщины носили паранджу, в XVIII в. она исчезла из женского костюма.

Бухарцы в суровых условиях конца XVI–XVII вв. внесли значительный вклад в развитие торговли и хозяйства и культуры сибирских татар, способствовали укреплению ислама и повышению уровня грамотности. Ислам стал главной объединяющей силой сибирских татар, способствовал духовному подъему народа.

Бухарцы хранили свои традиции, культуру, вместе с тем происходило неизбежное взаимовлияние культур татар и бухарцев. Преобладало влияние татар, и бухарцы вошли составной частью в сибирскую группу татарского этноса. В то же время бухарцы внесли заметный вклад в этногенез, материальную и духовную культуру татар.

Обычно бухарцы женились на татарках, и родственные связи еще более сближали их. В XVIII–XIX вв. немало бухарцев приехало в Западную Сибирь с семьями. Они выбирали себе помощников, приказчиков из татар и башкир. Бухарцы вели торговые дела с помощью массы посредников. В Сибири они занимались не только торговлей, но и ремеслами. Выгодными для себя считали кожевенный и швейный промыслы.

Уже в середине XIX в. по экономическому положению бухарцы сравнялись с татарами, закрылись пути бухарской торговли[1]. В культурном отношении они почти не отличались от татар. Постепенно бухарцы сливались с сибирскими татарами, оставив свой светлый след в их истории и сохранив некоторые этнографические различия.

В 1858 г. была ликвидирована Бухарская волость Тарского округа, в которой проживали 1975 бухарцев, они были присоединены к русским волостям. Данное мероприятие способствовало ухудшению экономического положения бухарцев, о чем свидетельствовало накопление их недоимок, которые за 1876 г. — 28078 рублей, по 10 рублей на душу (заметим, что это была очень большая сумма для того времени)[2].

---

[1] Зияев Х. Узбеки в Сибири. — Ташкент, 1968. — С. 40; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. — С. 39.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... — С. 40.

Тяжелое экономическое состояние послужило причиной низкого прироста бухарского населения. Например, в соответствии с переписью 1850 г. численность бухарцев составляла в Тюменском округе 2705 человек, в Тарском — 3074, в Тобольском — 3272, всего — более 9000 человек. В 1857 г. в бухарской волости Тобольского округа было 3336 бухарцев, в 1886 г. — 3693, то есть прирост населения за 25 лет составил всего 357 человек. В 1880 г. бухарцев в Западной Сибири насчитывалось 8779 человек, в 1897 г. — 11659, в 1908 г. — 12556. Из этого количества только 372 человека занимались хлебопашеством, 1344 бухарца не имели наделов, 1035 бухарцев не имели лошадей[1].

Количество бухарцев по округам в 1878 г. показывает таблица 13[2].

Таблица 13

Количество бухарцев по округам в 1878 г.

Округа	Количество бухарцев, человек
Тобольский	3693
Тюменский	2844
Тарский	1975
Ялуторовский	134
Томский	152
Итого	8798

Во второй половине XIX в. большинство бухарцев занимались неквалифицированным трудом, и лишь небольшая часть — торговлей. Жили они преимущественно в одних с татарами селениях, реже — в собственных деревнях, разбросанных чересполосно с татарскими и русскими. Исключительно бухарскими были только Матъяровские и Ново-Шабабинские юрты. Значительным преобладанием бухарцев над татарами отличались Ембаевские и Тураевские юрты. Совместно с татарами бухарцы жили в 60 селениях: Нижне-Искинских, Салаирских, Акъяровских, Каскаринских, Казаровских, Якушевских, Есаульских и др.

В процессе совместного их проживания материальная и духовная культура бухарцев, постепенно нивелируясь, слилась с культурой сибирских татар. В XVII в. доминирующим языком общения бухарцев был узбекский. Их дети вместе с детьми сибирских татар учились в одних и тех же школах и на татарском языке. В XIX в. они в быту и обществе говорили на татарском языке.

---

[1] Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. — СПб., 1911. — С. 56, 57.

[2] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 41.

Между бухарцами и сибирскими татарами сохранились различия в правовом отношении, до середины 20-х годов XX столетия их относили к различным сословиям.

Административное управление бухарцев в начале XX столетия почти не отличалось от татарского. Все бухарцы, проживавшие в одном уезде, приписывались к одной бухарской волости. В юртах с чисто бухарским населением проводились сельские сходы, на которых рассматривались узко сословные вопросы. В смешанных бухарско-татарских юртах бухарцы также собирали свои сходы. Бухарцы, проживавшие в небольшом количестве в татарских селениях, все вопросы решали на общем сходе селения.

В начале XX столетия торговля у бухарцев уже потеряла свое былое значение. Но и в этот период в Тобольской и Томской губерниях крупные торговцы из зажиточных бухарских родов занимались торговлей между Западной Сибирью и Туркестаном. Немалое количество бухарского населения занималось средней и мелкой торговлей. Однако торговля для этой прослойки бухарцев была подсобным занятием, ею они занимались в основном в зимний период, после завершения полевых работ. Бухарцы-торговцы покупали в казахских степях коней, крупный и мелкий скот, мясо, сало, шкуры, кожи, шерсть, конский волос, продавали товар на ярмарках и рынках Западной Сибири, вывозили за Урал. В Западной Сибири в татарских и русских селениях покупали мясо, сало, шкуры, конский волос, шерсть, изделия местных кустарей и перепродавали крупным оптом торговцам.

Некоторые бухарцы, проживавшие вблизи больших трактов, занимались извозом, возили купеческие товары на дальние расстояния. Самым распространенным ремеслом было кожевенное, женщины занимались также изготовлением ковров, пошивом одежды как для семьи, так и для рынка. Женщины — прядением, ткачеством, шитьем, вышиванием шелком, золотом и серебром. Занимались рыбной ловлей, звероловством, продукцию этих промыслов привозили на рынок[1].

В начале XX в. хозяйство и уровень материальной жизни бухарцев, пошатнувшийся в XIX в. в связи с утратой льгот и привилегий, несколько повысился, они адаптировались к новым условиям хозяйствования. По хозяйственному укладу они уже практически не отличались от сибирских татар. Но в связи с проникновением в сибирско-татарскую деревню рыночных отношений усиливается социальное расслоение: среди бухарцев, занимавшихся земледелием и скотоводством, выделяются кулацкие хозяйства, которые применяли наемный труд и производили товарную продукцию. Самой многочисленной прослойкой бухарцев были середняки, часть середняцких хозяйств также производила товарную продукцию.

Сибирские бухарцы — потомки среднеазиатских переселенцев — прошли совместно с сибирскими татарами сложный путь развития. Сближение и ассимиляция наблюдались и в духовной жизни бухарцев. В этот период продолжался интенсивный процесс слияния бухарцев с сибирскими татарами. Они говорили на татарском языке. Вобрав в себя многие этнографические черты сибирских татар, бухарцы еще сохранили в быту некоторые среднеа-

---

[1] Алексеев П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей XIII–XVII вв. — Иркутск, 1941. — С. 351.

зиатские черты, которые проявлялись в интерьере жилища, одежде, пище, семейных обрядах, особенно в свадебных[1]. К концу XIX в. бухарцы мало чем отличались от сибирских татар, совершенно забыли свой язык, обычаи, ассимилировались и слились с сибирскими татарами, оставив светлый след в истории сибирских татар. По традиции статистика выделяла их до 1926 г.

Краткий вывод по деятельности бухарцев в Западной Сибири в XVII — начале XX вв. заключается в том, они в исследуемый период служили Российскому государству, содействовали развитию торговли и ремесел в Сибири и внесли значительный вклад в развитие материальной и духовной культуры сибирских татар.

Поволжско-приуральские татары

К нескольким сословиям причислялись переселявшиеся в Западную Сибирь поволжско-приуральские татары. Проблема миграции поволжско-приуральских татар в Западную Сибирь и их этнокультурного взаимодействия с сибирскими татарами была поставлена еще Г.Ф.Миллером. В различной степени она освещена в исследованиях С.В.Бахрушина, С.К.Патканова, Н.М.Ядринцева, В.В.Храмовой, Ф.Т.Валеева, Н.А.Томилова, Д.М.Исхакова и др. Однако, несмотря на свою значимость, эта проблема остается недостаточно разработанной.

Казанские татары пришли в Западную Сибирь задолго до появления здесь русских. Как известно, связи между населением Поволжья и Сибири являются очень древними и прослеживаются, по археологическим материалам, начиная с мезолита и неолита[2]. Связи эти носили постоянный характер и не прерывались и в последующие периоды. Имеются сведения о том, что уже в период существования Волжской Булгарии имелись связи между булгарами и предками сибирских татар. Они наиболее интенсивно развивались в период Золотой Орды[3].

Существовали оживленные торговые и хозяйственные связи между Казанским и Тюменским, позднее Сибирским ханствами. Казанские ханы держали под контролем торговый путь в Сибирь по Каме. Документ 1475 г. сообщает, что «...Татарове Казаньстии побили устюжан в Каме 40 человек, идучи к Тюмени торгом»[4]. Другие источники сообщают об ограблении устюжанами по пути на Каму купцов («гостей») и тюменских татар[5].

Как известно, из Чимги Туры в Казань существовали два пути: один из них был водным — по Туре, Тагилу, потом волоком переходили Уральские горы и плыли по рекам Баранче, Серебрянке, Чусовой и Каме: другой, сухопутный путь, шел через Уральский перевал и территорию современной Уфы.

---

[1] Валеев Ф.Т. Сибирские татары. — Казань, 1992. — С. 127.

[2] Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. — М., 1963. — С.41; Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. — М., 1969.

[3] Исхаков Д.М. Идел-Урал буе татарларының этник тарихындагы уртаклыклар // Мирас. — 1998. — № 3. Б. 78–79.

[4] ПСРЛ. Т. XI–XII. Патриаршая или Никоновская летопись. — М.: Наука, 1969. — С. 158.

[5] Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 241–270; Устюжская и Вологодская летописи XVI–XVII вв. — М.: Наука, 1982. — С. 95.

После присоединения Сибирского ханства к Русскому государству контакты сибирских татар с татарами Поволжья и Приуралья укрепились. В.И.Огородников утверждает, что тоболо-иртышские татары во второй половине XVI в. довольно сильно перемешались с явившимися в Сибирь казанскими татарами и утратили свои особенности[1].

Завоевание Казанского ханства сопровождалось изгнанием татар с насиженных мест, особенно вокруг Казани, и уничтожением их в огромном количестве. Оставшееся в живых татарское население стало переселяться в более спокойные, отдаленные от русских районы. В одной из татарских народных песен есть такие строки: «Себер белән куркытмагыз, Себер үзебезнеке» («Не пугайте нас Сибирью, Сибирь для нас своя»). Немало татар, чтобы выжить, и спасаясь от крещения, устремлялись в Западную Сибирь. Еще в 1594 г. в строительстве г.Тары участвовало 100 казанских и свияжских татар[2]. Уже в XVII в. Западной Сибири появились деревни казанских татар. С.В.Бахрушин писал, что они напоминали «татарскую колонизацию»[3].

Пришлые татары стремились обзавестись землей и с этой целью по истечении определенного времени оказывались в составе ясачных или служилых татар. Поволжско-приуральских татар-переселенцев XVII в., не сумевших получить земельные наделы, русские власти причисляли к категории захребетников. Так называли в Западной Сибири татар-переселенцев из-за Уральского хребта, работавших у служилых татар и не плативших ясак. К ним причисляли и сибирских татар, оставшихся без земельных угодий. В правовом отношении они ничем не отличались от захребетников Европейской России[4]. В документах XIX в. группа захребетных татар уже не выделялась, они постепенно получили земельные наделы и вошли в состав ясачных сибирских татар. Название «захребетные татары» сохранилось лишь в юртах Чикчинских Кашегальской волости и в нескольких юртах других волостей[5].

Татар, переселившихся в XVIII — начале XIX вв. и не сумевших влиться в состав коренных ясачных или служилых татар и не получивших землю, причисляли к сословию оброчных чувальщиков. Их называли так потому, что они платили половинный оброк по чувалу. В первые годы поселения они служили приказчиками у богатых татар и бухарцев, некоторые жили в основном поденной работой, часто вынуждены были работать у русских переселенцев и местных татар только за пищу и жилье. Часть их занималась торговлей и отхожими заработками в качестве чернорабочих. Отдельных селений у чувальщиков не было, проживали они совместно с татарами в 18 селениях. Объединились в отдельную экстерриториальную волость оброчных чувальщиков. В XIX в. они были причислены к оседлым сибирским татарам и наделены землей по месту проживания. Пришлые татары постепенно вливались в ряды коренных сибирских татар, особенно в тех местностях, где пришлых было относительно немного, и они серьезно не нарушали структуру зем-

---

[1] Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 1. — С. 289.
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Т. I. — С. 288.
[3] Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири. Ч. 1. — М., 1955. — С. 95.
[4] Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань: Таткнигоиздат, 1992. — С. 37.
[5] Храмова В.В. Западно-сибирские татары. — С. 473.

лепользования. Кроме того, пришлые татары стремились получить статус ясачных коренных татар, чтобы избежать несения воинской повинности, так как сибирские татары и бухарцы были от нее освобождены. В статистических документах они причислялись к сибирским татарам, к казанским не относились. Оброчные чувальщики составляли 6,8% от общего количества сибирских татар Тобольской губернии[1]. В 1782 г. в Тобольской губернии насчитывалось 350 оброчных чувальщиков, кроме того, еще 100 казанских татар, не попавших в число оброчных чувальщиков, в Тобольске в том же году было 24 пришлых татарина[2].

Поволжско-приуральских татар, переселившихся во второй половине XIX — начале XX в. и получивших земельные наделы, приписали в сословие «татары-крестьяне». В правовом и фискальном отношении они не отличались от русских крестьян. Эта группа постепенно пополнялась за счет ясачных татар, получивших землю в собственность после прохождения землеустройства[3]. Переселенцев-татар, не имевших земли, независимо от места проживания (в сельской местности или в городе), причисляли к тому или иному сословию по роду занятия, как и русских. Таким образом, сибирские татары, бухарцы и татары-переселенцы из Европейской России причислялись к различным сословиям и имели права и обязанности, согласно своему статусу.

В очень незначительной степени в составе пришлых татар были дети ссыльных татар. Они также были причислены к сословию крестьян. Дальнейшего притока в состав ссыльных татар в начале XX в. не было. Ссылка лиц, лишенных всех прав и состояния, в Тобольскую губернию была отменена.

В первой четверти XVII в. миграция поволжско-приуральских татар в Сибирь приняла постоянный характер, они поселились во многих волостях сибирских татар. В начале XVII в. казанские татары появились даже в таком отдаленном районе Западной Сибири, как Притомье. Их количество там увеличилось настолько, что в первой четверти XVII в. в г.Томске и Томском уезде существовали Казанские волости[4]. Ф.Т.Валеев на основании архивных данных пишет о том, что в переписной книге 1682 г. в татарских юртах по Иртышу зарегистрировано 14 дворов казанских татар. В конце XVII в. казанские татары жили во многих татарских юртах Тобольского уезда[5]. Сведения о пришлых татарах в XVII, XVIII и первой половине XIX вв. рассредоточены в различных волостных, уездных и губернских книгах, обобщающих данных, к сожалению, не имеется. Процесс миграции татар из европейских губерний России был постоянным. Оказавшись в Западной Сибири, поволжско-приуральские татары не оседали в среде русских, они стремились селиться в татарских юртах. Определенное количество пришлых татар жило в городах, здесь они составляли значительную часть татарского населения. В XVII — начале XIX вв. в Поволжье и Приуралье усилились колонизационные процессы, ужесточился конфессиональный и экономический гнет, росло

---

[1] Андронников И.А. Указ. соч. — С. 57, 338.
[2] Яңарыш. – 1994, 15 июня. (Газета, г. Тюмень).
[3] ГАТО. Ф. И 80. оп. 1. Д. 25. Л. 37; Д. 60, л. 16.
[4] Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XIX — начале XX в. — С. 91–92.
[5] Валеев Ф.Т. Сибирские татары. — С. 37.

количество безземельных татарских крестьян. Эти факторы способствовали усилению миграции татар из Казанской, Симбирской и Уфимской губерний в Западную Сибирь.

В документах XIX в. группа захребетных татар уже не выделялась, они слились с сибирскими татарами[1]. Оброчные чувальщики также постепенно вливались в состав коренных сибирских ясачных татар. Но в статистических документах их не относили к поволжско-приуральским татарам, они записаны сибирскими татарами (табл. 14).

Таблица 14

Количество поволжско-приуральских татар в Западной Сибири в 1897г.[2]

Губернии	В городах	В сельской местности	Всего
Тобольская	855	7219	8074
Томская	1448	3488	4936
Всего	2303	10707	13010

В начале XX в. миграция татар из европейских губерний увеличилась и продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Некоторым пришлым татарам с целью получения льгот удалось влиться в ряды бухарцев.

Миграция татар Поволжья и Приуралья в Западную Сибирь никогда не прекращалась, этих татар в исторической литературе принято называть казанскими. Проникали они и в отдаленный Каинский округ к барабинским татарам — там их к концу XIX в. насчитывалось 1364 человека.

Покинувшие свою историческую родину в связи с тяжелым экономическим положением и религиозным гнетом, казанские татары во второй половине XIX в. расселились по всей Сибири, дошли до самых дальних окраин Восточной Сибири. В 1867 г. в далекой Енисейской губернии было 3640 татар, в Якутской области — 1476, в Иркутской губернии — 6467, в Забайкальской области — 2512, в Приморской области — 1053 и на острове Сахалин — 1515 татар[3].

Поволжские татары были умелыми земледельцами и скотоводами. Среди них имелось немало искусных плотников, столяров, мастеров металлообработки. Женщины славились умением ткать, шить. Интерьер их дома, как и сами дома, отличались яркостью, многоцветьем, полихромной раскраской фронтонов, наличников окон, фронтонов домов, ворот.

Волжско-уральские татары принесли в Сибирь свой фольклор, обычаи, народные знания, материальную культуру, письменный литературный язык. Пришлые и сибирские татары взаимодействовали в хозяйственной деятель-

---

[1] Храмова В.В. Западносибирские татары. — С. 473.

[2] Таблица составлена по данным: Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. — СПб., 1911. — С. 2–3, 130–131.

[3] Патканов С. Указ. соч. — С. 51, 52, 53.

ности, бытовых и семейных отношениях, религии, языке, что и обусловило наличие большого количества схожих черт в материальной и духовной культуре двух крупных групп татарского народа.

В конце XIX в. пришлые татары проживали в 52% поселений сибирских татар. Число селений с преобладанием пришлых татар составляло 6%. К этим цифрам не относятся деревни с чисто казанско-татарским населением[1]. При экспедиции в Тюменскую область в 1990 г. Д.М.Исхаков выделил около двух десятков татарских населенных пунктов, где проживали в основном потомки поволжско-приуральских татар. Это количество он считает неполным. При анализе генеалогии барабинских татар выяснилось, что не смешанные с пришлыми татарами барабинцы составляли всего 43,6% от их количества. Остальные являлись потомками смешанного барабинско-поволжско-приуральского татарского населения. Увеличение среди барабинцев доли пришлых татар произошло в конце XIX — начале XX вв. Немногим отличалось этническое состояние и томских татар: в конце XIX в. татары из европейских губерний проживали практически во всех томских татарских деревнях. Их доля в татарских селениях составляла 29,4%, в г.Томске — 82,1% татарского населения. В городах Тюмени, Таре, Тобольске пришлые татары составляли 69% всего татарского населения города[2].

В сближении сибирских и пришлых татар определенную роль играли браки между ними, к чему особенно стремились бедные слои пришлых татар. Уже в конце XVIII в. свыше 40% браков пришлых татар заключались с местными сибирскими татарами. В последующие периоды количество браков между этими двумя группами увеличилось. Сибирские татары охотно женились на казанских татарках, считая их духовно более развитыми, практичными хозяйками, но неохотно отдавали своих дочерей за пришлых татар, так как не хотели, чтобы их внуки в будущем несли воинскую повинность. Неприязнь к пришлым татарам, их неприятие местными татарами, наблюдавшиеся в XVII–XIX вв., к началу XX в. почти исчезли. Потомки поволжских татар, предки которых пришли в Западную Сибирь в XIX в., нередко считают себя сибирскими татарами. Это явление особенно четко наблюдается в смешанных поволжско-сибирско-татарских семьях.

Важная роль в сближении и нивелировании хозяйственно-бытового уклада и духовно-языковых различий принадлежала развитию просвещения и ислама. В начале XX в. большинство имамов и преподавателей медресе в Западной Сибири были из поволжско-приуральских татар, обучение в мектебах и медресе проходило на татарском литературном языке.

Пришлые татары принесли более совершенную земледельческую культуру и технологию скотоводства. По их примеру местное татарское население стало выращивать картофель, отдельные семьи — овощи. Подобно им, сибирские татары начали строить утепленные помещения для зимнего содержания скота.

Сохранив многие компоненты традиционного быта, сибирские татары переняли от пришлых татар прогрессивные элементы их материальной культуры.

---

[1] Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 127, 180.

[2] Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII — начало XX вв.). — Казань, 1993. — С. 29.

Пришлые татары оказали влияние на строительство и содержание жилищ, надворных построек, интерьер дома, а также на одежду и пищу сибирских татар.

Как известно, поселениям сибирских татар свойственны разбросанность построек на усадьбе, отсутствие определенного плана их размещения. Под влиянием казанских татар усадьбы стали приобретать «казанский» вид (с заборами), кое-где отмечалось озеленение деревень.

Сибирские татары научились от казанских изготовлять мучные и кондитерские изделия, требующие кулинарного мастерства, и переняли от них более изящную, праздничную одежду. Зажиточная их часть старалась одеваться по-казански. Интерьер жилищ стал более похож на казанский.

Казанские татары способствовали искоренению доисламских пережитков и укреплению мусульманских устоев. Немаловажное значение в сближении двух групп играло совместное противостояние крещению. В домах сибирских татар появились книги религиозного и светского содержания.

Влияние сибирских и пришлых татар было взаимным. Пришлые татары многое заимствовали от сибирских, например, занятие охотой, рыболовством, переняли типы лыж, отдельные блюда в пище, элементы одежды, особенно повседневной, рабочей.

Этническое и конфессиональное родство, общность исторической судьбы, совместное хозяйствование, семейно-брачные отношения между местными и пришлыми татарами влияли на этногенетические процессы, проходившие в обеих группах татар, и способствовали их сближению. На этот факт обратил внимание С.К.Патканов. Разрабатывая материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., касавшиеся племенного состава населения Сибири, языка и родов «инородцев», он писал: «Деление татар Сибири на коренных жителей-инородцев и пришлых... можно признать лишь приблизительно верными». Свои выводы он аргументировал тем, что «пришлые ассимилировались со своими единоплеменниками». Несмотря на то, что многие пришлые татары разными путями причислялись к ясачным, а отдельные — к служилым, их количество в 1897 г. составляло 17% от общего числа татар Западной Сибири. Однако это соотношение С.К.Патканов считал приблизительным[1]. Фактически число поволжско-приуральских татар в Тобольской и Томской губерниях было значительно больше. Постепенно вливаясь в число сибирских татар, пришлые поволжско-приуральские татары не стремились раскрывать свое европейское происхождение, так как коренные татары имели больше социальных преимуществ: не давали рекрутов, меньше платили налогов, имели больше земельных прав и т.д.

Во второй половине XIX — начале XX вв. сложился татарский литературный язык, которым пользовались и сибирские татары. Обучение во всех мектебах и медресе сибирских татар велось на татарском литературном языке. Сибирские татары были вовлечены в мощную для того времени информационную сеть. Согласно данным татарского ученого-книговеда А.Г.Каримуллина, за 1851–1900 гг. было напечатано около 3,3 тыс. названий татарских книг тиражом около 27 млн. экз. За 1901–1917 гг. было издано от 6,2 до 7

---

[1] Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. На основе специальной разработки материалов 1897 г. Т. II. — СПб., 1911. — С. 117.

тыс. названий татарских книг тиражом от 41,3 до 47 млн экз. К 1913 г. татары по тиражу национальных книг в Российской империи вышли на второе место, уступив лишь русским. В 20-е гг. XX в. в России издавалось более 150 наименований газет и журналов на татарском языке. В Томске в 1912–1913 гг. на татарском языке издавалась газета «Сибирия». Безусловно, татарская книга и периодические издания на татарском языке распространялись и среди сибирских татар и нашли своего читателя. В России после 1906 г. ежегодно издавалось около 8 тыс. книг на татарском языке общим тиражом 5–6 млн. экземпляров. Доля светской литературы среди изданных на татарском языке книг составляла 83–85%[1].

Однако, несмотря на наличие широкого круга фактов, подтверждающих сближение и консолидацию сибирских татар с поволжско-приуральскими татарами, до сих пор остается дискуссионным вопрос о принадлежности сибирских татар к татарской нации.

Ф.Т.Валеев, признавая, что «в период развития капитализма ... связи поволжских татар с сибирскими татарами усилились во многих сферах материальной и духовной культуры, языка, семейных отношений», считает, что консолидации сибирских татар «вокруг татарской буржуазной нации» не произошло. Он считает, что в конце XIX — начале XX вв. сибирские татары сложились «в буржуазную народность». Н.А.Томилов, хотя и не заявляет о сложении сибирских татар в народность в начале XX в. или позднее, но считает, что «говорить о развитии консолидации западносибирских татар с формирующейся татарской нацией в дореволюционный период нет основания». Он утверждает, что «в начале XX в. единое этническое самосознание у них еще не сложилось, будущий общий этноним *татары* не считался этническим сознанием даже поволжскими татарами, воспринимавшими его до революции как обидное прозвище»[2]. Но это утверждение не имеет под собой почвы. Основоположники татарских общественных наук конца XIX в. Ш.Марджани, К.Насыри, также татарские обществоведы начала XX в. Р.Фахретдин, Х.Атласи, Г.Ахмеров, А.З.Валиди, Г.Губайдуллин, Г.Ибрагимов и многие другие смело называли свой народ татарами и приводили научно обоснованные аргументы в пользу такого утверждения. Великий татарский поэт начала XX в. Габдулла Тукай силой своего творчества отстаивал этноним «татары». Часть исламских клерикалов, окончивших учебные заведения Бухары, выступила против этого этнонима, мотивируя свое заявление отсутствием его в Коране; поэтому, говорили они, мы не татары, а мусульмане. К началу XX в. этноним «татары» окончательно закрепился в качестве самоназвания тюркского населения Волго-Уральского региона, Крыма, Западной Сибири и потерявшего свой родной язык тюрко-мусульманского населения исторической Литвы[3].

Д.М.Исхаков, проанализировав проблему отношения сибирских татар к татарам Волго-Уральского региона, делает вывод, что сибирские татары, на-

---

[1] Исхаков Д.М. Об основных этапах становления татарской нации // Панорама-форум. — 1997. — № 11. — Казань, 1997. — С. 70; Татары. — М.: Наука, 2001. — С. 407.

[2] Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. — Казань, 1980. — С. 45, 42; Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. — С. 46, 103; Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — С. 214–215.

[3] Исхаков Д.М. Татарская этническая общность // Татары. — М.: Наука, 2001. — С. 11.

ряду с поволжско-приуральскими, участвовали в формировании татарской нации[1].

Несмотря на разобщенность и чересполосное расселение с русскими, и в составе России существовала взаимосвязь тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, которая создавала возможность для консолидации сибирских татар.

В сближении двух этнотерриториальных групп татар большую объединительную роль сыграл ислам. Эта религия, как часть духовной культуры мусульманских народов, сформировала особую социокультурную среду, определила образ жизни в целом, а также менталитет формирующейся татарской нации. Исследуя многовековые исторические связи тюркских народов, в том числе волжских и сибирских татар, З.А.Тычинских пишет: «...близость языка, единая религия, общность политического положения сформировали единую культурную и образовательную тюрко-мусульманскую среду»[2].

Благодаря связям с пришлыми поволжско-приуральскими татарами сибирские татары были вовлечены в нациообразующий процесс. Консолидация локально-территориальных групп татарской этнической общности наиболее интенсивно происходила во второй половине XIX — начале XX вв.

В исследуемый период возросло прогрессивное влияние хозяйственно-культурной деятельности русских на хозяйство и культуру сибирских татар. Оно выражалось во внедрении в татарских хозяйствах более прогрессивных способов земледелия, скотоводства, строительства жилья и хозяйственных построек, также в принятии сибирскими татарами элементов русской духовной культуры. Но эти процессы нередко освещаются односторонне, делаются поверхностные выводы. В истории такие процессы бывают обоюдными. Эти процессы требуют более глубокого исследования.

О количестве татарского населения Тобольской губернии по сословиям можно судить по данным таблицы 15.

Таблица 15

Количество татарского населения Тобольской губернии по сословиям в 1908 г.[3]

Уезды	Ясачные татары	Татары казаки	Бухарцы	Оброчные чувальщики	Татары крестьяне	Итого
Тюменский	9370	767	3850	—	653	14640
Ялуторовский	2453	79	105	—	244	2881
Тобольский	18011	1397	4206	1764	2489	26103
Тарский	10533	—	4391	115	3245	15452
Итого	40367	2243	12552	1879	6631	59076

[1] Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа. — С. 32.

[2] Тычинских З.А. Сибирские татары в системе тюрко-мусульманского образования (XVIII — начало XX веков) // VII сулеймановские чтения, 2004. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. — Тюмень: Гуманитарный ин-т, 2004. — С. 67.

[3] Составлена по материалам: Андронников И.А. Материалы... — С. 370–380.

Процесс консолидации всех этнографических групп и сословий татарского населения Западной Сибири продолжался и в первые десятилетия после революции 1917г.

Сибирские татары в начале XX в. были расселены в основном в средней и южных частях Западной Сибири — от Урала почти до Енисея, в составе Тобольской, Томской губерний и Омской области и частично Енисейской губернии. Незначительная их часть жила в Тюмени, Тобольске, Омске, Таре, Новосибирске, Томске и других городах.

§ 2. Антиколониальные выступления сибирских татар

Семнадцать лет потребовалось Московскому государству для того, чтобы победить и разгромить хана Кучума и его воинов. Несмотря на всю тяжесть войны, он не сдался, борьбу продолжали на протяжении 70 лет его сыновья и внуки.

Кровавым пятном во всей мировой истории лежит война за покорение и завоевание Казанского ханства, истребление его населения, в том числе женщин и детей. «Чудовищное избиение жителей уже взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц, — писал русский историк М.Г.Худяков. — Такою колоссальною гекатомбою человеческих жизней и жертв закончился «крестовый поход» христолюбивого воинства против казанцев, первое выступление Русского государства на путь территориальных завоеваний»[1].

Народы Казанского ханства начали Отечественную войну за независимость, за восстановление своей государственности. Она продолжалась с декабря 1552 г. до конца XVI века.

После Казани в 1556 г. Москва завоевала второе татарское государство — Астраханское ханство, при котором был разрушен г.Астрахань и уничтожена большая часть его населения. Сибирское ханство было третьим татарским государством, завоеванным Москвой.

Г.Ф.Миллером и И.Э.Фишером описаны восстания, войны народов Западной Сибири против русской колонизации. Однако они рассматривали эти выступления как «бунт», «злодеяние», «дерзость» и «проявление дикости». Сопротивление и борьбу Кучума против завоевателей Г.Ф.Миллер объясняет его жестокостью[2].

Выступления народов Сибири за независимость отражены во многих исторических документах, а также в научных трудах русских историков Н.М.Ядринцева, П.А.Словцова, С.В.Бахрушина, В.И.Огородникова, П.И.Буцинского. М.С.Соловьева и др.

После взятия столицы г.Искера народы ханства «упорно отстаивали свою независимость, когда был у них вождь, знаменитый Кучум, — писал русский историк П.И.Буцинский, — их нелегко было заставить покоряться московской власти и обязать платить ясак московскому царю»[3].

Народы ханства не раз поднимали восстания с целью освободиться от русской власти и «быть себе царством, как было при Кучуме царе». Стремле-

---

[1] Худяков М.Г. Очерки истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — С. 153.
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири... — Кн. II. — С. 97.
[3] Буцинский П.И. Указ. соч. — С. 14, 15

ние и надежда возрождения бывшего Сибирского государства жили в народе на протяжении всего XVII в. Поводом и главной причиной этой идеи были тяжелое колониальное положение, экономический и духовный гнет народов бывшего ханства.

Грабежи при сборе ясака, взятие в плен и обращение в рабство, отбирание «ребят, женок и девок» и превращение их в собственность, деспотизм и разгул воевод, притеснения монастырей, церкви, русских крестьян и занятие угодий вызвали резкий протест со стороны татар, остяков, вогулов и других коренных народов Сибири.

Протест принимал разнообразные формы: неуплата ясака, избежание встреч с воеводами и их приказчиками, самоубийство, чаще всего в виде массового самосожжения (особенно среди вогулов), отправление в Москву отдельных людей или группы с челобитной царю от имени татар, вогулов и других, одиночное или коллективное вооруженное сопротивление, восстания и войны[1].

Народы Сибири на протяжении XVII в. пытались изменить свое невыносимое положение или даже сбросить тяжелое русское владычество. Тобольские, тарские, ясколбинские татары нередко договаривались между собой и подавали совместные челобитные от имени всех татар уезда, округа или губернии[2].

Особо благоприятным для восстаний был период Великой смуты, переживаемой русским обществом в конце XVI — первой четверти XVII в. Стремление к отторжению Сибири от России и образованию самостоятельного государства, «как было при царе Кучуме, пока в России нет царя» было характерно почти для всех народов Западной Сибири[3].

В 1607 г. пелымские вогулы условились с остяками Сургута и самоедами, замышлявшими разорить г.Березов, выступить совместно против русских властей, но заговор был раскрыт.

У народов Сибири существовал обычай: прежде чем начать войну против врага, они договаривались о времени выступления и дальнейших действиях оригинальным способом. Из юрта в юрт передавали «воинственную стрелу» с изображением злых духов, и все «инородцы», которые были готовы принять участие в военных действиях, должны были поклониться этой стреле как символу войны.

В 1609 г. остяки, татары, вогулы готовились к большому выступлению. Во главе с Кодской княжной Анной Алачевой, которая проявила энергичную деятельность при подготовке восстания, они договорились вместе идти войной на Тобольск. Посланная к остякам стрела попала в руки казаков, и восстание было «упреждено»[4]. В 1608 г. затевались бунты в Нарымском и Кетском острогах. В 1616 г. сургутские остяки убили 30 казаков. Причины восстания — насилие и вымогательство властей. Барабинцы намеревались сжечь Тару, но затем решили откочевать[5].

В 1628–1631 гг. большая часть территории бывшего Сибирского ханства была охвачена общим восстанием, в котором приняли участие барабинские,

---

[1] Огородников В.И. Из истории инородческих волнений в Сибири (Заговор и восстание западно-сибирских инородцев). 1658–1663 гг. — Чита, 1922. — С. 5–6.

[2] Памятники сибирской истории XVII в. — СПб., 1885. — С. 287.

[3] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 8–10.

[4] РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 131.

[5] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. — С. 35, 36.

тарские, томские татары, томские новокрещены, чатские мурзы и телеуты при поддержке Кучумовичей и калмыков. Во время восстаний некоторым сибирским городам угрожала опасность полного разорения или перехода в руки восставших. Недооценка татарами своих сил, недостаточная сплоченность и слабая координация своих действий спасли русских.

В 1628 г. начали восстание барабинские татары во главе с князем Когутаем, они перебили отряд боярского сына Еремея Пружинина с 18 служилыми людьми. После барабинцев восстали тарские татары, в ноябре 1628 г. против них был послан боярский сын Богдан Байкачев. Весной 1629 г. восстание распространилось дальше к окрестностям Тары, а с Тары — вверх по Иртышу. К восставшим присоединились подгородные и юртовские татары. Город находился под угрозой захвата. Восставшие организовали большой военный лагерь в степи около озера Чаны. Туда же привезли богатую добычу: скот, лошадей, разные запасы, захваченные в Тарском уезде. По неопытности и неосторожности восставшие не смогли организовать надлежащую охрану и оборону лагеря, и казаки разбили их, захватив все добро, при этом 150 человек восставших смогли убежать[1].

В сентябре-октябре 1629 г. барабинцы действовали совместно с тарскими татарами. В то же время Аблайгирим договорился с чатскими мурзами Тарловым и Аблаем, с калмыками и направился в Тюменский уезд, побывал на землях чатов, эуштинцев и обских татар. Захватил с собой проживавших по пути татар, которые поднялись против властей и осадил Чатский городок. После появления русских Аблайгирим снял осаду и отступил, напал вторично, захватил город и сжег его, перебил всех русских[2].

В 1629 г. барабинские татары напали на ехавших из Тюмени тобольских служилых людей[3]. Летом 1630 г. чаты и примкнувшие к ним эуштинцы-новокрещены были на землях барабинцев и лишь осенью вернулись в Обь[4]. В 1630 г. проживавшие по берегам рек Кондома и Мраз татары в Кузнецком уезде перестали признавать власть русских и платить им ясак, татары Тюменского и Туринского уездов готовились к восстанию, в татарских юртах ходила остяцкая стрела.

Кучумовичи во главе с Аблайгиримом и калмыками после разорения Чатского городка направили свои главные силы в сторону Иртыша и Тобола. В октябре 1631 г. они совершили нападение на Тарский уезд и разорили русские поселения.

В 1631–1632 гг. энергичную деятельность развернул внук Кучума Девлетгирей. Он приступил к широким действиям по объединению сил сибирских татар, остяков, вогулов, башкир и казанских татар[5].

Восстания 30-х годов XVII в. были следствием резкого ухудшения и без того тяжелого экономического положения и усиления религиозного гнета коренных народов Сибири.

---

[1] Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XV—XIX веков. — Новосибирск, 1965. — С. 112–127.

[2] Волкова К.В. Указ. соч. — С. 126.

[3] РИБ. Т.VIII. — С. 614.

[4] Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII в. Очерк внешнеполитических отношений. — УЗБПИ. — Барнаул, 1972. Т. XVIII. — С. 123, 127.

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. II. — С. 92, 97, 98, 104.

Финансово-экономический кризис Российского государства в 50–60-е годы XVII в. еще более снизил уровень жизни сибирских татар, вогулов, остяков и других народов Сибири. Ужесточилась христианизация. В этих условиях коренные народы Западной Сибири обратили свои взоры на Кучумовичей, считая их законными наследниками сибирского престола. С 30-х годов XVII в. старшим представителем Кучумовичей был внук Кучума, сын Чувака Девлетгирей. Из других царевичей источники упоминают Абугая — сына Ишима и Кучука — сына Аблайгирима[1].

Девлетгирей, обладая сильной волей и большим политическим дарованием, решил нанести решительный удар своему врагу — России. Он обратил свои взоры на запад — на Крым и Польшу, которые уже несколько лет вели борьбу с Московским государством.

Крымский хан и раньше имел контакты с Кучумовичами. В 1650 г. он установил связь с калмыкскими тайшами, подбивая их к захвату русских городов Сибири[2].

Девлетгирей, заключив соглашение с крымским ханом и укрепив связи с калмыками и ногаями, установил дружественные отношения с башкирами, черемисами, вогулами, остяками и самоедами и получил их согласие начать общее восстание против русского владычества. Нити заговора из Сибири протянулись даже на Волгу и Каму, где против Москвы заволновались казанские татары и вотяки. Таким образом, подготовка к восстанию охватила всю восточноевропейскую часть России и Западную Сибирь. Девлетгирей, зная слабость сибирских аборигенов, заручился вооруженной поддержкой крымского хана, который обязался послать в Сибирь 20-тысячное войско[3].

Восстание началось в 1662 г. среди татар, проживавших по реке Каме вблизи Закамской линии, и практически охватило башкир, мордву, черемис, чувашей. Они с призывом: «Поднялся на Русь наш царь!» разоряли русские селения на реке Сылве, захватили и сожгли г.Кунгур, на его месте начали строить новый острог. Восставшие были хорошо вооружены, имели 30 пищалей, даже стреляли «чинными» ядрами по «немецкому обычаю»[4].

Одновременно начались военные выступления в Западной Сибири и разных регионах Урала. Восставшие осадили Китайский острог на реке Исеть. К восставшим присоединились новые отряды башкир и калмыков. Их войско в количество 2000 воинов осадило Долматовую пустошь. В сентябре 1662 г. восставшие захватили Белосудскую и Усть-Ирбитскую слободы[5].

В том же 1662 г. восстание захватило почти всю Башкирию, к восставшим присоединились другие нерусские народы, переселившиеся из Поволжья. Часть башкирских феодалов выступила на стороне русских.

Таким образом, в 1662 г. большая часть бывшего Сибирского ханства, Среднее Прикамье, почти вся Башкирия были охвачены национально-освободительной войной. Особенно сильные бои происходили на западе бывшего Сибирского ханства, на юге и западе Башкирии[6].

---

[1] Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774. — С. 24, 325, 404, 424.
[2] Огородников В.И. Из истории инородных волнений в Сибири... — С. 8.
[3] ДАИ. Т. IV. — № 124, VII – IX – X. — С. 290, 291
[4] Там же, V – IX – X. — С. 290–291.
[5] РГВИА, ф. 20, оп. 1. 47, л. 61.
[6] Акманов Г.И. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. — Свердловск, 1991. — С. 70.

Боевые действия против русских властей начали и казанские татары Мензелинского и Казанского уездов, которые дружно выступили уже в 1662 г. Восставшие разорили и сожгли русские города и селения, разрушали церкви, жгли хлеб на полях, людей побили и брали в плен. Все русские города на землях коренных народов Волго-Уралья и Сибири были построены как сильные крепости для закабаления этих народов, поэтому первые удары восставшие наносили по этим городам[1].

Русское правительство всеми силами стремилось к тому, чтобы военные действия не переходили на западный берег Камы и удержать проживавшие на территории бывшего Казанского ханства народы от восстания. Колониальные власти Казани, Перми и Уфы предпринимали меры, чтобы не допустить распространения освободительной войны в Закамье и Предкамье, но они не достигли своей цели. Казанский уезд был полностью охвачен освободительной войной[2]. Восстание охватило и другие народы Поволжья.

В Западной Сибири антиколониальную войну начали сибирские татары, к ним присоединились остяки, вогулы и другие народы. Везде терпение народа было доведено до крайности. Военными действиями в Западной Сибири руководили Девлетгирей и Аблайгирим. Во главе боевых отрядов остяков и ненцев были Ермак Мамруков и Ивашка Лечманов. В 1662 г. большая часть бывшего Сибирского ханства была охвачена войной за независимость. В Западной Сибири антиколониальные выступления начали сибирские татары, к ним присоединились остяки, вогулы и другие народы. Особенно сильные бои происходили на западе бывшего Сибирского ханства[3].

В августе 1662 г. сибирские татары под руководством Кучумовича Бугай Султана готовились идти войной на Тюмень, Туринск, Верхотурье и Пелым. Совместно с вогулами Верхотурья они разорили Мурзинскую слободу, сожгли близлежащие русские селения, увели скот, забрали имущество, жителей взяли в плен. Военные действия охватили бассейны рек Исети, Чусовой, Пышмы. Восстания в этом регионе превратились в войну за независимость, в которой участвовали татары, башкиры, остяки, переселившиеся в Среднее Прикамье черемисы, чуваши, мордва, вотяки.

Одновременно начались и развернулись военные действия на севере – поднялись остяки и ненцы Березовского уезда. Доведенные до отчаяния русскими колонизаторами березовские остяки еще летом 1661 г. договорились с пермскими, чердынскими остяками и ненцами о совместных действиях против колонизаторов, изгнании их со своих земель, и в 1663 г. они начали совместные военные действия.

В 1663 г. остяки и сибирские татары договорились выступить совместно за освобождение Западной Сибири от русских, за возрождение Сибирского ханства и остяцкого княжества в Березовском уезде. После взятия Тобольска решили посадить там ханом Девлетгирея, князьями Остяцкого княжества в Березове — Ермака Мамрукова и Ивашку Лечманова.

Зимой 1663 г. ненцы сожгли Пустоозерную крепость, убили воеводу и

---

[1] РГВИА, ф. 20, оп. 147, д. 61, л. 29.

[2] РГАДА, ф. 248, д. 1236, л. 52.

[3] Акманов Г.И. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. — Свердловск, 1991. — С. 70.

всех служилых. Предводители восставших остяков Ермак Мамруков и Ивашка Лечманов были пленены русскими, и остяки не смогли взять г.Березов[1].

В 1663 г. военные действия татар, остяков, вогулов, ненцев и других народов Западной Сибири охватили все уезды бывшего Сибирского ханства. Они распространялись на обширные территории и приобретали все более угрожающий характер. Народы Сибири отказывались подчиняться властям, платить ясак. Весной 1664 г. Кучумовичи с татарами, вогулами и остяками приходили в Тюменский уезд и разорили русские села[2].

Отсутствие достаточных военных сил для подавления восставших толкало русские власти на крайне безжалостные меры: начинаются карательные походы отдельных русских отрядов. Против восставших в первые же дни выступлений были направлены казаки, дислоцированные в сибирских крепостях. Особой жесткостью отличались сибирские казаки под командованием полковника Полуэктова[3]. В 1664 г. московские власти постепенно, по регионам, добились подавления восстания.

В архивах сохранилось немало документов о переписке между Тобольским, Пермским, Уфимским и другими воеводами, а также переписке между воеводами и царской канцелярией, протоколы допросов участников военных действий и других источников национально-освободительной войны народов Западной Сибири и Волго-Уралья 1662–1664 гг. Однако не все ясно о событиях конца этой войны. В источниках мало сведений о них. Были ли взяты восставшими города Тюмень и Тобольск, пришел ли в эти города со своим войском Девлетгирей? Помог ли крымский хан обещанным 20-тысячным войском? Источники об этом не сообщают. Березовский воевода Давыдов жестоко расправился с восставшими остяками, даже без ведома Тобольского воеводы Хилкова и без суда распорядился повесить 14 человек. (Тобольский воевода в тот период был главным воеводой всей Сибири.) В действительности по другому распоряжению Давыдова было повешено 16 человек, в том числе национальные герои остяков Ермак Мамруков и Ивашка Лечманов[4].

Несмотря на поражение, национально-освободительная война 1662–1664 гг. дала свои положительные результаты. Народ показал способность бороться за свою свободу. Совместное выступление разных народов сильно встревожило Московское правительство и заставило пойти на значительные уступки, некоторое ослабление колониального гнета. Русские власти дали обещание не преследовать и не наказывать участников войны. Как результат этой войны ослабли деспотизм и самоуправство колониальных властей. Изменился тон обращения воевод, приказчиков к населению, он стал более снисходительным.

Правительство официально подтвердило вотчинное право башкир на землю. Было подтверждено вотчинное право сибирского населения на рыболовные и охотничьи угодья. Ему была возвращена часть захваченных угодий[5].

Однако московские власти вскоре забыли свои обещания. В конце 70-х годов XVII в. вновь усиливается экономический гнет народов завоеванных территорий, в 80-е годы — стремление к насильственному крещению.

---

[1] ДАИ. Т. IV. — СПб., № 145. — С. 384.
[2] Пермская летопись. — Пермь, 1881. — Вып. 3. — С. 770
[3] РГАДА. Ф. 214. Кн. № 113. Стлб. 81; ПСЗ-I. Т. III. № 1474.
[4] Исторические записки. — М., 1947. Т. 24. — С. 10, 2, 4.
[5] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 27.

Национально-освободительная война народов Западной Сибири и Волго-Уралья 1662–1664 гг. по своему характеру значительно отличается от освободительных войн народов Западной Сибири в 1607–1609 и в 1628–1631 гг.

Во-первых, благодаря усилиям и способностям Девлетгирея был заранее определен предварительный план совместных выступлений разных народов в освободительной войне, и военные действия временами и местами имели организованный характер. Во-вторых, народы знали конкретную цель войны — это свержение московского господства и освобождение от рабства. В Западной Сибири цель войны была поставлена более конкретно: «быть самим себе государством, как при Кучуме». Исторические документы подтверждают тот факт, что эту цель ставили перед собой не только татары, но и вогулы, остяки, ненцы и селькупы. Кроме того, война 1662–1664 гг. имела еще одну отличительную особенность, не характерную для освободительных войн периода первой половины XVII века. В этой войне участвовали многочие народы, проживавшие на огромной территории: волжские и сибирские татары, вогулы, остяки, селькупы, ненцы, теленгуты, башкиры, черемисы, вотяки, чуваши и мордва. Они совместно воевали за свое освобождение.

Совместное выступление трех крупных языковых групп Евразии — тюрков, угро-финнов и самодийцев не ограничилось территорией Волго-Уралья и Западной Сибири. В 1664 г. против русских властей восстали кузнецкие татары, хакасы. В 1664–1665 гг. поднялись буряты, якуты и другие порабощенные народы. Национально-освободительная война распространилась от берегов Волги до берегов Тихого океана.

Национально-освободительная война 1662–1664 гг. сильно встревожила московское правительство и привела к ослаблению колониального гнета хотя бы на короткое время. Эта война заставила Русское государство отложить на некоторое время захват Казахстана, Средней Азии, Кавказа, разгром Крымского ханства.

Как и другие антиколониальные и национально-освободительные войны, война 1662–1664 гг. имела свои слабые стороны: не хватало организованности и руководителей военных действий, оружия, нередко главенствовали локальные интересы, было немало случаев измены местных феодалов и др.

Национально-освободительные войны народов Волго-Уралья и Западной Сибири в XVII в. являются значительным событием в истории народов этого региона. В царской России как тюрьме народов и мало отличавшейся от нее советской империи история национально-освободительных войн была предана забвению. В наши дни, когда усилилась борьба народов за самоопределение и независимость, исследование этой проблемы имеет большое значение в деле устройства России как федеративного государства.

Сохранение в XVIII и XIX вв. в государстве многих феодальных пережитков, монархическо-полицейских порядков, отношение царизма к Сибири как к колонии и к крестьянам Сибири лишь как к плательщикам налогов и производителям дешевой продукции — все это ложилось тяжелым бременем на плечи завоеванных народов. К тому же они страдали от бесправия и полицейского произвола.

Но особенно тяжелым было положение коренных народов Сибири, получивших унизительное официальное название «инородцы». Проводилась политика подчинения мусульманского духовенства имперским интересам. Царс-

кие власти запрещали татарам открывать светские школы, конфессиональные школы находились под жестким контролем властей и русской православной церкви.

Со второй половины XIX в. сибирские татары в податном отношении были приравнены к русским крестьянам Западной Сибири. Они, как и русские крестьяне, были опутаны многочисленными налогами, поборами, натуральными повинностями. Тяжелым бременем для татарской и русской деревни Западной Сибири являлось ростовщичество. Бедные слои деревни, вынужденные брать у хозяев маслодельных заводов ссуду под молоко, попадали в кабалу, так как заводчики принимали молоко по недопустимо низким ценам. Отсутствие дорог, их плохое состояние заставляли татарское население продавать продукцию перекупщикам по очень низким ценам. Настоящим бедствием для сибирских татар был растущий темп переселения из Европейской России. Постоянно сокращались пашни, сенокосы, пастбищные, лесные, охотничьи, рыболовные и другие угодья татар.

Продолжалось духовное угнетение татар. Почти во всех волостных, уездных, губернских органах заседали русские, татары не имели возможности обращаться в эти органы на родном языке ни в устной, ни в письменной форме. Несмотря на некоторое послабление, продолжалось конфессиональное давление, крещение и русификация были генеральной линией русской православной церкви, царского правительства. Правительство разрешало татарам иметь ограниченное количество мечетей, так как при каждой были мектебе и они являлись центрами роста грамотности татарского населения, чего крайне опасались центральные и местные органы власти.

В XVIII–XIX вв. в Западной Сибири не наблюдалось организованных выступлений против властей. Борьба сибирских татар за земельные социальные права приняла другие формы. Уездные, губернские и царские канцелярии были наводнены челобитными, прошениями татар о возврате захваченных земельных, сенокосных, пастбищных, охотничьих и рыболовных угодий. В отдельных случаях, особенно в период царствования Екатерины II, они решались положительно: захваченные угодья возвращались. На основании челобитных татар были внедрены ограничения на беспорядочную охоту русского населения.

Противоречивое развитие капитализма в Сибири, сохранение многих колониальных порядков, непомерные фискальные обязанности русских крестьян и коренных народов Сибири способствовали росту недовольства населения.

Волна революционных событий, имевших место в Петербурге, Москве и других городах в начале 1905 г., докатилась, хотя и с небольшим опозданием, до Сибири. Весной и осенью 1905 г. в Тюмени, Кургане состоялись крупные забастовки, стали создаваться политические организации рабочих.

Первая русская революция и последующие события, происходившие как в центре страны, так и в Сибири, имели следствием процесс обновления татарского общества. В результате общественно-культурная жизнь сибирских татар приобрела ярко выраженные светские очертания, в новых условиях возникли идеи единства всего татарского народа. Кроме того, сильное влияние на сибирских татар оказал подъем национально-освободительной, антиколониальной борьбы татар Поволжья и Приуралья. Общей целью национально-освободительной борьбы для всех слоев татар было освобождение от

национального, религиозного и экономического гнета. Сибирские татары активно участвовали во всероссийской общественно-политической борьбе татар, их представители обсуждали вопросы будущего татарской нации на всех Всероссийских мусульманских съездах.

Для сибирских татар, территориально отдаленных от основной массы татарского населения, огромное значение имела татарская периодическая печать. Национально-освободительное движение сибирских татар проходило под лозунгом национального самоуправления и просвещения на родном языке, разрешения строительства мечетей без каких-либо ограничений, ограждения земельных угодий от изъятия в колонизационный фонд или захвата в фонд императорского кабинета. Эти вопросы обсуждались на съездах, собраниях мусульман России и в печати.

Русские революционеры не смогли до конца уяснить задачи национального движения народов Сибири. Сами народы Сибири поставили целью сбросить национальный гнет, открыть школы на родном языке, учредить начальные, средние школы, устранить все ограничения при поступлении в высшие и другие учебные заведения.

Мусульманское движение в России началось с конца XIX в. как часть общероссийского брожения на почве недовольства царским режимом. Волна мусульманского движения охватила и мусульман Западной Сибири, образованная часть которых оказалась достаточно подготовленной для присоединения к всеобщему движению, для достижения равенства сибирских татар с русским населением.

Национально-освободительное движение сибирских татар проходило в рамках общей борьбы мусульман России. Цели борьбы были заложены в программе партии «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»).

На активизацию общественной жизни сибирских татар повлияла подготовка к выборам в Государственную думу. В 1907 г. власти Тобольской и Томской губерний начали подготовку к выборам. 20 января 1907 г. в Тюмени состоялся съезд избирателей Тюменского уезда. В список избирателей включались землевладельцы, имевшие землю в количестве 6–8 десятин[1].

Неразрешенность аграрного вопроса в Тобольской и Томской губерниях, как и в Сибири в целом, обостряла классовую борьбу крестьянства, особенно в период первой русской революции. Крестьянское движение в Западной Сибири было объективно обусловлено проведением столыпинской аграрной реформы и землеустройством. Наибольший рост крестьянского движения в Тобольской и Томской губерниях приходится на 1907–1914 гг. Крестьянство Западной Сибири вело, прежде всего, экономическую борьбу. В аспекте политической борьбы оно стояло на позициях революционно-демократического переворота. За время с июня 1907 г. по январь 1910 г. в Западной Сибири произошло 204 крестьянских выступления. С января 1910 г. наблюдается их рост. С января 1910 г. по август 1914 г. было зафиксировано 951 выступление русских крестьян Западной Сибири[2].

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

[2] Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянские движения в Сибири в 1907–1914 г. Хроника и историография. — Новосибирск: Наука. СО, 1986. — С. 49.

Наравне с русскими крестьянами в выступлениях участвовали и ясачные татары, татары-крестьяне. О выступлениях татарского населения Западной Сибири имеются лишь отрывочные сведения.

В период столыпинской реформы все барабинские татары насильственными методами были принуждены к оседлости, что встретило ожесточенное сопротивление.

4 июня 1908 г. крестьяне-татары аула Шагир Барабинской «инородческой управы» Каинского уезда Томской губернии при производстве землеустройства оказали сопротивление крестьянскому начальнику и помощнику производителя работ. В село были командированы пристав с тремя конными урядниками и крестьянский начальник. На сходе, на который пришли 63 человека, крестьянский начальник потребовал предоставить все необходимое для землеустроительных работ. Татары уклонились от выбора уполномоченных и отказались дать списки жителей. 12 человек были арестованы, землеустроительные работы были закончены к концу июня.

8 августа 1908 г. татары аула Бергуль Барабинской «инородческой управы» Каинского уезда оказали сопротивление проведению землеустроительных работ, не допустив топографа для их производства. Бергульцы требовали прекращения работ до разрешения ходатайства об утверждении их в правах собственности на отмежеванные участки. Работы были окончены только при содействии пристава[1].

В сентябре 1908 г. переселенцы-татары Аксуатского участка Ново-Покровской волости Петропавловского уезда Акмолинской области отказались выселяться по требованию властей. Переселенцы были выселены с участка помощником уездного начальника Виноградовым. Руководитель выступления Аримов на срок до 1913 г. в административном порядке был выслан в Семипалатинскую область[2].

Борьба сибирских татар против религиозного и национального гнета проходила в различных формах. В 1908 г. часть тарских татар из деревень Аубаткан, Еланлы, Каишкуль, Уленкул и других в количестве 371 человека иммигрировала в Турцию и поселилась отдельной деревней в вилаяте Конья и называли ее Богределик.

7 декабря 1908 г. В деревне Аремзяновка Абалакской волости Тобольского уезда Тобольской губернии татары запретили рубку деревьев в Царской даче, мотивируя тем, что этот участок леса отведен в надел им[3].

Середина мая 1908 г. Томская губерния, Каинский уезд, Барабинская «инородческая управа»: томский губернатор сообщил в департаментскую полицию, что в середине мая среди татар управы наблюдалось брожение, вызванное упразднением управы и причислением к русским крестьянским волостям, причем на собрании обсуждался вопрос о переселении татар в Турцию.

До 25 марта 1910 г. Томская губерния, Каинский уезд: Барабинская «инородческая управа» упразднена, из-за упразднения управы и причисления к русским волостям, татары выступили против, решив при этом волостям не

---

[1] Крестьянские движения в России в 1907–1914 г. г. Сборник док. — М.; Л., 1996. — С. 53, 530; РГАОР. Ф. 102. Он. 4. Д. 77. Л. 27, 29, 30, 32, 36.

[2] ЦГИА Казахстана. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5809. Л. 33, 38.

[3] Горюшкин М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Указ. соч. — С. 52.

причисляться, никаких сведений о себе властям не давать, податей не платить. Такое решение было принято на съезде в ауле Каишкуль, где собрались выборные от всех аулов. Съезд направил выборного Тугумбая в Турцию для решения вопроса о переселении в Османскую империю. Причиной послужили те же действия властей — ликвидация Барабинской «инородческой управы» журналом Томского губернского управления от 18 декабря 1909 г. и причисление татарских аулов к русским волостям. Жители аула Убинский также отказались от причисления к русской волости, так как считали, что потеряют свои права и льготы. За отказ агитировали мулла Хабибулла Абдрахманов и крестьянин Абукасим Кашипов, проживавшие в ауле Бакчигульский Казанской волости. После разъяснения пристава, что татары при этом сохранят льготы, жители аула Убинский согласились остаться и принять переселенцев[1].

Сентябрь 1911 г. Тобольская губерния, Тобольский уезд, Тоболтуринская волость, юрты Кондинские: крестьяне самовольно захватили Большой Шашкарым и покосы по его берегам, принадлежавшие архиерейскому дому[2].

В 1908 г. по распоряжению Министерства внутренних дел общее присутствие Томского губернского управления перевело барабинских татар из кочевого состояния в оседлое. Управы стали называться волостями, однако управление осталось старым. В Каинском уезде только в единичных случаях были избраны сельские старосты. Татары отказывались выполнять натуральные повинности. Аулы были разбросаны по всему уезду, поэтому общее губернское присутствие 18 декабря 1909 г., 5 февраля и 5 августа 1910 г. включило аулы в русские волости. Недовольные этими действиями татары подали в течение 1911 и 1912 гг. много жалоб. До 1912 г. жители аула Бугоякский платили только казенные платежи. Татары отказались платить подати, проводить выборы должностных лиц села. (В ауле жили представители мусульманской секты «ваисовцев», отрицательно относящихся к государственному управлению и официальному мусульманскому духовенству.) Они не представили в волостное правление посемейные списки для землеустройства. К 1913 г. за ними накопились недоимки в сумме 430 руб. 50 коп. 5 января 1913 г. на сельском сходе волостной старшина потребовал избрать волостную администрацию и уплатить подати. Татары отказались платить и не допустили описи имущества. 13 февраля они не выполнили требование пристава об уплате недоимок. 24 апреля 2 пристава, 6 урядников, волостной старшина, писарь и 50 крестьян русского села Воробьевское выехали в аул для продажи имущества с торгов. Татары отказались выполнить требование властей о выплате податей, а когда полиция пыталась задержать одного из них, тот ножом ранил десятского, после чего с ружьями и топорами татары выгнали полицию из села. В аул прибыл вице-губернатор со взводом казаков и 15 солдатами Каинской воинской команды, однако татары вновь отказались платить недоимки. В результате все взрослое население аула в количестве 30 человек было оштрафовано на 15 руб. каждый, 19 человек арестованы. У татар забрали скот, после чего недоимки были взысканы[3].

---

[1] ГАТО. Ф. 3, Оп. 1. Д. 3905. Л. 11.

[2] Там же. Ф. 156. Оп. 29. Д. 2208. Л. 78.

[3] РГАОР. Ф. 102. Оп. 4. Д. 77. Л. 20–65; Газеты «Сельская жизнь». — 1914, 21 мая, № 106; «Омский телеграф». — 1914, 21 мая. — № 106.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что сибирские татары активно боролись за свои земельные наделы и национальные права. Эта борьба продолжалась и в годы Первой мировой войны.

Первые известия о февральских событиях 1917 г. в Петрограде население Западной Сибири восприняло довольно сдержанно. Положение изменилось только после получения и распространения сведений о создании Временного правительства и отречении царя от престола.

В начале марта крестьянство повсеместно выразило доверие и поддержку новому правительству. Татарское население проявляло осторожность, но его обнадеживало падение ненавистного монархического режима.

9 марта 1917 г. все уездные и волостные правления получили предложение Оренбургского магометанского духовного собрания, адресованное ахунам, хатыбам, имамам, с призывом ко всему мусульманскому населению признать Временное правительство, оказывать ему всяческую поддержку. В татарских волостях проходили сходы, съезды, организовывались советы. Татарское население выдвигало требования о демократизации всего общества и решения земельного вопроса[1].

Широкое революционное движение в марте-апреле 1917 г., в период двоевластия, захватило крестьянские массы Сибири. В деревнях, расположенных возле промышленных центров, прошли митинги и шествия. Повсюду созывались сельские и волостные сходы. Временное правительство и его местные органы в Западной Сибири пытались удержать власть в своих руках, управлять экономикой и контролировать политическую обстановку.

Постепенно в политическую жизнь втягивалось и татарское население.

В Сибири сформировались местные органы власти в лице городских, уездных и губернских комитетов общественного спокойствия или комитетов общественного порядка и безопасности. Эти комитеты возникли как коалиционные, своих представителей в них имели и крестьяне.

Однако взять полностью власть в свои руки Временному правительству не удалось. В Сибири стали возникать Советы рабочих, солдатских, а в ряде случаев и крестьянских депутатов. Сложилось двоевластие.

Советы Сибири оказали доверие Временному правительству, признали «комитеты общественной безопасности», но одновременно заняли линию давления по отношению к буржуазным органам власти.

Временное правительство 21 апреля 1917 г. приняло постановление об образовании земельных комитетов. В постановлении говорилось, что для подготовки земельной реформы и разработки неотложных проблем, Временным правительством впредь до решения земельного вопроса Учредительным собранием образуются Главный и местные (губернский, уездные, волостные) земельные комитеты, состоящие в ведении Министерства земледелия. Основными задачами земельных комитетов были:

1. Общее руководство сбором, разработкой необходимых для земельной реформы сведений.

2. Составление общего проекта земельной реформы на основании собранных документов.

---

[1] ГАТО. Ф. 3. Д. 4353. Л. 3, 4; Ф. 373. Оп. 1.Д. 1. Л. 3, 4, 5, 5 об., 58

3. Ограничение ранее принятых законов, затрудняющих планомерное решение земельного вопроса.

Во всех уездах Тобольской и Томской губерний в июне 1917 г. были образованы уездные и волостные земельные комитеты. Они создавались на собраниях представителей селений волости в количестве 5 членов земельного комитета и 3 кандидатов[1]. Мусульманские волости обеих западно-сибирских губерний созывали специальные съезды, на которых избирались представители уездного земельного комитета от мусульман. Некоторые волости отказались от введения земств. В татарских волостях земельные комитеты были образованы позднее, лишь в декабре 1917 г.

Весной и в начале лета 1917 г. во всех татарских волостях Томской и Тобольской губерний были образованы советы крестьянских депутатов. Они создавались таким же демократическим путем, как и земельные комитеты. Сведений о деятельности Совета крестьянских депутатов в татарских волостях очень мало. На заседании председателей волостных комитетов и членов совета крестьянских депутатов Тюменского уезда, состоявшемся 12 июня 1917 г., был рассмотрен вопрос: должны ли существовать Советы крестьянских депутатов и до какого времени? Было единогласно принято постановление: существующие Советы крестьянских депутатов как единственных защитников крестьянских интересов находить необходимыми и уполномочивать их членов во все правительственные и общественные комитеты и организации во все время их существования и до созыва Учредительного собрания.

В середине 1917 г., согласно Положению Временного правительства о местных продовольственных органах, во всех волостях, в том числе и татарских, были образованы продовольственные комитеты (волпродкомы). В волостной продком входили: 6 человек от крестьян, 3 человека от кооперации, 2 человека от рабочих, 1 представитель торгово-промышленного класса. Если в волости не было рабочих, вместо них избирались еще 2 представителя от крестьян. Волпродком был обязан: определить наличное количество в волости продовольствия, фуража, предметов первой необходимости; организовать их заготовку, сбор и транспортировку; определить количество продуктов и товаров, могущих быть изъятыми из потребления местного населения. Волпродкомы в 1917 г. проделали значительную работу по обеспечению населения продовольствием и другими необходимыми товарами, недопущению анархии при изъятии продовольствия у крестьян. Прежде всего они определили потребности населения волости в продуктах и промышленных товарах. Например, на заседании продкома Кашегальской волости Тюменского уезда, состоявшемся 10 августа 1917 г., были утверждены от Тобольского губпродкома для Кашегальской волости следующие нормы потребления: для населения по 2 пуда муки в месяц, для кормления лошадей по 10 фунтов овса в день на весь год.

Волпродкомы составили ведомости о наличных запасах хлеба по каждой юрте, расчеты по обеспечению хлебом и товарами первой необходимости по каждому селению[2].

---

[1] Московкин В.В. 1917 г. в Тобольской губернии // Вестник Тюменского ун-та. История. Вып. 1. — Тюмень, 1996. — С. 37.

[2] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 78. Л. 114

Одновременно с созданием земельных комитетов Временное правительство начало введение в Сибири земств, которых раньше здесь не было. Тем самым Временное правительство хотело укрепить свое влияние в деревне. Крестьяне Сибири, в том числе татарское население, не очень-то одобрительно отнеслись к созданию земств. Земства были созданы путем проведения выборов. Татары не доверяли земским комитетам, в земствах видели их фискальное направление. Создание земств затянулось. К началу ноября в Тобольской губернии земства были созданы в 92 волостях.

Тобольские и томские губернские власти занялись решением продовольственной проблемы, уточнением продовольственных запасов. Но это не удалось осуществить, так как цены на продовольствие повысились на рынках летом 1917 г. в несколько раз, в самых богатых хлебом губерниях Тобольской и Томской — возникла продовольственная проблема. Некоторое представление о жизненном уровне населения Западной Сибири осенью 1917 г. могут дать цены на городском рынке г.Тюмени в сопоставлении с размерами заработной платы. Местная газета «Свободное слово» приводит такие данные: цена на мясо — 45 копеек за фунт, муку пшеничную — 5–6 руб. за пуд, картофель (ведро) — 1 руб., молоко — 1 руб. 20 коп. — 1 руб.30 коп. за 3 литра. При этом жалованье тюменского городского головы составляло 4000 руб. в год, бухгалтера — 200–250 руб. в месяц, почтово-телеграфного чиновника — 115 руб., почтальона — 90 руб., сторожа — 80 руб. в месяц[1].

Уездные, губернские органы власти были завалены заявками с просьбами о выделении хлеба. Но они получали один и тот же ответ: хлеба нет, он будет отпускаться по мере получения из села. Однако из села хлеб не поступал[2].

Временное правительство не торопилось ломать старую систему управления в деревне: оно оставило без изменения систему податей и повинностей; до июня 1917 г. продолжали свою деятельность крестьянские начальники[3].

Созданные на местах волостные продовольственные комитеты не могли обеспечить население продовольствием и другими необходимыми товарами.

После свержения самодержавия крестьянское движение за землю в Западной Сибири носило организованный характер. Во всех татарских волостях проходили сельские и волостные сходы крестьян и ясачных татар по земельному вопросу.

Татарское население стало захватывать кабинетские, монастырские земли и леса. В марте 1917 г. захваты казенных земель и порубка леса русскими крестьянами и татарским населением имели место в Ялуторовском, Тарском, Тобольском уездах Тобольской губернии и Каинском уезде Томской губернии. В марте-апреле 1917 г. комиссары Временного правительства и комитеты общественной безопасности повсеместно рассылали объявления о запрещении самовольных порубок, а крестьянам, захватившим те или иные земли, предписывалось возвращать их «законным» владельцам. Органы буржуазной власти заявили о недопустимости разрушения старых земельных порядков «впредь до решения земельного вопроса Учредительным собранием.

---

[1] ГАТО. Ф. И. 80. Оп. 1. Д. 78. Л. 121.

[2] Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975. — С. 71–75.

[3] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 78. Л. 124.

20 августа 1917 г. Тобольский губернский комиссар получил из Петербурга телеграмму следующего содержания: «Из многих мест поступают сведения, что населением допускаются запашки и засевы полей, предъявляются непосильные для сельского хозяйства экономические требования. Племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается, культурные хозяйства погибают. Чужие люди вырубают, заготавливают для отправки лесоматериалы и т.п. Необходимо спасать, беречь землю и богатства до Учредительного собрания.

В отдельных местностях, в частности в Томском и Омском уездах, были отмечены случаи «захвата сенокосных угодий татар»[1].

Важным в определении политического настроения татар было отношение к Учредительному собранию. Татары ждали от Учредительного собрания национальных и религиозных свобод, ликвидации национального гонения, установления нового строя без царя.

Выборы в Учредительное собрание, прошедшие 12 ноября 1917 г., показали, что население Западной Сибири поддерживает в основном эсеров, за которых проголосовало 79% избирателей Тобольской губернии[2].

В результате двоевластия и неспособности органов Временного правительства в Сибири управлять экономикой, началась разруха, стало недоставать не только продовольствия, но и повседневных промышленно-бытовых товаров. Летом 1917 г. губернские органы Временного правительства Западной Сибири собрали сведения о наличии запасов хлеба, количестве скота у населения и об остатках промышленных товаров: одежды, обуви, посуды, керосина и т.п. Например, по Кашегальской волости Тюменского уезда было выявлено наличие у населения 4156 пудов пшеницы, 476 пудов ржи, 5252 пуда овса, 3315 пудов пшеничной муки, 336 пудов ржаной муки и 481 пуд пшена. Этого было явно недостаточно для удовлетворения потребностей населения самой волости, а губернские органы продовольствия требовали у волостного продкома выделения хлеба для нужд губернии[3].

В сентябре 1917 г. тобольский губернатор отправил во все уездные и волостные органы телеграмму следующего содержания: «От председателя Совета Министров А.Ф.Керенского мною сего числа получена телеграмма. Запасы зерна и муки на фронтах почти исчерпаны, подвоз до крайности ослаблен. Для жизни армии, отстаивающей кровью Родину и Свободу, необходимы самые энергичные меры по немедленному обеспечению фронта мукой, или пшеницей, или рожью. Мельницы Тюмени не работают. Солдаты пойдут по деревням. Объясните народу, пусть им не сдают хлеб»[4].

Продажа хлеба и промышленных товаров населению была централизована, однако эта мера не привела к положительным результатам.

Органы Временного правительства Западной Сибири и многие советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не признавали решения II съезда Советов. 9 ноября 1917 г. Председатель Тобольского губземкома М.Хохладков отправил телеграмму всем уездным земельным комитетам губернии, в которой сообщал: «Сегодня получена телеграмма Главного Земельного Ко-

---

[1] ГАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 158. Л. 90, 91.
[2] Московкин В. В. Указ. соч. — С. 39.
[3] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 72. Л. 10,18.
[4] Там же. Д. 78. Л. 114.

митета следующего содержания за подписью Владимира Ульянова (Ленина), именующего себя председателем Совета Народных Комиссаров, опубликован главный документ, который называется Декретом о земле. Главный Земельный Комитет объявляет этот якобы декрет, изданный за месяц до Учредительного собрания, незаконным и недействительным». Далее в телеграмме следует призыв ко всем гражданам «не допускать исполнения этого декрета до передачи земли трудовому народу велением Учредительного собрания»[1].

В октябре 1917 г. в Омске на съезде областников было объявлено об автономии Сибири. Следующий областной съезд, состоявшийся в декабре 1917 г. в г. Томске, отказался принять решения II съезда Советов и признать Советскую власть. Съезд областников объявил высшим органом законодательной власти в Сибири Сибирскую областную думу (СОД). 25 января 1918 г. Томский съезд рабочих, солдатских депутатов разогнал СОД, арестовав нескольких ее членов. Группа членов СОД, избежавших ареста, избрали Временное правительство автономной Сибири, которое объявило о борьбе с Советской властью, не признавая Декрет о земле. В марте 1918 г. Временное правительство Сибири переехало в Харбин. В Западной Сибири был оставлен и действовал особый комиссариат Временного Сибирского правительства. Советская власть в Сибири была свергнута. 23 июня 1918 г. в Томске на совещании СОД было образовано Временное Сибирское правительство. Отменены все декреты советской власти. 3 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство передало власть Уфимской Директории[2].

В конце 1917 г. в Западной Сибири продолжали действовать законы Временного правительства.

С крестьянским движением тесно переплеталось татарское национальное движение, а национальное движение сибирских татар было неотъемлемой частью общетатарского национально-освободительного движения.

Татарским национальным организациям ближе по своей программе была кадетская партия. Но это не говорит о том, что татарские политические лидеры полностью защищали программу и действия кадетов. Татарские лидеры, как члены областной думы, тесно сотрудничали с областниками. Особое место в их программе отводилось провозглашению областной автономии или созданию культурно-национальной автономии. Татарское национально-освободительное движение заявляло о поддержке нового строя, Временного правительства, выдвинуло требование создания демократической федеративной республики. Аграрная программа национального движения была почти идентична аграрной программе кадетов — закрепить землю за теми, «кто извлекает из нее доход земледелием и скотоводством»[3].

В мае 1917 г. в Москве проходил I Всероссийский съезд мусульман, на котором одним из главных вопросов был вопрос о будущем государственном устройстве России. Большинство делегатов проголосовало за федеративное устройство России. Большинство татарских делегатов высказалось за куль-

---

[1] ГАТО. Ф. 148. Оп.1. Д. 1. Л. 12.

[2] Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. — Омск, 1959. — С. 52.

[3] Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917–1923 гг. 2-изд., доп. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 88, 89, 95.

турно-национальную автономию. На II Всероссийском съезде мусульман, который проходил в Казани в июле 1917 г., татарские делегаты подтвердили свое решение о культурно-национальной автономии. Сибирские татары тоже высказались за культурно-национальную автономию. В декабре 1917 г. в г. Уфе начал работу Милли Меджлис мусульман Внутренней России и Сибири. На одном из его заседаний было принято решение о создании автономного государства в составе России — Идель-Урал штаты (Волжско-Уральский штат). Татары, по причине территориальной отдаленности не входящие в Идель-Урал штаты, в том числе сибирские, должны были создать свою культурно-национальную автономию. Но к этому времени к власти пришли большевики. Решения Милли Меджлиса остались невыполненными, сам Милли Меджлис распущен.

Советские органы власти Тобольской губернии в начале 1918 г. начали борьбу с татарским национальным движением. В январе 1918 г. они вынудили Мусульманские советы Тобольской губернии, созданные в 1917 г., прекратить свою деятельность. Функции Мусульманского совета были переданы Тобольскому губернскому мусульманскому тюрко-татарскому управлению[1]. То же самое произошло и в Томской губернии.

* * *

Сибирские татары были разделены российскими властями на сословия. Мурзы, беки и духовенство составляли сословие служилых татар. «Черные люди» были объединены в сословие ясачных татар. Переселенцы из Средней Азии были наверстаны в сословие бухарцев. На несколько сословий были разделены пришлые поволжско-приуральские татары. Каждое сословие имело свои права и обязанности. Больше всего было ясачных татар, которые были обложены ясаком и другими повинностями.

Бухарцы и приезжие поволжско-приуральские татары оказали влияние на материальную и духовную культуру, участвовали в этногенезе сибирских татар. В начале XX в. ускорился процесс интеграции сибирских и пришлых поволжско-приуральских татар. Сибирские татары были вовлечены в процесс образования татарской нации, хотя и сохранили языковые и некоторые этнографические различия.

Экономическое и духовное угнетение привело сибирских татар и другие народы Сибири к социальным выступлениям, наибольшая волна которых приходится на XVII в. и 1907–1912 и 1917 гг.

---

[1] ГАТО. Ф. 3741. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Глава VIII

Хозяйственная жизнь сибирских татар

Сибирские татары встретили XVII в. в составе многонационального Русского государства. Их судьба была переплетена с судьбой русского и других народов России. В этот период в России и на завоеванных землях феодализм вступает в новую стадию, он характеризуется значительным ростом производительных сил, развитием внутренней и внешней торговли, развитием социальных отношений и усилением экономического гнета трудового населения. Сибирские татары были втянуты в социально-экономическую систему России.

Традиционное хозяйство сибирских татар в определенной степени освещено в трудах Н.М.Ядринцева, П.А.Словцова, Н.Кострова, Шиле, Ф.Т.Валеева, Р.К.Сатлыковой, В.И.Шункова, Н.Г.Аполловой и др.[1].

Исследования историков, материалы этнографических экспедиций Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии расширили представления историков о традиционном хозяйстве сибирских татар.

Итоги комплексного исследования истории хозяйственной жизни местных татар позволили четко определить, что некоторые выводы наших предшественников в исследовании хозяйства сибирских татар вызывают определенные сомнения. Так, исследователь различных этнографических групп татар Н.А.Халиков пишет: «...обращает внимание известный стереотип советс-

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I – II. СПб., 1838, 1844; Костров Н. Чулымские инородцы // Тобольские губернские ведомости. — 1867. — № 27–30; Его же. Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. — 1874. — № 25, 27, 34, 37–38, 44; Шиле. Татарское племя // Природа и люди. — 1879. — № 1; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946; Его же. Очерки по истории земледелия в Сибири. XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1956; Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань: Таткнигоиздат, 1993; Сатлыкова Р.К. Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар // Проблемы истории СССР. — Вып. V. — М., 1976. — С. 102–114; Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М., 1976.

кой исторической науки об исключительном и однозначно прогрессивном влиянии русских переселенцев на коренное население Сибири, о более высоком уровне материального производства, первых едва ли не во всех отраслях хозяйства и т.д.»[1].

Тюркские племена, с древнейших времен проживая в Западной Сибири, оказались на стыке двух мировых культур — тюркской и угро-самодийской. Это историческое явление повлияло на жизнь тюркских, угорских и самодийских племен, на развитие их материальной и духовной культуры. Приток тюркских племен с юга никогда не прекращался, вследствие этого материальная и духовная культура, экономическая и социальная жизнь сибирских татар развивались на общетюркской основе. Влияние же соседних народов — вогулов, остяков, селькупов – ощущалось лишь в традиционном хозяйстве. Главными отраслями хозяйства были скотоводство, земледелие, охота, рыболовство. Второстепенное значение имело собирательство – сбор растущих в лесах и на лугах ягод, орехов и др. Татары всех групп занимались ремеслами и кустарными промыслами, некоторые – извозом. Однако многие аспекты материальной культуры татар Западной Сибири до сих пор исследованы недостаточно.

§ 1. Земледелие

Долгое время широко были распространены представления о сибирских татарах как кочевниках, не знакомых с земледелием. Даже поверхностное ознакомление с географией расселения многих групп сибирских татар показывает невозможность классической кочевой жизни в лесной и лесостепной зонах, в которых живет большинство сибирских татар. Какое кочевое скотоводство возможно в многоснежной Западной Сибири? Земледелие, в том числе пашенное, было древнейшим занятием многих тюрков.

Г.Ф.Миллер, И.Э.Фишер, И.Г.Георги, П.А.Словцов относят иртышских и тобольских татар к земледельцам. Миллер писал: «татары спокон веков жили в городах и укрепленных местах или, по крайней мере, на одном и том же месте... живя оседло в своих юртах, они имели свои земли, занимались скотоводством»[2].

Земледелие не появляется само собой, оно в значительной степени является показателем развития этноса. Стимулом к земледелию стала нехватка пастбищ. Переход к земледелию предполагает интенсивное использование земельных угодий.

Северная граница татарского земледелия в этот период проходила по среднему течению Тавды, месту впадения Тобола в Иртыш. Земледелием не занимались ясколбинские и чатские татары. У чулымских и барабинских татар было развито мотыжное земледелие. Сибирские татары выращивали овес, ячмень, полбу и просо.

---

[1] Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западно-сибирских татар // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 59.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — М.; Л.: Издание АН СССР, 1937. — С. 222, 274.

В период завоевания Сибирского ханства Русским государством почти все группы сибирских татар в той или иной степени занимались хлебопашеством. Уровень земледелия был довольно разнообразным. Причем наиболее развитым земледелием отличались туринские, тюменские, тобольские и иртышские татары. Древними земледельцами были томские татары.

И.В.Шунков, специально исследовавший проблемы истории сибирского земледелия, пишет, что дорусское земледелие Сибири имело древние корни, восходящие примерно к II тыс. до н.э. Он утверждает, что район распространения отдельных очагов земледелия был весьма обширным: начиная с Уральского хребта и до Амура. В источниках отражено распространение сошников, серпов и кос. Татары сеяли рожь, ячмень и пшеницу. Во всех районах они имели сенокосы. В источниках отмечено, что «татары зимой живут в зимних юртах, а летом — в летних возле своих посевов и пастбищ»[1]. Вместе с тем В.И.Шунков отмечает, что татарское земледелие «было не только примитивным по своему техническому уровню (состав хлебов и техника возделывания) — оно было примитивным и по своему хозяйственному значению, являясь лишь подспорьем в промысловом, основном хозяйстве»[2]. Однако исторические факты подтверждают наличие у большинства татар не примитивного мотыжного земледелия, а пашенного. Мотыжное земледелие сохранилось лишь у барабинских и чулымских татар. Переложная система земледелия сибирских татар объясняется не примитивностью этой отрасли хозяйства, а обилием пригодных к хлебопашеству угодий. Поэтому татары несколько лет (примерно от пяти до десяти) засевали освоенные поля, затем оставляли их на «отдых» и осваивали новые. Через несколько лет «отдохнувшее» поле вновь засевалось. Срок этот не был длительным, так как хлебные угодья могли зарасти сорняками и даже лесом.

Не принижая влияния русской (и поволжско-татарской) агрокультуры на сибирских татар, не следует забывать о давней традиции земледелия тюркоязычного населения Сибири. В пользу традиционности земледелия сибирских татар свидетельствует и земледельческая терминология. Все земледельческие орудия, сельскохозяйственные культуры, агротехнические процессы имеют свои сибирско-татарские названия. Основу традиционной кухни сибирских татар составляют мучные изделия, при приготовлении которых сибирские татарки проявляют большое мастерство.

Хозяйственный уклад сибирских татар в начале XVII в. представлял собой переход от промыслов к более сложным хозяйственным формам, наблюдались значительные успехи и в земледелии. Этот исторический процесс, происходивший по мере социального развития народа, в исторической литературе нередко объясняется как прогрессивное влияние русских колонистов на кочевые сибирские народы, в частности, на татар.

Однако постепенный переход сибирских татар к хлебопашеству происходил не под влиянием других народов, он являлся закономерным результатом эволюционного развития народа, постепенного перехода от звероловства к скотоводству, от собирательства к земледелию.

---

[1] Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XV–XVIII вв. — М.; Л., 1964. — С. 117; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири в XVII в. – М., 1956. — С. 14; РГАДА. Ф. 214. Кн. 828. Л. 1–75; Кн. 1182. Л. 348–422.

[2] Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — М.: Изд-во АН СССР, 1946. — С. 108.

В начале XVI в. в старых земледельческих районах татарская степная община состояла из семей, уже не связанных между собой родовыми узами. Каждая семья владела собственными угодьями, и прежде всего, пахотными. Часть земельных угодий (луга, выгоны, водоемы, леса) оставалась в общинном владении. Пахотные угодья делились между дворами по числу душ. Душевые наделы были различными в отдельных районах и зависели от количества земли, которой располагала община. Периодически производились переделы наделов. Более предприимчивые хозяева имели и собственные пахотные угодья, они не причислялись к общинным угодьям. Но владельцев собственных наделов в XVII в. было немного.

Большое значение для нашего исследования имеют рост пашенных земель сибирских татар, уровень развития их земледельческого хозяйства, объем полученной хлебной продукции, соотношение ее необходимой и избыточной частей ее — это основные вопросы, на которых мы остановимся в этой части работы.

Как известно, в начале колонизации на землях бывшего ханства ощущался острый недостаток хлеба. Отдельные исследователи пытались утверждать: если у татар было хлебопашество, то они могли бы в какой-то степени обеспечить колонистов хлебом. Однако при этом не учитывается тот факт, что в XVII в. количество татарского населения было незначительным.

Какое количество хлеба могло оставаться в татарской семье? У сибирских татар, как и у всех народов в период феодализма, хозяйство было натуральным, оно не производило товарную продукцию, татары выращивали хлеб на небольших площадях. Отрицательную роль в развитии земледелия играла и миграция татарского населения в более спокойные районы. По мере возрастания потребности в хлебе из-за роста пришлого русского населения во второй половине XVII в. возделываемые татарами площади увеличились и по своим размерам приближались к русским крестьянским наделам. В 1686–1688 гг. на каждое татарское хозяйство в Тюменском уезде приходилось в среднем 2,1 десятины, в некоторых хозяйствах засевалось по 3, 4, 5 и 6 десятин[1].

Дозорная книга А.Михалевского 1686–1687 гг. отмечает наличие пашенных земель сибирских татар и бухарцев в Казаровых, Енбаевских, Тураевских, Каскаринских, Кобенятовых, Акияровских и других юртах Тюменского уезда. 29 бухарцев, проживавших в этих юртах вместе с татарами, имели 84 десятины пашни[2].

Татары 21 деревни того же уезда с населением в 317 человек распахивали 652 десятины[3]. Дозорной книгой 1698 г. И.Кочанова по городу Таре и уезду зафиксированы размеры татарской запашки. В частности, отмечено, что в уезде насчитывается 48 татарских деревень, в которых проживают 702 ясачных человека, у всех имеется пашня, общие размеры которой составляют 702 десятины. Кроме того, имели землю 59 служилых татар и 35 захребетных татар[4].

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 28. Л. 1–57.
[2] Там же. Кн. 828. Л. 1–75.
[3] Там же.
[4] Там же. Кн. 1182. Л. 348–422.

Тарская дозорная книга 20-х годов XVII в. отмечает бухарские пашни вверх и вниз по Иртышу. Всего было описано три юрты, «а в них бухарцев 21 человек, пашни у них паханые добрые, земли в розных местах 18 четей с третником, перелогу 49 четей»[1]. По неполным данным, в 1689 г. 34 бухарских хозяйства имели 60 десятин запашки в поле[2]. По сведениям переписных книг, составленных в 1701 г. И.Кочановым, в городе Таре и деревнях Тарского уезда (Кыргапские, Аиткуловы, Иткучуковы, Шихово, Сеитово, Байтугановы юрты) зафиксировано 84 бухарских хозяйства, в том числе пашня отмечена у 44 человек с запашкой 50 десятин ржаных и 75 десятин яровых[3]. По подсчетам В.И.Шункова, по сравнению с 20-ми годами бухарская пашня на Таре увеличивалась в три раза. Бухарцы освобождались от хлебного обложения полностью, у них также были большие льготы по сравнению с другим населением. Грамотой 1645 г. бухарцы были освобождены от уплаты ясачного хлеба казне: «имать с них денежный оброк с десятины ржаной по 6 алтын 4 деньги, а с десятины ярового хлеба по 3 алтына 2 деньги». Оброк этот был значительно меньше денежного, вносимого русским крестьянством. Средний денежный оброк для русского крестьянина составлял примерно 9–10 алтын с обрабатываемой десятины[4].

Общая запашка тюменских и тарских татар к концу XVII в. достигла 1354 десятины[5]. К середине XVII в. чатские мурзы и татары Томского уезда перешли к пашенному земледелию[6]. Таким образом, сведения дозорных книг XVII в. свидетельствуют об интенсивном развитии татарского и бухарского пашенного земледелия.

В целом хлебопашество у тоболо-иртышских татар в конце XVII в. являлось важной отраслью хозяйства, обеспечившей в основном их собственные потребности. Селения татар в исследуемое время представляли собой поземельные единицы.

Бараба являлась древнейшим земледельческим районом, однако в силу исторических условий в XVI–XVII вв. земледелие развивалось здесь не столь интенсивно, хотя хлеб в их рационе питания населения занимал значительное место. И.Э.Фишер, побывавший в Барабе в середине XVIII в., сообщал, что обычная пища барабинских татар — ячмень, каша с сушеной рыбой. «Едят поджаренный толченый ячмень, готовят бузу из ячменя, гонят водку из ячменя и молока», — написано в его неопубликованных дневниках[7].

Во-первых, Бараба располагалась вблизи от разных кочевых орд; во-вторых, в XVII в. там происходили достаточно активные военные действия между Кучумовичами и русскими казаками, и барабинцы часто выступали против казаков — это отразилось на состоянии их хозяйства.

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 398.
[2] Там же. Кн. 925. Л. 48–78.
[3] Там же. 1199. Л. 1–69.
[4] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия в Сибири. XVII век. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 52.
[5] Там же. — С. 54.
[6] Бояршинова Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского университета. Т. 112. — Томск, 1950. — С. 50.
[7] Титова З.Д. И.Фишер и его историческо-этнографические материалы о народах Сибири (по неопубликованным материалам. Середина XVIII в.) // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. — Омск, 1986. — С. 98.

Н.М.Ядринцев пишет, что у барабинцев земледелие являлось побочным промыслом, пашни на семью не превышали 5 десятин, сеяли они ячмень, овес, немного конопли[1].

В начале XVII в. запашки тарских татар были невелики, но они имели плодородные почвы и наделы их возросли за счет неосвоенных земель[2].

Город Тобольск. С гравюры XVIII в.

Хлебопашество в XVIII в. у сибирских татар всех регионов, кроме барабинских и чулымских, стало важной отраслью хозяйства, обеспечивало, в основном, их собственные потребности. Почти все ясачное татарское население Тобольского, Туринского, Верхотурского и Тюменского уездов занималось хлебопашеством. «А пашни у них паханые, у всех вобче», — написано в дозорной книге 1701 г. В отдаленных наделах «распахано наездом, с выездом в летние юрты»[3]. В этих старых земледельческих регионах площадь посевов, технология земледелия и урожайность возделываемых культур не уступали подобным показателям русского крестьянства.

В Тобольском уезде в 1760 г. пашню имели 8269 душ, в Тарском — 5173, Тюменском — 2286, Туринском — 150 душ[4]. Во многих переписных и писцовых книгах XVII–XVIII вв. земля была указана по селениям в целом. Обрабатываемые земли, пустующие земли, пастбища, сенные покосы, рыболовные и охотничьи угодья находились в общинном пользовании. Доказательством является запись в писцовой книге Льва Поскочина: «... волость Аремзянская на реке Иртыше, живут служилые, захребетные и ясачные татары 47 человек. Пашни у них около зимних юрт вообще в разных местах 35 десятин... непаханые земли дубровного места на 85 десятин, сенных покосов, около тех же зимних юрт вообще у всех на 200 копен... да у них же за речкою Аремзянкою ...паханные земли вообще 7 десятин, дикого поля 17 десятин, сенных у них покосов около тех пашен на 250 копен... Вниз по Иртышу ... у них же звериный промысел»[5].

Исследователь истории Сибири XVIII в. М.М.Громыко пишет, что земледелие имело существенное значение в жизни татар и бухарцев, это сближало характер их поселений с русскими. К началу 80-х гг. XVIII в. в Тюменском уезде ими обрабатывалось 10 500 десятин пашни, то есть на каждого челове-

---

[1] Ядринцев М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение... — С. 53.
[2] Бахрушин С.В. Указ. соч. — С. 160.
[3] Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III Ч. II. — М., 1955. — С. 160.
[4] Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX вв.). — Тюмень; М., 2003. — С. 24.
[5] ГАТОТ. Ф. 355. Оп.1 (599). Д. 58. Л. 4 об.

ка приходилось свыше двух десятин обрабатываемой земли[1]. В первой половине XIX в. годовой посев оседлых «инородцев» Тобольской губернии составлял 17261 четверть хлеба. Жители некоторых юрт южных волостей начали продавать хлеб русским[2]. Ведомость Сибирской губернской канцелярии от 1767 г. содержит ценные сведения о земледелии татар[3] (см. табл. 16.)

Таблица 16

Количество ревизских душ, занятых земледелием в 1767 г., по уездам

Название уезда	Количество ревизских душ, занятых земледелием
Тобольский	8269
Тарский	5173
Тюменский	2286
Верхотурский	682
Туринский	150
Всего	16500 душ

В 1786 г. тюменские татары и бухарцы имели 1686 десятин пашни и 3623,5 десятины сенокосов[4].

Тюменские татары занимались земледелием с давних времен, но там оно не имело такого большого значения, как в Тобольском и Туринском уездах, хотя почвы были намного плодороднее. В XVIII в. посевы томских татар увеличились. По свидетельству академика И.Фалька, земледельцы из эуштинских татар, селившихся вблизи Томска, сеяли ежегодно озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень и овес (каждую культуру по 20–40 пудов) и держали по 10–20 лошадей, 5–8 коров, 10–20 овец[5].

Во второй половине XIX в. земледелие стало основным занятием почти всех групп татар, особенно тюменских, ялуторовских, томских и южной группы тарских татар. Исключение составляли так называемые «заболотные» татары, у которых практически не было пашни. Основным видом промысла у них было рыболовство, второстепенное значение имела охота и подсобное – скотоводство.

В начале XX в. хозяйство почти всех групп сибирских татар по-прежнему оставалось комплексным. В составе даже одной группы существовали различные типы хозяйствования. Важную роль в хозяйстве этого периода игра-

---

[1] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 25. Д. 554. Л. 3, 83–88.

[2] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 212.

[3] РГАДА. Ф. 24. Д. 35, Л. 130.

[4] Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и ее земледельческое освоение. — Новосибирск, 1956. — С. 195.

[5] Фальк И. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание сочинений ученых-путешественников по России. — СПб., 1824. Т. VI. — С. 451.

ли производящие отрасли, добывающие отрасли имели второстепенное значение. Вариации преобладания типа и особенностей хозяйственного комплекса зависели от природно-географических и исторических условий. Наиболее распространенным занятием почти у всех групп татар в начале XX в. было земледелие. Из-за отсутствия подходящих земель им не занимались лишь заболотные татары. Барабинские татары земледелием в начале XX в. занимались в незначительном объеме. Основная часть барабинцев хлеб покупала.

К началу XX в. в результате колонизации в Тюменском уезде земли сибирских татар составляли 1/7 площади уезда, или 219050 десятин, в Тобольском уезде у них было 5% площади уезда, что составляло 564000 десятин. Площадь пашни татарских землевладений Тарского уезда составляла 170781 десятину. В этом уезде из общего количества удобных земель пашня составляла: в Коурдакской волости — 7,1%, Саргатской — 6,3%, Тавско-Утузской — 3,9%, Аялынской волости — 2,9%. В Тарском уезде господствующей формой пашенного землевладения было вольное или подворное. Каждый домохозяин пользовался землей на том месте и в размере, в каком пользовались его отец или дед. Татарские земли в Тобольской губернии были расположены в основном по рекам Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и их притокам: Вагаю, Ашлыку, Агитке и другим, а в Томской губернии — по рекам Томи, Оми, Чулыму[1].

Структура землепользования в Западной Сибири, особенно в регионах проживания сибирских татар, резко отличалась от таковой в Европейской России. В России распахать можно было большую часть земель, а в Западной Сибири — незначительную, здесь много болот, кустарников, заливных земель, непригодных под пашню.

Неудобные земли (болота, кустарники) в Уватской волости составляли 63,5%, Тоболтуринской волости Тобольского уезда — 61% , Надцинской — 28,9%, Вагайской — 26,8%, Истяцкой — 23%, Карагайской — 7% всех земельных угодий[2].

Хотя земледелие у сибирских татар являлось одной из важных отраслей хозяйствования, оно было развито несколько слабее, чем у русских крестьян. Это было связано с недостатком удобных земель, отсутствием агротехнических знаний, примитивностью сельскохозяйственных орудий. В начале XX столетия, по данным статистики, на душу татарского населения Тобольской губернии приходилось всего 0,3–0,4 десятины пахотной земли, в том числе в Вагайской и Уватской волостях по одной десятине, Тоболтуринской — 0,82, Карагайской — 0,73, Надцинской — 0,34 десятины[3].

Величину запашки на одно хозяйство татар Тобольского уезда можно проследить по таблице 17.

---

[1] Андронников И. А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск, 1911. — С. 209.

[2] Андронников И. А. Указ. соч. — С . 212.

[3] Там же. — С . 313.

Таблица 17

Распределение хозяйств татар Тобольского уезда, занимающихся земледелием по количеству запашки в 1908 г. (в %)[1]

Волости	До1 десятины	1–2 десятины	2–5 десятин	5–10 десятин	Более 10 десятин
Вагайская	13,8	36,4	30,9	13,8	5,1
Карагайская	15,6	31,8	36,2	14	2,4
Тоболтуринская	8,6	24,2	50,6	11,6	5
Надцинская	66,1	21,7	12,2	—	—
Уватская	3,8	7,6	48,4	30,8	9,4

Величина запашки на двор в Тюменском уезде в 1908 г. составила по Кашегальской волости 4,6 десятины, Калымской — 3,7 десятины, Нердинской — 2 десятины, Кречетинской — 1,3 десятины, по Авазбековской волости Ялуторовского уезда — 3,6 десятины.

Город Тюмень. XIX в.

Татарское население было расселено на огромной территории средней и южной части Западно-Сибирской равнины, характеризующейся различными почвенно-климатическими условиями. Большая часть территории Тобольского, Тюменского, Ялуторовского, части Томского округа представляла собой лесостепь, местами леса занимали большие территории. Почвы здесь разнообразные: серые лесные, дерново-подзолистые, иловато-болотистые и черноземные. Север Барабы — также лесостепь, но леса здесь были небольшие (небольшими колками), в основном березовые. Вид хозяйственной деятельности татар зависел от природно-климатических и исторических условий. Поэтому в каждом регионе проживания сибирских татар земледелие имело свои особенности. В северных лесостепных округах не было обширных пастбищ, было много болот. В этих округах основным видом деятельности татар было хлебопашество, имеющее глубокие корни.

[1] Андронников И. А. Указ. соч. — С . 344, 347.

Земледелие сибирских татар всегда было сопряжено со многими трудностями. Природно-климатическими особенностями Западная Сибирь относится к районам рискованного земледелия. Посевы здесь могут повредить поздние весенние или ранние осенние заморозки, часто повторяющиеся засухи. Как известно, крупные сибирские реки Ишим, Иртыш, Обь и другие начинаются далеко на юге и протекают по направлению на север. И это обстоятельство приносило большие бедствия земледельцам Сибири. На юге рано начинает таять снег, реки вскрываются, и весенние воды устремляются на север, где еще царит зима и реки покрыты льдом. На реках появляются ледяные заторы, и весенние воды разливаются на поля. Нередко засеянные поля оставались под водой, посевы погибали.

На Барабе развитие земледелия было связано с неблагоприятными географическими условиями. Здесь было множество крупных озер и болот. Земельные наделы барабинских татар располагались на вытянутых гривах, замкнутых озерными и болотными впадинами.

Большие неудобства представляли чрезмерная разбросанность и чересполосность земельных наделов татар. Земли одного татарского селения располагались среди наделов русских крестьян других волостей. Раньше у сибирских татар существовала захватная форма землепользования. Каждая семья, исходя из своих возможностей, обрабатывала нетронутые земли. В результате колонизации татарские юрты остались в окружении русских селений. Земли татар, проживающих в одном селении, представляли собой мелкие вкрапления между наделами русских крестьян всего уезда. Поэтому наделы татар располагались в нескольких местах, иногда четырех или пяти, причем в 5, 10, 20 и даже 30 верстах от селений. Во время их обработки они жили в летних юртах. В XVII–XVIII вв., и в первой половине XIX в. у татар существовали переложная (залежная) и трехпольная системы земледелия. На одном поле хлеб сеяли не более 8 лет подряд, затем его оставляли на 10–15 лет[1].

Своеобразие земельной собственности у скотоводов-татар в XVII–XVIII вв. заключалось в том, что путем купли-продажи пастбища и другие земли не отчуждались. Земли, на которых располагались усадьбы, принадлежали всему обществу селения. Отдельные хозяйства пользовались землей на правах наследственного владения. Каждый отделившийся от родительской семьи сын имел право на постройку дома и получение усадьбы на краю деревни. Выгон принадлежал всем жителям.

Все земли сибирских татар в начале XX в., как и прежде, находились в общинном владении селений. В одной земельной общине было от одного до нескольких селений. Например, юрты Большие Каскаринские, Малые Каскаринские, Березовские, Матушинские составляли одну общину, Чикчинские, Якушинские и Муллашинские также объединялись в одну общину.

Пахотные земли и сенокосные угодья делились по количеству мужских душ, достигших в год ревизии 14 лет. Ревизии проводились редко, через несколько лет. Земли, как и в русских селениях, сначала распределялись по селениям, затем внутри селения по хозяйствам. Пахотная земля формально принадлежала всему обществу юрта и делилась по количеству мужчин с

---

[1] Прутченко С. Сибирские окраины. — СПб., 1899.

учетом ее качества (черноземы, супесчаные, заболоченные земли), отдаленности от селения. Наделы определялись на несколько лет. Необрабатываемая земля систематически передавалась обществу. По закону наделами могли пользоваться только те татары, которые исправно платили подати и исполняли разные повинности. Пашней и покосами владели лишь на основании решения сельского схода. На деле же лучшие и наиболее значительные угодья находились в руках зажиточных семей, сосредоточивших у себя лучшие земли, а также у служилых людей, духовенства. Беднякам доставались худшие и дальние наделы, которые они сдавали в аренду зажиточным татарам, либо отказывались от них, так как обработка этих земель была им не под силу из-за отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, семян и неокупаемости труда из-за низкого качества или отдаленности земельных наделов.

Лесами все пользовались свободно. Многие татарские семьи занимались заготовкой и продажей строевого леса.

Формы землевладения сибирских татар были разнообразными. Охарактеризуем главные:

1. Татары-собственники, имевшие единоличные земельные владения. Отдельные татарские роды имели на правах собственности большие земельные угодья «через давностные владения». Сюда относились земли, купленные татарами еще в XVII–XVIII вв. В руках некоторых татар находились также заложенные, но не выкупленные в срок земли. Закладывая свои земли у зажиточных татар, русские обычно брали деньги и часто не могли уплатить долг. В этом случае их земли оставались в собственности заимодателей.

В собственности отдельных татарских семей оставались земельные угодья, пожалованные царскими указами за особые заслуги. По данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Тюменском, Тобольском и Тарском уездах Тобольской губернии в частном владении небольшой группы татар находилось около 35000 десятин земельных угодий.

2. Большинство сибирских татар относилось к землевладельцам-общинникам. Земли их находились в общинном владении селений. Но сами землевладельцы-общинники не были однородными. Зажиточные татары увеличивали свои наделы разными способами: покупкой, оставлением у себя заложенных разными лицами и не выкупленных ими участков, арендой и т.п. При переразделе земель они стремились получить самые лучшие наделы. Татарские хозяйства, у которых было не более одной лошади, не могли обрабатывать и засевать участки, расположенные за 15 и более верст от селения, и были вынуждены продавать их или сдавать в аренду.

3. Безземельные татары. Они или их предки при разных обстоятельствах потеряли свои права на землю и были вынуждены арендовать землю у своих односельчан или в соседних русских селениях.

В XVIII в. появилось земледелие у бухарцев, будучи пришлыми, они не имели своих земельных угодий и стремились завладеть землей путем купли, аренды и других способов с последующим оформлением документов. В начале XIX в. бухарцы распределялись по отношению к земле на следующие группы:

1. Бухарцы-собственники, владевшие землей на родовых началах. К этой группе относились бухарцы, получившие и закрепившие земельные наделы и угодья в разные периоды. Их земли не входили в состав земель общины.

2. Бухарцы-общинники, имевшие землю на специальных бухарских наделах. К этой группе относились бухарцы, проживавшие в бухарских юртах, и бухарцы, проживавшие довольно большой массой в смешанных татарско-бухарских юртах.

3. Бухарцы-общинники, получающие землю совместно с татарами. К этой группе относились бухарцы, проживавшие в татарских юртах в небольшом количестве, примерно 3–5 семей в одном татарском селении[1].

Не все проходило гладко в земельных отношениях татар и бухарцев. Смежность пашенных земель нередко приводила к конфликтам и длительным тяжбам[2].

25 августа 1906 г. председатель Совета Министров Российской империи П.А.Столыпин в правительственном сообщении опубликовал свою программу реформ, основное содержание которых заключалось в разрешении выхода крестьян из общины и поощрения переселения в Сибирь. Столыпин ставил задачу создать слой зажиточных хозяев. Основным государственным аграрным актом был указ царя от 9 ноября 1906 г. Мнение татар о надвигающемся землеустройстве и тенденция удержать за собой все исконные земли были ясно выражены на съезде мусульман Тобольской губернии, проходившем в 1906 г. в г.Тобольске. Делегаты съезда заявили: «Во имя неприкосновенности земли мусульман, находившиеся в их владении и распоряжении испокон веков, должны быть свободны от всяких на них посягательств»[3].

В 1911 г. Дума приняла закон о землеустройстве. Оно проводилось с выдачей владельцу удостоверительных актов о границах его участков, что означало передачу земли в частную собственность.

Законы 1896–1898 гг. о землеустройстве были мало приспособлены к устройству земель русского населения, и менее всего применимы для защиты земельных прав коренных народов Сибири. Они ущемляли и права татар на их исконные земли. У татар было много неудобных земель, норма 15 десятин была недостаточна для ведения скотоводства. Крестьяне-собственники платили в 3 раза меньше, чем государственные крестьяне[4].

Реформы способствовали росту переселения крестьян в Сибирь. С начала 1860-х гг. до 1917 г. в Сибирь переехали 3 млн 700 тыс. крестьян, из них 700 тыс. остались неустроенными.

Форсирование переселенческого движения (оно активизировалось после революции 1905–1907 гг.) вызвало необходимость ускоренного образования колонизационного земельного фонда. Землеустройство сопровождалось изъятием земель свыше 15 десятин на мужскую душу, что вызвало сопротивление не только татар, но и русских крестьян, вследствие этого и до 1917 г. землеустроительные документы были составлены лишь для небольшого числа хозяйств.

Сибирские татары пахали в основном сабаном, представляющим собой деревянный плуг на колесах с железными режущими частями. Сабан имел

---

[1] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. в 2-х частях. Ч. 2. — Омск, 1875. — С. 21.
[2] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 29. Д. 554. Л. 1–3.
[3] Андронников И.А. Указ. соч. — С. IV.
[4] РГИА. Ф. 1290. оп. 1. Д. 2430. Л. 52, 53, 55, 55 об., 60–61, 62 об., 63; ПСЗ-III. Т. XVIII. — СПб., 1887. — № 16363.

плоский металлический лемех и широкий отвал — деревянную доску, укрепленную под углом к лемеху. Сабан сибирских татар, как и казанских, был более совершенным земледельческим орудием по сравнению с сохой русских любого вида.

Татары еще до прихода русских пользовались деревянной бороной с деревянными зубьями или плетенной из прутьев косой-горбушей, серпом, вилами, граблями с деревянными зубьями. Сеяли вразброс из лукошка по вспаханному полю с последующим боронованием. Мололи цепами на земляных токах. В начале XIX в. стали пользоваться деревянной бороной с железными зубьями. Появились косы-литовки.

Хлеб убирали вручную — серпом, вязали в снопы, ставили для просушки в бабки по 12 снопов. Хлеб мололи в сухую погоду на открытом току. Многие татарские семьи стали строить крытые сараи (риги) для молотьбы хлеба в сырую погоду. Сырые снопы сушили в овинах.

Во время полевых работ все работали в поле, кроме стариков и детей. Зерно на муку многие мололи на мельницах в русских селениях, в татарских юртах мельниц было мало. Для обработки небольшого количества зерна, особенно для приготовления крупы, пользовались ручными мельницами и ступой[1].

Если раньше сибирские татары выращивали в основном полбу, овес, просо и ячмень, то в XVIII в. они под влиянием русских крестьян и пришлых поволжских татар стали сеять более урожайные и ценные хлебные культуры — рожь и пшеницу. Внедрение озимой ржи позволило им освоить более передовую трехпольную систему земледелия. Но трехпольную систему в XVIII в. освоило незначительное количество татарских хозяйств. У сибирских татар распространенной культурой была полба. Полбу в России сеяли мало, ее возделывали в основном казанские татары. У сибирских и казанских татар полба была крупяной культурой.

В XVI–XVII вв. в Туринском, Верхотурском, Тобольском, Тюменском, Томском уездах зерновые культуры главенствовали в пищевом рационе татар. Зерновые меньше употребляли чулымские татары. В первой половине XIX в. и в этих регионах хлеб стал основным продуктом питания.

Усилилось внимание к смене культур на полях, тому, «что после чего хорошо родится». Татарские земледельцы начали осваивать трехпольную и четырехпольную систему земледелия.

Несколько улучшилась структура возделываемых культур. Повсеместно татары стали сеять пшеницу, ее площади постепенно увеличивались. В северных округах предпочтение отдавалось ржи и овсу. Выращивали гречиху, горох, на юге — просо. В отдельных регионах стали выращивать технические культуры — лен и коноплю; огородные культуры — картофель и овощи, однако продукцию со своих огородов они не выносили на рынок.

Улучшилась система земледелия. В южных уездах у земледельцев-татар, как и у русских, получила распространение паровая система. В Прииртышье и Притоболье господствовало трехполье с применением навоза.

Структуру посевов зерновых в 1899–1917 гг. можно проследить на примере Кашегальской волости Тюменского уезда Тобольской губернии.

---

[1] 50 лет Тюменской области: Очерки истории Тюменской области. — Тюмень, 1994. — С. 106.

Таким образом, земледелие во многих волостях Томской и Тобольской губерний в начале XX в. стало определяющей производительной отраслью хозяйства сибирских татар. Этому способствовали дальнейшее проникновение товарно-денежных отношений в татарскую деревню Западной Сибири, улучшение структуры посевов, повышение агротехники возделывания сельскохозяйственных культур (табл. 18).

Таблица 18

Структура посевов в Кашегальской волости Тобольского уезда в 1899–1917 гг., в десятинах[1]

Культуры	1899 г.	1911 г.	1914 г.	1917 г.
Рожь озимая	632	492	809	844
Пшеница яровая	—	465	630	544
Овес	521	473	674	690
Рожь яровая	285	175	60	175
Полба	58	—	—	—
Ячмень	—	25	—	104
Всего	1496	1630	2173	2357

Покосные угодья сибирских татар были трех видов: заливные, болотные и дубравные. Площадь сенокосных угодий также была неодинаковой. Обширные луговые и дубравные сенокосы имели татарские селения, расположенные в болотной зоне и на поймах рек. Во многих юртах этих зон на душу населения заготовляли до 100–120 пятипудовых копен сена (Карагайская, Истяцкая, Вагайская и др.). Отдельные деревни — Каишкульские, Нердинские, Иштамакские, Суклемские, Чебургинские, Надцинские, Тахтагульские и другие, – имели по 300–350 и более копен сена на душу населения. Некоторые участки сенокосных угодий татары отдавали в аренду бухарцам и русским крестьянам. Так, татары Надцинской волости (84,5% всех хозяйств) ежегодно отдавали в аренду около 200 десятин своих сенокосов. Почти каждое второе хозяйство Тоболтуринской волости также отдавало в аренду около 3000 десятин покосов.

Косить сено самим хозяйствам и продавать его на рынке было намного выгоднее. Например, с десятины сенокосов можно было накосить 40 копен сена, получить от продажи около 8 рублей выручки. За аренду сенокосов татары могли получить только по 75 копеек за десятину[2].

---

[1] Составлена по материалам: ГАТО. Ф. И 80.Оп. 1. Д. 25. Л. 12. Д. 57.Л. 37. Д. 60. Л. 16. Д. 78. Л. 25.

[2] Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Вып. XIII. — Тобольск, 1912. — С. 162.

Крестьяне татарских деревень, расположенных на зимних торговых трактах (Чебурга, Бегитино, Эскалбинские и др.), заготовляли сено для продажи ямщикам и проезжим крестьянам. Через Чебургу, Бегитино проходил зимний торговый путь на Петропавловск, а через Эскалбинские и другие юрты — из Кондинска на Ирбит[1].

Большую площадь в Западной Сибири занимали болота. Главная часть болот проходила полосой в центре Тюменского и Тобольского уездов Тобольской губернии. Протяженность этой полосы — 250 верст. Болота перемежались лесами, островками тверди. Ширина болот составляла 25–30 верст. Многие татарские селения, расположенные в зоне болот, не могли заниматься земледелием.

Западная Сибирь относится к регионам рискованного земледелия, и климатические условия здесь не каждый год благоприятны для земледелия. По некоторым сообщениям, урожайность хлебных полей татар в конце XVIII в. даже в хорошие годы составляла «сам два»[2]. Тарская воеводская канцелярия определила, что самый низкий урожай пшеницы был получен в 30-е годы XVIII в., меньше посеянных семян. Туринская воеводская канцелярия в 1703 г. сообщает, что «в худые годы» ржи, в частности, собирают половину посева семян[3].

Развитие земледелия сибирских татар тесно связано с земледельческой деятельностью русских крестьян и пришлых поволжско-приуральских татар. Земледелие местных татар развивалось, с учетом опыта русских крестьян и татар Поволжья и Приуралья. Влияние было обоюдным. «Влияние совместного хозяйствования ощущали не только сибирские татары, но русский земледелец, — как пишет В.И.Шунков, — заимствовал у первых его достижения, его знание местных условий, его умение приспособиться к ним». «В частности, русский земледелец обогатил сортовой состав знакомых ему хлебных злаков местными видами и получил сортовой состав более устойчивый, более приспособленный к местным условиям. В этом взаимном обмене трудовым опытом выразилось одно из благотворных последствий совместной жизни русского народа и других народов Сибири»[4].

В Сибири русские крестьяне переняли от татар более совершенное по сравнению с русской сохой орудие обработки земли — татарский сабан, а позднее местные татары в свою очередь заимствовали от русских еще более совершенные орудия — плуг-пермянку, бороны с железными зубьями, а богатые татарские хозяйства использовали молотилки. У основной массы татарских земледельцев сельскохозяйственных машин не было. Сев производился вручную, вразброс, убирали хлеб серпом и косой, молотили цепами или топтали колосья лошадьми, зерно веяли деревянными лопатами на ветру.

На заре русского земледелия Сибири русские крестьяне использовали татарский опыт переложного земледелия, а в XIX в. сибирские татары переня-

---

[1] Гарифуллин И. Б. Указ. соч. — С. 12.

[2] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 149. Д. 20. Л. 14–45. Сам — количество зерна, использованного для посева одной десятины. Для определения фактической урожайности норму высева необходимо умножить на последующие цифры.

[3] РГАДА. Ф. 199. Порт. 481. Ч. III. Л. 60 об.

[4] Шунков В.И. Указ. соч. — С. 425.

ли от русских крестьян трехпольную систему земледелия со сменой и чередованием культур. Русские и пришлые европейские татарские земледельцы положительно повлияли на агротехнику полей, подбор зерновых культур. У местных татар появились, хотя и в придомных участках, картофель и овощи.

Урожайность татарского земледелия значительно колебалась, но постепенно повышалась. В благоприятные в климатическом отношении годы она составляла по озимой ржи сам 6,5, яровых культур — сам 4,5. В Тобольской губернии с 1825 по 1843 гг. урожай составлял сам 4 2/3, Томской губернии озимых — 5 2/3, яровых — сам 4. Северные округа — Тобольский и Туринский часто не могли обеспечить себя хлебом. В Томской губернии урожайность была выше[1].

В пореформенный период и в сибирской татарской деревне происходил процесс социального расслоения. Хотя он был менее выражен, чем в русской деревне, постепенно земельные угодья концентрировались в руках зажиточных татар. Они различными способами приобретали землю, сенокосы обедневших соседей и закрепляли их за собой.

В Сибири до 1917 г. не было существовавших в Европейской России земских учреждений. В земских учреждениях были специальные отделы, которые проводили переписи и издавали статистические сборники. В Сибири такие сборники не издавались, так как подворные сельскохозяйственные опросы здесь не проводились. Поэтому определить урожайность татарского земледелия сложно, однако можно определить ее косвенно, в сравнении с урожайностью полей русских крестьян. Исследователи сельского хозяйства Сибири отмечают, что урожайность полей сибирских татар и русских крестьян была почти одинаковой или у татар немного ниже, но не выше.

Средняя урожайность хлебов в Западной Сибири в 1873 г. была сам 4,2, в том числе озимой пшеницы — сам 3,85, ржи — сам 4,2, яровой пшеницы — сам 4,5, овса — сам 4,22, ячменя — сам 3,77 (см. табл. 19.)

Таблица 19

Средняя урожайность зерна в двух Западно-сибирских губерниях в 1873 г., (сам)[2]

Культура	Тобольская губ.	Томская губ.
Озимая пшеница	3	3,85
Яровая пшеница	6,63	2,67
Озимая рожь	4,7	2,92
Гречиха	4,7	1,02
Средняя урожайность зерна	4,76	5,48
Картофель	7,5	5,48

[1] История Сибири. Т. 2. — Л., 1968., — С. 367.
[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... — С. 128.

По-видимому, 1873 г. был неблагоприятным в климатическом отношении, отдельные источники дают сведения о более высокой урожайности – по 40–60 пудов с десятины в среднем по Западной Сибири и по 60–80 пудов по Тобольскому округу[1].

На новоосвоенных землях урожай достигал до сам 25–30 с десятины[2].

В годы стихийных бедствий урожай не покрывал даже израсходованные на посев семена. Для продовольственного снабжения кочевников, а также на случай неурожая, в Западной Сибири были устроены 1213 сельских хлебозасыпных магазина, в которых в 1874 г. хранилось 1017643 четверти зерна и 133155 пудов муки[3].

Урожайность татарского земледелия Сибири к концу XIX в. достигла почти тех показателей, что и в хлебопашестве русских. Во второй половине XIX в. земледелие было главным источником существования сибирской татарской семьи. Им не занимались лишь заболотные татары и часть северных барабинцев.

Большой урон земледельцам Западной Сибири наносили часто повторяющиеся в начале XX в. засухи. Сильные засухи произошли в 1902 и 1903 гг., неурожайными были 1909 и 1910 годы, катастрофической была засуха 1911 г., когда от сильной жары горели леса, сенокосы и выгоны.

Несмотря на это, урожайность полей сибирских татар Томской и Тобольской губерний в начале XX в. значительно повысилась. Если в конце XIX в. татарские земледельцы получали в среднем по 50–60 пудов с десятины посевов зерновых, то в первом десятилетии урожай повысился до 60–70 пудов, что можно проследить на примере урожайности зерновых культур в татарских хозяйствах Тобольского уезда в 1908 г. (см. табл. 20).

Таблица 20

Урожайность зерновых культур в татарских хозяйствах Тобольского уезда в 1908 г., в пудах с десятины посева[4]

Волости	Рожь	Овес	Пшеница
Вагайская	70	60	70
Надцинская	60	60	70
Тоболтуринская	60	70	70
Уватская	50	65	70
Карагайская	70	70	80–90

[1] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. — Омск, 1875. — С.39, 40.
[2] Достоевский Ф. Собр. соч. Т. 3. — С. 39.
[3] Шиле. Татарское племя... — С. 61.
[4] Сост. по материалам: Андронников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. ... — С. 347.

В связи с повышением урожайности росла товарность земледелия. Татарские земледельцы, владевшие значительными посевными площадями, стали больше вывозить зерна на рынки. Продавали зерно не только зажиточные хозяйства, но и часть середняков. Бедняцкие хозяйства были вынуждены покупать зерно.

В 1910 и 1911 гг. Западную Сибирь постигла жесточайшая засуха. В связи с жаркой погодой резко увеличилось количество угрожавших урожаю сельскохозяйственных вредителей. Всем уездным исправникам Тобольской губернии губернатором было предписано вменить в обязанность волостных правлений: «при первом появлении... кобылки, червя и других вредителей хлебных посевов и трав сообщить нарочным или по телефону правительственному агроному с указанием места появления того или иного вредителя для принятия своевременных мер по борьбе с ними». Животноводству губернии угрожала чума[1]. В русских и татарских хозяйствах Западной Сибири в связи с отсутствием кормов для скота создалась угрожающая ситуация. Губернатором были разосланы наставления крестьянам, чем кормить скот при отсутствии сена и соломы. Была поставлена задача: сохранить по 2–3 головы скота в каждом хозяйстве[2].

Засуха повторилась и в 1912 г. Участились пожары, горели леса, собранное сено, деревни. Из лесов в безопасные места бежал соболь. Охота на соболя, его сбыт и покупка были запрещены с 1912 по 1916 г. Русские крестьяне земледельческих районов Западной Сибири из-за голода по случаю неурожая стали покидать свои деревни. Летом и осенью крестьяне группами прибывали на железнодорожные станции с намерением переправиться за границу на заработки. Без паспортов и всяких документов они приезжали в г.Ковно с целью дальнейшей эмиграции в Аргентину. 11 сентября 1912 г. тобольский губернатор сообщил уездным исправникам: «Воспрещается доступ людей в Аргентину»[3]. Фактов миграции сибирских татар в Аргентину в архивах не обнаружено.

В 1914 г. производство сельскохозяйственных продуктов в хозяйствах сибирских татар было восстановлено[4]. Серьезные изменения они претерпели в годы Первой мировой войны. На войну было мобилизовано 12% русских крестьян, сибирских татар в армию не брали. Русские крестьянские и татарские хозяйства в первые годы войны получили новые стимулы роста производства: вырос рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов за счет поставок в армию и увеличения вывоза их в европейские губернии страны, значительно поднялись цены на продукты. В первые годы войны поголовье скота и посевы увеличились. Но такое положение продолжалось недолго.

Обзор состояния земледелия сибирских татар в XVII — начале XX вв. позволяет сделать вывод, что в этот период хлебопашество у них получило значительное развитие, заметно улучшилась агротехника, усовершенствовались земледельческие орудия и система земледелия. В начале XX в. в структуре земледелия основное место занимали более ценные злаки: рожь озимая, пшеница яровая и овес. Меньшие площади занимали яровая рожь, полба,

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д.57. Л. 11, 46, 56, 56 об.
[2] Там же Л. 710
[3] Там же. Д. 60. Л. 34, 34 об., 57, 67, 79.
[4] Аржиловский В. Земля казанская сегодня и вчера. Очерки по истории Казанского района Тюменской области. — Тюмень, 1997. — С. 9.

гречиха, просо. Засевались также технические культуры: лен и конопля. Почти повсеместно выращивался картофель. Овощеводством занимались лишь отдельные хозяйства.

Структуру посевов зерновых в 1899–1917 гг. можно проследить на примере Кашегальской волости Тюменского уезда Тобольской губернии (см. табл. 21).

Таблица 21

Структура посевов в Кашегальской волости Тобольского уезда в 1899–1917гг., в десятинах[1]

Культура	1899 г.	1911 г.	1914 г.	1917 г.
Рожь озимая	632	492	809	844
Пшеница яровая	—	465	630	544
Овес	521	473	674	690
Рожь яровая	285	175	60	175
Полба	58	—	—	—
Ячмень	—	25	—	104
Всего	1496	1630	2173	2357

Таким образом, земледелие в начале XX в. во многих волостях Томской и Тобольской губерний стало определяющей производительной отраслью хозяйства сибирских татар. Этому способствовали рост проникновения товарно-денежных отношений в татарскую деревню Западной Сибири, улучшение структуры посевов, повышение агротехники возделывания сельскохозяйственных культур.

К началу XX в. хлебопашество почти во всех регионах проживания сибирских татар начало давать товарную продукцию, хотя товарность в целом была невысокой. Усилилось социальное расслоение деревни, увеличилось количество безземельных сельских жителей. Отдельные хозяйства давали значительное количество товарной продукции, у некоторой же части татарского населения не хватало своего хлеба.

Несмотря на феодальные пережитки, в сельском хозяйстве Томской и Тобольской губерний шел процесс развития капитализма. Быстрее вовлекались в капиталистические отношения пригородные и расположенные на крупных трактах селения, медленнее — северные, отдаленные от торговых путей регионы[2].

---

[1] Сост. по материалам: ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 25. Л. 12. Д. 57. Л. 37. Д. 60. Л. 16. Д. 78. Л. 25.

[2] Гарифуллин И.Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. — Тюмень, 1966. — С. 7.

§ 2. Скотоводство

Скотоводство — древнейшее занятие и источник жизни тюрков был одним из главных отраслей хозяйства сибирских татар.

Скотоводство зависело от региона проживания татар. Основными условиями развития скотоводства были местный хозяйственный уклад, наличие пастбищ и сенокосных угодий. В западных и северо-западных старых земледельческих районах — в Притоболье, на землях по нижним течениям Туры и Тавды было меньше пастбищ и сенокосных угодий. Главным занятием татар было земледелие. К тому же здесь осело значительное количество русского населения, большая часть земель была распахана, пастбища и сенокосы татар были отобраны русскими. По этой причине в данных районах скотоводство у татар не играло главной роли, хотя татарское население обеспечивало себя продуктами животноводства за счет собственного производства.

Н.Ф.Емельянов пишет, что у томских татар в XVII в. скотоводство было очень развито и являлось главным их занятием. Главными поставщиками скота и продуктов животноводства на томский рынок были татары. Томский уезд в первой половине XVII в. был основным поставщиком скота, прежде всего лошадей для Нарыма, Кетска, Енисейска, что ускорило развитие там земледелия и скотоводства[1]. По мере развития земледелия в XVII в. скотоводство у тоболо-иртышских татар стало уступать место хлебопашеству. Например, по дозорной книге 1701 г., на татарское хозяйство в среднем приходилось по 1 лошади и 1 корове[2]. Однако на Барабе, у чулымских и ишимских татар, скотоводство по-прежнему имело главное значение. В XVIII в. в татарских хозяйствах почти во всех районах их проживания увеличилось количество скота, улучшились условия зимнего содержания животных.

В конце XIX — начале XX вв. богатые хозяйства барабинских татар имели сотни голов лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, но таких хозяйств было немного. Большинство татар владели незначительным количеством скота, а бедняцкие хозяйства совсем его не имели.

В каждом барабинском селении были огороженные пастбища. После уборки полей ограды снимали. Сено заготавливали в количестве, достаточном для прокорма скота в зимнее время, тем не менее часть хозяйств еще не отказалась от изживших себя методов скотоводства, приводивших к истощению животных: они держали скот на подножном корму, обеспечивая его сеном и овсом лишь в период снежных заносов. У многих татар Барабы не было хозяйственных построек для содержания скота. Это также снижало продуктивность скота и приводило к убыткам. Из домашней птицы барабинцы держали только кур[3].

Скотоводство было главным занятием и чулымских татар.

Противоречивые данные приводят дошедшие до нас документы местной администрации о скотоводстве тарских татар. Так, по этим сведениям, у тарских татар, вернувшихся в 1661 г. после войны за независимость под руко-

---

[1] Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). — С. 57.

[2] РГАДА. Ф. 214. Кн.1182. Л. 348–422.

[3] Томилов Н.А. Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Указ. соч. — С. 182–183.

водством Девлетгирея, было 1000 лошадей и 600 голов крупного рогатого скота. У одного из них, Копланды Тосмаметова, воевода князь М.Жаховский отнял 46 лошадей[1]. Однако сведения дозорной книги 1701 г. Тарского уезда рисуют иную картину. Количество скота ничтожное — у многих ясачных татар его совсем не было, или было по 1 лошади и 1 корове, или только 1 лошадь. Из 182 ясачных татар 145 не имели скота, 28 по 1 лошади и по 1 корове, 4 — по 1 лошади. Только в пяти хозяйствах тарских татар насчитывалось больше скота[2].

Продукты скотоводства сибирские татары потребляли сами, в районах с богатыми кормовыми угодьями продавали их скупщикам, в основном бухарцам. Бухарцы вывозили из Сибири большое количество мяса, сала, шкур, кожи, шерсти, волос. Обозы некоторых торговцев-бухарцев составляли до 500 подвод. Татары многих регионов продавали молоко или сдавали его скупщикам маслодельных заводов, где на экспорт готовилось знаменитое сибирское масло[3].

Путешественники и отдельные исследователи истории Сибири отмечают, что сибирские татары занимались пчеловодством, однако источники не сохранили конкретных сведений ни о количестве пчелиных семей, ни о количестве собранного меда. В своих путевых записках И.Георги пишет, что некоторые чатские татары занимались пчеловодством[4]. Сибирские летописи сообщают, что казаки Ермака обнаружили на усадьбе карачи много меда, исходя из чего, можно заключить, что пчеловодство было известно сибирским татарам.

Скотоводство сибирских татар несколько стабилизировалось в начале XIX в. Татарская семья в основном имела не менее двух лошадей, двух коров, несколько голов овец. Кур разводили повсюду, водоплавающую птицу — в основном в степных районах. Татары, проживающие по берегам озер и болот, охотились на водоплавающих птиц.

Начиная с XVII в. усилилась социальная дифференциация скотоводов, начавшаяся в период татарских ханств. Богатые скотоводы ужесточили эксплуатацию своих соплеменников. Своеобразной формой феодальной эксплуатации татар-скотоводов являлась отдача скота на выпас бедноте. Зажиточные скотоводы были не в состоянии собственными силами обеспечить выпас больших стад, а чисто наемный труд применялся еще редко. Бедные семьи вынуждены были пасти скот богатых за мизерную плату.

Сокращение охоты и рыболовства потребовало, наряду с расширением земледелия, развития скотоводства. Во-первых, необходимо было восполнить пищевой рацион продуктами животноводства: мясом, салом, маслом и другими молочными продуктами. Во-вторых, сокращение продажи пушнины и рыбы заставило татарское население выращивать скот не только для собственного потребления, но и для продажи. В связи с проникновением товарно-денежных отношений в татарскую деревню возросла потребность семьи в деньгах, на рынке увеличился спрос на живой скот и продукты животноводства.

---

[1] РГАДА. Ф.214. Стлб. 663. Л. 62, 75; Стлб. 609. Л. 22, 57.
[2] Там же. Стлб. 1182. Л. 365, 391.
[3] Народы Сибири. — М.; Л. 1956. С. 478.
[4] Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. Ч. 2. — С. 28.

Постепенный переход татар-кочевников Причулымья и Барабы к оседлой жизни также повысил расходы семьи на содержание дома, одежду и др.

В пореформенный период приобрели товарный характер крестьянские промыслы по обработке растительного и животноводческого сырья. В 1870–80-е гг. в Западной Сибири стало интенсивно развиваться товарное маслоделие, занявшее особое место в экспорте России. В 1886 г. был основан завод по изготовлению ставшего знаменитым «сибирского масла», спрос на которое постепенно повышался. К началу XX в. почти три сотни оснащенных необходимым оборудованием маслодельных заводов производили продукцию на сумму более 1,4 млн рублей.

Для производства масла требовалось большое количество высокосортного молока. В местах проживания татарского населения маслозаводов и скупщиков было достаточно много. Отдельные хозяйства продавали молоко и масло скупщикам, хотя заводы долго задерживали оплату за купленную продукцию[1].

В конце XIX в. сибирские татары по-прежнему разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и немного коз. Количество скота в Тобольской губернии в конце XIX в. показывают данные табл. 22.

Таблица 22

Количество скота татарского населения Тобольской губернии в 1879 г.[2]

Округа	Количество скота	1 голова скота приходится на сколько душ
Тобольский		
Лошадей	272	2,3
Крупного рогатого скота	3055	2
Овец	1707	3,6
Тюменский		
Лошадей	212	3,8
Крупного рогатого скота	221	3,5
Овец	691	7,5
Ялуторовский		
Лошадей	902	2,3
Крупного рогатого скота	750	3
Овец	1251	3,9
Тарский		
Лошадей	1769	1,7
Крупного рогатого скота	1369	2
Овец	765	3,9

[1] Адрес-календарь Западной Сибири ... — С. 39.

[2] Сост. по данным: 50 лет Тюменской области. Очерки по истории Тюменской области. — Тюмень, 1994. — С. 106.

Эти статистические данные относятся к периоду после массовой гибели скота от эпизоотии 1873 г., когда в общей сложности погибло 46917 голов скота от чумы, повального воспаления легких, ящура, 8370 голов лошадей – от сибирской язвы[1].

Из домашней птицы держали кур, гусей, уток. Водоплавающую птицу в озерных районах не разводили, так как озера изобиловали дикими гусями, утками и др. Лебедей татары считали священной птицей, и они не были предметом промысла.

Начиная с 1880-х годов во всех округах Тобольской и Томской губерний возросло поголовье скота у татарского населения, прежде всего у барабинских татар, имевших богатые пастбища. Зажиточные татары имели здесь сотни голов лошадей, крупного рогатого скота и овец.

В связи с ростом потребностей рынка в продукции животноводства возросло поголовье и несколько улучшилась технология содержания скота. Под влиянием поволжско-приуральских татар домашних животных стали содержать в приспособленных к суровым морозам помещениях: тоболо-иртышские татары строили бревенчатые крытые помещения, барабинские – плетневые, смазанные глиной и покрытые соломой. Молодняк содержался в теплых хлевах. На Барабе строили землянки и полуземлянки для молодняка. Непродуктивный скот содержался в аранах, крытых соломой[2].

Для кормления скота использовали в основном грубые корма: солому и сено. Сено заготовляли в достаточном количестве. Зерновые корма, главным образом овес, давали рабочим лошадям, молодых держали на сене. Летом и осенью скот пасли. На Барабе, где снега выпадало меньше, старались дольше держать скот на подножном корме. В большинстве хозяйств татар Тобольской и Томской губерний скотоводство стало товарным, хотя товарность его, кроме Барабы, особенно в северных округах, была невысокой. Скотоводство на Барабе в большинстве ее хозяйств имело первостепенное значение, но и здесь у некоторых земледельцев доходы земледелия превышали доходы от занятия скотоводством.

Скотоводство сибирских татар в начале XX в. уже не имело самостоятельного значения, хотя и играло важную роль в их хозяйственной жизни. Как и другие отрасли, оно было развито в разных регионах проживания сибирских татар не в одинаковой степени и зависело в основном от наличия сенокосных и пастбищных угодий.

Показателем экономического состояния сельского производителя, уровня зажиточности семьи во все времена было количество лошадей в хозяйстве. В условиях Западной Сибири лошадь была единственной тягловой силой, средством верховой езды. Кроме того, коневодство для татарской семьи было надежным источником мяса и сала. Многие татары занимались извозом, часто на дальние расстояния, в этом случае лошадь была дополнительным средством дохода семьи. Поэтому крестьянское хозяйство без лошади было обречено на нищенское существование. Без лошади заниматься земледелием и скотоводством было просто невозможно. Даже наличие одной лошади в хозяйстве свидетельствовало о его бедности. Изучая быт русских крестьян и татар За-

---

[1] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. ... — С. 28.
[2] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г... — С. 38.

падной Сибири, С.К.Патканов писал в 1891 г. «У татар 1/5 дворов не имеет коней, отсюда и бедность»[1].

По данным С.К.Патканова, по количеству лошадей в конце XIX в. татарские хозяйства отставали от русских, остяков и вогулов. На двор лошадей приходилось у русских 3,7 головы, у остяков — 3,13 головы, у вогулов — 2,4 головы, а у татар — всего 1,92 головы. У татар только 7,1% хозяйств имели 4–6 лошадей, тогда как у русских такие хозяйства составляли 19,8%. Исследователи отмечают, что о лошадях сибирские татары заботятся больше, чем о другой скотине. У каждого татарина была любимая лошадь, которую он использовал в основном для верховой езды. Лошадь для сибирских татар была не просто рабочим скотом, а кормилицей семьи. Многие татары, особенно зимой, работали извозчиками, перевозили различные грузы между сибирскими городами от одной ярмарки на другую, ездили на большие расстояния — от Тюмени до южных границ Туркестана, по пути меняя сани на телеги[2].

Отставали татары в тот период и по количеству крупного рогатого скота. У русских на одно хозяйство приходилось 4,24 головы крупного рогатого скота, у остяков — 3,15, у вогулов — 2,04, у татар — 2,39 головы[3].

В Западной Сибири продолжительность зимнего стойлового содержания скота составляла 5–7 месяцев, поэтому потребность в кормах для зимнего содержания была большая. Так, например, на зиму необходимо было заготовить следующее количество кормов: для рабочих лошадей — сена 25–30 копен (по 5 пудов), овса — 30–35 пудов, муки по 5–7 пудов, соломы — 2–3 овина; для молодых лошадей – сена — 15 копен, соломы — 4–5 овина, для крупного рогатого скота — сена — 20–25 копен, соломы — 2 овина, муки — 4–5 пудов. Молодняку крупного рогатого скота — сена — 5 копен, соломы — 1/4 овина[4]. Скотоводство сибирских татар, значительно отстававшее в своем развитии во второй половине XIX в., уже в первое десятилетие XX в. получило ощутимое развитие. Этому способствовали увеличение спроса на продукты животноводства на рынке в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и проникновением капиталистических отношений в регион проживания сибирских татар. Немалую роль сыграло улучшение технологии скотоводства, особенно условий зимнего содержания скота. Значительно увеличился поток в среду сибирских татар поволжских и приуральских татар, технология скотоводства у которых была более развитой. Местное татарское население под влиянием пришлых татар начало строить более совершенные крытые и утепленные помещения для зимнего содержания скота.

В этот период несколько усилилось внимание местных органов власти к проблеме распространения инфекционных заболеваний, ставших бичом сибирского скотоводства, проведения противоэпизоотических мероприятий, что способствовало некоторому сокращению эпидемий скота[5].

---

[1] Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 2. — СПб., 1891. — С. 159.

[2] Шиле. Указ. соч. — С. 161.

[3] Патканов С.К. Указ. соч. — С. 159.

[4] ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

[5] Там же. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 37. Л. 78.

В первое десятилетие XX в. количество безлошадных хозяйств у татар сократилось более чем в 2 раза, увеличилось также количество крупного и мелкого рогатого скота. В 1908 г. больше половины татарских хозяйств держали по 2–5 лошадей. В Тюменском уезде на одно хозяйство приходилось уже 3,1 лошади, Тобольском уезде — 3,2. Больше всего лошадей держали в Авазбакиевской, Истяцкой, Кречетинской волостях, здесь их использовали в лесном промысле и на извозе. Количество лошадей в Кашегальской волости Тюменского уезда с 1901 по 1914 г. увеличилось на 81%[1].

В 1908 г. в Тобольском уезде наибольшее количество крупного рогатого скота выращивали в богатой кормовыми угодьями Надцинской волости, где 87% хозяйств имели коров и овец. В Карагайской волости крупный рогатый и мелкий скот держали 82,8% хозяйств, Тоболтуринской – 80, 6% , Истяцкой — 80,3% , Вагайской — 77,1%,Уватской — 75,8% хозяйств. В Карагайской волости на одно хозяйство приходилось 4,9 головы крупного рогатого скота, Надцинской — 3,2, Истяцкой — 3,5, Уватской — 2,5, Тоболтуринской и Вагайской — 2,4. В среднем по уезду на одно хозяйство у татар крупного рогатого скота приходилось 3,4 головы[2].

В начале XX в. татарские хозяйства, несмотря на определенные положительные сдвиги, по количеству лошадей и крупного рогатого скота отставали от русских. В Тобольском уезде у русских на одно хозяйство приходилось по 3,2 лошади, а в татарских волостях — от 1,8 до 3,1. В Тюменском уезде на одно хозяйство татар приходилось в среднем 2,5 головы крупного рогатого скота, а по Тюменской губернии в целом у русских, хантов и манси — 4,1 головы, а мелкого скота соответственно 2,7 и 4,5 (табл. 23, 24.)

Таблица 23

Распределение хозяйств татарского населения Тюменского и Ялуторовского уездов Тобольской губернии в 1908 г. по количеству лошадей на хозяйство, в %[3]

Волости	Безлошадных	С 1 лошадью	С 2–5 лошадьми	С 6 и более лошадьми	В среднем на двор
Кашегальская	12,4	28,4	48,8	10,4	2,5
Бухарская	10,4	34,4	18,5	6,7	2,2
Кречетинская	10,8	21	58,8	9,4	2,8
Нердинская	16,4	20,7	48,6	14,3	2,4
Калымская	19,2	24,3	45,4	11,1	2,5
Авазбакиевская	11,1	24,2	56,1	8,6	2,7

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп 1. Д. 27. Л. 26; Д. 70 Л. 16.
[2] Андронников И.А. Указ. соч. — С. 12.
[3] Андронников И. А. — Указ соч. — С. 325, 327.

Таблица 24

Распределение хозяйств татарского населения Тюменского и Ялуторовского уездов Тобольской губернии в 1908 г. по количеству коров на хозяйство, в %[1]

Волости	Безкоровных	С 1–2 коровами	С 4 и более коровами	Крупного рогатого скота на двор
Кашегальская	24,6	41	33,4	2,7
Бухарская	17,7	59,2	23,1	2,3
Кречетинская	17,4	41,1	41,5	2,4
Нердинская	23,9	31,4	44,7	2,5
Калымская	29,9	23,8	46,3	2,6
Авазбакиевская	24,9	67	8,1	1,5

Скотоводство татар, проживающих в Тобольской и Томской губерниях, как и у русских, имело молочное направление, что открывало возможность для развития маслодельного производства. Уже в 1901 г. в Тобольской губернии было 490, в 1912 г. — 1222 маслодельных предприятия. В 1913 г. в Западной Сибири функционировало уже 4092 маслозавода, в том числе 1917 кооперативных. Больше всего маслозаводов было в Тарском, Ялуторовском, Ишимском уездах. В 1913 г. в Тобольская губерния произвела около 1 млн пудов сливочного масла на сумму 10 млн рублей[2].

Татарские хозяйства, расположенные близ городов и на крупных трактах, также были втянуты в производство сливочного масла. Крупные крестьянские хозяйства южных районов Томской и Тобольской губерний создавали маслодельные кооперативы, которые вытесняли мелкие хозяйства, диктовали свои цены и закабаляли поставщиков молока. Они выдавали «ссуды» под сдачу молока по самым низким ценам, несмотря на значительный рост цен на сибирское масло. Например, до строительства железной дороги в Западной Сибири экспортное сибирское масло стоило 8–9 рублей за пуд, а после строительства — 10 рублей 50 копеек[3].

Владельцы маслозаводов собирали молоко у татар через скупщиков, часто задерживавших расчеты. Это вызывало недовольство, иногда оно принимало форму открытого протеста против владельцев маслозаводов. Одно такое выступление — в деревне Уленкуль в 1915 г. закончилось тем, что оборудование поставщиками молока было увезено с завода[4].

Несмотря на некоторую экономическую отсталость от русских хозяйств, скотоводство имело большое значение в хозяйстве сибирских татар. В начале XX в. у определенной части хозяйств оно стало товарным.

---

[1] Андронников И. А. — Указ соч. — С. 325, 327.
[2] 50 лет Тюменской области ... — С. 128.
[3] Памятная книга Тобольской губернии за 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 13.
[4] Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. — Л., 1968. — С. 478.

§ 3. Промыслово-торговая деятельность и быт сибирских татар

После колонизации татарское население, кроме земледелия и скотоводства, продолжало заниматься, как и прежде, традиционными видами деятельности — охотой, рыбной ловлей, сбором дикорастущих ягод и орехов, съедобных корней растений, домашними ремеслами. Татары отдельных регионов занимались извозом, заготовкой и продажей строевого леса, небольшая часть татар — торговлей. Бедняки уходили в города, работали на предприятиях.

В регионах проживания сибирских татар обитали лоси, медведи, зайцы, белки, речные выдры, бобры, лисы, росомахи, горностаи. В многочисленных озерах водилось большое количество водоплавающей, а в лесных массивах — боровой птицы. Татары промышляли илецкую белку, крота, куницу, соболя, колонка, выдру, лисицу, зайца, горностая, росомаху. Из крупных зверей охотились на медведя, лося, косулю, оленя, волка. Охота на пушных зверей и копытных с целью добычи мяса была широко распространена у татар таежной полосы, в меньшей степени — степной зоны. На дичь — тетеревов, рябчиков, куропаток, и других — охотились во всех лесных регионах. В болотистых районах охотились на водоплавающую птицу (различные виды уток, гуся)[1].

Охотничий сезон начинался в конце сентября, заканчивался в конце марта. Сибирские татары обычно охотились пешком, зимой — на лыжах, барабинские татары — преимущественно верхом на лошади, особенно когда охотились на волков. Применялась групповая охота, чаще с выездом на дальние угодья[2].

На волков и рыжих лис часто применялась загонная охота на лошадях. Охотились группами по 3–6 человек, часто брали с собой собак. Преследовали зверя, окружали стаю и били зверей дубинками. Существовал обычай пешей охоты на лис с нагайкой. Охотились и с кречетом. Зайцев ловили петлями. На горностаев ставили западню. На утку, куропатку и косача ставили петли. Во всех регионах из-за беспорядочной охоты и лесных пожаров значительно сократилось количество копытных и мелких зверей.

На крупных зверей применялись разного рода ловушки. Шкурки пушного зверя обычно продавали скупщикам. Мясо добытых зверей и птиц потребляли сами.

В XVII–XVIII вв. на международном рынке эквивалентом золота служила сибирская пушнина. Главным поставщиком пушнины была Сибирь.

Охотничий промысел сибирских татар сильно пострадал от лесных пожаров и хищнического истребления промышленниками ценных пушных зверей. К началу XVIII в. резко сократилось количество соболя, что подтверждают выводы второй Ясачной комиссии 1829 г.[3].

В середине XVIII в. практически исчезла черная и серебристая лисица, почти вывелись на рынках бобры, уменьшилось количество оленей, косулей и др.[4]. Если сезонной или круглогодовой охотой занимались татары многих

---

[1] Народы Сибири. — М. — Л., 1956. — С. 477.
[2] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 59. Д. 897. Л. 38–41; Д. 898. Л. 110; Д. 901. Л. 17.
[3] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275. Л. 406.
[4] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. В 2-х частях. Ч. II. ... — С. 26.

деревень, то во второй половине XVIII в. этим древним промыслом занималась теперь лишь часть жителей. Некоторое промысловое значение в этот период охота имело только у заболотных и барабинских татар. Государство терпело экономический ущерб от упадка охотничьего промысла, лишившись поступления ценной валюты от внешней торговли пушниной. Татарское население лишилось важной статьи своих доходов. Учитывая эти факторы, правительство стремилось создать условия для размножения и сохранения копытных и пушных зверей. Так, например, указы 1764 и 1827 гг. запрещали русским охоту на зверей и птиц с 1 марта до 12 июля. Местному населению охота разрешалась круглый год[1].

В конце XIX — начале XX вв. приемы и способы охоты у сибирских татар сохранились прежние. Горностаев ловили плашками (осколками) с мясной приманкой, кулемками, черканами. Черканы и кулемки применялись на охоте на колонков и хорьков, приманкой в этом случае служила мерзлая рыба. Кляпцами ловили лисиц, зайцев. Использовали металлические капканы, кремневые ружья, устраивали ямы-ловушки[2]. Во второй половине XIX — начале XX в. стало широко использоваться ружье.

Во второй половине XIX в. в Тобольской и Томской губерниях количество зверя еще больше сократилось, поэтому один из традиционных промыслов сибирских татар — звериный — переживал упадок вследствие лесных пожаров, заставлявших зверя уходить далеко в тайгу, а также варварского его истребления беспорядочной охотой[3]. Постепенно исчезали некоторые виды зверей или их осталось незначительное количество. В продаже не стало черных и серебристых лисиц, каждая шкура которых оценивалась до 100 рублей серебром (для сравнения: в то время пуд мяса можно было купить за 60 копеек). Рыжие бобры изредка встречались только в бассейне Оби.

В Тобольской губернии исключение составляли заболотные татары, звероловство в их хозяйстве занимало по значению второе место, уступая рыбной ловле. Сохранила свое значение, хотя и в меньшей степени, охота у чулымских татар, чему способствовали более отдаленные дикие леса бассейна реки Чулым.

На юге Барабы в связи с развитием земледелия и скотоводства, постепенным переходом барабинских татар к оседлой жизни во второй половине XIX в. охота стала подсобным занятием, хотя в доходе семьи она имела гораздо большее значение, чем у тюменских, тобольских и тарских татар[4].

В первой четверти XX в. у северных барабинцев сохранились более архаичные способы хозяйствования и быта. Основными видами их деятельности были охота и рыболовство. Северные барабинцы охотились в тайге на лыжах, южные — в степях на лошадях. Главными объектами охоты были горностай, заяц, лисица, волк. Охотились также на колонков, медведей, лосей, северных оленей, хорьков.

В.Н.Адаев и Р.Х.Рахимов, изучавшие тюрко-угорские параллели в традиционных промыслах, выявили сходные черты в способах охоты тоболо-ир-

---

[1] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 524. Л. 216.
[2] Шиле. Указ. соч. — С. 163.
[3] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. — С. 38.
[4] Там же. — С. 51.

тышских татар и демьянских остяков в XX в. Природные условия районов проживания хантов и тоболо-иртышских татар несколько разнятся, что привело к некоторым хозяйственным отличиям. Основой жизнеобеспечения татар являлись производящие формы хозяйства (земледелие и скотоводство).

Рыболовство было древним традиционным занятием сибирских татар. У многих групп татар, проживавших на территории крупных рек и озер, этот промысел, наряду с охотой, играл основную роль в пропитании и хозяйственной деятельности семьи. Реки и озера снабжали крупной и мелкой рыбой. Одним из промысловых рыб является щука, причем у татар и остяков она являлась почитаемой рыбой, особым водным существом. В озерах основным видом рыбы был карась, других видов было немного. В реках ловились стерлядь, осетр, нельма, муксун, сырки, язь, подъязники, щука, горбуша, карась и др. Татарские деревни Тюменского и Тобольского уездов располагались в полосе рек и крупных озер, богатых ценными породами рыб (осетр, нельма, муксун, язь, карась, чебак, щука и др.) В связи с этим важное место в жизни татар занимало рыболовство.

Рыболовство было основным занятием татар Заболотья и жителей татарских юрт, расположенных на берегах крупных озер. В частности, эта отрасль имела большое значение в Надцинской, Эскалбинской, Уватской и части Городовой и Бабасанской волостях Тобольского уезда, в юртах, расположенных около речек и озер[1]. В XVIII — первой половине XIX вв. рыболовство интенсивно развивалось в Канченбургских, Верхних и Средних Тарманских, Андреевских и Янтыковских юртах Тюменского уезда[2]. Рыба потреблялась в семье, служила предметом обмена и торговли. В рационе питания татар этих районов рыба, наряду с продуктами охоты и скотоводства, играла важную роль, в отдельных юртах была даже основным продуктом питания. Рыба являлась главным источником доходов — ее продавали скупщикам, вывозили на рынок. На Барабе, у заболотных татар и в некоторых других регионах, ввиду недостатка хлеба, рыба, наряду с молочной и мясной пищей, была основным продуктом питания. Ее употребляли ежедневно, солили, сушили, вялили. Из сушеной рыбы пекли пироги и лепешки. В этих и некоторых других регионах рыба имела товарное значение. Рыбу продавали на месте лова скупщикам или сами рыболовы возили продавать ее на ярмарки и рынки. В Тобольске как и в прошлые века существовал огромный рыбный базар. Чатские татары на местных рынках продавали живую рыбу, барабинские сбывали рыбу в основном на местных ярмарках и рынках и в соседних русских селениях. В других районах рыболовство играло второстепенную роль.

Рыбные угодья были общинной собственностью, ими распоряжалось общество юрты. Распределялись они между семьями. В отдельных юртах между семьями распределялась часть угодий, остальная часть оставалась в общинном пользовании.

Приемы рыболовства и рыболовные снасти у татар в XVII в. были в основном такими же, как у других народов края: невод, сети, бригадный метод работы. Орудием ловли были всевозможные крючки, сети, неводы. Татары

---

[1] Патканов С.К. Указ. соч. — С. 331–332.

[2] Бакиева Г.Т. Сельская община Тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XIX вв.). — Тюмень; Москва, 2003. — С. 33.

отдельных групп ловили рыбу, устраивая запруды на реках и озерах. Одним из древнейших способов ловли являлись установка запоров на мелких реках и старичных протоках, котцов — на живунах. Традиционным являлись использование сетей, причем для их изготовления использовалась крапивная нить. Можно отметить лучение крупной рыбы острогой.

Зимой ловили неводом, невод тянули через ряд специальных прорубей лошадьми. Применялись переметы с крючками на волосяных поводках. С лодки ловили на блесну, осенью острогой били щуку. Основным орудием лова были сети (ау), невод (елыш). Рыбу ловили круглый год. В то же время сибирские татары сохранили самобытные черты рыболовства. выражающиеся в общественной форме рыболовных угодий, традиционных способах распределения улова и т.п.

Рыбу ловили совместно мужчины всей юрты. В крупных юртах ее ловили артелями. В каждом селении в полосе озер было несколько общественных неводов. Рыбу ловили в озерах всем обществом, улов или деньги, вырученные от продажи, делили между участниками лова. Татары, проживавшие возле рек, ловили рыбу группами или семьями[1]. Во второй половине XIX в. часть рыболовных угодий татары отдавали в аренду, получая за это плату рыбой или деньгами[2].

Например, в Средних и Верхних Тармановских юртах население было распределено на три общества, соответственно и угодья были распределены между ними. Улов или деньги, вырученные от улова, делили между всеми участниками лова. В середине XIX в. доходность рыбных угодий татар составляла на каждого ловца 15–20 рублей в год[3]. Рыбу ловили в реках или озерах и в одиночку.

Рыболовные угодья некоторых татарских юрт были захвачены русскими и закреплены за ними в документах. Татары этих юрт вынуждены были арендовать у русских озера для ловли рыбы[4]. Русские скупщики рыбы на кабальных условиях давали татарам деньги за предстоящий улов.

Будучи хозяевами многих озер и рыболовных песков (места массового хода рыбы), юровых ям на таких больших реках, как Иртыш, Тобол, жители татарских деревень не могли их полностью использовать для своих нужд и часть озер и юровых ям отдавали в аренду русским крестьянам-скупщикам, получая за это часть выловленной рыбы или деньги. Арендная плата в основном уходила на уплату податей.

Так, у эскалбинских татар пайщиками на их озерах были кугаевские крестьяне, и добыча делилась на две части, из них 1/3 поступала собственникам озер и 2/3 шла на вознаграждение рыболовам. На казенных озерах Щучье и Карасье эскалбинские татары также отдавали свою часть русским крестьянам за 5 рублей в год. Аремзяновские и есаульские татары продавали своих юровых на Иртыше скупщикам за 15 рублей[5]. Кызылбаевские, салинские,

---

[1] Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. Вып. 16. — Томск, 1975. — С. 180, 181.

[2] Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 2. — СПб., 1891. — С. 250, 288.

[3] ГАТОТ. Ф. 47. Св. 148. Д. 208. Л. 14–25.

[4] Там же. Св. 167. Д. 2306. Л. 34.

[5] Патканов С.К. Указ. соч. — С. 250, 288.

абызбаевские, карагайские и другие татары отдавали свои рыболовные пески на Иртыше в аренду русским крестьянам. Тукузские, миткинские, сулеймановские татары ловили рыбу на реке Агитка исключительно для собственных нужд.

В Тюменском уезде рыболовство также имело большое значение в хозяйственной жизни татар, хотя для многих играло подсобную роль. Здесь, как и в прошлые века, продолжали заниматься рыболовством канченбургские, янтыковские, верхне- и среднетарманские, андреевские татары, частично продавая ее скупщикам в г.Тюмени.

В селениях совместного пользования земельными угодьями рыболовные участки разбивались на части. Так, чикчинские, якушинские и муллашинские татары делили реку Пышма, протекающую через их территорию, на две части: в одной ловили рыбу жители деревни Муллаши, в другой — жители деревень Чикча и Якуши. Рыболовством занималось также население многих юрт, расположенных вне болотной зоны. Данные о реализации продукции рыболовства жителей селений Кашегальской волости представлены на таблице 25.

Таблица 25

Сбыт продукции рыболовства жителей Кашегальской волости в 1911 г.[1]

Виды рыб	Количество, в пудах	На сумму, в рублях
Щука	200	1000
Язь	150	750
Карась	2100	6300
Налим	200	4000
Частик	50	100
Другие	100	250
Всего	2800	12400

В Авазбакиевской, Кречетинской, Нердинской и Калымской волостях татары занимались рыболовством для внутренних нужд.

Тобольские, ялуторовские и барабинские татары промышляли ловлей и продажей пиявок. Их ловили на мясную приманку, некоторые смельчаки ловили пиявок своеобразным способом: сидели в озере до тех пор, пока пиявки не облепляли тело. Занимались также припусканием пиявок к больным[2].

Сибирские татары с древних времен занимались собирательством. Боль-

[1] ГАТО. Ф. И 80. оп. 1. Д. 60. Л. 12, 15.
[2] Томилов Н.А., Богомолов В. Б., Курочка Ю.И. Указ. соч... — С. 182.

шим подспорьем в хозяйстве тобольских татар был сбор кедровых орехов. Эта древняя отрасль промысла — шишкование — была широко распространена почти во всех регионах проживания сибирских татар. Самые большие сборы орехов были в юртах Тобольского и лесных волостях Тарского уездов[1].

Для жителей деревень, расположенных в зоне кедровых лесов (Карагайская, Вагайская и Уватская волости) сбор и реализация орехов являлись одним из важных источников дохода. В Западной Сибири кедровые леса в период колонизации занимали обширные пространства. Как указывал С.К.Патканов, «огонь и топор произвели в них такие опустошения, что уцелели небольшие их участки»[2]. В 1911 г. И.А.Андронников писал, что шишкование приходит в упадок, потому что переселенцы раньше времени собирают ветки с шишками. Раньше, когда леса принадлежали татарам, они не позволяли преждевременный сбор шишек. В начале XX в. кедровники стали уничтожать леспромхозы.

Татары всех групп собирали лесные ягоды — землянику, клубнику, чернику, голубику, клюкву, бруснику, которые в изобилии росли на болотах и лесных опушках. Если раньше ягоды употреблялись в основном в семье, то в XIX в. замороженную клюкву и бруснику продавали на рынках или сбывали скупщикам. В начале XX в. в урожайные годы каждый житель семьи татар Уватской волости набирал до 15 пудов брусники. В юртах Шайтановских, Канченбургских, Ахманских, Киндерских, Сакандыковских в удачные по урожайности годы каждая семья собирала клюквы и брусники 30–40 пудов (пуд — более 16 кг). Важным источником дохода брусника являлась в юртах Коурдакской и Аялымской волостей Тарского уезда, расположенных в Прииртышье.

На местах массового сбора клюквы, среди болот, татары имели специальные избушки, где жили во время сбора ягод, и оставляли собранную клюкву до морозов, затем ее вывозили потом санным путем. Клюква и брусника были источником витаминов и приносили дополнительный доход.

У сибирских татар были широко развиты ремесла.

Древними ремеслами сибирских татар были гончарное дело, прядение, ткачество. Высокого уровня достигли обработка шкур животных и ценных пород зверей, изготовление различных меховых изделий.

Особенно большое распространение у сибирских татар получило изготовление изделий из бересты и дерева. Они умели хорошо обрабатывать дерево. Всем группам татар было известно изготовление из него предметов быта, экипажа. Из дерева вырезали столовую посуду: чашки, миски, блюда, поварешки, ложки, долбили лодки, ступы, изготовляли лыжи, нарты, луки, самострелы и др. предметы. Из ивовых прутьев плели «морды» для ловли рыбы, устраивали запруды на реках. Из бересты изготовляли разнообразную посуду, футляры для ножей, колчаны для стрел, лодки, она служила основным материалом для покрытия жилища, использовалась в погребальном обряде[3].

Выделка кожи и изготовление из нее сапог, ичигов, галош, конской упря-

---

[1] Андронников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск: Губ. типогр., 1911.— С. 329, 349, 389.

[2] Патканов С.К. Указ. соч. — С. 139.

[3] Тобольские губернские ведомости. — 1887. — № 24.

жи было древним занятием тюрков и сибирских татар. Из среды кожевников вышли крупные предприниматели. Например, кожевня бухарца А.Ниясова из юрт Ембаевских в 1825 г. производила свыше 5 тыс. юфтевых кож. Кожи покупались по низкой цене в Семипалатинске, готовая продукция сбывалась не только в Сибири, но и вывозилась в европейскую часть России. Ембаевцы занимались также изготовлением обуви, конской сбруи, продавали казахам металлические изделия. Жители деревни Каскара изготовляли сани, телеги, сбрую, домашнюю утварь, торговали мясом и рыбой, отвозя их на базар, возвращаясь с посудой и тканями. В 60-е гг. XIX в. в Янтыкоских юртах работал стекольный завод. В юртах Чикчинских процветало гончарное производство, скорняжное ремесло, прядение, ткачество. Чикчинские купцы продавали на Ирбитской ярмарке лошадей, рыбу, меха. В юртах Якушинских и в соседних селениях жило немало мастеров, прославившихся резьбой по дереву[1]. Из шерсти сибирские татары изготовляли войлок, чулки, валенки, кушаки, половики. Из меха шили тулупы, шубы, шапки, обувь, из конских волос изготовляли веревки, вожжи, сита, тюфяки. Из бересты делали туеса, лукошки и др. В липовых лесах драли лыко, из него делали мочало, из которого ткали рогожи, кули, попоны.

Изготовлялись земледельческие орудия, сани, телеги, конская упряжь, лыжи, лодки, рыболовные снасти.

Женщины ткали холст из крапивы, позже — из конопляной пеньки. Шили одежду для семьи, занимались вышиванием. Выделка оружия — древнее ремесло тюрков. Татары сами изготовляли луки, стрелы. Но после переселения русских изготовление металлических изделий было взято под контроль воевод. Татарам и другим народам Сибири были запрещены изготовление и продажа изделий из металла[2]. Начиная с XVII в. под влиянием бухарцев сибирские татары начали изготовлять ковры из шерсти[3].

В пореформенный период в татарской деревне кустарные промыслы получили свое дальнейшее развитие. Ими занимались в основном в осенне-зимний сезон, свободный от полевых работ. Если в условиях натурального хозяйства каждая семья сама производила все необходимые в хозяйстве изделия или обменивала изделия на продукты питания, то в этот период в татарских селениях появилась прослойка безземельных кустарей, занимавшихся кустарными промыслами круглый год и производивших изделия для продажи на ярмарках, рынках или в соседних селениях. Раньше кустари свои изделия продавали на рынках, ярмарках, во второй половине XIX в. сбывали их скупщикам.

Если Московское правительство проявляло некоторую заботу в снабжении хлебом, то проблема поставки переселенцам промышленных изделий и предметов повседневной необходимости решалась исключительно самим населением. Некоторыми промышленными изделиями русское население обеспечивали домашние промыслы местного, в основном татарского населения[4].

---

[1] Тюменский район вчера и сегодня: Сборник материалов. — Тюмень, 1993. — С. 6.

[2] АИ. Т. III. — СПб., 1842. Л. 541.

[3] Андронников И.А. Материалы по земледелию и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск, 1911. — С. 332.

[4] История Сибири. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. — М., 1968. — С. 86, 87.

Так, русские покупали у них изделия из кожи, пушнину, меховую одежду (шубы лисьи, беличьи, заячьи), одеяла, шапки, рукавицы, лодки, рыболовные снасти, некоторые металлические изделия.

Многие татарские кустари приобрели большое мастерство, их изделия ценились на рынках[1].

Мастерство татарских женщин поражало современников. «Татарки сибирские, как и казанские, — отмечает этнограф Шиле, — мастерицы также в рукоделиях, они умеют шить, валять сукно и войлок. Впрочем, изделия их, как и казанских единоплеменниц, редко назначаются для продажи. Их изделия поражают пестротой, тщательностью отделки самых мельчайших подробностей работы[2]. Руками местных сибирских мастеров изготавливались ювелирные изделия. Особой декоративностью отличались тканые изделия сибирско-татарских мастериц, для которых характерна яркость и многоцветье. Богатая фантазия сибирских татар проявилась и в изделиях вышивальщиц, художественной обработке дерева.

Не все кустари-татары могли выдержать конкуренцию с русскими кустарями, так как в Тюмени, в других городах и крупных русских селениях появились объединенные промыслы с наемным трудом кустарей, себестоимость продукции которых была ниже, сбытом продукции у них занимались специальные люди. Отдельные русские селения превратились в ремесленно-торговые поселения, специализировавшиеся на производстве одной и той же продукции: кожи, мехов, ковров, столярных изделий, одежды, обуви, предметов экипажа и др. Так в Западной Сибири возникла капиталистического типа кооперация с наемным трудом.

Деревня в хозяйственной жизни не могла обойтись без дегтя и смолы. Поэтому татары многих деревень занимались перегонкой дегтя из березовой коры. Как смазочный материал, он был необходим всем, и спрос на него был большой. Отдельные жители вырабатывали за неделю 15–20 ведер дегтя и продавали по 80 копеек за ведро[3]. Татары лесостепной зоны получали определенные доходы от заготовки и сбыта таловой коры, которая пользовалась большим спросом для дубления кожи.

В отдельных деревнях татары занимались выделкой долбленых лодок для своих нужд и для продажи. Так, в юртах Аллагуловских долбленые лодки продавали по 10–15 рублей за штуку.

Важное место в хозяйственной жизни татарского населения занимали производство отдельных видов продукции и изготовление предметов хозяйственного обихода и домашней утвари. Если в прошлом кустарными промыслами татары занимались в свободное от полевых работ время, то с развитием товарно-денежных отношений появились кустари-профессионалы, в основном выходцы из бедных слоев.

Барабинские татары работали с лошадьми на лесозаготовках в верховьях Оби, некоторые тобольские татары занимались перевозкой лесоматериалов на пристани. После постройки Транссибирской железной дороги часть та-

---

[1] Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. — Новосибирск, 1996. — С. 68.

[2] Шиле. Указ. соч. — С. 36.

[3] Гарифуллин И. Б. Указ. соч. — С. 16, 18.

тар-извозчиков стали грузчиками на железнодорожных станциях, пристанях.

Почти в каждой татарской деревне были свои плотники, столяры, кузнецы, жестянщики и другие мастера по изготовлению и ремонту предметов домашнего и хозяйственного обихода. Причем эти ремесла в деревнях передавались из поколения в поколение по наследству. В отдельных деревнях медники, ювелиры и другие мастера обслуживали и жителей других сел, периодически посещая их в удобное для них время.

Одним из наиболее распространенных видов кустарного промысла было приготовление мочала из липового лыка и изготовление из нее веревок, рогож, циновок. Так, например, в 1907 г. в юртах Кашегальской волости кустари изготовляли 10000 штук веревок на сумму 750 рублей, подпруг 3000 штук на сумму 2020 рублей, разсох 2060 штук на сумму 4240 рублей, всего на сумму 4194 рубля. Изделия сбывались на ярмарках в селе Каменке, Красной Слободе Ирбитского уезда и в г.Тюмени[1].

Во всех уездах Томской и Тобольской губерний татарское население занималось изготовлением безворсовых разноцветных ковров, войлока, плетением корзин из прутьев. Повсеместно работали бондари, сапожники, портные. Тарские и тобольские татары изготовляли корыта, деревянную посуду.

Как и прежде, в начале XX в. у татар дальнейшее развитие получили изготовление кож и обработка шкур животных на мех. Во всех регионах проживания сибирские татары обрабатывали козлиные, оленьи, лосиные и др. шкуры. Из мягко выделанной шкуры шили тулупы, шубы, рукавицы, перчатки и др. По сведениям П.М.Головачева, в 1910–1912 гг. только в Миримовских и Кызылбаевских юртах изготовлялось до 200 тыс. пар рукавиц.

В начале XX в. татары деревень, расположенных вокруг Тюмени, занимались доработкой кож, привезенных из городских кожевенных заводов. В деревне Ембаево работало кожевенное предприятие капиталистического типа, в котором трудились несколько наемных рабочих. Предприятие такого же типа было и в юртах Миримовских Тюменского уезда, принадлежало оно местному жителю Х.Тушакову[2].

Одним из видов неземледельческих занятий сибирских татар был извоз. Извозом занимались проживавшие на тракте Москва—Иркутск и на других больших трактах татары. Возили продукты сельского хозяйства и разные товары от одной станции до другой, на рынки, ярмарки Тобольска, Тюмени, Ирбита, Тары, Омска. Зимой на пристани возили дрова и строевой лес. Возили на очень большие расстояния, например, из Тюмени в Семипалатинск, Верный, из Тары — на восток до Верхнеудинска, на юг — до Чугучака и Кульджы, из Томска — в Красноярск, Иркутск. Татары работали также ямщиками[3].

В татарских волостях лесной зоны, где было мало пахотных земель, отличающихся низким плодородием, был достаточно развит лесной промысел. В Кречетинской, Нердинской, Истяцкой, Уватской, Надцинской, Карагайской,

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 39. Л. 112.

[2] Сибирский трактат. — 1992. — № 1; Валеев Ф.Т. Сибирские татары. — Казань: Таткнигоиздат, 1993. — С. 84.

[3] Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. — Новосибирск, 1996. — С. 68.

Вид Омска. XIX в.

Вагайской волостях лесной промысел, наряду с земледелием и скотоводством, был одним из основных занятий жителей и важным источником дохода. Татары заготовляли лес для своих нужд и для продажи. Жители деревни Тукуз Уватской волости заготавливали лес для сплава по рекам Агитке, Вагаю в Тобольск. В Карагайской, Кречетинской, Надцинской волостях все жители занимались заготовкой дров и доставкой их в ближайшие пристани для пароходов, получая за сажень березовых и осиновых дров 1–2 рубля. При этом билеты на рубку дров продавались лесничими, и их стоимость в начале XX в. значительно повысилась. Татары отдельных селений Кречетинской и Нердинской волостей поставляли дрова на железнодорожную станцию[1].

Большие массивы строевого леса в Кашегальской волости имелись в земельных владениях деревень Чикчинских, Якушинских, Муллашинских, Матушинских, Чаплынских, Кыштырминских, Ахманских, Канченбургских, Средне-Тарманских, Есаульских, почти во всех селениях Авазбакиевской волости. Авазбакиевские татары в год продавали до 4000 бревен, до 2000 погонных сажен дров и до 20000 штук пиломатериалов. И.А.Андронников писал: «Инородцы в своих лесных дачах рубят лес где угодно и сколько угодно. Продают его в виде дров, бревен и теса... Доход от лесного промысла достигает 41 рубля на хозяйство и значительно превышает все другие источники дохода»[2].

Сибирские татары, будучи в тесном взаимодействии с природой, относились к ней бережно. Но в трудах отдельных исследователей сибирские татары обвиняются в уничтожении лесов. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что за лесозаготовками татар зорко следили губернские и уездные лесничие. Например, в 1899 г. корпус лесничих Тюменского уездного лесничества потребовал от волостных старшин: «Объявить инородцам на сельском сходе, чтобы они при заготовке леса и дров не оставляли вершин,

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1 Д. 66. Л.12.
[2] Андронников И.А. Указ. соч. — С. 328.

сучьев у дороги, отбрасывали на сторону. Кроме того, внушить инородцам через старост, чтобы они при заготовке в общественной даче мелкого леса, например, жердей не рубили на дрова, заготовлять из сухостоя, вершинника, не трогать сырорастущий лес»[1]. В 1900 г. Тюменское лесничество сообщило волостным начальникам, что заготовку дров населением юрт Больших и Малых Каскаринских, Янтыковских, Есаульских, Чикчинских, Якушинских, Матушинских для пароходов на реке Туре взяло на себя государство. Дрова можно было заготавливать на дачах Кыртымской, Кучаковской, Макушевской из сухостоя, валежника, вершин[2]. В то же время за порядком при рубке в ближайших лесах следила сельская и волостная община в целях недопущения беспорядочной рубки леса, особенно кедровников и сохранения лесных угодий для последующих поколений.

В хозяйстве сибирских татар требовалось значительное количество войлока. Для его изготовления шерсть перещипывали, расстилали на травяных рогожах и вместе с рогожей катали по земле. Материалы археологических раскопок позволяют утверждать, что одежда сибирских татар была идентична одежде других групп тюрков, особенно казанских татар. Верхняя зимняя одежда состояла из меха, теплого и дорогого. Путешественники отмечают, что татары одеты в ценные меховые шубы, что даже на лыжи для лучшего скольжения были прибиты соболиные шкуры. Рабочую мужскую и женскую одежду шили из материала, сотканного из овечьей шерсти на собственном ткацком станке, или из тканей китайского и среднеазиатского производства. Для изготовления одежды бедные применяли крапивную пряжу. Холст из крапивы был мягче и красивее, чем посконный, но менее прочен. Использовали также дикий лен. Обувь изготовлялась в основном из меха и кожи. Зимой носили валенки из овечьей шерсти.

Украшения сибирских татар были идентичны поволжско-татарским. Некоторые виды праздничной одежды и украшений, бытовавших у поволжских татар на рубеже XIX–XX вв., когда активизировались этноконсолидационные процессы, становились общенациональными, характерными и для сибирских татар[3].

Пища сибирских татар состояла из мяса животных и птиц, добытых на охоте. По мере развития скотоводства стало больше употребляться мясо домашних животных: конина, говядина, баранина. Предпочтение отдавалось конине, баранине. Широко использовалось мясо домашней птицы: кур, гусей, уток. Употребляли отварное мясо, готовили жаркое на палочках, воткнув их в землю над костром. Мясо ели с местными пряностями. Соль употребляли мало или обходились без нее, заменяя пряными растениями и корнями. Дополнительным источником получения мяса являлась охота. Использовалось мясо копытных, зайца, диких гусей, уток, глухаря, куропатки. В рационе питания татар было много молочных продуктов, особенно кисломолочных. Особенно популярным и полезным продуктом считался кумыс, изготовляемый из кобыльего молока. Татары, занимавшиеся земледелием, пов-

---

[1] ГАТО Ф. И 80. Оп. 1. Д. 25, л. 32.

[2] Там же. Д. 27, л. 30.

[3] Суслова С.В. Западно-сибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 114–125.

седневно употребляли мучные продукты и крупу. Изготовляли курмач из поджаренных зерен ячменя. Почти у всех групп сибирских татар рыба была повседневным продуктом, в отдельных местностях — основной пищей.

Как и у других мусульманских народов, свинина считалась запретным (харам) мясом, его не употребляли. Запретными были также мясо павших или растерзанных хищниками животных, кровь животных и птиц. Было запрещено мясо животного, которое заколото не по правилам шариата — без произнесения имени Аллаха и с «неиспущенной» кровью. Почти у всех групп сибирских татар существовали запреты на употребление лебедей и журавлей.

Сохранялась традиция на разделывание туши по кускам. Существовала связь между статусом участников застолья и определенными частями подаваемого на стол мяса. Почетные куски также хранили для гостей. Традиционными мясными блюдами считались суп с лапшой, бишбармак, плов. Впрок готовили казы (колбасу) из конины, говядины, баранины. В зимнее время мясо замораживали, летом солили или сушили. Из субпродуктов готовили тутырму (колбасу), ее не хранили, употребляли в тот же день[1].

Все группы татар употребляли в разнообразном виде хлебные продукты. Если в XVII в. их употребляли больше тоболо-иртышские татары, у которых было пашенное земледелие, то в начале XX в. хлебные продукты стали основной пищей у всех групп татар.

По обычаю сибирских татар за утреннюю, дневную и вечернюю трапезу вся семья должна была садиться за стол в полном составе. Перед едой и после обязательно мыли руки, обучая этому ритуалу с малых лет. За трапезой допускался негромкий разговор, нельзя было громко разговаривать, смеяться, обсуждать поступки кого-либо. Обязательным для всех было произнесение перед трапезой «бисмиллы» (молитвы), а после еды — специальной молитвы. Осуждалось оставление после себя недоеденных небольших кусков, бульона или супа.

Широко использовались в пищу съедобные дикорастущие растения, их корни и плоды. Эти растения употреблялись еще тюрками-кочевниками. Одним из них был кандык. Специальным железным копателем в мае собирали корни кандыка, ели свежими, сушили впрок. Сушеные корни варили, ели с молоком. Источники сообщают, что вкус их был приятным. Собирали луковицы желтой и белой сараны. Луковицы ели свежими, либо пекли в золе, отваривали в воде, ели с молоком и коровьим маслом. Ценным растением считался марьин корень. Корни запасали на зиму, почитая за лакомство при заправке мясного бульона.

Сибирскими татарами также широко использовался в пищу кырлык, или сибирская гречиха. От культурной гречихи отличается более мелкими, колючими семенами. Из гречихи вырабатывали крупу и муку, из которых варили кашу и суп. Использовали дикорастущий кырлык или сеяли его специально. Ели дикий чеснок — черемшу, семена гороховника. В большом количестве собирали черемуху. Ее сушили, затем толкли вместе с ядром, ели с

---

[1] Тихомирова М.Н. Использование мяса в традиционной пище татар Среднего Прииртышья // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002 г., Тобольск)». — Тобольск; Омск, 2002. — С. 484–485.

молоком. Черемуху использовали и как лекарственное растение. Летом употребляли дикорастущие ягоды — голубику, морошку, землянику, клубнику, чернику, черную и красную смородину. Осенью собирали впрок бруснику и клюкву. Нередко на рынках ягоды были предметом обмена на другие товары. Мужчины собирали кедровые орехи, урожай которых в то время был обильным. Собирали шиповник, ревень, из них и сушеных ягод и других трав готовили чай[1].

Забота о продуктах питания была в центре внимания всех членов семьи, в том числе даже стариков и детей. Охота и собирательство были связаны с большим риском, так как в лесах водилось много опасных хищников — медведей и волков, нередко нападавших на людей. В степях также было немало волков. Труд человека в тот период был малопроизводительным. Строительство жилых и скотоводческих помещений, хлебопашество, скотоводство, домашние промыслы требовали большого усердия каждого члена семьи, и все они в светлое время суток были заняты трудом в соответствии со своими физическими возможностями. Как следствие социальной дифференциации появились менее состоятельные семьи, которые испытывали голод, особенно весной, когда иссякали зимние запасы продовольствия.

Отхожие промыслы у татар, по сравнению с русскими, в прошлом были развиты слабее. Однако с усилением социального расслоения и увеличением слоя безземельных хозяйств количество занимающихся отхожими промыслами несколько увеличилось. В связи с развитием сети промышленных предприятий несколько выросла потребность в рабочей силе. На заработанные в городе деньги можно было содержать семью, оставленную в деревне, и обзавестись хозяйством, купить лошадь. Татары и бухарцы из ближних юрт работали грузчиками, в качестве чернорабочих на пароходных пристанях, на железнодорожных станциях и предприятиях Тюмени, Тобольска. Многие безземельные и малоземельные татары и бухарцы работали у русских крестьян-старожилов, имевших большие земельные угодья, нанимаясь на сезонную и поденную работу. В начале XX столетия у русских крестьян работали в Кашегальской волости 25%, Бухарской — 30%, Кречетинской — 11%, Нердинской — 21,8% и в Калымской — 20% татар.

Барка на Иртыше

[1] Народы, кочующие вверху Енисея // Сибирский вестник. — СПб., 1818. Ч. I. Картина Сибири. — С. 184–187.

Часть населения прибрежных селений была занята работой на казенных дачах на лесозаготовках, выгрузкой и погрузкой строевого леса и дров на баржи. Татары работали у купцов, богатых подрядчиков в ямщиках, чернорабочими, уходили на стройки и золотые прииски (см. табл. 26).

Таблица 26

Расценки за поденную работу в 1907 г., в рублях:[1]

Поденная работа	На уборке сена	На полевых работах
На своем содержании		
конным	1,50	1,50
пешим	1,00	1,00
На своем содержании		
конным	1,20	1,20
пешим	1,00	1,00

Таким образом, традиционные промыслы сибирских татар, имевшие большое значение, по мере развития земледелия, скотоводства и ремесел, во второй половине XIX — начале XX вв. стали вспомогательной отраслью их хозяйства. Лишь у заболотных татар рыбоводство и в некоторой степени охота являлись основным источником существования. Определенное значение в хозяйстве северных барабинцев имела охота.

Как известно, поселения сибирских татар назывались юртами — топонимом кочевого периода. Населенные пункты барабинских татар назывались аулами. Селения сибирских татар по расположению можно разделить на три типа: приозерные или приречные, притрактовые и приозерные. Прибрежные или приречные юрты и аулы располагались в основном по берегам рек, улицы повторяли очертания берегов. Первоначально селения имели так называемую беспорядочную, кучевую или гнездовую планировку. Но в такой планировке, вопреки устоявшемуся мнению, была своя логика: расселение семейно-родовыми гнездами, удобство содержания скота — близость к водопою, выгонам. В начале XIX в. селения данного типа состояли в основном из двух параллельных улиц. Притрактовые селения имели прямолинейные улицы[2]. Самое разнообразное расположение имели приозерные юрты: в них прослеживались элементы линейной, радиальной, чаще кучевой планировки.

Величина селений зависела от природных зон, гидрографической сети, наличия лесов, полей, от типа производственной деятельности жителей. В лесной зоне они были небольшими, а в степной — крупнее. И.Г.Георги, путешествовавший по Западной Сибири в конце XVIII в., писал, что деревни тобольских татар имеют от 10 до 50 дворов[3]. Во второй половине XIX в.

---

[1] ГАТО. Ф. И 80. Оп. 1. Д. 39. Л. 114; Андронников И.А. Указ. соч. — С. 323.

[2] Валеев Ф.Т. Указ. соч. — С.96.

[3] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. Ч. 2. — С. 26.

татарские деревни стали многолюднее. Встречались юрты в 1000 душ. В Тобольской губернии юрт с количеством жителей от 500 до 1000 человек было 8, от 100 до 500 человек — 118, от 50 до 100 человек — 58, по 50 человек — 52 юрты. Деревни томских и барабинских татар были небольшими, на Барабе встречались аулы, где было всего 2–4 двора. У тарских татар, кроме деревень, были хутора в 1–2 двора. По мере роста количества жителей и увеличения числа дворов юрты благоустраивались, улицы принимали прямые очертания. Начиная с первой половины XIX в. под административным давлением стала распространяться упорядоченная планировка деревень. Большинство их стало иметь линейную уличную планировку с расположением домов по обеим сторонам улицы[1]. На видном месте располагались дома зажиточных татар. Татарская сибирская деревня, как и селения казанских татар, была видна издалека — в центре стояла мечеть с высоким минаретом, откуда 5 раз в день слышался азан — призыв муэдзина к намазу.

Недалеко находилось кладбище, всегда на видном месте и огороженное. Кладбище было предметом заботы всех жителей татарской деревни, особенно аксакалов-старейшин. Над каждой могилой татары сооружали небольшие срубы[2].

Таким образом, поселения сибирских татар имели много общего с селениями поволжских и уральских татар.

Жилище татар было разнообразным, тип его зависел от природных и климатических условий, форм оседлости. Археологами выявлены такие формы жилища, как прямоугольные полуземлянки с выступающими на поверхность стенами из плетня, обмазанного глиной, или сруб из четырех или пяти венцов с плоскими крышами. Внутренние стены были обмазаны глиной. В городах татары строили жилища из хвойного леса и имели деревянные, навешенные на железные петли двери. В раскопках обнаруживаются следы окон из слюды. Для летнего времени строились конусообразные шалаши из жердей, обтянутые войлоком или берестой. Южные кочевые группы строили войлочные юрты степного типа. Уже до появления русских в Сибири у татар были деревянные срубные дома с плоской крышей, были и глинобитные дома, заимствованные у среднеазиатских переселенцев[3]. Эти дома, куски пережженной глины, шлака, находимые в раскопках, являются явными признаками оседлости сибирских татар.

Отмечается много общего у сибирских и у татар южных районов Поволжья и Урала в конструктивных деталях бревенчатых, плетневых, саманных, пластовых сооружений. Фундамент в жилых постройках сибирских татар обычно отсутствовал. Только к началу XX в. бревенчатые избы начинают ставить на деревянные стойки по углам сруба. Земляные полы постепенно вытесняются покрытием из бревен, плах. Потолка в старинных постройках не было, его функцию выполняла односкатная крыша — накат из бревен. Встречались двухскатные уплощенные крыши с глухим самцовым или решетчатым фронтоном. Были и некоторые отличия в конструктивных деталях. К при-

---

[1] Яхонтов В.В. Традиционные поселения сибирских и поволжских татар // Тюркские народы: Материалы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 510–511.

[2] Андронников И.А. Материалы по землевладению... — С. 297.

[3] Огородников В.И. Указ. соч. — С. 223.

меру, у сибирских татар, в отличие от татар Приуралья, не применялась соломенная кровля, значительно чаще в основе кровли использовалась береста[1].

Внутри дома в углу была кирпичная или глинобитная печь или чувал с дымоходом, с вмазанным котлом. Такие печи встречались в лесостепной полосе от Волги до Иртыша. Хлебопекарная печь сибирских татар была аналогична печи казанских татар. Вдоль передней стены располагались большие нары, на них спали. Во время еды на нары ставили низкий стол. На нарах стоял сундук, в котором хранились одежда и ценные вещи. На сундук обычно клали постель — тюфяки, подушки, одеяла из шерсти, у богатых — из птичьего пуха.

Многие из перечисленных построек и деталей интерьера жилого дома сибирских татар были глубоко традиционными для поволжских татар и их предков: на салтово-маяцких и булгарских памятниках исследованы глинобитные, плетневые, срубные дома и полуземлянки.

Исследователи материальной культуры сибирских татар отмечают большое разнообразие жилищ татар в зависимости от региона, традиций, степени оседлости и материального положения. Так, у барабинских и чулымских татар в связи с переходом к оседлому образу жизни появились срубные бревенчатые дома, но в этот период сохранялись еще дома саманные, а также построенные из дерна. На благоустройство жилищ татар повлиял пример соседних русских селений. Русское влияние проявилось и в архитектуре домов.

Разнообразными были жилища тоболо-иртышских и томских татар. В этих регионах почти все дома были срубными, с двухскатной или плоской крышей. Планировка и размер дома зависели от материального положения семьи. Татары-середняки строили пятистенные или крестообразные дома, богатые — двухэтажные. Двухэтажные дома сибирских татар имели рудименты прошлого кочевого образа жизни. Нижний этаж предназначался для зимнего жилья, второй использовался только летом. Внутреннего сообщения между этажами не было. На второй этаж снаружи вела крутая лестница без перил. Интерьер татарского дома сохранял традиционные черты. Дом обычно был разделен на две половины, имелись нары, чувал. В домах зажиточных татар произошли значительные изменения. Вместо глинобитного чувала появилась печь из обожженного кирпича с котлом. В домах была мебель и нередко городская обстановка с восточным колоритом. Надворные постройки претерпели значительные изменения. Тоболо-иртышские татары строили для скота теплые срубные помещения из бревен, крытые араны. Барабинские татары строили обмазанные глиной плетневые помещения для молодняка и крытые жердями и соломой пригоны для взрослого скота.

В усадьбах татар были амбары, в одной половине которых хранили зерно и другие продукты, в другой — предметы хозяйственного обихода. У многих были сараи, где хранились сбруя, другие предметы экипажа, рыболовные и охотничьи снасти, земледельческие орудия и хозяйственный инвентарь. Во многих усадьбах были бани[2]. Как и у казанских татар, баня сибирских татар

---

[1] Халиков Н.А. Архаичные постройки сибирских и поволжских татар // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 429.

[2] Андронников И.А. Материалы по землевладению. — С. 297.

имела и ритуальное значение — ее топили и для гостей, после посещения бани их угощали оладьями и чаем с медом.

Прослеживаются параллели у сибирских и поволжских татар в типах жилых и хозяйственных построек. Так, у сибирских татар бытовали чумообразные или двухскатные шалаши, цилиндрические балаганы. Подобные конструкции встречались на отдаленных пастбищах и хуторах татар Поволжья[1].

Конкретный пример, жилища татар Карабанских, Боровских и Тарханских юрт Тобольской губернии приводится в IV выпуске «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири»: «Дома здесь строятся большие, нередко имеют несколько горниц. У них скамьи и стулья заменили традиционные нары. Нары покрыты цветным ковром. Около стен на шестах развешена одежда, в шкафах расставлена посуда, среди которых попадаются тарелки и чашки с роскошной отделкой. Одним словом, благосостояние этих трех селений было гораздо выше. Этому способствовало и занятие земледелием. А татары, пренебрегающие земледелием, находились в более бедственном положении»[2].

Дворы чулымских и барабинских татар в основном не были огорожены. У тоболо-иртышских татар в большинстве дворов были ограды, состоятельные жители строили дощатые заборы и ворота, у бедняков дворы загораживались изгородью из жердей или из плетня, или совсем не имели изгороди.

Перечисленные выше факты позволяют сделать вывод, что в формировании сходных черт строительной культуры и типа поселений у сибирских татар, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья решающую роль сыграли сходные природно-климатические условия. Зодчество у обитавших на широте Тюмени и Тобольска татар лесного Предкамья и Пермского Приуралья базировалось на принципах северного домостроения. Указанные выше постройки, их конструкции и способы сооружения явно восходят к лесостепной и степной традиции, в ряде случаев — к полукочевому быту. Многие элементы зодчества имеют широкие аналогии в степном тюркоязычном мире. В этом просматривается генетическая близость строительных культур сибирских и поволжских татар.

В XVIII в. постепенно налаживалось хозяйство сибирских татар. По мере развития земледелия, скотоводства, традиционных промыслов, домашнего ремесла, наряду с бухарцами, татарское население, особенно проживавшее в городах и на больших транзитных трактах, постепенно втягивалось в торговлю изделиями своего хозяйства. На ярмарки татары везли скот, шкурки, кожу, лес, орехи, ягоды и другие товары. По мере развития строительства татары продавали русским в большом количестве строительный лес.

Бухарские купцы брали татар помощниками в транзитной торговле, так как многие из них проявляли коммерческие способности. Татары стали заводить и собственные торговые дела. Многие из них приобретали у бухарцев или русских купцов товары на деньги или в кредит под проценты, а затем перепродавали. Они стремились держать в своих руках бакалейную и мел-

---

[1] Халиков Н.А. Указ. соч. — С. 497.

[2] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — Вып. IV. ... — С. 11.

кую торговлю в татарских юртах, остяцких и вогульских селениях. Татарские купцы в юртах и селениях нередко давали товары в кредит на кабальных условиях. Ростовщичество часто приводило татар и представителей других народов к большим долгам. Местные власти помогали купцам возвращать долги. Правительство пыталось прекратить ростовщичество среди местных народов, однако в силу развития взяточничества это ему не удалось[1]. Татарские купцы участвовали в торговле с Китаем и Монголией. Позднее главными пунктами внешней торговли Западной Сибири были города Петропавловск, Семипалатинск и Омск. Из Сибири в Среднюю Азию вывозились юфть, железо и железные изделия, холст, тюменские ковры[2]. Татарские купцы в XVIII–XIX вв. привозили в юрты китайку, бахту, шелковые ткани, ситец, пестрядь, чай, сахар, предметы быта, украшения, восточную парфюмерию. Постепенно татары, занимавшиеся торговлей, переселились в города Тюмень, Тобольск, Тару и Омск[3].

Успешно развивались торговые связи между купцами из Казани и сибирских татар. Западную Сибирь стали часто посещать купцы Казани. Татарские купцы настолько успешно торговали в Казахстане, Средней Азии и Сибири, что Анна Иоанновна в 1735 г. издала указ, обязывающий купцов ездить через Верхотурье[4].

Сибирские татары на рубеже XIX–XX вв. находились в общем русле развития капиталистических отношений, общественного разделения труда, функционирования местных и Всероссийского рынка и т.д. Поэтому традиционные занятия — земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, домашние ремесла — дополнялись разнообразными приработками (промыслами).

Таким образом, в XVIII в. в Западной Сибири у коренных сибирских татар сложилось торговое сословие. «Тобольские татары, как и казанские, обнаружили замечательные способности к торговле и коммерческие таланты», — писал русский ученый Н.М.Ядринцев[5]. Татарские купцы стали ездить и на рынки России. В некоторых случаях Русское правительство давало им ответственные торговые поручения в Китае. Так, торговым посредником Российского правительства в Кяхте был татарский купец Сулейман Уркин — выходец из казанских татар.[6].

Вовлечение татарского населения в товарно-денежные отношения привело к видоизменению структуры их хозяйства, росту товарного производства, а также материальной и духовной культуры.

В начале второй четверти XIX в. в экономике сибирских татар произошли значительные позитивные изменения. Этому способствовало снижение оклада государственного оброка татарам Тобольской губернии с 1835 г. по 1850 г. и татарам Томской губернии с 1835 г. по 1854 г. Многим татарским родам на основе законов императрицы Екатерины II удалось возвратить часть

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Т. II. Л. 687; РИБ. Т. II. — М. — С. 39.
[2] ГАОО. Ф. 3. Кн. 2. Д. 45. Л. 33.
[3] История Сибири. Т. II... — С. 456.
[4] РГАДА, Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803. Л. 978.
[5] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — СПб., 1892. — С. 26.
[6] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 803. Л. 974; РГАДА, Ф. 214. Кн. II. Л. 687; РИБ. Т. II. — № 134.

изъятых монастырями, русскими колониальными властями и русскими переселенцами земель и закрепить их в земельных книгах. В улучшении быта татар немаловажное значение имело развитие торговли с Джунгарией, Средней Азией и Казахстаном. Торговлей стали заниматься тобольские, иртышские и тарские татары. Исследователи пишут, что сибирские татары обнаружили «замечательные способности к торговле и коммерческие таланты, подобно казанским[1]. В эти годы татарские деревни стали многолюднее, особенно в Тобольской губернии, улучшились жилищные условия населения, у зажиточных татар, особенно у бухарцев, появилась домашняя обстановка восточного образца. Кое-что новое татары переняли у русских, например, обои, самовары, шторы и т.п.

Значительные изменения произошли в хозяйстве чулымских и барабинских татар: от кочевого образа хозяйствования они переходили к оседлому, заметно развивалось хлебопашество, несколько улучшились жилищные условия, в домах появились предметы оседлого быта. Безусловно, переход от кочевого быта к оседлому произошел не за один год — это длительный процесс. У чулымцев и барабинцев во второй половине XIX в. еще сохранялись многие рудименты прежнего способа хозяйствования.

Однако позитивные изменения в сибирской татарской деревне продолжались недолго. Возвращение к окладам податей и повинностей, установленным «Уставом об управлении инородцев» 1822 г., развитие капитализма в Сибири в основном путем эксплуатации не только русских крестьян, но и коренных народов Сибири, привело к снижению уровня жизни населения. Положение последних ухудшалось более заметными темпами. После отмены крепостного права в России в 1861 г. резко усилился поток переселенцев в Сибирь. Только с 1846 г. по 1879 г. в Тобольскую губернию было переселено 43753 человека, а в Томскую губернию с 1852 по 1879 г. — 5000 человек. Многие угодья татар были переданы переселенцам, или они сами захватывали татарские земли. У татар отнимали и захватывали лучшие земли, плодородные пашни и сенокосы, в результате значительно сократились их пахотные, сенокосные, охотничьи и рыболовные угодья.

Все эти обстоятельства повлекли резкое снижение жизненного уровня татарского населения. На протяжении второй половины XIX в. от татар поступило много прошений в окружные, губернские правления о возвращении отнятых у них земель. Они пытались доказать свои древние земельные права, как во времена Екатерины II, но их земельные документы не получали признания и «пропадали» в канцеляриях[2]. Поступало большое количество прошений по поводу тяжести налогов и невозможности их уплаты.

К тому же с 1860 г. в Западной Сибири началась засуха, продолжавшаяся более 10 лет. На обширной территории проживания сибирских татар свирепствовал голод, хлеб дорожал. Стоимость пуда муки на рынках выросла, с 14 коп. до 1 руб. 20 коп. В эти годы в Западной Сибири произошел повальный падеж скота. Эпидемии опустошали целые волости[3].

---

[1] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 26.
[2] Шиле. Татарское племя // Природа и люди. — 1879. Январь — февраль. — № 1. — С. 60.
[3] Журнал Главного управления Западной Сибири, 1879 г. — № 154. 10–20 ноября.

Вторая половина XIX в. представляет собой период истории сибирских татар, характеризующийся проникновением капиталистических отношений в татарскую деревню и в то же время заметным сохранением в ней патриархальных отношений. Отмена крепостного права и реформы 60-х годов XIX в. непосредственно не коснулись сибирских татар, поскольку они не знали такой формы феодальной эксплуатации, однако они имели специфические последствия для Сибири.

Проникновение капитализма в сибирскую русскую деревню вызвало развитие товарно-рыночных отношений и ускорение процесса расслоения крестьянства. Сибирские татары также были вовлечены в общие рыночные процессы и постепенно теряли свои земли. Они не могли противостоять эксплуатации со стороны государства. Государственная политика развития капитализма в Сибири путем земледельческой колонизации вширь ущемляла, прежде всего, экономические интересы татарского населения. Округа, в которых проживали сибирские татары, стали регионами с самой плотной численностью населения. Например, в Ялуторовском округе плотность населения составляла 10 человек на квадратную версту, в Тюменском — более 7 человек, в целом по Тобольской губернии — 2,2 человека на квадратную версту, в Томской — намного ниже[1].

Освобождение крестьян Европейской России от крепостного гнета помещиков увеличило поток переселенцев в Сибирь. В 1861–1895 гг. сюда переселилось 750 тыс. человек, осевших главным образом в Западной Сибири, в районах проживания сибирских татар[2]. Переселение происходило в условиях захватного земледелия.

Аграрная направленность экономики Тобольской и Томской губерний повлияла на особенности профессиональной структуры татарского населения. Если профессиональная структура сибирских татар в прошлом определялась природно-географическими и историческими условиями, то в пореформенный период она напрямую зависела от степени проникновения товарно-денежных отношений в сибирско-татарскую деревню.

В условиях Сибири, где населенные пункты расположены на значительном друг от друга расстоянии, большое значение имели дороги. Весной и осенью дороги были в непроезжем состоянии. В этих условиях в передвижении людей и перевозке грузов большую роль играли водные магистрали — сибирские реки и озера. Татары в этих целях пользовались двумя типами лодок: долбленками и кедровками. Долбленка — это долбленная из толстой осины лодка на одну пару весел (на 2 человека), пользовались ею для поездки на близкие расстояния. Кедровка — построенная из досок большая лодка на несколько пар весел. Использовались они для перевозки людей, различных грузов на дальние расстояния, на речных, озерных перевозах. Уход за мостами, дорогами в пределах землепользования, речными перевозами возлагался на население как обязательная повинность. Эти вопросы решались на сельских сходах[3].

---

[1] 50 лет Тюменской области. ... — С. 104.
[2] БСЭ. — М., 1970. — Т. III. — С. 40.
[3] Народы Сибири... — С. 479.

Немаловажное значение имели сухопутные тракты, особенно Москва — Иркутск. Протяженность почтовых и земских трактов только по территории Тобольской губернии составляла около 10000 верст. Эти дороги содержались в порядке за счет земских повинностей[1]. Они соединяли крупные экономические центры, играли важную роль для гужевого транспорта в пределах Западной Сибири. На этих дорогах многие из татар работали извозчиками. Зажиточные татары, работавшие на этих дорогах, имели наемных извозчиков. На работу нанимались безлошадные татары и бухарцы.

Решающую роль в развитии капиталистического рынка в Западной Сибири, вовлечении татарского населения в рыночные отношения сыграли водный и железнодорожный транспорт. Первые рейсы пароходов по линии Тюмень — Тобольск — Томск совершались еще в 40–50-е гг. XIX в. Со второй половины этого столетия от Тюмени до Томска стали регулярно ходить пароходы «Иртыш», «Польза», « Дружба». В 1860 г. открылось регулярное сообщение между Тобольском и Березовым[2].

Развитие Тобольского речного пароходства способствовало многократному увеличению перевозок и формированию местного капиталистического рынка. Для сибирских татар, юрты которых были расположены недалеко от крупных судоходных рек, развитие водного сообщения также имело немалое значение.

Огромное значение для Западной Сибири имели открытие в 1895 г. железной дороги Екатеринбург — Тюмень, вступление в строй в 1896 г. участка Транссибирской железнодорожной магистрали Челябинск — Курган — Омск. Железные дороги вовлекали экономику края во всероссийский рынок. Тюмень — исторический центр бывшего ханства, стал «воротами» Сибири[3].

Железные дороги Екатеринбург — Тюмень и Челябинск — Омск сыграли определяющее значение в развитии экономики Западной Сибири. Они способствовали образованию новых экономических центров[4].

В конце XIX столетия в татарских юртах появились предприниматели из татар, скупающие изделия кустарей, некоторые из них открыли кустарные предприятия, в которых люди работали по найму. В начале XX в. такие предприятия возникли в юртах и городах, но количество их было небольшим.

В пореформенный период вывозная торговля из Западной Сибири базировалась на вывозке продуктов сельского хозяйства: мяса, сала, сливочного масла, живого скота, шерсти, пуха, перьев, зерна и др. Вывоз был очень крупным, сырьевого типа. Продукты вывозились по низким ценам, что было крайне невыгодно для сибирских производителей сельскохозяйственной продукции. Цены значительно поднялись в засушливые 1880-е годы (см. табл. 27).

---

[1] ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 251. Л. 7.
[2] 50 лет Тюменской области. ... — С. 111.
[3] ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 29. Л. 16; Андронников И.А. Указ. соч. — С. 57.
[4] Там же. Д. 278. л. 57.

Таблица 27

Цены на некоторые продукты в 1860–1880 гг.[1]

Продукты	Цены на продукты, за пуд	
	1860 г.	1880 г.
Мука пшеничная	14 коп.	70–75 коп.
Мука ржаная	Нет сведений	45–75 коп.
Мясо говяжье	60 коп.	3 руб.
Сало говяжье	1 руб.	2,6 руб.
Сливочное масло	3 руб.	7,50 руб.

В Сибирь ввозились машины и другие изделия промышленности по высоким ценам.

Центрами реализации продуктов земледелия и скотоводства, кустарной промышленности и снабжения населения всем необходимым в хозяйстве и в быту были ярмарки. По мере развития торговых отношений число их быстро росло. Так, в 1884 г. в Тобольской губернии насчитывалось 72 ярмарки, в 1888 г. их стало 433[2]. Самыми крупными в местах проживания татарского населения были Ирбитская, Тюменская, Тобольская, Томская, Ембаевская и другие ярмарки.

На ярмарках и рынках татары скупали и продавали скот, мясо говяжье, мясо домашней и дикой птицы, сало, кожи, шкуры, пушнину, пух, рыбу, орехи, ягоды, хмель, мох. Предметами их торговли были также войлок, мочало, веревки, дрова, лесные стройматериалы, березовое корье, сено, сбруя, лыжи, лодки, предметы домашнего обихода. Приобретали они текстильные и металлические изделия, чай и другие товары и продавали их в городах и селениях[3].

Бухарцы скупали в Сибири продукты скотоводства — кожу, сало, мясо, изделия местных кустарей и вывозили гужевым транспортом на ярмарки. Обозы некоторых бухарских купцов составляли до 500 подвод. Вывозили миллионы штук кожи[4].

В пореформенный период во многих татарских юртах появились лавки, в которых продавались самые разнообразные товары, в крупных селениях было несколько лавок. Многие татары в свободное от хозяйственных работ время занимались мелкой развозной торговлей[5].

Вот как этнограф Шиле описывает татар, занимавшихся мелкой развозной торговлей: «Во многих, даже самых отдаленных сибирских городах можно встретить не одного татарина-базургана, у которого найдутся чай, спички, вакса, косметика, письменные принадлежности, фрукты, не растущие в Си-

---

[1] ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
[2] 50 лет Тюменской области... — С. 112.
[3] Валеев Ф., Томилов Н.А. Указ. соч. — С. 61; История Сибири. Т. 3.... — С. 80.
[4] Храмова В.В. Западносибирские татары. ... — С. 478.
[5] 50 лет Тюменской области. ... — С. 113.

бири, книги, даже русские. Хотя через татар, только бы просвещаться сибирякам!»[1].

Среди ввозимых в Сибирь через Тюмень грузов первое место занимали продукты машиностроения, бакалейные товары, мануфактура, посуда и т.п. Из Сибири вывозилось продовольствие: хлеб, масло, мясные продукты, яйцо, рыба, а также пушнина и лес.

Эти факторы оказали значительное влияние на экономическое развитие татарского населения. Основная масса татар и в пореформенный период также оставалась деревенской. В городах проживало немногим более 1% сибирских татар. Вообще Западная Сибирь была регионом преобладания сельских жителей, городское население составляло в 1897 г. 6,1% от всего населения.

Развитие торговли стимулировало внедрение товарно-денежных отношений во все отрасли хозяйства татарской деревни, способствовало росту товарности земледелия, скотоводства, кустарных промыслов и ускорило разложение патриархального уклада.

Углублялось социальное расслоение татарской деревни. Наиболее зажиточная часть сельских татар, продолжая трудиться в своих хозяйствах, стала привлекать наемных работников для обработки земли, ухода за скотом, для производства кустарных изделий и извоза. Если раньше товарную продукцию своих хозяйств земледельцы, скотоводы, кустари сами продавали на рынках, то в пореформенный период в татарских юртах появились люди, которые скупали эту продукцию и реализовывали ее на рынках. У сибирских татар появилась буржуазия — земледельцы, скотоводы, предприниматели кустарных промыслов, торговцы. Социальное расслоение привело не только к появлению зажиточного слоя, но и к увеличению количества безземельных, безлошадных татар-бедняков.

Развитие торговли, увеличение вывоза продуктов сельского хозяйства не привели к улучшению экономического положения производителей этих продуктов, цены на них оставались низкими[2]. Исследователи отмечают огромное колебание цен на товары первой необходимости на сибирских рынках, что создавало условия для спекуляции. Газета «Восточное обозрение» (№ 30 за 1886 г.) приводит интересные сведения о ценах на муку и мясо в городах и селах на пути от Хабаровска до Омска (см. табл. 28).

---

[1] Шиле. Указ. соч. — С. 3.
[2] ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

Таблица 28

Цены на муку и мясо в городах Сибири в 1886 г.

Город	Цены на продукты, за пуд	
	на ржаную муку	на мясо
Чита	2,50	2,30
Иркутск	1,50	4,00
Канск	0,60	2,80
Ачинск	0,50	2,80
Томск	0,50	2,60
Омск	0,30	1,60

Товарность земледелия и скотоводства татар была невысокой. Характерной особенностью пореформенного периода является проникновение товарно-денежных отношений во все регионы проживания татар, даже в самые отдаленные округа.

Несмотря на рост товарно-денежных отношений и появление национальной буржуазии, основная масса трудового народа у сибирских татар жила в трудных условиях, о чем свидетельствуют демографические показатели второй половины XIX в. В этот период численность татар не только не увеличилась, а наоборот — уменьшилась. Такая картина была характерна для всех групп татар, кроме бухарцев, количество которых возросло. В 1880 г. в двух губерниях Западной Сибири — Тобольской и Томской — сибирских татар было 43703 человека, а в 1897 г. — 42098 человек. Количество бухарцев было в 1860 г. 8879 человек, в 1897 их численность составляла 11559 человек[1].

Во второй половине XIX в. многочисленной социальной группой у сибирских татар являлись середняки, однако этот слой был не стабильным. Причиной тому были многие факторы — климатические условия, колебания цен на рынках, жестокие законы Российской империи в отношении коренных народов Сибири, шовинизм русских переселенцев и др. Поэтому слой татар-середняков постепенно размывался — часть переходила в ряды зажиточных, пополняла ряды баев — кулаков или купцов, часть увеличивала ряды бедняков.

Некоторые татары, особенно безлошадные, закладывали или сдавали в аренду свою пашню и другие угодья, постепенно эти угодья переходили к русскому населению. В пореформенной татарской деревне возросла прослойка безлошадных бедняков, добывавших себе пропитание кустарными промыслами или поденщиной у своих односельчан и в соседних русских селениях.

---

[1] Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Языки и роды инородцев. Т. 1. — СПб., 1911. — С. 57.

Для более ясного представления экономического положения татарских крестьян приводим бюджет средней татарской семьи конца 80-х годов XIX в.

Бюджет средней татарской семьи конца 80-х годов XIX в.

Состав семьи — 6 человек.

Муж — Тусанов Юмаш, жена — Бабаева Батый.

Сыновья — 20, 12, 7 лет, дочь — 3 года.

Имущество:

дом одноэтажный с черной и белой половиной, площадь — 29 квадратных метров (в современном метрическом исчислении), стоимость 40 рублей. Пригон для скота — 24 кв. м., стоимость 3 рубля.

Скот:

лошади — 2 гол. (30 руб.),

коровы — 2 гол. (20 руб.),

молодняк крупного рогатого скота — 2 гол. (8 руб.),

всего скота на 58 руб.

Посуда: чайник, чайные чашки, блюда, горшки, крынки — всего 18 предметов — на сумму 2 руб. 90 коп.

Постель — 2 перины — из лосиной шерсти и пуха (1 руб. 80 коп).

Земледельческие орудия — 12 предметов (2 руб. 40 коп).

Хозяйственный инвентарь — 29 предметов (4 руб. 09 коп).

Сбруя и экипаж — 6 предметов (7 руб. 90 коп.)

Стоимость всего имущества — 119 руб. 84 коп.

Расходы семьи в год:

одежда — 18 руб. 16 коп.;

пища для членов семьи и корм для скота — 54 руб. 20 коп.;

мелкие расходы — 17 руб. 14 коп.

Подати и повинности:

государственная оброчная подать на душу - 4 руб. 28 коп.

Повинности — на уплату квартирного довольствия, повивальной бабке, медицинской и ветеринарной помощи, за оспопрививателя и переводчика татарского языка — 18,5 коп.

Доходы семьи:

рожью была засеяна 1 десятина, урожай 160 суслонов — 80 пудов; ячменем засеяна 1 десятина — 60 суслонов — 45 пудов;

сена с площади 4 десятины заготовлено 150 копен, 4 стога;

остальная пашня пустует.

Стоимость хлеба и сена:

ржи 80 пудов — по 35 коп. (28 руб.);

ячменя 45 пудов — по 30 коп. (13 руб. 50 коп);

сена 150 копен (30 руб.);

Всего от земледелия — 71 руб. 50 коп.

Денежная выручка от скотоводства: — от продажи нетели — 6 руб., теленка — 3 руб.

Доход от продажи ягод — 5 руб., отдачи в аренду сенокоса — 12 руб. От случайной деятельности (ямщик и др.) — 5 руб.

Общая денежная выручка — 102 руб. 50 коп.

Расходы:

на одежду — 18 руб. 16 коп.;

на питание членов семьи и кормление скота — 54 руб. 90 коп.;
мелкие расходы — 17 руб. 14 коп.;
подати и повинности — 8 руб. 94 коп.;
непредвиденные расходы — 5 руб.;
всего расходов — 98 руб. 97 коп.;
Превышение доходов над расходами — 3 руб. 52 коп[1].

К концу XIX в. сибирские татары в значительной степени утратили традиционные черты своего хозяйственного уклада и быта[2].

Изучив жизнь сибирских татар во второй половине XIX в., Н.М.Ядринцев сделал вывод, что экономический быт их не улучшается и не прогрессирует, а снижается, и они превращаются в безземельных пролетариев[3].

Обедневшие татары были вынуждены покинуть деревни, идти на заработки в города, на предприятия русских и мелких татарских предпринимателей. В районе Тюмени было развито кожевенное производство, в Тобольске — лесопиление. В конце XIX в. стали появляться рабочие из татар, наблюдался рост сельской и городской татарской буржуазии, преимущественно мелкой. Положение татар было тяжелым. Не имея профессии, они в основном выполняли тяжелую черную работу, работали в тесных, полутемных помещениях, где наблюдался высокий травматизм. При этом не было никакой социальной защиты. Рабочий день длился 10–13 часов, зарплата не превышала 10–15 рублей в месяц, существовала грабительская система высоких штрафов за малейшие проступки. Жилищные условия рабочих были ужасными. Нищета, бесправие были постоянными спутниками рабочих[4].

Начало XX в. ознаменовалось значительным прогрессом земледелия и скотоводства татар Западной Сибири. Повысились урожайность полей и продуктивность животноводства. Татары, хотя и в небольшом количестве, стали производить товарную продукцию. В первом десятилетии века в два раза сократилось число безлошадных татар. Завоевание огромных территорий в Сибири и других регионах направило Россию на экстенсивный путь развития, развитие капитализма отличалось противоречивостью, многие внутренние резервы не использовались.

Крупной торговлей в Западной Сибири в начале XX в. в основном занимались те же бухарские и татарские роды, как и во второй половине XIX в. Многие татары в свободное от полевых работ время продолжали заниматься мелкой торговлей. В каждой татарской деревне были торговые лавки, в некоторых — несколько лавок. Увеличилось число татар-скупщиков хлеба, мяса, сала, изделий кустарных промыслов.

Крупными центрами торговли кожей, продуктами скотоводства были юрты Ембаево, Тураево, Чикча, Большие Акияры, которые стали заявлять о себе во второй половине XIX в. Торговый оборот Ембаева превышал 200 тыс. руб. в год, Тураева — 150 тыс. руб. С начала XX в. в юртах Карбанских в августе стала проводиться ежегодная ярмарка, оборот которой достигал 150

---

[1] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев в Западной Сибири. — Вып. IV... — С. 161, 164.
[2] История Сибири. Т. III. — Л., 1968. — С. 82.
[3] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 32.
[4] 50 лет Тюменской области. ... — С. 111, 112.

тыс. рублей[1]. В начале XX в. в каждой татарской деревне, не выезжая в город, можно было купить необходимый товар.

В этот период наиболее крупными торговцами, занимавшимися обширной торговлей в масштабах страны, являлись потомки сибирских бухарцев. Наиболее видными были Сейдуковы (юрты Ембаевские Тюменского уезда), Айтикины (г.Тара), Ченбаевы и Тушаковы (г.Тобольск), Муртазины, Мурсалимовы (г.Тюмень) и др. Потомственные купцы Сейдуковы на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Семипалатинске, Петропавловске и других городах торговали «азиатскими товарами»: чаем и пряностями из Китая, коврами, шерстяными и шелковыми тканями, среднеазиатскими сушеными фруктами[2]. Их главная торговая база располагалась в Тюмени, здесь находились их магазины и склады для товаров. В 10-х годах XX в. Сейдуковы вели успешную торговлю галантерейными товарами в городах Верный, Зайсан, Каракалинск, Чугучак. Широко известные в торговом мире России Сейдуковы были тесно связаны со многими крупными фирмами Москвы, Санкт-Петербурга и других городов[3]. Крайними пунктами их торговых контактов, как и других богатых купцов, были Кульджа и Яркенд на юге, Ирбит — на севере, Нижний Новгород — на западе. На Ирбитской ярмарке они закупали железные, кожевенные изделия, мануфактуру и отправляли в Семипалатинск, Верный, Ташкент и другие города; в летнее время поднимались на барках до Семипалатинска, а оттуда развозили товары в разные города на лошадях[4]. Среди бухарцев были и казанские татары, которые, накопив капитал на торговле в Казахстане и Средней Азии, включались в состав бухарцев и занимались торговлей как «почетные бухарцы». Таким образом в Тобольской и Томской губерниях обосновались казанские татары Айпины, Айтикины, Сулеймановы, Чинбаевы, Бухараевы и др.[5].

* * *

Хозяйство сибирских татар в исследуемый период развивалось как комплексное хозяйство и включало земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство, собирательство, ремесла, промыслы и торговлю. Длительные и активные контакты между представителями разных этнографических групп сибирских татар, бухарцев и поволжско-приуральских татар способствовали формированию у них сходных хозяйственных культур.

Один из традиционных промыслов сибирских татар — охота — к началу XVIII в. резко сократилась вследствие уничтожения промысловых видов и во второй половине XIX в. окончательно пришла в упадок. К началу XX в. потеряло былое значение рыболовство, товарное значение его сохранилось

---

[1] Гарифуллин И. Б. Указ. соч. — С. 20.

[2] Шура. 1913. — Б. 513–514.

[3] Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. — Казань: Таткнигоиздат, 1992. — С. 87.

[4] Амирханов Р.У. Развитие татарского предпринимательства в начале XX в. (1901–1917 гг.) // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность: материалы научной конференции. — Чебоксары, 2000. — С. 232.

[5] Әмәтвәли Мәнгәр. Хәтирәләр. — Казан, 1997. — Б. 124.

только на Барабе и в Заболотье. Определенное значение сохранил сбор ягод, особенно клюквы и брусники, кедровых орехов.

У сибирских татар были развиты ремесла, с развитием товарно-денежных отношений они дополнялись домашними промыслами, появились кустари-профессионалы. Одним из распространенных занятий сибирских татар был извоз. С усилением классового расслоения увеличилось количество татар, занимающихся отходничеством.

В XVIII в. складывается торговое сословие сибирских татар. Татарские купцы продавали в Сибири, Казани, Китае, Монголии, Средней Азии и Казахстане. В XVIII — начале XIX вв. происходили позитивные изменения в хозяйстве сибирских татар, но в результате фискальной политики правительства в 60-е годы XIX в. наблюдается ухудшение их жизненного уровня. Развитие земледелия, скотоводства, торговли на рубеже XIX и XX вв. способствовало укреплению хозяйства татар Западной Сибири. Торгово-рыночные отношения проникли во все регионы их проживания.

Глава IX

Культура сибирских татар

§ 1. Традиционная культура сибирских татар

Богатое народное творчество татар было известно русским уже в XVII в. Легенды, предания, исторические песни, баиты и другие жанры татарского фольклора привлекали внимание исследователей и ученых. Отдельные памятники устного народного творчества сибирских татар — исторические песни, предания, легенды — включены в Есиповскую, Ремезовскую и Кунгурскую летописи. В них отражена жизнь татарского населения до ханского периода, а также процесс образования ханства с центром в Ишиме, Тюменского и Сибирского ханств, важные моменты истории ханств[1].

Фольклор сибирских татар привлекал внимание Г.Ф.Миллера и И.Э.Фишера. Работу по сбору и исследованию образцов народной литературы сибирских татар возобновил во второй половине XIX в. в более широких масштабах академик В.В.Радлов, собравший огромный лингвистический и исторический материал. Он опубликовал широко известный капитальный труд «Образцы литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири, в Джунгарской степи» в трех частях: первая посвящена собственно образцам народной литературы, представляет неоценимый вклад в этнографию, вторая часть посвящена изучению лексики, третья — сравнительной грамматики. Для исследования истории, языка и этнографии сибирских татар огромный интерес представляет труд В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4. Наречия барабинских, тарских и тюменских татар»[2]. В более широком плане исследования были опубликованы в его этнографическом труде «Aus Sibirien»[3].

---

[1] Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия. — СПб., 1916. — № 3, 4.

[2] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4. Наречия барабинских, тарских и тюменских татар. — СПб., 1872.

[3] Radlow W.W. Aus Sibirien. Lose Blotter aus meinem Tagebuch. — Leipzig, 1893.

Работу В.В.Радлова продолжил его ученик, сын хакасского народа, этнограф и археолог профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов. Он собрал и издал на русском языке опубликованный В.В.Радловым материал по языкознанию, этнографии, археологии и истории сибирских татар и других народов Западной и Южной Сибири. Н.Ф.Катанов в различных выпусках «Ежегодника Тобольского губернского музея» публиковал предания тобольских татар[1].

Одна из отличительных особенностей древней и средневековой традиционной тюркской культуры состоит в том, что она формировалась в условиях государственности[2]. Начиная с конца XVI в. культура сибирских татар продолжила свое развитие в других исторических условиях.

Кроме огромных людских потерь, страданий и мучений, гибели материальных ценностей, завоевание Сибирского ханства привело к утрате накопленных веками духовных ценностей сибирских татар. В военных действиях погибла большая часть грамотных людей — феодальная знать и мусульманское духовенство. В тюркских государствах существовала традиция последовательной фиксации исторических событий и описания действий государей, дипломатических отношений. Эти записи и другие государственные документы сибирских ханов, накопленные в течение почти пяти веков, были безвозвратно утеряны. Потери продолжались и в XVII в., во время выступлений сибирских татар и других народов Сибири за независимость. В результате сильно пострадала духовная культура сибирских татар. Конец XVI — начало XVIII вв. были самым трудным периодом в их духовной жизни.

Несмотря на трудности, у сибирских татар развивались устное народное творчество, изобразительное искусство, вышивка, архитектурное, музыкальное и танцевальное искусство. Вместе с ногаями в среду сибирских татар проникает эпос об Идегее, в котором ярко выражено отношение татар к своей государственности. В связи с переселением поволжских татар в среду сибирских татар проникает и их фольклор. Процесс борьбы против экономического и духовного гнета, общая религия ислам, миграция значительного количества татар из Поволжья способствовали сближению и единению культуры сибирских и поволжских татар.

В народе были широко распространены исторические предания различного жанра, сказки, песни, баиты, пословицы и поговорки[3]. На общетюркской основе и под влиянием местных, сибирских особенностей развивались различные жанры фольклора. У сибирских татар бытовали свои семейные и общественные обряды, сложилась народная педагогика — система воспитания детей, сложились нормы общественного поведения.

В народном творчестве освещаются события, связанные с завоеванием татарского государства казаками под руководством Ермака.

---

[1] Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // ЕТГМ. — 1895–1896. — Вып. 5; Его же. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // ЕТГМ, 1897. — Вып. 7; Его же. Предания тобольских татар о происхождении киргизского народа // ЕТГМ, 1897. — Вып. 7; Его же. Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане // ЕТГМ, 1898. — Вып. 9; Его же. Погребальные обряды тобольских татар // ЕТГМ, 1898. — Вып. 9.

[2] Дәүләтшин Г. Төрки-татар рухи мәдәнияты тарихы. — Казан: Татарстан китап нәшр., 1999. — Б. 15.

[3] Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С. 149–150.

Праздники и обряды являются одним из признаков этнической идентификации того или иного народа. До недавнего времени имеющийся этнографический материал давал отрывочные сведения об отдельных праздниках и обрядах сибирских татар. В последнее время появились труды казанских этнографов, написанные по итогам экспедиций в татарские деревни Западной Сибири, в которых исследуются праздники и обряды сибирских татар. Татары Западной Сибири, как и все мусульманские народы, праздновали общие мусульманские праздники. Торжественно отмечали религиозные праздники — Ураза-байрам в честь окончания мусульманского поста и спустя 70 дней после него — Курбан-байрам. Накануне праздников все мылись в бане. Надевали новую или чистую одежду, все мужчины шли на общественное моление в мечеть (гает намазы). В каждом доме готовили праздничное угощение, приглашали гостей, навещали родителей и родственников. В эти дни посещали кладбище, читали суры из Корана, поминали предков и умерших родственников[1].

Как ни была тяжела жизнь народа, не обходились без национальных и семейных праздников. Сведений о том, праздновался ли сабантуй в XVIII в., нет, но в середине XIX в. праздник отмечали. Его программа и порядок не отличались от казанско-татарского.

Из семейных праздников торжественно праздновали рождение ребенка (бәби туе), свадьбу. В отличие от казанских татар, у которых свадьба проходила в основном в доме невесты, сибирские татары проводили свадьбу в доме и жениха, и невесты. Заключение брака было возможно в нескольких формах: браки по сватовству, браки по похищению невесты (в основном по ее предварительному согласию), брак «убегом». Доминирующей формой был брак по сватовству.

Как и у всех групп татар, у сибирских татар почиталось доброжелательное отношение к соседям (күрше хакы). С соседями стремились жить мирно, в дружбе. Неодобрительно относились к односельчанам, которые ссорились с соседями. Соседей наравне с родственниками приглашали в гости — на свадьбу, семейные и религиозные праздники.

У сибирских татар, как и у поволжско-приуральских, были свои местные, приуроченные к определенному астрономическому времени года праздники. Как отмечает этнограф Р.К.Уразманова, годовой цикл этих праздников имел заметные территориальные особенности.

Особым праздником әмәл отмечалось наступление весеннего равноденствия — 22 марта. У персов и тюрков Средней Азии и Кавказа этот день празднуется как науруз. В условиях Сибири әмәл по существу является праздником встречи Нового года по древнему тюркскому календарю, так как весна в Сибири наступает позже. В этот день рано утром дети обходили дома и собирали заранее приготовление угощение, желая хозяевам благополучия и здоровья. Устраивали катания на санях.

В день начала ледохода все жители деревни выходили на праздник, который проходил на берегу реки. В этот день желали друг другу здоровья; дети и молодежь устраивали игры. В засушливое лето сибирские татары устраи-

---

[1] Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 126–129.

вали Яңгыр теләк — пожелание дождя: собирали разные продукты, готовили кашу, или на собранные деньги покупали скот, резали его, варили и угощали всех. По окончании трапезы устраивали символ дождя — обливали друг друга водой. Татары отдельных групп проводили встречу грачей[1].

В одну из пятниц перед севом яровых устраивали Цым — день поминовения предков. В этот день красили яйца, раздавали их детям, приносили на кладбище, обычно на могилы святых — астана. Умершим устанавливали надмогильные ограды. Мужчины проводили моление, затем устраивали трапезу.

Свадебный обряд сибирских татар имел небольшие отличия в каждой группе, но по многим элементам он был идентичным обрядам поволжских татар. В этом обряде сибирских татар сохранились некоторые архаичные элементы[2].

У сибирских татар был свой календарь, отражающий особенности их хозяйственной жизни, который, по-видимому, использовался и в государственных документах. До наших дней календарь не сохранился. Однако А.П.Дульзон обнаружил календарь чулымских татар. Можно предположить, что он незначительно отличался от общего календаря сибирских татар. Как и у соседних тюрков (сагайцев, койбалов, алтайцев, черневых татар), календарный год чулымцев делился на 13 месяцев, в названиях которых нашли отражение основные особенности их хозяйственной жизни.

Так, у проживавших по берегам Чулыма, выше деревни Тугалы чулымцев названия месяцев звучали следующим образом:

I — Чылзырты — хребет года (соответствовал примерно январю);
II — Туллгай — месяц лисицы;
III — Кучуган ай — месяц орла;
IV — Каргай — месяц вороны;
V — Когай — месяц кукушки;
VI — Арык палык ай — месяц тощей рыбы;
VII — Изиг юрген ай — месяц теплой икры;
VIII — Кузукай — месяц сбора орехов;
IX — Чазыг ай — месяц листопада;
X — Чалакак ай — гололистный месяц;
XI — Чарым кыш, чарым ай — полмесяца зимы, полмесяца лета;
XII — Кичиг соок — небольшой мороз;
XIII — Улуг соок — сильный мороз[3].

У чулымцев, проживавших ниже деревни Тугалы, названия месяцев несколько отличаются от приведенных выше. Сибирские татары пользовались также и двенадцатилетним животным циклом летоисчисления.

Фольклор сибирских татар отличается жанровым разнообразием. Народная память хранила различные сказания и исторические предания о важ-

---

[1] Уразманова Р.К. Указ. соч. — 126–129.

[2] Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. — Казань, 2002. — С. 144–154.

[3] Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. IX. — Томск, 1952. — С. 119.

нейших исторических событиях и ярких личностях. У сибирских татар распространены различного жанра сказки, а также лаконичный афористический жанр фольклора — пословицы, поговорки и загадки. Как и казанские татары, сибирские татары сочиняли по тем или иным событиям баиты — произведения эпического жанра в стихотворной форме. Различные по жанру и мелодике песни и танцы сопровождались игрой на традиционных народных инструментах — курае, кубызе, сазе и др. Исследователь сибирских татар Ф.Т.Валеев пишет, что фантастические и другие сказки народа отражают суровые природные условия Сибири, его тяжелую борьбу за выживание. Сказки сибирских татар сохранили следы истории народа и борьбы добра со злом[1]. Пословицы и поговорки сибирских татар имеют два исторических начала — традиционное тюркское и связанное с исламской религией. Они отображают мораль, нормы поведения, отношение человека к обществу, к природе и т.п.

Песенное творчество сибирских татар вплоть до 30-х годов XIX в. почти не изучалось, но сохранившиеся в народе старинные песни свидетельствуют о разнообразии песен. В 1864 г. «Тобольские губернские ведомости» опубликовали 83 песни сибирских татар. Несмотря на то, что публикация сопровождалась вступлением, написанным в пренебрежительно-великодержавном тоне, сами песни являются ценным памятником духовной культуры сибирских татар.

Исследователи народного танцевального искусства сибирских татар отмечают разнообразие хороводных танцев тарских и барабинских татар, плавность движений, разнообразие рисунка народных танцев. В то же время они дают возможность убедиться во влиянии на танцы сибирских татар танцевального искусства казанских татар. У сибирских татар бытовали и сольные танцы[2].

Инструментальное искусство играло и продолжало играть важную роль в жизни сибирских татар. Разнообразным был и музыкальный инструментарий. В фольклорных материалах, собранных В.В.Радловым, можно встретить названия таких музыкальных инструментов, как ядыган (ятаган), кыцаг (шиджаг), тумра или думбра, также духовых — быргы и най[3]. В аналогичных материалах, собранных экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР с 1967 по 1973 г., фигурируют думра, 70-струнный ятаган, 60-струнная думбра (серповидная думбра), тэп (даб) — мембранный инструмент[4].

Кроме того, экспедициями выявлено бытование таких инструментов, как тюнгер — бубен с медными бляхами, комус — язычковый варган, из духовых инструментов курай, струнный гиджак. В числе древних инструментов известен струнный кобыс, бытовавший до начала XX столетия[5].

---

[1] Валев Ф.Т. Сибирские татары. — Казань, 1992. — С. 149.

[2] Монашкина Н.А. Традиционная хореография барабинских татар // Этнические и социально-культурные процессы народов СССР. — Омск, 1990. Кн. 2. — С. 98–100; Левочкина Н.А. Отражение этнокультурных связей в хореографическом искусстве барабинских и тарских татар // Этническая история и культура народов советской страны. — Омск, 1991. — С. 127, 129.

[3] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. — СПб., 1872. — С. 56, 147, 165, 259, 309.

[4] Ярмухаметов Х.Х., Ахметова Ф.В. Некоторые итоги и задачи собрания и изучения фольклора сибирских татар // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ за 1972 г. — Казань, 1973. — С. 103–106.

[5] Ахметова Ф.В., Монасыпов Ш.Х. К вопросу о музыкальных инструментах сибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 136–145.

Декоративное искусство является частью духовной и материальной культуры, она представлялась в произведениях народных мастеров, в форме художественных промыслов, а также в производстве предметов быта.

Общая направленность художественной культуры сибирских татар была в русле традиций и эстетических канонов ислама. Сохранились локальные различия. Западная Сибирь была регионом развития мусульманской культуры, она имела самые тесные связи со Средней Азией и Поволжьем.

Потеря государственности не привела к потере этнической самостоятельности. Древнее ремесленное производство сосредоточилось в таких крупных юртах сибирских татар, как Ембаево, Шикча, Тураево, Тоболтура и др. Появились татарские ремесленные слободы в Тюмени, Тобольске, Томске.

Изобразительное искусство сибирских татар проявлялось, прежде всего, в орнаменте. Орнаментация представляла собой довольно сложную и разнообразную картину. Материалом для нанесения орнамента служили дерево, береста, кожа, ткани, ковры, войлок, металл, глина и др. Орнамент по дереву наносился на предметы быта — сундуки, шкатулки, дуги, короба, а также на наличники окон и ворота. Орнамент по коже наносился на обувь, кошельки, конскую сбрую.

Орнаментика имела в основном общетюркские корни, растительные и геометрические мотивы. Исследователь орнамента народов Сибири С.В.Иванов пишет об орнаменте тоболо-иртышских татар как особом типе и указывает на его широкое распространение у казанских татар и узбеков[1].

Широко распространена была вышивка: вышивали отдельные элементы одежды, женские калфаки, тюбетейки, женские нагрудники, молитвенные коврики. Вышивали шелком, тамбуром, бисером, серебряными и золотыми нитями. В вышивках применяли растительные и геометрические узоры. Изображения животных и людей не встречаются. У сибирских татар развивается золотошвейное искусство — для себя и по заказу. В Западной Сибири стали производиться узорчатые татарские сапоги.

У всех татар Сибири было довольно разнообразное ювелирное искусство. Основным материалом ювелирных изделий служило серебро, реже — золото. Существовала сложная техника чеканки, нанесения эмали. Сибирские татары изготовляли узорчатые ковры из шерстяных ниток и войлока[2].

Казанские татары принесли изменения в одежду, в экстерьер татарских домов, полихромию, резьбу по дереву. В исследуемый период формируется общенациональный стиль татарского искусства.

Народная память сибирских татар сохранила предания о своих предках, об образовании государства сибирских татар, о ханах, особенно о Кучуме, о принятии и распространении ислама в Западной Сибири. Вначале они распространялись в устной форме. Затем, по-видимому, в XVII в., а может быть, и намного раньше, появились письменные исторические сочинения сибирских татар. В них отражена жизнь татарского населения до ханского периода,

---

[1] Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. По материалам XIX — начала XX вв. — М.; Л., 1963. — С. 32; Его же. Народный орнамент как исторический источник // С.Э. — 1968. — № 2.

[2] Томилов Н. А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — С. 201, 203.

периода образования ханств с центром в Ишиме и времени Тюменского и Сибирского ханств[1].

Сибирские татарские исторические документы, использованные составителями сибирских летописей, Г.Ф.Миллер называет устными преданиями, хотя и им он придает большое значение. Письменные исторические предания сибирских татар имеют глубокие корни: они стали фиксироваться с появлением арабской письменности[2].

Как известно, у тюрков уже в VII в. была широко распространена руническая письменность, памятники которой подтверждают существование у орхонских и енисейских тюрков общего для них литературного языка без диалектных различий. Исследователь истории древних тюрков И.Л.Кызласов утверждает: «Реальные данные о грамотности и образованности носителей этих письменностей убеждают в существовании древнетюркской интеллигенции — особого сословия, видевшего свое предназначение в умственной деятельности. Грамотность и образованность древнетюркской знати выявляет высокий авторитет письменной культуры у этого древнего народа Евразии. Памятники тюркского письма оставили не только аристократы. Существуют доказательства владения руническим письмом представителей военной среды и людей из низов, в частности, надпись на камне: «...это я написал — писарь, ничтожный скверный раб (божий) по имени Багатур-чигши»[3]. К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями о распространении у сибирских татар до принятия ислама рунического письма, прошло очень много времени от существования древнетюркских каганатов до принятия ислама сибирскими татарами, но, как общеизвестно — великие цивилизации не исчезают бесследно.

Сохранившиеся в сибирских летописях и в различных жанрах народного творчества исторические предания говорят о развитии исторических знаний у сибирских татар.

Автор не видит необходимости излагать содержание преданий сибирских татар, использованных составителями сибирских летописей, о них мы уже говорили. Они изданы, давно вошли в научный оборот, и любой желающий их может прочитать. Речь пойдет об исторических преданиях сибирских татар, не использованных составителями сибирских летописей.

Одним из древних преданий татар является дастан (произведение эпического жанра в письменной или устной форме, на историческую или любовно-лирическую тему) «Ильдан и Гульдан», записанный у сибирских татар, хранившийся в архиве Института языка, литературы и искусства им Г.Ибрагимова[4]. Он был опубликован в 2000 г. в журнале «Мирас»[5]. В дастане в повествовательной и стихотворной форме излагаются исторические события, относящиеся к 20-м годам XIII столетия. В событиях участвуют конкретные

---

[1] Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия. — СПб., 1916. — № 3, 4.

[2] Кызласов И.Л. Грамотность и образованность в эпоху рунического письма // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998, Тобольск). — Тобольск, 1998. — С. 32–33.

[3] Кызласов И.Л. Указ. соч. — С. 32.

[4] Архив ИЯЛИ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 31.

[5] Илдан белән Гөлдан (дастан) // — Мирас. — 2000. — № 8. — Б. 17.

исторические личности — правители татарских улусов Приишимья: Онсом, Иртышак, Чангы би, между которыми идет жестокая борьба за престол Ишимского, а затем и Тюменского ханства. Большое историческое и лингвистическое значение имеют встречающиеся в тексте топонимы и гидронимы. Дастан имеет довольно высокое художественное достоинство. Освещение исторических событий переплетается с описанием любовных приключений. Язык дастана соответствует татарскому литературному, фонетические, морфологические и синтаксические особенности, присущие говорам сибирских татар, придают произведению местный колорит.

Недавно были опубликованы два дастана, посвященные борьбе сибирских татар за независимость во второй половине XVI в. Оба дастана зафиксированы в деревне Ишимтамак Тюменской области Хафизом Рахматуллиным, сохранившим для науки множество произведений устного народного творчества сибирских татар. Первый записан им в 1917 г. со слов сибирского татарина Олы Байурасы Гафура, второй — в 1919 г. от Бакир-бабая. Записи переданы в 1941 г. и 1942 г. в архив вышеназванного института[1]. В первом дастане, который называется «Славная девушка Тукбика», рассказывается о борьбе сибирских татар против русских отрядов, совершавших завоевательные походы в пределы Сибирского ханства еще до похода Ермака в Сибирь. Сюжет этого дастана и образ девушки Тукбики, по-видимому, были прежде широко распространены среди сибирских татар. В 1940 г. песня «Тукбика» с аналогичным сюжетом была записана композитором А.Ключаревым в Омской области от Ю.Габдрашитова, ее текст был опубликован[2].

Второй дастан под названием «Тимер батыр» посвящен событиям периода похода Ермака в Сибирь. Как известно, гибель Ермака в исторической литературе освещается в двух вариантах: в соответствии с первым он утонул в реке Вагай при попытке прыгнуть из струги на берег, вторая версия гласит, что он был сражен стрелой татарского воина. В дастане говорится, что Ермак был сражен стрелой воина Кучума Тимер батыра[3].

В народном творчестве отражаются и другие события, связанные с походом Ермака. Сибирские татары сохранили предания о хане Кучуме, о его прекрасной жене по имени Сузге. Образ Сузге в памяти народа отождествляется с образом казанской ханши Сююмбике, плененной и увезенной русскими в Москву. По преданиям казанских татар, Сююмбике, не желая сдаваться русским, бросается с высокой башни, сооруженной над могилой ее мужа, хана Сафа-Гирея. По преданиям сибирских татар, так же поступила Сузге — не покорилась завоевателям и с высокого берега бросилась в могучие волны Иртыша.

Вдохновленный татарским преданием о сибирской царице русский поэт-сказочник П.П.Ершов (1815–1869) написал в 1837 г. поэму «Сузге». Поэма была встречена с одобрением и высоко оценена прогрессивной общественностью России, протестовавшей против захватнических устремлений цариз-

---

[1] Әхмәтҗанов М.И. Себер ханлыгына кагылышлы билгесез татар чыганаклары // Фән һәм тел: Фәнни-хәбәри журнал. — 2003. — № 2. — С. 24–31 ; Әхмәтҗанов М.И. Билгесез татар чыганаклары // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3–4. — С. 35–41; Архив ИЯЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170, 171.

[2] Мәрьям Рахманкулова җырлый. — Казан: Татарстан китап нәшр., 1984. — С. 42–43.

[3] Тимер батыр // Фән һәм тел: Фәнни-хәбәри журнал. — 2003. — № 2. — 32–34 б.

ма. Поэма получила сценическое и музыкальное воплощение. В 1889 г. спектакль «Сузге» был показан на «Сибирских вечерах», приуроченных к 300-летию похода Ермака. В 1886 г. тобольский композитор И.Корнилов сочинил по ее мотивам одноименную оперу. Пьеса шла в 1904 г. в Тобольске, в 1924 г. — в дер. Верхнее Филатово Тобольского уезда (на татарском языке), в 1940 г. в учительском институте и на сцене окружного татарского театра в Тобольске. Образом прекрасной и отважной Сузге заинтересовались и художники. Так, например, художник М.С.Знаменский создал ряд картин. На одной из них царица-красавица со своим мужем Кучумом, на другой — атаман Гроза, стоящий возле умирающей Сузге. Одна из картин («Сузге, отдыхающая после купания») хранится ныне в Тобольском музее[1].

В пореформенный период традиционная духовная культура сибирских татар поднялась на более высокую ступень. Российское правительство не только не помогало развитию культуры нерусских народов, напротив, всячески стремилось препятствовать этому. Власти опасались, что широкое распространение просвещения и рост культуры усилят тягу народа к лучшей жизни, поднимут на борьбу за освобождение от колониального рабства[2].

В предыдущих главах мы говорили о том, что первые исследователи истории Сибири, составители сибирских летописей использовали повествования, рассказы татар о своей истории. Нет сомнений в том, что использованные летописцами исторические памятники сибирских татар сохранились в народе не только в устной, но и в письменной форме. Традиция записи исторических событий у сибирских татар сохранилась и в последующие века. Исторические предания и рассказы сибирских татар рассматриваются многими исследователями как образцы устного народного творчества. Если народ сочинял и записывал даже менее значительные в историческом плане события в форме баитов, не приходится сомневаться в бытовании у сибирских татар жанра не только устной, но и письменной исторической литературы.

У сибирских татар сложилась народная педагогика — система воспитания детей, вырабатывались и сложились нормы общественного поведения. Для татарских семей, исповедующих ислам, было характерно дифференцированное воспитание мальчиков и девочек. С раннего детства родители внушали сыну, что он — продолжатель рода, что он должен с честью служить своему роду. Девочка — будущая хозяйка, хранительница семейного очага, ее готовили к семейной жизни. Детей с малых лет воспитывали в духе уважения к отцу, матери, к старшим братьям и сестрам, даже если они были старше на год-два.

В XIX в. усилилось влияние казанских татар на культуру сибирских татар. Совместное проживание в одних или соседних селениях сближало культурное наследие обеих групп татарского народа. Казанские татары внесли в народное творчество сибирских татар свои песни, танцы, образцы орнамента и сами обогатились духовным наследием сибирских татар. Благодаря взаимовлиянию сибирские татары переняли достижения духовного творчества всего татарского народа. Духовная культура сибирских татар во второй по-

---

[1] Гарифуллин И. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. — Тюмень, 1993. — С. 54.

[2] История Сибири. Т. 3. — Л., 1968. — С. 295.

ловине XIX в. развивалась в едином русле татарской культуры, сохраняя в то же время присущие только им особенности.

У сибирских татар, как и у других народов Сибири, не было государственной системы здравоохранения. В 1875 г. по всей Западной Сибири, включая Тобольскую, Томскую губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области, было всего 67 врачей и 40 акушерок, в том числе в Тобольском округе — 9 врачей. На 37650 человек приходился один врач. На каждого врача приходилась зона обслуживания более 117 тыс. кв. верст. Было 34 больницы, где получали медицинскую помощь 5350 человек, в основном русские. Кроме оспопрививания, сибирские татары никакой медицинской помощи не получали. В Сибири были распространены занесенные русским населением заболевания: корь, оспа, скарлатина и сифилис. Сибирская язва имела место с давних времен. В 1873 г. из заболевших оспой детей умерло 22%, из заболевших тифом — 20%, лица многих носили следы оспы. Не хватало оспопрививателей и сыворотки для прививок[1]. Среди сибирских татар бытовала традиционная народная медицина, до сих пор еще недостаточно изученная. Были костоправы, повивальные бабки, владеющие определенными знаниями. В зимнее время при недостатке витаминов применяли отвары трав, сушеных ягод, замороженную клюкву и бруснику. Сибирские татары знали, отварами каких трав можно лечить желудочно-кишечные, сердечные, почечные и другие болезни. Многие, особенно живущие в болотных местах, страдали ревматизмом, другими костно-суставными болезнями. Нередки были эпидемии кори, оспы, скарлатины, сибирской язвы. В этих случаях, не получая никакой медицинской помощи, многие из больных умирали, особенно дети и пожилые люди. А в случаях вспышки сибирской язвы многие хозяйства оставались без лошадей и скота.

Лечебные приемы и средства отличались большим разнообразием. Для лечения применялись фитотерапевтические препараты: подорожник, смородина, череда, лопух (или репей), лук, черемуха и др. Помимо этого, широко использовались препараты животного и минерального происхождения: змеиный порошок (для лечения экземы и рожи), коровий навоз (в качестве средства от фурункулов или нарывов), древесный уголь и древесная труха (для ускорения процесса заживления ран и стерилизации), шерсть домашних животных (для лечения ран и укусов), гусиный жир или сало (для смазывания обмороженных или обожженных мест), синий камень (для лечения лишая), иногда для аналогичного лечения применяли кремень, при змеиных укусах использовали молоко или сметану, оспу лечили горячим сливочным маслом.

Существовал также комплекс лечебных средств, в котором большую роль играли иррациональные приемы лечения. Например, при лечении кори больного закрывали красной тканью, считалось, что болезнь должна пройти; от бородавок завязывали узелки на нитке, произносили специальный наговор, а нитку закапывали. От рожи «помогали» мел и красная ткань; чтобы избавиться от бельма, необходимо было очертить его 40 пшеничными зернами[2].

---

[1] Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. — Омск, 1875. — С. 203.

[2] Вольхина И.В. Наружные болезни в народной медицине татарского населения Омского Прииртышья в конце XIX – XX вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск — Омск, 2002. — С. 423–425.

Эти же лечебные приемы применялись и другими тюркскими народами, что является свидетельством архаичности многих методов народной медицины сибирских татар.

Отечественные и иностранные путешественники, прибывающие в Западную Сибирь, отмечали аккуратность и чистоту домов, дворов, одежды татар, их чистоплотность в быту.

Предписания ислама — пятикратный намаз с обязательным перед ним омовением, совершение намаза в чистой одежде, обязательность совершения намаза мужчинам в мечети способствовали соблюдению гигиены. Дети с малых лет приучались к чистоплотности. Мулла в мечети и его жена, обучающая девочек в своем доме, требовали от детей и их родителей чистоты одежды, тела, особенно ногтей, волос. В мусульманской семье строго соблюдалось обязательное исполнение обряда госел — омовение тела после супружеских отношений.

Сибирские татары при первой возможности стремились построить в своем хозяйстве баню. В татарском хозяйстве баня была не только атрибутом гигиены, но и обрядов. Обязательно мылись в бане молодожены после брачной ночи, топили баню и специально для гостей. После бани гостей торжественно угощали блинами и чаем.

Необходимо сказать еще об одном порядке: ни в одной сибирско-татарской деревне не было питейных заведений и винных погребов. В годовых отчетах татарских волостных правлений на вопрос: Какие питейные заведения, винные погреба в деревнях волости? — ответ один: «таковых в деревне нет». Нельзя утверждать, что никто в сибирско-татарской деревне не пробовал спиртного, исследователи отмечают употребление спиртных напитков отдельными мужчинами, но это было исключительным явлением. Употребление алкоголя и курение табака осуждали и в семье и в сельском обществе.

§ 2. Религия

Религиозная жизнь сибирских татар изучена недостаточно, хотя эта проблема была поднята еще Г.Ф.Миллером. Сохранившиеся источники дают отрывочные сведения о религии татар Западной Сибири до конца XVI в. Как известно, древние тюрки, в том числе предки сибирских татар, высшим богом считали Тенгри. Тенгри — это отражение космогонических представлений тюрков, Тенгри — олицетворение солнца, неба. Тюрки поклонялись ему. Другое название Тенгри — «Кюк», «Кюкляр». Тенгри указан в орхонских надписях: «Вначале было вверху голубое небо, внизу — темная земля; появились между ними сыны человеческие». Позднее начал употребляться персидский аналог этого слова «Кудай» («Ходай»). Но наряду с Тенгри сибирские татары, как все тюрки, верили и в женского бога Умай, которая иногда квалифицируется как богиня плодородия, олицетворяющая родящее, женское начало.

Кроме Тенгри, верили Йер-су (Земля-вода), который выполнял благодетельную и карающую функции. У отдельных родов были свои местные божества. Сибирские татары, исповедовавшие тенгрианство, верили в бессмер-

тие души и загробную жизнь. Существовал культ предков[1]. Итальянский путешественник Марко Поло, описывая сибирских татар в начале XIII в., писал, что они делают своего бога из войлока и называют Натагай, делают ему жену и называют двух богов Натагаем, говорят, что они боги земные: охраняют их хлеб и скот, и все земное[2].

Ислам, принятый сибирскими татарами в XIV в., ожесточенно боролся против тенгрианства. Несмотря на это, тенгрианских пережитков у сибирских татар сохранилось больше, чем у казанских, и некоторые пережитки переплетались с исламом. Например, местом почитания сибирских татар были святые места, связанные с мусульманским культом, природой. Почитали выдающиеся по размерам холмы, озера, камни и др.[3].

В древности сибирские татары хоронили покойников в гробу. Над могилой исполняли обрядовую песню — талкын. В честь погребенного готовили ритуальное угощение. Приносили в жертву лошадь, мясо съедали, а из кожи делали чучело, которое хоронили вместе с покойником.

Многие аспекты тенгрианской религии хорошо сохранились у южносибирских тюрков, не принявших ислам, — у алтайцев, шорцев, телеутов, теленгитов, хакасов и др. Л.П.Потапов, посвятивший специальное исследование этой проблеме, описывает многие поверья, постулаты тенгрианцев, сохранившиеся у современных алтайцев[4]. Предки алтайцев и сибирских татар исповедовали одну и ту же религию — тенгрианство. В связи с миграцией древних тюрков на Барабу, в Прииртышье, Притоболье, Приобье тенгрианство проникало в Западную Сибирь. Поэтому по сохранившимся рудиментам тенгрианства у алтайцев мы можем представить многие аспекты древней религии сибирских татар. Отдельные пережитки тенгрианства сохранились у сибирских татар до настоящего времени.

По представлению древних тюрков, каждый объект или явление имели своего хозяина, часто с антропоморфным или зооморфным обликом. Алтайцы дали такому хозяину-двойнику название ээ (ия).

В христианстве и исламе есть понятие «душа», в тенгрианстве — это «кут». Но они нетождественны по значению. Душа покидает человека, — он умирает, а если из человека выходит кут, он остается живым. Алтайцы считают, что кут может ночью выйти из носового отверстия человека, а затем вернуться обратно. Когда человек видит кого-нибудь во сне, то он видит не самого этого человека, а его кут[5]. Кут в тенгрианской религии — не душа, а духовная сила человека, его разум. Французский исследователь Жан Поль Ру связывал кут с тенгрианством.

Тенгрианцы верили, что с появлением младенца на свет появляется и его тын (дыхание). Если младенец без тына (не дышит), то он не живой. Жизненное начало зародыша в утробе женщины возникает от солнечного луча,

---

[1] Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань: Мастер Лайн, 2000. — С. 144.

[2] Алексеев А.А. Сибирь в известиях иностранных путешественников. — Иркутск, 1941. — С. 34–36.

[3] Белич И. Культовые места сибирских татар // Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии в 1913–1914 гг. — Тобольск, 1915. — С. 41.

[4] Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991.

[5] Там же. — С. 34.

падающей звезды. Если замужняя женщина не забеременела, то алтайские шаманы сдували «зародыш» на детей, а «зародыши висели на священных березах, как листья». В утробный период жизни младенца опекает женское небесное божество Умай. Ребенок и после рождения находится под покровительством Умай-ана — покровительницы рожениц и новорожденных.

Вместе с ребенком появляются на свет его кут и тын, и они сопровождают его всю жизнь. Если кут покидает человека и не возвращается, его покидает и его тын, и человек умирает — «тын сорвался» («тын узелде»). Кут умершего переселяется в подземный мир[1].

Кут известен и по руническим надписям. Малая надпись Кюль-Тегина начинается: «Тәңгри тәг тәңридә». Их перевод дает С.Е.Малов: «небоподобный», «неборожденный». «Тәңгри йарлыкадыңы учун, өзим кутым бар учун, каган олуртым». «По милости неба и потому, что у меня самого есть кут, я стал каганом»[2].

По поверью тюрков, кут растений располагался в земле и оттуда проникал в растения.

Кыргызы в XVII в. полагали, что кут детей и домашних животных посылался им женским божеством Умай и божеством огня (от-ана). Кыргызы изготовляли из олова или свинца изображение кут и хранили их в сундуке, передавали по наследству. Умай замещала кут ребенка и тем самым спасала его от недобрых сил.

Л.П.Потапов пишет о современном представлении Умай алтайцами. По их поверьям, кут ребенка, когда он спускался на землю, был слабым и беспомощным, поэтому вместе с ним с небес спускалась и Умай, которая охраняла его и в утробе матери вместе с зародышем ниспосланного ребенка. Она помогала ребенку при появлении на свет, иногда вступая в борьбу со злым духом, который препятствовал этому, тянул ребенка к себе. Умай не только оберегала ребенка, но и ухаживала за ним, развлекала его, разговаривала с ним по-своему. Они хорошо понимали друг друга. Опекание ребенка Умай продолжалось до того времени, как он начинал свободно говорить, примерно до 5–6-летнего возраста.

По представлению алтайцев, в 5–6-летнем возрасте ребенок вставал на ноги, то есть становился бойким и энергичным («паскан бала»). Его общение с Умай полностью прекращалось. Теперь двойник ребенка назывался «кут». У северных телеутов по достижении ребенком указанного возраста кам по просьбе родителей устраивался специальный обряд в честь Ульгеня или другого, пославшего кут на ребенка божества, с жертвоприношением домашнего животного, при котором ребенку испрашивалось долголетие[3].

Аналогичные представления о небесном божестве были характерны и для других сибирских народов. У кута был синоним «сур», обозначавший «внешний облик», «призрак», «образ». Н.А.Баскаков допускает его заимствование от арабского «сурат» (вид, изображение, рисунок)[4].

---

[1] Потапов Л.П. Указ. соч. — С. 29.

[2] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951. — С. 27.

[3] Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 8, 1929. — С. 254.

[4] Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. — 1978. — № 6.

После смерти человека его кут превращается в «узут», который живет под землей, людям не вредит. Как рудименты прошлого, слова «кут» и «тын» сохранились у сибирских и казанских татар и до настоящего времени. Встречаясь с каким-либо опасным явлением или событием, они говорят: «Котым чыкты, котым чыга язды» («Из меня вышел мой кут, из меня чуть не вышел мой кут»).

Тенгрианская религия древних тюрков прослеживается по руническим надписям Енисея и Горного Алтая, она подтверждается также археологическим материалом.

В соответствии с мифами алтайцев и телеутов на небесах существовало божество Ульген, в подземном мире — Эрлик[1].

Тенгрианская религия носила виртуальный характер — в ней отсутствовало письменное изложение теологических основ, заповедей, запретов, канонических правил, текстов молений божествам, духам. Все покоилось только на устной и визуальной базе, крайне простом и небольшом по количеству ритуальном инвентаре. Религия держалась силой традиции. Длительная изоляция тюркских племен от других религий и от влияния через их проповедников обеспечивала стойкость традиций. Однако в мире нет ничего вечного. В результате войн и набегов соседних племен и народов возникали интенсивные контакты между тюркскими и другими родоплеменными группами.

При отсутствии государства не было объединенного начала тенгрианства, поэтому среди тюрков стали распространяться христианство, буддизм и ислам. А к тюркским племенам, остававшимся при своей древней религии — тенгрианстве, от соседей — угров, самодийцев, палеоазиатов, тунгусов проникал шаманизм. Однако у тюрков традиционные классические основы тенгрианства сохранились.

Китайские источники содержат значительный перечень конкретных законов и правил этики древних тюрков, за нарушение которых полагалось суровое наказание светской власти вплоть до смертной казни. Смертью карались, например, убийство или насилие над замужней женщиной. Штрафом наказывались обесчещение девушки, ранение в драке, воровство и т.д.

Древнейшая религия тюрков существовала еще до хуннов, в хуннскую эпоху, древнетюркское время в Южной Сибири, Центральной Азии. После распада древнетюркских государств, в связи с миграцией тюрков, она распространялась в Западной Сибири и Восточной Европе. Предки племен теле и тюкю донесли ее до верховьев Оби и далее вплоть до современного Томска и Барабинской степи[2]. Другие предки сибирских татар распространили тенгрианство в Прииртышье и Притоболье.

Эта древнейшая религия тюрков и монголов, в отличие от классического язычества, в том числе шаманства сибирских племен, была ближе к монотеистической религии, так как у нее был единый верховный бог Тенгри. В связи с этим тюрки относительно легче приняли монотеистическую религию с единым богом — Аллахом. Ислам проник даже в лесостепи и степи Западной Сибири, к предкам сибирских татар. Ислам приняли и монгольские правители Золотой Орды. В силу географической отдаленности от исламских

---

[1] Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. — Л., 1924. — С. 17–19.
[2] Лидендау Я.И. Описание народов Сибири. — Магадан: Обл. кн. изд-во, 1983. — 330 с.

центров тюрки Саяно-Алтая, якуты продолжали исповедовать свою прежнюю религию.

В древнетюркских письменных памятниках, в частности, в словаре М.Кашгари и в этико-дидактической поэме Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Знание, дающее счастье», 1069–1070), служитель культа тенгрианцев назван «кам»[1]. Основными функциями камов, по классификации Ж.-П.Ру, были лечебная магия, путешествие на небо, предсказания и прорицания. У сибирских тюрков, в том числе сибирских татар, древнее понятие Йер-су сохранилось до наших дней.

Сибирские татары в настоящее время исповедуют, как мусульмане Средней Азии и казанские татары, суннитский ислам ханафитского толка.

Ф.Т.Валеев, ссылаясь на труд В.П.Даркевича, предполагает возможность распространения ислама в Западной Сибири волжскими булгарами и непосредственно представителями арабского духовенства. Древний торговый путь от Волги в Западную Сибирь пролегал по Каме, по ее берегам, и археологами найдено много предметов восточного арабо-персидского производства. В.П.Даркевич сообщает о случае отправления из Волжской Булгарии «арабского каравана из двадцати верблюдов» к берегам Енисея. По традиции в арабских караванах «были дипломаты и проповедники ислама»[2].

Как известно, Притоболье и Прииртышье под названием «Ибирь, Сибирь и Чулыман» попали под власть Золотой Орды. Хан Узбек принял ислам в качестве официальной религии Улуса Джучи. Возникает вопрос: был ли внедрен у сибирских татар ислам в тот период? В источниках об этом ничего не сообщается. Имеющиеся сведения дают возможность предполагать, что ислам среди сибирских татар начал распространяться при принятии его в Золотой Орде как официальной религии при хане Узбеке. В труде И.Введенского «Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком», написанным на основании не дошедших до нас источников, среди правителей Ишимского ханства, существовавшего в XII — начале XIII в., названы три хана, имеющиеся мусульманские имена — Даулет, Мамет (так сокращенно произносят сибирские татары имя Мухаммед) и Аллагул.

Как было отмечено в первой главе, для исследования истории распространения ислама в Западной Сибири большую ценность представляют рукописи, написанные Саад Ваккасом, сыном Реджаба Аллакулова и Кашшафом Абу Сеидовым на татарском языке, хранящиеся в библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника[3].

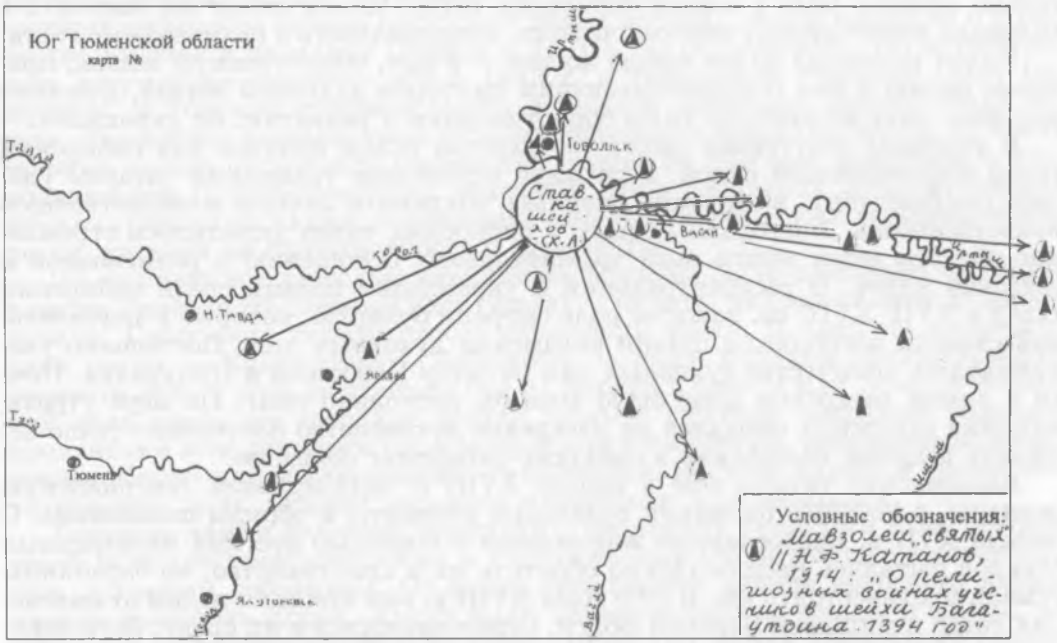
В силу того, что внедрением ислама в 1394–1395 гг. занимались представители различных областей мусульманского мира, приехавших в тот период в Бухару, как отмечает Х.Ч.Алишина, исламизация Тюменского ханства происходила силами мусульманских проповедников из Аравии, Турции, Афганистана, Ирана, Центральной и Средней Азии. В войске шейха Багауддина состояли носители разных языков, представители различных течений

---

[1] Древнетюркский словарь. — Л., 1969. — С. 413.

[2] Валеев Ф.Т. Указ. соч. — С. 171; Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. — М., 1976. — С. 48, 77.

[3] Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. XV. — С. 3–28.



Мавзолеи (астана) шейхов, погибших в религиозных войнах за внедрение ислама в Западной Сибири в 1393–1394 гг. Карта составлена Х.И.Алишиной

ислама[1]. Как показывают исследования Х.Ч.Алишиной, в Западной Сибири существовали три течения суфийского ислама: Накшбандийа, Бекташийа и Мевлеви. Позже там утвердился суннитский ислам. Однако тарикат (орден) Мевлеви, возникший и утвердившийся в основном в Малой Азии, среди сибирских татар имел влияние даже в начале XX в. В 1908 г. потомки мусульман-мевлевитов из юрт Аубаткан, Еланлы, Каракуль, Уленкуль, Царналы, Утлыкуль Бухарской волости Тарского округа Тобольской губернии эмигрировали в султанскую Турцию и обосновали там деревню Богределик в вилайете Конья, в которой проживают и в настоящее время[2].

Гонения сибирских татар после русского завоевания проявилось не только в экономической сфере, но и в религиозной. Царизм и русская православная церковь начали наступление на ислам с целью обрусения татар путем христианизации. Отрицательно сказалась на духовной жизни населения Сибири гибель мусульманского духовенства и грамотных людей в ходе боевых действий. Однако, несмотря на потери, ислам по-прежнему играл исключи-

[1] Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). Ч. 1. — Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1999. — С. 32.

[2] Валеев Ф.Т. Новые материалы по истории и этнографии сибирских бухарцев (о рукописях тарских бухарцев–переселенцев в Турцию) // Этническая история тюркских народов Сибири. — Омск, 1992. — С. 31–34.

тельно важную роль в жизни сибирских татар. Ислам помог им выстоять в условиях жесточайшего экономического, национального и религиозного гнета.

Ислам проникал во все сферы жизни — в быт, общественную жизнь, правовые нормы и был основополагающим фактором духовной жизни, в исламе нашлись свои внутренние силы сопротивления и развития, он укрепился.

В условиях отсутствия своего государства ислам являлся для сибирских татар объединяющей силой. Благодаря исламским традициям татарам удалось противостоять внедрению пьянства, сохранить личную и общественную нравственность. Благодаря исламу у сибирских татар укрепилось стремление обучать детей обоего пола уважительному отношению к религиозной и светской книге. В распространении и укреплении ислама среди сибирских татар в XVII–XVIII вв. важную роль сыграли бухарцы, которые в значительной степени восполнили потери исламских духовных лиц. Постепенно увеличивалось количество духовных лиц из татар Поволжья и Приуралья. Почти в любом татарском доме было хотя бы несколько книг. По мере утраты влияния татарских феодалов на население духовенство постепенно стало занимать ведущее положение в сибирско-татарском обществе.

Барабинские татары еще в начале XVIII в. исповедовали тенгрианскую религию, в которую проникли отдельные элементы и обряды шаманизма. С начала XVII в. православные миссионеры с помощью русских карательных отрядов пытались насильственно обратить их в христианство, но барабинцы сумели противостоять им. В 20-е годы XVIII в. они приняли ислам от казанских татар и мишарей Верхней Волги, переселившихся в их среду. Есть некоторые сведения о распространении ислама среди барабинских татар и раньше. По-видимому, до XVIII в. он был лишь у отдельных их групп. В середине XVIII в. почти в каждом селении барабинских татар существовала мечеть. Путешественники отмечают в этот период укрепление у них ислама и мусульманских обычаев.

У сибирских татар, принявших ислам, еще сохранялись доисламские пережитки, например, почитание святых мест. Почитали выдающиеся по размерам холмы, озера, деревья, камни и др. В отдельных местах, особенно у томских татар, сохранилась вера в идолов, кукол. В отдельных семьях держали кукол, сделанных из дерева, глины, соломы, тряпок. Для них оставляли еду, питье, у них просили помощи. За это их преследовало мусульманское духовенство, неодобрительно относились к пережиткам и пришлые поволжско-приуральские татары. Поэтому сибирские татары стали прятать идолов и кукол в укромных местах[1].

Как и у поволжско-приуральских татар, у сибирских сохранилась вера в духов-хозяев: хозяев («ия») леса, воды, озер, рек, дома и т.п. Продолжала сохраняться вера в злых духов: «убыр» (призрак умершего), «албасты», который пытается душить человека во время сна, если он ложится без молитвы[2].

В ходе завоевания и войн за восстановление независимости XVI–XVII вв. были уничтожены мечети и мектебы при них, существовавшие со времен

---

[1] Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. — Томск, 1980. — С. 152–153.

[2] Там же. — С. 156–157.

распространения ислама в Тюменском и Сибирском ханствах. Вместо разрушенных сибирские татары построили новые мечети, однако сведений о количестве мечетей в Западной Сибири в XVII в. не сохранилось. По историческим документам известно, что в 1743 г. в Тобольской губернии было 133 мечети[1]. В Томской губернии почти в каждой татарской деревне была мечеть. Как пишет исследователь истории сибирских татар И.Юшков, по числу мечетей можно определить количество татарских учебных заведений и преподавателей. Путешественники отмечают, что у сибирских татар-мусульман немало грамотных людей, а крещение отдельных татарских деревень обрекло их жителей на безграмотность и невежество[2].

По шариату все взрослые мусульмане обязаны были соблюдать ежегодно в месяц Рамазан 30-дневный пост (ураза) — не есть, не пить от зари до заката солнца. Сибирские татары строго соблюдали уразу. В один из последних дней уразы — Кадер кичәсе (Ляйлятель — кадр) Кораном предписывалось провести день и ночь за чтением сур из Корана в мечети или дома. В последний день уразы все взрослые давали бедным, сиротам, пожилым подаяние продуктами или деньгами (садака ал-фитр) стоимостью, равноценной фунту изюма. Неимущие освобождались от подаяния. Богатые купцы и другие состоятельные люди деревни подавали милостыню нуждающимся.

Главным лицом духовной иерархии у сибирских татар был ахун, избираемый большинством населения и утверждаемый Оренбургским магометанским духовным собранием. От ахуна требовались знание арабского языка, умение толковать Коран. Ахуну были подведомственны муллы и абызы, избираемые обществом деревни из числа грамотных людей примерного поведения. Ахуны, мухтасибы и муллы отправляли общественное богослужение в мечетях и контролировали нравственную обстановку в приходе. Кроме обучения детей и юношества, муллы занимались просвещением прихожан в исламском духе. Как и у казанских татар, при каждой мечети были школы для мальчиков, девочек обычно обучала жена муллы — абыстай. Все духовные лица татар содержались обществом прихода, не получая ни копейки от государства. Многие муллы, кроме религиозных обязанностей, занимались своим хозяйством или торговлей.

Духовные лица из татар пользовались большим уважением. Светские старшины и начальники татарских волостей нередко приглашали мулл для разбирательства жалоб и примирения ссорящихся. В соблюдении общественного порядка местные власти опирались на сельских и городских мулл. Приходский мулла должен был знать Коран, хадисы пророка Мухаммада, фикх (мусульманскую юриспруденцию), обладать соответствующим уровнем знаний.

Исследователи писали, что татары соблюдают все религиозные обряды и особенно уразу (мусульманский пост) в месяц Рамазан. Время разговения (ифтар — авыз ачу) в сибирской татарской деревне отмечали ружейным выстрелом[3].

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Сер. II. Т. IV. — СПб., 1876. — С. 201.

[2] Юшков И. Сибирские татары... — С. 50; Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... — С. 106.

[3] Юшков И. Сибирские татары... — С. 42.

Исследователи указывают на высокий нравственный уровень сибирских татар, так И.Юшков отмечает: «Сибирские татары имеют нрав тихий, общительный, раздоры между ними случаются редко... Нельзя у них отнять великодушия, ловкости и вежливости в обращении между собой»[1].

Таким образом, несмотря на политику христианизации и русификации, в XVIII в. ислам окончательно утвердился и укрепил свои позиции во всех группах татар, кроме чулымских и обских. Именно в XVIII в., в период гонений, у сибирских татар понятие «ислам» слилось, как и у казанских, с понятием «национальность», и отныне защита религии стала синонимом сохранения национальной общины[2]. Именно в царствование Екатерины II муллы сделались неоспоримыми лидерами сибирских татар. Благодаря исламу сибирские татары сумели сохранить свой язык и традиционную культуру. И в то же время благодаря общности религии и тюркских корней, близости языка и традиционной культуры продолжался процесс единения духовной культуры поволжских и сибирских татар.

Только под сильным воздействием мусульман всей России правительство дало указание губернским властям «позволить строительство мечети в полуверсте от городов Сибири, при наличии в населенном пункте не менее от 200 до 300 мусульман». По новому закону вместо бывших 69 мечетей в Тобольском уезде можно было построить 20–25 мечетей. В городах Таре и Тюмени строить мечети не разрешалось[3]. XVIII — первая половина XIX в. были тяжелым периодом для сибирских татар.

Во второй половине XIX в. правительство продолжало проводить среди нерусских народов русификаторскую политику. По традициям ислама почти в каждом населенном пункте должна быть мечеть, поэтому мусульмане Западной Сибири не могли смириться с нормами, установленными с явным ущемлением их религиозных прав. В 1838 г. в Тобольской губернии было 152 мечети, в том числе 7 мечетей в городах[4]. В 1851 г. в Сибири было 188 мечетей, в них вели свою деятельность 237 мулл, в том числе в Тобольской губернии — 148 мечетей. В 1860 г. в Тобольской губернии действовало 149 мечетей, в том числе 7 мечетей в городах и 142 мечети в юртах[5]. Мечети стали мощной интеллектуальной базой татарского общества Сибири.

После принятия барабинскими татарами ислама сибирские татары и казахи представляли мусульманское общество Сибири. В пореформенный период как у татар Поволжья и Приуралья, так и в Сибири ислам продолжал укреплять свои позиции. Почти в каждой юрте или ауле сибирских татар была мечеть, в крупных — по две. Приход одной мечети составлял одну махаллю, которая обслуживалась муллой. Приходские имамы и муллы избирались общиной из числа самых авторитетных мусульман. Кандидат на должность муллы проходил обязательную аттестацию в Оренбургском духовном управлении мусульман по истории ислама, шариату, знанию Корана,

---

[1] Юшков И. Указ. соч. — С. 107.

[2] Бенигсен А. Мусульманство в СССР // Панорама-форум. — 1995. — № 3. — С. 112.

[3] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. II. — М., 1844. — С. 17.

[4] Памятная книга Тобольской губернии за 1859 г. — Тобольск: Губ. типография, 1859. — С. 155.

[5] Юшков И. Сибирские татары. — Тобольск, 1861.— С. 18; Малов Е. Татарские мечети в России // Православный собеседник. — СПб., 1867. Кн. 12; 1868. Кн. 1.

мусульманской юриспруденции, хадисов пророка Мухаммада. С целью противостояния крещению мулла должен был знать догмы христианского богословия. По уровню образования ему присваивали звания «имам» (возглавляющий намаз), «имам-хатыб» (кроме того, умеющий читать хутбу — проповедь) или «имам-хатыб-мударрис» (дополнительно имеющий право преподавать в медресе).

Приходский мулла исполнял не только конфессиональные, но и гражданские обязанности: вел метрические книги о рождении, браке, разводах и смерти прихожан, составлял и представлял властям списки рекрутов. Мулла следил и за нравственным состоянием сельского общества. В ежегодных отчетах волостных старшин уездному начальству в разделе о нравственном состоянии в татарских волостях всегда следует один и тот же ответ: «Нравственное состояние в юртах удовлетворительное, за нравственным состоянием в них следит приходский мулла, на проповедях после намаза обсуждаются вопросы нравственной жизни юрты»[1]. Даже по многим гражданским вопросам население юрт обращалось к мулле, а не к старосте и волостному суду. Это все, безусловно, зависело от уровня образования и авторитета самого муллы.

Муллы имели большое влияние в обществе, их слово на сельских сходах по многим вопросам было решающим. Но среди мулл, хотя и редко, встречались люди малообразованные, алчные. Материальное положение большинства юртовских мулл сибирских татар было низкое, в экономических обзорах волостного начальства экономическое состояние отдельных мулл оценивается как бедное[2].

Если в XVII в. и XVIII в. Средняя Азия обеспечивала сибирских татар религиозными деятелями, то во второй половине XIX в. возвысилось значение Казани как крупного религиозного центра. В сибирских деревнях большинство мулл и преподавателей медресе были выпускниками мусульманских учебных заведений Казани, Уфы, Оренбурга. Проповеди в мечетях, обучение в мектебе, медресе проводились на татарском литературном языке. Это способствовало сближению языков и духовной культуры сибирских и татар других регионов.

Малоисследованной областью истории сибирских татар является история насильственной христианизации и русификации. Христианизация, начавшаяся в России, являлась целенаправленной государственной политикой, а не только деятельностью представителей русской православной церкви. Среди русских государственных и православных церковных правителей утвердилась идея: «Русский и православный — нераздельны». В соответствии с этой идеей если завоевана Казань, то она становится русской, и должна быть православной, Сибирь завоевана — то и она становится русской, и также должна быть православной. Крещение в первую очередь преследовало политические цели. Н.А.Фирсов заметил, что «христианизация уменьшает количество инородцев, вносит раздор между ними»[3]. В.В.Вельяминов-Зернов дополнил:

---

[1] ГАТО. Ф. И. 47. Оп. 1. Д. 25.Л. 13, 14.

[2] Там же. И. 80. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

[3] Фирсов Н.А Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве. — Казань, 1866. — С. 45.

«Крещение — идеологическое обезоруживание (обессиление) язычников и приверженцев других религий»[1].

В русской историографии события, связанные с насильственным крещением татар и других «инородцев» остаются недостаточно исследованными. Во второй половине XIX — начале XX вв. А.Можаровский, А.Хрусталев, С.Е.Малов, Я.Коблов и другие миссионеры издали труды по этой проблеме. Но их «научные исследования» написаны в духе прославления духовного угнетения нерусских народов. Либеральные историки С.М.Соловьев, Н.А.Фирсов при освещении этой темы по своим взглядам мало чем отличались от перечисленных историков. Крещение «инородцев» они считали «просвещением».

П.Веденяпин писал, что люди одной национальности, исповедующие разные религии, становятся непримиримыми врагами[2]. Крещение было направлено на разрушение единства народа.

Деятельность Русского государства по крещению тюрков берет начало еще со времен правления князя Владимира в Киеве (980–1015). В Сибири христианство начало распространяться в первые же годы после его покорения. Уже в отряде Ермака были православные священники. Некоторые историки пытались объяснить это набожностью Ермака, хотя военные походы со священнослужителями, крестами, хоругвями — давняя традиция христиан со времен первых крестовых походов, так что поход со священником придуман не Ермаком. Немало было священников в составе войск Ивана Грозного при завоевании Казани. В первые же дни после разгрома Казани царь распорядился поставить в различных местах города церкви. Вскоре после завоевания вместо разрушенных мечетей возвышались колокольни церквей, появились монастыри с огромными земельными угодьями, своими крестьянами. Началось насильственное крещение.

Войска Ивана Грозного отправились в поход на Казань под лозунгом «Идем на поганый татарский язык». Цель похода Ермака объясняет Есиповская летопись: «И посла их Бог очистити место, где были святыне, и победите басурманского царя Кучума, и разорити мерзкая и нечистивыя их капища и костелы»[3]. Заселение Сибири было совершено в христианском духе — через сооружение часовен, церквей, монастырей, соборных храмов. Церкви появились одновременно с обоснованием в Сибири русских селений. Вскоре стали сооружаться монастыри. Общее правило: где зимовье ясачное — там крест, или впоследствии часовня, где крепость — там церковь и пушка, где город — там правление воеводы, снаряд огнестрельный, кроме церкви и монастыря[4].

Правительство и православная церковь в самом начале колонизации к крещению «инородцев» Сибири относились более осторожно. Они стремились к повальному крещению всех аборигенов Сибири, но другими методами. После того, как позиции правительства и церкви упрочились, стали применяться самые жестокие способы насильственного крещения.

---

[1] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863. — С. 461.

[2] Веденяпин П. Законодательные меры XVIII в. для обращения инородцев к православной вере в России // Руководство для сельских пастырей. — Киев, 1866. — № 24. — С. 249.

[3] ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. — М., 1907. — С. 120.

[4] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I... — С. 32.

В 1620 г. в Тобольске учреждается особая епархия. 30 мая 1621 г. в Тобольск приезжает архиепископ Киприан и учреждается архиепископская кафедра. До этого времени Сибирь непосредственно относилась к Московской епархии[1].

В 1680 г. Тобольская архиепископская кафедра была преобразована в митрополию. В 1768 г. сибирская митрополичья кафедра была упразднена и восстановлена епископская кафедра. Епископ Сибирский и Тобольский являлся главой православной церкви в Сибири и подчинялся Синоду[2].

Со времени открытия Сибирской епархии православное духовенство столкнулось с сильной монотеитической религией — исламом, поэтому сибирские митрополиты начали крещение с северных «инородцев».

Русские власти принуждали принять православную веру татарских мурз, остяцких и вогульских «князьков». Были крещены почти все пленные «князьки» и мурзы. В начале XVII в. крещение видного лица из язычников или мусульман производилось только в Москве[3].

Конечно, не христианская религия побуждала их оставлять религию своих предков — язычество или ислам, а стремление остаться в живых и сопряженные с принятием христианства материальные выгоды.

В Сибири миссионеров, тем более знающих местные сибирские языки, не было. Подготовки «инородцев» к крещению не требовалось. Миссионерство заменялось заявлением воеводы. Крестившихся феодалов государство «поверстало в службу, пожаловало хлебным и денежным жалованьем», ясачных избавило от платежа ясака.

Крещение в Сибири отличалось от такового в Казани, имело свои особенности. Крещеные татары, чуваши, черемисы — жители бывшего Казанского ханства — оставались на своих землях, в селениях или большими группами, даже целыми деревнями переводились в более плодородные и удобные земли. Для того чтобы какую-то нерусскую, еще некрещеную деревню включить в число крещеных, достаточно было обратить в христианство лишь нескольких, даже одного-двух человек, и в этой деревне мечеть подлежала сносу, строительство новой не разрешалось.

В Сибири крещеные переселялись в города или в русские деревни, так как они вызывали антипатию среди своих как «предатели веры»; во-вторых, переселением в русскую среду власти создавали условия для их скорейшего обрусения. Своих дочерей они должны были отдавать замуж только за крещеных, чаще всего русских, а сыновей женить на русских девушках. Крещеные князья и мурзы причислялись к боярским детям. Например, в Пелыме в 1624 г. было 7 боярских детей из остяцких князей. Несколько боярских детей татарского происхождения было в Тобольске.

При крещении все «инородцы» получали подарки. Так, в 1603 г. в Верхотурье остяки «ради крещения» получили «государево жалованье»: по два отреза сукна, по рубашке, по сапогам и корм «до государева указа» и др.[4].

---

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. ... — С. 73.
[2] ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 355. Л. 3–5.
[3] АИ. Т. II. — № 43. — 55.
[4] Там же. — С. 56.

Земельная политика царского правительства также была связана с христианизацией местного населения. В 1628 г. принимается закон о запрещении некрещеным татарским феодалам иметь православных крестьян. Это законоположение было закреплено Соборным уложением 1649 г.[1]. Царскими указами от 29 мая и 13 июня 1682 г. было предписано оставить не крестившимся татарским мурзам только половину их вотчин, а другую половину их вотчин отдать казне. Но 13 июля того же года последовал другой указ — о возвращении крещеным мурзам отнятой части их вотчин[2]. Крещеным татарским мурзам были назначены различные льготы, им разрешалось именоваться князьями[3]. Крещение ясачных татар освобождало от ясачной повинности. В борьбе с исламом правительство даже фискальные интересы отодвинуло на второй план.

Многие крещеные сибирские татары были служилыми, получали хлебное и денежное жалованье от 2 до 23 руб.; зачисленные в казаки «новокрещенского списка» — от 6 руб. 25 алтын до 11 руб. Крещеные татары несли разную службу: в качестве толмачей сопровождали послов, в роли приставов надзирали за «колодниками», стояли в караулах у городских острогов, государевых житниц, обслуживали торговых людей в съезжей избе. Крещение татар рассматривалось правительством как одна из мер их подчинения[4]. Нивелировался этнический состав сибирских татар: крещеные отдалялись от соплеменников, забывали татарскую грамоту, обучением их христианской грамоте и образованием никто не занимался. Так постепенно они утрачивали национальные традиции, ничего не приобретая взамен, кроме христианских имен и русских фамилий.

Новокрещены из «инородцев» только назывались христианами, после крещения они часто оставались такими же мусульманами или язычниками. Но уже во втором и последующих поколениях они обрусели. Быстрому обрусению способствовали переселение, отделение от своего народа и создание этнически смешанных семей.

Случаев обрусения крещеных татар и других народов было немало и в казанских землях, но основная масса крещеных татар оставалась по языку татарами, они именовались кряшенами, чего почти не было среди сибирских татар — они быстро обрусели.

Исключение составляли крещеные татарские феодалы. Крещеные татарские феодалы составляли особый разряд служилых людей, они писались в особые списки. Над тобольскими служилыми новокрещенами был отдельный атаман из русских казаков.

Новокрещеных татар русские власти использовали для притеснения некрещеных. Крещение было орудием угнетения, покорения и обрусения[5]. Законодательство первых русских царей было направлено против ислама. Вся-

---

[1] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Кн. 3. Л. 3.

[2] ПСЗ-1. Т. II. — СПб. — 1830. — № 923. — С. 66; — № 944. — С. 456.

[3] Там же. — № 825. — С. 267. Царский указ 21 мая 1680 г.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803. Л. 968.

[4] Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX века. — М.: Наука, 1976. — С. 105.

[5] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Харьков, 1899. — С. 310–311.

чески поощрялись переход мусульман в православие и миссионерская деятельность православного духовенства. Попытки возврата от православия в ислам жестоко пресекались. Поэтому епископы и митрополиты пользовались любым поводом для крещения татар и других народов Сибири и усиления притеснения некрещеных. Например, в 1681 г. был издан царский указ о крещении татар верхней Волги, который православные священники восприняли как сигнал к повсеместному наступлению на татар. Так, Тобольский митрополит Павел обратился в правительство с ходатайством разрешить выселить татар из г.Тобольска[1].

Еще в XVI в. в Западной Сибири возникли первые монастыри. В XVII в. они превратились в крупные феодальные хозяйства. В середине XVII в. сибирскому митрополичьему дому и монастырям принадлежало свыше 1500 крестьянских дворов и 3825 десятин земли[2].

Несмотря на огромные богатства, накопленные монастырями и архиепископами, они писали царю прошения, чтобы «им было чем кормиться, чтобы с голоду не умереть, монастырь не запустить бы», продолжали получать дары, расширять владения путем кабальных покупок или захвата земель. Не отставали от них и епископы.

В житницах монастырей и церквей хранились тысячи пудов хлеба и разных запасов. Так, в соответствии с описью от 1636 г. в подвалах церкви св. Софии в Тобольске при архиепископе имелось:

хлеба 39100 пудов
масла коровьего 865 пудов
соли 18 пудов
меду крепкого 132 пуда
хмеля 19 пудов
вина горячего 236 ведер
меду кислого 79 ведер
пива 259 ведер
вина красного 1/4 ведра
воска 6 пудов
жира рыбьего 10 фунтов
осетров 202 шт.
стерлядей 1163 шт.
нельма 243 шт.
щук 260 шт.
икры черной 1/4 пуда
лимонов 110 шт.[3]

Христианизация нерусского населения ужесточилась после указа Петра I от 1713 г. По указу от 3 апреля 1731 г. новокрещеным были предоставлены налоговые льготы на три года, а все поборы на них переложены на тех татар, которые оставались в исламе[4].

---

[1] Малов Е. О татарских мечетях в России. ... — С. 25.
[2] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников... — С. 127.
[3] Там же. — С. 129.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803. Л. 968.

Насильственно крещеные татары почти не соблюдали норм православной веры, продолжая тайно исполнять мусульманские обряды. И.Юшков пишет, что убеждения татар в превосходстве своей религии так тверды, кажется, ничто в мире не может поколебать их верований[1]. Но царское правительство стремилось завершить духовное порабощение нерусских народов на огромной территории Поволжья, Урала и Сибири.

Разрушались мечети, святилища, идолы. Из европейских губерний России в среду сибирских татар переселяются крещеные татары. В 1718–1720 гг. усиленным насильственным крещением сибирских татар отличался митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский (1702–1727). При нем было произведено крещение туринских татар в 1718–1727 гг. В памяти тобольских татар сохранились рассказы о том, как по приказу Ф.Лещинского пытали огнем татар, отказывавшихся от принятия христианства. Миссионерская кампания Лещинского не привела к желаемым результатам, наоборот ислам распространялся среди нетюркских народов. Митрополит старался противостоять распространению ислама среди тюркских народов и продолжал попытки внедрения христианства среди мусульман. Однако стремление Лещинского не получило поддержки, население Тобольска продолжало жить в условиях пестрой конфессиональной ситуации, вырабатывая свой опыт мирного сосуществования и взаимосвязи[2].

Последствия насильственного крещения для народа были не только печальными, но и катастрофичными. И.Г.Георги и Н.М.Ядринцев с горечью утверждают, что с крещением у татар исчезли грамотность и письмо, они совершенно забыли школу[3].

В начале 30-х годов XVIII в. религиозная политика по отношению к татарам еще более ужесточается. Правительство и русская православная церковь предпринимают новые меры насильственного навязывания татарам чуждой им православной религии. Государство и церковь приступают к волюнтаристской христианизации мусульман с широким привлечением миссионеров и военных карательных отрядов.

В 30-е и 40-е годы XVIII в. насилие при крещении татар в Поволжье и Западной Сибири становится главным оружием миссионеров.

С целью организации православной миссии на новой основе не только в Поволжье, но и в Сибири и для координации работы властей, попов, миссионеров, карательных отрядов по крещению в 1731 г. в г. Свияжске создается «новокрещенская» комиссия. Указом от 17 сентября 1740 г. она была преобразована в «новокрещенскую контору». Центром деятельности этой комиссии стал Свияжский Богородицкий монастырь[4].

В 1738 г. архиереем Казани был назначен мракобес Лука Канашевич. В

---

[1] Юшков И. Сибирские татары... — С. 52.

[2] Главацкая Е.М. «Потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...»: Из истории этнорелигиозных контактов в Северо-Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культура народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 160.

[3] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... — С. 106; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — СПб., 1892. — С. 26.

[4] Малов Е.О. О новокрещенской конторе. — Казань, 1878. — С. 82.

течение 17 лет, до 1755 г., он возглавлял Казанскую епархию и занимался насильственной христианизацией.

Указом Синода от 1 мая 1740 г. в Казани начинается подготовка миссионеров[1]. 11 сентября 1740 г. издается указ о крещении «инородцев» Казанской, Астраханской, Нижегородской, Воронежской, Тобольской губерний[2]. Е.Малов назвал этот указ четкой инструкцией и программой крещения. Государство определило расходы по крещению — давать 10 тыс. руб. деньгами и 5000 четвертей хлеба ежегодно[3]. В указе от 11 сентября 1740 г. было сказано о переведении новокрещеных в другие места.

Несколько ранее, в 1736 г., издается указ о запрещении строить мечети. В указе было предусмотрено разрушение мечетей, построенных после 1736 г.[4]. Со ссылкой на этот указ по России началась кампания по разрушению мечетей. Специальные отряды, переходя из одной деревни в другую, разрушали мечети. Для оправдания своих действий миссионеры ссылались на указ царя Федора от 1593 г. о запрещении строить мечети, хотя законодательными актами последующих царей данный указ давно потерял силу. Тотальное разрушение мечетей началось после издания указа от 19 ноября 1742 г., который предписывал практически все мечети «сломать и впредь строить не допущать, и того Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниях накрепко предостерегать». В течение года после издания этого указа — в конце 1742 г. — первой половине 1743 г. в Казани и уезде было разрушено 418 из 536 мечетей; в Сибирской губернии, в Тобольске, Таре и уездах из 133 разрушено 98; в Астраханской губернии из 40 мечетей — сломано 29.

После кампании 1742–1743 гг. в Тобольском уезде осталось 66 мечетей и в г. Тобольске — 2 мечети. В 40-е годы XVIII в. по всей России начался разгул насильственного крещения. Только в Тюменском округе с 1744 г. по 1770 г. было крещено 2758 татар. Были крещены тобольские, томские и другие татары[5].

Новокрещеных сибирских татар переселяли в русские деревни, появились смешанные русско-татарские деревни[6]. Крещеные татары в этих деревнях позже обрусели.

В редких случаях крещеные татары оставлялись в своих деревнях и сохраняли родной язык. Например, татары деревни Ямаково Тюменского уезда, подвергнутые крещению еще в XVIII в., до середины XIX в. говорили на татарском языке[7].

Количество крещеных среди коренных народов Сибири и Поволжья резко увеличилось с 1741 г., законодательной основой чему послужил указ императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. о насильственном крещении иноверцев[8].

---

[1] ПСЗ-I. Т. XI. — СПб., 1830. — № 8090.

[2] Там же. — № 8286.

[3] Малов Е. Указ. соч. — С. 82.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803. Л. 53.

[5] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Сер. II. Т. IV. — С. 231; РГАДА. Ф. 248. Оп 14. Кн. 803. Л. 213–221, 235–295.

[6] Фальк И. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание сочинений ученых путешественников по России. — Т. VI. — СПб, 1824. — С. 347, 408.

[7] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы. ... — С. 26.

[8] Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. — Казань, 1999. — С. 20.

В 40-е гг. XVIII в. при митрополите Тобольском и Сибирском Антонии Нарожницком начинается активная миссионерская деятельность, направленная на крещение татар и бухарцев. Сохранились пункты указа Синода, в которых говорится: «В татарские жилища приезжать духовным персонам для проповедования слова Божия велено, а им, татарам, тем проповедникам никакого озлобления и препятствия чинить не велено»[1]. В этот же период по указу царя начинается конфессиональное разграничение мусульман и христиан. «По силе указов надлежит определение учинить не токмо об одном том, что татарския мечети сломать, но их всех татар самих из всех таких мест, где русские и новокрещеные жительство имеют, выслать их в иноверческие татарские жилища». В 1744 г. выходит предписание, согласно которому мечети разрешалось оставить лишь в тех селениях, где проживали одни мусульмане: «в которых жительства русских и новокрещеных нет». Остальные мечети «велено разломать без остатка». В результате этого указа в Тобольске были сломаны 2 мечети, а все тобольские татары и бухарцы были (290 душ) приписаны к мечети Медянских юрт, расположенных в 6 верстах от Тобольска. Всего в Тобольском уезде оставлено 23 мечети, разломано — 66; а в Тюменском уезде — соответственно 13 и 19[2].

Вновь началось насильственное переселение мусульман. Митрополит Тобольский Антоний в 1745 г. требовал переселить из г.Тобольска 62 двора тобольских юртовских татар и бухарцев[3].

С целью усиления насильственного крещения татар-мусульман Сибири архимандритом Тобольской епархии был назначен Сильвестр Гловатский. До приезда Гловатского в 1747 г. в Западной Сибири было 66 мечетей (остальные были разрушены в 1742 г.), по его распоряжению почти все они были разрушены. Вскоре от сибирских татар посыпались жалобы в Сенат и Синод о насильственном крещении. 25 июля 1754 г. Сенат и Синод были вынуждены образовать особую комиссию для расследования этих жалоб[4].

Сибирские татары оказали Гловатскому отчаянное сопротивление. В 1750 г. было крещено всего 20 татар и бухарцев, 10 башкир и 3 ссыльных татарина. В 1751 г. число крещеных татар и бухарцев сократилось до 6 человек, среди крещеных башкир и ссыльных уже нет. За 1752 г. среди крещеных было 6 татар, башкир и мещеряков[5]. Насильственное крещение вызывало отчаянное сопротивление сибирских татар, их протесты и жалобы. Например, в 1751 г. тарский бухарец Алим Шихов в качестве выборного лица от сибирских татар ездил в Петербург. По преданию, он вручил императрице Елизавете Петровне письменную жалобу на митрополита, подвергавшего татар насильственному крещению. В 1755 г. Гловатский был освобожден от руководства тобольской кафедрой[6]. Крещеные татары числятся в ведомости от 31 мая 1782 г. в г.Туринске, в Епанчинской, Варваринской, Индерчеевс-

---

[1] ГАТОТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 722. Л. 51.

[2] ПСЗ-I. Т. 12. — СПб., 1830. — № 9446; ГАТОТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1800. Л. 51–54 об.

[3] ПСЗ-II. Т. II. — СПб., 1832. — С. 432 — 434.

[4] Там же. Т. IV. — СПб., 1834. — С. 76–78.

[5] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Т. 31. 1751 г. СПб., 1909. — С. 474–480.

[6] Валеев Ф.Т. Ислам // Земля сибирская и дальневосточная. — 1992. — № 7–8. — С. 6–7; Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. ... — С. 61.

кой, Нистринской, Иляковской волостях Туринского наместничества и г.Ирбите было всего 80 крещеных татар[1]. В.П.Клюева, специально исследовавшая проблему крещения татар в Западной Сибири, пишет, что взаимоотношения между мусульманами и бывшими единоверцами, принявшими православие, были сложными. «Принятие православия воспринималось крайне отрицательно. Кроме морального осуждения встречаются и примеры применения административных санкций со стороны мусульманской верхушки»[2]. Татары, принявшие христианство, оказывались в затруднительном положении. Мусульмане «по присущей им крайней фанатичности изгоняют христиан из своего общества всевозможными притеснениями и преследованиями, ввиду чего принявший христианство татарин не может пользоваться земельными угодьями в своем обществе и вынуждается создавшимся положением прекратить свое хозяйство и идти в наймы к русским»[3].

Роль государства в регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений невероятно велика. Как показывают итоги деятельности русской православной церкви в XVII в. и особенно в первой половине XVIII вв., предпочтение одной конфессии неизбежно приводит к конфликтам или ситуациям, катализирующим конфликты. Поддержка правительства активной миссионерской деятельности русской православной церкви породила страх и способствовала распространению слухов о готовящейся насильственной христианизации среди различных народов России во второй половине XVIII в. и, как следствие, антиправительственным выступлениям.

Деятельность правительства и русской православной церкви по насильственному крещению мусульман не дала ожидаемых результатов. Ислам оказался довольно сильным конкурентом православия. Несмотря на государственную помощь, православие оказалось бессильным перед исламом. Под давлением мусульман, особенно после восстания татар и башкир под руководством Батырши (1751–1755), Российское правительство вынуждено было признать ислам, ослабить политику христианизации.

В 1765 г. последовало дозволение татарам и бухарцам, проживавшим деревнями, строить мечети и переселять новокрещеных в другие деревни[4].

На заседании Екатерининской Уложенной комиссии (1767–1769) депутаты-татары выступили с едиными требованиями по вопросу соблюдения их религиозных прав. Они требовали прекратить насильственное крещение мусульман, дозволять строительство мечетей в каждом селении, не мешать мусульманам совершать весь комплекс обрядов, включая свободный проезд в Мекку и обратно[5].

Во второй половине XVIII в. феодально-крепостническая система Российской империи переживала кризис. Усилился крепостной гнет, материальная жизнь крестьян значительно ухудшилась, продолжался конфессиональный

---

[1] ГАТО. Ф. 54. Оп. 8. Д. 38. Л. 5.

[2] Клюева В.П. К вопросу о деятельности следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 186.

[3] ГАТОТ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

[4] ПСЗ-I. Т. XIV. — СПб., 1830. — № 10597.

[5] Сборник РИО. Т. 115. — СПб., 1875. — С. 311–314, 336, 358, 361, 371, 400; Т. 14. — СПб., 1875. — С. 157–158.

и национальный гнет нерусских народов. Все эти факторы явились причинами Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, которая продолжалась с 1773 по 1775 г. Война, которую начали яицкие казаки, охватила Оренбургскую губернию, затем перекинулась в Башкирию, восстали крестьяне Казанской губернии. В начале февраля 1774 г. повстанческие отряды Пугачева появились в западных уездах Тобольской губернии. Опасное положение создалось в Туринском и Верхотурском уездах, крестьяне которых воевали в повстанческих отрядах[1]. Губернские власти серьезно опасались вторжения повстанцев в Тюмень. Напряжение спало лишь в октябре 1774 г. в связи с поражением Пугачева под Казанью. В источниках отсутствуют сведения, подтверждающие участие сибирских татар в Крестьянской войне 1773–1775 гг., в которой самое активное участие приняли татары, башкиры и другие нерусские народы Европейской России.

Императрица Екатерина II и феодальная верхушка России, напуганные размахом крестьянской войны и активным участием в ней татар и башкир, вынуждена была признать ислам в качестве официальной религии и использовать ее в целях укрепления империи.

В 1782 г. велено было строить мечети по Сибирской линии, а при них школы и караван-сараи. Строительство мусульманских культовых зданий на юге Западной Сибири в конце XVIII — начале XIX вв. было тесно связано с политикой Русского государства в данном регионе. Возведение первой мечети на Сибирской пограничной линии связано с указом Екатерины II и Правительствующего Сената.

Несмотря на некоторое послабление, крещение татар продолжалось и в последующие годы. Однако многие татары, насильственно крещенные в XVIII в., вернулись в ислам. К 1790 г. в Тюменском округе насчитывалось 88 новокрещеных татар, Туринском — 138, в Томском — 186[2].

В январе 1824 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.М.Капцевич обратился в Сибирский комитет с предложением о постройке в областном центре Омске каменной мусульманской мечети. К постройке этой мечети приступили в 1827 г., в 1829 г. осуществили отделочные работы. В 1831 г. мечеть начала действовать. В 1829 г. государством было определено жалованье «имаму (мулле) 300; муазину — 200; надзирателю — 180; сторожам — 210; на отопление — 400 рублей, всего 1290 руб. в год. Но государство дальше определения жалованья на бумаге не пошло, мечеть не получила ни копейки из государственной казны. Генерал-губернатор Западной Сибири в Тобольске А. Вельяминов на письмо Омского областного начальника ответил, что «на ассигнование содержания Омской мечети он не находит обоснования» и предложил обратиться к магометанам «пожертвовать свои избытки на содержание мечети»[3].

В 1783 г. находящимся под русским подданством мусульманам было дозволено самим избирать ахунов. В 1784 г. в целях распространения ислама

---

[1] ГАТО. Ф. И 47. Оп. 1. Д. 5536. Л. 115, 116, 127, 171.

[2] Топографское описание Тобольского наместничества. — Новониколаевск, 1882. — С. 148, 158, 188; РГИА, Ф. 1264. Оп. 1. Д. 21. Л. 55 об., 56.

[3] Данилов В.Л. Из истории строительства омской мечети // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»(9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 165–166.

среди казахов на пограничной линии определяют в муллы тобольских татар с назначением для них жалованья от казны. В 1789 г. издаются указы относительно веротерпимости к мусульманам. В 1788 г. в Оренбурге создается Духовное управление мусульман, устанавливается должность муфтия[1]. Высшим органом его являлось Оренбургское Магометанское духовное собрание, оно подчинялось губернатору. Муфтии назначались по представлению министра внутренних дел. Членов Духовного собрания назначали по предложению муфтия.

Принимая целый ряд законодательных актов в пользу мусульман, Российское правительство преследовало целью не поблажки и послабления, а политические меры, привлекавшие на российскую сторону мусульманское население. Российская дипломатия и военные силы готовились к покорению государств Казахстана и Средней Азии.

В XIX–XX вв. деятельность мусульманского духовенства Западной Сибири по усилению влияния ислама на широкие массы татарского населения сопровождалось борьбой против миссионеров, проповедовавших православие среди «инородцев». В 1823 г. из татар Тобольской губернии крестились всего 240 человек[2].

С начала XIX в. в Казани началось печатание книг, с 1801 г. по 1855 г. здесь было издано 577 названий татарских книг. Книги на татарском языке распространялись среди тюркоязычных народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана и сибирских татар. Росло количество образованных людей среди сибирских татар. Расширялись связи российских мусульман с мусульманами Востока, которые боролись против иностранного владычества. Укрепились связи с Турцией. Из года в год увеличивалось количество мусульманской молодежи, обучающейся в Средней Азии, Турции и арабских странах. Росло число национальных школ, в том числе среди сибирских татар. Все это вызывало опасения властей и православной церкви[3].

В этот период правительство уже не проводило крещение насильственными методами с применением военной силы, как в XVII–XVIII вв. Оно стремилось насаждать христианство среди татар более утонченными методами, предложенными миссионером Н.Ильминским — через просвещение, пропаганду христианства на родном языке. В конце XIX в. в целях обращения мусульман в христианство в Тобольске было создано отделение библейского общества, которое проповедовало Евангелие среди татар и казахов. Для распространения христианства среди мусульман за казенный счет были выстроены церкви при устье Ишима и Тары, однако православие почти не получило распространения среди мусульман. По отчетам губернатора, за 9 лет (с 1860 по 1869 г.) был крещен только 331 человек[4].

«Минуло почти три века со времени покорения сибирских татар, и надо сказать, что большинство татарского населения как в Европейской России, так и в Сибири, живя все время среди русских, до сих пор далеки от слияния с ними в одну нацию, — писал С.С.Шашков. — Дети татар-христиан доволь-

---

[1] ПСЗ-I. Т. XXII. — СПб., 1830. — № 16710, 16711.

[2] Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 472.

[3] Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX в. — Казань, 1971. — С. 180—181.

[4] Ядринцев Н.М. Указ соч. — С. 20–24.

но часто умирают без крещения. Сибирские татары-христиане не только не видели, но и не слышали никаких книг на своем родном языке, ни религиозного, ни светского содержания, ни даже богослужебных»[1].

Царские власти опасались, что ислам может стать знаменем, под которым сплотятся антиправительственные силы. Поэтому христианизация рассматривалась как важная политическая задача, решение которой должно было нейтрализовать негативные тенденции.

По ходатайству епископа Сибирского и Тобольского Антония и по благословению Святейшего Синода указом от 15 февраля 1900 г. за № 1046 открылась противомусульманская миссия, основной задачей которой было обращение в христианство татар и других «инородцев». Во главе миссии стоял епархиальный проповедник и миссионер, крещеный татарин Е.К.Елиссеев, который в 1900–1901 гг. развернул активную деятельность по крещению тобольских татар. Вместе с ним работал «толмач», священник, крещеный татарин Г.Михайлов, окончивший, как и Елисеев, курс в Казанской учительской семинарии. В их планы входило крещение всех 66 тыс. татар Тобольской губернии. Деятельность этих лиц породила враждебное отношение тобольских мулл и всего мусульманского населения Западной Сибири к миссии. Деятельность Елисеева вызвала критику даже среди христиан[2].

После совершения обряда крещения противомусульманская миссия не оставляла своими заботами обращенных. Для этого Тобольским комитетом миссионерского общества назначались специальные сотрудники. К праздникам новокрещеным раздавались денежные пособия, брошюры и листовки христианского содержания.

Обращением мусульман в христианство занимались не только Елисеев и Михайлов. Количество членов миссии колебалось от 10 до 13 человек. Большинство из них составляли крещеные татары, приглашенные из Казани. В 1906 г. противомусульманская миссия была переименована в Тобольскую Центральную миссию, так как название «противомусульманская» вызывало неприязненное отношение у мусульман. Изменение названия было связано с опубликованием указа от 17 апреля 1907 г. «О веротерпимости».

В 1884 г. противомусульманская миссия была открыта и в Томской епархии епископом Исаакием. Действовали три миссионера. Жалование каждому миссионеру с квартирами было положено в 950 руб. На подарки новокрещеным было предусмотрено 120 руб.

Выход указа о свободе совести и веротерпимости укрепил позиции ислама, что вызвало большое беспокойство миссионеров. Миссия выпускала на русском, татарском и арабском языках большое количество антимусульманской литературы. Для этого в виде поощрения новокрещеным выдавалось от 3 до 15 руб. в год, со второй половины 1907 г. выдача денег прекратилась, что сразу же отразилось на количестве крестившихся.

Конечным результатом работы Центральной миссии следует признать число иноверцев, принявших христианство. По официальным данным, представ-

---

[1] Шашков С.С. Исторические этюды // Собр. соч. Т. 2. — СПб., — С. 79.

[2] Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещеного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 170–172.

ленным в отчетах Синода и «отчетах благочинных», в Тобольской епархии в православие перешли в 1901 г. 6 мусульман, в 1903 г. — 12, в 1904 г. — 5, в 1906 г. — 8, в 1907 г. — 5, в 1908 г. — 26, в 1909 г. — 11, в 1910 г. — 3, в 1911 г. — 7, в 1912 г. — 6, в 1913 г. — 9, в 1915 г. — 4[1].

Учитывая враждебное отношение к новокрещеным со стороны мусульман, в 1913 г. Тобольская епархия предприняла меры по организации для них отдельного поселения. Участок был отведен, власти рекомендовали строить поселение для новокрещен за счет пожертвований, однако собрано было всего 142 руб. 65 коп. Мероприятие, таким образом, осталось на бумаге[2].

В.Ю.Софронов и Е.Л.Савкина, изучавшие деятельность Противомусульманской миссии в Тобольской епархии, делают вывод, что Православная церковь долгие годы не могла даже помыслить о распространении христианства среди татарского населения, поскольку ей противостояла хорошо отлаженная система исламского духовенства. Коренное татарское население исповедовало ислам, считая его «своей верой», а православие верой русских. Опыт открытия миссионерской школы по инициативе епископа Авраамия оказался неудачным. Деятельность ее продолжалась не более года. Деятельность приезжих миссионеров, начавшаяся в начале XX в., также не принесла желаемых результатов. Таким образом, в целом можно сделать заключение, что вся «противомусульманская деятельность в Тобольской епархии не могла решить поставленной перед ней задачи при немалом вложении сил и средств[3].

Несмотря на гонения со стороны правительства и русской православной церкви, ислам постепенно укреплял свои позиции среди сибирских татар. Принятие ислама барабинскими татарами явилось значительной победой мусульманства, так как правительство и русская православная церковь более столетия различными методами пытались распространить христианство у барабинских татар, однако не добились желаемого. Все группы сибирских татар, кроме чулымских и обских, исповедовали ислам.

Несмотря на русское окружение, абсолютное меньшинство и жесткую русификаторскую политику государства и русской православной церкви, сибирские татары, за исключением отдельных случаев, не приняли христианства, не ассимилировались, сохранили этническое единство. Они строили мечети, которые варварски разрушались местными властями и сибирскими митрополитами. Несмотря на бедность, содержали мулл и школы. Браки заключали только между своими единоверцами, усердно сохраняя традиционную культуру. Ислам в этот период имел крепкие позиции у всех групп татар. Исключение составляло небольшое количество туринских, верхотурских и обских татар, которые в силу изолированности от остальной массы татар были вынуждены принять христианство и в XVIII в., не оставив следа, они растворились.

---

[1] ГАТОТ. Ф. 156.Оп. 1. Д. 71. Л. 14.

[2] Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в кон. XIX — начале XX вв. / О.П.Цысь // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Европы (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. С. 244–246.

[3] Софронов В.Ю., Савкина Е.Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский ист.-архитект. музей-заповедник, 2002. — С. 233.

Таким образом, планы и действия правительства и русской православной церкви, направленные на ассимиляцию тюрков путем христианизации и русификации, не дали желаемых результатов. В тяжелые для татарского народа 20–40-е гг. XVIII в., когда проводилась политика насильственного крещения, ислам, укрепляя свои позиции, получил значительное распространение в Сибири. Именно в эти годы барабинские татары, исповедовавшие тенгрианство, приняли ислам. Большую роль в распространении ислама сыграли татары Поволжья и Приуралья, которые переселились в Сибирь.

§ 3. Литература, наука, просвещение

Кроме произведений устного народного творчества, у сибирских татар существовала и письменная историческая литература. О двух повествованиях — «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против иноземцев Западной Сибири», написанных Саад Ваккасом, сыном Реджаба Аллакулова и Кашшафом Абусаидовым, говорилось выше, как и о двух преданиях тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер. Представители сибирских татар оставили и другие письменные исторические повествования.

Памятниками письменной исторической литературы сибирских татар являются сочинения «О роде Ильяс муллы», «Шеджере рисалясе», «Происхождение аула Сала», событиям разных периодов истории сибирских татар[1]. Замечательными историческими произведениями являются «Бараба иле» («Бараба») и «Туралы Тубыл халкы» («Тобольское население»), содержащиеся в сборнике разных сочинений под названием «Тетрадь Ахмеджана Гиззатуллина»[2]. Об этих памятниках исторических произведений сибирских татар мы говорили в разделе историографии первой главы настоящего исследования и нет необходимости их повторять.

Уже в XVII в. появились литературные сборники рассказов, стихотворений сибирских татар[3]. Один из рассказов повествует о любви к сельской девушке молодого человека из деревни Муксаф, расположенного близ Тюмени. Проза чередуется с народными песнями. В произведении указывается название конкретной деревни, рассказывается о реальных людях. В рассказе отсутствует присущая средневековой литературе абстрактность, перед глазами встает реальная жизнь. В Тобольске в этот период появляется другой сборник стихов и рассказов. В него вошло произведение местного автора, написанное на основе легенды о Фархаде и Ширин. Сюжет передан в прозе и стихотворной форме, язык простой, понятный, как у всех произведений народного творчества[4].

На рубеже XVII–XVIII вв. в Тобольске жил ученый и поэт Худжа Шакур бине Гавас. В 1694 г. он окончил медресе Даулатшаха ибн Габдулваггапа ал-

---

[1] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IV. — СПб., 1877. — С. 217–220.

[2] НБ КГУ. № 3413 т.

[3] Архив ЛО ИВАН СССР. — № В 260, 30–33.

[4] Научная библ. КГУ. ОРРК. Т. 710.

Хасани, долгие годы был ахуном Тобольска и мударрисом Тобольского медресе. Источники называют его главой народа «таб», то есть тобольских татар[1]. 26 января 1703 г. Худжа Шакур бине Гавас завершил большую поэму «Насихатнаме» («Книга наставлений»). В конце произведения он называет себя Амдами. Как пишет сам автор, он взял за основу произведения поэму персидского поэта конца XII — начала XIII вв. Ф.Гаттара «Панднаме» («Назидания»). Придерживаясь основ идеи Ф.Гаттара, Амдами создал собственное произведение.

Поэма Амдами, как и произведение Ф.Гаттара, носит философско-педагогический характер, направлена на воспитание у читателей морально-этических норм. В 1872 г. книга Амдами была переиздана второй раз, первое издание до сих пор не обнаружено. Сам автор упоминает о 1000 поэтических куплетах своего произведения, но сохранившаяся рукопись и печатное издание содержат не более 930–950[2].

Риза Фахретдин в своем биобиблиографическом энциклопедическом труде «Асар» дает высокую оценку поэзии Худжа Шакур бине Гаваса (Амдами)[3].

Из-за негативного отношения большевиков к наследию мусульманских авторов, смены арабского алфавита татар на латынь, затем и на кириллицу, имя ученого и поэта Худжа Шакура бине Гаваса долгие годы не упоминалось в печати. В 1963 г. ученые Н.Юзеев и А.Фатхи во время археографической экспедиции в Пермскую область среди множества рукописей обнаружили списки 1600 г. произведений поэта периода Казанского ханства Мухаммедъяра, поэмы «Кыссаи Юсуф» поэта XIII в. Кул Гали и поэмы Амдами «Книга наставлений». В 1990 г. казанским филологом Ф.Яхиным в мечети г. Альметьевска был обнаружен новый список поэмы Амдами[4].

О проживании ученых людей среди тобольских татар свидетельствует эпитафия над могилой мирзы Баки бине Гавас, умершего в 1084/1673 г. Его могила была обнаружена в 1912 г. В.Н.Пигнатти возле ханских могил близ Тобольска[5]. Как понятно из вышеназванных источников, Шакур бине Гаваз и Баки бине Гавас были родственниками.

Развитие татарской литературы в XVIII в. невозможно представить без произведений, переведенных с других языков. В этот период большое значение имели произведения восточных авторов, ставшие частью литературного наследия татар. Одним из них является типичный пример татарской переводной прозы «Маджмугель хикаят» («Сборник хикаятов»). Сборник состоит из 33 хикаятов-рассказов, ставших популярными на Востоке и в Европе[6]. Сборник составлен и переписан в 1775 г. Мухаммедрахимом бине Рафиком, проживавшим среди барабинских татар Тарского уезда Тобольской губернии. Родом он был из деревни Ташкичу Алатской дороги Казанского уезда.

---

[1] Фахретдин Р. Асар. Т. I. — 30–31 б.

[2] Яхин Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнаме» («Книга наставлений») // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 601–602.

[3] Фахретдин Р. Асар. Т. I. — 30–31 б.

[4] Яхин Ф.З. Указ. соч. — С. 601–602.

[5] Архив ЛО ИВАН СССР. В 3509. Эпитафии.

[6] Архив ИЯЛИ АНТ. Ф. К. 39–1–38.

Каким образом он попал в Сибирь, в среду сибирских татар — в книге ничего не говорится. Его приютил Шакур бине Гаваз[1].

В XVIII в. в Тобольске проживали многие ученые, приехавшие из Средней Азии и Поволжья. В этот период бывшие религиозные и научные центры Средней Азии начали угасать. В Тобольск были сосланы поволжские татары за свободомыслие, за борьбу против насильственного крещения. Они составляли своеобразный литературно-культурный центр. Здесь были возможности для литературной деятельности, переписывания книг, перевода арабо-персидских книг. Риза Фахретдин писал, что «сибирские мусульмане в сохранении духовного наследия наших отцов и дедов оказались сильнее мусульман Поволжья и литературные памятники древности надо искать среди сибирских татар»[2].

Гуманистические идеалы «Сборника хикаятов» привлекли внимание писателей Западной Европы. Французский ориенталист Пети де ла Круа в 1710–1712 гг. перевел этот сборник с персидского на французский язык под названием «Тысяча и один день», после чего он был переведен на многие европейские языки; на основе его сюжетов созданы многочисленные произведения: сказки-пьесы итальянского писателя Карла Гоцци, драма Ф.Шиллера и опера итальянского композитора Дж.Пуччини «Принцесса Турандот»[3].

Сборник и в наши дни является любимой книгой татарского читателя. Он был издан большим тиражом в 1994 г., стал литературным бестселлером.

В конце XVIII в. был написан «Баит», посвященный казанскому узнику в г.Тобольске. «Баит» весьма поэтично передает тоску узника по родине — Казани[4].

В 1982 г., во время археографической экспедиции научных сотрудников Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, в деревне Сарабиккулово Лениногорского района был обнаружен объемный рукописный сборник, состоящий из 209 листов. Сборник принадлежал поэту Ахмеджану Тубыли, проживавшему в Тобольске. Сборник содержал десятки стихотворений, поэму и другие произведения А.Тубыли, сочиненные в Тобольске. В 1984 г. также было обнаружено письмо А.Тубыли, написанное в 1879 г. и адресованное родственнику, проживавшему в той же деревне. Как показывает источник, поэт был сослан в Тобольск в 1871 г. Как пишется в сборнике, в 1889 г. он жил в деревне Ишеево близ Тобольска, имеется его завещание сыну, написанное в 1890 г. Документы сборника свидетельствуют, что А.Тубыли был в центре литературной и общественной жизни татар Тобольска[5].

Исследователи творчества А.Тубыли отмечают, что поэт был знаком с творчеством поэта Габдрахима Утыз Имяни, известного религиозного деятеля Габденнасира Курсави, имел связи со многими передовыми деятелями сибирских татар. Его поэтическое творчество высоко оценено литературоведами.

---

[1] Татар әдәбияты тарихы. Т. I. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. — 420 б.

[2] Мәҗмугыл хикаят. Борынгы татар прозасы. 1 китап («Сборник хикаятов». Древняя татарская проза. 1 книга). — Казан: Татар. китап нәшр., 1994. — Б. 6.

[3] Мәҗмугель-хикәят. ... — Б. 7.

[4] Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. китап нәшр. — 1963 — 73 б; Илаһи бәйет // Мирас. — 2001. — № 8. — Б. 22–23.

[5] Әхмәтҗанов М. Дастаннар ватаны. — Казан: Мәгариф, 1999. — Б. 101–110.

Одним из образованных людей среди тобольских татар во второй половине XVIII в. был житель г.Тобольска А.М.Маметов. Он поддерживал связи с представителями прогрессивно настроенной русской интеллигенции города. В 1789–1791 гг. сотрудничал в сатирическом журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», издававшемся в Тобольске, состоял членом общества «Любителей науки». В Тобольске произошла его встреча с А.Н.Радищевым[1].

Во второй половине XIX в. появились новые литературные произведения сибирских татар. Учитель Ембаевского медресе (1870–1880), видный деятель татарского просвещения Сибири, тюменский татарин Мауликай Юмачиков (1834–1910) в 1891 г. издал первую книгу стихов, в 1879 г. — «Кыссаи Салсал» («Сказание о Салсале») и «Фархад илә Ширин» («Фархад и Ширин»), в 1881 г. — «Эрбет бәете» («Баит об Ирбите»). Передовые взгляды автора вызвали недовольство цензуры, однако он сумел отстоять их в суде[2]. М.Юмачиков публиковал и произведения эпического жанра, которые неоднократно переиздавались в Казани, перевел на казахский язык поэму Хисама Кятиба «Җөмҗөмә солтан» («Джумджума султан»)[3]. В рукописном отделе научной библиотеки Казанского университета хранятся его стихотворения и произведения эпического жанра[4]. В конце XIX в. начинается поэтическая жизнь татарской поэтессы Биби-Ханифы Ниязи (Гисматуллиной), родившейся в г. Томске в семье казанских татар. В 1897 г. и в последующие годы были опубликованы ее стихотворения, сборники стихов поэтессы неоднократно переиздавались[5]. Произведения М.Юмачикова и Б. Ниязовой, написанные на литературном татарском языке, пользовались успехом среди сибирских и поволжских татар. Безусловно, сибирскими татарами были созданы и другие литературные произведения. Из-за отдаленности центров книгоиздания они оставались не изданными и неизвестными широким массам.

В развитии духовной культуры татарского народа, в том числе сибирских татар, особое место принадлежит книгопечатанию. Печатные издания на татарском языке в России начали появляться в первой половине XVIII в.[6]. В 1800 г. был издан Указ сената об открытии в Казани Азиатской типографии, которая печатала книги и на татарском языке. С 1840 г. в Казани начали открываться частные типографии. С 1801 по 1855 гг. были изданы в Казани 577 книг[7]. За 1851–1900 гг. в Казани, в Москве, Петербурге, Уфе, Оренбурге было издано 3,2–3,3 тыс. татарских книг общим тиражом от 23,5 до 26,9 млн экз. Во второй половине XIX в. среди отпечатанных на татарском языке книг возросла доля книг по фольклору, художественной литературе, истори-

---

[1] Валеев Ф.Т. Вклад ученых из сибирских татар в изучение и развитие культуры тюркских народов России в конце XVIII — начале XX вв. // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). — Тобольск, 1998. — С. 176.

[2] Татар поэзиясе антологиясе. 1 китап (Антология татарской поэзии. 1 книга). — Казан: Тат. китап нәшр., 1992. — 352–357 б.

[3] Фаизханов Г. Мөхеррик-әл-әфкяр. — Казан, 1893. — Б. 22.

[4] Фатхи А. Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. — Вып. VI. Татарское народное творчество. — С. 17, 18. Рукопись № 1405.

[5] Татар поэзиясе антологиясе. 1 китап... — Б. 388–389.

[6] Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX в. 2-е изд. — Казань, 1992. — С. 67–84.

[7] Там же. — С. 178–179.

ческим трудам, учебникам и другой литературе светского характера[1]. В 1901–1917 гг. было издано от 6,2 до 7 тыс. татарских книг тиражом от 41,3 до 47 млн экз. Религиозная литература составила 1/5 часть всех изданий[2]. Печатная татарская книга распространялась по всем регионам проживания татар. Немало татарских книг поступало и в среду сибирских татар. В России сложилась налаженная система распространения татарских книг. Их можно было купить на крупных ярмарках, рынках, в городских магазинах, сельских лавках и у любого татарина, занимающегося мелкой развозной торговлей. Среди сибирских татар пропагандистами татарской книги были мусульманское духовенство, преподаватели и учащиеся медресе.

Особой популярностью среди сибирских татар пользовались произведения таких прогрессивных татарских ученых-просветителей, публицистов, как Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахретдин, Рашит Ибрагимов, а также произведения татарских писателей и поэтов Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Гаяза Исхаки, Галимджана Ибрагимова, Маджита Гафури и др.

С началом издания газет и журналов на татарском языке Западная Сибирь стала ареалом распространения татарской периодики. В XIX в. существовало около десятка проектов издания периодики на татарском языке (среди инициаторов были и русские) Первая газета на татарском языке «Нур», изданная Г.Баязитовым в Петербурге, появилась только в 1905 г. До этого сибирские татары читали газету «Тарджиман», издававшуюся татарским просветителем и общественным деятелем Исмаилом Гаспралы (Гаспринским) в Бахчисарае. С 1905 г. бурно развивается татарская периодика. С 1905 г. по 1917 г. в России в разное время выходило до 100 газет и журналов на татарском языке. Газеты, как и книги, успешно распространялись среди сибирских татар. С марта 1912 г. в г. Томске издавалась газета «Сибирия». С марта 1913 г. она издавалась в г. Уфе, с 18 октября 1913 г. ее преемницей стала газета «Тормыш», которая также выходила в Уфе по 29 апреля 1918 г.

В начале XIX в. были предприняты первые попытки научного исследования языка сибирских татар. Заслуга этого начинания принадлежит учителю татарского языка Тобольского главного народного училища. Иосифу Гиганову (?–1800). В 1801 г. в Петербурге была издана «Грамматика татарского языка», в которой И.Гиганов впервые дает тематическую классификацию лексики западносибирского татарского языка. Работа является первым научным исследованием языка сибирских татар, и первым серьезным трудом по татарскому языкознанию.

В 1804 г. вышла в свет вторая работа И.Гиганова — «Словарь российско-татарский». Этот огромный словарь (объемом 680 страниц и включавший больше 10 тысяч слов и выражений), был одним из первых в отечественной тюркологии[3].

Видным представителем сибирско-татарской интеллигенции на рубеже XVIII–XIX вв. был учитель татарского языка Тобольского главного народного училища Ният Бакый Атнометов (1768–?). Родился он в деревне Саускан.

---

[1] Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. — Казань, 1974. — С. 79, 91–93.
[2] Там же. — С. 31, 243.
[3] Гиганов И. Грамматика татарского языка. — СПб., 1801; Его же. Словарь российско-татарский. — Спб., 1804.

Был активным общественным деятелем. Создал ценный труд «Букварь татарского и арабского письма», изданный в 1802 г. в Петербурге Академией наук. Этот значительный для своего времени научный труд (и учебное пособие) сыграл важную роль в изучении русскими татарского и арабского языка, а также в изучении русского языка тюркоязычными учащимися. Книга содержит значительный материал для научного анализа фонетико-морфологических и лексических особенностей языка сибирских татар. Атнометов в 1806–1807 гг. встречался с известным ученым-китаеведом Н.А.Бичуриным, находящимся в Тобольске. Н.А.Бичурин проявлял большой интерес к этнографии, истории и языку сибирских татар[1].

Известным деятелем культуры и просвещения рубежа XIX–XX вв. являлся житель г.Тобольска Тухтасын Сафаргалиевич Айтмухаметов. Он был гласным думы, членом учетного комитета Государственного банка. Был представителем татарского населения на торжествах, посвященных коронации и 300-летию дома Романовых, был одним из учредителей общества мусульман-прогрессистов, на свои средства построил школу и содержал ее. Его стараниями и частично на его средства были построены мечеть в Тобольске и мечеть в д.Нижние Аремзяны. В пропаганде знаний среди сибирских татар в начале XX в. большое значение имела переводческая деятельность Худжатуллы Ченбаева. У общественности Тобольской губернии пользовался уважением представитель мусульманского духовенства Западной Сибири ишан Халил Халилов, получивший образование в г.Троицке у известного Зайнуллы ишана. На свои средства он построил и содержал в юртах Турбинских мужскую и женскую гимназии, в которых учились 300 шакирдов. Вел активную общественную и просветительскую деятельность. На свои средства в конце XIX–XX вв. содержал медресе в г.Таре купец Абдул Фаттах Айтикин[2].

Среди борцов за национальные и религиозные права сибирских и поволжско-приуральских татар выделялся сибирский татарин, уроженец г. Тары Тобольской губернии Рашит Ибрагимов (1857–1944). Образование Ибрагимов получил в разных медресе Тобольской губернии и в знаменитом Кышкарском медресе Казанского уезда. Около четырех лет прожил в Медине. В 1885–1892 гг. был имамом, мударрисом г.Тары, в 1892–1895 гг. — казием Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. В книге Ибрагимова «Чулпан Юлдуз», изданной в 1895 г. в Стамбуле, приводятся сведения о национально-политическом положении мусульман России, излагается суть антимусульманской ассимиляционной политики царского режима. Р.Ибрагимов побывал во многих городах России. Издавал журнал «Мирьат», газету «Ульфат», журнал «Ат-Тильмиз». В 1906–1907 гг. развернул деятельность по организации и проведению съезда мусульман России. Установил связи со многими деятелями национально-освободительного движения мусульманских народов России с мусульманами Сибири, Петропавловска, Оренбурга, Троицка, Казани и других городов; встречался со многими деятелями национального движения тюркских народов России, вместе с ними занимался

---

[1] Атнометов Н.Б. Букварь арабского и татарского письма. — СПб., 1802.

[2] Кутумова Р.С. Известные земляки в истории татарского просвещения (конец XIX — 60-е годы XX вв.) // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 , Тобольск). — Тобольск, 1998. — С. 204.

подготовкой документов для первого Всероссийского съезда мусульман. В 1906–1907 гг. с участием Р.Ибрагимова было проведено три Всероссийских съезда мусульман, имевших большое историческое значение. В эти годы Р.Ибрагимов прилагал большие усилия для создания партии российских мусульман «Иттифак», в основу программы которой была заложена программа партии кадетов.

Р.Ибрагимов побывал в Японии, где основал первую японскую мусульманскую общину, был принят как почетный гость в высших кругах страны Восходящего Солнца. Оттуда через Индию перебрался в Турцию, здесь он поселился и стал своим человеком в кругу младотурков. Во время Балканской войны он проявил себя (в печати и устно) идеологом священной войны. Во время Первой мировой войны занимался устроительством мусульманских военнопленных в Германии и Австрии. С 1933 г. был имамом соборной мечети в Токио. Необходимо подчеркнуть, что Р.Ибрагимов всю свою жизнь посвятил национально-освободительной борьбе татар, был знаменитым на всем мусульманском Востоке издателем, писателем, публицистом, политиком и путешественником[1].

Крупным деятелем общественной жизни сибирских татар был Нияз Мухаммед Сулейманов из г.Омска. Он написал и издал на татарском языке несколько книг назидательного содержания: «Моназара» («Диспут»), «Петербург сәяхәтнамәсе» («Путешествие в Петербург»), «Төрки хөтбәләр» («Наставления на тюркском языке») и другие), систематически публиковал статьи в газете «Шаркый рус» и других изданиях[2].

В сравнительно недавнем прошлом бытовало мнение о неграмотности сибирских татар, об отсутствии у них письменности до Октябрьской революции. В действительности же быть неграмотным у татар считалось большим позором.

Просвещение сибирских татар — одна из малоисследованных проблем. Сохранилось незначительное количество письменных источников: документы, содержащие сведения о деятельности мусульманских учебных заведений, были уничтожены «как вредные для коммунистической идеологии». Многие деятели просвещения сибирских татар в 30-е годы XX в. были объявлены «врагами народа» и репрессированы[3].

Вместе с принятием ислама к сибирским татарам пришел арабский алфавит, заменив собой древний рунический. По мере укрепления ислама в деревнях и городках строились молитвенные здания — мечети, где трудилось мусульманское духовенство — имамы, муллы, муэдзины, ахуны. Мулла был обязан обучить своих прихожан грамоте, и, как правило, обучение арабской грамоте он начинал с детей. При каждой мечети работала начальная школа — мектеб. Мальчики обучались у муллы в мектебе, девочек обучала в

---

[1] Ибраһимов Р. Тәрҗемәи хәлем (Моя биография). — Казан: Иман, 2001; Его же. Дәүре галәм (Дөнья тирәли) (Вокруг света). — Казан: Иман, 2001; Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. — Казань: Иман, 1998. — С. 94–95.

[2] Ахметзянов М.И. О родстве сибирских татар с волжскими // Татарские края. — 2002. — № 4. (474). Февраль.

[3] Вольхина М.Г. Из истории татарского просвещения в Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — 1993. — Новосибирск: Наука, 1997. С. 109–122.

своем доме жена муллы — абыстай. Дома родители, старшие братья, сестры, проверяли полученные детьми знания и навыки, помогали в учебе. Учебный год у татар обычно начинался по окончании летних полевых работ и продолжался до начала следующего лета. В исламе очень высока цена слова, особенно написанного. В соответствии с Кораном учение является нормой социальной и личной жизни. В сибирских татарских государствах было высшее духовенство — ахуны, сеиды, государственные чиновники, получившие образование. В каждом татарском доме, даже в бедном, было хотя бы несколько книг.

В ходе войн XVI–XVII вв. были уничтожены мечети и мектебе при них, существовавшие со времен распространения ислама в Тюменском и Сибирском ханствах. XVII век был самым тяжелым периодом в истории просвещения народа. На основании указа царя Федора Иоанновича от 18 июля 1593 г. разрушались мечети и, следовательно, система просвещения[1]. В этих условиях повысилось значение домашнего обучения детей.

С середины XVII в. стали открываться мектебы и медресе сибирских татар.

Российское государство не выделяло средств на просвещение татар. Сибирские татары создали собственную систему образования, экономическую основу которой составляли народные пожертвования, духовную — ислам и организационную — деревенские муллы и общественные деятели из народа. По традиции при каждой сельской мечети существовала начальная школа: мальчиков обучал деревенский имам — мулла, девочек — жена муллы — абыстай (в доме муллы). В этих школах дети учились 4–5 лет. Дети изучали родной и арабский языки, основы ислама, арифметику. Единая программа отсутствовала. Объем получаемых знаний зависел от уровня образованности муллы. Гарантированную оплату за обучение детей мулла не получал, по традиции родители, исходя из своих возможностей, давали ему деньги или продукты, бедные обучение своих детей отрабатывали в хозяйстве муллы.

Постепенно система образования татар развивалась и совершенствовалась. Уже в середине XVII в., кроме начальных школ–мектебов при мечетях, стали открываться медресе, в которых были классы, дающие среднее образование.

Н.Витзен пишет, что в 60-е годы XVII в. в Тобольске была «арабская школа», где татарские дети обучались Корану и арабскому языку[2]. Так Н.Витзен называл Тобольское медресе, которое было первым мусульманским средним учебном заведением в Сибири и одним из старейших медресе в России. Здесь учились дети не только тобольских татар и бухарцев, но и татар Тюменского, Ялуторовского и Тарского уездов. Шакирдам в медресе, в зависимости от года обучения, преподавали Коран, тежвид (правила чтения Корана), хадисы (изречения пророка Мухаммада), историю ислама, логику, арабский, персидский, тюркский (татарский) языки. Во всех медресе обязательным предметом были «Гыйльме фараиз», дававший знания по мусульманской юриспруденции, разделу имущества по шариату, начальные математические познания. Преподавался «Исагуҗи» — трактат древнегреческого философа Порфирия, то есть введение в философию Аристотеля, и некоторые

---

[1] Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. — Казань, 1941. — С. 14.

[2] Witzen N. Noord en Oost Tartaryen ... — S. 754.

другие предметы[1]. С.В.Бахрушин назвал Тобольское медресе «рассадницей грамотности» среди татарского населения г. Тобольска[2].

Из исторических документов известно, что в 1743 г. в Тобольской губернии было 133 мечети. В Томской губернии почти в каждой татарской деревне была мечеть[3]. Как пишет И.Юшков, по числу мечетей можно определить количество татарских учебных заведений и преподавателей.

После завоевания Сибири Россией перед местной администрацией и правительством встала еще одна серьезная проблема. Система управления «инородцами» требовала переводчиков и чиновников, владеющих их языками, в том числе татарским. Знание татарского языка открывало возможности для общения с тюркскими народами Сибири и развития дипломатических отношений с тюркскими государствами Средней Азии и Казахстана. Поэтому правительство стало открывать во второй половине XVIII в. в Сибири так называемые «татарские школы»[4], где обучались дети русских чиновников, отставных офицеров, изредка — дети татар-служащих.

Стремление царского правительства к усилению своей роли в Казахстане и Средней Азии способствовало использованию татарского языка в качестве языка дипломатии. Так, к письму московских бояр к ногайскому князю Иштиряку и мурзам об избрании царем Михаила Романова был приложен текст на татарском языке[5]. Грамота царя Михаила Федоровича к Алтан-хану была написана по-татарски[6]. Впрочем, это являлось продолжением традиций. Когда царю Ивану III из Валахии пришло письмо с непонятным текстом и шрифтом, он ответил: «Послы русского царя переписываются только на русском, латыни и татарском языках». Служилые татары и татарский язык в XVII–XVIII вв. использовались правительством в дипломатических отношениях с государствами Востока[7].

Данное обстоятельство содействовало усовершенствованию стиля татарского делового письма. Использование татарского языка в отношениях со странами Востока привело к необходимости составления татарско-русских, русско-татарских, русско-арабско-татарских словарей.

Русское правительство использовало служилых сибирских татар в качестве толмачей в торговле с Китаем и Средней Азией. Привлечение татар в общероссийские дела открыло им путь к тесному сближению с русской культурой и более тесному общению с русскими. Татары видели свою судьбу неотъемлемой от России и с русским народом. В то же время сибирские татары в связи с возобновлением миграции в свою среду татар Поволжья и Приуралья ощущали влияние их культуры. Тем самым расширился ареал распростра-

---

[1] Знаменский П. Казанские татары. — Казань, 1910. — С. 26–27.

[2] Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв.// Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. — М., 1959. — С. 210.

[3] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Сер. II. Т. IV. — СПб., 1876. — С. 201.

[4] Юрцовский Н.С. Очерк из истории просвещения в Сибири. — Новониколаевск, 1923. — С. 11–13.

[5] Ногманов М. Мәскәү боярларының татарча языл ган грамотасы // Татар теле һәм әдәбияты. — Казан, 1959. — Б. 204–205.

[6] Русско-монгольские отношения. 1607–1637 гг. — М., 1959. — С. 94.

[7] Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. — Л., 1925. — С. 182.

нения общетатарской культуры. Именно татарскую культуру и литературу XVII в. невозможно ограничить рамками проживания татар Поволжья, Приуралья или сибирских татар.

В 60-годы XVII в. в Тобольске была открыта «татарская школа» для русских, в которой готовили толмачей и переводчиков. В 1789 г. было открыто «азиатское училище» для подготовки толмачей и переводчиков татарского, калмыцкого, монгольского и маньчжурского языков. В 1789 г. было введено преподавание татарского языка в Тобольской и Омской школах[1]. В 1793 г. введено преподавание татарского языка в Тобольском главном народном училище. Учителями татарского языка в школах Западной Сибири были казанские татары Еушев, Гасан (Хасан) Сейфуллин, М.Алимов и др.[2].

На рубеже XIX–XX вв. во всех медресе преподавался русский язык. В связи с укреплением ислама в начале XIX в. увеличилось количество школ, учащихся и грамотных среди сибирских татар. В школах использовались учебники, созданные в Казани, обучение велось на литературном языке казанских татар. Данное обстоятельство оказало определенное влияние на культуру сибирских татар, освобождая их от изолированности от общей культуры тюркского мира. Процесс единения двух групп татар продолжался и в последующие годы.

Статистика 1895 г. по Ялуторовскому округу Тобольской губернии отмечала: «В инородческих волостях Авазбакеевской и Сингульской при местных муллах имеется 15 татарских школ, из них в Сингульской — 7 школ со 176 мальчиками и 149 девочками, всего 326 учащихся»[3]. Таким образом, количество обучающихся девочек было немногим меньше, чем количество мальчиков (54% мальчиков и 46% девочек). Исследуя масштабы татарского просвещения в Западной Сибири, Н.С.Юрцовский писал: «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней, и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем дети крестьян»[4].

Кроме имамов, в некоторых деревнях детей обучали странствующие учителя. Например, в юртах Нердинских детей обучал отставной солдат, родители платили ему по 30 копеек за ученика. В школе учились 50 мальчиков и 30 девочек. Школу, естественно, посещали не все дети, дети бедняков и сироты не имели на это возможностей. Татары считали обучение детей обязанностью родителей и старались дать им хотя бы начальное образование. Официальная статистика учет школ при мечетях не вела, об их количестве можно судить по числу мечетей. В редкой татарской деревне не было мечети. В 1851 г. в Западной Сибири действовало 188 мечетей[5].

В последней четверти XIX в., кроме начальных школ при мечетях, в городах и крупных юртах сибирских татар существовали школы второй ступени — медресе. В медресе детей обучали специальные учителя — мугаллимы

---

[1] Катанаев Г.Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии Сибири и Средней Азии. Вып.1. — СПб., 1908. — С. 12–13.

[2] Валеев Ф.Т. Указ. соч. — С. 133.

[3] Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. III. — С. 16.

[4] Юрцовский Н.С. Очерки истории просвещения в Сибири. — Новониколаевск, 1923. — С. 188.

[5] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение... — С. 114.

и хальфы, окончившие учебные заведения Казани, Уфы, Оренбурга, Каира и других мусульманских центров. В 1875 г. в Тобольской губернии было 32 медресе[1]. Н.М.Ядринцев сообщает, что в 1880 г. в Тобольской губернии было до 14 училищ, где учились 340 мальчиков и 81 девочка, среди взрослых грамотных насчитывался 761 человек, не учившихся детей — 1497 человек. «Грамотность татар более расширяется, чем у русских, — пишет Н.М.Ядринцев. — Муллы и имамы более позаботились об этой грамотности, чем русские. Правительство не делало даже попыток по обучению инородцев. У оседлых татар обучалось 46% всего населения, а у русских в городах учились 1 из 20 человек. Мусульмане весьма заинтересованы в грамотности»[2]. Известные в Западной Сибири Ембаевское, Чикчинское, Турбинское, Тоболтуринское, Саусканское, Тобольское и Тарское медресе содержались на средства населения или частных лиц. В них работали преподаватели, закончившие Казанское, Уфимское, Оренбургское медресе, учебные заведения Бухары, Самарканда, Стамбула. В Томской губернии также существовали начальные школы при мечетях, в том числе одно городское медресе в г. Томске и несколько медресе в юртах. Некоторые татары обучались в русских школах.

Царское правительство запрещало татарам открывать и содержать светские учебные заведения, поэтому казанские и сибирские татары вынуждены были открывать и содержать школы и медресе под названием конфессиональных. Все учебные заведения татар были открыты в зданиях, построенных или приобретенных на народные средства, содержались они также народом.

Развитие капитализма способствовало повышению требований к системе народного образования. В пореформенный период в татарском обществе началась упорная борьба за существенную реформу просвещения. Среди казанских татар развернулось движение против старых методов обучения в школах и медресе, против схоластики, за внедрение прогрессивной методики и расширенное преподавание светских предметов. В Османской Турции под влиянием Великой французской революции и наполеоновских войн была развернута программа реформ, вышедшая в историю как эпоха танзимата (от арабского *танзим* — приведение в порядок), одной из целей которой была гуманизация образования, воспитание в учебных заведениях более подготовленных к жизни молодых людей. Несмотря на давление и преследование со стороны царского правительства, передовые силы татарского общества поддерживали тесную связь с мусульманской Турцией. Идеи танзимата оказали влияние на движение за создание современной системы народного образования у татар.

Кроме того, в татарском обществе появились такие идеологи, как И.Хальфин и Ш.Марджани, осознающие необходимость обновления системы просвещения.

Новое течение в татарском обществе получило название джадидизм (от арабского *джадид* — новое). В пропаганде и внедрении джадидизма важная роль принадлежит представителю крымских татар Исмаилу Гаспринскому,

---

[1] Андронников И.А. Материалы по землевладению и быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск: Губ. типогр., 1911. — С. 32.

[2] Ядринцев Н.М. Указ. соч. — С. 229.

который издавал газету «Тарджиман» и пропагандировал идеи реформы татарского просвещения. Джадидизм выдвинул требования повышения уровня образования мулл и преподавателей медресе. В этот период Бухара и Самарканд как центры мусульманского просвещения потеряли свое значение. Центром мусульманской цивилизации в пределах Российской империи стала Казань, где функционировали джадидистские учебные заведения. Такие школы и медресе появились в других городах и деревнях Казанской губернии, а также в некоторых регионах компактного проживания татар — в Уфе, Оренбурге, Троицке и т.д.

Идеи джадидизма, в основном оформившиеся в начале последней четверти XIX в., проникали и к сибирским татарам, чему способствовали тесные экономические и духовные связи между сибирскими и казанскими татарами. Джадидизм среди сибирских татар проявлял себя во внедрении новых, прогрессивных методов обучения и светских предметов. Внедрению светских предметов в мусульманские учебные заведения препятствовала российская система просвещения. В русском обществе существовали мощные силы, противодействующие прогрессу. На заседании «Особого совещания»[1], состоявшегося в 1914 г. в Петербурге при участии четырех ведомств, было решено: закрыть русские классы при татарских мектебах и медресе, исключить преподавание русского языка из программ мусульманских школ. Светская татарская школа квалифицировалась как крайне нежелательное явление[2]. Обучение татар русскому языку считалось также нежелательным. Татарские мектебы и медресе работали под надзором жандармерии. Несмотря на все препятствия, новая система образования нашла прочное место среди сибирских татар. В связи с потерей городами Туркестана прежнего значения центров мусульманского просвещения молодежь сибирских татар устремилась в Казань и другие джадидистские центры. Получив образование, они возвращались в Западную Сибирь. Немало молодых людей из казанских татар, получив образование в новометодных учебных заведениях Поволжья и Приуралья, приезжали в Сибирь и служили имамами в мечетях, работали преподавателями в медресе. В мечетях, медресе и дома татарское население в основном пользовалось учебниками, религиозной и светской литературой, изданной в Казани, Уфе и Оренбурге. Распространялись также религиозные и светские книги из Турции и арабских стран.

Помимо мусульманских учебных заведений, дети татар начали учиться в русских учебных заведениях. По данным 1911 г., в народных школах Сибири, где обучение велось на русском языке, обучалось (в %):

	Русских	Татар и др.
Мальчиков	72	24,9
Девочек	96	1,4

[1] Особое совещание — государственное учреждение, созданное для руководства экономической жизнью России в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. На их заседаниях иногда обсуждались и идеологические вопросы, касающиеся национальной политики.

[2] Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. III. — С. 16.

Дети татар учились в Тюменском коммерческом училище. В 1915 г. из 270 учащихся 16 были татарами. Девочек-татарок отдавали учиться в гимназии. Так, в 1917 г. из 552 девочек было 8 татарок. Закон Божий был заменен им мусульманским богословием[1].

Увеличение числа состоятельных людей — предпринимателей, купцов, земледельцев и скотоводов — способствовало развитию культуры и просвещения сибирских татар. По нормам мусульманского шариата, состоятельные татары отдавали в часть прибыли (закят) передавали бедным, сиротам, сельским обществам на содержание родников, колодцев и кладбищ. Большую часть закята направляли на строительство мечетей, медресе, домов для учителей, столовых при медресе, домов для проживания приезжих шакирдов-учащихся. Появились и развернули деятельность по всей России мусульманские благотворительные общества, в том числе в Сибири. Благотворительные общества использовали поступившие средства на помощь бедным, пострадавшим от пожаров и других бедствий, сиротам, большую часть отдавали на нужды ислама и просвещения. На средства благотворительных обществ строились мечети и медресе, направлялись на учебу в учебные заведения Казани, Уфы, Оренбурга, Стамбула, Каира и других мусульманских центров способные подростки[2].

Большой вклад в развитие татарского просвещения Тобольской и Томской губерний внесли татары Сейдуковы, Альпины, Айтикины, Сулеймановы, Чинбаевы, Бухараевы, Карамшаковы, Кульмаметовы, Миршановы и другие, известные своей благотворительной деятельностью. В Западной Сибири среди татарских благотворителей особо отличались Нигматулла, Рахматулла и Хабибулла Карымшаковичи Сейдуковы из юрт Ембаевских близ Тюмени.

Древнее селение сибирских бухарцев Ембаево, известное с 1628 г., было самым крупным из татарских юрт. Еще в 1782 г. там насчитывалось 213 хозяйств, 606 жителей, в том числе 114 коренных сибирских татар, 883 бухарца, 27 казанских татар, 16 башкир, 15 русских. В начале XX в. в Ембаево проживало 1288 человек, в том числе 1228 бухарцев и 60 сибирских татар. Это селение не только отличалось многочисленностью жителей, но и богатыми меценатами. В 1841 г. здесь открылось медресе, построенное и содержавшееся на средства местного торговца Габдельниязова. С 1871 г. оно перешло в ведение Сейдуковых, которые начиная с 1878 г. построили на свои средства десятки мечетей и зданий медресе, среди них особенно выделялось Ембаевское медресе. Учебные здания, подсобные помещения медресе, дома для мугаллимов, интернат для шакирдов, столовая были построены и содержались на средства Сейдуковых. Они сами подбирали руководителей школ, педагогический коллектив из окончивших передовые для своего времени мусульманские учебные заведения и содержали их. Среди педагогов были выпускники знаменитых медресе Казани, Уфы, Оренбурга, Стамбула и других мусульманских центров[3]. В Ембаево было 7 мечетей, несколько школ, в том числе для девочек.

Нигматулла хаджи Сейдуков построил на свои средства 15 мечетей, 50 мектебов и медресе, содержал их, нанимал учителей. На свои средства спо-

---

[1] Вольхина М.Г. Указ. соч. — С. 115–116.
[2] Валеев Ф.Т. Указ. соч. — С. 196.
[3] Әхмәтвәли Мәңгәр. Хәтирәләр. — Казан, 1977. — Б. 123, 124.

собных подростков направлял на обучение в знаменитые учебные заведения Поволжья, Приуралья и мусульманского Востока. Нигматулла первым из татар построил в Ембаево здание под библиотеку, купил для библиотеки книги: всего 2200 книг, много рукописей, среди которых были очень ценные. Умер он в 1901 г., завещав на просвещение татар и русских Западной Сибири 28000 тыс. руб. Архитектурный комплекс села Ембаево, построенный Сайдуковыми, находится под охраной ЮНЕСКО как памятник зодчества.

Сейдуковы внедряли прогрессивные методы преподавания, особое внимание обращали на обучение светским наукам и языкам. Ембаевское медресе стало первым, но не единственным джадидистским медресе в Западной Сибири.

Учебная программа Ембаевского медресе не отличалась от программ медресе «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе и «Хусаиния» в Оренбурге, считавшихся самыми передовыми в Российской империи. Кроме учебных предметов, связанных с исламом, учебная программа медресе включала родной, русский, арабский, турецкий, французский языки, математику, астрономию, географию, историю, логику и другие предметы. Шакирды обеспечивались бесплатным питанием и единой формой одежды. Джадидистские медресе в конце XIX в. открывались также в юртах Саусканских, Турбинских и др.[1].

В конце XIX в. в Ембаево случился большой пожар. Сейдуковы на Нижегородской ярмарке взяли у татарских купцов кредит на большую сумму под 5% годовых. Каждой семье они купили лошадь, корову, закупили строительные материалы. Был составлен генеральный план застройки деревни, и в течение года все хозяйства построили дома, были выстроены 2 мечети, 3 начальные, 2 средние школы. К 1912 г. жители были готовы вернуть долг. Однако купцы решили не взимать долг, а по решению собрания жителей Ембаева деньги передали на строительство мечети в г.Петрограде. В 1914 г. в Ембаеве открылась первая татарская школа с русским классом[2].

Кроме Ембаевского, в Тобольской губернии в начале XX в. функционировало около 40 медресе. Работали медресе в г.Томске и татарских селениях Томской губернии.

К концу XIX в. среди народов России сибирские татары по уровню грамотности занимали одно из ведущих мест. По данным переписи 1897 г., 25,4% мужчин и 16,8% женщин были грамотными. Сибирские татары по уровню грамотности опередили русских Сибири, у которых грамотой обладали лишь 11,5% мужчин и 4,5% женщин[3]. Необходимо добавить, что многие татары, опасаясь крещения, избегали переписи или скрывали свою грамотность.

Со времен принятия ислама среди сибирских татар распространялись рукописные книги религиозного и светского содержания. Во второй половине XIX в. к сибирским татарам стали поступать печатные книги из Казани, в том числе произведения Ш.Марджани, К.Насыри и др. Как результат развития просвещения, среди сибирских татар появились образованные деятели, преподаватели, писатели и поэты. Ими были созданы литературные произведения, вошедшие в бесценный фонд татарской литературы второй половины

---

[1] Яңарыш. — 1990, 10 ноябрь.
[2] Рахимова А.Р. История юрт Ембаевских // Яңарыш. — 1997, 16 май.
[3] Всеобщая перепись населения России. — СПб., 1903 — С.

XIX в.[1] Конечно, эти примеры не отражают все литературное наследие сибирских татар. В результате отдаленности от культурных центров, отсутствия условий для их издания плоды литературной деятельности сибирских татар оставались неизвестными широкому кругу читателей.

Достигнутый уровень просвещения сибирских татар был результатом упорной борьбы народа и его передовых деятелей за право на прогресс.

Прав был Н.М.Ядринцев, который писал: «Ученье и грамотность были не чужды магометанскому населению, и при лучших условиях умственное развитие их могло сделать более успехов. Падение экономического быта, слабая плодовитость оседлых татар Тобольской губернии не составляют явления нормального, а в общем они тем прискорбнее, что население это было когда-то культурным, зажиточным и по своим условиям не могло быть сравнимо с кочующими дикарями»[2].

После Февральской революции 1917 г. сибирские татары совместно с татарами Европейской России попытались создать систему образования на родном языке. На I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 1–2 мая 1917 г. в Москве, была образована специальная рабочая секция по народному образованию, которая вынесла свои предложения на рассмотрение съезда. Среди решений, принятых съездом, есть, например, такие: 1.Вопросы культуры и просвещения будут в руках самого народа; 2. Для всех детей с достижением определенного возраста начальное обучение будет всеобщим, обязательным и бесплатным; 3. В начальных школах обучение будет проводиться на языке каждого племени, в средних школах изучение общетюркского языка будет обязательным; в высших школах преподавание для тюрко-татар будет проводиться на общетюркском языке[3].

На II Всероссийском съезде мусульман, проходившем 20–31 июля 1917 г. в Казани, вопросы образования волго-уральских и сибирских татар решались более конкретно. 22 июля на съезде была провозглашена национально-культурная автономия мусульман Внутренней России и Сибири, 31 июля принят закон о национально-культурной автономии. В соответствии с этим документом вопросы, касающиеся религии, просвещения и языка, «немедленно и целиком» переходили «в руки самих мусульман Внутренней России и Сибири». Предполагалось, что во всех школах (начальных, средних и высших), открытых для детей тюрко-татар, обучение будет проводиться на татарском языке[4].

Таким образом, после Февральской революции 1917 г. татары Поволжья, Приуралья и Сибири стремились создать автономную образовательную систему, функционирующую на родном языке и являющуюся по своему характеру государственной. Однако решение II Всероссийского съезда мусульман о создании автономной системы образования осталось не реализованным[5].

---

[1] Тәржеман. — 1892, 18 ноябрь.

[2] Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение... — С. 32.

[3] Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. — Лондон, 1974. — С. 124–126.

[4] Независимый социалист. — 1917. — 31 июля.

[5] Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. — Казань: Иман, 1997. — С. 34–35.

История взаимодействия русских и татар насчитывала к началу XX в. более чем три столетия. Русско-татарские контакты в Западной Сибири начались еще в конце XVI в., с момента начала присоединения Сибири к России. В истории русско-татарских отношений были различные периоды. Однако сибирские татары не потеряли доверия к местным и царским властям. Они, хотя и не всегда, но во многих случаях добивались возврата своих угодий. Негативные моменты в русско-татарские отношения внесли действия деятелей русской православной церкви по насильственной христианизации сибирских татар, особенно интенсивно проводившиеся в XVIII в.

Об упорядочении межнациональных отношений в условиях царской России в законодательном порядке не могло быть и речи. В реальной социальной практике достижение согласия и толерантности между представителями различных этносов чаще всего происходит на бытовом уровне. «Этносы, длительно проживающие на одной территории, в большей мере склонны к миру и согласию не только в бытовых, но и социальных отношениях, — пишет М.А.Акулич. — Примером такого толерантного и консенсусного проживания могут служить взаимоотношения и взаимодействия русского и татарского населения, других этносов на территории Тюменской области»[1].

По итогам работы Русского отряда этнографической экспедиции Омского государственного университета, работавшего в полевой сезон 2002 г. в Тарском районе Омской области, от информаторов были получены разные ответы. На вопрос опросного листа по изучению этнического самосознания русских: «Смогли бы выйти замуж (жениться) за человека другой национальности? Разрешили бы Вы такой брак своим детям?» — Чаще встречались следующие ответы: — «Раньше запрещали родители, а теперь все равно». «Сама нет, а дети как хотят». «Сама нет, но сын женат на татарке». — Информаторы на вопрос о национальных обрядах при русско-татарских браках ответили, что женитьба татарского юноши на русской девушке или брак татарской девушки с русским юношей проходит только по русскому обычаю, при межнациональных браках ни христианских, ни мусульманских религиозных обрядов не проводится.

Как заявили информаторы, ярко и четко сохраняется традиционный татарский ритуал погребальной обрядности. Состоявших в русско-татарском браке, считавших себя обрусевшими или атеистами, татары хоронят по своим обычаям, на татарском кладбище[2].

Русские старожилы свидетельствовали о многих фактах соседско-дружественных отношений между отдельными русскими и татарскими семьями. Обычны были оценки, касающиеся отдельных татарских личностей или семей: «Таки добры были которы!» (Некоторые были очень добрыми!)

---

[1] Акулич М.М. Этническая толерантность и согласие // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 251–254.

[2] Герасимова Л.Б. К вопросу о взаимоотношениях русских и татар (по материалам экспедиции в село Усть-Тара Тарского района Омской области) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002, Тобольск). — Тобольск; Омск, 2002. — С. 258–259.

* * *

После присоединения к Российскому государству продолжала развиваться традиционная культура сибирских татар. Существенное значение приобрели письменные исторические предания. Большое значение в духовной жизни Сибирских татар имел ислам. В Западной Сибири выросли поэты, писатели, произведения которых составляют часть золотого фонда татарской литературы. На рубеже XVIII–XIX вв. появились труды по научному исследованию татарского языка и письма.

Уже в XVII в. началось возрождение татарского просвещения. В XIX в. почти в каждой сибирской татарской деревне были мечети и школы при них. В крупных деревнях работали медресе. Большим достижением просвещения было внедрение прогрессивной джадидистской системы просвещения. Немало сибирских татар училось в русских школах и различных учебных заведениях. Русская культура и просвещение оказали сильное плодотворное влияние на духовную культуру и просвещение сибирских татар.

На рост гражданского и национального самосознания сибирских татар оказало большое влияние распространение книг и периодической печати из Казани и других центров татарской культуры. После Февральской революции 1917 г. сибирские татары начали борьбу за всеобщее бесплатное образование на родном языке, финансируемое государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сибирские татары прошли длительный и сложный путь этногенеза. Их предками были древние тюрки, появившиеся в Прииртышье и Притоболье до нашей эры, и тюркские племена, которые пришли на Барабу и в другие районы Западной Сибири во времена существования Хуннского государства, а затем тюркских каганатов. Именно древнетюркские племена составили основной этнический компонент на первом этапе этногенеза сибирских татар. С ними смешались тюрки, в частности, кыпчаки и кимаки, пришедшие в Западную Сибирь в IX–XI вв.

Эти факторы свидетельствуют о том, что сибирские татары являются древними автохтонными тюрками Западной Сибири. Складывалась эта группа в течение длительного времени, поскольку в их среду вливались новые волны тюрков, пришедших в Сибирь позднее. Таким образом, основу сибирских татар составили тюркские племена. В их этногенезе участвовали также некоторые угорские и самодийские племена, но их влияние было незначительным.

В конце XI — начале XII вв. на реке Ишим было создано первое государство предков сибирских татар, ставка правителя находилась в городке Кызыл Тура, недалеко от впадения Ишима в Иртыш. Образование государства явилось результатом исторического развития предков сибирских татар. В 20-е годы XIII в. образовалось второе государство сибирских татар — Тюменское ханство. Это государство вначале находилось в орбите хозяйственных, духовных и этнических связей с Золотой Ордой и в определенной зависимости от него, однако, скоро стало самостоятельным. Сибирское ханство, образованное в 1495 г., стало преемником Тюменского ханства.

Начиная с 20-х годов XV в. Шибаниды, правившие в Кок Орде, стремились занять богатые пастбища Тюменского ханства, в результате им удалось занять несколько его улусов вокруг Кызыл Туры. В Тюменском государстве правили представители местной тайбугинской династии. Шибаниду Ибаку лишь в 1481 г. удалось захватить тюменский престол. Одновременно он являлся и бием Ногайской Орды. В годы правления Ибака Тюменское ханство вышло на международную арену. Ибак установил дипломатические и торговые связи с Казанским ханством и Московским великим княжеством. Однако он в 1495 г. был убит Тайбугидом Махметом, основателем Сибирского ханства.

Шибанид Кучум, заняв в 1563 г. престол Сибирского ханства, значительно расширил его границы, укрепил власть и позиции ислама.

После падения Казани русским был открыт путь в Сибирь, Иван IV начал подготовку к завоеванию, избрал в качестве военной базы владения Строгановых, владык прикамских земель. В конце XVI в. Сибирское ханство было завоевано Московским государством. Государственность сибирских татар была уничтожена.

Одной из основных причин падения Сибирского ханства является слабая централизованность власти, раздробленность. Немаловажное значение имело огнестрельное оружие русских и их опыт ведения войн.

Сибирские татары состояли из нескольких близких по языку, происхождению, хозяйственному укладу и духовной культуре этнографических групп. Отличия между ними были небольшие. Эти группы были следствием много-

компонентности этногенеза сибирских татар. Татары всех этнографических групп осознавали себе единство. Тобольские и тюменские татары были ядром сибирских татар. Образованием татарского государства в Западной Сибири были заложены предпосылки для консолидации различных этнографических групп в единую народность, но с завоеванием Сибирского ханства этот процесс остался не завершенным. В составе Российского государства также существовала взаимосвязь тоболо-иртышских, барабинских и томских этнографических групп, которая давала возможность для развития объединительных процессов сибирских татар. Основная часть сибирских татар образовала в исследуемый период мусульманско-этническую общность. В то же время чулымские, обские, туринские татары включались в христианскую этническую общность вместе с русскими. К концу исследуемого периода сибирские татары, кроме обских, состояли из тех же этнографических групп — тоболо-иртышских, барабинских, томских и чулымских. Обские татары были ассимилированы и исчезли как тюркоязычная группа. В конце XIX — начале XX вв. довольно интенсивно шел процесс сближения и слияния сибирских и поволжско-приуральских татар. Этот процесс привел к образованию татарской этнической общности, сибирские татары представляли особую региональную общность в составе татарской нации.

Строительство городов и крепостей на завоеванных землях было основным направлением колонизационной политики Русского правительства. К началу XVII в. русскими была захвачена вся территория Западной Сибири — от Обской губы на севере до Кузнецка на юге.

Русские крестьяне оседали в основном на освоенных татарами землях, вытесняя местное население. На этих землях основываются русские слободы и деревни. Русские переселенцы в XVIII–XIX вв. оседали не только в западных уездах, как в XVII в., но и продвигались по Оби на Восток и ее притокам — Ояшу, Умряве и Чаусу на Восток. Закрепившись в Притомье, земледельцы начали осваивать район к западу от Томи и Барабинскую степь.

Сибирь становится для России источником выкачивания богатств, прежде всего пушнины, поставщиками которой были в основном сибирские татары и другие коренные народы Сибири.

В конце XVI–XVII в. формируются органы управления Сибири. В 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ, ведавший всеми вопросами управления Сибири. В 1708 г. образуется Тобольская губерния, с 1764 г. система управления Сибирью неоднократно менялась. В 1822 г. в связи с реформой М.М.Сперанского в Западной Сибири создается два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске, Томское и Омская область.

Низовым органом местного управления были волости, они были организованы по этническому признаку. Сибирским татарам удалось сохранить в своих юртах и волостях местное самоуправление в лице сельских и волостных общин. Сохранилось и традиционное самоуправление татар-мусульман — махалля, во главе которой стоял мулла, пользующийся высоким авторитетом среди прихожан. Сибирские татары на волостных сходах имели своих представителей. Община сибирских татар в XVII — начале XX вв. регулировала поземельные отношения, ведала вопросами управления, контролировала выполнение судебных решений, выполняла податные и хозяйственные функции, проводила культурно-бытовые и религиозные мероприятия. Орга-

ны государственной и местной организации России лояльно относились к общинной организации сибирских татар, и в процессе реализации государственной политики опирались на татарскую сельскую общину. Такая практика, подсказанная самой жизнью, была полезна и выигрышна и для государства, и для самого народа.

Для удобства управления покоренным населением сибирские татары, бухарцы и поволжско-приуральские татары-переселенцы были разделены на несколько сословий. Каждое сословие имело определенную совокупность прав и обязанностей. Рядовые татары были наверстаны в сословие ясачных и были обложены ясаком, а также другими тяжелыми повинностями, уцелевшая феодальная верхушка была зачислена в служилое сословие и поставлена на подавление и эксплуатацию собственного народа.

В материальной и духовной жизни сибирских татар значительную роль играли выходцы из Средней Азии — узбеки, таджики, уйгуры, каракалпаки, казахи и ногаи, которые представляли особое сословие — «бухарцы». В XVII в. они имели значительные привилегии, предоставляемые царской властью. В XVIII в., по мере усиления русского купеческого сословия, эти привилегии постепенно ликвидируются. Проживая несколько веков совместно с татарами, бухарцы к началу XX в. потеряли многие свои этнографические особенности, их материальная и духовная культура сблизилась с татарской. Они слились с сибирскими татарами, оставив свой след в их материальной и духовной культуре.

В XVII в. возобновляется, а в XVIII в. усиливается миграция в Западную Сибирь поволжско-приуральских татар. Переселенцы-татары Поволжья и Приуралья были наверстаны в XVII в. в сословие захребетников, в XVIII в. — оброчных чувальщиков, позднее — татар-крестьян и т.д.

Пришлые татары участвовали не только в развитии материальной и духовной культуры сибирских татар, они были и активными участниками их этногенеза. Развивались брачные отношения между пришлыми и местными татарами. В начале XX в. ускоряется интеграция сибирских и пришлых поволжско-приуральских татар. Казанские татары ассимилировались с сибирскими, оставив свое влияние на этническое сознание. Сибирские татары были вовлечены в процесс формирования татарской нации, хотя сохранили языковые и некоторые этнографические различия. К началу 20-х гг. XX в. в материальной и духовной культуре сибирских и пришлых татар было больше сходства, чем различий. Имея древние общетюркские корни, поволжско-приуральские, астраханские и сибирские татары образовали многокомпонентный татарский этнос. Родина этого этноса — необъятные просторы Евразии, включающие Сибирь и Волго-Уральский регион.

После Русского завоевания сибирские татары в составе огромного многонационального государства были втянуты в русло новой хозяйственной жизни. Экономический прогресс Русского государства был значительным. Сибирские татары были включены в ареал межэтнических контактов с русским и другими народами, кроме того, вместе с поволжско-приуральскими и другими группами татар они оказались в составе единого Российского государства.

Вместе с тем завоевание Сибирского ханства имело немало негативных последствий для сибирских татар. Началось наступление на их земельные и другие угодья.

Экономическое и духовное угнетение привело сибирских татар и другие коренные народы Сибири к социальным выступлениям, наибольшая волна которых приходится на XVII в., в это время социальные выступления сопровождались восстаниями. Борьба татар Сибири за свои земельные и другие угодья, за экономические и социальные права в XVIII–XIX вв. проводилась мирными средствами, путем подачи прошений и челобитных в уездные, губернские и царские канцелярии.

Сибирские татары под влиянием первой русской революции влились в общее русло борьбы русских крестьян за экономические права. Наибольшее количество выступлений сибирских татар приходится на 1907–1914 и 1917 гг.

Сибирские татары приняли участие в общей борьбе мусульман России за экономические и национальные права. Значительную роль в ней сыграли татарская периодическая печать и татарская книга, распространявшиеся и среди сибирских татар. Лидеры национального движения сибирских татар действовали в рамках программы партии «Иттифак аль-муслимин», программа которой была близка к программе кадетов.

Татарское население Западной Сибири после Февральской революции в Петрограде постепенно вливалось в общую борьбу за земельные права, за демократизацию общественной жизни. Лидеры национально-освободительного движения участвовали во всех съездах мусульман России, проведенных в 1917 г., они в основном поддерживали мероприятия Временного правительства, сотрудничали с сибирскими областниками. Особое место в их программе отводилось провозглашению культурно-национальной автономии для сибирских татар.

Безусловно, русские оказали значительное влияние на быт, материальную и духовную культуру сибирских татар. Процесс сближения русских и татар происходил постоянно. Однако безосновательны утверждения некоторых исследователей об исключительно однозначном и одностороннем прогрессивном влиянии русских переселенцев почти на все сферы хозяйства сибирских татар и других коренных народов Сибири. Русские крестьяне и приезжие татары в свою очередь переняли от сибирских татар местные особенности хозяйствования. Влияние русских не привело к утрате этнического самосознания.

Хозяйство сибирских татар во все периоды исследования в хронологических рамках книги было комплексным, оно включало земледелие, скотоводство, традиционными их занятиями были охота, рыболовство, собирательство. Были развиты ремесла. Способы хозяйствования зависели от исторических, географических условий, традиций.

Пашенным земледелием в начале XVII в. в основном занимались туринские и тобольско-иртышские татары. Есть сведения о пашенном земледелии томских татар. Во второй половине XIX — начале XX вв. у сибирских татар значительно прогрессировала технология земледелия. Хлеб стал основным продуктом питания в татарском хозяйстве. В развитии земледелия сибирских татар положительное влияние оказало земледелие русских крестьян и поволжских татар, особенно в расширении ассортимента зерновых культур и внедрении севооборотов.

Важнейшей отраслью традиционного хозяйства являлось пастбищное скотоводство со стойловым содержанием скота зимой. В XVII в. оно представля-

ло одну из главных отраслей хозяйства. Наиболее развито было скотоводство у барабинских татар. У всех групп татар главное внимание уделялось коневодству. С 70-х годов XIX в. татарские хозяйства выступили поставщиками молока для производства сибирского масла, поставляемого на экспорт.

Один из традиционных промыслов сибирских татар — охота, сыгравшая в начале XVII в. значительную роль в хозяйстве почти всех групп татар, к началу XVIII в. резко сократилась вследствие уничтожения промысловых видов зверей и во второй половине XIX в. окончательно пришла в упадок. К этому времени как промысел охота сохранилась лишь у северных барабинцев и заболотных татар.

К началу XX в. потеряло былое значение рыболовство, товарное значение его сохранилось только на Барабе и в Заболотье. Определенное значение сохранил сбор ягод, особенно клюквы и брусники, кедровых орехов.

У татар Сибири были развиты ремесла, с развитием товарно-денежных отношений они дополнялись домашними промыслами, появились кустари-профессионалы. Одним из распространенных занятий был извоз. С усилением классового расслоения увеличилось количество татар, занимающихся отходничеством.

В XVIII в. татарские хозяйства стали заниматься торговлей. На рынках и ярмарках они торговали продуктами земледелия и кустарного производства. Отдельные татарские хозяйства с помощью бухарцев стали заводить свои торговые дела. Постепенно появилось торговое сословие татар. Татарские и бухарские купцы продавали свои товары в Китае, Монголии, Средней Азии, Казахстане, Казани, других городах. В результате развития земледелия и скотоводства, ремесел, втягивания в торговлю в XVIII и начале XIX в. происходили позитивные изменения в хозяйстве сибирских татар.

Однако внедрение «Устава об управлении инородцев» 1822 г. и повышение на его основании окладов податей и повинностей резко ухудшило экономическое состояние татар. Правительство было вынуждено снижать оклады государственного оброка с 1835 по 1854 гг., что положительно отразилось на состоянии хозяйства сибирских татар. Однако возвращение к окладам оброка и повинностей 1822 г. и развитие капитализма, сопровождаемое усилением эксплуатации русского и коренного населения Сибири, привело к снижению уровня жизни населения. Положение последних ухудшалось более заметными темпами.

Сибирские татары на рубеже XIX–XX вв. находились в общем русле развития капиталистических отношений, общественного разделения труда, функционирования местного и Всероссийского рынка и т.д. Вовлечение татарского населения в товарно-денежные отношения привело к видоизменению структуры их хозяйства, росту товарного производства, а также материальной и духовной культуры. Но с другой стороны, усилилось социальное расслоение татарской деревни Западной Сибири. Из среды земледельцев, скотоводов, кустарей, торговцев постепенно формировалась местная татарская буржуазия.

Несмотря на отмену привилегий и различные препятствия, бухарцы продолжали вести крупную торговлю с Казахстаном и Средней Азией. Среди них следует отметить потомственных торговцев — Сейдуковых, Айтикиных, Ченбаевых, Тушаковых, Мурзиных, Мурсалимовых и др.

После присоединения к Российскому государству в новых условиях продолжалось развитие духовной культуры сибирских татар. Большое значение приобрело сохранение культурного наследия, традиций народа. Прежде всего развивалось народное творчество. Появились предания о бывшем государстве, его ханах. Народные песни, сказки, дастаны изображали повседневную жизнь, некоторые посвящались истории народа, его героям.

Исследования этнографов ясно показали, что многие традиционные праздники и обряды сибирских татар тождественны поволжским. Несомненно, имеются некоторые региональные особенности. Музыка, орнамент, вышивка, золотошвейное искусство сибирских татар свидетельствуют об общих тюркских корнях их творчества, в то же время они сохранили свою самобытность.

Большое прогрессивное значение для сибирских татар имело принятие в 1394–1395 гг. ислама. Вместе с исламом в Западную Сибирь пришла арабская письменность, распространилась грамотность, появились книги. Строились мечети, открывались школы. Сибирские татары были втянуты в орбиту исламской цивилизации. Усилились хозяйственные, торговые и духовные связи со Средней Азией, а затем с Казанью. До чулымских и обских татар исламские проповедники не дошли, они продолжали придерживаться тенгрианской религии. В XVII в. они были христианизированы.

Большую роль в укреплении ислама после завоевания Сибирского ханства играли бухарцы, а затем и поволжские татары, переселившиеся в их среду. Мечети и школы при них способствовали распространению грамотности и образованности. Позиции ислама в Западной Сибири особенно укрепились во второй половине XIX в.

В первые же годы колонизации началась насильственная христианизация сибирских татар и других народов Сибири. Особенно крутые меры по христианизации были предприняты в первой половине XVIII в., тогда было разрушено большинство мечетей в Тобольской и Томской губерниях.

В конце XVIII в. произошла эволюция политики Российского государства по отношению к исламу. На рубеже XIX–XX вв. она взяла иное направление: были переведены на татарский язык христианские книги, проповеди проводились на татарском языке. Однако христианизаторская и русификаторская политика государства и русской православной церкви среди сибирских татар не имела успеха. Создав духовное управление мусульман, правительство стремилось использовать ислам в интересах Российского государства.

Кроме устных преданий, у сибирских татар была распространена письменная историческая литература, особенно шеджере. Научную ценность имеет историческое произведение Кадыр Али бека «Сборник летописей».

В XVIII–XIX вв. в Западной Сибири появились литературные произведения, которые вошли в золотой фонд татарской литературы. В первой половине XIX в. появились научные труды о языке сибирских татар.

В начале XIX в. началась научная разработка языка и письма сибирских татар. Русские ученые, публицисты Н.М.Ядринцев, П.А.Словцов, А.Н.Радищев, С.С.Шашков, В.В.Радлов, И.Юшков, Н.Ф.Катанов и другие исследовали проблемы истории, этнографии и археологии сибирских татар. В начале XX в. развернул свою общественную и литературную деятельность уроженец г.Тары Рашит Ибрагимов.

В середине XVII в. появились учебные заведения сибирских татар. Постепенно сложилась система просвещения сибирских татар, включающая начальную и среднюю школу. В средних учебных заведениях — медресе — учащиеся изучали русский язык, в Ембаевском медресе — французский язык. Определенная часть детей татар обучались в русских школах. Знание русской культуры, русской грамоты постепенно стало необходимостью для татар, эти факторы оказали прогрессивное влияние на культурную жизнь татар.

В XIX в. растет количество татарских школ, число духовных лиц и учителей, получивших образование в учебных заведениях мусульманских центров Европейской России, Средней Азии, Турции и Египта. По мере развития капиталистических отношений повышаются требования к образованию. В конце XIX в. в Западной Сибири внедряется джадидистская система образования, центром которой стало Ембаевское медресе Тюменского уезда Тобольской губернии. Российское государство не выделяло средств на просвещение татар, оно существовало исключительно на пожертвования народа. В развитии просвещения сибирских татар особое значение имела благотворительная деятельность местных татарских торговцев: братьев Хабибуллы, Рахматуллы и Нигматуллы Сейдуковых и др. На их средства в Ембаево был построен и функционировал религиозно-культурный центр, включавший в себя мечеть, мектеб, медресе, библиотеку, дома для учителей, интернат для шакирдов. Кроме того, они построили и содержали на свои средства значительное количество мечетей и учебных заведений в других населенных пунктах, обучали одаренных молодых людей в учебных заведениях Казани, Уфы, Оренбурга, Стамбула и Каира. Их примеру последовали многие состоятельные татары. Этот исторический опыт немаловажен и в наши дни.

Культура сибирских татар развивалась как культура сельская, с элементами городской культуры. Татарскую культуру Западной Сибири, как и во всех регионах проживания татар, характеризовали высокая грамотность мужчин и женщин, наличие в каждой татарской семье книг духовного и светского содержания. По данным первой Всероссийской переписи 1897 г., сибирские татары занимали по уровню грамотности первое место среди народов Сибири, опережая русских. В дореволюционной России татарская печатная книга по количеству названий и тиражам занимала второе место (после русской). Татарская книга и издания татарской периодической печати распространялись в больших количествах и среди сибирских татар.

Развитие сибирских татар с XVII в. происходило в тесном взаимодействии с русскими, бухарцами и пришлыми поволжско-приуральскими татарами.

Несмотря на территориальную разобщенность и чересполосное расположение среди русского населения, отсутствие государственных институтов, сибирские татары сохранили свое единство, самобытность, хозяйственные традиции, духовную культуру и религию. Они добровольно избрали языком обучения в мектебах и медресе татарский литературный язык, и многие из них стали пользоваться этим языком. Исследование реального исторического опыта, всесторонний анализ комплекса социально-экономической и культурной жизни сибирских татар, использование положительных моментов данного опыта имеют определенное значение в плане устройства общественной жизни России.

История сибирских татар не прекратилась с завоеванием Сибири. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, они развивали свою материальную и духовную культуру, создавали материальные и духовные ценности, которые стали общим достоянием многонационального Российского государства.

Россия — многонациональное государство, населяющие ее народы имеют достойную уважения национальную самобытность, культурное наследие. В составе Российского государства они приобретали и развивали опыт межнационального общения. В истории взаимоотношений русских и народов Сибири были разные периоды, однако жизнь требовала мирного сосуществования и содружества. Русский народ, обладая большим жизненным опытом и находясь на более высоком уровне общественного развития, оказывал сибирским татарам и другим народам Сибири помощь в развитии их материальной и духовной жизни, устройстве быта. В то же время русские переняли от сибирских татар местные способы хозяйствования. Многонациональность — это богатство нашего государства, его народам предстоит строить новую Россию. История сибирских татар — это органическая часть истории России и истории Евразии.

Автор не претендует на полную завершенность изучения истории сибирских татар. На взгляд автора, необходимо глубже исследовать нижеследующие проблемы истории сибирских татар:

— демография и этногенез сибирских татар;
— история татарских государств сибирских татар;
— сибирские татары в советский и постсоветский периоды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неопубликованные источники

Использованные архивные фонды

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА)

1.1. Фонд 9. Разряд 9 — кабинет Петра I и его продолжение. 1673–1762 гг.

1.2. Фонд 120. Киргиз-кайсацкие дела. 1594–1719 гг.

1.3. Фонд 192. Картографический отдел Московского Государственного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД).

1.4. Фонд 248. Сенат и его учреждения.

1.5. Фонд 214. Сибирский приказ.

1.6. Фонд Верхотурского уездного суда.

1.7. Фонд 24. Сибирский приказ и управление Сибирью.

1.8. Фонд 199. Портфели Г.Ф.Миллера.

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

1.9 Фонд 126. Всероссийский союз обществ заводчиков, фабрикантов.

1.10. Фонд 468. Кабинет Екатерины II.

1.11.Фонд 1151. Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета.

1.12. Фонд 1263. Кабинет министров, 1802–1805.

1.13. Фонд 1264. Сибирский комитет.

1.14. Фонд 1286. Департамент полиции исполнительной.

1.15. Фонд 1290. Департамент полиции.

1.16. Фонд 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1.17. Фонд 102. Личный фонд Шиллера В.А.

1.18. Фонд 20. Воинская экспедиция. Военная коллегия.

Архив АН РФ

1.19.Фонд 21. Фонд Г.Ф.Миллера.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.20. Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Государственный архив Тюменской области (ГАТО)

1.21. Фонд. 3. Тюменская городская полиция.

1.22. Фонд 10. Тюменский уездный земский суд.

1.23. Фонд И 10. Тюменский земский суд.

1.24. Фонд И 13. Тюменский городовой крестьянский волостной суд.

1.25. Фонд 29. Тюменская таможня.

1.26. Фонд 47. Журнал Тюменской воеводской канцелярии.

1.27. Фонд И 47. Тюменская воеводская канцелярия. Крещение бухарцев. Дело о продаже в холопство пленных татар, киргизов и калмыков. Сбор ясака с татарского населения. 1604–1789 гг.

1.28. Фонд 57. Канцелярия архиепископа Сибирского и Тобольского.

1.29. Фонд И 80. Кашегальское волостное правление.

1.30. Фонд 99. Податный инспектор 2-го Тюменского участка.

1.31. Фонд 148. Тугулымский волостной земельный комитет. Отношения Тюменского временного исполкома волисполкомам. 1917 г.

1.32. Фонд 152. Тобольское общее губернское управление.

1.33. Фонд 154. Ревизские сказки Тюменского округа.

1.34. Фонд 214. Бухарское волостное правление.

1.35. Фонд 251. Отчеты Тюменского земского управления.

1.36. Фонд 329. Тобольское губернское правление. 1788–1895 гг.

1.37. Фонд 3741. Циркуляры, приказы, инструкции, постановления Временного Правительства. 1917 г.

1.38. Фонд 447. Тюменская уездная земская управа.

Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ГАТОТ)

1.39. Фонд 41. 4-е благочиние церквей Тобольского уезда. 1845–1906 гг.

1.40. Фонд 47. Тобольская воеводская канцелярия.
1.41. Фонд 58. Тобольский епархиальный комитет православного общества. 1872–1919.
1.42. Фонд 152. Тобольское губернское управление.
1.43. Фонд 154. Тобольское полицейское управление.
1.44. Фонд 156. Тобольская духовная консистория. 1722–1921 гг.
1.45. Фонд 329. Тобольское губернское правление. 1782–1895 гг.
1.46. Фонд 341. Тобольское наместническое правление.
1.47. Фонд 355. Тобольский приказ общего призрения. 1788–1893 гг.
1.48. Фонд 416. Тобольский губернский статистический комитет. 1850–1917 гг.

Государственный архив Томской области (ГАТомО)
1.49. Фонд 50. Томский городовой магистрат.
1.50. Фонд 67. Волостное правление.
1.51. Фонд 282. Томский земский суд.
1.52. Фонд 321. Ревизские сказки. 1795–1859 гг.
1.53. Фонд 361. Заседатель 5-го участка Каинского округа.
1.54. Фонд 859. Томская приказная изба.

Государственный архив Омской области (ГАОО).
1.55. Фонд 1. Военно-походная канцелярия командира Сибирского корпуса.
1.56. Фонд 2. Сибирский генерал-губернатор.
1.57. Фонд 3. Главное управление Западной Сибири.
1.58. Фонд 19. Омское полицейское управление.
1.59. Фонд 366. Фонд Г.Е.Катанаева.

2. Опубликованные источники на русском языке

2.1. Абу-л Гази Бахадур хан. Родословное древо тюрков. Сочинение Абу-л Гази, хивинского хана: Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Послесловие и примечания Н.Ф.Катанова. — Казань: Университетская типография, 1906. — 352 с.
2.2. Адрес-календарь Западной Сибири на 1875 г. в 2-х частях. Ч. 2. — Омск: Тобольская губ. типография, 1875. — 356 с.
2.3. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. 1334–1598 гг. — СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1841. — 551 с.
2.4. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. II. 1598–1613 гг. — СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1841. — 438 с.
2.5. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — Т. III. 1613–1645 гг. СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1841. — 525 с.
2.6. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IV. 1645–1676 гг. СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1842. — 591 с.
2.7. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. V. 1676–1700 гг. СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1842. — 563 с.
2.8. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей XIII–XVII вв. 2-е изд. — Иркутск: Обл. кн. изд-во, 1941. — 611 с.
2.9. Атнометов Н.Б. Букварь арабского и татарского письма. — СПб.: Имп. АН, 1802. — 216 с.
2.10. Багашев А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Дис. ... д-ра ист. наук. — Тюмень, 2000. — 342 с.
2.11. Березин И. Библиотека восточных историков. Шейбаниада. Т.I. История монголо-тюрков на джагатайском языке, с переводом, примечаниями и приложениями. — Казань: Типография Казанского университета, 1849. — 320 с.
2.12. Березин И. Библиотека восточных историков. Т. III. Ч. I. История Абуль-Гази. — Казань: Типография Губернского правления, 1854. — 130 с.
2.13. Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Б.Ф.Годунова // Москвитянин. — 1851. — № 24. Кн. 2. — С. 543–554;
2.14. Березин Н.И. Джамигат-таварих. Сборник летописей, татарский текст. — Казань, 1854. Т. II. Ч. 1. — С. I–VII.
2.15. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения Русского археологического общества. Т. VIII. — СПб.: Изд. Русского археологического об-ва, 1864. — С. 387–494.
2.16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. — М.; Л.: АН СССР, 1950. — 382 с.

2.17. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. — М.; Л.: АН СССР, 1950. — 335 с.
2.18. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. Приложения. — М.; Л.: АН СССР, 1953. — 326 с.
2.19. Босворт К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии: Пер. с англ. П.А.Грязневича. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1971. — 324 с.
2.20. Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // Тобольские губернские ведомости. — 1883. — № 3. Отдельный оттиск. Хранится в Тюменской областной научной библиотеке и в библиотеке КГУ. — 21 с.
2.21. Волости, населенные места. 1893 г. Вып. 10. Тобольская губерния. — СПб.: Центр. статистический комитет МВД, 1894. — 115 с.
2.22. Волости, населенные места 1893г. Вып. 12. Томская губерния. — СПб.: Центр. статистический комитет МВД, 1894. — 371 с.
2.23. Вологодско-пермская летопись. ПСРЛ. Т. 26. — М.: АН СССР, 1959.
2.24. Гагемейстр Ю.А. Статистическое обозрение России. Ч. 2. — СПб.: Центр. статистический комитет МВД России, 1854. — 697 с.
2.25. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. Ч. 2. — СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1776. — 178 с.
2.26. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: (Пер. А.И.Малеина и А.В.Назаренко с лат. и нем.). Вступ. ст. А.Л.Хорошкевича, прим. С.В.Думина и др. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 429 с.
2.27. Геродот. История: В 9 т. Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. Под ред. С.А. Утеченко. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. — 600 с.
2.28. Гиганов И. Грамматика татарского языка. — СПб.: Имп. АН, 1801. — 75 с.
2.29. Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И.Гигановым. — СПб.: Имп. АН, 1804. — 680 с.
2.30. Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. — Геттинген, 1751 (на нем. яз.).
2.31. Грамота царя Ивана Васильевича в слободку на Каме Якову и Григорию Строгановым от 6 августа 1572г. // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — С. — 338–339.
2.32. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. I. Описание природы этих стран. — СПб.: Невская типография, 1914. — 569 с.
2.33. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л.: Гос. русское географическое об-во, 1926. — 896 с.
2.34. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. — Л.: Гос. русское географическое об-во, 1926. — 412 с.
2.35. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. 2. Торговая и колонизаторская деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. — Л.: Гос. русское географическое об-во, 1930. — 858 с.
2.36. Дионисий. Описание населенной земли: Пер. И.П.Цветкова // Вестник древней истории. — 1948. — № 1. — С. 24–32.
2.37. Дипломатические отношения Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. I. С 1447 г. по 1505 г. Эпоха свержения монгольского ига в России // Сб. РИО. Т. 41. — СПб.: Рус. ист. об-во, 1884. — С. 46–126.
2.38. Долгоруков П. Российская родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым, фамилии, имеющие иностранное происхождение. Ч. 3. — СПб., 1856. — 526 с.
2.39. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. VIII. — СПб.: Изд. Имп. Археогр. комиссии, 1862. — 350 с.
2.40. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
2.41. Дунин-Горкавич А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907г. — Тобольск: Статистика, 1911. — 127 с.
2.42. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена. — М.: Наука, 2003. — 448 с.
2.43. Иванов П.Г. Томские татары: Материалы по обследованию томских карагасов летом

1927 г. // Труды изучения Томского края. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1927. — Вып. 1. — С. 92–104.
2.44. Идегей. Татарский народный эпос. — Казань: Татар.кн. изд-во, 1990. — 256 с.
2.45. Из глубины столетий: Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Л.Хамидуллина. — Казань: Татар. кн.изд-во, 2000. — 271 с.
2.46. Ислам. Энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1991. — 315с.
2.47. История Татарии. В материалах и документах. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 504 с.
2.48. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. 1993. — 161 с.
2.49. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1994. — 124 с.
2.50. Кабузан В.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь в XVII и XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 1962. — С. 139–157.
2.51. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. — М.: Наука, 1992. — 236 с.
2.52. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сб. документов и материалов. — Алма-Ата: Наука, 1961. — 743 с.
2.53. Катанов Н.Ф. Родословие тобольских сеидов // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению за 1897 г.» — СПб., 1887. — № 1. — С. 234–238.
2.54. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895 — 1896. — Вып. V. — С. 1–13.
2.55. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г.Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 51–61.
2.56. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири: По рукописям Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. XV. — С. 3–28.
2.57. Катанов Н.Ф. Известия Лоринца Лянге 1716 г. о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. Вып. 14. — С. 10–14.
2.58. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. — СПб., 1880. — 98 с.
2.59. Крижанич Ю. Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Университетская тип., 1891–1892.
2.60. Крижанич Ю. Политика. — М.: Наука, 1965. — 735 с.
2.61. Кузнецов И. Материалы по истории Сибири. Сборная книжка по ясаку за 1692 г. // Томские губернские ведомости. — 1864. — № 13, 18. —Томск: Томская губ. типография, 1864.
2.62. Кухистани ибн Масуд. Тарих-и Абу-л Хайр хани: Пер. С.К.Ибрагимова // Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Отв. ред. Б.Сулейменов. — Алма-Ата: Наука, 1969. — С. 140–171.
2.63. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Изд-во восточной литературы, 1961. — 392 с.
2.64. Летопись сибирская // Сибирский вестник, издаваемый Г.Спасским. — СПб., 1821. № 13–16.
2.65. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. Отв. ред. М.Н.Тихомиров. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 253 с.
2.66. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 452 с.
2.67. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 116 с.
2.68. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 111 с.
2.69. Марджани Шихаб ад-дин. Ваффият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф / Подробное о предшественниках и приветствие потомкам / Публикация А.Н.Юзеева. — Казань: Иман, 1999. — 125 с.
2.70. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — Вып. IV. — СПб.: Имп. АН., 1889. — 188 с.
2.71. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.). Сост., автор вступ. статей и прим. Р.Р. Фахрутдинов. — Казань: КГПИ, 1992. — 126 с.
2.72. Материалы по истории уйгур в XII в. — Новосибирск: Наука, 1975. — 276 с.

2.73. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. — М. — Л.: АН СССР, 1936. — 631 с.
2.74. Материалы исторические и юридические бывшего приказа Казанского дворца. Т. V. Подготовлен к изданию П.Мартыновым. — Симбирск: Архив П.С.Таушева, 1912. — 311 с.
2.75. Материалы по истории Татарии. Вып. I. — Казань: Татгосиздат, 1948. — 487 с.
2.76. Материалы по истории татарского народа. — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1995. — 496 с.
2.77. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — Вып. I. М.: Наука, 1968. — 177 с.
2.78. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — Вып. 2. — М.: Наука, 1973. — 171 с.
2.79. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (по китайским источникам). — М.: Наука, 1984. — 486 с.
2.80. Материалы по истории кочевых народов Китая III–V вв. — Вып. 1. — М.: Наука, 1989. 287 с.
2.81. Материалы исторические и юридические бывшего приказа Казанского дворца. Т. V. Приготовлен к изданию П.Мартыновым. — Симбирск: Архив П.С.Таушева, 1912. — 340 с.
2.82. Межов В.И. Сибирская библиография. Т. I. Источники и материалы для истории Сибири: библиографические указатели, исторические и юридические акты и документы, письма и мемуары. — СПб.: Тип. М.М.Сибирякова, 1891. — 485 с.
2.83. Межов В.И.Сибирская библиография. Т. II. История. Биографии. География. Путешествия. Статистика. Этнография. Протографы. — СПб.: Тип. М.М.Сибирякова, 1891. — 470 с.
2.84. Межов В.И. Библиография Азии. Т. II. — СПб.: Тип. Безобразова, 1892. — 48 с.
2.85. Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М.Мелиоранского / Под наблюдением и с предисл. приват-доцента А.Н.Самойловича. — СПб.: Электропечатня И.М.Бораганского, 1908. — 272 с.
2.86. Новгородская вторая (архивная) летопись. ПСРЛ. Т. 30. — М.: АН СССР, 1965. — 240 с.
2.87. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. — СПб.: Имп. АН, 1915. — 388 с.
2.88. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768). Ч. 1. Документы воеводского управления. — СПб.: Об-во истории и древностей России при Московском университете, 1895. — 422 с.
2.89. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768). Ч. 2. Документы таможенного управления. — СПб.: Об-во истории и древностей России при Московском университете, 1897. — 162 с.
2.90. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592– 1768). Ч. 3. Документы по сношениям местных управлений с центральными. — СПб.: Об-во истории и древностей России при Московском университете, 1900. — 394 с.
2.91. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592– 1768). Ч. 4. Документы центрального управления. — СПб.: Об-во истории и древностей России при Московском университете, 1892. — 288 с.
2.92. Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историческо-этнографической интерпретации) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. — Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1977. — С. 27–37.
2.93. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего синода. Т. 31. 1751 г. — СПб.: Синод, 1909. — 806 с.
2.94. Отписка царю Тарского воеводы Воейкова 1598 г. // АИ. Т. II. — СПб.: Изд. археогр. комиссии, 1841. — № 1.
2.95. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. — СПб.: Имп. АН, 1770. — 476 с.
2.96. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи. Ч. 2. Кн. 2. — СПб.: Имп. АН. 1770. —571 с.
2.97. Памятная книга Тобольской губернии за 1859 г. — Тобольск: Губ. типогр., 1859. — 419 с.
2.98. Памятная книга Тобольской губернии за 1913 г. — Тобольск: Губ. типогр., 1913. — 424 с.
2.99. Памятная книга Томской губернии за 1912 г. — Томск: Томская губ. типогр., 1912. — 415 с.

2.100. Памятная книга Западной Сибири за 1882 г. — Омск, 1882. — 369 с.
2.101. Памятная книга Тобольской губернии за 1884 г. Сост. Д.И.Дмитриев, Мамонтов и К.М.Голодников. — Тобольск: Губ. типогр., 1884. — 495 с.
2.102. Памятная книга Томской губернии за 1885 г. — Томск: Томский статист. комитет, 1885. — 94 с.
2.103. Памятники русского права. — Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. Сост. А.А.Зимин. — М.: Госюриздат, 1953. — 415 с.
2.104. Памятники сибирской истории XVIII в. Ред. А.И.Тимофеев. Кн. I. — 1700 –1713. — СПб.: Изд. П.И.Лихачев, 1882. — 551 с.
2.105. Памятники сибирской истории XVIII в. 1713–1724. Ред. А.И.Тимофеев. Кн. II. — 1713–1724. — СПб.: Изд. П.И.Лихачев, 1885. — 541 с.
2.106. Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — СПб.: Имп. Русское географическое об-во, 1884. — Вып. 1. — С. 57.
2.107. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. 2. — СПб.: Импер. Русское географическое об-во, 1891.
2.108. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Язык и роды инородцев. Т. I. Сводные таблицы и краткие выводы. — СПб.: Имп. русское геогр. об-во, 1912. — 174 с.
2.109. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Язык и роды инородцев. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. На основе специальной разработки материалов 1897 г. Т. II. — СПб.: Имп. Русское географическое об-во, 1911. — 431 с.
2.110. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Вып. XIII. — Тобольск, 1912.
2.111. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. Т. XXVIII. Тобольская, Томская и Енисейская губернии.: Имп. Рус. геогр. об-во, — СПб., 1905. — 279 с.
2.112. Пермская летопись: Сост. В.Н.Шишонко. 1645–1676 гг. Пермь: Изд. губ. земства, 1884. — 168 с.
2.113. Повесть временных лет. Текст и переводы. Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — 406 с., с илл.
2.114. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. IV. 1700–1712 гг. До. № 1740–2619. — СПб.: Собственная его императорского величества канцелярия типография (СИВКТ) 2 отделения, 1830. — 1656 с.
2.115. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. VII. 1723–1727 гг. Док. № 4137–5129. — СПб.: СИВКТ 2 отд., 1830. —
2.116. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. XI. 1740–1743 гг. Док. № 7997–8848. — СПб.: СИВКТ 2 отд., 1830.
2.117. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. — Т. XIV. 1754–1757 гг. Док. № 10169–10787. — СПб.: СИВКТ 2 отд., 1830.
2.118. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. XXII. 1784–1788 гг. Док. № 15902–16738. — СПб.: СИВКТ 2 отд., 1830.
2.119. Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. Док. № 21112 — 21982. — СПб.: СИВКТ 2 отд., 1830. — 1328 с.
2.120. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. IV. — СПб.: Синод, 1912. — 356 с.
2.121. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. — М.: Наука, 1965. — 266 с.
2.122. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. — 503 с.
2.123. ПСРЛ. Т. 37. Устюжская и Вологодская летописи. XVI–XVIII вв. — М.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. — 228 с.
2.124. ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — 380 с.
2.125. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. Подгот. текста, вступ. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. — М.: Институт истории СССР, 1984. — 100 с.
2.126. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. — Махачкала: Дагестанское гос. изд-во, 1995. — 165 с.

2.127. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. — М.: Изд. Имп. об-ва истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1867. — 325 с.
2.128. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комм. под ред. акад. И.Ю.Крачковского. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 194 с.
2.129. Путешествие Ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама / Древний текст пересказал Султан Шамси. — М.: Мифи-сервис, 1992. — 92 с.
2.130. Радлов В.В. Сибирские древности. Ч. I–III. — СПб.: Типография Имп. АН, 1888, 1889. — 50 с.
2.131. Радлов В.В. Этнический обзор турецких племен Сибири и Монголии. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1929. — 29 с.
2.132. Радлов В.В. Этнический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1888.
2.133. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника. Пер. с нем., прим. и послесловие С.И.Вайнштейна: АН СССР. — М.: Наука, 1989. — 749 с., с илл.
2.134. Радлов В.В. Наречие тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. I. — СПб.: Имп. АН, 1866.
2.135. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. — СПб.: Имп. АН, 1872. — 456 с.
2.136. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Ч. 1. — СПб.: Имп. АН, 1893 — 986 с.
2.137. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. — СПб.: Имп. АН, 1905. — 1260 с.
2.138. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. I–VI. — СПб.: Имп. АН, 1866–1886.
2.139. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч.II. Поднаречия абаканские (сагайские, койбальские, качинские), кызыльские и чулымские. — СПб.: Имп. АН, 1868.
2.140. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч.IV. Наречия барабинских, тарских и тюменских татар. — СПб.: Имп. АН, 1872.
2.141. Рахим Али. О новом списке татарского исторического сочинения XVII в. Отдельный оттиск из Вестника Научного общества татароведения. — Казань, 1927. — № 7. — С. 133–148.
2.142. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 222 с.
2.143. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с персид. О.И.Смирновой. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 316.
2.144. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. с персид. Ю.П.Верховского. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 248 с.
2.145. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVI. — СПб.: Имп. Русское географическое об-во, 1907. — 591 с.
2.146. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. I–VII. — СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1872–1874. — 465 с.
2.147. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. — СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1884. — 466 с.
2.148. Сборник Русского исторического общества. Т. 116. — СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1902. — 496 с.
2.149. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. — СПб.: Гос. коллегия ин. дел, 1822. — 612 с.
2.150. Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. — СПб.: Имп. Археогр. комиссия, 1907. — 407 с.
2.151. Сибирские татары. Библиографический указатель. — Тюмень: Информационно-издат. агентство «Пульс», 1991. — 23 с.
2.152. Сыма Цян. Исторические записки (Ши-цзи). Пер с кит. и комм. В.В.Таскина и В.С.Таскина. Т. I. — М.: АН СССР, отделение истории, 1972. — 439 с.
2.153. Сыма Цян. Исторические записки (Ши-цзи). Пер с кит. и коммент. В.В.Таскина и В.С.Таскина. Т. II. — М.: АН СССР, отделение истории, 1975. — 579 с.
2.154. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: Типогр. Имп. АН, 1884. — 564 с.
2.155. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Т.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 308 с.

2.156. Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. — М.: Изд-во Г.Юдина, 1890. — 216 с.
2.157. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. — Ташкент: Восточное отд. Киргизского гос. изд-ва, 1925. — 63 с.+прил.
2.158. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 128 с.
2.159. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме: Пер. В.П.Юдина. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 292 с.
2.160. Фальк И. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание сочинений ученых, путешествовавших по России. Т. VI. — СПб.: Имп. АН, 1824. — 446 с.
2.161. Чжао Хун. Мэн-да бей-лу (Полное описание монголо-татар): Пер. с кит., введение, комм. и прил. Н.Ц.Мункуева. — М.: Наука, 1975. — 285 с.
2.162. Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг.: Пер. со старонем. Ф.К.Бруна. Изд., ред., примеч. З. М. Буниятова. — Баку: Элм, 1984. — 86 с.
2.163. Якубовский А.Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв. // Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. — Л., 1947. — С. 126–141.

3. Опубликованные источники на татарском языке

3.1. Мәрҗани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Җ. I. — Казан: Типогр. Б.Л.Домбровского, 1897. — 264 б.
3.2. Мәрҗани Ш. Мөстафад әл-ахбар фи әхвали Казан вә Болгар. Җ. II. — Казан: Типолитография Имп. университета, 1900. — 368 б.
3.3. Мәрҗани Шиһабетдин. Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелгән. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — 415 б.
3.4. Мәрьям Рахманкулова җырлый. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. — 42–43 б.
3.5. Рахим А. Татар дастаны тарихы. 2 нче басма. — Казан: Дәүләт нәшр., 1925.
3.6. Татар мифлары. 1нче китап. Г.Гыйльманов хикәяләвендә. Иляр. Ышанулар. Ырымнар. Фаллар. Им-томнар. Сынамышлар. Йолалар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. — 384 б.
3.7. Татар мифлары. 2нче китап. Г.Гыйльманов хикәяләвендә. Иляр. Ышанулар. Ырымнар. Фаллар. Им-томнар. Сынамышлар. Йолалар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. — 431 б.
3.8. Татар поэзиясе антологиясе. 1нче китап. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. — 543 б.
3.9. Татар поэзиясе антологиясе. 2 нче китап. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. — 511 б.
3.10. Татар халык иҗаты: 14 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1972–1988.
3.11. Татар халык иҗаты (ТХИ): Әкиятләр. 1 нче китап / Төз.: Х.Х.Гатина, Х.Х.Ярми. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. — 407 б.
3.12. Татар халык иҗаты (ТХИ): Әкиятләр. 2 нче китап / Төз.: Х.Х.Гатина, Х.Х.Ярми. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. — 447 б.
3.13. ТХИ: Әкиятләр. 3 нче китап / Төз. Л.Ш.Җамалетдинов — Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. — 360 б.
3.14. ТХИ: Йола һәм уен җырлары / Төз. И.Н.Надиров — Казан, 1980. — 319 б.
3.15. ТХИ: Тарихи һәм лирик җырлар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. — 487 б.
3.16. ТХИ: Бәетләр. Төзүчеләр (ТНТ: Баиты. Составили том Ф.В.Ахметова, И.Н.Нәдиров, К.Б.Җамалетдинова) — Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. — 352 б.
3.17. ТХИ: Дастаннар / Төз. Ф.В.Әхмәтова — Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. — 383 б.
3.18. ТХИ: Риваятьләр һәм легендалар / Төз. Л.Ш.Җамалетдинов — Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. — 36 б.
3.19. Фаәезханов Г. Мөхеррик әл-әфкәр. — Казан, 1893. — 22 б.
3.20. Фәхретдин Ризаэтдин. Асар. Ч. I–XV. — Оренбург, 1901–1908.
3.21. Фәхретдин Ризаэтдин. Асар. Т. II. — Ч. 10. — Оренбург, 1909.
3.22. Фәхретдин Ризаэтдин. Казан ханнары. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. — 189 б.
3.23. Фәхретдин Ризаэтдин. Болгар вә Казан төрекләре. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. — 287 б.

4. Источники, опубликованные на иностранных языках

4.1.Кашгари М. Турки сузлер дивани. — Тошкент, 1963.
4.2. Кашгари М. Диван лугат ат-турок. Факсимиле. — Анкара, 1941.
4.3. Witzen. Noord en Oost Tartarye. — Amsterdam, 1705.
4.4. Liu Mai tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ostturken. Buch I–II. — Wiesbaden, 1958.

4.5. Minorsky V. Hudud al-alam. — L., — P. 160.
4.6. Radloff W.W. Die altturkischen Inschriften in der Mongolei. — St. Pbg., 1894.
4.7. Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blattes aus meinem Tagebuch. Bd. I–II. — Leipzig, 1895.
4.8. Sibirya araştırmaları. Ayrbasim / Offprint. Hazirlayan: Emine Gursoy—Naskali. — İstanbul: Simurg, 1997. — 420 s.
4.9. Stralenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. — Stokholm, 1730.
4.10. Tomsen W. Inschriftions de' Orhon. MSFO. — Helsingfors, 1896.
4.11. Hablemitoglu Necip, Dr. Marlik Rusiasinda Turk kongreleri. (1905–1907) / Hablemitoglu Necip, Dr. — Ankara: Ankara Universitesi Basimevi, 1997. — 317 s.

5. Литература на русском языке

5.1. Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике: На материале тюркского говора дер.Эушта Томского района // Ученые записки Томского гос. пед. института. Т. XVIII. — Томск, 1959. — С.163–194.
5.2. Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях языкового смешения: На материале тюркского говора дер.Эушта Томского района: Автореф. дис. ... канд. филол. наук — Томск, 1960. — 14 с.
5.3. Авдеев И.И., Струкова И.П. Тобольские и тюменские татары: Историко-этнографический очерк // Журнал «Омская область». — 1937. — № 3. — С. 66–73.
5.4. Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире: Пер. с тюркского и джагатайского языка, вступ. статья и комментарий В.А.Панова. — М.–Л.: Academia, 1934. — 348 с.
5.5. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. — Ашхабад: Илым, 1969. — 295 с.
5.6. Адаев В.Н., Рахимов Р.А. Тюркско-угорские параллели в традиционных промыслах / / Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 248–249.
5.7. Адамов А.А. Позднесредневековые тюркские памятники Прииртышья // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. архитектурный музей-заповедник, 1998. — С. 4.
5.8. Адрианов С.А. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения — СПб., 1893. — № 4.
5.9. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 380 с.
5.10. Акулич М.М. Этническая толерантность и согласие // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 251–254.
5.11. Акманов Г.И. Башкирия в составе Русского государства в XVII — первой половине XVIII в. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — 151 с.
5.12.Александров В.А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII — начало XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1974. — С. 7–21.
5.13. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. — 317 с.
5.14. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск: Иркутское обл. кн. изд-во, 1941. — 611 с.
5.15. Алишев С.Х. Древний тюркский мир. — Казань: Институт истории АНТ, 2000. — 71 с.
5.16. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. — 159 с.
5.17. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начала XIX вв. — М.: Наука, 1990. — 266 с.
5.18. Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. — Казань: Казанский пед.институт, 1994. — 119 с.
5.19. Алишина Х.Ч. Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар: На материале Тюменской области: Дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 1999. — 626 с.

5.20. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар: На материале Тюменской области. Ч.1. — Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1999. — 240 с.
5.21. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар: На материале Тюменской области. Ч. 2. — Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1999. — 216 с.
5.22.Амирханов Р.М. Тюрко-татарская социально-философская мысль средневековья (XIII — середина XVI в.). — Казань: Институт истории АНТ, 2001. — 262 с.
5.23. Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907гг.). — М.: Наука, 1988. — 190 с.
5.24. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток–Запад»: на примере развития русской культуры. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. — 239 с.
5.25. Амирханов Р.У. Развитие татарского предпринимательства в начале XX в. (1901–1917 гг.) // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность: материалы научной конференции. — Чебоксары: Чувашия, 2000. — С. 228–251.
5.26. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. — Вып.1. XVII в. — М. – Л., 1960. — 280 с.
5.27. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири. Т.III. — Томск, 1887. — 352 с.
5.28. Андриевич В.К. История Сибири. Ч.1. — СПб.: Типография и литография В.В.Комарова, 1889. — 220 с.
5.29. Андриевич В.К. История Сибири. Ч.2. — СПб.: Типография и литография В.В.Комарова, 1889. — 487 с.
5.30.Андриевич В.К. Сибирь в XVIII столетии. Период от смерти Екатерины II до 1806 г. — СПб.: Типография и литография В.В.Комарова, 1889. — 298 с.
5.31. Андронников И.А. Материалы по землевладению и быту оседлых инородцев Тобольской губернии. — Тобольск: Губ. типография, 1911.
5.32. Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. — 242 с.
5.33. Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сборник музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. VIII. — Л., 1929. — С. 32–41.
5.34. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. — М.: Наука, 1976. — 372 с.
5.35. Арапов Д.Ю. Правила устройства духовной жизни татар-мусульман в Тобольском конном полку // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск.) — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 126—127.
5.36. Аржилоский В. Земля Казанская сегодня и вчера. Очерки по истории Казанского района Тюменской области. — Тюмень: Тюменская обл. типография, 1997. — 186 с.
5.37. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. — 1896. — Вып.III–IV. — С. 277–456.
5.38. Артамонов М.И. История хазар. — Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1962. — 523 с.
5.39. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — 303 с.
5.40. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Общество исследования Средней Азии. — Лондон, 1990. — 189 с.
5.41. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX вв. — Новосибирск: Наука, 1975. — 286 с.
5.42. Астраханские татары. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН. — Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. — 165 с.
5.43. Атлас истории Татарстана и татарского народа / Отв. ред. Р.Г.Фахрутдинов. — Казань — М.: Дрофа, 1999. — 65 с.
5.44. Ахатов Г.Х. Вопросы диалектологии тюркских языков. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1960.
5.45. Ахатов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар. — Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1963. — 195 с.
5.46. Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. — Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1977. — 76 с.
5.47. Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. — Л., 1961. — 14 с.
5.48. Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. — М.: АН СССР, 1965. — 195 с.
5.49. Ахметзянов М.И. О родстве сибирских татар с волжскими // Татарские края. — 2002.— № 4 (474).

5.50. Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Эллейады» и татарских дастанов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 168–171.
5.51. Ахметова Ф.В., Монасыпов Ш.Х. К вопросу о музыкальных инструментах сибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 136–145.
5.52. Ахмеров Г. Избранные труды. История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. — 238 с.
5.53. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. — М.: Наука, 1950. — 140 с.
5.54. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 41 с.
5.55. Базилевич К.В. Ярлык Ахмет-хана Ивану III // Вестник Московского ун-та. — 1948. — № 1.
5.56. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). — Тюмень; Москва: Институт проблем освоения Сибири, 2003. — 258 с.
5.57. Бакиева Г.Т. Расселение и численность татар Тюменского региона в XVII—XX вв. // Тобольский исторический сборник. — Тобольск: Тобольский гос. пед. институт, 1997. — Вып. 2. Ч. 1. — С. 104–110.
5.58. Бакиева Г.Т. Некоторые параллели в свадебной обрядности западно-сибирских татар и тюрков Южной Сибири // Археология и этнография Сибири и дальнего Востока. — Абакан: Обл. кн. изд-во, 1993. — С. 53–55.
5.59. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 10–22.
5.60. Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI — XIX вв. Тобольск: Типогр. ЗАО Штрих, 1997. — 222 с.
5.61. Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. — Казань: Фикер, 2004. — 159 с.
5.62. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. — Л.: Ленинградский институт живых восточных языков, 1925. 352 с.
5.63. Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского, с введением и указателем. — Л.: Наука, 1930. — 276 с.
5.64. Бартольд В.В. Бараба // Соч. Т.III. Работы по исторической географии. — М.: Наука, 1965. — 336 с.
5.65. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Соч. Т.II. Ч.1. Работы по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1963. — С. 169–433.
5.66. Бартольд В.В. Золотоордынские города (Астрахань, Дербент, Кафа, Крым, Сарай, Сибир ва Ибир, Судак, Хорезм) // Соч. Т.III. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. — С.313–553.
5.67. Бартольд В.В. Киргизы. — Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1927. — 57 с.
5.68. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 // Записки Императорской Академии наук. Сер.VIII, по историко-филологическому отделению. Т.I. — №4. — СПб.: Изд-во Имп. АН, 1897. — С. 21–97.
5.69. Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских памятниках // Журнал Министерства народного просвещения. — 1899. — Вып.9–10.
5.70. Бартольд В.В. Сочинения: В 9-ти томах. Т.I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 763 с.
5.71. Бартольд В.В. Соч. Т.II. Ч.1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 1020 с.
5.72. Бартольд В.В. Соч. Т.II. Ч.2. Работы по отдельным проблемам Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 655 с.
5.73. Бартольд В.В. Соч. В 9-ти томах. Т.V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М.: Наука, 1968. — 757 с.
5.74. Баскаков Н.Н. Введение в изучение тюркских языков. — М.: Высшая школа, 1966. — 383 с.
5.75. Баскаков Н.Н. Тюркские языки. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — 242 с.
5.76. Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — С. 3–55.
5.77. Бахрушин С.В. Завоевание Сибири: Стенограмма лекции проф. С.В.Бахрушина, прочитанной 4 марта 1938 г. — М.: Издание Ин-та усовершенствования педагогов, 1938. — 24 с.

5.78. Бахрушин С.В. Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом // Из истории колониальной политики русского царизма. — М.: Гос. изд-во по вопросам радио. — 1937. — 16 с.
5.79. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 375 с.
5.80. Бахрушин С. В. Пути в Сибирь в XVI — XVII вв. // Научные труды. Т.III. Ч.1. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 72–162.
5.81. Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 297 с.
5.82. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т.III. Ч.2. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 153–157.
5.83. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.III. Ч.1. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 15–162.
5.84. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Научные труды. Т.IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 194–214.
5.85. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XV–XVI вв. // Научные труды. Т.III. Ч.2. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 86–152.
5.86. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» Ремезова // Исторические известия. — 1916. — № 3–4. — С. 3–28.
5.87. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 49–85.
5.88. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории марийского края. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. — 191 с.
5.89. Бахтин А.Г. Об изучении истории Казанского ханства в высших учебных заведениях // Ученые записки Татар. гос. гуманит. ин-та. — Казань, 2003. — С. 10–14.
5.90. Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г.Кузеева. — Уфа, 1960. — 304.
5.91. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1986. — 247 б.
5.92. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной (История великих империй). Т.I. — Набережные Челны: Калкан, 1997. — 374 с.
5.93. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной (История великих империй). Т.II. — Набережные Челны: Калкан, 1997. — 351 с.
5.94. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки — потрясатели вселенной (История великих империй). Т.III. — Набережные Челны: Калкан, 1997. — 400 с.
5.95. Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов — Набережные Челны: Аяз, 1997. — 453 с.
5.96. Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск: Омское кн. изд-во, 1988. — С.153–156.
5.97. Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского ун-та // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. — С. 190–195.
5.98. Бенигсен А. Мусульманство в СССР // Панорама-форум. — 1995. — № 2–3. — С. 103–126.
5.99. Берг Л.С. Путешествия Н.М. Пржевальского. — М.; Л.: Школьная библиотека детгиз, 1952. — 76 с.
5.100. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. — М.; Л.: АН СССР, 1946. — 207 с.
5.101. Бернштам А. Очерки истории гуннов. — Л.: Госпросветиздат, 1951. — 254 с.
5.102. Берс А.А. Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. — М.: Работник просвещения. — 1936. — 132 с.
5.103. Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. — М.: Наука, 1974. — 374 с.
5.104. Бируни — великий ученый средневековья. — Ташкент: АН Уз.ССР, 1956. — 356 с.
5.105. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских // Труды Института этнографии. Т.XXXI. — М., 1956. — 458 с.
5.106. Богомолов В.Б. Современный орнамент сибирских татар // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: Тез. докладов по проблемам современного искусства и народного творчества. — Омск: Омское кн. изд-во, 1985. — С. 16–20.

5.107. Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С.206–210.
5.108. Богомолов В.Б., Томилов Н.А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (По материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1973. — С. 129–131.
5.109. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. ун-та. Т. 112. — Томск, 1950. — С. 24–210.
5.110. Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. — №3. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1953. — С. 34–40.
5.111. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1960. — 152 с.
5.112. Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. — 110 с.
5.113. Бояршинова З.Я. О начале присоединения Сибири к Русскому государству // Тезисы докладов и сообщений научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1960. — С. 126–133.
5.114. Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по истории Сибири. — Улан Удэ: Бурят-монгольское гос. изд-во, 1964. — С. 475–503.
5.115. Бояршинова З.Я. Книга записная. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. — 115 с.
5.116. Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. — С. 196–200.
5.117. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Харьков: Типогр. губ. правления, 1899. — 345 с.
5.118. Буцинский П.Н. К истории Сибири // Записки Харьковского ун-та. — 1893. №1. — С. 72–81.
5.119. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. — 207 с.
5.120. Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. Историко-этнографические очерки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. — 231 с.
5.121. Валеев Ф.Т. Из истории административного управления западносибирских татар (XVIII — начало XX в.) // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. — С. 170–184.
5.122. Валеев Ф.Т. Ислам // Земля сибирская и дальневосточная. — 1992. — № 7–8. — С. 6–7.
5.123. Валеев Ф.Т. К вопросу об этногенетических и этнокультурных контактах западносибирских татар с татарами Поволжья // Языки и топонимия. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 138–141.
5.124. Валеев Ф.Т. К этнической истории тарских татар // Из истории Сибири. — Вып. 16. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. — С. 216–222.
5.125. Валеев Ф.Т. Новые материалы по истории и этнографии сибирских бухарцев (о рукописях тарских бухарцев–переселенцев в Турцию) // Этническая история тюркских народов Сибири. — Омск: Омское кн. изд-во, 1992. — С. 31–34.
5.126. Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: История и культура // Культура народов России. Т.II. — Новосибирск: Наука. Сиб. издат фирма РАН, 1996. — 217 с.
5.127. Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар. — Казань: Иман, 1998. — 159 с.
5.128. Валиханов Ч. Собр. соч. В 5 томах. Т.I. — Алма-Ата: Гылым, 1961. — С. 142–168.
5.129. Валиханов Ч. Идиге (джир) // Валиханов Ч. Сочинения. — Спб.: Имп. АН, 1904. — С. 222–264.
5.130. Валиханов Ч. Заметки по истории южносибирских племен // Валиханов Ч. Собр. соч. Т.1. — Алма-Ата: Гылым, 1961. — С. 380–391.
5.131. Валиханов Ч. Извлечения из «Джами ат-таварих» // Валиханов Ч. Собр. соч. Т.1. — Алма-Ата: Наука, 1961. — С. 142–168.
5.132. Валиханов Ч. Избранные произведения. — М.: Наука, 1986.
5.133. Варваровский Ю.Е. Распад Улуса Джучи в 60–70-е гг. XIV в. (по данным письменных источников и нумизматики: Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1994. — 220 с.

5.134. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. С прил. перевода китайских известий о киданях. — СПб.: Вост. отд. Имп. Археол. об-ва, 1857. — 325 с.
5.135. Веденяпин П. Законодательные меры XVIII в. для обращения инородцев к православной вере в России // Руководство для сельских пастырей. — Киев. — 1866. — №24. — С. 249.
5.136. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. — СПб.: Типография Имп. АН, 1863. — 560 с.
5.137. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2. — СПб.: Типография Имп. АН, 1864. — 498 с.
5.138. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.3. — СПб.: Типография Имп. АН, 1866. — 502 с.
5.139. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.4. — СПб.: Типография Имп. АН, 1887. — 182 с.
5.140. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Сибири в XVII в. — М.: Наука, 1967. — 363 с.
5.141. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 223 с.
5.142. Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628 — 1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. — Новосибирск: Наука, 1965. — С.112–127.
5.143. Вольхина М.Г. Традиционная материальная культура казанских татар-переселенцев в Сибири (по материалам этнографической экспедиции 1996 г. в Нижнетавдинском районе) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — 1966. — Тюмень: Тюменский обл. краеведческий музей, 1998. — С. 120–126.
5.144. Вольхина М.Г. У татар Вагайского района. — Тюмень: Тюменский обл. краеведческий музей, 1992. — 234 с.
5.145. Вольхина М.Г. Из истории татарского просвещения в Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — 1993. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение РАН, 1997. — С. 109–122.
5.146. Вольхина И.В. Наружные болезни в народной медицине татарского населения Омского Прииртышья в конце XIX–XX вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2000. — С. 423–425.
5.147. Вопросы диалектологии тюркских языков. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1960. — 278 с.
5.148. Вопросы истории Сибири. Вып.2. —Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965. — 326 с.
5.149. Вопросы истории Сибири. Вып.3. —Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. — 336 с.
5.150. Вопросы истории Сибири. Вып.5. —Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. — 318 с.
5.151. Воробьев Н.И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). — Казань: Татгосиздат. Ред. научно-технической литературы, 1953. — 381 с.
5.152. Газиз Г. История татар / Ред. и предисл. Э.С. Кульпина и Ш.Ф.Мухамедъярова. — М.: Московский лицей, 1994. — 197с.
5.153. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. — М.: Наука, 1979. — 304 с.
5.154. Гарифуллин И.Б. Из истории хозяйственной жизни татарского населения Тюменской области. — Тюмень: Тюменский гос. институт развития регионального образования, 1996. — 61 с.
5.155. Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. — Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. — 217 с.
5.156. Гарифуллин И.Б. Зарубежные путешественники и участники научных экспедиций о сибирских татарах (В помощь изучающим историю Тюменского края). — Тюмень: Тюменский издательский дом, 1995. — 62 с.
5.157. Гарифуллин И.Б. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. По страницам истории сибирских татар. — Тюмень: Информационно-издательское агентство «Пульс», 1993. — 55 с.
5.158. Гарифуллин И.Б. Ямбай (Манчыл) авылы. — Мирас. 1995. — № 9. С. 158 — 160.
5.159. Герасимова Л.Б. К вопросу о взаимоотношениях русских и татар (по материалам экспедиции в село Усть-Тара Тарского района Омской области) // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 258–259.

5.160. Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып.I. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 185–225.
5.161. Главацкая Е.М. « Потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...»: Из истории этнорелигиозных контактов в Северо-западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культура народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г.). — Тобольск; Омск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С.156 — 160.
5.162. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. — 286 с.
5.163. Головнев А.В. Сибирские татары. Проблемы // Тюменская правда. — 1989, 13 апреля.
5.164. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. — Тобольск: Губ. типография, 1887. — 139 с.
5.165. Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. — Тобольск: Губ. типография, 1882. — 181 с.
5.166. Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Киев: Университетская типография, 1884.
5.167. Гордлевский В.А. Государство сельджуков в Малой Азии. — М.; Л.: АН СССР, 1941. — 200 с.
5.168. Города России. — СПб.: Центральный статистический комитет МВД России, 1914. — 907 с.
5.169. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. — Казань: Таткнигоиздат, 1941. — 206 с.
5.170. Горюшкин И.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. — Новосибирск, 1962. — 130 с.
5.171. Горюшкин И.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири в 1907–1914 гг. Хроника и историография. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. — 260 с.
5.172. Горюшкин И.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. — Новосибирск: Наука, 1975. — 160 с.
5.173. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. — М., 1966. С.146 –159.
5.174. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 479 с.
5.175. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 185–226.
5.176. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический словарь. — М.: Наука, 1981. — С. 81–89.
5.177. Григорьев А.П. Шейбаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. — № XI. — Вып. 27. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. — С. 160–182.
5.178. Гришин Я.Я. Польско-литовские татары. Наследники Золотой Орды. — Казань: Таткнигоздат, 1995. — 194с.
5.179. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и ее земледельческое освоение. — Новосибирск: Наука, 1965. — 267 с.
5.180. Громыко М.М. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства в период феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 4–37.
5.181. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник Ленинградского ун-та — 1966. — № 18.
5.182. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. — М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992. — 319 с.
5.183. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: Экопрос, 1993. — 576 с.
5.184. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°. 1992. — 511 с.
5.185. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — СПб.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1993. — 501 с.
5.186. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1990. — 279 с.

5.187. Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. — М.: Экопрос., 1992. — 334 с.
5.188. Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб.: Тайм-Аут – Компасс, 1993. — 220 с.
5.189. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1991. — 307 с.
5.190. Давлетшин Г. Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрков // Древнетюркский мир: история и традиции. — Казань: Институт истории АНТ, 2002. — С. 10–24.
5.191. Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. — Лондон, 1974.
5.192. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX и начало XX в. — Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та 1986. — С. 59.
5.193. Данилов В.Л. Из истории строительства омской мечети // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»(9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 165–166.
5.194. Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. — М.: Наука, 1976. — 200 с.
5.195. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Т.IV. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 392 с.
5.196. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917 — 1923 гг. 2-е изд., доп. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1983. — 318 с.
5.197. Дмитриева Л.В. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1951. — 11 с.
5.198. Дмитриева А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник Хунну в Забайкалье. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 111 с.
5.199. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1978. — С. 111.
5.200. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 622 с.
5.201. Достоевский Ф. Собр. соч. в 10-ти томах. Т.III. — М.: Гослитиздат, 1956. — 891 с.
5.202. Дремов В.А. Краниологические данные о происхождении томских татар // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». — Новосибирск: Наука, 1969. — С. 146–148.
5.203. Дремов В.А. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 18–20.
5.204. Дремов В.А. Антропологический состав и внешние связи чулымских тюрков по данным краниологии // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докладов по антропологии, археологии и этнографии. — Омск: Омское кн. изд-во, 1984. — С. 27–30.
5.205. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики: Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов. — М.: Наука, 1960. — 10 с.
5.206. Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // Ученые записки Томского гос. пед. института. Т.XV. — Томск: Изд. Томского ун-та, 1956. — С. 297–379.
5.207. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского гос. пед. института. Т.IX. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1952. — С. 127–334.
5.208. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского пед. института. 1958. Т.X. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1958. — С. 127–334.
5.209. Дульзон А.П.. О происхождении чулымско-татарского языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 9, 1956. — С. 99–103.
5.210. Дэн Чжи-чэн. История Китая на протяжении двух тысяч лет // Реферативный сборник. — 1956. — № 13.
5.211. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М: Наука, 1985. — 224 с.
5.212. Единство татарской нации. — Казань: Фэн, 2002. — 236 с.
5.213. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XIV. — Тобольск, 1904. — 146 с.

5.214. Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Вып.19. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 90–107.
5.215. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху: состав, занятия и повинности. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. — 252 с.
5.216. Емельянов Н.Ф. Движение русского населения Томского края в феодальную эпоху // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. — Вып.17. — С. 3–23.
5.217. Емельянов Н.Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII — первой четверти XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд ист. наук. — Томск, 1972. — 18 с.
5.218. Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири. — Вып.19. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 90–107.
5.219. Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 73–87.
5.220. Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири: К вопросу об этногенезе // Вопросы истории СССР — М., 1972. — С. 409–439.
5.221. Ермолаев И.П. Историческая хронология. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. — 247 с.
5.222. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. — Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1974. — 728 с.
5.223. Загидуллин И.К. Перепись 1897г. и татары Казанской губернии. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. — 223 с.
5.224. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое иссл. Вып.XVI. — Казань: Губ. типография, 1910. — 464 с.
5.225. Закиев М.З. Татары. Проблемы истории и языка. — Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, 1995. — 464 с.
5.226. Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1986. — 303 с.
5.227. Закиев М.З. К изучению проблемы возникновения и развития волго-камского языкового союза // Сущность, развитие и функции языка. — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1987. — С. 101–131.
5.228. Залалетдинов Л.З. Опорный диалект в образовании татарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку: АН Аз.ССР, 1968. — С. 36–50.
5.229. Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). — СПб.: Техническая книга, 1994. — 223 с.
5.300. Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVI–XIX вв.). — Ташкент: АН Уз. ССР, 1968. — 73 с.
5.301. Знаменский П. Казанские татары. — Казань: Центральная типография, 1910. — 224 с.
5.302. Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г.). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. — С.22–23.
5.303. Иванов П.Г. Томские татары: Материалы по обследованию томских карагасов летом 1927 г. // Труды изучения Томского края. — Томск: Томский университет, 1927. — Вып. 1. — С. 92–104.
5.304. Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. — М. — Л.: АН СССР, 1961. — С. 369–404.
5.305. Иванов С.В. Народный орнамент как исторический источник // Советская этнография. — 1968. — № 2. — С. 32–42.
5.306. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.) Народы Севера и Дальнего Востока. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 500 с.
5.307. Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещеного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 170—172.
5.308. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. — 126 с.
5.309. Ислам. Энциклопедический словарь.— М.: Наука, 1991. — 315 с.

5.310. Ислам в татарском мире: история и современность // Материалы международного симпозиумА. Казань, 29 апреля — 1 мая 1996 г. — Казань, 1997. — 378 с.
5.311. Исторические записки. — М.: АН СССР, 1947. Т.24. — 316 с.
5.312. Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1997. — 297 с.
5.313. История города Ялуторовска с древнейших времен: Учебное пособие для 7–10 классов. — Ялуторовск: городская типография, 1997. — 196 с.
5.314. История Башкортостана. Ч.1. С древнейших времен до 1917 г. — Уфа: Башкнигоиздат, 1991. — 349 с.
5.315. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). — Алматы: Дэуир, 2003. — 416 с.
5.316. История народов Узбекистана. Т.I. — Ташкент: АН Уз. ССР, 1948.
5.317. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.I. Древняя Сибирь. — М.: Наука, 1968. — 454 с.
5.318. История Сибири. Т.II. Сибирь в составе феодальной России. М.: Наука, 1968. — 538 с.
5.319. История Сибири. Т.III. Сибирь в эпоху капитализма. — М.: Наука, 1968. — 530 с.
5.320. История татар с древнейших времен в семи томах. Т.I. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — 551 с.
5.321. История Татарии. В материалах и документах. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 504 с.
5.322. История Татарской АССР. Т.I (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). — Казань: Таткнигоиздат, 1955. — 550 с.
5.323. История Татарской АССР. Т.II (От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней). — Казань: Татар. кн. изд-во, 1960. — 583 с.
5.324. История Татарской АССР (С древнейших времен до наших дней). — Казань: Таткнигоиздат, 1968. — 719 с.
5.325. История Татарской АССР. Второе, дополненное издание. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. — 254 с.
5.326. История Татарской АССР. Указатель литературы. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986. — 214 с.
5.327. История турок от начала турецкого народа до наших времен. Пер. с немецкого. — СПб.: Типография Карло Крайя, 1829. — 188 с.
5.328. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). — Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, 1993. — 161 с.
5.329. Источники по истории Татарстана (XVI—XVIII вв.). — Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, 1994. — 124 с.
5.330. Исхаков Д.М. Динамика, численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1995. — 141 с.
5.331. Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (VIII — начало XX в.). — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993. — 143 с.
5.332. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — середины XVI вв.) // Панорама-Форум. 1995. № 3. — С. 95–107.
5.333. Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. — Казань: Таткнигоиздат, 1993.
5.334. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань: Мастер Лайн, 1997. — 248 с.
5.335. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань: Мастер Лайн, 1998. — 275 с.
5.336. Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских государствах. — Казань: Иман, 1997. — 77 с.
5.337. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Отв. ред. канд. философ. наук Р.М.Мухаметшин. — Казань: Иман, 1997. — 80 с.
5.338. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-уральского региона: Принципы выделения, формирование, расселение и демография. — Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993. — 173 с.
5.339. Исхакова С.М. К вопросу о взаимоотношении языка татар — аборигенов Сибири и казанских татар // Из истории Сибири. Вып.16. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. — С. 220–222.

5.340. Исхакова С.М. Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке сибирских татар // Советская тюркология. 1973. — № 6. — С. 36–39.
5.341. Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья: конец XIX–начало XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004. — С. 24.
5.342. Казанская история. Под ред. Моисеевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 175 с.
5.343. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (сборник документов и материалов). Сост. Ф.Н.Киреев и др. — Алма-Ата: Изд. АН Каз. ССР, 1961. — 742 с.
5.344. Казачьи войска Азиатской России в XVIII–начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. документов. Сост. Н.Е.Бемаханова. — М.: Наука, 2000. — 431 с.
5.345. К 600-летию проникновения ислама в Сибирь // Сибирский трактат, 1993. — № 9.
5.346. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.I. — СПб.: Иждивение братьев Селениных, 1818. — 510 с.
5.347. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.VI. — СПб.: Иждивение братьев Селениных, 1819. — 433 с.
5.348. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х годов XIX в. 2-е изд. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. — 208 с.
5.349. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. — 318 с.
5.350. Каримуллин А.Г.Татарская книга пореформенной России: Исследование. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. — 319 с.
5.351. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — 324 с.
5.352. Катанаев Е.Г. Сибирское служилое казачество и его роль в занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып.I. Конец XVI — начало XVII столетия. — Омск: Омская обл. типография, 1899. — 352 с.
5.353. Катанов Н.Ф. Обзор правительственных и церковных распоряжений, касающихся обращения в христианство татар-мухаммедан (XIII–XVIII вв.) // Странник, 1886. Т.2. — С. 565–591.
5.354.Катанов Н.Ф.. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Ученые записки Казанского ун-та. 1894. Кн.3. — С.186–206.
5.355. Катановские чтения. Сборник статей. — Казань: Мастер Лайн, 1998. — 192 с.
5.356. Кимеев В.М. К этнической истории притомских татар — калмаков // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. — С. 82–84.
5.357. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.: АН СССР, 1951. — 643 с.
5.358. Книга записная. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. — 236 с.
5.359. Клюева В.П. К вопросу о деятельности следственной о татарах и бухарцах комиссии (середина XVIII в.) //Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск–Омск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 186–188.
5.360. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 265 с.
5.361. Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии. 1968–1969 гг.) // Тюркологический сборник. — 1972. — М., 1973. — С. 146–172.
5.362. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. — 1977. — М.: Наука, 1981. 236 с.
5.363. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. — СПб.: Наука, 2000. — 307 с.
5.364. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Материалы и исследования по археологии. 1955. — № 30. С. 135–156.
5.365. Кляшторный С. Формирование древнетюркской государственности: от племенного союза до первого Тюркского каганата // Панорама-форум. — №1. — Казань. — С. 118–127.
5.366. Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. — М.: Изд-во МГУ, 1964. — 174 с.
5.367. Колесникова А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. — Омск: Омское кн. изд-во, 1973. — 440 с.
5.368. Коников Б.А. К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI–VII вв. н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — С. 66–70.

5.369. Коников Б.А. О тюркском компоненте в культуре лесостепного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н. э. // Этническая история тюркоязычных народов и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. — Омск: Омское кн. изд-во, 1984. — С. 137–141.

5.370. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII — XVIII вв. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1968. — 168 с.

5.371. Корусенко С.Н. Этнический состав и межэтнические связи татар Среднего Прииртышья в конце XVIII–XX веках: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1996. — С. 24.

5.372. Корякова Л.Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры // Вопросы археологии Урала. — 1977. — Вып.14. — С. 46–52.

5.373. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. — 239 с.

5.374. Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. — Вып.VII. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. — С. 65–77.

5.375. Костров Н. Чулымские инородцы // Тобольские губернские ведомости. 1867. № 27–30.

5.376. Костров Н. Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. 1874. № 25, 27, 34, 37–38, 44.

5.377. Кочекаев Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. — Алма-Ата.: Наука, 1988. — 272 с.

5.378. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т.IV–V. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. — 918 с.

5.379. Кроль Ю.А. Сыма Цян — историк. — М.: Наука, 1970.

5.380. Ксенофонтов Г.Б. Урахай-сахалар. Очерк по древней истории якутов. — Иркутск: АН СССР. Сибирское отделение, 1973. — 576 с.

5.381. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М.: АН СССР, 1974. — 569 с.

5.382. Кузеев Р.Г., Моисеева Н.П. Об этнических связях тюркских народов Севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по этнографии. — Омск: Омское кн. изд-во, 1984. — С. 6–13.

5.383. Кузьмина Ф.С. Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XVIII–XIX в. // Из истории Сибири. Вып.1. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. — С. 186–201.

5.384. Кулешова Н.В. Материалы к изучению современного этнического состава барабинских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск: Омское кн. изд-во, 1988. — С. 102–106.

5.385. Кульпин Э.С. Путь России. — М.: Московский лицей, 1995. — 200 с.

5.386. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1972. — С. 156–275.

5.387. Кумеков Б.Е. Этнокультурные контакты кипчаков и татар по арабо-персидским источникам // Тезисы XXIX сессии международной алтаистической конференции. — М., 1981. С.124–129.

5.388. Кутумова Р.С. Известные земляки в истории татарского просвещения (конец XIX — 60-е годы XX вв.) //Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. — С. 203–205.

5.389. Кызласов И.Л. Грамотность и образованность в эпоху рунического письма // Сибирские татары. Материалы 1–го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14–18 декабря 1998 г.). — Тобольск, 1998. — С. 32–33.

5.390. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасо-Минусинской котловины. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. — 197 с.

5.391. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 211 с.

5.392. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М.: Высшая школа, 1984. — 167 с.

5.393. Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология, 1997. — №1. — С. 23 –30. 5.283.

5.394. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Изд-во Красноярского ун-та, 1992. — 244 с.

5.395. Лайпанов К.П., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. — Черкесск: Карачаевско-черкесское кн. изд-во, 1993. — 256 с.

5.396. Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В. Изучение материальной культуры русского населения Сибири. (XVIII–XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры Сибири. — М.: Наука, 1974. — С. 22–109.
5.397. Левашова В.П. Вознесенское городище Барабинского округа // Советская археология. 1956. Т.13. — С. 341–351.
5.398. Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология. — 1950. Т. 6. — С. 341–351.
5.399. Левочкина Н.А. Отражение этнокультурных связей в хореографическом искусстве барабинских и тарских татар // Этническая история и культура народов Советской страны. — Омск: Омское кн. изд-во, 1991. — С. 121–126.
5.400. Лосева З.К., Томилов Н.А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири — Томск: Томское кн. изд-во, 1980. — С. 18–32.
5.401. Лотфуллин И.М., Ислаев Ф.Г. Джихад татарского народа. — Казань, 1998. — 151 с.
5.402. Лукина Н.В., Томилов Н.А. Этнографические коллекции музея истории материальной культуры Томского Государственного ун-та // Происхождение аборигенов Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. — С. 165–166.
5.403. Малов С.Е. О татарских мечетях в России // Православный собеседник. — 1867. Кн. 12; — 1868. Кн. 1.
5.404. Малов С.Е. О новокрещенской конторе. — Казань: Университетская типогр., 1878. — 206 с.
5.405. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951.
5.406. Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. — Ойротское кн. изд-во. 1947. — 211 с.
5.407. Мандельштам А.М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. хакану ал-Джахиза // Труды Института истории, археологии, этнографии АН Каз. ССР. Т. I. Археология, 1956. С. 125–161.
5.408. Марджани Шихабуддин. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV Археологического съезда. Т. 1. Ред. С.М.Шпилевский и др. — Казань: Типогр. Казанского ун-та, 1884. — С. 40–58.
5.409. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 319 с.
5.410. Матвеева Л.Н. О погребальном обряде саргатских могильников Приишимья // Проблемы изучения саргатской культуры — Омск: Изд-во Омского ун-та, 1991. — С. 16–20.
5.411. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. — Новосибирск: Наука, 1993. — 495 с.
5.412. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Исследования П.И.Соколова и В.Н.Горемыкина. — Вып. IV. — СПб., 1889.
5.413. Материалы по истории Татарии. Вып. I. — Казань: Татгосиздат, 1948. — 487 с.
5.414. Материалы по истории татарского народа. — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1995. — 496 с.
5.415. Материалы по истории уйгур в XII в. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1975. — 236 с.
5.416. Матющенко В.И. Об отношении саргатского населения к так называемому скифо-сибирскому единству // Проблемы изучения саргатской культуры. — Омск: Изд-во Омского ун-та, 1991.
5.417. Махмутова Л.Т. О некоторых татарско-куманских параллелях (по материалам фонетики и грамматики) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. — С. 176–191.
5.418. Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codecus Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. — С. 56–86.
5.419. Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. — 1938. — № 6. — С. 61–82.
5.420. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII. — СПб., 1899. — С. 91–116.
5.421. Меньшиков В.А. Начало тюркизации населения Приомья и Среднего Приобья //

Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. — С. 124–132.
5.422. Миддендорф Н.Б. Бараба // Записки Академии наук. Т. XIX. № 2. — СПб.: Издание АН, 1871 — С. 91–124.
5.423. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала...по сии времена. — СПб.: Имп. АН, 1787. — 406 с.
5.424. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 607 с.
5.425. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 637 с.
5.426. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. — Новосибирск: Наука, 1975. — 308 с.
5.427. Миненко Н.А. О семье татар Западной Сибири в первой половине XVIII–XIX в. // Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 143–155.
5.428. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX вв. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. — 321 с.
5.429. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). — М.: Мысль, 1970. — 391 с.
5.430. Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 242–248.
5.431. Могильников В.А. К проблеме тюркизации Притомья // Происхождение аборигенов Сибири и их языка. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 137–177.
5.432. Могильников В.А. Начало тюркизации населения Притомья и Среднего Приобья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1973. — С. 82–84.
5.433. Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // Советская археология, 1965. — № 1. — С. 275–282.
5.434. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск.: Изд-во Томского ун-та, 1983. — С. 82–84.
5.435. Моисеева Г.Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбика «Казанской истории» // Труды отдела древнерусской литературы. Института русской литературы. Т. 12. — Л., 1956. — С. 174–187.
5.436. Монашкина Н.А. Традиционная хореография барабинских татар // Этнические и социально-культурные процессы народов СССР. Кн. 2. — Омск: Омское кн. изд-во, 1990.
5.437. Московкин В.В. 1917 г. в Тобольской губернии // Вестник Тюменского ун-та. История. Вып. 1. — Тюмень: Изд-во Тюменск. ун-та, 1996. — С. 35–42.
5.438. Мурад Аджи. Европа, тюрки, Великая Степь / Аджи Мурат. — М.: Мысль, 1998. — 334 с.
5.439. Мухаммадиев А.Г. Туранская письменность: Проблемы лингвоэтноистории татарского народа. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1995. — 231 с.
5.440. Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М. Мелиоранского. Под наблюд. и с предисл. приват-доцента А.Н.Самойловича. — СПб.: Электро-печатня И.М.Бораганского, 1908. — 272 с.
5.441. Мухаммедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1972. — 247 с.
5.442. Мухаммедъяров Ш.Ф. К истории ранних этнических контактов Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в связи с проблемой тюркизации // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1974. — С. 103–107.
5.443. Мухамметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX — начало XX вв. — М.: Наука, 1977. — 183 с.
5.444. Мухамметшин Ю.Г. Этнографическое своеобразие хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. — С. 86–114.
5.445. Мягков И. Предание о княгине Томе и Ушае (Из истории г. Томска) // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 158–164.
5.446. Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1995. — 145 с.
5.447. Народное образование в г.Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. III. — С. 14–19.

5.448. Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Сборник статей. — Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. — 148 с.
5.449. Народы, кочующие вверху Енисея // Сибирский вестник. — СПб., 1818. Ч. 1. Картина Сибири. — С. 184–187.
5.450. Народы России. Энциклопедия. — М.: Научное издание Большая Российская энциклопедия, 1994. — 479 с.
5.451. Народы Сибири. Из серии «Народы мира». — М.; Л., 1956. — 1083 с.
5.452. Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. — 268 с.
5.453. Насонов А.Д. Турецкие кочевники в XV–XVII вв. // Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов в Москве. — М., 1960.
5.454. Наш край. — Тюмень: Средне уральское кн. изд., 1966. — 296 с.
5.455. Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области. 1917–1970 гг. — Свердловск: Уральское кн. изд-во, 1973. — 415 с.
5.456. Небольсин П.И. Покорение Сибири: Историческое исследование. — СПб.: Типография И.Глазунова и К.°, 1849. Т. 60. — С. 225–266.
5.457. Нестеров А.Г. Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV — XVII вв.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. — М., 1968. — 14 с.
5.458. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. Начало освоения Сибири русскими людьми. — М.: Наука, 1987. — 173 с.
5.459. Новиков Н.И. Религия народов Западной Сибири (Программа сбора этнических сведений.) // Программы и вопросники по этнографии. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 16–26.
5.460. Новое в этнографических исследованиях татарского народа. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. — 123 с.
5.461. Оглоблин Н.И. Сибирская дипломатическая миссия XVII в. // Исторический вестник. 1861. — № 10.
5.462. Огородников В.И. Очерки истории Сибири до XIX столетия. Ч. I. История дорусской Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1920. — 289 с.
5.463. Огородников В.И. Очерки истории Сибири до XIX столетия. Ч. II. Завоевание русскими Сибири. — Владивосток, 1924. — 291 с.
5.464. Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–VIII вв. — Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1920. — 45 с.
5.465. Огородников В.И. Из истории инородческих волнений в Сибири (Заговор и восстание западно-сибирских инородцев в 1658–1636 гг.). — Чита: Типография обл. союза работников кооперативов, 1922. — 20 с.
5.466. Оксенов А. Сибирское царство до эпохи Ермака (Князья и ханы сибирских татар): Этнографический состав и политический строй позднейшего Сибирского ханства // Томские губернские ведомости. — 1888. — № 14–16, 18.
5.467. Оксенов В.А. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал МВД. — 1892. — № 2. — С. 46–59.
5.468. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. — 112 с.
5.469. Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Ч. 2. — Омск: Омское кн. изд-во, 1995. — 251 с.
5.470. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1972. — 321 с.
5.471. Павлов П.Н. Место пушного промысла среди других отраслей хозяйства Сибири в XVIII в. // Из истории Сибири. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1969. — Вып. I. — С. 36–42.
5.472. Палашенков А. Материалы к археологической карте Омской области. // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. — С. 95–101.
5.473. Паркер З.Х. Тысяча лет из истории татар. 2-е изд., перераб. Пер. и комм. В.С.Мирзаянова. — Казань: Идель-Пресс, 2003. — 288 с.
5.474. Пермские татары. — Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. — 169 с.
5.475. Пигнатти В.М. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск: Губернск. типография, 1915. — Вып. XXV. — С. 76–85.
5.476. Плетнева Л.М. О культурной и этнической принадлежности памятников Томского Приобья V–VIII вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — С. 90–93.

5.477. Плетнева С.А. Хазары. — М.: Наука, 1976. — 197 с.
5.478. Плетнева С.А. Половцы. — М.: Наука, 1990. - 195 с.
5.479. Плетнева Л.М. Тоянов городок (По раскопкам М.П.Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 65–72.
5.480. Полная история Чингис-хана, составленная из татарских летописей и других достоверных источников. Издал В.Горлов. — СПб.: Типография Э.Праца, 1846. — 271 с.
5.481. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. — СПб.: Имп. АН, 1824. — 426 с.
5.482. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. XI. Западная Сибирь. — С. 29–33.
5.483. Потанин Г.Н. Официальное празднование 300-летия Сибири // Исторический вестник. 1882. Т. 10. — № 12. — С. 726–727.
5.484. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтение в обществе истории и древностей Российских. Кн. 2. — М., 1868. — С. 90–99.
5.485. Потанин Г.Н. Бараба // Живописная Россия. Т. XI: Западная Сибирь. — СПб.; М.: Изд-во Вольфа, С. 97–106.
5.486. Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыге // Живая старина: год седьмой. — СПб: Имп. Русское географическое об-во, 1898. Вып. III и IV. — С. 293–350.
5.487. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. — 319 с.
5.488. Потапов Л.П. О национальной консолидации народов Сибири // Вопросы истории. 1955. № 10. — С. 59–66.
5.489. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI–XVIII вв. — М.: Наука, 1972. — 302 с.
5.490. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарским государством в XIII–XVI вв., 1239–1598 гг. (От битвы на р.Сить до покорения Сибири). Справочник — М.: Международные отношения, 2000. — 192 с.
5.491. Природные условия центральной части Западно-Сибирской равнины. Под ред. Г.В.Добровольского, Б.М.Сергеева и А.С.Герасимовой. — М.: Изд-во МГУ. 1977. — 212 с.
5.492. Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики: Материалы научного семинара. 16–20 сентября 1989 г., Астрахань. — Астрахань: Обл. кн. изд-во. — 80 с.
5.493. 50 лет Тюменской области. Очерки по истории Тюменской области. — Тюмень: Тюменская обл. типография, 1994. — 289 с.
5.494. Рабцевич В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVII — первых десятилетиях XIX столетия // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения). — Новосибирск: Наука, 1973. — С. 234–244.
5.495. Радищев А.Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. II. — М.; Л.: Наука, 1941. — 632 с.
5.496. Рамазанова Д.Б. К истории формирования языка пермских татар. — Казань: ИЯЛИ им.Ибрагимова АНТ, 1996. — 235 с.
5.497. Рашитов Ф.А. История татарского народа с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие для национальных школ, гимназий и лицеев. — Саратов: Детская книга, 2001. — 286 с.
5.498. Рахимова А.Р. История юрт Ембаевских // Янарыш, 1997, 16 мая.
5.499. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII — первой половины XIX в. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. — 296 с.
5.500. Рыскулов Т., Бройдо Г. Восстание казахов и киргизов в 1916 г. — Лондон: The Societufor Central Asian Studies, 1989. — 198 с.
5.501. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 404 с.
5.502. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 205 с.
5.503. Русско-монгольские отношения. 1607–1637 гг. — М.: АН СССР, 1959. — 94 с.
5.504. Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. 2-е изд., испр. и дополн. — Казань: Типография Имп. ун-та, 1895. — 60 с.
5.505. Сануков К.Н. Проблемы изучения присоединения народов Поволжья к Русскому государству // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. — Казань, 2003. № 11. — С. 42–47.

5.506. Сатлыкова Р.К. Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар // Проблемы истории СССР. Вып. V. — М., 1976. — С. 102–114.
5.507. Сатлыкова Р.К. Вопросы исторической демографии тарских татар по материалам ревизских сказок (1795–1858 гг.) // Проблемы истории СССР. — Вып. VIII. — М., 1979. — С. 146–160.
5.508. Сатлыкова Р.К. Татары Среднего Прииртышья. Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1986. — С. 19.
5.509. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. — М.: Инсан, 1996. — С. 277–526.
5.510. Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры / А.Г.Селезнев. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1994. — 176 с.
5.511. Сесюнина М.Г. К вопросу о возникновении сибирского областничества // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. — Томск: Изд-во Томского ун-тата, 1965. — С. 27–34.
5.512. Сибирские татары: история и современность (Материалы научно-практической конференции 17–18 июня 1990 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 1990. — 64 с.
5.513. Сибирские татары. Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов западной Сибири (14–18 декабря 1998 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 1998. — 226 с.
5.514. Сибирские татары. — Казань: Институт истории АН РТ, 2002. — 239 с.
5.515. Синодик ермаковым казакам // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи. — Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. — С. 380–381.
5.516. Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1951. — С. 141–156.
5.517. Ситнянский Г.Ю. Об одной неясности в политической истории тоболо-иртышских татар конца XVI — начала XVIII вв. // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск: Омское кн. изд-во, 1988. — С. 52–53.
5.518. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. — Л.: Ленинградский пед. институт, 1962. — С. 69.
5.519. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1982. — 253 с.
5.520. Словцов И.Я. Кто был Кучум? // Восточное обозрение, 1882. — № 39–41.
5.521. Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1887. — № 24.
5.522. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. С 1585 по 1742 г. — СПб.: Типогр. А.Семена, 1838. — 589 с.
5.523. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. II. С 1742 по 1823 г. — СПб.: Типогр. А. Семена, 1844. — 524 с.
5.524. Смирнова С.Ю. Одежда татарского населения Среднего Тоболо-Иртышского междуречья в конце XIX — первой трети XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 1998. — 21 с.
5.525. Соболев В. И. Вознесенское городище — памятник середины 2 т. л. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 179–190.
5.526. Советская историческая энциклопедия. Т. IX. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 1000 столб. с илл.
5.527. Соловьев С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. I–II. — М.: Мысль, 1988. — 797 с.
5.528. Соловьев С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. III–IV. — М.: Мысль, 1988. — 765 с.
5.529. Соловьев С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. V–VI. — М.: Мысль, 1989. — 783 с.
5.530. Софронов В.Ю., Савкина Е.Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 233–235.
5.531. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VII–XIII вв. — М.: Наука, 1965.
5.532. VII Сулеймановские чтения — 2004. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. — Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2004. — 106 с.

5.533. VIII Сулеймановские чтения — 2005. Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2005. — 201 с.
5.534. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975. — 303 с.
5.535. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. — Алматы: Атамура, 2002. — 319 с.
5.536. Суслова С.В. Западно-сибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. — Казань: Ин-т истории АНТ, 2002. — С. 114–126.
5.537. Сыркина И.А. Фольклор тобольских татар как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей населения северного Притоболья // Этногенез и этническая история тюркоязычного населения Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 133–135.
5.538. Татарская нация: история и современность. — Казань: Магариф, 2000. — 823 с.
5.539. Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. Материалы научно-практической конференции: Казань, 4 октября 2002 г. — Казань: Ин-т истории АНТ, 2002. — 303 с.
5.540. Татары-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. Под ред. С.В.Тихвинского. — М.: Наука, 1977. — 503 с.
5.541. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967. —537 с.5.415.
5.542. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. — М.: Географиздат, 1950. — 248 с.
5.543. Теляшов Р. От индийцев и гуннов до Золотой Орды. — СПб.: Санкт-петербургская панорама, 2001. — 246 с.
5.544. Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. — Вып. 19. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. — С. 108–147.
5.545. Титова З.Д. И. Фишер и его историко-этнографические материалы о народах Сибири (по неопубликованным материалам. Сер. XVIII в.) // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. — Омск: Омское кн. изд-во, 1986. — С. 96–101.
5.546. Тихомиров В.В., Софиано Г.А. 200 лет со дня рождения академика И.Г.Гмелина // Известия АН СССР. Серия геологическая, 1955. — № 2.
5.547. Тихомирова М.Н. Использование мяса в традиционной пище татар Среднего Прииртышья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002 г., Тобольск)». — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 484–485.
5.548. Тихонов С. Завоевание Сибирского ханства // Сибирские огни. — 1941. — № 3. — С. 127–135.
5.549. Тобольский хронограф. — Омск: Омское кн. изд-во, 1993. — 296 с.
5.550. Тобольский исторический сборник. Вып I. Тобольск: Тобольский гос. пед. институт, 1994. — 324 с.
5.551. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. — 271 с.
5.552. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. — 208 с.
5.553. Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. — С. 137–160.
5.554. Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: хозяйство и материальная культура. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. — 200 с.
5.555. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — в первой четверти XIX вв. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. — 276 с.
5.556. Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей. Полевые работы 1969 г. // Из истории Сибири. — Вып. I. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. — С. 103–145.
5.557. Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. Вып. 16. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. — С. 178–205.
5.558. Томилов Н.А., Валеев Ф.Т. Татары Западной Сибири. История и культура // Культура народов России. Т. II. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 217 с.
5.559. Томсон Дж. История древней географии. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. — 592 с.

5.560. Трепавлов В.В. Мангут – Мангыт – Ногай: трансформация этноса и его имени // Труды международной конференции в трех томах, июнь 1993 г., Казань: языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. III. — М.: Инсан, 1997. — С. 25–26.
5.561. Трепавлов В.В. Тайбуга — «На Мангытском Юрте третий государь» // Tatarica. 1997/98. — № 1. — С. 96–107.
5.562. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М.: Изд. фирма «Восточная литература». — 751 с.
5.563. Троицкая Т.Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I т.л. н.э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск: Изд-во Томского университета, 1973. — С. 183–185.
5.564. Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк // Труды Института этнографии. Новая серия. — М. — Л., 1947. Т. 1. — С. 195–215.
5.565. Тунманн. Крымское ханство. — Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1936. — 105 с.
5.566. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1977. — 293 с.
5.567. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар / Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1992. — 255 с.
5.568. Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1979. — С. 223–228.
5.569. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. — 1852 с.
5.570. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. — 255 с.
5.571. Тычинских З.А. Служилые казаки Кульмаметевы в XVIII в. // Сибирские татары: Материалы 1-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск) — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 117–119.
5.572. Тюменская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1979 г. — Тюмень: Тюменская правда, 1978. — 134 с.
5.573. Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — 224 с.
5.574. Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. — С. 3–4.
5.575. Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2003. — 586 с.
5.576. Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII в. Очерк внешнеполитических отношений // Ученые записки Барнаульского гос. пед. института. Т. 18. — Барнаул, 1972. — С. 103–143.
5.577. Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар // Сибирские татары. — Казань: Институт истории АНТ, 2002. — С. 126–129.
5.578. Урманчеев Ф.И. Героический эпос татарского народа. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. — 310 с.
5.579. Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих преданий по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. — Новосибирск: Наука, 1979.
5.580. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. — 224 с.
5.581. Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XVI вв. — Казань: Изд - во Казанского ун-та, 1979. — 318 с.
5.582. Успеньев Г.И. Тюркоязычное население в составе Сибирского казачьего войска в XIX в. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: Омское кн. изд-во, 1983. — С. 124–130 с.
5.583. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. — М., 1947. — С. 241–265.
5.584. Файзрахманов Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань: Мастер Лайн, 2000. — 187 с.

5.585. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. — Казань: Фэн, 2002. — 487 с.
5.586. Файзрахманов Г.Л. Некоторые аспекты насильственной христианизации татар во второй половине XVI–XVII вв. // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань: ИЯЛИ им Г.Ибрагимова, 1994. — С. 108–115.
5.587. Файзрахманов Г.Л. Экономическая и духовная жизнь сибирских татар и пришлого русского населения в XVII — первой половине XVIII вв. // Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения: Материалы науч.-практич. конф., Казань, 4 октября 2002 г. — Казань: Ин-т истории АНТ, 2003 г. — С. 241–256.
5.588. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар с древнейших времен до начала XX в. // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 580–582.
5.589. Файзрахманов Г.Л. Взаимоотношения Сибирского и Казанского ханств // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования. — Казань: Фэн, 2002. — С. 135–141.
5.590. Файзрахманов Г.Л. Из истории борьбы угро-финских, тюркских и восточносибирских народов за независимость в XVII в. // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). — Тобольск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2003. — С. 244–250.
5.591. Файзрахманов Г.Л. О литературной жизни сибирских татар в XVII — XIX веках // Сулеймановские чтения – 2004 г.: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. — Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2004. — С. 86–88.
5.592. Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы (к 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — С. 96–122.
5.593. Файзрахманов Г.Л. Главнейший народ Сибири // Научный Татарстан. — 2004. № 3. — С. 136–142.
5.594. Файзрахманов Г.Л. Тайбугины и шибаниды в Западной Сибири. Из взаимоотношений Казанского, Тюменского ханств и Ногайской орды в XV в. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. — Казань: Институт истории им Ш.Марджани, 2004. — С. 129–142.
5.595. Фатеева М.Б. Религиозные верования сибирских татар. Образы духов — хозяев // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск: Омское кн. изд-во, 1988. — С. 106–107.
5.596. Фатхи А. Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. — Вып. VI. Татарское народное творчество. — С. 17, 18. Рукопись № 1405.
5.597. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Ч. I. Древность и средневековье: Учебник для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев. — Казань: Магариф, 1995. — 254 с.
5.598. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — 216 с.
5.599. Фахрутдинов Р.Г. Кочевой мир средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в. // Татарская археология. 1998. — № 2 (3). — С. 25–46.
5.600. Фахретдин Ризаэтдин. Ханы Золотой Орды. Пер. Султана Шамси. — Казань: Татар.кн. изд-во, 1996. — 127 с.
5.601. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 180 с.
5.602. Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. Отв. ред. С.А.Плетнева. — М.: Наука, 1981. — С. 229–336.
5.603. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. — М.: Искусство, 1976. – 228 с.
5.604. Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. — Казань: Университетская типогр., 1866. — 266 с.
5.605. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. — СПб.: Имп. АН, 1774. — 632 с.
5.606. Фукс Карл. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. — Репринтное воспроизведение. — Казань: Фонд ТЯК, 1991. — 210 с.

5.607. Фролов Н.К. Этнонимы тюркского происхождения в русской топонимии Тюменского Зауралья // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Отв. ред. Н.Н.Алеврас. — Челябинск: Обл. кн. изд-во, 1995. — С. 119–125.
5.608. Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии: конец XVIII — первая треть XIX в. — Казань: Ин-т истории им Ш.Марджани, 2002. — 223 с.
5.609. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. — 159 с.
5.610. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — 221 с.
5.611. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза народов Среднего Поволжья. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1976.
5.612. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. — Казань: Фэн, 1994. — 164 с.
5.613. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. — М.: Наука, 1969. — 395 с.
5.614. Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западносибирских татар // Сибирские татары. — Казань: Ин-т истории АНТ, 2002. — С. 59–86.
5.615. Халиков Н.А. Архаичные постройки сибирских и поволжских татар // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 429–431.
5.616. Хамидуллин Б.Л. Из глубины столетий. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. — 271 с.
5.617. Хамидуллин Б. Народы Казанского ханства: Этносоциологическое исследование. — Казань: Татар. кн. изд-во, — 2002. — 265 с.
5.618. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. — М.: Инсан, 1996. — С. 75–279.
5.619. Хондемир. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Перевод с персидского, предисловие и прим. В.Григорьева / Хондемир. — СПб.: Типогр. К.Крайя, 1834. — 159 с.
5.620. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / М.Г.Худяков. — Казань: Гос. изд-во, 1923. — 308 с.
5.621. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. С предисловием М.А.Усманова. — Казань: Фонд ТЯК, 1990. — 310 с. +карта.
5.622. Храмова В.В. Заболотные татары // Известия всесоюзного географического общества, 1950. Т. 82. — Вып. 2. — С. 174–183.
5.623. Храмова В.В. Западно-сибирские татары // Народы Сибири. — М.; Л.: Наука, 1956. — С. 473–491.
5.624. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. — 186 с.
5.625. Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX — начале XX вв. // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Европы (9–11 декабря 2002 г., Тобольск. — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 244–246.
5.626. Шакуров Ф. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 г. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. — 127 с.
5.627. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. — 127 с.
5.628. Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. — Казань: Институт истории АНТ, 2002. — С. 144–154.
5.629. Шашков С.С. Рабство в Сибири // Дело. — 1869. — № 1;
5.630. Шашков С.С. Исторические этюды. Т. II. — СПб.: Изд. Н.А.Шигина, 1872.
5.631. Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Исторические этюды. Т. II. / С.С.Шашков. — Спб.: Изд-во Н.А.Шигина, 1872. — С. 136–172.
5.632. Шашков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. — СПб., 1867. Т. 175. №10. — С. 575–591.
5.633. Шиле. Татарское племя // Природа и люди. — 1879. Январь. № 1, 2.
5.634. Шнайдштейн Е.В. О происхождении астраханских татар // Материалы II краевед-

ческой конференции. Отв. ред. Е.В.Шнайдштейн. — Астрахань: Обл. кн изд-во, 1989. — С. 24–32.
5.635. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. — В.И.Шунков. — М.: Изд-во АН СССР, 1974. — С. 104.
5.636. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XXVIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 228 с.
5.637. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 432 с.
5.638. Щапов А.П. Сочинения. Т. I. — СПб.: Изд-во Пирожкова, 1906. — 803 с.
5.639. Щапов А.П. Сочинения. Т. II. — СПб.: Изд-во Пирожкова, 1906. — 620 с.
5.640. Щапов А.П. О развитии высших человеческих чувств // Отечественные записки. 1872. Т. 204 (29). № 10. — С. 44–73.
5.641. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. — Сургут: Северный дом, 1993. — 376 с.
5.642. Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по этнографии. — Омск: Омское кн. изд-во, 1984. — 246 с.
5.643. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования: Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань: ПИК Дом печати, 2002. — 247 с.
5.644. Юрцовский Н.С. Очерки истории просвещения Сибири. Вып. I. — Новониколаевск: Гос. изд-во, 1923. — 321 с.
5.645. Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости, 1861. — № 35–45. Отдельный оттиск. Хранится в Тюменской областной научной библиотеке.
5.646. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб.: Издание П.М.Сибирякова, 1891. — 308 с.
5.647. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. — СПб.: Издание П.М.Серебрякова, 1892. — 720 с.
5.648. Ядринцев Н.М. Западно-Сибирская низменность // Россия. — СПб., 1884. — Т. II. — С. 245–266.
5.649. Язвицкий В. Иван — государь всей Руси. Т. 2. — М.: Московский рабочий, 1947. — 324 с.
5.650. Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VII–X вв. // Советская этнография, 1947. № 3.
5.651. Ярмухаметов Х.Х., Ахметова Ф.В. Некоторые итоги и задачи собрания и изучения фольклора сибирских татар // Тезисы докладов итоговой научной конференции ИЯЛИ за 1972 г. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. — С. 176–179.
5.652. Яхонтов В.В. Традиционные поселения сибирских и поволжских татар // Тюркские народы: Материалы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2002. — С. 510–511.
5.652. Яхин Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнаме» («Книга наставлений») // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). — Тобольск; Омск: Тобольский гос. архитект. музей-заповедник, 2002. — С. 601–602.

6. Литература на татарском языке

6.1. Алишев С.Х. Казан ханлыгы тарихыннан. — Казан: Раннур, 2003. — 131 б.
6.2. Алишев С.Х. Татар халкының оешуы // Мирас. — 1991. — № 1.
6.3. Атласи Һ. Себер тарихы. — Казан, 1912. — 131 б.
6.4. Атласи Һади. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. — 447 б.
6.5. Әмирхан Р., Имамов В. Татарларның Ватан сугышы. — Яр Чаллы: КАМАЗ газета-китап нәшрияты, 1993. — 80 б.
6.6. Әхмәтвәли Мәңгәр. Хатирәләр // Гасырлар авазы — Эхо веков — 1997. — 175 б.
6.7. Әхмәтҗанов М. Дастаннар Ватаны. — Казан: Мәгариф, 1999. — 159 б.
6.8. Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Идел. — 1993. — № 12.
6.9. Әхмәтҗанов М.И. Татар халкы оешуда нугайларның катнашы // Идел. — 1992. — № 3–4.

6.10. Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. — Казан: Мәгариф, 2002. — 343 б.
6.11. Әхмәтҗанов М.И. Себер ханлыгына кагылышлы билгесез татар чыганаклары // Фән һәм тел. — 2003. — № 2.
6.12. Әхмәтҗанов М.И. Билгесез татар чыганаклары // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3–4.
6.13. Әхмәтҗанов М.И. Данлы кыз Тукбикә // Фән һәм тел. — 2003. — № 2.
6.14. Әхмәтҗанов М.И. Билгесез татар чыганаклары // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3–4.
6.15. Баттал Г. Казан төркиләре. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. — 189 б.
6.16. Баязитова Ф.С. Себер татарлары (Рухи мирас: гаилә, көнкүреш, йола терминологиясе). — Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. — 309 б.
6.17. Борынгы татар әдәбияты. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. — 575 б.
6.18. Газиз Г. (Гобәйдуллин). Татар тарихы. — Казан, 1923. — 296 б.
6.19. Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — 335 б.
6.20. Вәлиди Әхмәд-Зәки. Кыскача төрек-татар тарихы. — Казан: Электро-типография «Миллять», 1917. — 160 б.
6.21. Вәлиди Әхмәд-Зәки. Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче җөзьә. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. — 181 б.
6.22. Госманов Миркасыйм. Гасырдан гасырга. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. — 488 б.
6.23. Дәфтәре Чыңгыз-намә. — Казан: Иман. — 44 б.
6.24. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. — 510 б.
6.25. Дәүләт Надир. Русия төркиләренең милли көрәш тарихы / (1905–1907) / Киңәйтелгән вә төзәтелгән төрекчә икенче басмадан тәрҗемә. — Казан: Милли китап нәшрияты, 1998. — 399 б.
6.26. Җәләй Л. Татар диалектологиясе. — Казан: Татгосиздат, 1947. — 256 б.
6.27. Зәкиев М.З. Төрки-татар этногенезы. — Казан; Мәскәү, 1998. — 622 б.
6.28. Ибраһимов Габдрәшит. Дәүре галәм (Дөнья тирәли). — Казан: Иман, 2001. — 131 б.
6.29. Ибраһимов Габдрәшит. Тәрҗемәи хәлем. — Казан: Иман, 2001. — 136 б.
6.30. Илаһи бәйет // Мирас. — 2001. — № 8.
6.31. Ишбулдин Б.Ә. Татарлар тарихы. — Казан: Раннур, 2003. — 159 б.
6.32. Илдан белән Гөлдан // Мирас. — 2002.— № 8.
6.33. Исхаков Д.М. Идел-Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихындагы уртаклыклар // Мирас. — 1998. — № 3.
6.34. Мәҗмугыл хикәят. Борынгы татар прозасы. 1 китап.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. — 447 б.
6.35. Мөхәммәдиев Ә.Г. Һуннар һәм Туран язмалары. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. — 123 б.
6.36. Ногманов М. Мәскәү боярларының татарча язылган грамотасы // Татар теле һәм әдәбияты. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. — 204–205 б.
6.37. Надиров И.Н. Йола поэзиясе // Татар фольклор жанрлары. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1978.
6.38. Рамазанова Д.Б. Себер диалектлары материалларыннан. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. — 135 б.
6.39. Сибгатуллина А. Нәкышбәнди суфи тәрикате // Мирас. — 1977. — № 7.
6.40. Сибгатуллина А. Хужа Әхмәд Ясәви һәм ясәвия тарикате // Мирас. — 1994. — № 7, 8.
6.41. Татар әдәбияты тарихы. Т. I. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.— 420 б.
6.42. Тимер батыр // Фән һәм тел. — 2003. — № 2.
6.43. Туган Әхмәтзәки Вәлиди. Башкорттардың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. — Өфө: Китап, 1994. — 350 б.
6.44. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. — Казан, 1961.
6.45. Тумашева Д.Г. Тобол сөйләшенең үзенчәлекләре // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 119. — Кн. 6. — Казань, 1959. — С. 161–184.
6.46. Урманче Ф. Идегәй. Нурсолтан. Сөембикә. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. — 173 б.
6.47. Фәйзрахманов Г.Л. Себердә һәм Үзәк Азиядә борынгы төрки дәүләтләр. (В процессе издания в изд. Магариф): Монография. — 195 б.

6.48. Фәйзрахманов Г.Л. Татар җирләрен басып алу // Мирас. — 1997. — № 2.
6.49. Фәйзрахманов Г.Л. Себер татарлары. Кемнәр алар? // Фәнни Татарстан. — 2003. — № 2.
6.50. Фәхретдинов Р.Г. Татар тарихы. (Кыскача басма). — Казан: Мәгариф, 1999. — 111 б.
6.51. Хаков В.Х. Очерки по истории татарского литературного языка (на тат. яз.). — Казань: Изд-во Казанск. ун-та. — 120 с.

7. Литература на иностранных языках

7.1. Adile Ayda. Etruskler (Tursakalar) Türk ideler — Ankara, 1992.
7.2. Adile Ayda. Etrskler'le Isketler arasinda Benzerliler // VIII Türk tarih kongresi. — Ankara, 1979.
7.3. Anadel Cemal, Prof., Dr. Orta Asia Türk Devletleri Tarihı. — Istanbul: Kamer yayınları, 1996. — 464 s.
7.4. Azade Ayshe Rorlich. The Volga Tatars. A Profile National Resilience. — Rorlich Azade Ayshe. — Stanford, California: Hoover Institution press, 1986. — 288p.
7.5. Battal Taymas. Kazan Türkleri. — Istanbul, 1925.
7.6. Cordier. Historie generalede la Chine Vol I. — Paris, 1920.
7.7. Lewestowski W. Na sibirskim zestaniv. — Warshawa, 1929.
7.8. Hammer-Purgstall Jvon. Geschichte der Goldenen Horde in Ki ptschak, Das ist: Der Mongolen in Russland. — Pesth: C.A.Hartlebens Verlag, 1840. — 686 S.
7.9. Schamiloglu U. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Shihabetdin Marcani and the image of Golden Horde // Central Asian survei, 9/2. — Oxford, 1990. — 39 — pp.
7.10. Seferoglu Shukru Kaya, Muderisoglu Adnon. Türk Deyletleri Tarihı. (Etnologik bir Deneme) // Azerbeycan Kultur Dernegi Yayınları. № 21. — Ankara, 1986.
7.11. Zeki Jelidi Togan. Umumi Türk Tarihina gırıs. 3 baski. — Istanbul, 1981.
7.12. Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blotter aus meinem Tagebuch. — Lei pzig, 1884.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические

АН СССР — Академия наук СССР

АНТ — Академия наук Татарстана

БСЭ — Большая Советская энциклопедия

ВНОТ — Вестник научного общества Татароведения

ВУС — Верхотурский уездный суд

ДАИ — дополнения к актам историческим

ГАИО— Государственный архив Иркутской области

ГАОО— Государственный архив Омской области

ГАРФ— Государственный архив Российской Федерации

ГАТО— Государственный архив Тюменской области

ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова

КГУ — Казанский государственный университет

КГПИ — Казанский государственный педагогический институт

КНЦ РАН — Казанский научный центр Академии наук СССР

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ— Полное собрание русских летописей

РАН — Российская Академия Наук

РГАДА — Российский Государственный архив древних актов

РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив

РГИА— Российский Государственный исторический архив

РГАОР — Государственный архив Октябрьской революции

РИБ — Российская историческая библиотека

Сб. РИО — Сборники Русского исторического общества

СИВКТ — Собственная его императорского величества канцелярия типографии 2-го отделения

СП — Сибирский приказ

СО — Сибирское отделение

ТНТ — татарское народное творчество

ГАТОТ — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

ТХИ — татар халык иҗаты (татарское народное творчество)

SUMMARY

Based on numerous sources of rich material of historiography the author briefly illustrates complicated landmarks of history of the Old Turkic tribes and states created by them: Khunskiy kaganat, the State of yenisei kirghiz which are predecessors of later ethnopolitical formations of the Siberian Tatars. Processes of settling of Western Siberia by Turkic are traced.

The history of West-Siberia Tatars takes the basic place in the monograph. On the basis of the Rich historical material the history of the Turkic -Tatar states of Western Siberia: Ishimskiy, Tyumen and Siberian khanates are illustrated. Preconditions and consequences of a conquest Siberian khanate by Russian state are stated.

All major aspects of the material, cultural and public life, social status of the Siberian Tatars in structure of the Russian state are illustrated systematically and in a complex. Siberian Tatars after a gain of their state turned out to be in the structure of the huge multinational state. But the gain of the Siberian khanate by the Russian state had many negative consequences for the Siberian Tatars.It detained economic and spiritual development of the Siberian Tatars for many years but historical development of people wasn' t interrupted. They have been involved in a channel of a new economic life. In the second half of the XIX-th century commodity-money relations have penetrated into all sides of an economic life of the Siberian Tatar village. The complicated problems of their ethnogeny are widely illustrated. The role of natives from Central Asia-bukhartsy and Volga region — Ural Tatars in ethnogenetic processes is shown.

For the first time in a historiography the complex analysis of a religious politics of the Russian state in Western Siberia is carried out. In the XVII-th century and till seventieth years of the XVIII-th century the Russian government and Russian orthodox church pursued a policy of creation in Siberia the multiethnic and monoconfessional population by christianisation and russifications, and after a failure of this politics, the Russian governors had to evolve the confessional politics, since empress Ekaterina II to use Islam in carrying out internal and foreign policy.

Problems of moving of various ethnographic groups of the Siberian Tatars, their complicated promblem ethnogeny are considered.

The Islam introduced among the Siberian Tatars in the end of the XIV century remained the big uniting force for the Siberian Tatars. Despite of lacking their theie own statehood, Siberian Tatars developed own traditional culture, created the system of education including initial and high school, preparation of teachers and religious figures. Siberian Tatars appeared their own poets and writers.

The author considers the history of the Siberian Tatars as the part of the history of Tatar people on the whole.

РЕЗЮМЕ

Күп санлы чыганакларга һәм тарихи хезмәтләргә таянып, автор кыскача борынгы терки кабиләләр һәм алар тарафыннан төзелгән, Көнбатыш Себер татар ханлыкларының элгәрләре булган дәүләтләр: Сөн каһанлыгы, Бөек Төрки каһанлыгы, Уйгыр каһанлыгы, Кимәк каһанлыгы һәм Енисей кыргызлары дәүләтенең катлаулы тарихи вакыйгаларын яктырта. Бу хезмәттә шулай ук Көнбатыш Себергә төркиләрнең килеп урнашу процесслары да әзлекле тикшерелә.

Монографиядә төп урынны көнбатыш себер татарлары тарихы алын тора. Бай тарихи материал нигезендә Көнбатыш Себердәге төрки-татар дәүләтләр: Ишим, Төмән, Себер ханлыклары тарихы бәян телә. Себер ханлыгының Рус дәүләте тарафыннан яулап алынуның алшартлары һәм нәтиҗәләре яктыртыла.

Себер татарларының Россия дәүләте составында җисми, мәдәни һәм иҗтимагый тормышы, социаль хәленең барлык әһәмиятле аспектлары системалы һәм комплекслы күрсәтелә. Үз ханлыклары яулап алынгач, себер татарлары зур һәм күн милләтле дәүләт эчендә кала. Ләкин Себер ханлыгының Россия тарафыннан яулап алынуы себер татарларын күп тискәре нәтиҗәләргә китерә. Ул себер татарларының икътисади һәм рухи үсешен күп елларга тоткарлый, әмма халыкның тарихи үсеше тукталмый. Алар хуҗалык итүнең яңа агымына кушыла. XIX гасырның икенче яртысында себер татар авылының барлык тарафларына да товар-акча мөнәсәбәтләре үтеп керә. Хезмәттә аларның урнашу һәм этногенезының катлаулы процесслары яктыртыла, бу этногенетнк процессларда Көнбатыш Себергә килеп, шунда яшәп калган Урта Азия халыклары — бохарлылырның һәм Идел-Урал буе татарларының роле ачыклана.

Тарих фәнендә беренче мәртәбә Россия дәүләтенең Көнбагыш Себердә үткәргән дини сәясәтенә комплекслы анализ ясала. XVII гасырда һәм XVIII гасырның 70 елларына кадәр Россия дәүләте һәм рус православие чиркәве христианлаштыру һәм руслаштыру аркылы Себердә бер милләтле һәм бер динле халык ясау сәясәте үткәрә, бу сәясәт җимерелгәч, Россия идарәчеләре үзләренең дини сәясәтен үзгәртергә мәҗбүр була. Император Екатерина II дән башлап алар ислам динен үзләренең әчке һәм тышкы сәясәтен үткәрүдә файдалана башлый.

Себер татарлары арасына XIV гасырның ахырында кертелгән ислам дине алар өчен зур берләштерү көче булып кала. Үз дәүләтләре булмауга карамастан, себер татарлары үзләренең традицион мәдәниятын үстерә, башлангыч һәм урта белем бирүгә, укытучылар һәм дин әһелләре әзерләүгә сәләтле мәгариф системасын булдыра. Себер татарлары арасыннан үз шагыйрьләре, әдипләре үсеп чыга.

Автор себер татарлары тарихын бөтен татар тарихының бер өлеше итеп карый.

Научно-популярное издание

Файзрахманов Габдельбар Лутфиевич

ИСТОРИЯ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Казань. Татарское книжное издательство. 2007

Редактор *М.С.Гатин*
Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н.П.Клиповой*
Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 13.06.2007. Формат 70×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «School Book». Печать офсетная. Печ. л. 35,10+вкл. 1,95. Усл. кр.-отт. 44,85.
Уч. изд. л.34,44+вкл. 2,0. Тираж 1000 экз. Заказ С-648.

ГУП Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.
http://tatkniga.ru
e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ГУП издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.